ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ · ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1872.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Отъ редакціи. — Подписка на 1872-й годъ, за расходомъ всѣхъ полныхъ экземпляровъ, прекращена.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Thirty-sixth tome

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

Seventh year

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

Vol. 4

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

I. —
II. —
III. —
IV. —
V. —
VI. —
VII. —
VIII. —
IX. —
X. —
XI. —
XII.
XIII.
XIV.
XV.
XV
XVI
XVII
XIX

Отъ

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ

Очерки изъ современнаго крестьянскаго быта.

Въ декабрѣ, кажется, 1868 года, по дорогѣ изъ села Спасскаго въ деревню Хохловку ѣхали, мелкой рысцой, двое мужчинъ. Одинъ въ дубленомъ тулупѣ и сѣрой бараньей шапкѣ, другой—въ лисьей шубѣ, крытой порыжѣлою нанкою и въ шапкѣ изъ черныхъ смушекъ.

— Экой, право, народецъ! Сколько давали приказовъ, чтобъ вѣшки поставить, и ни одной не видать; а тутъ отвѣчай за все передъ начальствомъ, говорилъ мужчина въ дубленомъ тулупѣ, надвигая шапку до самыхъ глазъ.

— Слабо поступаете, Платонъ Петровичъ, отозвался на эту рѣчь другой спутникъ. Кабы пугнули старосту рубликомъ—вотъ и были бы вѣшки.

Платонъ Петровичъ почему-то вдругъ распахнулся и не безъ достоинства поправилъ, висѣвшій на груди, знакъ волостного старшины. Онъ стегнулъ кнутомъ по лошади, и сани быстрѣй покатились подъ горку. Не вдалекѣ показались занесенныя снѣгомъ избы; послышалась перекличка бабъ, заскрипѣли ворота и, нырнувъ около ракиты въ ухабъ аршина въ два глубиною, Платонъ Петровичъ съ своимъ спутникомъ, писаремъ, очутились на улицѣ деревни Хохловки, возлѣ крыльца сельскаго старосты, Прохора Иванова. Изъ избы глянулъ мальчёнка и тотчасъ же скрылся, за нимъ высунулась молодая, красивая баба, съ засученными по локоть рукавами, и потомъ маленькій, съ рѣдкою русою бородкою, мужикъ, пристегивая на ходу къ полушубку бляху, знакъ сельскаго старосты.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

— Что-жъ, православные, укажите, кого, по вашему, слѣдуетъ на первую ставку, кого на вторую, вымолвилъ старшина, приподымаясь съ лавки.

Всѣ молчали.

— Выбирайте по-божьему, чтобы никому, значитъ, обиды не было, продолжалъ онъ.

Мужики упорно молчали.

Старшина видимо терялъ терпѣнье.

— Али вы оглохли, прости Господи, крикнулъ уже онъ, вылѣзая изъ-за стола и такъ близко подвинулся къ Егору, что тотъ даже попятился... Тройники есть у васъ? спросилъ онъ.

— Есть!

— А четверники?

— И четверники, Платонъ Петровичъ, есть, кричала, протискиваясь впередъ, какая-то баба; у Еремкиныхъ четыре брата; что же вы, міръ православный, молчите.

— Пустое она несетъ, разомъ послышалось нѣсколько голосовъ; Еремкины въ отдѣлѣ еще до воли... Ваньку Козлова на первую, Никишку старостина—на вторую, крикнули, наконецъ, сзади, и этого было совершенно достаточно, чтобы въ избѣ мгновенно поднялась суматоха. Трудно было разобрать, что именно говорили: чаще и громче другихъ словъ повторялись: двойникъ, тройникъ, Ванька Козловъ, старостина семья, послуга, фитанецъ; начинались уже легонькія перебраночки, а двѣ бабы совсѣмъ даже уклонились отъ настоящаго предмета и попрекали другъ друга какимъ-то прядевомъ.

— Будетъ вамъ горло-то драть, черти, перекричалъ наконецъ всѣхъ Егоръ, обращаясь къ той половинѣ, которая отстаивала Ивана Козлова; самъ же Егоръ принадлежалъ къ партіи старосты.

Голоса стали мало-по-малу стихать.

— Вотъ что, православные, обратился Егоръ уже ко всему міру: старостину семью можно ослобонить, потому у нихъ была послуга.

— Отцы родные, пожалѣйте хоть сколько-нибудь, ослобоните до меньшенькаго, взмолился староста, кланяясь чуть не до полу и старшинѣ, и Егору, и всему міру.

— Ослобонить! закричалъ Егоръ.—Ослобонить до меньшого сына, повторило за нимъ нѣсколько голосовъ, и староста началъ кланяться еще ниже. Ваньку Козлова на первую, крикнулъ опять Егоръ. На первую! подхватила большая половина; на вторую, на вторую! кричали съ другой стороны, не законъ Козловыхъ на первую.

Поднялся опять-было гвалтъ; но старшина скоро догадался.

— Становись на двѣ части, приказалъ онъ; кто желаетъ Козлова на первую—иди къ печкѣ; кто на вторую—иди сюда, показалъ онъ рукою въ противоположную сторону; но когда принялись повѣрять голоса, то всѣ оказались около печки.

— Всѣ, стало быть, назначаютъ Козлова на первую очередь? съ удивленіемъ спросилъ старшина.

— И то будто всѣ, подивились даже и сами православные.

— Пиши, Захаръ Андреичъ, на первую ставку Ивана Козлова, приказалъ старшина.

На вторую очередь назначили Михея Безпалаго, и то дѣло скоро кончилось потому только, что изъ Семенова двора прибѣжали за малымъ — ѣхать въ Спасское за священникомъ — дѣдушка Уколъ кончался. Изба опустѣла: остались, кромѣ старшины и писаря, только Егоръ, кумъ Панфилъ да дядя Трифонъ.

— А что, молодка, не пора ли въ печь заглянуть, время бы, кажись, поснѣдать, обратился кумъ Панфилъ къ той самой женщинѣ, которая встрѣтила старшину съ засученными рукавами.

— Грунь, а Грунь! застонала на печи старуха.

— Что тебѣ, бaунька? отозвалась молодка.

— Дай-ка испить водицы... смерть головоньку разломило... да ты не суетись... подь-ка сюды!

Груня, жена большого сына старосты, Никифора, о которомъ было столько споровъ на сходкѣ, зачерпнула воды и поднесла старухѣ.

— Правда ли, что Уколъ помираетъ? спросила та, хлебнувъ раза два изъ корца.

— Правда, баушка, правда, отвѣтилъ Трофимъ; за попомъ уѣхали.

— Отъ кашля, что-ль? вновь спросила старушка.

— Кто-жъ его вѣдаетъ... знамо, смерть пришла, замѣтилъ Панфилъ, усаживаясь за столъ, на которомъ стояла уже чашка со щами.

— И чудной же былъ этотъ Вуколъ, продолжалъ Панфилъ. Помню, я еще махонькій былъ, прислали его сюда господа изъ другой вотчины въ скотники; а затѣмъ и прислали, что добре охочь былъ на кулачки биться, ну и зашибъ тамъ кого-то изъ дворовыхъ.

— Какъ же попалъ онъ въ Семеновъ дворъ? спросилъ старшина.

— Записали его господа по ревизіи въ Тихонову семью, ну,

онъ тамъ и считался; а тутъ стали послѣ Тихона сыновья дѣлиться, что̀ было тоже спору за старика—никто его на свою часть не беретъ; ужъ міромъ предѣлили Семену; корову ему за то положили.

— Небось, у него своей казны хватитъ, вставила-было на печи старуха, да ей никто не отозвался и трапеза продолжалась молча. Вставалъ только Прохоръ, обносилъ гостей передъ каждою перемѣною стариннымъ кабачнымъ стаканчикомъ, съ двухвершковымъ дномъ, и хотя Платонъ Петровичъ всякій разъ отказывался, увѣряя, что окромя краснаго онъ ничего не потребляетъ, но усердный хозяинъ все-таки просилъ пригубить, и дѣйствительно старшина прикладывалъ стаканчикъ къ губамъ, а затѣмъ водку выпивалъ уже Захаръ Андреичъ.

На улицѣ проскрипѣли сани. Прохоръ глянулъ въ окно, и хотя сквозь ледяную кору стекла трудно было что-нибудь разглядѣть, но привычный глазъ тотчасъ примѣтилъ высокую, не крестьянскую шапку.

— Батька, что-ли? спросилъ кто-то.

— Батька!

— Одначе скоро, замѣтилъ старшина и, помолясь на образъ, поблагодарилъ хозяина за хлѣбъ-соль; остальные гости сдѣлали то же. Захаръ Андреичъ принялся укладывать бумаги, а Платонъ Петровичъ и мужички вышли на дворъ запрягать лошадь.

— Смотри же, робята, хлопочите, то-есть какъ не можно, на счетъ податей, приказывалъ старшина, усаживаясь въ сани.

— Соберемъ, Платонъ Петровичъ; до единой копѣечки соберемъ, дѣло стало за погодой, увѣряли мужики и, проводивъ начальство до самой околицы, воротились опять въ избу старосты Прохора. Никифоръ, его сынъ, мигомъ слеталъ въ Протасьевку, и старинный кабачный стаканчикъ снова заходилъ по рукамъ собесѣдниковъ. Выпилъ за хлопоты и самъ Никифоръ, выпила Груня съ босоногимъ мальчёнкой; выпила даже бабка на печи; всѣ стали участниками семейной радости.

Пришелъ Семенъ попросить тесинку на гробъ, и Семену поднесли; зашелъ дьячекъ, Яковъ Васильевичъ, чутьемъ узнавшій, что у Прохора выпивка — поднесли и дьячку, да и прогуляли такимъ образомъ чуть не до пѣтуховъ.

А на другомъ концѣ деревни, въ семьѣ Ивана Козлова, никто въ этотъ вечеръ даже и хлѣба не трогалъ. Дорòгой еще, возвращаясь со сходки, Матрена принялась ругать своего мужа, безотвѣтнаго Ерофея, за то, что онъ не умѣлъ отстоять сына; а придя домой ни съ того, ни съ сего кинулась на невѣстку—Прасковью; но Иванъ вступился за жену и тутъ уже Матрена

не выдержала: накипѣвшее у нея горе полилось наконецъ обильными слезами и нескладными причитаньями. Прасковья тоже голосила на всю избу, а Ерофей взялся-было свить оборочку къ новымъ лаптямъ, но работа не ладилась; вмѣсто пеньки ему мерещилась почему-то рыжая борода волостного писаря, а въ ушахъ такъ и звенѣло: на первую ставку Ивана Козлова! Онъ поправилъ нагорѣвшую лучину и вышелъ на дворъ. Ночь была свѣтлая, морозная.

Изъ-подъ навѣса выглядывали поднятыя оглобли саней; Ерофей подошелъ къ нимъ и вспомнилъ, что сани эти приготовлены ѣхать на мельницу, вчера испекли послѣднюю муку. «А овинъ опять остался не высушенъ», подумалъ Ерофей и прошелъ къ другому углу навѣса. Десятокъ овецъ, плотно прижавшись другъ къ другу, зарылись въ солому; тутъ же, согнувшись и дрожа отъ холода, стояла, понуря голову, пестрая корова. Ерофей погладилъ ее по взъерошенной шерсти и невольно подумалъ: «чего бы, кажись, еще желать отъ Бога; хлѣбушка, почитай, до новины хватитъ, повинности справимъ, жить бы надо... а тутъ—экое горе!..»

Онъ отворилъ ворота и безсознательно, подвигаясь шагъ за шагомъ, словно ошибкой вошелъ въ избу Семена. Слабый огонекъ желтенькой восковой свѣчки, прилѣпленной къ образу, чуть освѣщалъ только передній уголъ; на широкой лавкѣ лежалъ дѣдушка Уколъ, прикрытый концемъ новой холстины, изъ-подъ которой выглядывали костлявыя ноги покойника; тутъ же на полу прилаживалъ Семенъ дно къ гробу. Никто не горевалъ о старикѣ.—Божье опредѣленіе, говорилъ Семенъ Ерофею; притащился со сходки, закашлялся, да и сталъ помирать; батьку-то привезли, ужъ онъ безъ языка лежалъ, такъ и пріобщали его все одно, какъ малаго ребенка.

— Хоронить завтра будете? спросилъ Ерофей.

— Не управимся! теперь поди-ка, небось, до талой земли не скоро докопаешься, а онъ, вишь какой, Христосъ съ нимъ, вытянулся долгій.

Да, пожалуй, безъ малаго три аршина будетъ, сказалъ Ерофей, вымѣряя глазами покойника.

— То-то-жъ и дѣло! А ты подсоби ужъ, хоть малость, порыться, вдругъ попросилъ Семенъ.

— Что-жъ, можно! равнодушно отвѣтилъ Ерофей и отправился домой.

На другой день хохловцы дружно принялись молотить овесъ; надобно было платить подати, собирать волостные, некрутскіе; денегъ, по выраженію мужиковъ, требуется куча, а потянуть не за что. «Навались, бей, сильнѣй, крѣпче», покрикивали кое-гдѣ молотильщики и вслѣдъ затѣмъ еще чаще и громче стучали цѣпы по оледенѣвшимъ токамъ, подымая на воздухъ пыль да мелкую соломку.

Солнце было уже высоко, когда Прохоръ только-что вышелъ на работу; Никифоръ съ Груней настилали другую веревку.

— Бѣжи, невѣстка, домой, мальченка блажитъ, приказалъ онъ, и Груня, бросивъ нерастрясенный снопъ, торопливо пошла въ деревню.

На дворѣ еще было слышно, какъ заливался ребенокъ, доказывая своимъ крикомъ и крѣпость груди и здоровье легкихъ.

— Сынушко, сыночка, нѣжно приговаривала Груня, разстегивая на ходу шубу и, схвативъ крикуна холодными руками, положила его къ теплой груди. Мальчуганъ на минуту умолкъ, но потомъ принялся кричать еще громче. Груня переложила его на другую руку, однако и тутъ видно пожива была тоже плохая.

— Дай ему соску, посовѣтовала свекровь.

И то знать лучше соску дать, подумала Груня, тоскливо оглядывая ребенка, который сердито теребилъ рученками пустую грудь матери.

— Всѣ что-ли на токахъ? спросила старуха, когда Груня, успокоивъ сынишку, присѣла къ столу и взялась за краюшку хлѣба.

— Должно всѣ; Козловыхъ только не видать.

— Что такъ?

— А кто ихъ вѣдаетъ; Ерофей-то недавнушко проѣхалъ съ Семеномъ; а Матренка, сказывали, гдѣ тебѣ, еще утричкомъ прошла, куда-то туда. Груня показала рукой.

— Въ Гулино, видно?

— Можетъ и въ Гулино!

Дѣйствительно, Матрена въ эту минуту была уже не далеко отъ Гулина. Она остановилась на Малашкиномъ взволочкѣ перевести духъ и, будто, невольно обернулась назадъ. Узкой полосою тянулась дорога, изрѣдка обставленная соломенными вѣшками; кругомъ было мертво и пустынно, только стая воронъ съ крикомъ кружилась надъ свѣжей еще падалью.

«Ужъ ли онъ такъ-таки ничего не пожалѣетъ, думала Матрена, представляя себѣ осанистую фигуру своего свата, Андрея Силыча. Разскажу ему все до подлинности; такъ молъ и такъ,

сватушка, наши съ тобой дѣтищи погибаютъ, защи своей милостью...» Но вмѣстѣ съ тѣмъ ей чудилась полновѣсная рука Силыча и сердце замирало отъ страха.—Мать Пресвятая Владычица, Микола угодникъ, помоги мнѣ, громко проговорила баба осѣнивъ себя православнымъ крестомъ и тронулась дальше... Изъ-за бугра показалось крыло вѣтряной мельницы; вотъ словно окунулось оно въ снѣгъ, а на его мѣсто выплываетъ другое, за нимъ третье, и черезъ нѣсколько минутъ передъ Матреной кружилась гулинская вѣтрянка; влѣво раскинулся покрытый инеемъ садъ, а дальше виднѣлись зеленая крыша господскаго дома и длинный порядокъ крестьянскихъ построекъ. Матрена сразу отличила избу Андрея Силыча, примѣтила даже высунувшуюся изъ воротъ кудластую голову чалой кобылы.—А хоть и побьетъ, что-жъ за диковина, утѣшила себя баба, невольно прибавляя шагу. Оказалось — однако, что Андрей Силычъ еще третьяго дня уѣхалъ въ городъ, *дѣлать* съ сычевскимъ бариномъ *бумагу* на покупную землю, и дома не знали, когда онъ воротится. Эта неожиданная новость какъ будто обрадовала Матрену.—Жена Силыча, сватья Катерина—баба жалостливая; она хоть выдумать ничего не съумѣетъ, за то съ нею поплакаться можно, соображала Матрена, и безъ дальнихъ околичностей принялась разсказывать сватьѣ, какъ нежданно-негаданно взяли да и записали Ванятку въ некруты.—Я ли міру не кланялась, я ли не ублажала вышнее начальство всяческими прошеньями; незаконно, говорю, православные, двойника назначать, а четверики будутъ дома сидѣть, да надъ нами же насмѣхаться; никто моихъ рѣчей не принялъ: ты, говорятъ, баба; тебѣ, говорятъ, и мѣста на сходѣ не полагается; а мой-то лысый чортъ, прости Богъ грѣхамъ, стоитъ ровно мокрая курица, хоть бы словечко-те вымолвилъ. Во сырой землѣ мой батюшка, во сырой землѣ моя матушка, некому застоять меня сироту безродную, причитала Матрена, невольно переходя въ похоронный тонъ.

Трудно было судить о чувствахъ Катерины по наружному ея виду: загрубѣлая кожа лица не выдавала никакого внутренняго волненія; только къ концу разсказа она стала мигать все чаще и чаще, а когда Матрена начала причитать — заголосила и Катерина.

— Загубили вы нашу Паранюшку, безъ ножа дѣвку зарѣзали; головушка моя горькая... и ка́къ теперь хозяина мнѣ встрѣчать, прибирала въ свою очередь Катерина.

Вошедшій въ избу малый съ хомутомъ на рукѣ вдругъ остановился въ недоумѣніи.

— Али померъ кто? спросилъ онъ сидящихъ за прялками молодицъ.

— Ванятку Параньскинова въ некрута назначили, отвѣчали тѣ.

Малый широко раскрылъ глаза, свиснулъ и, сунувъ хомутъ подъ лавку, поспѣшно вышелъ. Одна изъ молодицъ стала собираться на рѣчку, другая повертѣла-было самопрялку, да тоже очутилась на рѣчкѣ.

Къ обѣду всѣ уже гулинскія бабы толковали о томъ, что хохловскій Ванятка назначенъ въ некруты, что Матренкинъ хозяинъ съ горя всю ночь прогулялъ въ кабакѣ, а пріѣхавши утромъ домой, такъ избилъ бабу, что та еле живая дотащилась къ Силычу и теперь голоситъ съ Катериной. Центромъ гулинскаго бабьяго міра былъ прудъ, почему-то величаемый рѣчкой. Зимой и лѣтомъ полоскались тамъ въ разныхъ видахъ произведенія корявыхъ рукъ прекраснаго пола, круглый годъ сносились на прудъ всѣ домашнія дрязги и новости, а оттуда молва обѣгала уже по всѣмъ закоулкамъ сельца Гулина, не минуя въ особенныхъ случаяхъ даже барской усадьбы.

Большинство женщинъ сочувственно отозвались на горе Матрены и пожалѣли ее отъ чистаго сердца, только Дарья, по прозванью «задира», выслушавъ извѣстіе о назначеніи Ивана Козла, увлеклась чувствомъ личнаго неудовольствія и принялась ругаться.

— Ни что ему, чорту пузатому, кричала она, колотя валькомъ по мокрой рубахѣ. «Твой сынъ пьяница, онъ и тебя за косы таскаетъ, а жену до смерти уходитъ», говорила Дарья, видимо передразнивая кого-то. Вотъ-те и пьяница; пьяница да дома, а хорошій-то вашъ въ солдаты угодилъ; поди ка теперь, поняньчай солдатскихъ ребятокъ: Осипъ-то Кузнецовъ, вотъ онъ...

— Полно, Дарья, грѣшить, остановила-было ее какая-то разумница, но та не умолкала.

— Чего грѣшить, когда я доподлинно знаю, что Паранька съ нимъ въ дѣвкахъ гуляла.

— А коли ты знала, на что-жъ за сына сватала? спросили ее бабы.

— Парню полюбилась, вотъ на что; а сама-то бы я и въ жизнь этакой поскуды на дворъ не пустила.

Послѣднее слово возбудило негодованіе двухъ, уже немолодыхъ, родственницъ Силыча; они обозвали Дарью бряхучею; Дарья отвѣтила имъ, что брешутъ только старыя собаки, а она человѣкъ крещеный, и такимъ образомъ началась общая перепалка.

Въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ Андрей Силычъ. Обѣ сватьи сидѣли въ его горницѣ. Заслышавъ скрипъ саней и голосъ свата, Матрена мигомъ взобралась на печь. Побьетъ, безпремѣнно побьетъ, думала она, выглядывая изъ-за грубки на распоясывающагося, высокаго, дюжаго мужика, и сотворила даже крестное знаменіе. Скинувъ верхній дубленый тулупъ, Андрей Силычъ принялся очищать бороду отъ намерзнувшаго инея.

— Чтó, Дормидонтъ Иванычъ, небось у тебя все нутро застыло, обратился онъ къ входящему господину въ ватномъ пальто и пестромъ шерстяномъ шарфѣ. Тотъ не отвѣчалъ. Нижняя челюсть Дормидонта Ивановича подергивалась весьма замѣтно, а зубы стучали, какъ бываетъ всегда при сильномъ ознобѣ.

— Да ты, что-жъ сѣлъ-то? ты походи, разомнись, совѣтывалъ Андрей Силычъ.

Онъ приказалъ согрѣть самоваръ, а самъ принялся тормошить Дормидонта Ивановича. По примѣтамъ домашнихъ, хозяинъ былъ въ добромъ расположеніи духа, и всѣ почувствовали себя какъ-то легче.

— Водочки бы, проговорилъ наконецъ оттаявшій Дормидонтъ Иванычъ.

— А ты прежде горяченькимъ брюшко попарь, предлагалъ Андрей Силычъ.

— Ужъ я свою натуру знаю: для меня водка много пользительнѣй.

— Ну, быть по твоему! Петрунь, крикнулъ хозяинъ того самаго малаго, который приходилъ съ хомутомъ, валяй къ кузнецу; полштофа, молъ, водки, да смотри позабóристѣй, для пріѣзжаго, молъ, понялъ?

— Слава Богу, не махонькій, обидчиво отозвался тотъ. Стало безъ денегъ, прибавилъ онъ, подвигаясь къ двери.

— Хозяинъ, молъ, самъ разочтется; да ты одѣнься, глупенькій. Но Петрунька, какъ спалъ на печи въ рубахѣ, такъ и побѣжалъ. Въ ожиданіи предстоящаго удовольствія, Дормидонтъ Ивановичъ скинулъ съ себя пальто и оказался въ какомъ-то кургузомъ сюртучкѣ табачнаго цвѣта, съ узкими, короткими рукавами, пестромъ матерчатомъ жилетѣ, а выглядывающіе коегдѣ признаки бѣлья вызвали даже Силыча на замѣчаніе.

— Не велѣть ли бабамъ рубаху-то твою постирать, сказалъ онъ, насмѣшливо оглядывая фигуру приказнаго.

Обидѣться Дормидонтъ Иванычъ не успѣлъ, потому что въ ту же минуту принесли водку. Онъ зубами вытащилъ пробку и не дождавшись стаканчика, который, какъ на зло, куда-то за-

пропастился, потянулъ прямо изъ горлышка. Этотъ фокусъ доставилъ всѣмъ не малое удовольствіе, и нѣсколько минутъ въ избѣ слышался хохотъ.

— Вотъ теперь и чайку можно, сказалъ онъ, усаживаясь за столъ рядомъ съ хозяиномъ, и, придвинувъ поближе къ себѣ полштофъ, закурилъ папиросу.

Между тѣмъ Матрена, оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, стала раздумывать о томъ, какой милости просить ей у свата. Ослобонить Ванятку, по мнѣнію матери, было послѣднее дѣло; хотѣлось бы такъ подладить машину, чтобъ и Ванятка остался дома, да и меньшого-то сына имъ же защитить. Инстинктивно Матрена сознавала, что такой исходъ былъ бы самый счастливый для семьи и что въ дѣйствительности онъ очень возможенъ; но какимъ путемъ добиться такого исхода и что, по крайней мѣрѣ, для этого требовалось—баба рѣшительно не могла домекнуться. «Пусть побьетъ, думалось уже ей теперь, лишь бы только парнишку выручилъ», и, въ припадкѣ самоотверженія, Матрена готова была тотчасъ же показаться Силычу и объявить свое горе, да натопленная печь такъ пріятно разнѣжила утомленное тѣло старухи, что она не въ силахъ была распорядиться собственными членами и задремала невольно. И грезится ей, будто она съ Авдотьей Акинеевой, да съ Тарасовой хозяйкой жнутъ въ отхожемъ барскомъ клину, подлѣ самой большой дороги; рожь-то матушка буйная, да ядреная, никакъ серпа не проволокешь, а солнышко такъ огнемъ и палитъ; что-жъ эта за мука, будто говоритъ Авдотья, хоть помирать ложись; съ тѣмъ словомъ какъ прыгнетъ къ нимъ что-то, такъ бабы и шарахнулись. Глядитъ Матрена, а на снопѣ ея Ванятка сидитъ, да такой маленькій, голова вся облѣзла:—али ты, матушка, меня не узнала, спрашиваетъ, будто онъ;—не узнала родненькій—вишь ты какой махонькій, да гунявый сталъ;—это, говоритъ въ солдатахъ меня такъ обработали, а ты, матушка, можетъ, думаешь я живой? вѣдь я мертвый! да какъ загогочетъ, словно жеребецъ рьяный. Матрена застонала отъ испуга.

Въ эту минуту Андрей Силычъ только-что началъ молиться Богу и съ удивленіемъ оглянулъ избу. На лавкѣ, прикрытый хозяйскимъ зипуномъ, крѣпко спалъ охмѣлѣвшій Дормидонтъ Ивановичъ; въ горницѣ никого больше не было; бабы ночевали въ другой половинѣ.

— Кто здѣсь? окликнулъ онъ, словно не своимъ голосомъ. Матрена, не очнувшись еще, повернулась на другой бокъ, попала нечаянно на горячій кирпичъ и кубаремъ скатилась съ печи. Силычъ былъ неробкаго десятка, но теперь потерялся:

передъ нимъ, на полу, лежала баба и по всѣмъ примѣтамъ сватья Матрена, а какимъ чудомъ попала она на печь и отчего никто ему не сказалъ о ней прежде—это было загадкой.

— Ты что-жъ это сватья? рѣшился онъ наконецъ вымолвить, все еще недоумѣвая, настоящая это сватья или оборотень.

Матрена робко приподняла голову и, почти безсознательно, ползкомъ двинулась къ Силычу. Тотъ свободнѣе перевелъ духъ, убѣдившись наконецъ, что передъ нимъ дѣйствительно настоящая сватья.

— Ужъ и напужала-жъ ты меня, каторжная, сказалъ онъ не то ласково, не то сердито. Какъ тебя занесло сюда?

— Милости пришла просить, батюшка; жалѣнья твоего, Андрей Силычъ, заговорила Матрена слезливымъ голосомъ.

— Да что у тебя такое?

— Охъ, бѣда надъ нами стряслась, родной, Ванятку нашего въ очередь записали....

Силычъ вдругъ откинулся всѣмъ туловищемъ на стѣну и такъ ткнулъ ногой въ голову Матрены, что у ней даже искры изъ глазъ посыпались.

— Мякинники проклятые, закричалъ онъ, отступая въ сторону; дѣвку-то за что-жъ погубили?

— Богъ видитъ, ни въ чемъ мы не повинны; не за нами совсѣмъ очередь.... старшія семьи есть, захлебываясь говорила Матрена.

Горло-то ей словно кто вдругъ руками стиснулъ.

Силычъ присѣлъ.

— Послѣ баба ревѣть, смерть не люблю этого, сказалъ онъ уже значительно смягченнымъ тономъ.

Матрена, едва сдерживая рыданія, поднялась на ноги и стала передъ Силычемъ, понуря голову.

— Ты говоришь не вамъ очередь, а почему же Ванятку записали?

— Подкупомъ, батюшка Андрей Силычъ, обошли значитъ старшія семьи.

Силычъ недовѣрчиво глянулъ на бабу.

— Ты пустого не мели, строго замѣтилъ онъ ей.

— Знамо, наше дѣло женское; нечто мы какіе порядки разумѣемъ, стала-было оправдываться Матрена, но Андрей Силычъ объявилъ ей, что завтра онъ все разберетъ, а теперь приказалъ идти спать къ бабамъ.

Черезъ сѣнцы, въ другой избѣ, болѣе просторной и не очень опрятной, помѣщались женатые сыновья Силыча съ невѣстками, работникъ Петрунька, маленькіе телята и котныя овцы; тамъ же

пеклись хлѣбы, варилось кушанье, словомъ, справлялись всѣ домашнія потребности. Ощупью отыскала Матрена дверь этой половины, кое-какъ, по стѣнкѣ, добралась до скамьи и улеглась, не скидывая даже лаптей. «Авось ли Господь поможетъ», думала она и съ этой завѣтной надеждой земли русской крѣпко заснула. Разуваясь, Андрей Силычъ вспомнилъ, что на правой щекѣ Матрены видѣлъ кровавый рубецъ и подумалъ: «должно, бабу-то я добре сапогомъ двинулъ; ну, да свои люди, сочтемся....» и заснулъ преспокойно.

Утромъ Дормидонтъ Ивановичъ всталъ раньше всѣхъ. Въ головѣ у него было чадно, на одной ногѣ оказалось два пальца слегка отмороженными, а желудокъ требовалъ водки и чего-нибудь кислаго.—Ишь дрыхнетъ, животное, злобно прошепталъ онъ, глядя на спящаго Силыча, и взялся-было за полуштофъ, но изъ него даже не капнуло.—Эхъ, мужланье поганое, обругался онъ и вышелъ въ сѣнцы.

Стукъ двери разбудилъ Силыча.

— Ну, утянулъ, вскрикнулъ онъ, оглядывая пустое логовище Дормидонта Иваныча: вотъ прокаженный-то! и надѣвъ сапоги на босу ногу отправился розыскивать его. Въ сѣняхъ было слышно, какъ на дворѣ упрашивалъ Дормидонтъ Ивановичъ Петруньку принести ему хоть маленькую.

— Ты прежде лобъ-отъ перехрести, умойся, сталъ усовѣщивать его Андрей Силычъ. Вѣдь, небось, ты тоже русскимъ человѣкомъ прозываешься; хрестъ на себѣ имѣешь....

— Да я что-жъ; я кажется, ничего, отвертывался Дормидонтъ Ивановичъ.

— Ничего; а малаго за водкой, безъ спроса, на хозяйскій счетъ посылаешь.

— Опохмѣлиться, Андрей Силычъ; въ желудкѣ очень горитъ; да вотъ кабы еще крошевца съ селедочкой.

— Ишь тебя разнимаетъ, улыбаясь сказалъ Силычъ, и за руку повелъ Дормидонта Иваныча въ горницу.

— Слушай-ка, вотъ какая оказія, началъ Силычъ, усаживая приказнаго рядомъ съ собой. Тутъ пришла моя сватья изъ Хохловки; назначили ея парнишку, а моего значитъ, зятя, въ некруты; понялъ?

Дормидонтъ Ивановичъ махнулъ головой.

— Баба, говоритъ, незаконно, потому у нихъ старшія семьи есть; такъ теперь вотъ требуется обхлопотать это дѣльце.

— Да,... это штука выходитъ.... не маловажная, съ разстановкой и не безъ достоинства уже проговорилъ Дормидонтъ

Ивановичъ. Можно, добавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто рѣшался сдѣлать великую милость.

— Ну!...

— Ты, братъ не нукай, потому я не сивый меринъ, а тоже чинъ себѣ имѣю, обидчиво замѣтилъ приказный.

Андрей Силычъ глянулъ изъ-подлобья на своего собесѣдника; рядомъ съ нимъ точно сидѣлъ Дормидонтъ Ивановичъ, только ужъ такой важный, да словно, умный.

— Мы, то-есть, на счетъ платы; что, молъ за труды положишь? серьезно спросилъ Силычъ.

— За три рубля прошенье къ посреднику напишу.... и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, Дормидонтъ Иванычъ зашагалъ по горницѣ.

— Вона куда хватилъ; да за три-то рубля на ербовой напишутъ; такъ ужъ тамъ, одно слово, прошенье; куда хошь дойдетъ, замѣтилъ Силычъ.

— Мало ты, я вижу, въ этомъ дѣлѣ смыслишь; вотъ что, пріятель, подсмѣялся Дормидонтъ Ивановичъ.

Но Силычъ и не думалъ хвастаться знаніемъ канцелярскихъ порядковъ; его сердечнымъ желаніемъ было никогда не имѣть дѣла съ судейными, потому что хуже ихъ, да еще полицейскихъ, по мнѣнію трезваго, честнаго мужика, и выдумать что-нибудь трудно, а если и ввернулъ Андрей Силычъ словечко на счетъ гербовой бумаги, такъ просто для того, чтобы имѣть случай поторговаться.

— Мы, точно, хоть и неграмотные, да все же разобрать можемъ что чего стóитъ, снова говорилъ Силычъ. Ты вотъ назначаешь три рубля за прошенье, а у насъ тутъ въ деревнѣ есть солдатикъ, тотъ и за полтину настрочитъ.

— Эхъ ты, умная голова, ну онъ тебѣ на полтину и сдѣлаетъ; а велико мѣсто полтины?...

«И то, подумалъ уже Силычъ, сбитый нѣсколько съ толка: по солдатовымъ прошеньямъ никому ничего не вышло; да этотъ проклятый что-жъ ничего не подается?»

— Ну, да ладно; рубль видно отдадимъ, предложилъ онъ, подставляя руку ладонью вверхъ.

— Два и полштофъ, требовалъ Дормидонтъ Ивановичъ, накрывая руку Силыча.

— Рубль и полштофъ!

— Прибавь на рубль-то, жидоморъ, упрашивалъ Дормидонтъ Ивановичъ, предчувствуя близкую выпивку.

— А водка у насъ какая, поддразнивалъ Силычъ, поднося пустой полштофъ къ самому носу Дормидонта Ивановича.

Тотъ хлопнулъ вдругъ по рукамъ Силыча и велѣлъ посылать.

— Нѣтъ, другъ милый, уговоръ лучше денегъ, ты прежде напиши, а за нами дѣло не станетъ.

— Хоть рюмочку, умолялъ Дормидонтъ Ивановичъ.

— Пусто ему не будь, сжалился Андрей Силычъ и рѣшился послать за водкой. Кликнули въ горницу Матрену и заставили объяснить, какъ было дѣло.

— Опять же, говорю тебѣ, баба, лишняго не городи, предупредилъ Силычъ и сталъ внимательно слушать. Однако лишнее городилось само собой, а дѣйствительное до такой степени перемѣшивалось пустыми причитаньями и даже небылицами, что только привычное къ бабьимъ розсказнямъ ухо Силыча не потеряло настоящей нити разсказа.

Дормидонтъ Ивановичъ сидѣлъ полуоборотомъ къ двери и больше прислушивался, не бѣжитъ ли Петрунька.

— Разсуди ты теперь наши дѣла, не дай свое дѣтище въ обиду, заключила Матрена, низко кланяясь Силычу.

— Выходитъ у васъ въ деревнѣ только два тройника—ваши да старостины, началъ переспрашивать онъ Матрену.

— Ерёмкиныхъ — четыре брата.

— Ерёмкины, ты говоришь, еще до воли на два дома живутъ, такъ? Ну, стало они двойники.

— У нихъ подросль есть, настаивала Матрена.

Андрей Силычъ сурово сдвинулъ брови и потянулъ за поясъ —это было признакомъ, что онъ начиналъ уже терять терпѣніе и сердился.

— Опять же у Маланьи три сына, продолжала набирать Матрена.

— Младшему сколько годовъ? спросилъ Дормидонтъ Иванычъ.

— Они у ней всѣ, почитай, погодки; бóльшаго-то никакъ лѣтось передъ заговѣнами женили.

— Не гожаются, значитъ, порѣшилъ Силычъ и опять потянулъ за поясъ.

— Что-жъ, напишешь? обратился онъ къ Дормидонту Иванычу.

— Сказано! Водки-то неси скорѣй, смерть животъ подводитъ.

Выпилъ онъ наконецъ два стаканчика, съѣлъ полчашки крошева и бодро принялся за работу. Силычъ отправился по своимъ дѣламъ, а Матрена не отходила отъ стола ни на шагъ. Подперши рукою голову, она съ напряженіемъ слѣдила, какъ

мало-по-малу стала пестрѣть бумага разными закорючками и хвостиками; вотъ кончилась страница; Дормидонтъ Иванычъ положилъ перо и потянулся.

— Будетъ, что ли, бабка? спросилъ онъ.

— Что ты, кормилецъ, какъ можно, испуганно заговорила она. Я видала, бываетъ и тутъ, и тутъ, и тутъ.... вездѣ написано, показала она листъ кругомъ.

— Ну, это не хочешь ли ты вотъ чего? предложилъ ей Дормидонтъ Иванычъ, послюнявивши палецъ.

— Ужъ сдѣлай же такую милость, уважь ты меня, безродную: не спакости, Христа ради, хныкала Матрена, кланяясь ему въ ноги.

— Поставь полштофъ, такъ и быть еще припишу.

Матрена задумалась: у нея не было ни копѣйки, однако пообѣщала.

— Ты послушай, дура, какъ важно выходитъ, и Дормидонтъ Иванычъ началъ читать:

«Прошеніе.

«Никакъ не осмѣлилась бы я утруждать ваше высокоблагородіе, еслибы не вынуждало меня къ тому мое бѣдственное положеніе. Будучи сама уже престарѣлыхъ лѣтъ, да къ тому же имѣя на своемъ попеченіи, вышедшаго изъ годовъ, съ удушьемъ мужа и двоихъ малолѣтныхъ сиротъ....»

— Про кого-жъ это ты?... въ недоумѣніи перебила Матрена.

— Э, дурища, безпонятная; въ началѣ всегда такъ пишется, чтобъ жалостнѣй выходило.

— Оно точно, что жалостно;... да, смотри, какъ бы не было мнѣ чего!

— Ну, вотъ, въ первой что ли намъ:... «двоихъ малолѣтныхъ сиротъ, изъ коихъ только старшій достигнулъ законнаго возраста и при старости и убожествѣ моего мужа долженъ сдѣлаться хозяиномъ въ домѣ. Но не знаю, по какому закону....» писать что ли еще? вдругъ оборвалъ Дормидонтъ Ивановичъ. Матрена снова захныкала.

— Про Малашку-то помяни, три, молъ, у ней сына и всѣ какъ есть годные; опять же староста Прохоръ—тройникъ, ну, Еремкиныхъ — четыре брата; въ раздѣлѣ, молъ, да подрослъ большая, прибирала она.

Дормидонтъ Ивановичъ на минуту вышелъ и, возвратясь въ горницу, рѣшительно объявилъ, что безъ вина писать больше не будетъ; подходитъ самая мудреная статья, а на сухую даже у него и выдумки не хватитъ. Нечего дѣлать, сбѣгала Матрена въ кабакъ, выпросила черезъ великую силу въ займы, до вече-

ра, косушку и угостила Дормидонта Иваныча. Онъ опять принялся строчить и, проведя какой-то длинный-длинный хвостъ на половинѣ третьей страницы, сказалъ, что писать больше нечего.

— Ужъ, потѣшь, родименькій; дай послухаю, просила Матрена.

Дормидонтъ Ивановичъ читалъ:

«...но не знаю, по какому закону волостной нашъ старшина вдругъ назначилъ моего старшаго сына Ивана въ первую ставку. Таковыя незаконныя и самопроизвольныя дѣйствія волостнаго начальства происходятъ единственно отъ несправедливости нашего сельскаго общества, которое по какому-то, неизвѣстному для меня случаю, вовсе не назначило семейство Маланьи Пахомкиной, имѣющей трехъ сыновей на возрастѣ, и старосты нашего, Прохора Иванова, который всегда приходитъ изъ волостнаго правленія въ нетрезвомъ видѣ, а сына своего отпустилъ по бѣлому паспорту; равно и Еремкины должны считаться въ четверникахъ, потому что хотя міръ и доказываетъ, что они находятся въ раздѣлѣ, но это показаніе облыжное, что могутъ подтвердить даже присягою. А потому, объяснивъ о семъ вашему высокоблагородію, и покорнѣйше прошу, согласно вышеобъясненныхъ обстоятельствъ, учинить начальническое распоряженіе къ оправданію и защитѣ по закону невинныхъ, въ особенности малолѣтныхъ дѣтей моихъ, съ учиненіемъ справокъ въ ревизской сказкѣ, равно и рекрутскаго устава, и тогда, очевидно, откроются притязанія начальства въ скрытіи онаго, какъ выше объяснено по паспорту, а за превышеніе власти поступить по силѣ 863 ст. 2 т. св. зак. гражд.»

Дормидонтъ Ивановичъ самодовольно поглядѣлъ на Матрену; та, видимо, припоминала только что слышанное и улыбалась отъ удовольствія.

— Ничего,.. туболи нагородилъ порядочной;.. да и складно же, обдери тебя дёромъ, похвалила она уже совсѣмъ весело.

— Тащи-жъ, теперь, баба, договорную, приказалъ Дормидонтъ Ивановичъ.

— Погоди малость, родименькій, — Силычъ придетъ, незамай, ёнъ послухаетъ, отговаривалась Матрена.

— Силычъ твой мнѣ не начальникъ и ждать его я не стану; а коли не принесешь сейчасъ водки, такъ и прощайся съ своимъ прошеньемъ.

Онъ взялъ бумагу и показалъ намѣреніе изорвать ее. Матрена въ ужасѣ схватила Дормидонта Иваныча за руки.

— Отецъ родной, не губи ты мою душу, проговорила она,

не спуская глазъ съ пальцевъ, между которыми согнулся уже злосчастный листъ. Обожди только минуточку, заразъ приставлю, докончила Матрена уже за дверью.

Она бросилась къ сватьѣ Катеринѣ просить денегъ, но и у той нашлась только семитка, сдачи изъ церкви намедни осталось; Силычъ больше пятачка тоже въ руки не даетъ, а своихъ денегъ откуда же набраться бабѣ? Дѣло, однако, уладилось: сватья одолжила Матренѣ кончикъ холстины покрыться, а эта заложила свой платокъ въ кабакѣ — и то еще милость сдѣлали—приняли... Когда Силычъ пришелъ домой, то дверь въ горницу была приперта снаружи кадкою и, по объясненію домашнихъ, мѣра эта употреблена ими потому, что приказный добре сталъ буянить: требовалъ еще водки, яичницу, и облапилъ-было молодку.

— Да вы, знать, давали ему безъ меня? строго спросилъ Силычъ.

Бабы испуганно переглянулись; но къ счастію ихъ Силычъ не сталъ больше допытываться, хотя и догадался.

— А прошенье-то?

— При мнѣ, родной, при мнѣ; самъ ёнъ мнѣ и вычитывалъ, удостовѣряла Матрена, вытаскивая изъ-за-пазухи бумагу. Андрей Силычъ развернулъ листъ, помѣрялъ глазами написанное и молча возвратилъ его Матренѣ.

— Что-жъ, сватушко, прикажешь мнѣ теперь ко двору отправляться? спросила она.

— Теперь ко двору, а завтра... нѣтъ, лучше въ среду, ступай къ посреднику.

— Ужъ ты научи ее, Силычъ, вмѣшалась Катерина, какъ то-есть надать быть, по порядку.

— Бабьяго ли ума это дѣло, хныкала Матрена, кабы у меня хозяинъ-то настоящій былъ...

— Пуще всего лишняго не болтай, наказывалъ Силычъ; да вотъ въ ноги ему тоже не кланяйся, не любитъ онъ, говорятъ, этого; бываетъ, еще въ холодную угодишь...

— Какъ же это такъ, кормилецъ, просто взять да и подать? недовѣрчиво спросила Матрена.

— Просто и подай.

— И рѣшенье выйдетъ?

— Ужъ онъ тебѣ все разскажетъ.

— Пошли тебѣ Господи вѣкъ долгій, утеръ ты мои слезы сиротскія, искренно, отъ чистаго сердца благодарила Матрена. На душѣ у ней стало легко да таково радостно, словно въ Христовъ день у заутрени; ей хотѣлось на просторъ, хотѣлось

бѣжать домой, къ посреднику. Матрена и сама не понимала, чего еще ей желалось; а желалось чего-то. Обѣдать она не осталась, и Катерина едва успѣла сунуть ей ситную лепешку, передать дочери гостинчикъ...

Тѣ же два дня прошли въ Хохловкѣ своимъ чередомъ. Кто позаботливѣе, да успѣлъ намолотить овсеца, отправлялись въ городъ добывать на подушные; иные везли туда же овецъ; а Егоръ будоражилъ всѣхъ и увѣрялъ, что до срока никто требовать податей не смѣетъ, потому на это законъ есть. Утромъ привезли священника, положили дѣдушку Укола въ гробъ и проводили его міромъ до околицы, а потомъ всѣ разошлись по своимъ дѣламъ, и только бабка старостина, разспрашивая Груню о проводахъ, укоризненно замѣтила, что не порядокъ бабы сдѣлали, потому все-таки надо было кому-нибудь, хоть малость, *голосъ провесть*: Ерофей въ городъ не поѣхалъ: у него другой сынъ, Павлуша, жилъ по плотницкой части, у протасьевскаго рядчика и тотъ обѣщался дать къ Введенію двѣнадцать цѣлковыхъ, да вотъ ужъ и Микола прошелъ, а денегъ не получали. «Всего придется съ меня, разсчитывалъ Ерофей по дорогѣ въ Протасьевку, за три души своихъ, да за накладную—податей съ волостными шесть рублей восемь гривенъ; да земскихъ съ штраховыми поболѣ рубля; да некрутскихъ, гляди, тоже рубль, кабы еще не съ прибавкомъ... Десятью цѣлковыми дай Богъ управиться, невольно вырвалось у него въ слухъ. А въ хевралѣ опять платить первую половину, вспомнилось Ерофею; тамъ оброкъ къ святой... да еще какъ парнишку-то забрѣютъ...», и въ голову мужика вереницей полѣзли такія мысли, что онъ едва опомнился, услыхавъ колокольчикъ. По дорогѣ, на встрѣчу ему, шибко ѣхалъ возокъ. Ерофей торопливо задергалъ возжами, хотѣлъ свернуть въ сторону, но разнузданная лошаденка не слушалась: она навострила уши и, какъ угорѣлая, пустилась вскачь, прямо на гуськовую лошадь. Та шарахнулась въ сторону. Разсерженный кучеръ выругалъ мужика, принаровилъ-было ударить его длиннымъ кнутомъ, да добрый коренникъ, окунувшись въ сугробъ, разомъ выхватилъ на дорогу, и возокъ, только чуть колыхнувшись, бойко опять катилъ по пути.

— Ну, лошадь, похвалилъ Ерофей, глядя вслѣдъ удаляющагося экипажа, и почти уже до самой Протасьевки думалъ о томъ, что если-бы этого самаго коренника да запречь въ соху — ни одной бы, небось, борозды не прошелъ—только себя изуродуетъ и человѣка умаетъ.

Къ радости Ерофея рядчикъ, Алексѣй Иванычъ, былъ дома. Выслушавъ неожиданнаго гостя, онъ безцеремонно объявилъ, что денегъ теперь нѣтъ и ближе святокъ отдать не можетъ.

— Да хоть зажитыя-то, Алексѣй Иванычъ, отдай, просилъ Ерофей.

— Вотъ чудно́й человѣкъ, что-жъ мнѣ родить что-ли твои деньги; сказано, что нѣтъ, безъ запинки объяснялъ рядчикъ.

— Ну, коли денегъ нѣтъ, я малаго сыму, сказалъ Ерофей, думая задать этимъ страху.

Рядчикъ разсмѣялся.

— Вотъ-те, съ чѣмъ подъѣхалъ; да хоть сейчасъ бери, говорилъ онъ: тогда, братъ, и разсчетъ будетъ другой.

Ерофей вопросительно поглядѣлъ на Алексѣя Иваныча.

— Мы, братъ, тоже свои порядки имѣемъ; у насъ, кто ушелъ не дожимши срока, и бери, что̀ хозяинъ положитъ, договорилъ тотъ.

Ерофей сомнительно покачалъ головой.

— Мы законъ будемъ находить, сказалъ онъ.

Теперь уже рядчикъ поглядѣлъ на мужика не безъ удивленія.

«Ишь, мозглякъ, подумалъ онъ, тоже законъ хочетъ находить».

— Что-жъ, Алексѣй Ивановъ, чѣмъ же ты меня потѣшишь? спросилъ Ерофей, повертывая въ рукахъ шапку.

— Сказано, что нѣтъ—вотъ тебѣ и все рѣшенье.

— Ну, прощай; видно безъ посредника у насъ не обойдется; и Ерофей словно нехотя вышелъ за дверь.

Оставшись одинъ, Алексѣй Ивановъ живо вытащилъ изъ-за голенища старый засаленный бумажникъ, довольно плотно накладенный ассигнаціями и разными росписками; онъ выбралъ двѣ истрепанныя трехрублевки, переложилъ ихъ въ кожаный кошель, спряталъ бумажникъ на прежнее мѣсто и выбѣжалъ на крыльцо. Ерофей только-что было тронулъ.

— Воротись-ка, почтенный, позвалъ Алексѣй Ивановъ.

Ерофей остановился.

— Поди сюда, тебѣ говорятъ.

«Ловко-жъ я его запужалъ», подумалъ Ерофей, и подъѣхалъ къ крылечку.

— Вотъ что, дядя, объявилъ Алексѣй Ивановъ: желаешь ты получить отъ меня шесть рубликовъ?

Ерофей вылѣзъ изъ саней и поднялся на порожекъ.

— Мнѣ, Алексѣй Иванычъ, то-есть во̀ какъ требуется сей-

часъ десять серебра, сказалъ онъ, проводя рукою по самому горлу.

— Мало бы чего; у насъ народу-то нечто ты одинъ; тоже всѣхъ ублаготворить надо.

— Да меня-то ты пожалѣй, сдѣлай такую милость; ты самъ знаешь, какое теперь время—подушныя, волостныя, некрутскія, высчитывалъ Ерофей.

Алексѣй Ивановъ молчалъ. По его соображенію мужикъ будетъ доволенъ и шестью рублями, а баловать ихъ не слѣдуетъ. И рядчикъ, и Ерофей стояли другъ противъ друга и выжидали. Одинъ, дѣйствительно, былъ радъ получить хоть что-нибудь, не теряя, однако, надежды выпросить больше предложеннаго; а другой мысленно упрекалъ себя за поспѣшность и раскаявался, отчего не назначилъ меньше.

— Думай что ли, заговорилъ наконецъ Алексѣй Ивановъ, вытаскивая изъ шароваръ кошелекъ.

— Такъ-то... десять серебра, отвѣтилъ Ерофей.

— Заладилъ десять серебра; съ тобой, братъ, видно не столкуешь, нонѣ не лѣто... Прощай. И Алексѣй Ивановъ ушелъ въ избу.

Постоялъ-постоялъ Ерофей, почесалъ въ затылкѣ, да и пошелъ тоже въ избу.

— Нешто бы я постоялъ за деньгами, говорилъ Алексѣй Ивановъ, распуская кошель, да вотъ, какъ передъ Богомъ, послѣднія, и то не свои; одинъ человѣкъ тоже въ Рощу передать велѣлъ.

— Ну что-жъ, потерпимъ; и на томъ благодаримъ; намъ вотъ теперь-то будто маненько круто; а то ничего, обождемъ...

— За нами, кажется, еще не пропадало; ты самъ знаешь, мы и съ господами дѣла́ имѣемъ, уже чванился Алексѣй Ивановъ.

— Оно, будто, намъ теперь круто... а то ничего... обождемъ, повторялъ Ерофей и, поблагодаривъ еще разъ за свои кровныя деньги, пошелъ къ лошади. Не успѣлъ онъ дернуть возжами, какъ въ саняхъ очутился уже и Алексѣй Ивановъ.

— Подвези, братъ, до постоялаго, попросилъ онъ: дома что-то соскучилось.

Прозябнувшая лошаденка въ минуту примчала ихъ къ высокому черному столбу, на которомъ предполагалось, когда-то, вѣшать красный фонарь, да оказалось, что и безъ этой приманки рѣдко кто проѣзжалъ мимо.

— Ты что-жъ? спросилъ Алексѣй Ивановъ, видя, что Ерофей намѣревается ѣхать дальше.

— Мы евтимъ не занимаемся.

— И хорошее, братъ, дѣло! Я самъ только чайкомъ побаловаться. Онъ скрылся въ дверь постоялаго. За стойкой суетился приземистый, широкоплечій мужчина, въ розовой ситцевой рубашкѣ и синихъ нанковыхъ шароварахъ. Его полное, румяное лице, отѣненное свѣтлорусыми бакенбардами съ круглою, подстриженною бородкою, отражало пріятное удовольствіе самимъ собою и всѣмъ окружающимъ, а въ бойкихъ сѣрыхъ глазкахъ свѣтились тонкій умъ и быстрая смекалка.

— Степану Константиновичу, отчетливо проговорилъ вошедшій рядчикъ.

— Алексѣй Иванычу—наше-съ!

Здоровающіеся потрясли другъ у друга руки.

— Что это давно къ намъ не жаловали? спросилъ Степанъ Константиновичъ, заглядывая черезъ плечо рядчика на противоположный уголъ комнаты, гдѣ начинался крупный разговоръ у какихъ-то мужиковъ съ двумя солдатами.

— По работамъ отлучались; деньжонки тоже кое за кѣмъ есть: надо было пособрать.

— Теекъ-съ!

— Замучила меня, то-есть вотъ какъ, микулинская барыня, продолжалъ Алексѣй Ивановъ; деньги, значитъ, договоръ былъ отдать сполна къ вешнему Миколѣ, да вотъ и по сейчасъ никакъ не разочтемся: нѣту, говоритъ, хоть ты что хошь дѣлай.

— Да! нынче то же господское дѣло тонко пришло, насмѣшливо замѣтилъ Степанъ Константиновичъ.

— Жаловаться, будто сраму не хочется, такъ вотъ и воловодимся, договорилъ Алексѣй Ивановъ.

— Господа служивые, эй! почтенные, тутъ драться не дозволяется, строго закричалъ Степанъ Константиновичъ, зорко слѣдившій все время за подгулявшей компаніей, и въ три прыжка очутился на мѣстѣ происшествія.

Высокій, дюжій солдатъ теребилъ за бороду мужика, двое товарищей котораго въ свою очередь тащили другого солдата за воротникъ форменнаго пальто.

— Въ волостную! кричали мужики.

— Врешь, хрипѣлъ солдатъ, которому воротникомъ сдавили шею; за мундеръ трогать не смѣй... потому онъ царскій.

Какъ человѣкъ опытный, Степанъ Константиновичъ прежде всего высвободилъ задыхавшагося солдата изъ рукъ мужиковъ, а затѣмъ, безъ дальнихъ разговоровъ, выпроводилъ всѣхъ на свѣжій воздухъ. Алексѣй Ивановъ присѣлъ къ опроставшемуся столу и спросилъ себѣ пару чаю.

— Ну, братецъ ты мой, вышло этта рѣшенье ему, перемѣ-

нить значитъ, разсказывалъ за сосѣднимъ столомъ молодой, красивый парень. Алексѣй Ивановъ глянулъ на парня и сталъ прислушиваться.

— Отъ посредника приказъ въ волостную, чтобъ безпремѣнно въ четвергъ везти подставного; а мы, братецъ ты мой, только было-изладились съ дядей, на пятеромъ въ дорогу. Позавтракали, совсѣмъ запрягать хотѣли; глядь-поглядь, а старшина и вотъ онъ, Семенъ, говоритъ: дома? а баба-то моя, съ глупаго разуму: дома, говоритъ, лошадей запрягаютъ. Старшина прямо на дворъ...

— И сграбилъ? перебилъ одинъ изъ слушателей.

— Какъ есть сграбилъ, продолжалъ парень; я было-выпросился съ сусѣдями попрощаться, думалъ, значитъ, задами удеру, —нѣтъ, братъ, ни на шагъ безъ себя то-есть не пустилъ.

— Востеръ же ты, малый, замѣтилъ кто-то.

— Взяли меня такимъ порядкомъ и повезли въ городъ, снова продолжалъ разскащикъ. Угощалъ меня дорогой старшина и водкой, и калачи-то ѣсть давалъ, нѣтъ братъ—не то время...

— Нутро, значитъ, не примаетъ, перебилъ Алексѣй Ивановъ.

— Хотѣнья-то никакого нѣтъ; сидишь въ саняхъ ровно колода. Ну, привезли меня въ городъ, на постоялый; сейчасъ чаю съ кателками, сельдей — ничего я, братецъ ты мой, даже не тронулъ—такъ все за дядю пошло. Тутъ прибѣгъ полицейскій, потащили меня въ ставку. Раздѣли, братецъ ты мой, какъ есть, до нàга и учалъ лекарь вертѣть меня; всего, то-есть, извертѣлъ. И тутъ-то, и тамъ-то, и здѣсь-то, говорилъ парень, указывая поочередно разныя части тѣла, да все самъ вертитъ, а самъ пальцами вездѣ копаетъ...

Помоложе мужики ухмыльнулись; большая же часть слушателей съ омерзеніемъ плюнули.

— Только взялъ, этта, онъ каку-то трубочку, такъ чубушную, приставилъ мнѣ ее сюда, подъ самое сердце: вздохни, говоритъ, а самъ въ трубочку слухаетъ...

— Вишь, дошлый какой, замѣтилъ недавно подошедшій парень.

— Ну, а ты что-жъ? спросили въ нѣсколько голосовъ, видимо недовольные перерывомъ.

— А я, братцы мои, должно съ испугу-то вздохнулъ, не въ томъ что ли мѣстѣ, только онъ сказалъ: сипитъ, говоритъ. Всталъ тутъ самъ производитель, повертѣлъ тоже меня въ разныя стороны, подошелъ еще какой-то баринъ, зачали мнѣ руки выламывать; ну, думаю, конецъ мой приходитъ! Взялъ тутъ

опять лекарь какой-то ребячій молоточекъ, потюкалъ меня по груди, по спинѣ, сказалъ какое-то слово; тутъ ужъ производитель какъ гаркнетъ: негоденъ, выпустить, говоритъ, его. Что-жъ братцы мои, только и успѣлъ я накинуть рубаху, да такъ значитъ и выскочилъ на улицу; дядя съ отдатчикомъ насилу на лошади меня догнали.

— Ну, Сенька, принялъ же ты страсти.

— Да, малый, все одно, какъ съ того свѣта выдрался. Ужъ и нарѣзался же я опосля, на постояломъ, все свое изворотилъ; даже малость попороли!

— За что?

— Дядю побилъ, да ёнъ хоть простилъ; а то отдатчику тоже рыло разворочалъ—этотъ жалился; ну, волостнымъ судомъ и присудили...

Разсказчикъ умолкъ; безмолвно сидѣли и слушатели его: каждый про себя и по-своему передумывалъ за сердце хватающую некрутчину. А на улицѣ, около высокаго чернаго столба, чуть не до истомы торговались съ Степаномъ Константиновичемъ два мужика: Артемъ микулинскій, да Минай изъ Выселокъ. Въ саняхъ у Артема возился и неистово визжалъ туго перевязанный поросенокъ; Минай продавалъ двухъ старыхъ овецъ.

— Бога ты не боишься, жалобно говорилъ Минай, за экое добро и даешь ты пару цалковыхъ.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя, увѣрялъ Степанъ Константиновичъ; нынче денежки въ сапожкахъ ходятъ, а товарецъ твой незавидный, мы, признаться, и не погонимся.

— За полтора серебра овчинъ не возьмешь; тушки-то, значитъ, даромъ тебѣ пойдутъ, разсчитывалъ Минай.

— Мы, почитай, за однѣ тушки и деньги даемъ, потому овчина и теперь вся облѣзла.

Степанъ Константиновичъ въ двадцатый разъ принялся ощупывать и теребить овецъ.

— Это что? показывалъ онъ мужику клокъ выдранной шерсти.

— Извѣстно, живая скотина, объяснялъ тотъ, и начиналъ уже склоняться на предлагаемую цѣну.

— А мнѣ-то что-жъ? спрашивалъ Артемъ.

— Тебѣ, голубчикъ, сказано три четвертака; больше то-есть ни одной мѣдной полушки прибавить не могу, говорилъ Степанъ Константиновичъ, подергивая за ухо поросенка.

— Да обидно будто проти людей, намекнулъ Артемъ на Миная.

— Это твоя забота! Ты самъ, небось, знаешь, почемъ нынче

убоинка продается: самая то-есть первѣющая господамъ отпущается за пять копѣекъ...

— Намъ, видно, не покупать, вздохнувши замѣтилъ Минай.

— Тутъ, знать, не до убоинки, когда платежу всякаго... у насъ, теперь, почесть, полселенья хлѣбъ съ мякиной ѣдятъ... а то убоинки захотѣлъ! уныло, словно въ самомъ дѣлѣ не ѣвши, говорилъ Артемъ.

— Набавляй полтину, обратился онъ къ Степану Константиновичу.

— Не могу, пріятель, не могу, упорно стоялъ тотъ.

— Набавь хоть что-нибудь, упрашивалъ въ свою очередь Минай.

— Ну, да вотъ что, порѣшилъ наконецъ Степанъ Константиновичъ: тебѣ за овецъ — два съ гривенникомъ, а тебѣ за лѣтника восемьдесятъ копѣечекъ дадимъ; желаете? — получай деньги, а то проваливай дальше.

— Эхъ, ты жила этакой, вырвалось у обоихъ мужиковъ разомъ и, хлопнувъ по рукамъ съ дворникомъ, они повели лошадей въ ворота.

Алексѣй Ивановъ былъ около стойки, когда Артемъ съ Минаемъ вошли въ комнату за разсчетомъ. Увидя рядчика, Артемъ попятился-было назадъ, но было ужъ поздно: Алексѣй Ивановъ его примѣтилъ.

— Получайте, сказалъ Степанъ Константиновичъ, выкидывая на стойку двѣ рублевыя бумажки и кучу мѣдныхъ.

Минай потянулся за бумажками.

— Брать ничего не будете? спросилъ Степанъ Константиновичъ, прикрывая деньги ладонью.

— Не до бранья тутъ, когда подушныя требуютъ, сердился Минай.

— И по стаканчику не желаете? соблазнялъ Степанъ Константиновичъ.

Минай видимо колебался; однако пересилилъ себя и, отказавшись отъ всего, сполна получилъ деньги. Подвинулся Артемъ.

— Ты что-жъ, почтенный, когда съ нами расплатишься? обратился къ нему Алексѣй Ивановъ.

— Отдадимъ; сдѣлай милость такую, повремени маненько, просилъ тотъ.

— Нѣтъ, братъ, съ тобой видно честью не раздѣлаешься. Забралъ онъ у меня семь цѣлковыхъ, объяснялъ рядчикъ Степану Константиновичу, а послѣ того взялъ да обманомъ и снялъ у меня малаго съ работы; у насъ, говоритъ, вся семья въ слѣг-

лой боли лежитъ, отпусти поработаться дома; я съ дуру-то и повѣрь, а онъ его на чугунку пристроилъ.

Степанъ Константиновичъ ухмыльнулся.

Артемъ сталъ-было оправдываться, но Алексѣй Ивановъ объявилъ на отрѣзъ, что полтину онъ получитъ сейчасъ и, не дожидаясь согласія мужика, отсчиталъ себѣ десять пятаковъ. Взялъ Артемъ остальныя тридцать копѣекъ, подержалъ ихъ немного на ладони, да и выложилъ обратно на стойку.

— Дай полштофъ, а на лишнія соли, порѣшилъ онъ, и только-было присѣлъ въ уголокъ, подъ окошко, какъ въ сѣнцахъ закричали: Гулино горитъ. Всѣ бывшіе въ кабакѣ разомъ высыпали на крыльцо, и пошли споры. Одни доказывали, что Гулино правѣй, а горятъ Выселки; по мнѣнію же другихъ Гулино было лѣвѣй и пожаръ въ микулинской барской усадьбѣ; но гдѣ бы ни горѣло, а сзади постоялаго двора дѣйствительно колыхался, словно на небѣ, черный, широкій столбъ дыма. Увидалъ этотъ самый столбъ и Ерофей, подъѣзжая ужъ къ самой Хохловкѣ, но по его примѣтамъ горѣло гдѣ-то за Спасскимъ, а, пожалуй, и за рѣкой. Когда онъ отпрегъ лошадь и вошелъ въ избу, Матрена сидѣла на печи и неимовѣрно злилась, что никто ее дома не встрѣтилъ. Ванятка съ Паранькой ушли еще съ утра на хуторъ молотить барскую рожь за угодья.

— Ты гдѣ-жъ это, хозяйка, была? робко спросилъ Ерофей.

— Гдѣ была, тамъ видно, теперь нѣтъ, отвѣтила та.

Ерофей больше не любопытствовалъ; онъ молча засвѣтилъ лучину и вынулъ изъ-за пазухи деньги: бумажки были обѣ на лицо. «Еще гожаются ли подумалъ Ерофей, разглаживая въ особенности одну, по мнѣнію его, не совсѣмъ надежную ассигнацію; купцы какъ-то на свѣтъ ихъ пробуютъ», вспомнилось Ерофею, и онъ поднесъ бумажку къ самому свѣтцу, но неопытный глазъ ничего не разобралъ кромѣ темныхъ, масляныхъ пятенъ. Увидя деньги, Матрена какъ кошка прыгнула на полъ.

— Твои что-ль? спросила она.

— Съ рядчика, за Павлушку.

— Много?

— Шесть серебра...

— Ну, какъ же быть-то, уже поласковѣй заговорила Матрена: мнѣ безпремѣнно надо платокъ выкупить.

— Какой платокъ?

— Да новый платокъ, что Паранька накрывалась. Вѣдь я его только до вечера въ закладъ отдала.

Ерофей безсмысленно поглядѣлъ на жену: онъ не понималъ ни слова.

— Въ Гулинскомъ кабакѣ за тридцать копѣекъ оставила, пояснила Матрена.

Ерофей только руками развелъ.

— Да вѣдь платокъ-отъ болѣ рубля даденъ, сказалъ онъ.

— Ну, ужъ, видно, искать теперь негдѣ.

— Эхъ, кабы да настоящаго на тебя хозяина: потроху бы твоего, кажется, онъ не оставилъ за экое дѣло, съ горечью и какъ бы раскаяваясь въ своей слабости, выговорилъ Ерофей.

Матрена ближе подскочила къ мужу.

— Мало бы кому что, передразнила она его голосомъ. Кабы у меня былъ настоящій хозяинъ, такъ и я бы умѣла сидѣть не плоше другихъ, а то вотъ... Матрена, не докончивъ мысли, ткнула въ носъ Ерофея бумагу.

— Это что? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Прошеніе посреднику.

— Ну?...

— Вотъ-те и сказъ весь; въ среду сватъ Андрей велѣлъ идти къ нему; наказывалъ только, чтобъ въ ноги не кланяться, не упустила добавить Матрена.

Ерофей взялъ прошенье, повертѣлъ его въ рукахъ и нашелъ, что надо бы его, малость, воздухомъ провѣтрить; добре ты его, баба, пропарила, замѣтилъ онъ.

День за день, пришла наконецъ и среда.

Дорога къ посреднику, по увѣренію бывалыхъ у него людей, шла на волость, потомъ Куриловской засѣкой, тамъ большакомъ до трехъ ракитовъ, а оттуда вправо; дальше путь шелъ по особымъ у каждаго примѣтамъ. Одни совѣтовали ѣхать на какой-то Вершокъ, такъ чтобы онъ остался по лѣвую руку, и оттуда въ гору до лѣсу; а другіе говорили, что Вершка никакъ миновать нельзя и пріѣдешь прямо въ лѣсъ, а ужъ изъ лѣса, по общему отзыву, опять пойдетъ битая дорога до самаго посредника.

Было еще темно, когда Матрена съ Ванятком выѣхали изъ Хохловки и, понукая безпрестанно лошаденку, къ раннему обѣду добрались до Вершка. Къ немалому горю путниковъ, въ этомъ мѣстѣ перекрещивались три дороги: одна тянулась прямо на гору, двѣ отдѣлялись въ лѣвую сторону; на право же, какъ говорили, не было примѣтно даже слѣдочка. Ванятка пріостановилъ лошадь.

— Вишь кручь какая, сказалъ онъ, указывая впередъ кнутовищемъ.

— Ну, какъ же? спросила Матрена, тоскливо оглядывая лощину.

Ванятка вылѣзъ изъ саней, ступилъ нѣсколько шаговъ на право отъ дороги и увязъ въ снѣгу по поясъ; поднялся-было немного на гору, но и тутъ ему показалось неладно; поглядѣлъ, поглядѣлъ парень въ разныя стороны да и заворотилъ лошадь на лѣвую руку.

— Авось, доѣдемъ, сказала Матрена.

— Небось, успокоилъ ее сынокъ.

Дѣйствительно, обогнувъ гору, они очутились въ мелколѣсьѣ, по которому шла битая дорога, исправно обставленная вѣшками.

— На посредника, родимый? спросила Матрена встрѣтившагося мужичка.

— Она самая, отвѣчалъ тотъ, махнувъ кнутомъ по направленію дороги.

Скоро показались скирды, потянулся длинный плетень обочь молодого липняка и вдругъ, словно изъ земли, выросъ господскій домъ. Ванятка даже попятилъ лошадь.

— Куда-жъ теперь? робко спросилъ парень.

Матрена сама взяла возжи и, не помня себя отъ волненія, подъѣхала къ какому-то сарайчику, около котораго стояло уже нѣсколько крестьянскихъ саней. По тропинкѣ изъ дома шелъ какой-то мужикъ съ большой книгой и бумагами; съ крыльца показался другой, бѣгомъ догналъ этого, остановились, что-то сказали и такіе веселые пошли куда-то на крылечко съ перильцами. «Должно рѣшенье вышло», подумала Матрена, и почувствовала себя какъ будто смѣлѣе. Изъ крайней отъ анбаровъ избы вышла вдругъ цѣлая ватага сельскихъ старостъ, и потянулись всѣ къ дому. Матрена невольно пустилась за ними и очутилась въ хоромахъ.

Прислонившись къ изразцовой печкѣ стоялъ молоденькій, съ едва замѣтной бородкой старшина; налѣво виднѣлась полуотворенная стеклянная дверь — больше ничего не примѣтила Матрена. Она вспомнила про Ванятку, оглянулась: сына тутъ не было; бѣжать за нимъ—да вдругъ гдѣ-то близко послышался кашель, стеклянная дверь отворилась и всѣ старосты начали кланяться.

— Отчего у васъ до сихъ поръ такая огромная недоимка? строго спросилъ остановившійся у стола высокій мужчина съ русой бородой, въ романовской дубленкѣ и валенкахъ.

— Я, ваше высокоблагородіе, сколько разовъ имъ наказы-

валъ: собирайте подати, выдирайте откупные, лебезилъ старшина, переминаясь съ ноги на ногу.

Матрена видѣла начальство еще въ первый разъ и удивлялась наряду посредника.

— Зоринскій староста! крикнулъ посредникъ.

Изъ ряда отдѣлился черный, приземистый мужикъ.

— Почему у тебя собрано податей меньше другихъ?

— Добре народъ отощалъ, вашеское благородіе, третій годъ хлѣбушекъ не родится. У насъ, почесть, болѣ половины въ поборъ ушло, робко проговорилъ тотъ.

Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ посредника; онъ сурово взглянулъ на старшину.

— Это истинная правда, удостовѣрилъ тотъ; только осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе, ничего съ ними не подѣлаешь: народъ очненно избаловался.

— Гдѣ тамъ избаловался, началъ-было староста, но старшина не далъ ему говорить.

— Какъ же не избаловался, продолжалъ онъ, на секунду повернувшись къ зоринскому старостѣ.

— Лѣтошній годъ, докладывалъ онъ посреднику, управляющій предлагалъ имъ рожь молотить, по пятнадцати копѣекъ за копну, не пошли—добре, вишь, дешево; весной даже съ хоботьемъ давалъ ту же цѣну—ни одна то-есть душа не тронулась; теперь опять сычевскій прикащикъ нанималъ овесъ молотить: по двугривенному на день давалъ; на машинѣ, значитъ, а они ломятъ, дай по четвертаку съ копны.

— Правда это? спросилъ посредникъ старосту.

— Оно, хучь, точно что правда, выговорилъ тотъ, почесывая за ухомъ.

— Три рубля штрафу, приказалъ посредникъ, указывая пальцемъ старшинѣ на зоринскаго старосту.

— Я-жъ къ вамъ пріѣду; я васъ разъутюжу, други милые, кричалъ уже онъ. Имъ даютъ заработокъ, даютъ деньги въ руки, а они въ поборъ, на Христово имя добрыхъ людей обманывать, лежебоки проклятые! Нешто честные люди такъ дѣлаютъ? Дѣлаютъ-ли такъ честные люди, я у тебя, образина, спрашиваю, приставалъ онъ къ виновному старостѣ.

Тотъ упалъ на колѣни...

— Вашеское благородіе, явите божескую милость, ослобоните меня отъ евтой должности, заговорилъ онъ.

По привычкѣ къ подобнымъ скачкамъ, посредникъ не удивился этой неожиданной просьбѣ.

— А причина какая? спросилъ онъ, присаживаясь на уголъ стола.

— Ходить не отъ кого. Братъ еще осенью отдѣлился, хозяйка третью недѣлю померла, остался я весь тутъ, какъ есть; обшить, обмыть некому. Явите божескую милость, ослобоните.

Посредникъ опять взглянулъ на старшину.

— Это правда что братъ отдѣлился, ну, а на счетъ хозяйки доподлинно сказать не смѣю, доложилъ старшина.

— Точно что покончилась, поддержало нѣсколько голосовъ.

Посредникъ на минуту задумался и разрѣшилъ сдѣлать новые выборы.

— Мохровскій! снова вызвалъ онъ, заглядывая въ какую-то тетрадь.

— Мы-съ, отозвался крайній отъ стѣны.

— У тебя почему недоборъ?

— Мы, кажись, свои очистили, отвѣчалъ Мохровскій староста, взглядывая съ удивленіемъ на старшину.

— Подати очистили; а выкупные?

— Собираемъ, батюшка, стараемся...

— Много же у тебя собрано?

— Да рублевъ какъ бы на двѣсти съ прибавкомъ есть.

— А почему-жъ они не внесены? строго спросилъ посредникъ.

Староста молча понурился.

— Почему не внесены въ казначейство? уже закричалъ посредникъ приподымаясь съ мѣста, и ближе подвинулся къ ряду. Старосты невольно попятились; Матрена прижалась къ самой притолкѣ двери.

— Вамъ тысячу разъ было приказано никогда не держать у себя на рукахъ гроша мірского, громко и рѣдко говорилъ посредникъ, словно онъ гвозди вбивалъ въ головы мужиковъ. Слыхалъ ты это? спрашивалъ онъ мохровскаго старосту.

Тотъ молчалъ.

— Слыхалъ ты когда-нибудь то, что я сейчасъ говорилъ? настаивалъ посредникъ.

— Кажись будто слыхали, шепотомъ отозвался староста.

— А какъ же ты смѣешь не выполнять приказаніе начальства? Тебѣ приказываютъ тотчасъ же сдавать деньги для того, чтобъ ты ихъ не замоталъ, чтобъ у тебя не украли, чтобъ міру не пришлось за тебя отдуваться въ другой разъ. Понялъ?

— Поняли, батюшка.

— А вы слышали, что я приказывалъ? спросилъ онъ, оглядывая всѣхъ присутствующихъ.

— Слыхали, батюшка, Аверь Семенычъ, слыхали, заговорили старосты.

Посредникъ немного помолчалъ и снова обратился къ Мохровскому старостѣ.

— Когда же ты доберешь остальныя?

— Да вотъ изъ дороги, батюшка, поджидаемъ; а то, которые тоже на сторонѣ, по пашпортамъ есть: съ почты, значитъ, будетъ получка.

— Ну, а мнѣ, какъ прикажете, Аверь Семенычъ, не дожидаясь вызова, самъ выдвинулся еще какой-то староста.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ посредникъ.

— Да, вишь ты какая вышла у насъ помутка, объяснялъ староста: было у насъ два брата Самошины, надѣлъ они получили, то-есть, вполнѣ на три души. Меньшой-то живетъ теперь въ Питерѣ, по пашпорту, а старшой допрежь держалъ братову землю и повинности всѣ справлялъ, а теперь заковряжился и оброка за полторы души не отдаетъ и податей никакихъ не выдерешь. Міръ тоже евтой земли на себя не примаетъ.

— Ну?

— Такъ вотъ то-то обчество велѣло мнѣ дознать у вашей милости, могимъ-съ то-есть мы приступить къ ихъ имѣнью.

Посредникъ разспросилъ: кто у Самошиныхъ считается домохозяиномъ, съ чьего дозволенія живетъ одинъ братъ въ Питерѣ, и по этимъ даннымъ рѣшилъ вопросъ старосты.

— У нихъ, осмѣлюсь доложить ваше высокоблагородіе, говорилъ старшина, отъ того больше и вышло все это, что тотъ-то братъ не выслалъ значитъ этому денегъ — ну, этотъ-то и сталъ противничать.

Посредникъ ушелъ на минуту за стеклянную дверь и воротился оттуда съ закуренной папиросой.

— Даю вамъ еще недѣлю срока, объявилъ онъ, поглядывая черезъ головы мужиковъ на Матрену; только помните, что за кѣмъ изъ васъ останется недоимка къ празднику, тотъ всѣ святки просидитъ въ холодной. Слышали?

Головы старостъ заколыхались.

— Вотъ теперь и думайте, кого жалѣть, добавилъ въ свою очередь старшина, намекая этимъ на обычное мирволенье старостъ.

— А ты, обратился къ нему посредникъ, изволь объѣхать по всѣмъ селеньямъ, собери сходы и прикажи писарю, гдѣ нѣтъ грамотныхъ, прочитать крестьянамъ 188-ю ст. Общаго Положенія.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

— Въ этой статьѣ подробно говорится, какія мѣры можетъ принимать общество въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ.

— Опись составить, одно средствіе, нечаянно высказался старшина.

Посредникъ наморщился.

— Въ законѣ другія средства указаны, наставительно замѣтилъ онъ.

— Это точно что... да осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе, какъ теперича отдавать въ заработки, когда они всѣ передѣлимши, по одному живутъ; опять же хоть опекуна назначать.

— Только склыку дѣлать... міръ будоражить, замѣтили нѣкоторые изъ старостъ.

— У другого, почесть, одна овца на дворѣ, вотъ-те и все имѣнье, добавилъ зоринскій староста.

— Ну, это ты врешь, строго перебилъ его посредникъ; такіе домохозяева развѣ только у васъ, нищебродовъ, въ Зоринѣ найдутся.

— Нѣтъ, Аверь Семёнычъ, тоже, почесть, въ каждомъ селеніи розыскать можно.

— Ты, баба, зачѣмъ? спросилъ вдругъ посредникъ, глядя въ упоръ на Матрену.

Старосты оглянулись назадъ, раздвинулись, и Матрена очутилась лицомъ къ лицу съ начальствомъ.

Всѣ наставленія Силыча разомъ выскочили у нея изъ памяти; ноги ея словно вдругъ подломились и баба упала на колѣни.

— Не кланяйся, матушка; говори что̀ тебѣ нужно. Откуда ты? спросилъ посредникъ.

— Защити... родимый, только и вымолвила Матрена. Отъ горя и страха у ней все помутилось въ головѣ, она забыла даже названіе своей деревни.

— Подымите ее, приказалъ онъ.

Старшина выхватилъ изъ рукъ Матрены прошенье и подалъ Аверкію Семенычу. Тотъ развернулъ бумагу и началъ читать.

— Намъ можно отправляться? въ полголоса спросилъ старшина.

— Съ Богомъ! дозволилъ посредникъ, не отрывая глазъ отъ листа.

Старосты суетливо задвигались къ двери.

— Подати, выкупные! летѣло имъ въ слѣдъ, а то всѣ святки въ холодной.

«Ладно», думали про себя старосты и торопились съѣхать со двора, особенно тѣ, которые счастливо отдѣлались.

Прочитавъ первую страницу, посредникъ остановился, поглядѣлъ на бабу, потеръ рукою лобъ, опять заглянулъ въ прошенье и ушелъ за стеклянную дверь.

«Должно, сейчасъ рѣшенье будетъ», подумала Матрена и снова пожалѣла, что Ванятка самъ не услышитъ. Вдругъ отворилась наружная дверь, вошелъ мужикъ, а за нимъ Ванятка.

— Что-жъ ты, мамушка, долго, шепотомъ спросилъ онъ.

— Нишни, родненькій, заразъ рѣшенье будетъ, слухай... да не кланяйся; ухъ, какъ онъ меня, тоже шепотомъ объяснила Матрена. Она передвинулась къ печкѣ, на мѣсто старшины и рядомъ съ собою поставила сына. Времени прошло не мало. Матрена начинала уже чувствовать истому и голодъ.

— Гдѣ-бъ тутъ намъ лошадь-то попоить? шепотомъ спросилъ Ванятка у матери. Та хотѣла что-то сказать, но за дверью опять послышался кашель и посредникъ снова былъ на лицо.

— Кто тебѣ эту ерунду писалъ? спросилъ онъ, показывая бумагу.

— Человѣкъ, кормилецъ, умильно отвѣчала Матрена.

— Прохвостъ, а не человѣкъ, отрѣзалъ посредникъ. Я справлялся сейчасъ по ревизской сказкѣ, смотрѣлъ приговоръ вашего общества... ты хохловская?

— Хохловскія, родимый, хохловскія.

— Ну, стало быть все это вранье у тебя написано. Во-первыхъ, твоему мужу только сорокъ одинъ годъ, такъ?

— Съ годомъ-сорокъ, точно, кормилецъ.

— Какой же онъ не работникъ? вранье.... страдаетъ удушьемъ — объ этомъ я допрошу общество; если крестьяне признаютъ его неспособнымъ, по болѣзни, къ работѣ и дадутъ о томъ приговоръ— тогда мужа твоего считать не будемъ, а иначе дѣло твое, баба, не подойдетъ.

— Да это, кормилецъ, про Вукола нешто, онъ былъ съ удушьемъ, осмѣлилась сказать Матрена.

— Какой Вуколъ? посредникъ съ удивленіемъ заглянулъ въ прошеніе.

— Такъ, дѣдушка Вуколъ, его недавнушко схоронили, ёнъ намъ совсѣмъ чужой былъ, пояснилъ Ванятка.

— А ты откуда? спросилъ его посредникъ.

— Сынокъ, батюшка, мой, тотъ-то самый, котораго въ ставку записали.

Посредникъ вымѣрялъ глазами парня.

— У тебя дѣти, значитъ, отъ разныхъ отцевъ, что ли? допрашивалъ онъ, никакъ не постигая о какихъ это малолѣтныхъ сиротахъ говорится въ прошеніи.

Баба въ недоумѣніи поглядѣла на Аверкія Семеныча.

— Я, кормилецъ, только за одново замужъ шла; хозяинъ и теперь при мнѣ.

Посредникъ явно уже начиналъ горячиться.

— Какого-жъ пострѣла у тебя тутъ нагорожено: и мужъ съ удушьемъ, и малолѣтныя сироты... Какъ же ты смѣешь подавать такія небылицы, закричалъ онъ, швырнувъ прошеніе Матрены на полъ.

Бабѣ показалось, что въ комнатѣ разомъ стемнѣло. Такъ долго лелѣянная надежда застоять Ванятку, разлетѣлась прахомъ отъ одного рѣзкаго движенья посредника и даже прошенье, то самое прошенье, которое столько дней, какъ святыня, сберегалось въ переднемъ углѣ, надъ образомъ, теперь валялось у ногъ посторонняго мужика. Матрена слегка пошатнулась на сына.

Аверкій Семенычъ порывисто дергалъ себя за правый усъ; даже слышно было, какъ скрипѣли его челюсти.

— Подати платить — денегъ у нихъ нѣтъ; а мерзавцевъ, кляузниковъ виномъ поить... голодомъ бы заморить всѣхъ... вашихъ аблакатовъ подлыхъ... веревки такой скверной нѣтъ, на которой бы этихъ кровопійцъ повѣсить слѣдовало... безсвязно, словно сквозь сонъ, прибиралъ Аверкій Семенычъ.

— Ну, баба, сказалъ онъ наконецъ, уже лично Матренѣ, прошенье свое ты возьми и подари, если желаешь, тому самому пьяницѣ, который строчилъ его.

Матрена безсмысленно глядѣла на посредника.

— А такъ какъ сынъ твой назначенъ въ рекруты сельскимъ обществомъ, то, по закону, ты должна теперь жаловаться волостному сходу. Поняла?

Матрена тяжело вздохнула.

— Если же волостной сходъ тебя не ублаготворитъ, а дѣло твое будетъ правое, тогда можешь жаловаться Мировому Съѣзду. Слышала?

— Кажись, на что понятнѣй, замѣтилъ мужикъ. Матрена упорно молчала. Невольно увлеченная примѣромъ посредника, она чувствовала непреодолимое желаніе выругать Дормидонта Иваныча, да на память ей какъ-то все не приходило подходящее слово; по сознанію же Матрены, вся слышанная ею брань была словно не та, слѣдовало бы обозвать еще хуже.

— Тебѣ, дядя, что требуется? ласково обратился Аверкій Семеновичъ къ мужику.

— На счетъ фитанца, батюшка, отвѣчалъ тотъ, ближе подвигаясь къ посреднику.

— Квитанцію хочешь купить?

— Да, батюшка, Аверь Семенычъ, откупъ, значитъ, въ казну желаемъ внести. Мы микулинскіе, Михайло Соврасовъ, назвалъ себя новый проситель.

— Это доброе дѣло! А деньги готовы?

Мужикъ отвернулся въ уголъ комнаты, распоясался, зазвенѣлъ чѣмъ-то и, вытащивъ толстую пачку ассигнацій, обѣими руками положилъ на столъ. Матрена такъ и прильнула глазами къ появившейся кипѣ разноцвѣтныхъ бумажекъ, а Ванятка даже не вытерпѣлъ и во весь голосъ протянулъ: — Деньжищевъ-то.

— Много? не безъ удивленія спросилъ и посредникъ.

— Шестьсотъ серебра.

Посредникъ объяснилъ, какъ и гдѣ слѣдуетъ хлопотать о выкупной квитанціи.

— Можетъ еще, значитъ, и не выйдетъ? въ раздумьи спросилъ Михаилъ Соврасовъ.

— А не выйдетъ — тогда дадутъ тебѣ свидѣтельство на охотника, утѣшилъ его Аверкій Семенычъ.

— Нѣтъ, эта линія намъ не подойдетъ, подумавши заговорилъ мужикъ. Ты самъ, кажется, понять можешь, каковы нынѣ охотники, сколько, то-есть, капитала съ ними проведешь да сколько всяческихъ мѣстовъ пройти нужно. Опять же гдѣ ихъ и взять, этихъ охотниковъ?

— Какъ знаешь, равнодушно замѣтилъ посредникъ.

— Мы думали-было такъ, продолжалъ мужикъ, отдамъ я твоей милости денежки да и дѣлу конецъ.

— Я, братъ, ни въ какомъ случаѣ денегъ не принимаю; на это есть казначейство.

— Да до казначейства-то хоть поберегй у себя: все будто намъ безъ сумленія, упрашивалъ мужикъ, и посредникъ, наконецъ, согласился принять деньги на храненіе.

— Собственныя? спросилъ онъ, пересчитавъ ассигнаціи.

— Гдѣ такую махину набрать! Сотъ до двухъ точно наши, а то братъ изъ Питера прислалъ, въ живейныхъ тамъ ѣздитъ; да вотъ обоихъ робятъ заложилъ въ нашемъ городѣ, можетъ слыхалъ Липатъ Панкратыча?

Посредникъ кивнулъ головой.

— Ну, вотъ, Липатъ Панкратьичу на года отдалъ.... Да какъ же это такъ, уже подпоясываясь кушакомъ, словно разсуждалъ вслухъ Михаилъ Соврасовъ: сказывали люди, что нынѣ всѣ фитанцы казна за себя взяла и охотниковъ отъ того не берутъ, а по дѣлу выходитъ и охотниковъ тоже принимаютъ: вотъ такъ штука!

За стеклянной дверью кто-то громко позвалъ Аверкія Семеновича, объявивъ, что готово кушать.

Посредникъ еще разъ повторилъ Матренѣ, куда и какимъ порядкомъ жалуются по рекрутскимъ дѣламъ, сказалъ ей когда будетъ назначенъ волостной сходъ въ Спасскомъ и приказалъ непремѣнно явиться въ правленіе. Аверкій Семеновичъ сидѣлъ уже за столомъ и весело разговаривалъ съ своей маленькой дочкой, когда Матрена съ Ваняткой проѣхали мимо дома обратно. Ни липника, ни длиннаго плетня, ничего теперь не замѣтила Матрена, ей мерещилась та разноцвѣтная пачка бумажекъ, которую вытащилъ откуда-то Михаилъ Соврасовъ, и послѣ унесъ съ собою посредникъ. Теперь стало бабѣ ясно, какъ день, что только деньгами можно устроить ту штуку, надъ которой она безполезно ломала голову, лежа на печи у Силыча.

— А гдѣ взять экую махинищу? спрашивала себя Матрена и, припоминая объясненія мужика, думала, что ребятъ тоже можно заложить какому-нибудь Липатъ Панкратьичу; Андрей Силычъ можетъ усилиться сколько-нибудь и подмогнетъ. Ну, а братъ-то питерскій гдѣ же, словно поддразнивалъ кто-то Матрену—и она мысленно проклинала Ерофея за то, что у него нѣтъ въ Питерѣ брата, что и самъ онъ совсѣмъ не похожъ на Михайлу Соврасова, что у него даже голова лысая. Матрена отплюнулась.

— Что ты, мамушка? спросилъ Ванятка.

— Такъ родимый, кабы хлѣбушка пожевать, добре отощала.

Въ Вершку остановились; отыскали подъ веретьемъ, въ соломѣ, краюшку хлѣба, но укусить его не было никакой возможности, отъ мороза онъ сдѣлался камнемъ.

— Врядъ, одначе, до двора доѣдемъ, замѣтилъ Ванятка, оглядывая лошадь; ишь, меринъ-то ухи повѣсилъ, скоро совсѣмъ пристанетъ.

— Заночуемъ, уныло проговорила Матрена.

— Заночуешь, какъ станетъ; на себѣ его тоже не поволокешь, и Ванятка снова тронулъ.

Выбравшись на большакъ, лошаденка дѣйствительно стала, а Матрена съ Ваняткой принуждены были идти пѣшкомъ до Куриловскихъ двориковъ, гдѣ и остановились у крайней хаты. Хозяиномъ жилища оказался дворовый человѣкъ Абрамъ Ивановъ, бывшій до воли садовникомъ у микулинской барыни, а теперь сапожнымъ мастерствомъ пропитывающій хворую жену и семерыхъ ребятишекъ, малъ-мала меньше. Оглядывая по угламъ избу, Ванятка замѣтилъ, что стѣны сплошь были мокрыя, а не подрубленная въ пазахъ солома мѣстами даже бѣлѣлась отъ инея. «Важно бы теперь на печь», вдругъ вздумалось парню, но

въ ту же минуту тамъ сипло запищалъ маленькій ребенокъ, поднялась голова, словно не этого свѣта женщины, что-то еще подвигалось подъ какою-то покрышкой. Ванятка даже подивился, какъ они всѣ туда натискались.

— Слава Богу, живемъ по-маленьку, разсказывалъ Абрамъ Ивановъ Матренѣ. И мѣстовъ, признаться, много выходитъ, да по своей волѣ все будто какъ-то лучше, потому ныньче вездѣ эти штрахи завелись; не смѣй человѣкъ рюмки вина себѣ выпить. Онъ досталъ съ конца деревянную, въ мѣдной оправѣ трубочку, поковырялъ пепелъ гвоздемъ и прижегъ. Матрена едва не задохнулась и раскашлялась.

— Съ непривычки, успокоивалъ ее Абрамъ Ивановъ. Я, вотъ, бабка, скорѣй хлѣба лишусь, а ужъ безъ табаку не останусь; это, я тебѣ скажу, у кого какое расположенье. Теперь хоть бы жена моя, была завсегда въ горницѣ, при самой барынѣ, къ чаямъ да кофеямъ привычку изъимѣла, ну и не можетъ никакъ забыть. У насъ другой разъ дня по два и варева не бываетъ; вскипятимъ самоварчикъ, да напьемся съ хлѣбушкомъ—тѣмъ и питаемся.

— Ну-жъ житье, насмѣшливо замѣтилъ Ванятка, хуже хрестьянскаго.

— Каково, братъ, оно ни-на-есть, да наше собственное, съ гордостью возразилъ Абрамъ Ивановъ. Съ вами хлѣбъ-то есть? спросилъ онъ.

Ванятка показалъ мерзлую краюшку.

— Вотъ и чудесно, явно обрадовался Абрамъ Ивановъ, мы вскипятимъ самоварчикъ и поужинаемъ.

Онъ живо принялся за дѣло. Ванятка вышелъ поглядѣть мерина. Двора у Абрама Иванова не было. Куриловскіе мужики позволили ему, за полведра водки, выстроить на мірской землѣ избу; обложили его за это полтинникомъ въ годъ, но денегъ еще ни разу не получали, потому что взять нечего.

«И дровъ-то, знать, они не запасаютъ», подумалъ Ванятка, отыскивая глазами костеръ, который, по мнѣнію парня, непремѣнно бы долженъ быть тутъ гдѣ-нибудь, подъ руками.—Ну-жъ цыгане, какъ есть цыгане», заключилъ онъ, снова входя въ избу. Въ переднемъ углу кипѣлъ уже самоваръ, надъ которымъ костлявой рукою придерживала чайникъ до-нельзя худая и желтая, но все еще красивая жена Абрама Иванова. На ней была грязная фланелевая юбка и атласный ватный шушунъ, вѣроятно доставшійся съ барскаго плечика. Налила она въ стаканъ Абрама Иванова какой-то свѣтло-буренькой водицы, налила чашку Матренѣ, себѣ, подала чашку на печь; а Ванятка, не дождавшись

очереди, накрошилъ полуоттаявшаго хлѣба въ большую деревянную чашку, обварилъ его кипяткомъ прямо изъ самовара и, приправивъ немного солью, за обѣ щеки убиралъ тюрю.

— Вотъ такъ наперся, сказалъ онъ и, перекрестясь на образъ, поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль.

— Теперь можно намъ и таво.... Ты, мамушка, случаемъ, погляди мерина, наказалъ онъ, придвигаясь въ самый уголъ неширокой лавки.

— Одно слово, душу въ себѣ человѣкъ имѣетъ, разсказывалъ Абрамъ Ивановъ. Вотъ я тебѣ скажу, бабка, было со мной приключеніе. Судились мы съ барыней за оброкъ, при томъ еще посредникѣ; только и присудилъ онъ мнѣ, значитъ, отдать за два года рублевъ подъ тридцать. Хорошо! Черезъ сколько-нибудь времени, барыня моя опять съ прошеньемъ — не отдаетъ дескать; ну, и порѣшили тутъ ужъ меня въ заработки. Совались въ городѣ со мной не мало, никто не беретъ; однако, городничій былъ тогда куда тебѣ бѣдовый, — приказалъ квартальному, чтобъ безпремѣнно то-есть меня пристроить. Такимъ образомъ и отдали меня, голубчика, къ башмачнику; а я, тоесть, шила-то отродясь въ рукахъ не имѣлъ. Только прожилъ я тамъ недѣль, можетъ, шесть; къ работишкѣ малость поприсмотрѣлся—опять рѣшенье: выпустить изъ заработковъ! Такъ я и думалъ ужъ, что мое дѣло покончилось, вдругъ ныньче, по осени, требуютъ въ волостную; предписанье, говоритъ писарь, пришло — оброкъ съ тебя взыскиваютъ; я отъ себя отношенье: такъ, молъ, и такъ, должнымъ не состою. Нѣтъ, братъ, не съ пустымъ пристали: тянутъ да и полно! Научили меня тутъ добрые люди сходить къ самому Аверь Семенычу. Хорошо! Разсказалъ это я ему все до подробности. Такъ молъ и такъ, говорю; отчего же, говорю, тогда съ меня не взыскивали, когда я одинъ, не женёмши былъ, а теперь, говорю, на моихъ харчахъ еще семь животовъ прибавилось; извольте, говорю, прежде имъ призрѣніе сдѣлать. Ничего, выслушалъ онъ.—Только, говоритъ, зачѣмъ же ты, говоритъ, братецъ, столько дѣтей народилъ, когда тебѣ ихъ кормить нечѣмъ?—Господь, говорю, сударь, зародилъ ихъ, а я, говорю, не причемъ. Приказалъ онъ мнѣ тутъ идти домой; я, говоритъ, самъ объ тебѣ похлопочу. И точно: усовѣстилъ вѣдь нашу барыню — отстала теперь отъ меня въ чистую.

Ванятка словно ждалъ этого конца. Онъ вдругъ замычалъ сквозь сонъ и протянулся во всю лавку такъ, что даже мать съ мѣста сдвинулъ.

— Эка, парень-то у тебя здоровенный, невольно замѣтилъ Абрамъ Ивановъ.

— Добре заморился, сердечный, жалостливо отозвалась Матрена.

Абрамъ Ивановъ придвинулъ къ самому почти устью печи два тесовые сундучка и, перегнувшись чуть не втрое, улегся, какъ онъ самъ выразился, въ своемъ новомъ кабинетѣ. Матрена тоже свернулась клубкомъ на остальномъ концѣ занятой сыномъ лавки. Припомнила она теперь все ею вытерпѣнное до сихъ поръ, муки казалось приняла не мало, а дѣло ни на волосъ впередъ не тронулось. Не удалось даже скрыть поѣздку къ посреднику, и о томъ успѣли-таки провѣдать хохловцы. Параня нечаянно какъ-то проговорилась Семеновой хозяйкѣ; та сейчасъ же передала Грунѣ, Груня—бабкѣ; а въ то время, какъ Матрена разсѣянно слушала приключенія Абрама Иванова, бабка изъ всей мочи донимала Прохора, чтобы и онъ тоже шелъ съ прошеньемъ къ посреднику.

— Да объ чемъ я буду просить, отговаривался Прохоръ, вѣдь насъ міромъ ослобонили.

— Все равно, настаивала бабка, ужъ коли Матрена ушла, и тебѣ не слѣдъ сидѣть дома. Малаго прозѣвать не долго, потому Матрена сдавнушка баба извѣстная, можетъ и наговоры какіе знаетъ, али еще какимъ подвохомъ обойдетъ начальника— тогда и искать будетъ негдѣ.

Прохоръ въ свою очередь доказывалъ, что начальство обойдти никакъ нельзя, потому къ нему ничего даже не пристаетъ.

— Я самъ, примѣромъ, начальникъ, пѣтушился Прохоръ, нешто могитъ кто сдѣлать мнѣ спорчу?

— Эко важное кушанье, сельскій, возражала бабка; волостной-то почище тебя — и то спортили.

Прохоръ только крякнулъ, но больше не противорѣчилъ. Онъ вспомнилъ Куриловскаго старшину, про котораго дѣйствительно ходили слухи, будто его испортили за какое-то дѣло, отчего онъ даже въ могилу сошелъ.

Обратились за совѣтомъ къ Егору. Выслушавъ требованія бабки и сомнѣнія Прохора, дядя Егоръ положительно объявилъ, что все это дѣло ничего не важитъ, потому коли міръ ослобонилъ, такъ никто, значитъ, перемѣнить ужъ не можетъ.

— А ну-ка, посредникъ прикажетъ, недовѣрчиво спрашивалъ Прохоръ.

— Велика птица посредникъ! Мы тогда свои права искать будемъ; призводителю прошенье отхватимъ, утѣшалъ Егоръ.

— А ну-ка и тамъ наше не выгоритъ?

— Вышнему начальству! Нешто въ губернію-то намъ дорога заказана? Главное дѣло, братъ, опчество; тутъ вся сила; опчеству надо ублаготворить, а начальства-то всякаго нынче оченно много: гдѣ-нибудь безпремѣнно своего добьешься, убѣдительно доказывалъ Егоръ.

И вѣрилось Прохору, оттого вѣрилось, что желательнѣе было именно то, о чемъ Егоръ разсказывалъ, а бабка, кажись, только стращаетъ. Къ тому же до набора оставалось еще три недѣли, а посредникъ съ исправникомъ неотступно требуютъ податей и тоже стращаютъ: одинъ штрафами, да холодной; другой—губернаторомъ. Прохоръ махнулъ рукой на собственное дѣло и усердно принялся выдирать съ мужиковъ казенныя деньги. Дѣло однако не обошлось безъ волостного старшины: Платонъ Петровичъ опять пріѣхалъ въ Хохловку.

На этотъ разъ сходъ собрался на улицѣ, потому что дня два уже продолжалась оттепель.

— Грамотные есть у васъ? спросилъ старшина. Мужики боязливо переглянулись. «Видно еще затѣваютъ что-нибудь», думалъ каждый.

— Что-жъ молчите? обратился Прохоръ къ міру.

— А намъ что говорить—ты староста, ты и долженъ знать, чего требуется начальству, уклончиво отозвались нѣкоторые; большинство же выжидало чтò будетъ дальше.

— У Панфила, кажись, мальчёнка въ школу ходилъ, объявилъ староста.

— Да читать-то умѣетъ? спросилъ наконецъ Захаръ Андреичъ.

— Азы по книжкѣ разбираетъ, а тамъ кто-жъ вѣдаетъ, мы сами люди темные, съ видимой неохотою объяснился Панфилъ.

Не дожидаясь особаго приказанія, Захаръ Андреичъ развернулъ Положеніе и прочиталъ статью о мѣрахъ взысканія недоимокъ.

— Таперича вы, православные, слыхали, какія то-есть права могитъ опчество избирать съ недоимщиками, началъ разъяснять старшина. Первò-нà-перво, значитъ, отдать въ заработки, али придѣлить опекуна, а тамъ ужъ приступать къ имѣнью.

— Мы и такъ отдадимъ, увѣрялъ Егоръ.

— Нѣтъ, братъ, начальство не ждетъ! Меня ужъ замучили: то посредникъ требуетъ, то исправникъ; вчера этотъ даже побожился: коли, говоритъ, къ пятницѣ остальныхъ не привезешь, я тебя, говоритъ, въ губернію отправлю.

— А могитъ онъ нешто до срока требовать? дерзко спросилъ Егоръ.

Старшина только брови сдвинулъ. Ему по опыту было уже извѣстно, что въ каждомъ селеніи непремѣнно есть Егоръ; что ихъ ядовитыя рѣчи имѣютъ значительное вліяніе на людей безхарактерныхъ и что сами Егоры обыкновенно выходятъ изъ воды сухи, а достается только тѣмъ простакамъ, которые ихъ слушаютъ, и потому, не отвѣчая лично Егору, Платонъ Петровичъ счелъ за лучшее обратиться ко всему міру.

— Противничать начальству никто не смѣетъ, потому больше набольшаго видно не будешь. Слыхали, небось, какъ Аверь Семенычъ приказываетъ: чтó, молъ, съ кого спрашивается, тотъ то и сполняй; тамъ послѣ жалься вышнему начальству, коли сумлѣніе въ себѣ имѣешь, а противничать все-таки не смѣй. Нашего брата за противность тоже розгами дуютъ, добавилъ старшина, обращаясь уже лично къ Егору.

Тотъ молча поправилъ шапку и попятился за сосѣда.

— Вы, православные, помирнеича какъ-нибудь, чтобы и вамъ значитъ не плохо было, и начальству пріятность сдѣлать, продолжалъ Платонъ Петровичъ, ласковымъ, словно заискивающимъ голосомъ. За кѣмъ недоимочка есть? спросилъ онъ старосту.

Стали перебирать по дворамъ; по счету Прохора недоборовъ оказалось болѣе того, сколько дѣйствительно требовалось казначействомъ. Мужики заспорили, и волостному старшинѣ стоило немалаго труда добиться истины. А между тѣмъ все было очень просто.

Подати дѣйствительно уплатили не всѣ, но многіе не отдали еще денегъ на содержаніе училища и оспопрививателю; староста же Прохоръ, по настоятельному требованію начальства, ублаготворилъ и учителя, и оспенника заслуженнымъ ими жалованьемъ, и для этого затратилъ часть собранныхъ податей; съ податями платили нѣкоторые и волостныя; но какъ эти деньги не попали по назначенію, то и вышла помутка. Сведя итогъ прихода съ расходомъ, старшина убѣдился, что показаніе Прохора было справедливо; признали наконецъ и мужики вѣрность частныхъ разсчетовъ, но все еще спорили, потому что спорилъ Егоръ. Уже поздно вечеромъ возвратился Платонъ Петровичъ въ Спасское и, внимательно пересчитавъ хохловскія деньги, не безъ удовольствія спряталъ ихъ въ большой крашеный сундукъ волостного правленія.

— Теперича надо только протасьевскихъ подогнать, а то и вся волость будетъ въ очисткѣ, сказалъ онъ самодовольно, разглаживая бороду.

— Эту половину хоть куда поправились, пожалуй и штрафныхъ не будетъ, замѣтилъ Захаръ Андреичъ.

— Мужички, значитъ, къ порядку начали пріучаться.... Вотъ кабы только Егора выпороть когда получше, много-бъ, я думаю, онъ помягчилъ, сказалъ Платонъ Петровичъ, видимо еще находясь подъ впечатлѣніемъ проведеннаго въ Хохловкѣ дня.

— Да, это бы точно не мѣшало; а кстати бы ужъ у насъ, въ Спасскомъ, Павла Музалева; можно и Сидора Аниконова.

— Правда, правда, подтвердилъ старшина, а въ Протасьевкѣ Саватьку.

— Саватька—дуракъ непокрытый; вотъ Николая Васильича слѣдовало бы урезонить немножко, потому очень загордѣлъ и отъ него завсегда всѣ пакости начинаются.... и долго еще перебирались имена тѣхъ крестьянъ, которыхъ, по мнѣнію представителей спасскаго волостного правленія, слѣдовало немножко урезонить.

На другой день Рождества Ванятка съ женою поѣхали въ Гулино.

Выслушавъ разсказъ зятя о томъ, какъ принялъ посредникъ прошенье и чтó онъ съ этимъ прошеньемъ сдѣлалъ, Андрей Силычъ потянулъ за поясъ.

— «На, говоритъ, отдай своему пьяницѣ», словно на смѣхъ повторилъ въ другой разъ Ванятка слова Аверкія Семеныча.

— Дуракъ, крикнулъ Андрей Силычъ такимъ голосомъ, что Катерина съ дочерью тотчасъ же убрались въ бабью избу, а Ванятка прикусилъ языкъ и сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ.

По непостижимой способности мозговыхъ отправленій, первое непріязненное чувство Андрея Силыча обратилось на посредника. Хвалить Дормидошку нечего, онъ уже извѣстный пьяница, да все-таки прошенье-то писано по моему приказу, и изъ этихъ посылокъ раздраженное самолюбіе Силыча выводило заключеніе, что оскорбленіе сдѣлано лично ему, Андрею Силычу. Требовалось сорвать зло, и вотъ достаточно было нѣсколькихъ неосторожныхъ словъ Ивана, чтобы сдѣлаться безъ вины виноватымъ.

— Васъ, мякинниковъ поганыхъ и послать-то никуда нельзя; безпремѣнно что-нибудь спакостите, горячился Андрей Силычъ. Вѣдь я наказывалъ твоей старой дурищѣ, чтобъ не кланяться ему въ ноги: за коимъ же шутомъ, прости Господи, вы на колѣняхъ тамъ елозили?

— Да это все мамушка, едва выговорилъ Ванятка.

— Мамушка, мамушка, передразнилъ Андрей Силычъ, непріятно искрививши ротъ. Кабы вы толкомъ-то ему разсказали,

какъ быть должно, принялъ бы онъ и прошенье; а вы, небось, городили чуху всякую, что на умъ взбрело. Сволочные! заключилъ Силычъ и, облокотившись на столъ, запустилъ всѣ пальцы лѣвой руки въ свою бороду.

— Енъ самъ все допытывалъ, сказалъ Ванятка.

Силычъ быстро глянулъ на малаго.

— Ну?

— Про отца спросилъ, сколько годовъ ему; про Вукола поминалъ зачѣмъ-то, должно въ бумагѣ было прописано, пояснилъ Ванятка.

— Мерзавецъ, пьянюшка, а еще чиновникомъ тоже величается, сказалъ Силычъ, представляя себѣ фигуру Дормидонта Иваныча, и съ омерзеніемъ плюнулъ въ воображаемое лицо аблаката.

И тесть, и зять сидѣли молча. Оба думали объ одномъ, но каждый по-своему. При отъѣздѣ изъ дома, мать строго наказывала Ваняткѣ, хоть ноги у Силыча вылизать, только бы выпросить денегъ на покупку квитанціи. «По началу онъ тебя, сынокъ, безпремѣнно изругаетъ, вспомнились теперь Ивану слова матери, можетъ и побьетъ даже; а ты все-таки кланяйся, потому у свата деньжищевъ какъ бы не въ пять разовъ поболѣ микулинскаго мужика. «И гдѣ онѣ у него спрятаны, думалъ Иванъ; кажись, кабы только мѣсто знать, а то не въ примѣръ легче украсть, чѣмъ просить у экого жилы». Силычъ тоже соображалъ, какую бы ему сдѣлать милость для зятя, если только Ваняткѣ неминуемо придется идти въ солдаты? И порѣшилъ: дать въ награжденье десять цѣлковыхъ, да дубленую шубу, а дочь опять взять къ себѣ, до возвращенія мужа изъ службы. Катерина два раза уже подходила къ двери, прикладывала ухо, но никакъ не могла придумать, отчего это въ горницѣ никто словечка не проронитъ: «ужъ благополучно ли тамъ», мерещилось бабѣ, и она несказанно обрадовалась увидя входящаго на крыльцо священника съ причтомъ.

— Сюда, батюшка, сюда пожалуйте, засуетилась Катерина, отворяя дверь горницы.

Окончивъ молитву, священникъ присѣлъ къ столу, на которомъ тотчасъ же появилось праздничное угощеніе. Священникъ выпилъ рюмку водки, крякнулъ и похвалилъ.

— А гдѣ брали? спросилъ онъ, указывая пальцемъ на графинчикъ.

— Съ завода, батюшка, отъ Чернявскаго, отвѣтилъ Силычъ.

— Доброе винцо, доброе, похвалилъ въ свою очередь пономарь; въ городѣ такого врядъ добудешь!

— По знакомству, Яковъ Васильевичъ, баринъ насъ уважилъ. Особенной, говоритъ, очистки, которая для своего стола потребляется, пояснилъ Андрей Силычъ, снова наливая въ стаканчикъ. Прикушайте-ка, попросилъ онъ священника. Тотъ отказался.

— Яковъ Васильевичъ, обратился съ поклономъ хозяинъ, подвигая стаканчикъ пономарю.

— Не много ли будетъ? сказалъ онъ, слегка покосившись на священника; однако вымѣрялъ глазами стаканчикъ и разомъ опрокинулъ его въ ротъ.

— А гдѣ-жъ сынки твои, Андрей Силычъ? спросилъ священникъ, оглядывая по головамъ семью.

— Изъ дороги еще не бывали. По разсчетамъ надоть бы пріѣхать дня за три до праздника, да вотъ и по сей часъ нѣтъ. Должно рѣка гдѣ-нибудь захватила.

— Измѣненія въ природѣ огромныя, глубокомысленно замѣтилъ молодой дьячокъ.

— Да! Бывало теперешнюю пору морозы трещатъ, а нонѣ дождь поливаетъ, рѣки прошли, сказалъ Андрей Силычъ съ тяжелымъ вздохомъ о прошедшемъ времени.

— Должно полагать, этотъ паводокъ не обойдется зеленямъ даромъ? спросилъ священникъ.

— Господь знаетъ — какова тоже весна; а по низкимъ мѣстамъ, пожалуй, изъянъ будетъ.

— Вѣдь ужъ это который годъ къ ряду, замѣтилъ дьячокъ.

— Трудно народушку стало, охъ трудно, вздыхая и гремя церковною кружкою, проговорилъ сѣдой, какъ лунь, ктиторъ.

— Недородъ, недородъ, а пьянство еще пуще того разорило, сказалъ священникъ, и приподнялся съ лавки.

— На дорожку, батюшка, просилъ Андрей Силычъ, опять наполняя стаканчикъ.

Священникъ еще разъ отказался.

— Ну, красненькаго, пожалуйте, угощалъ Силычъ. Выпивъ полрюмки красненькаго, священникъ отправился далѣе по деревнѣ.

— Чуднóй, право, человѣкъ, этотъ батька, высказался наконецъ Яковъ Васильевичъ. Самъ не пьетъ и мы за нимъ посты объ масляной соблюдай, и въ доказательство, вѣроятно, того, что онъ не сочувствуетъ этому правилу, залпомъ хватилъ и красненькой и бѣленькой.

За обѣдомъ Андрей Силычъ ѣлъ мало и ни съ кѣмъ не разговаривалъ; молчали уже поневолѣ и остальные, а когда хозяинъ ушелъ въ горницу, то всѣмъ показалось, будто въ избѣ стало свѣтлѣе и легче. Прасковья съ невѣстками и Ва-

нятка вышли на улицу. Холостые парни въ праздничныхъ полушубкахъ и подпоясках; молодыя бабы и дѣвки, тоже въ полушубкахъ и пестрыхъ платкахъ яркихъ цвѣтовъ, кучками стояли въ разныхъ мѣстахъ. Повсюду слышались говоръ и смѣхъ. Самое же людное и веселое сборище было на концѣ деревни, около пустого сруба Василья-кузнеца. Здѣсь особенно отличались своимъ удальствомъ сынъ кузнеца — Осипъ, высокій, красивый парень, въ красной рубахѣ и синей мѣховой поддевкѣ, на распашку, да его двоюродный братъ, недавно отданный въ военную службу и уже воротившійся по билету. Этотъ тоже былъ въ красной рубахѣ, черномъ суконномъ жилетѣ съ военными пуговицами и небрежно накинутомъ на плечи дубленомъ полушубкѣ. Солдатъ наигрывалъ на гармоникѣ «Барыню», а Осипъ, подпершись обѣими руками и не трогаясь почти съ мѣста, ловко выбивалъ каблуками тактъ музыки.

— Да ты тронь, Ося, тронь, уговаривали его изъ толпы.

Парень обвелъ глазами собравшійся около него кругъ, лукаво подмигнулъ какой-то изъ молодыхъ женщинъ и словно нехотя пошелъ перекладывать одну ногу за другую; на половинѣ круга стукнулъ каблуками и мелкой дробью тронулъ вправо; турманомъ перевернулся нѣсколько разъ около самаго ряда красивыхъ дѣвокъ, и заслышавъ ускоренный темпъ, разомъ ударилъ въ присядку. Ходуномъ заходили его плечи, какъ уголья засвѣтились глаза, плясали уже не однѣ ноги, плясалъ цѣликомъ русскій парень—весь до послѣдней косточки.

— Прибавь, Сеня, прибавь, покрикивалъ онъ въ ту сторону, откуда летѣли одушевляющіе звуки, и хотя Сеня игралъ уже такъ скоро, какъ только позволяло устройство музыкальнаго инструмента, но расходившемуся парню все еще казалось мало.

— Валяй, Ось, валяй, покрикивали въ свою очередь зрители, изъ которыхъ большая часть тоже едва удерживались на мѣстѣ, а молодыя бабенки захлебывались отъ удовольствія, невольно подлаживая плечами.

— Вдругъ въ средину круга ворвалась немолодая уже и не очень взрачная баба, ударила въ ладони, повела головой и, какъ пава, выступила на встрѣчу Осипа. Тотъ немного пріостановился, перевелъ духъ, и пошли они другъ передъ другомъ выдѣлывать разныя колѣнца.

— Вотъ такъ Дарья-задира, похвалили мужики, когда пляска окончилась.

— А вы думали какъ? нечто буду по ихнему, указала Дарья на молодыхъ бабъ. При народѣ парня боятся, а въ темномъ уголку тутъ мы и есть.

Мужики и бабы дружно засмѣялись.

— Прасковьѣ Андреевнѣ наше глубочайшее, громко сказалъ Осипъ, кланяясь въ ту сторону, гдѣ стояла дочь Силыча съ невѣстками.

Всѣ обратили вниманіе.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ въ нашу сторону не бывали, продолжалъ Осипъ, ближе подходя къ Прасковьѣ.

Та стыдливо понурила голову и попятилась за невѣстокъ.

— Ишь у насъ веселье какое, любо! Небось въ Хохловкѣ такъ не гуляютъ? допрашивалъ Осипъ.

— А тебѣ на что знать, какъ у нихъ гуляютъ? замѣтила старшая изъ невѣстокъ.

— И гостинцевъ-то у васъ тамъ, я думаю, никакихъ, то-есть, не водится, говорилъ Осипъ, не обращая вниманія на слышанную рѣчь.

Прасковья переглянулась съ невѣстками, и всѣ три вдругъ засмѣялись.

— Не желаете ли побаловаться? неожиданно предложилъ Осипъ, доставъ изъ кармана шароваръ конфетку въ красной бумажкѣ.

— Да что ты присталъ ко мнѣ, тревожно сказала Прасковья, и отодвинулась еще дальше за другихъ женщинъ.

— Напрасно обиждаетесь! Мы то-есть отъ добраго желанья предлогъ дѣлаемъ, нѣсколько сконфуженно проговорилъ Осипъ, зажимая въ кулакъ конфетку.

— А ты заведи себѣ прежде свою хозяйку, да и поштуй ее, а чужихъ не замай, грубо отрѣзалъ Ванятка.

Осипъ презрительно вымѣрялъ его глазами и ухмыльнулся.

— Вашему брату за это тоже бока ломаютъ, добавилъ Ванятка.

— Не ты ли? насмѣшливо спросилъ Осипъ.

— А хоть бы и мы.

— Ну-ка!

— Ну-ка!

И оба противника стояли другъ передъ другомъ въ такомъ же положеніи, какъ стоятъ пѣтухи, приготовляющіеся къ бою.

— Будетъ вамъ, козыри, вмѣшался наконецъ какой-то степенный мужичекъ. Ты, милый человѣкъ, напрасно обиждаешься, сказалъ онъ наставительно Ваняткѣ; а тебѣ, Осипъ, не слѣдъ чужихъ бабъ поштовать, береги лучше про своихъ.

— Ишь храбрый какой, поддразнила-было Дарья-задира Ванятку, начиная опасаться, что пожалуй и драки не будетъ;

однако до схватки дѣйствительно не дошло, хотя и не одна Дарья желала бы поглядѣть: кто кого одолѣетъ.

— Отваливай-ка подальше, сказалъ Осипъ, провожая глазами уходящихъ бабъ и Ванятку.

— Эка, малый, не помѣрились вы, право, съ видимымъ сожалѣніемъ замѣтилъ приземистый, коренастый парень, передергивая плечами.

— Я-бъ ему удружилъ, похвастался Осипъ.

— А кабы онъ тебя ляпнулъ? спросилъ кто-то.

— Чего добраго, подсмѣялся Осипъ.

— Да что ты очення куражишься, какъ будто уже обидѣвшись сказалъ все тотъ же приземистый парень, выдвигаясь въ средину круга.

— Ну, Хомка, на полштохъ! Чья возьметъ! подзадоривали его снова обрадованные зрители. Осипъ сбросилъ поддевку на снѣгъ и подвинулся къ Хомкѣ.

— Идетъ, что ли? спросилъ онъ.

Хомка молча переступилъ два шага и сильно толкнулъ Осипа въ грудь; тотъ немного пошатнулся и тотчасъ же принаровилъ-было по уху, но Хомка ловко увернулся, такъ что ударъ пролетѣлъ надъ головой, только шапка свалилась. Раздался громкій хохотъ, и оба борца съ какимъ-то уже остервененіемъ кинулись другъ на друга. Крѣпко обнявши одинъ другого, они взмѣшивали ногами снѣгъ и, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, зрители съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за схваткой, ожидая исхода. Слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе двухъ удальцевъ и ихъ однозвучное покрикиванье: «врешь Хомка, врешь Оська!» Вдругъ словно что-то хрупнуло, а вслѣдъ за тѣмъ и Ѳома, и Осипъ, катались уже по снѣгу. По мѣрѣ того, какъ кто-нибудь изъ противниковъ видимо бралъ верхъ, въ кружкѣ радостно кричали: «Хомкинъ полштохъ!» а черезъ мгновеніе, съ такою же точно радостію кричали: «Оськина взяла!» Побѣда осталась наконецъ за Ѳомкою, и онъ съ торжествующимъ видомъ усѣлся верхомъ на Осипа.

— Счастливъ малый, позавидовали многіе Ѳомѣ, который, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ уже въ кабакъ, рядомъ съ Осипомъ и солдатомъ.

— А что-жъ, робя, мы взаправду чѣмъ хуже ихъ? Давай въ складчину, предложилъ кто-то. Зазвѣнѣли пятаки и десятки, а спустя недолго, цѣлая ватага разгулявшихся мужичковъ тронулась догонять счастливаго Ѳомку...

Силычъ стоялъ на крыльцѣ, когда Ванятка съ Прасковьей

подошли ко двору. Обѣ снохи бросились загонять свинью, которую съ громкимъ лаемъ приняли отъ воротъ собаки.

— Гуляютъ? спросилъ Силычъ, мотнувъ головой въ ту сторону, откуда слышнѣе раздавались пѣсни.

— На то и праздникъ, угрюмо отвѣтилъ Ванятка. И охальники же у васъ тутъ парни, добавилъ онъ, ревниво поглядѣвъ на жену. Силычъ въ недоумѣніи покосился на дочь. Онъ приказалъ зятю идти съ женой въ горницу, и дожидался, пока воротились снохи.

— Скотину-то убрали? спросилъ онъ.

— Уберемъ, батюшка, зáразъ уберемъ, выговорили молодки, улепетывая со страхомъ въ ворота. Силычъ слегка ругнулъ за безпорядокъ и пошелъ въ горницу.

— За что ты обижаешься нашими парнями? спросилъ онъ Ванятку.

Тотъ разсказалъ про Осипа.

— Ты бы ему, подлецу, рыло намылилъ, почти вскрикнулъ Андрей Силычъ, дергая себя за поясъ.

— И то хотѣлъ, да люди развели, пояснилъ Ванятка.

— А тебѣ, Паранька, вдругъ обратился онъ къ женѣ, при твоемъ отцѣ вотъ говорю: коли не миновать мнѣ солдатчины, не балуй ты безъ меня. Узнаю я про тебя какіе случаи, изъ службы убѣгу, а тебѣ живой не быть. Тамъ суди меня послѣ Богъ и великій государь, да и тебѣ-жъ не дамъ радоваться. Запомни ты эти мои слова, подтвердилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу съ такой силою, что даже доска треснула.

Силычъ только вздрогнулъ.

— Люблю за обычай, сказалъ онъ. Съ бабами такъ и надоть! Имъ только малость ослобони, онѣ сейчасъ тебѣ въ карманъ наплюютъ. Спасибо, зятюшка, добру ты ее наставляешь; а ты, Параня, слушай, приказалъ Андрей Силычъ дочери.

Блѣдная, какъ полотно, стояла Прасковья.

«У кого-жъ мнѣ искать жалѣнья?» думала несчастная женщина, и съ тоской и страхомъ переводила глазами отъ отца къ мужу и отъ мужа къ отцу.

— Моей виновности никакой тутъ не было, заголосила наконецъ она, обливаясь горячими слезами и поклонилась въ ноги родителю.

— Да тебя, глупенькая, никто не винитъ, ласково сказалъ Андрей Силычъ. Это только къ слову пришлось. Полно нюнить; встань! Прасковья поднялась.

— Цѣлуйтесь, да крѣпче, приговорилъ Силычъ и даже улыб-

нулся, когда Ванятка, любовно обнявъ жену, силкомъ усадилъ ее къ себѣ на колѣни и сталъ утирать ей глаза.

— Вотъ ужъ и раскисъ, подсмѣялся Силычъ; а тоже страсти запущаетъ.

— Люблю я ее, то-есть вô какъ люблю, оправдывался Ванятка, да такъ стиснулъ жену руками, что та даже взвизгнула.

— Ну, какъ же батюшка, заговорилъ онъ, немного погодя: ужъ-ли мнѣ никакъ отъ солдатчины не отвертѣться?

— Хлопотать надо, рѣшилъ Силычъ.

— Пустое это дѣло, потому, либо выхлопочешь, либо нѣтъ; а вонъ какъ намедни микулинской Саврасъ вывалилъ посреднику экую кучищу бумажекъ, такъ вотъ-те и хлопоты всѣ...

— Ну, и ты вывали, сказалъ Силычъ.

— А валить что?

— Въ томъ-то и горе наше, что валить намъ съ тобою нечего.

— Да вѣдь и Савраска тоже не свои отдавалъ; то, говоритъ, братъ подмогнулъ, а то робятъ заложилъ въ городѣ. И насъ бы съ братомъ такъ-то заложить можно.

— А что подъ васъ дадутъ? спросилъ Силычъ.

— Рублевъ по восемьдесятъ... а можетъ и всѣ сто, на годъ дадутъ. И всего бы, значитъ, шесть годовъ въ кабалѣ побыть, такъ по крайности ужъ навѣки вольная птица, разсуждалъ Ванятка.

Силычъ задумался. Онъ сознавалъ, что въ предположеніяхъ зятя было что-то дѣйствительно подходящее, было много и несбыточнаго; отличить же одно отъ другого и опредѣлить, на какой именно сторонѣ перевѣсъ, Силычъ рѣшительно не могъ: на него вдругъ точно туманъ нашелъ.

— Да, выговорилъ онъ наконецъ, явно обрадовавшись какой-то свѣтлой мысли. Ты говоришь—заложить васъ обоихъ, а кто же будетъ дома работать?

— Отецъ!

— Ну это на хлѣбъ, да на квасъ, пожалуй и на подати; а оброки кто же подавать станетъ.

Теперь Ванятка задумался.

— А коли меня въ солдаты сдадутъ, кому же барышъ будетъ? спросилъ онъ.

— Тамъ другая статья, хладнокровно уже разсуждалъ Силычъ. Подати за твою душу отдадутъ міромъ, землю твою свалятъ на общество...

— Да, по мнѣ, хоть и въ солдаты; надо же кому-нибудь царю служить, покорно проговорилъ Ванятка. Её, будто, жаль, думалось, можетъ, мальчика сродитъ; все бы хоть лошадей стеречь опосля годился, добавилъ онъ, едва сдерживая слезы.

Андрею Силычу тоже какъ-то неладилось. Жаль ему было зятя, парень-то онъ смирный и, кажись, будто надежный; болѣло сердце и по дочери; трудное дѣло молодой бабѣ безъ мужа себя наблюдать; а храни Боже, грѣхъ попутаетъ, сраму тогда и не оберешься. Откупить малаго деньгами?... мелькнуло въ головѣ старика, но ему живо представилась толстая пачка ассигнацій, собранная не въ годъ, не въ два; ему чудилось, что эта пачка тоже словно его кровная... и рѣшиться ее вдругъ, разомъ, пожалуй, навсегда... Силычъ какъ-то судорожно потрясъ головою и громко позвалъ жену. Катерина вошла.

— Покорми ребятъ, приказалъ онъ; имъ пора ко двору.

При всей неожиданности такого распоряженія, никто однако не выразилъ удивленія.

Ванятка ужинать не сталъ и отправился запрягать лошадь, а Катерина съ дочерью, пользуясь случаемъ, принялись повѣрять другъ другу свои задушевныя мысли.

— Коли Ванюшку въ солдаты возьмутъ, говорила Параня, я, мамушка, тамъ минуточки не останусь. Свекровь и теперь поѣдомъ меня съѣла, а тогда и вовсе загрызетъ.

— Охъ, дочечка моя милая, кабы моя-то воля была, нечто бы я тебя бросила; да онъ-то какъ прикажетъ, указывала Катерина головой по направленію къ горницѣ.

— Опять же работа у насъ уморная, продолжала Параня, день-деньской присѣсть не дадутъ. Ты и скотинушку убери, ты и молотить ступай, ты всѣхъ обшей, обмой Нешто они у меня дома-то такія были, сказала она, показывая матери руки.

— Голубка ты моя бѣлая, приговаривала Катерина, разглаживая своими жесткими ладонями истрескавшуюся кожу на рукахъ дочери.

— Тамъ, можетъ, Павлушку женить вздумаютъ; какова-то еще золовка попадется? А какъ въ двѣ-то руки примутся они меня холить, тогда все одно, хоть помирать ложись. Ты, мамушка, запомни себѣ, коли Ваня какимъ случаемъ не ослобонится, да вы меня домой не возьмете, я въ прудъ брошусь.

— Господи Іисусе Христе, крестясь выговорила Катерина. Что ты это, дурочка, удумала...

— Ужъ и темь же, послышался голосъ Ванятки, ощупью отворявшаго дверь. Ну, королевна, готово, сказалъ онъ женѣ, поѣдемъ!...

— Мотри, не заплутать бы вамъ, замѣтила Катерина.

— Кажись не въ первой; развѣ ужъ что осо́бливое, а то завязамши глаза можно добраться, увѣрялъ Ванятка.

— А къ самому-то не зайдете? шопотомъ спросила Катерина, провожая дѣтей въ сѣни.

— Ну, его... сорвалъ-было Ванятка; однако сѣвши только въ сани договорилъ уже: пузастый чортъ!

Выѣхавъ за околицу, парень разсудилъ, что править лошадью, когда дальше хвоста ея ничего не видно, дѣло вовсе ненужное, и потому, замотавъ возжи на грядку, онъ протянулся во всю длину саней.

— У васъ, знать, допрежь что-нибудь съ Оськой бывало? началъ онъ подтрунивать надъ женой.

Та поправила шубу, но промолчала.

— Сраму признаться, не хотѣлось, а стоило бы тебѣ космы хорошенько расчесать...

Прасковья что-то сказала, но такъ тихо, что Ванятка разобралъ только послѣднее слово: «сдачи».

— Э, баба, да ты во̀ куда загнула, съ удивленіемъ протянулъ онъ. Не коротки-ль будутъ руки?

Прасковья вдругъ почувствовала какую-то небывалую силу и едва удержалась отъ намѣренія треснуть мужа по уху. Баба сама не понимала, что съ ней подѣялось: не то злость, не то горе какое подступало къ сердцу, а передъ глазами тянулся гулинскій хороводъ, и среди него, какъ бѣсъ, вертѣлся красивый Осипъ.

— Ты что же это въ самомъ дѣлѣ? шутишь, али въ заправду? строго уже спросилъ Ванятка, приподнимаясь на локтѣ.

— Лучше не замай, а то я надъ собой что подѣлаю, рѣшительно отвѣтила Прасковья и, какъ будто ожидая удара, инстинктивно защитила голову руками. Въ то же мгновеніе она почувствовала сильный толчекъ въ плечо, потеряла равновѣсіе и кубаремъ выкатилась изъ саней на снѣгъ. Послышался визгливый крикъ, бранныя слова, а трусившая до сихъ поръ лошаденка вдругъ прибавила рыси, и Прасковья очутилась одна, въ чистомъ полѣ. Куда идти? Въ Хохловку—тамъ безпремѣнно мужъ побьетъ; свекровь грызть станетъ; въ Гулино? какъ на отца еще взглянется. Объ Осипѣ больше уже не грезилось, и запавшая-было въ голову блажь разомъ оттуда выскочила. «Еще, пожалуй, воротится», подумала баба о мужѣ и чуть не бѣгомъ пустилась по дорогѣ въ Гулино... Гдѣ-то не вдалекѣ завыли волки. Прасковья едва удержалась на ногахъ. Безсознательно,

руководимая однимъ только чувствомъ самосохраненія, она выдернула первую соломенную вѣшку и рѣшилась отстаивать свою жизнь... Еще громче и еще отвратительнѣе снова раздалась пѣсня голодной стаи, а Прасковья бѣжала все шибче и шибче. Вотъ наконецъ потянулся господскій садъ; выскочили-было изъ-за угла собаки и съ громкимъ лаемъ бросились вдругъ въ противоположную сторону. Не довѣряя своимъ глазамъ, Прасковья остановилась наконецъ у воротъ отцовскаго дома. Въ избѣ свѣтился еще огонь; дверь на крыльцѣ была полуотворена. Катерина въ эту минуту только-что притворила квашню и сбиралась посмотрѣть стельную корову, какъ вдругъ передъ ней явилась Прасковья.

— Наше мѣсто свято, запинаясь проговорила старуха, плюнувъ три раза по сторонамъ.

— Мамушка, какъ-то дико крикнула Прасковья и со стономъ покатилась на лавку.

Прыгнули съ палатей невѣстки, выскочилъ изъ-за печки Петрунька; всѣ съ недоумѣніемъ обступили нежданную гостью и жалостливо глядѣли, какъ она теребила шейный платокъ. Вошелъ Андрей Силычъ, покачалъ головой, велѣлъ положить дочь на печь; но тѣмъ дѣло и кончилось. О причинахъ болѣзни разсуждали недолго: съ глазу попритчилось, рѣшили въ одинъ голосъ и положили утричкомъ позвать бабку Лукерью. Къ разсвѣту больная стала пуще метаться; безпрестанно бредила, просилась домой. Лукерью едва отыскали гдѣ-то на родинахъ. Осмотрѣвъ больную, бабка почмокала губами, пустила на воду уголекъ и объявила, что молодку испортили.

— Гдѣ-жъ у ней, бабушка, спорча? боязливо спрашивала Катерина.

— У нутрѣ; у самомъ нутрѣ горитъ, не задумавшись объяснила та.

Взяла она щепоть росянаго ладона, прибавила туда какого-то цѣлебнаго зелья изъ собственной аптеки, размѣшала все это въ водѣ, и пошептавъ что-то надъ чашкою, вспрыснула три раза больную, а остальное приказала ей выпить. Сдѣлавъ одинъ глотокъ, Прасковья было-заупрямилась, да ей силкомъ разжали ротъ и влили лекарство. Бабѣ сразу похужѣло: къ прежнимъ страданіямъ прибавилась тошнота.

— Это, други мои, спорча ее мутитъ, успокоивала Лукерья; какъ спорча наружу выйдетъ, ту-жъ минуту ей полегчитъ.

— Али тебѣ бражки подать, приставала въ свою очередь Катерина, поднося стаканчикъ съ холоднымъ питьемъ:—промочи

ты свою душеньку, можетъ, Господь дастъ, болѣзнь-то лучше утомится.

Но и бражки Прасковья не принимала.

Между тѣмъ Андрей Силычъ утромъ еще отправился въ Хохловку разузнать: по какой причинѣ Прасковья очутилась ночью у матери, а тамъ, повидимому, и не подозрѣвали, чтобы отъ одного толчка въ бокъ могли приключиться такія оказіи. Ванятка преспокойно распрягъ на току лошадь и, завидя издали подъѣзжающаго тестя, разомъ смекнулъ, что дѣло должно быть неладно, видно баба нажалилась.—Ужъ и задамъ же я ей взвошку, коли только мнѣ что отъ него будетъ, порѣшилъ было парень; однако заложилъ опять дугу и поѣхалъ куда-то задами. Матрена тоже встрѣтила свата, словно ошпаренная. Она догадывалась, что Андрей Силычъ не по добру пожаловалъ.

— А зять гдѣ? сурово спросилъ онъ, входя въ избу.

— Былъ дома, а теперь не знаю; можетъ куда отлучился. Да что-жъ ты, сватушко, присядь хоть малость, просила Матрена. Ужъ не взыщи: не ждали такого дорогого гостя, договорила она, вытирая уголъ стола концемъ своей завѣски.

Андрей Силычъ, нехотя, опустился на скамью.

«Вотъ принесла-то нелегкая», думала Матрена, поглядывая, какъ сватъ теребилъ съ своей бороды иней, и чувствовала, что поджилки ея дрожали.

— Сказывалъ тебѣ Ванятка, гдѣ онъ жену бросилъ? спросилъ Силычъ.

Матрена замялась.

— Говори всю правду, а то я тебѣ башку размозжу, крикнулъ онъ, поднимая кулакъ надъ самой головой Матрены.

Та отъ страха даже присѣла.

— Никакихъ ихнихъ дѣловъ я не знаю, чуть выговорила она.

— Врешь, подлая душа!

— Какъ предъ Господомъ! Съ мѣста мнѣ не сойти, коли я какіе случая знаю.

Андрей Силычъ присѣлъ. Матрена перевела духъ свободнѣе.

— Вишь ты, сватушко, какъ было, начала она, нѣсколько оправившись: Ва̀нюшка пріѣхалъ вечерась, ужъ гдѣ тебѣ кочеты прокричали; встрѣла этта я его, гляжу на немъ, сердечномъ, лица нѣтъ; чуть языкомъ ворочаетъ. Что, молъ, это ты такъ? Волки, говоритъ, почесть, до околицы провожали, не чаялъ, говоритъ, и живому быть. А гдѣ-жъ молъ, молодка дѣлась? онъ мнѣ что-то буркнулъ; я, признаться, и не разслухала хорошенько...

— Путляешь, старая чертовка, путляешь, вдругъ перебилъ Андрей Силычъ.

— Языкъ мой отсохни; не дай Господи мнѣ одново дыхнуть, коли я что такое слукавила, снова увѣряла Матрена.

Силычъ началъ соображать только-что слышанное имъ объясненіе, и въ концѣ концовъ выходило одно изъ двухъ: или Ванятка вралъ матери, или старуха теперь вретъ Силычу.

— Чуднó, вдругъ проговорилъ онъ вздохнувши и, не прощаясь съ сватьей, пошелъ къ лошади.

— Что-жъ, за молодкой-то паренька прислать, али можетъ сами приставите? спросила Матрена, надѣясь хоть этимъ вывѣдать мысли Силыча.

— Я-те задамъ такую молодку, погрозилъ тотъ кнутомъ; да съ тѣмъ и отъѣхалъ.

А. Б.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІИ

Историческій очеркъ *).

IV.

Къ закрытію почаевскаго монастыря приступили немедленно вслѣдъ за высочайшею резолюціею. Блудовъ вошелъ съ Мещерскимъ въ совѣщаніе и представилъ государю журналъ этихъ совѣщаній, слѣдующаго содержанія:

«По внимательномъ снова соображеніи всѣхъ относящихся къ сему обстоятельствъ и сообразуясь съ изъявленною вашимъ императорскимъ величествомъ, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря Блудова, отъ 14-го сего мѣсяца (сентября 1831 года), волею, тайный совѣтникъ князь Мещерскій и статсъ-секретарь Блудовъ, на основаніи предначертаній сего доклада и въ дополненіе къ онымъ, полагаютъ: 1) Почаевскую успенскую обитель, куда со времени ея учрежденія и досслѣ всегда стекались для моленія чудотворной иконѣ Божіей Матери въ большомъ числѣ не только униты и римско-католики, но и православные, даже изъ мѣстъ отдаленныхъ и изъ-заграницы, какъ по сей важной причинѣ, такъ по великолѣпію ея церквей, обширности и огромности зданій,—объявить православнымъ монастыремъ 1-го класса, присвоивъ ей и наименованіе лавры. Сіе наименованіе будетъ тѣмъ приличнѣе, что и униты обитель по-

*) См. выше: апр. 606; іюнь, 588 стр.

чаевскую преимущественно предъ всѣми своими монастырями называли также лаврою. 2) Въ зданіяхъ обители помѣстить, какъ св. синодъ въ 1823-мъ году предполагалъ, епархіальнаго волынскаго архіерея съ его штатомъ, консисторіей, семинаріей, уѣзднымъ и приходскимъ духовными училищами. 3) Священно-архимандритомъ сей новоустроенной лавры, по примѣру лавръ кіевопечерской, троицкой, александроневской и слуцкаго монастыря въ епархіи минской, а равно и потому, что онъ будетъ имѣть въ ней постоянное пребываніе, быть всегда самому волынскому епархіальному архіерею, имѣя для помощи по управленію монастыремъ особаго благонадежнаго и достойнаго архимандрита, съ наименованіемъ намѣстника. Пребываніе епископа въ обители почаевской, по мнѣнію тайнаго совѣтника князя Мещерскаго и статсъ-секретаря Блудова, необходимо какъ потому, что для сего назначенія Почаевъ есть лучшее и приличнѣйшее во всей епархіи мѣсто, такъ и по той довольно важной причинѣ, что совершеніе важнѣйшихъ священнодѣйствій самимъ архіереемъ съ принадлежащимъ къ нему штатомъ и хоромъ пѣвчихъ можетъ своимъ велелѣпіемъ и свойственнею обрядамъ восточной церкви торжественностію замѣнить пышность, съ которою базиліане старались отправлять богослуженіе въ сей обители, поражая чувства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и умы простолюдиновъ блескомъ ризъ и церковной утвари, музыкою не только огромныхъ органовъ, но и цѣлаго оркестра, и чрезъ то между прочимъ привлекая многочисленныхъ молельщиковъ. 4) Сверхъ епископскаго штата и ректора семинаріи, для безостановочнаго и приличнаго совершенія богослуженія въ соборной и другихъ церквахъ почаевской обители, опредѣлить въ оную, сообразно съ изъявленною уже вашимъ императорскимъ величествомъ высочайшею волею, 12 іеромонаховъ и къ нимъ 4 іеродіаконовъ съ нужнымъ числомъ служебныхъ монаховъ, или же по обыкновенному штату первоклассныхъ монастырей 10 іеромонаховъ, 4 іеродіакона и 18-ть служебныхъ монаховъ, если на сіе послѣдуетъ соизволеніе вашего величества, и назначивъ нижнихъ монастырскихъ служителей изъ находящихся нынѣ при монастырѣ почаевскихъ служекъ, или другихъ по усмотрѣнію епископа и архимандрита, его намѣстника. При семъ тайный совѣтникъ князь Мещерскій изъявилъ мнѣніе, съ коимъ согласился и статсъ-секретарь Блудовъ, что, можетъ быть, было бы полезно и принадлежащее нынѣ монастырю недвижимое имѣніе въ числѣ 235 душъ оставить за онымъ (въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ при нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ остаются доселѣ имѣнія съ крестьянами) впредь до особаго рас-

поряженія, не столько для умноженія доходовъ обители, хотя и необходимыхъ для поддержанія ея обширныхъ зданій, какъ потому, что сіе продолженіе сношеній фундушевыхъ крестьянъ съ начальствомъ монастыря будетъ по всей вѣроятности имѣть послѣдствіемъ скорѣйшее возвращеніе ихъ изъ уніи въ православіе, тѣмъ болѣе, что ближайшая оттуда унитская церковь находится въ Кременцѣ, за 25 верстъ отъ Почаева. 5) Какъ въ зданіяхъ обители по новому ея предназначенію и даже въ самой церкви вѣроятно нужно будетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны и исправленія, то по надлежащемъ всего соображеніи, епархіальное начальство представитъ о томъ св. синоду, который войдетъ по сему дѣлу съ особымъ всеподданнѣйшимъ къ вашему императорскому величеству докладомъ. Впрочемъ всѣ сіи передѣлки и поправки, какъ можно полагать утвердительно, будутъ почти ничтожны въ сравненіи съ тою значительною издержкою (болѣе 400 т. р.), которая требовалась по смѣтамъ на постройку въ Житомирѣ новаго дома для волынскаго архіерея съ учебными заведеніями. Сверхъ того расходы на поправку и передѣлку тѣхъ зданій обители, кои предполагаются на семинарію, уѣздное и приходское училища, долженствуютъ быть отнесены на счетъ суммъ коммиссіи духовныхъ училищъ. 6) Какъ для приведенія вообще въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ сей важной въ отношеніи къ обители почаевской перемѣны необходимы быстрота и согласіе во всѣхъ распоряженіяхъ, то немедленно секретно отнестись къ волынскому временному военному губернатору и обратить на сіе дѣло его особенное вниманіе, дабы имъ были приняты всѣ мѣры, какія по мѣстнымъ, ему извѣстнымъ обстоятельствамъ, по его собственному усмотрѣнію и по сношенію съ волынскимъ архіереемъ признаетъ онъ за дѣйствительнѣйшія и удобнѣйшія. Нужно будетъ тщательно стараться, между прочимъ, чтобъ при передачѣ обители почаевской и вводѣ въ оную православнаго духовенства не послѣдовало бы какого-либо безпорядка отъ людей зломыслящихъ, и чтобы находящіяся въ обители св. иконы, церковная утварь и вся вообще принадлежность сохранены были въ цѣлости и ничто не было вывезено можетъ быть даже и за границу. Къ наблюденію за симъ надлежитъ избрать людей испытанной честности и совершенно благонадежныхъ. Для сей же цѣли можно будетъ предоставить волынскому архіерею съ своей стороны назначить свѣдущаго, усерднаго и надежнаго сановника изъ монашествующаго или изъ бѣлаго духовенства. Отправленіе сего особаго духовнаго сановника нужно и потому, что, кажется, было бы не вполнѣ сообразно съ достоинствомъ начальника епархіи, особен-

но въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ волынскаго края, самому архипастырю приступить къ пріему обители почаевской и входить во всѣ необходимыя при томъ подробности, а можетъ быть и въ неразлучныя съ оными непріятныя объясненія. 7) Чтобы облегчить по возможности отправляемому въ Почаевъ духовному какъ пріемъ обители со всѣмъ ея имуществомъ, такъ и первоначальное въ оной устройство до прибытія архіерея, отправить отсюда въ Почаевъ и свѣтскаго надежнаго чиновника, снабдивъ его и надлежащими письменными и словесными наставленіями. Выборъ сего чиновника оберъ-прокуроръ св. синода принимаетъ на себя. 8) Чтобы избѣжать утайки принадлежащихъ обители почаевской вещей, утвари и прочаго имущества, документовъ и другихъ бумагъ, главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій передать отправляемому отсюда чиновнику для необходимыхъ соображеній описи, визиты или осмотры монастыря почаевскаго, составленныя греко-унитскимъ епархіальнымъ начальствомъ за нѣсколько передъ симъ лѣтъ. 9) Наконецъ, дабы отправленіе богослуженія, особливо для приходящихъ молельщиковъ не прерывалось, поручить волынскому архіерею отправить туда немедленно на первый случай ректора семинаріи и съ нимъ вмѣстѣ изъ ближайшихъ обителей губерній кіевской и черниговской, или же изъ бѣлаго духовенства, надлежащее число священниковъ. Между тѣмъ для исполненія въ совершенной точности изъявленной по докладу 14 сентября высочайшей вашего императорскаго величества воли, св. синодъ подъ особеннымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора займется неотлагательно избраніемъ въ Почаевъ какъ архимандрита-намѣстника, такъ и іеромонаховъ, съ тѣми качествами, кои необходимы по важному ихъ предназначенію.» Государь на этомъ журналѣ написалъ: «Совершенно согласенъ» [1].

Блудовъ сообщилъ о новой мѣрѣ фельдмаршалу Сакену, министру финансовъ, генералъ-адъютанту Левашеву, оберъ-прокурору св. синода и унитской коллегіи. Левашевъ и волынскій епископъ съ своей стороны отправили въ Почаевъ ректора волынской семинаріи архимандрита Флавіана съ 4 духовными, дабы втайнѣ наблюдать за сохраненіемъ въ цѣлости чудотворной иконы Богоматери и церковнаго имущества, и опредѣленнаго для надзора за пріемомъ конфискованныхъ имѣній коллежскаго совѣтника Вельяшева, корпуса жандармовъ поручика

---

[1] Въ докладѣ 1831-го года журналъ совѣщаній съ оберъ-прокуроромъ св. синода о мѣрахъ для возвращенія почаевской унитской обители въ вѣдомство православнаго духовенства.

Кирѣева и прибывшаго въ Житомиръ отъ оберъ-прокурора св. синода чиновника Войцеховича. Одному изъ отправленныхъ чиновниковъ поручено было находиться при пріемѣ имѣній монастыря почаевскаго греко-россійскимъ духовенствомъ, другому наблюдать, чтобы при вводѣ въ обитель православнаго духовенства не послѣдовало какого безпорядка отъ людей зломыслящихъ, и чтобы церковная принадлежность сохранена была въ цѣлости. О содѣйствіи этимъ чиновникамъ предписано было земской полиціи и военному начальству въ Почаевѣ. Монаховъ-базиліанъ Левашевъ предлагалъ съ своей стороны помѣстить, въ случаѣ нужды, въ одномъ изъ зданій почаевскаго монастыря до времени отправленія ихъ оттуда, и тщательно наблюдать, чтобы со стороны ихъ не произошло какихъ-либо злонамѣренныхъ покушеній, безъ всякаго, впрочемъ, стѣсненія для монаховъ [1]). Типографію почаевскую сначала предположено было перевесть въ Полоцкъ, но потомъ это найдено неудобнымъ, и она передана была въ вѣдомство православнаго духовенства и оставлена въ Почаевѣ для печатанія православныхъ книгъ для тамошняго края.

Синодъ съ своей стороны сдѣлалъ такое распоряженіе по случаю обращенія почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство: 1) предписалъ волынскому архіерею Амвросію, какъ скоро главная церковь почаевской обители принята будетъ въ вѣдѣніе православнаго духовенства, безъ промежутка времени открыть бы въ ней православное богослуженіе. 2) Для этой цѣли назначенный въ Почаевъ архимандритъ, по совершеніи предъ литургіей освященія воды и окропленія всей церкви, долженъ внести на престолъ ея антиминсъ, освященный православнымъ архіереемъ, и затѣмъ приступить къ совершенію божественной литургіи. 3) Если предъ симъ окажется, что престолъ сей церкви устроенъ не во внутренности опредѣленнаго иконостасомъ алтаря, какъ бываетъ по общему чину восточной церкви, то какъ для того, чтобы не сдѣлать перестройкою значительной остановки богослуженія, такъ для того, чтобы оказать снисхожденіе ко мнѣнію и привычкѣ почитателей храма сего, оставить оный въ настоящемъ видѣ впредь до усмотрѣнія, только отдѣлить св. престолъ отъ храма завѣсою, которую и отверзать въ тѣ времена богослуженія, въ кои отверзаются по чину царскія врата; жертвенникъ же можетъ быть въ приличномъ мѣстѣ совсѣмъ открытъ, по примѣру древней константинопольской софійской церкви. 4) Впрочемъ, для окончательнаго на будущее время раз-

---

[1]) Докладъ Блудова, 17 октября 1831 года.

рѣшенія о способѣ внутренняго устройства сей церкви, представить св. синоду обстоятельное описаніе сего устройства съ рисунками. 5) Для немедленнаго устройства обители въ исполненіи церковныхъ и прочихъ должностей, преосвященному волынскому приказано было, сверхъ введенія въ нее своего архіерейскаго штата, ввести въ оную изъ другихъ монастырей, и, смотря по обстоятельствамъ, изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, буде случатся, всего до 12-ти священнослужителей, сообразно состоявшейся о томъ высочайшей волѣ. Всѣ эти люди должны быть способные добрымъ своимъ поведеніемъ подавать назидательный примѣръ, а іеромонахи и священники сверхъ того должны быть довольной образованности, дабы могли назидательностію слова дѣйствовать въ пользу православія. 6) Если неудобнымъ окажется наполнить немедленно почаевскій монастырь такими людьми изъ одной волынской епархіи, то на этотъ разъ предоставлено было волынскому архіерею отношеніями къ митрополиту кіевскому, архіепископу черниговскому и епископу курскому потребовать изъ ихъ епархій сколько нужно будетъ монашествующихъ съ означенными выше качествами, для введенія ихъ въ почаевскую обитель на первый разъ на годовой срокъ, съ тѣмъ, что по окончаніи сего срока могутъ они рѣшительно остаться въ почаевскомъ монастырѣ, или, по наполненіи онаго другими, возвратиться въ свои прежнія мѣста. 7) Преосвященнымъ кіевскому, черниговскому и курскому предписывалось, чтобы они, соревнуя вѣрному исполненію высочайшей воли, по требованію епископа волынскаго не умедлили со вниманіемъ избрать и доставить ему людей съ вышеупомянутыми качествами и о послѣдующемъ донести св. синоду, съ приложеніемъ послужныхъ списковъ назначенныхъ и отправленныхъ ими лицъ. 8) Волынскій архіерей между тѣмъ долженъ былъ войти въ разсмотрѣніе, какой сверхъ штата архіерейскаго дома нужно опредѣлить постоянный на будущее время штатъ монашествующихъ для новоучрежденной почаевской лавры, обыкновенный ли штатъ первоклассныхъ монастырей, или съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и по какимъ уважительнымъ причинамъ, и обстоятельное по сему предмету мнѣніе представить св. синоду въ непродолжительномъ времени. 9) Волынскій архіерей долженъ былъ также разсмотрѣть, которыя зданія почаевскаго монастыря должны быть назначены для помѣщенія архіерея и монашествующихъ, и которыя для духовныхъ училищъ, и это предположеніе о размѣщеніи также представить св. синоду, съ приложеніемъ плановъ. При распредѣленіи помѣщеній приказано было держаться того правила, чтобы зданія, ближайшія къ главной цер-

кви, назначены были преимущественно для духовенства, а для училищъ болѣе отдаленныя, и чтобы по возможности предполагаемыя для училищъ зданія могли составить отдѣльную мѣстность, дабы людность богомольцевъ не развлекала учениковъ, и людность учениковъ не затрудняла богомольцевъ. 10) Когда предположенія о новомъ устройствѣ почаевской обители достигнутъ надлежащей зрѣлости и полноты, тогда синодъ представитъ объ образованіи ея докладъ государю императору, и въ этомъ докладѣ назначитъ ей наименованіе успенской почаевской лавры и въ разрядахъ православныхъ обителей мѣсто послѣ первенствующихъ лавръ. 11) Коммиссіи духовныхъ училищъ о касающемся до нея дать знать тогда, когда получится представленіе объ отдѣленіи части почаевскихъ монастырскихъ зданій для духовныхъ училищъ. 12) О назначеніи въ почаевскую лавру намѣстника доложить впредь, а между тѣмъ отъ волынскаго архіерея потребовано объ этомъ мнѣніе, такъ какъ онъ самъ по предложенію синода долженъ быть священно-архимандритомъ этой лавры. 13) Въ заключеніе волынскій архіерей вообще относительно перемѣнъ и исправленій въ зданіяхъ почаевскаго монастыря, если таковыя признаны будутъ необходимыми, какъ равно касательно церковной утвари, облаченій, книгъ и типографіи, долженъ поступать по вышепредписаннымъ ему правиламъ, и всѣ требуемыя отъ него свѣдѣнія немедленно долженъ представить св. синоду съ обстоятельнымъ мнѣніемъ[1]). Для бо̀льшаго, по выраженію государя императора Николая I-го, великолѣпія и приличія службы въ семъ монастырѣ посланы были туда по высочайшему повелѣнію изъ придворнаго собора одинъ протодіаконъ, твердо знающій всю службу церковную, и одинъ псаломщикъ, дабы всю службу устроить въ монастырѣ по образцу придворному[2]). Эти посланныя лица были протодіаконъ Павелъ Дашковскій и псаломщикъ Василій Никитинъ.

Когда окончены были на бумагѣ всѣ нужныя распоряженія для обращенія почаевскаго монастыря въ православный, тогда посланные отъ разныхъ вѣдомствъ чиновники должны были приступить къ самому акту этого обращенія. Нужно сознаться, что это дѣло требовало со стороны лицъ, командированныхъ правительствомъ, много рѣшимости духа, энергіи и ума. Почаевскій монастырь былъ, по выраженію католиковъ и уніатовъ, сердцемъ католицизма польскаго, центромъ движенія антиправослав-

[1]) Въ канц. об.-прок. св. синода дѣло 1831-го года о передачѣ почаевскаго базиліанскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

[2]) Предложеніе синоду оберъ-прокурора Мещерскаго, тамъ же.

наго и антирусскаго, слѣдовательно католики и базиліане недешево согласятся отдать его православнымъ и будутъ защищать его всѣми находящимися у нихъ подъ руками средствами, а отчаяніе и безнадежность снова когда-нибудь возвратить себѣ это средоточіе ихъ силы можетъ вынудить ихъ на самыя крайнія и отчаянныя мѣры сопротивленія. Нужно было предварительно принять мѣры предосторожности. Еще на пути къ Почаеву Войцеховичъ, Кирѣевъ и Токаржевскій-Карашевичъ узнали, что до базиліанъ дошли уже слухи о распоряженіяхъ правительства относительно монастыря ихъ; но они притворялись, что будто бы не вѣрятъ этимъ слухамъ, чтобы лучше усыпить бдительность командированныхъ отъ правительства чиновниковъ и успѣшнѣе скрыть монастырское достояніе. Жандармскій поручикъ Кирѣевъ былъ столь предусмотрителенъ, что напередъ послалъ по эстафетѣ въ Радзивиловъ отношеніе къ начальнику таможеннаго округа объ усиленіи пограничной стражи, также поручилъ земскому исправнику окружить монастырь кордономъ, подъ предлогомъ предохраненія отъ холеры, которая дѣйствительно тогда появилась въ Почаевѣ, и на основаніи открытаго предписанія отъ военнаго губернатора того края, придвинулъ къ мѣстечку, гдѣ находится монастырь, 4-ю роту Селенгинскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ Кременцѣ, и распорядился при этомъ такъ, чтобъ рота эта подошла къ мѣстечку въ одно время съ пріѣздомъ чиновниковъ, командированныхъ въ Почаевъ.

По прибытіи чиновниковъ и православнаго духовенства, отправленнаго одновременно съ чиновниками волынскимъ архіереемъ Амвросіемъ, въ почаевскій монастырь, монахи его базиліане всѣ приглашены были въ монастырскую трапезу, для объявленія имъ высочайшаго повелѣнія о сдачѣ монастыря православному духовенству. Когда прочитано было имъ высочайшее повелѣніе, тогда Кирѣевъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они дали всѣ по порядку подписку въ слушаніи высочайшаго указа, съ обязательствомъ сдать все имущество монастырское безъ утайки. Въ это самое время монахъ Чаплинскій спросилъ у Кирѣева: имѣетъ ли онъ подлинный за подписаніемъ государя указъ? Когда Кирѣевъ отвѣтилъ, что генералъ-адъютантъ Левашовъ получилъ высочайшее повелѣніе объ обращеніи почаевскаго монастыря въ православный, то Чаплинскій и другіе монахи объявили рѣшительно, что безъ подлиннаго высочайшаго указа, или безъ предписанія греко-унитской коллегіи, они не дадутъ подписки въ слышаніи ими объявленнаго Кирѣевымъ указа и монастыря не сдадутъ. Напрасны были всѣ убѣжденія со стороны командированныхъ лицъ; базиліане не слушали никакихъ убѣж-

деній; въ разныхъ мѣстахъ трапезы стали составляться толпы, начались жаркіе разговоры въ этихъ кружкахъ, наконецъ, поднялся шумъ; по всему видно было, что отказъ базиліанъ подписаться въ слышаніи ими высочайшаго указа происходилъ вовсе не отъ незнанія порядка и формъ юридическихъ, какъ сначала подумали-было наши чиновники, но совершенно отъ другихъ причинъ. Дальнѣйшіе поступки базиліанъ почаевскихъ вполнѣ подтвердили это. Недовольствуясь сказанною непокорностію, они старались показать какъ-бы презрѣніе къ чиновникамъ, начали пить вино, иные даже до того, что совершенно опьянѣли, а другіе, величаясь своимъ нахальствомъ и дерзостію и расхаживая по трапезѣ, говорили разныя нелѣпости, напримѣръ, что въ поступкѣ такомъ правительства съ почаевскими базиліанами они видятъ исполинскій шагъ его; что почаевскій монастырь есть гнѣздо уніи, и уничтоженіе его несовмѣстно съ вѣротерпимостію; а иные спрашивали: неужели все кончено въ Европѣ, что съ ними такъ поступаютъ? Но дерзость эта скоро исчезла и смѣнилась самымъ мелкимъ малодушіемъ, когда они, оставивши чиновниковъ въ трапезѣ съ видомъ пренебреженія и вышедши въ корридоръ, увидѣли тамъ рядъ солдатъ, явившихся по данному имъ сигналу. Тогда началось со стороны базиліанъ униженіе и просьбы къ чиновникамъ о позволеніи имъ размыслить о своихъ дѣлахъ до другого дня. Просьба ихъ была уважена; но довѣрять базиліанамъ было бы большимъ неблагоразуміемъ; эти люди готовы были позволить себѣ не только безразсудство, дерзость, но и явное сопротивленіе, даже покуситься на расхищеніе монастырскаго достоянія; а потому Кирѣевъ съ Войцеховичемъ и другими лицами принялись опечатывать, для обезпеченія цѣлости монастырскаго имущества, всѣ важнѣйшія мѣста въ монастырѣ, какъ-то: книгохранилище, библіотеку, архивъ и проч., заперли церковь, и вездѣ ко всѣмъ входамъ и выходамъ поставили караулъ. Чаплинскій, какъ болѣе задорный изъ всѣхъ почаевскихъ базиліанъ, не унимался и теперь бранился и кричалъ, что сорветъ печати; но за то прочіе совершенно смирились и до того измѣнились въ поведеніи, что цѣловали у командированныхъ чиновниковъ руки.

Но какъ всего болѣе должно было опасаться, чтобы возникшій въ монастырѣ безпорядокъ не возымѣлъ какого-либо вліянія на окрестныхъ жителей—крестьянъ монастырскихъ и другихъ къ уніи принадлежащихъ; потому что предполагать было можно, что базиліане, усмирившіеся единственно при видѣ воинской команды, будутъ искать всѣхъ способовъ привлекать къ себѣ окрестныхъ жителей, если не для защиты, то по крайней мѣрѣ для возбужденія

сожалѣнія о нихъ, и потому весьма легко случиться могло, что бывъ допущены къ богослуженію, они начнутъ говорить народу рѣчи, прощальныя слова, сѣтовать предъ нимъ; то для предупрежденія этого чиновники наши съ общаго согласія съ архимандритомъ Флавіаномъ положили: не допускать базиліанъ болѣе къ богослуженію и на другой день начать его православному духовенству, прибывшему съ архимандритомъ Флавіаномъ, которое отъ волынскаго архіерея снабжено было на всякій случай запасными антиминсами. На другой день, это было 10-е октября 1831-го года, началась сдача монастыря исправлявшимъ у базиліанъ должность намѣстника іеромонахомъ Вышатицкимъ нашему архимандриту Флавіану и прибывшему съ нимъ духовенству. Прежде всего конечно обозрѣны и сданы были церковь и ризница; а въ четыре часа пополудни этого же дня архимандритъ Флавіанъ съ прибывшими съ нимъ протоіереями, въ числѣ которыхъ находился кременецкій протоіерей Григорій Рафальскій, будущій митрополитъ петербургскій Антоній — отслужилъ водосвятный молебенъ, окропилъ церковь святою водою, потомъ началась вечерня и такимъ образомъ положено было начало православному богослуженію. Октября 11-го числа, которое пришлось въ воскресенье, отправлена была первая православная литургія въ почаевской лаврѣ. Стеченіе народа при этой литургіи было довольно значительное, и многіе православные изъ окрестныхъ жителей изъявляли со слезами на глазахъ свою непритворную радость о возвращеніи монастыря къ православію. Между тѣмъ продолжался пріемъ монастыря православнымъ духовенствомъ. При этомъ замѣчено было, что дѣла монастырскія находились въ крайнемъ безпорядкѣ. Завѣдывавшіе церковными вещами и монастырскимъ имуществомъ не имѣли ни описей, ни реестровъ. Напрасно пріемщики подробно разсматривали бумаги, найденныя во множествѣ въ комнатѣ настоятеля, и искали монастырскихъ документовъ въ архивѣ; они отыскали только визиту или валовое описаніе монастыря, сдѣланное при обозрѣніи его въ 1824-мъ году. Можно подозрѣвать, что базиліане намѣренно скрыли монастырскіе документы, чтобы имѣть возможность утаить часть монастырскаго имущества. Октября 14-го числа, приняты другія монастырскія вещи и наличныя деньги, которыхъ количество простиралось до 10/т. руб. сер. [1]). Базиліане, окруженные воинскою командою, присмирѣли и повидимому спокойно ожидали дальнѣйшихъ о себѣ распоряженій правительства, но въ то же

---

[1]) Въ канц. об.-прок. св. син. докладъ 1831 года о передачѣ почаевскаго монастыря въ вѣдѣніе греко-россійскаго духовенства.

время не переставали вести тайныя интриги, скрывать монастырскія деньги посредствомъ монастырскихъ служителей, воровать вещи или уничтожать, даже успѣли часть наличныхъ монастырскихъ капиталовъ пожертвовать еще прежде пріема монастыря православнымъ духовенствомъ въ пользу мятежника Дверницкаго [1]).

Все имущество почаевскаго монастыря, принятое православнымъ духовенствомъ, сверхъ церковной утвари и монастырскихъ принадлежностей, состояло въ слѣдующемъ: въ 327 фундушевыхъ душахъ крестьянъ мужескаго пола, въ 532 душахъ заставныхъ, въ наличномъ капиталѣ: 18 червонцахъ, 40 руб. асс., 12,508 руб. серебромъ и $73^1/_2$ коп., 187 руб. 51 коп. мѣдною монетою, да въ разной иностранной серебряной монетѣ неизвѣстнаго курса, вѣсомъ 18 фунтовъ и 21 лотъ, въ капиталѣ подъ залогъ имѣній и обезпеченномъ недвижимостями, простиравшемся до 1.242.333 злотыхъ, 2,150 руб. сер., и еще 1,000 червонцевъ, потомъ въ векселяхъ и роспискахъ, въ которыхъ суммы было: 1.894.640 злотыхъ и 20 грошей, 7,430 р. 50 коп. сер., 2,265 руб. асс. и 252 червонца, и наконецъ въ капиталѣ, состоявшемъ въ закладныхъ вещахъ, которыхъ цѣнность простиралась до 459 руб. и 50 коп. сер. и 56 злотыхъ и 10 грошей. Всѣмъ принятымъ вещамъ и капиталамъ сдѣлана была командированною въ Почаевъ православною коммиссіею опись. Но и по разъѣздѣ коммиссіи продолжали случайно открывать разныя вещи и деньги, спрятанныя въ разныхъ мѣстахъ базиліанами: такъ отыскали значительное число церковной утвари, серебра въ слиткахъ и вещахъ, также нѣсколько жемчуга и алмазовъ, а у почаевскаго крестьянина Михайла Турченюка, бывшаго при базиліанахъ привратникомъ, при обыскѣ дома его кременецкимъ засѣдателемъ земскаго суда Солнцевымъ, найдено было денегъ 3,148 руб. сер., которыя, по собственному его признанію, отданы были ему базиліанами во время отобранія отъ нихъ почаевскаго монастыря [2]).

Въ послѣднихъ числахъ октября 1831 года почаевская лавра приняла совершенно видъ православнаго монастыря: базиліане всѣ почти изъ нея выѣхали, за исключеніемъ ксендза Иннокентія Морозовскаго, оставленнаго тутъ волынскимъ архіереемъ Амвросіемъ, какъ знающаго живописное искусство, для исправленія разныхъ иконъ, и послушника Ѳерапонта Куликова, объявившаго желаніе присоединиться къ православію; волынскій архіерей

---

[1]) Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи, протоіерея Аѳанасія Лотоцкаго, стр. 194, примѣчаніе подъ буквою *з*.

[2]) Въ канц. об.-прок. св. син. дѣло 1831 года № 114 о передачѣ почаевскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

со всѣмъ своимъ штатомъ переселился въ Почаевъ [1]). Изъ епархій кіевской, черниговской и курской вызывались въ Почаевъ іеромонахи, іеродіаконы и вдовые священники и діаконы; въ числѣ ихъ нѣкоторые были съ академическимъ образованіемъ. Лавра устроялась на православный ладъ: ненужныя и напоминающія унію вещи выносились или принимали видъ православный, дѣлались новыя, которыхъ не было, но которыя были необходимы для православнаго богослуженія. Оказалось, что монастырскія строенія, въ числѣ ихъ церкви, доведены были отцами базиліанами до такого состоянія, что требовали радикальныхъ исправленій. Волынскій архіерей отнесся къ гражданскому губернатору о присылкѣ въ Почаевъ архитектора, какъ для построеній новыхъ зданій въ этомъ монастырѣ, такъ и для необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательствъ починокъ. «Видъ лавры, писалъ волынскій архіерей въ Синодъ, весьма мраченъ и неопрятенъ; стѣны зданій съ сѣверной и западной стороны совсѣмъ нештукатурены, мѣдная крыша на большой церкви отъ ржавчины весьма продырявилась, стропилы отъ дождей попортились, и своды церкви мокнутъ, а на прочихъ лаврскихъ зданіяхъ деревянныя крыши значительно обветшали, и вообще лавра требуетъ большихъ починокъ и поправокъ, такъ какъ базиліане съ 1822-го года, не надѣясь удержать за собою почаевскую обитель, по принадлежности оной издревле православнымъ, нимало объ исправленіи ея не заботились, къ исправленію чего по зданіямъ лавры необходимо нужны архитекторскія соображенія и смѣты; преимущественно же и неотложно предлежитъ заняться укрѣпленіемъ лаврской великой соборной церкви, къ чему непремѣнно нуженъ глазъ весьма опытнаго архитектора, потому что сію великую церковь окружаетъ весьма обширная галлерея или площадка, выстланная каменными большими плитами, дождевая вода проходитъ сквозь сію площадку по причинѣ неплотнаго лежанія камней между собою и по причинѣ неплотнаго придѣланія нижней мѣдной крыши надъ пещерскою церковію къ каменной стѣнѣ, и течетъ на своды и стѣны нижней галлереи и нижней пещерской церкви; отъ сего сводъ и особенно стѣны въ нижней галлереѣ и въ самой пещерской церкви промокли, позеленѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ треснули и повидимому грозятъ великою опасностію для самой великой церкви, тѣмъ вѣрнѣе, что вся эта пещерская церковь съ галлереею есть не что иное, какъ великій контрафорсъ, поддерживающій великую церковь, и что западная часть сей церкви

---

[1]) Тамъ же, рапортъ Амвросія синоду и отношеніе Левашова къ оберъ-прокурору синода Мещерскому.

есть та, въ которой находятся три входа въ церковь и надъ которою устроены 2 башни и фронтонъ, а также передніе внутрь церкви столбы, и она основана не на каменной горѣ, какъ прочія части церкви, а при косогорѣ надстроенныхъ нарочно для сего частію каменныхъ, а большею частію кирпичныхъ стѣнахъ, столбахъ и аркахъ, примыкающихъ къ вышеписанной поврежденной стѣнѣ нижней пещерской церкви, составляющей, какъ выше сказано, контрафорсъ для великой церкви. Итакъ, если отъ конечнаго поврежденія обрушится сей контрафорсъ, то, по моему заключенію, необходимо должна обрушиться и самая великая церковь, чего тѣмъ болѣе можно ожидать, что подъ всею великою церковію весьма близко къ ея основанію находятся огромныя пещеры и подвалы, и что камень, изъ котораго составляется почаевская гора, не есть какой-либо гранитъ, а известнякъ, мѣстами довольно рыхлый и проложенный слоями песку. Однажды при базиліанахъ, въ недавнее время, во время ихъ трапезъ, внутри горы слышанъ былъ, какъ увѣряютъ, ударъ, подобный пушечному выстрѣлу, значитъ, тамъ что-нибудь уже треснуло отъ тяжести зданій, и по сей-то вѣроятно причинѣ имѣется уже на великой церкви съ восточной и западной стороны, вблизи упомянутыхъ башенъ, во всю вышину церкви большая трещина, показывающая, что сія церкви часть, надстроенная надъ упомянутыми пещерами, какъ будто начала отдѣляться отъ прочаго корпуса церкви. Теперь если на той же небольшой площадкѣ почаевской горы, наполненной пещерами и состоящей изъ известковаго камня, настроить новыхъ огромныхъ зданій, то надлежитъ опасаться, чтобы вся эта масса строеній не рухнула въ пещеры, находящіяся въ горѣ и тѣмъ, кромѣ великаго вреда, не причинила великаго стыда православной греко-россійской церкви отъ иновѣрцевъ, толико въ нынѣшнее время на насъ озлобленныхъ» [1]).

Между тѣмъ, какъ почаевскій монастырь устроялся на православный ладъ, базиліане и вся польско-католическая партія строила разныя козни и придумывала разныя средства, чтобы нанести вредъ дѣлу православія въ почаевской лаврѣ. Главною цѣлію всѣхъ этихъ козней было похитить чудотворный образъ почаевской Божіей Матери, а потомъ распустить слухъ, что Божія Матерь ушла отъ схизматиковъ русскихъ и перешла къ базиліанамъ. Результаты отъ исполненія такого замысла были бы въ высшей степени гибельны для дѣла православія: тогда бы

[1]) Въ вышеприведен. дѣлѣ подъ № 114, рапортъ синоду волынскаго архіерея Иннокентія.

уніаты и католики не только нашли для себя новое побужденіе оставаться въ своей вѣрѣ, но и новое средство и силу колебать и совращать православныхъ. Для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ базиліане напрягали всѣ свои силы и прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ. Къ несчастію, мы и теперь, какъ и всегда, были такъ недальновидны и простодушны, что своею оплошностію помогали врагамъ нашимъ питать замыслы противъ насъ и поддерживали въ нихъ надежду на возможность осуществленія этихъ замысловъ. Притворное спокойствіе базиліанъ въ послѣдующее послѣ занятія православнымъ духовенствомъ почаевской лавры время, принято было нами по простотѣ нашей за признакъ истиннаго мира и безусловной ихъ покорности своей судьбѣ; а потому мы сняли караулъ, стоявшій въ Почаевѣ во время пріема лавры. Между тѣмъ подъ видомъ наружнаго спокойствія строились планы и разныя злоухищренія противъ православія. Къ счастію еще нашему, что волынскій епископъ Иннокентій умѣлъ своимъ благоразуміемъ предупредить опасность и спасти дѣло православія въ Почаевѣ: во̂ время онъ успѣлъ выпросить у волынскаго военнаго губернатора военную стражу и принялъ всѣ мѣры предосторожности.

Чтобы лучше ознакомиться со всѣми замыслами базиліанъ и католиковъ противъ православной почаевской лавры, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рапорта волынскаго архіерея Иннокентія св. синоду. «Въ короткое время моего пребыванія въ Почаевѣ, писалъ Иннокентій, узналъ я: а) что базиліане, по удаленіи ихъ изъ почаевской обители, разновременно пріѣзжали въ Почаевъ скрытнымъ образомъ; б) что поѣзды сіи они стали дѣлать чаще и скрытнѣе съ того времени, какъ растаялъ снѣгъ и начала оттаивать земля; в) что цѣль ихъ подъѣздовъ, какъ многіе отзываются и завѣрное судить можно, есть та, чтобы выхватить и увезть извѣстное имъ припрятанное въ Почаевѣ монастырское имущество, о сокрытіи ими каковаго многіе слышны поговоры, или привесть въ исполненіе какое-либо и злостное свое, за лишеніе ихъ сей обители, преднамѣреніе, а наипаче поджогомъ монастырскихъ зданій, тѣмъ болѣе, что не имѣется каменной, да съ трехъ сторонъ и никакой около обители, ограды, и что на всѣхъ монастырскихъ зданіяхъ, кромѣ церкви, крыши гонтовыя. Хотя караулъ ночной около обители и ея зданій и содержится нынѣ изъ принадлежащихъ оной крестьянъ; но поелику 1) тѣ крестьяне, будучи отъ дѣтства въ разныхъ услугахъ при обители и при самыхъ базиліанахъ лично, чрезвычайно имъ, базиліанамъ, преданы, и весьма многіе изъ нихъ, при всякомъ базиліанскомъ подъѣздѣ и явкѣ, имѣютъ съ ними

весьма радушное обращеніе и какія-то скрытныя сношенія и перешептыванія; 2) базиліане, дабы еще болѣе утвердить сію приверженность къ себѣ здѣшнихъ жителей, и сами, и посредствомъ сосѣдствующихъ съ Почаевымъ кременецкихъ базиліанъ, заманиваютъ ихъ всѣми обстоятельными мѣрами въ городъ Кременецъ, гдѣ въ тамошнемъ базиліанскомъ монастырѣ преподаютъ имъ христіанскія требы, особенно слушаютъ исповѣди, и для удержанія въ уніи простого народа совершаютъ съ нарочитою торжественностію по римскому обряду богослуженія, увѣряя всѣхъ и каждаго, что почаевская обитель будетъ опять имъ возвращена; 3) здѣшняго края поклонники издревле имѣютъ обыкновеніе собираться въ Почаевъ только по праздничнымъ днямъ и въ сіи только дни исповѣдываться и пріобщаться, и по совершеніи сего, тотчасъ обратно отправляться; за такимъ же скорымъ поклонниковъ отбытіемъ, напослѣдокъ остаются здѣсь въ немаломъ числѣ злоумышленные бродяги, являющіеся въ Почаевъ не для поклоненія, а для поживы, отъ чего всякаго лѣта при стеченіяхъ народныхъ въ обители частыя бывали воровства; 4) во время бывшаго въ семъ краѣ мятежа, при удаленіи въ прошломъ 1831-мъ г. бывшихъ въ Почаевѣ и околоткахъ онаго польскихъ мятежническихъ войскъ за границу въ Австрію, ушли съ ними туда и нѣкоторые почаевскіе базиліане и бывшіе въ услуженіи при нихъ и при монастырѣ, да кромѣ того и бродяги, подъ видомъ испрашиванія милостыни отъ базиліанъ питавшіеся, кои всѣ по состоянію австрійскаго владѣнія отъ почаевской обители въ разстояніи только нѣсколькихъ верстъ, изъ нерасположенности къ православію и по подстреканію базиліанъ за обращеніе почаевской обители отъ уніи къ православію, могутъ въ немаломъ числѣ ночью набѣжать и съ помянутыми, по отходѣ поклонниковъ остающимися, бродягами и злоумышленниками напесть большое и неожиданное зло какъ для обители, такъ и для помѣщающихся нынѣ въ оной и въ Почаевѣ православныхъ, совершенно безоружныхъ; 5) бывшій у меня въ Почаевѣ 21-го сего апрѣля начальникъ пограничнаго таможеннаго округа г. Шемле, при личномъ моемъ съ нимъ секретномъ совѣщаніи, призналъ по обстоятельствамъ времени необходимою для охраненія почаевской обители военную силу; 6) вчера вновь дошло до меня свѣдѣніе, что между Радзивиловымъ и Почаевымъ замѣчены шайки вооруженныхъ бродягъ, и я полагаю, что цѣлію сихъ бродящихъ около Почаева есть безъ сомнѣнія разграбленіе самой почаевской лавры; и наконецъ 7) сего числа отъ начальника здѣшняго пограничнаго поста стало мнѣ извѣстно, что прошедшей ночью съ восточной и запад-

ной сторонѣ Почаева въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ лѣсу слышны были сильнѣйшіе обыкновенныхъ ружейные выстрѣлы: то по всѣмъ вышеозначеннымъ уваженіямъ нашелъ необходимымъ, дабы хотя на нѣкоторое время расположенъ былъ въ самомъ Почаевѣ и въ окрестностяхъ онаго по крайней мѣрѣ одинъ баталіонъ войскъ съ частію артиллеріи и отрядомъ кавалеріи, отнесъ я сего числа всѣ сіи обстоятельства на благоуваженіе г. волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, кіевскаго военнаго губернатора и кавалера Василія Васильевича Левашова, съ прошеніемъ, неукоснительно оградить св. обитель почаевскую отъ всякихъ покушеній злонамѣренныхъ людей или приведеніемъ въ исполненіе вышеизложеннаго предположенія моего, или другими по усмотрѣнію его дѣйствительными мѣрами» [1]).

Когда замыселъ базиліанъ похитить почаевскую икону, или сдѣлать поджогъ, парализованъ былъ присылкою главнокомандующимъ графомъ Сакеномъ конной команды изъ войскъ 5-й уланской дивизіи, также одной роты пѣхотнаго полка, то базиліане начали отвлекать богомольцевъ отъ Почаева то обманомъ и хитростями, то явнымъ насиліемъ. Такъ, преосвященный волынскій, вслѣдъ за вышеприведеннымъ нами рапортомъ синоду доносилъ, что католики и особенно базиліане, озлобленные на насъ за отнятіе у нихъ почаевской обители, и даже жиды, останавливали на дорогѣ богомольцевъ и не совѣтовали имъ ходить въ Почаевъ на богомолье, говоря, что Божія Матерь почаевская ушла, или уже скоро уйдетъ въ Галицію къ унитамъ [2]). «Въ день сошествія Св. Духа, въ который собирается въ лавру значительное число поклонниковъ, продолжаетъ преосвященный волынскій, я поручилъ засѣдателю земскаго суда поручику Солнцеву узнать тогда отъ самыхъ богомольцевъ, справедливы ли упомянутые доходившіе до меня слухи. Засѣдатель представилъ мнѣ, что многіе изъ богомольцевъ, жалуясь, разсказывали, что поляки въ разныхъ мѣстахъ по пути задерживали ихъ, то стращая, то убѣждая не ходить болѣе на поклоненіе въ почаевскую лавру, а возвратиться назадъ, сими и подобными словами: зачѣмъ теперь туда вамъ идти? Почаевская обитель лишилась уже прежняго своего благолѣпія и святости; чудотворной иконы Божіей Матери нѣтъ уже въ ней; она перешла за границу, въ Австрію, къ угодникамъ своимъ базиліанамъ, не полюбивъ мо-

---

[1]) Вышеприведенное дѣло подъ № 114-мъ, рапортъ волынскаго архіерея Иннокентія св. синоду.

[2]) Тамъ же, отношеніе волынскаго преосвященнаго генералъ-губернатору Левашову.

наховъ русскихъ; возвратитесь домой; совсѣмъ уже безполезно вамъ ходить туда [1]). При чемъ засѣдатель Солнцевъ представилъ мнѣ взятыя имъ по сему случаю отъ 15-ти лицъ показанія на бумагѣ». Наконецъ, даже стали задерживать нѣкоторыхъ подозрительныхъ лицъ изъ римскаго духовенства, которыя бродили въ окрестностяхъ Почаева и даже тайно вторгались въ самый Почаевъ. Такъ, помянутый нами кременецкаго суда засѣдатель Солнцевъ доставилъ волынскому архіерею Иннокентію двѣ ставленныя грамоты на латинскомъ языкѣ за №№ 322 и 968 на иподіаконство и діаконство нѣкоему монаху Рыбицкому, также паспортъ на русскомъ языкѣ за № 1,479-мъ, за собственноручнымъ подписомъ и печатью луцкаго римско-католическаго епископа Пивницкаго, выданный двумъ бернардинскаго ордена монахамъ, съ извѣщеніемъ притомъ, что бумаги эти 2-го числа сего октября 1832-го года найдены почаевскимъ крестьяниномъ Дембицкимъ возлѣ дороги, идущей въ гор. Кременецъ изъ Почаева, на двухъ-верстномъ отъ онаго разстояніи, подъ деревомъ неподалеку отъ корчмы; и что означенныя бумаги забыты въ лѣсу латинскими монахами, шатающимися, вѣроятно, въ партикулярномъ платьѣ [2]). Пр. Иннокентій дополняетъ донесеніе Солнцева подробностями, которыя представляютъ много интереса. «Послѣднее обстоятельство касательно партикулярнаго платья совершенно справедливо должно быть, пишетъ онъ, ибо въ монашескомъ ихъ платьѣ ни въ 1-е ни во 2-е число октября не замѣчено было въ Почаевѣ ни одного человѣка тѣми людьми, коимъ приказано мною замѣчать подобныхъ посѣтителей, для принятія нужныхъ предосторожностей противу ихъ козней. Притомъ, a) въ упомянутомъ паспортѣ предписывается сказаннымъ двумъ клирикамъ изъ чудновскаго монастыря на жительство слѣдовать прямымъ путемъ въ Луцкъ; но изъ мѣстечка Чуднова въ Луцкъ не чрезъ Почаевъ имъ слѣдовать надлежало, но совсѣмъ инымъ путемъ, около 60 по крайней мѣрѣ верстъ отъ Почаева отстоящимъ; b) въ паспортѣ написано: «со срокомъ», а сроку между тѣмъ никакого не выставлено, безъ сомнѣнія для того, чтобы они могли долѣе шататься; c) въ паспортѣ сказано: «т.-е. въ Луцкъ», а между тѣмъ клирики сіи явились въ Кременецкомъ уѣздѣ близъ Почаева; d) паспортъ высланъ имъ въ Чудновъ 29-го іюля, и они, судя по разстоянію, могли изъ Чуднова пріѣхать въ Луцкъ самою медленною ѣздою не болѣе, какъ въ три недѣли; а они шатались съ симъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ канц. об.-прок. св. син., рапортъ волынскаго архіерея синоду.

паспортомъ слишкомъ два мѣсяца; е) означенный паспортъ, проѣзжая города, они обязаны были предъявлять въ полиціяхъ; но таковыхъ предъявленій полиціями не надписано на оборотѣ онаго, какъ обыкновенно водится. По всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ со всею справедливостію заключить слѣдуетъ, что означенные монахи подосланы были начальствомъ своимъ именно къ празднику Покрова въ Почаевъ для того единственно, чтобы между простымъ, стекавшимся тогда для богомолія, народомъ посѣвать зловредныя сѣмена ученія папской церкви и прельщать оный злокозненными обаяніями; и сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ изъ разсказовъ богомольцевъ извѣстно, вообще католики при переходѣ чрезъ разныя селенія поклонниковъ въ почаевскую лавру всячески стараются смущать ихъ совѣсть и приводить духъ ихъ въ уныніе нелѣпыми разглашеніями: «что квартирующіе въ Почаевѣ солдаты приходящихъ изъ далекихъ сторонъ богомольцевъ сажаютъ въ тюрьмы, бьютъ ихъ немилосердно и, продержавъ нѣсколько дней въ тюремномъ заключеніи, наконецъ изгоняютъ ихъ изъ Почаева, не дозволивъ имъ даже побывать въ церкви» [1]).

Но въ приведенномъ случаѣ только найдены были паспорты лицъ, бродившихъ около Почаева, но сами они не были пойманы,—скоро и за этимъ дѣло не стало: отъ 21-го іюня 1832-го года, преосвященный волынскій Иннокентій доносилъ синоду, что засѣдатель кременецкаго земскаго суда, поручикъ Солнцевъ, увѣдомилъ духовный соборъ почаевской лавры, что 9-го числа апрѣля прибылъ изъ Галиціи въ Почаевъ, пробравшись тайно лѣсомъ чрезъ границу, нѣкто, польскимъ шляхтичемъ себя называющій, изъ числа мятежниковъ, ушедшихъ въ Австрію съ бунтовщичскимъ генераломъ Дверницкимъ, который шляхтичъ взятъ въ Почаевѣ и отправленъ подъ карауломъ въ кременецкій земскій судъ. По моему мнѣнію, продолжаетъ преосвященный Иннокентій, это долженъ быть шпіонъ отъ польскаго клуба, существующаго въ Галиціи, хотя земскій кременецкій исправникъ, полякъ и другъ базиліанъ, старался лично предо мною защищать его, говоря, что онъ глупый молодой человѣкъ, и заблудился между границею и Почаевымъ. Только странно заблудиться урожденцу здѣшнихъ мѣстъ, лѣтъ 18-ти отъ роду, на 7-ми верстахъ отъ границы, тогда какъ и не здѣшніе урож-

---

[1]) Въ канц. об.-прок. св. син., дѣло 1832-го года № 43 о назначеніи для почаевской лавры караула, здѣсь же и о передачѣ кременецкаго базиліанскаго монастыря.

денцы знаютъ прямую трактовую чрезъ Радзивиловъ дорогу» [1]). Чтобы лучше замаскировать свои замыслы, польская партія старалась представить нашему правительству всѣ свои злоухищренія противъ почаевской лавры и вообще противъ русскаго правительства преувеличенными, пустыми, вымышленными излишнимъ страхомъ и робостію.

Земская полиція края, по преимуществу состоявшая изъ поляковъ, всегда являлась тутъ пособницей польской партіи и старалась усыплять и обманывать бдительность высшаго русскаго правительства. Такъ, когда формальное слѣдствіе, произведенное чиновникомъ особыхъ порученій при Левашовѣ Чулковымъ и кременецкимъ засѣдателемъ Солнцевымъ, показало, что въ продолженіи одного мѣсяца апрѣля многіе изъ базиліанъ пріѣзжали въ Почаевъ тайно, безъ письменныхъ видовъ, останавливались всякій разъ у лаврскаго крестьянина Стефана Цекуцкаго, живущаго на сѣверной сторонѣ лавры, за горою, въ густомъ лѣсу, и что чаще всѣхъ пріѣзжалъ и останавливался какъ у упомянутаго крестьянина, такъ и у живущаго близъ Почаева помѣщика Ледуховскаго, находящагося на замѣчаніи у правительства по дѣламъ мятежническимъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, ушедшимъ за границу съ генераломъ Дверницкимъ, бывшій почаевскаго монастыря экономъ іеромонахъ Павлинъ Дзилинскій; то кременецкій земскій исправникъ Бульковскій, полякъ и другъ базиліанъ, рапортовалъ Левашову, что базиліане никогда не являлись въ окрестностяхъ Почаева, и что преосвященный Иннокентій принялъ за опасныхъ бродягъ казенныхъ учениковъ кременецкаго училища, ходившихъ по полямъ для землемѣрческой практики съ геометрическими инструментами, а что выстрѣлы, о которыхъ слышно было въ Почаевѣ и о которыхъ доносилъ Иннокентій синоду и Левашову, произведены были почаевскимъ крестьяниномъ при прощаніи его съ лакеемъ бывшаго волынскаго архіерея Амвросія [2]). И замѣчательно простодушіе русскаго человѣка: Левашовъ повѣрилъ розсказнямъ поляка-исправника, и, обманутый самъ, обманулъ и государя, и только послѣдующія событія разувѣрили его въ правдивости доносовъ поляка-исправника, и онъ отрѣшилъ его отъ должности. Эти послѣдующія событія были слѣдующія: а) 31-го мая 1832-го года задержанъ былъ засѣдателемъ Метельскимъ одинъ подозрительный человѣкъ, сначала назвавшій себя казеннымъ деньщикомъ Иваномъ Степановымъ Зайцевымъ и предъявившій под-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Вышеприведенное дѣло о назначеніи для почаевской лавры караула.

ложный билетъ, а потомъ, когда учиненъ имъ былъ побѣгъ и онъ тотчасъ былъ пойманъ засѣдателемъ, показавшій себя заграничнымъ выходцемъ изъ гор. Львова, прибывшимъ въ Почаевъ тайно для избѣжанія отъ рекрутства, а послѣ назвавшійся венгерцемъ, прибывшимъ въ Россію назадъ тому три года съ другими двумя венгерцами, отставшими отъ него въ мѣстечкѣ Ямполѣ. Изъ показаній этого авантюриста открылось, что онъ проживалъ близъ Почаева, у какого-то римскаго ксендза, а товарищъ его находится вблизи мѣстечка Почаева, и онъ видится съ нимъ ежедневно за кладбищенскою церковью. Бродяги эти были шпіоны, подосланные отъ заграничныхъ мятежниковъ или для узнанія времени, когда имъ удобнѣе будетъ напасть на лавру, или для зажигательства, такъ какъ въ то время въ Кременцѣ и Дубнѣ весьма часто случались пожары [1]); б) само австрійское правительство дало знать нашему мѣстному начальству, что мятежники, бродившіе по Галиціи, намѣрены были на другой день праздника Свѣтлаго Воскресенія напасть на почаевскую лавру, но не успѣли сдѣлать этого потому, что получили извѣстіе о приходѣ въ Почаевъ новаго военнаго караула. Не оставляя однакоже своего злобнаго намѣренія и собравшись въ 20-ти верстахъ отъ лавры, они въ числѣ 40 человѣкъ, на коняхъ и во всемъ вооруженіи, предположили сдѣлать нападеніе на лавру 1-го мая. Шайка эта была захвачена австрійскимъ правительствомъ и отправлена въ Лембергъ [2]).

Когда полиція прекратила скрытные подъѣзды базиліанъ, тогда они начали являться въ Почаевѣ уже не тайно, а явно, съ письменными видами отъ своихъ настоятелей, но не отъ гражданскаго правительства, и притомъ подъ самыми пустыми и ложными предлогами. Такъ, одинъ изъ базиліанъ пріѣзжалъ въ Почаевъ будто бы для переплета книгъ; паспортъ этому выданъ былъ на 4 мѣсяца въ разные уѣзды. Другой изъ Луцка пріѣхалъ въ Почаевъ будто бы для отысканія письменныхъ тетрадокъ своего брата, бывшаго почаевскаго іеромонаха проповѣдника. Наконецъ, когда и такихъ посѣтителей стали высылать изъ Почаева, то папписты начали пріѣзжать сюда съ паспортами отъ своихъ епископовъ, не въ монашескомъ, а свѣтскомъ платьѣ. Кромѣ того, изъ кременецкаго базиліанскаго монастыря являлся съ указомъ греко-унитской консисторіи въ Почаевъ базиліанинъ Каменскій, будто бы для переписи принадлежащихъ монастырю почаевскому крестьянъ унитскаго исповѣданія, а въ самомъ же

---

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

дѣлѣ для совращенія принявшихъ въ довольномъ количествѣ православіе почаевскихъ жителей и для укрѣпленія въ уніи тѣхъ изъ нихъ, которые еще не приняли православія [1]).

Нельзя при этомъ не упомянуть объ одной продѣлкѣ базиліанъ: преосвященный волынскій Иннокентій завелъ въ почаевской лаврѣ въ большіе богородичные праздники колокольный звонъ предъ обѣдней, называемый въ Россіи перезвономъ. Этотъ неслыханный въ тамошнемъ краю звонъ такъ понравился приходящему въ Почаевъ на богомолье народу, что онъ съ восторгомъ любовался имъ, и собирался возлѣ колокольни для ближайшаго слушанія его. Узнавши объ этомъ, базиліане постарались скрытнымъ образомъ повредить и сдѣлать негоднымъ къ употребленію самый большой въ 2,000 пудовъ колоколъ, какъ показали слѣдующія обстоятельства: a) колоколъ въ составѣ своемъ былъ весьма толстъ и крѣпокъ, такъ что отъ обыкновеннаго звона не могъ расшибиться; b) онъ былъ разбитъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно языкомъ ударяютъ и въ коихъ обыкновенно повреждаются колокола, но въ другомъ совершенно мѣстѣ—въ боку, куда колокольный языкъ во время произведенія звона касаться не можетъ; c) звонарями были и жили въ самой колокольнѣ бывшіе при базиліанахъ монастырскіе служители-униты, находившіеся въ тайныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ изгнанными изъ Почаева базиліанами, а преимущественно съ кременецкими базиліанами, которые вывѣдывали отъ нихъ о состояніи почаевскаго монастыря и не обинуясь спрашивали ихъ: «въ Почаевѣ еще уланы? караулятъ ли они ночью церковь, и скоро ли выѣдутъ?» [2]).

Военно-судная коммиссія, учрежденная въ Житомирѣ надъ мятежниками, открыла во всей полнотѣ замыслы базиліанъ и папистовъ по отношенію къ почаевскому монастырю и узнала истинное значеніе всѣхъ ихъ бродяжествъ около Почаева. Между прочими цѣлями ихъ путешествій около Почаева и въ самомъ Почаевѣ было отыскать и забрать сокровища монастырскія, спрятанныя ими въ самомъ Почаевѣ и окрестностяхъ его во время обращенія почаевскаго монастыря въ православный. Житомирская военно-судная коммиссія открыла, что базиліане успѣли большую часть монастырскихъ сокровищъ похитить изъ Почаева, или скрыть ихъ отъ православныхъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени по удаленіи базиліанъ изъ Почаева,

---

[1]) Вышеприведен. дѣло подъ № 114 о передачѣ почаевскаго базиліанскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

[2]) Тамъ же.

нашли наши монахи въ шести скрытныхъ мѣстахъ разныя сокровища. Мѣста эти были: темный чуланчикъ надъ лаврскою библіотекою, столбъ подъ чудотворною иконою Божіей Матери, подполье въ монастырскомъ погребѣ, тайное отверстіе въ настоятельской комнатѣ подъ поломъ, также въ кладовой монастырскаго зданія. Найденныя вещи заключались въ брилліантахъ, церковной утвари и деньгахъ. Но большее число почаевскихъ сокровищъ было похищено базиліанами, какъ открыла коммиссія и показали нѣкоторыя лица оффиціальнымъ образомъ. Такъ, луцкій протоіерей Корнаковскій отъ 26-го іюля 1832 г. донесъ волынской консисторіи, что бѣлостокскаго базиліанскаго монастыря суперіоръ, іеромонахъ Андрей Александровичъ, при свидѣтеляхъ, въ его рапортѣ поименованныхъ, сознался, что изъ погреба почаевской лавры учинена почаевскими монастырскими служителями покража сокрытаго подъ поломъ сундука съ золотыми привѣсками и брилліантами, а также чего-то изъ стѣны, и что всѣ эти вещи увезены за границу. Другой случай: евреемъ Лейбою Орумовичемъ Глузманомъ съ крестьяниномъ Иваномъ Кондратьевымъ найденъ близъ деревни Ерши, въ лѣсу, въ кучѣ муравейника, мѣшокъ серебряныхъ рублей, мѣрою до 4-хъ гарнцевъ, брошенный по всей вѣроятности базиліанами, какъ показали разные свидѣтели. Наконецъ, показанія монастырскихъ служителей почаевской лавры, взятыя засѣдателемъ Солнцевымъ, ясно свидѣтельствуютъ, что въ первую ночь по прибытіи чиновниковъ для пріема почаевскаго монастыря увезены базиліанами изъ монастырскаго погреба сундукъ и двѣ коробки съ какими-то вещами, также серебряный сервизъ, заложенный въ 1829 г. у почаевскихъ базиліанъ за 6,000 руб. сер. помѣщицею Берегецкою. Чтобы лучше скрыть слѣды своихъ хищеній, базиліане во время пріема почаевскаго монастыря православнымъ духовенствомъ старались скрывать приходорасходныя книги и разные оффиціальные документы, могшіе изобличить ихъ въ воровствѣ.

Въ 1833-мъ году представлена была военно-судной житомирской коммиссіи приходорасходная книга почаевскаго монастыря съ 1789-го по 1826-й годъ, найденная внутреннимъ экономомъ почаевской лавры іеродіакономъ Израилемъ въ мелкомъ щебнѣ, при осмотрѣ трубъ на чердакѣ. Эта книга, сличенная съ другими такого же рода, свидѣтельствовала, что базиліане каждую статью доходовъ дѣлили на-двое, и одну часть записывали въ прошнурованныя книги, по которымъ отдавали отчетъ своему начальству; а другую часть записывали въ книгу, найденную въ щебнѣ, и какъ эту книгу, такъ и суммы, вписанныя

въ нее, называли «приватными»; а потому не только при сдачѣ въ 1831-мъ г. почаевской обители въ вѣдѣніе православнаго духовенства все это сокрыли, но и предъ своимъ начальствомъ, какъ видно было изъ подписей нровинціаловъ, все это утаивали, Когда военно-судная коммиссія стала допрашивать казначея почаевскаго базиліанскаго монастыря Ѳеодота Постанкевича о найденной приходорасходной книгѣ, то онъ объявилъ, что въ 1822-мъ году, по избраніи его бывшимъ базиліанскимъ провинціаломъ Демковичемъ въ казначеи почаевскаго монастыря, и по выполненіи имъ присяги о цѣлостномъ храненіи всѣхъ монастырскихъ капиталовъ, поступила къ нему тогда же и книга съ надписью на первомъ листѣ подъ политурой: «приватная книга для записки приходовъ», и значущіеся по оной наличная запасная сумма и векселя. Сія запасная сумма составилась въ продолженіи 60-ти, или болѣе, или менѣе лѣтъ, Постанкевичъ опредѣлительно не помнитъ, но только по волѣ провинціаловъ русской провинціи, и была тайною, извѣстною только провинціалу, какъ главѣ провинціи, казначею, обязанному строго сохранять сію сумму и тайну, и частію настоятелю монастыря, жившимъ въ бывшемъ почаевскомъ монастырѣ; составилась же она изъ отдѣленія части отъ бывшихъ значительнѣйшихъ монастырскихъ доходовъ до 1828 года и изъ отдаваемыхъ монастырю нѣкоторыми монахами и свѣтскими людьми предъ смертію собственныхъ ихъ денегъ на вѣчное поминовеніе. Изъ этой же суммы часть давалась частнымъ лицамъ за проценты, которые, по полученіи, присоединялись къ запасному капиталу. Такимъ образомъ, со времени заведенія сей запасной суммы до 1829-го года составился капиталъ въ векселяхъ и наличности до 600,000 злотыхъ, за исключеніемъ дѣланныхъ изъ сего, по приказанію провинціаловъ, расходовъ, соотвѣтственно цѣли заведенія сей монастырской суммы, какъ-то: на сооруженіе монастырскихъ зданій послѣ пожаровъ, гораздо великолѣпнѣйшихъ; на многоцѣнныя украшенія церкви, на прокормленіе братіи, прислужниковъ, госпиталя и монастырскихъ крестьянъ около 900 душъ, во время бывшихъ неурожаевъ; на вспомоществованіе недостаточнымъ базиліанскимъ монастырямъ, и другія непредвидимыя издержки. Того же 1829-го года въ октябрѣ или въ ноябрѣ мѣсяцѣ провинціалъ Бѣлинкевичъ, сказавши Постанкевичу, что съ сего времени провинціаловъ не будетъ въ базиліанскомъ орденѣ, а монастыри будутъ состоять подъ начальствомъ епископовъ и консисторій, приказалъ принесть къ нему вышеупомянутую приватную книгу, по оной наличную сумму и векселя, объявя притомъ, что онъ составитъ консульту и сдѣлаетъ распоряженіе о всемъ

запасномъ монастырскомъ капиталѣ, составленномъ попеченіемъ и властію провинціаловъ. Во исполненіе сего Постанкевичъ тогда же принесъ ему, Бѣлинкевичу, означенную книгу, при реестрѣ векселя, расходъ денегъ на особомъ листѣ и наличныя деньги: золотомъ до 1,600 червонцевъ въ трехъ мѣшечкахъ, серебромъ до 9,000 руб. въ 6-ти или 7-ми мѣшечкахъ, ассигнаціями до 60,000 руб. а остальные въ векселяхъ, подъ которые, сколько помнитъ Постанкевичъ, заимствовали: графиня Цецилія Ожаровская 60,000 злотыхъ, помѣщикъ Петрушевскій 20,000 злотыхъ, помѣщикъ Дениско 6,000 злотыхъ, помѣщица Варвара Чацкая 10,000 злотыхъ и помѣщикъ Вилежинскій 6,666 злотыхъ и 12 денежекъ. Съ этого времени приватная книга, запасная сумма и векселя остались у провинціала Бѣлинкевича, по смерти котораго, случившейся неожиданно 20 августа 1830 года, Постанкевичъ, придя въ то же время въ келію покойнаго, спросилъ іеромонаха Стахурскаго, бывшаго домашнимъ секретаремъ провинціала, какъ близкаго къ нему и пользовавшагося его довѣренностію, не повѣрялъ ли ему покойный провинціалъ вышеизъясненной приватной книги и при ней векселей и наличныхъ денегъ? Но получа отрицательный отвѣтъ, вмѣстѣ съ Стахурскимъ секретно обыскали келію провинціала и сундуки его, но въ нихъ не отыскали ни книги, ни векселей и наличныхъ денегъ; послѣ того тѣ комнаты были замкнуты и запечатаны печатью іеромонаха Стахурскаго и земскаго засѣдателя Горскаго. Во время смерти провинціала, архимандритъ почаевскаго монастыря Скивскій былъ въ городѣ Овручѣ для устроенія имѣній тамошней архимандріи; но по прибытіи его оттуда черезъ 4 или 5 недѣль въ Почаевъ, Постанкевичъ объявилъ и ему, и по сдѣланіи вновь розысканія, также ничего не нашли [1]).

Конечно, въ этомъ показаніи Постанкевича нѣтъ и капли правды, и военно-судная коммиссія имѣла все основаніе заподозрить его и еще другого почаевскаго іеромонаха, Гервасія Галинскаго, въ сокрытіи приватной книги въ щебнѣ и похищеніи суммы, значущейся въ этой книгѣ. Книга эта найдена по указанію крестьянина Погорелецкаго, служившаго долго въ почаевскомъ монастырѣ и бывшаго смотрителемъ разныхъ монастырскихъ построекъ. Бывши въ Кременцѣ, крестьянинъ Погорелецкій зашелъ въ костелъ кременецкихъ базиліанъ и здѣсь нечаянно встрѣтился съ ксендзомъ Гервасіемъ Галинскимъ, который спросилъ его: «что слышно въ Почаевѣ?» и между про-

[1]) Дѣло о передачѣ почаевскаго базиліанскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

чимъ сказалъ Погорелецкому, что онъ, Галинскій, подъ крышею надъ монастырскими кельями, въ щебнѣ спряталъ опечатанную имъ книгу, которую просилъ Погорелецкаго взять и къ нему доставить въ Кременецъ; для удобнѣйшаго отысканія этой книги объявилъ слѣдующія примѣты: взойдя на гору, надъ тѣми келіями, гдѣ типографія, есть каменная стѣна, посрединѣ которой ежели стать и смотрѣть, то въ одной изъ близлежащихъ балокъ видна отъ выгнившаго сучка дира; около этой балки лежитъ въ щебнѣ помянутая книга. Книга эта, отысканная по указанію Погорелецкаго, нужна была только тому, кто взялъ себѣ суммы, значущіяся въ этой книгѣ. Притомъ же, когда нѣкоторые изъ почаевскихъ базиліанъ, въ томъ числѣ и Постанкевичъ, взяты были въ кіевскую крѣпость, то изъ числа оставшихся въ монастырѣ базиліанъ ходили въ казнохранилище, гдѣ хранились монастырскія деньги, только два человѣка — Шавурскій и Галинскій. Постанкевичъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ похищеніи суммы, значущейся въ приватной книгѣ, тѣмъ, что всѣ его розсказни о передачѣ книги и суммы провинціалу Бѣлинкевичу представляютъ много невѣроятнаго. Если Бѣлинкевичъ объявилъ Постанкевичу въ 1829-мъ году, что съ этого времени провинціаловъ въ базиліанскомъ орденѣ болѣе уже не будетъ, и что по этому поводу приказалъ ему принесть къ себѣ означенную книгу и наличную по ней сумму и векселя; то какимъ же образомъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ базиліанъ въ Почаевѣ, значится, что спустя годъ послѣ этого срока, т.-е. въ 1830-мъ году, Бѣлинкевичъ послалъ въ унитскую духовную коллегію рапортъ, съ прошеніемъ дозволенія собрать въ томъ году капитулъ для избранія новаго провинціала и орденскихъ чиновниковъ, чтб конечно Бѣлинкевичъ не сдѣлалъ бы, еслибы годомъ прежде, т.-е. въ 1829-мъ году, зналъ уже, что провинціаловъ въ базиліанскомъ орденѣ болѣе уже не будетъ. Да и изъ постановленій правительства извѣстно, что базиліанскіе провинціалы не были уничтожены въ 1829-мъ г., а только съ 1828-го г. подчинены стали консисторіямъ и епархіальнымъ архіереямъ; слѣдовательно Бѣлинкевичъ, оставаясь по прежнему провинціаломъ, не имѣлъ необходимости требовать къ себѣ той книги и денегъ, а особливо прежде созванія консульты; консульта же еслибы и предполагалась, то Постанкевичъ, какъ присяжный казначей этихъ денегъ, не могъ быть чуждымъ ея совѣщаній, а потому не было надобности столь заблаговременно требовать отъ него помянутыхъ денегъ, и если эти деньги въ продолженіи болѣе осьми лѣтъ безспорно и съ полнымъ довѣріемъ хранились у него, то могли оставаться у него же и до созванія

консульты. Еслибы провинціалъ Бѣлинкевичъ находилъ почему-либо нужнымъ принять къ себѣ и спрятать въ келіи своей бывшіе до того времени въ тайномъ храненіи у Постанкевича векселя и деньги, то безъ сомнѣнія спряталъ бы вмѣстѣ съ ними и книгу, а заболѣвши и чувствуя себя близкимъ къ смерти, имѣя притомъ до послѣдней минуты присутствіе духа и свободное употребленіе языка, не преминулъ бы предъ своею кончиною открыть кому-либо изъ довѣренныхъ лицъ о столь важномъ предметѣ, но этого изъ показаній самого Постанкевича не видно. А между тѣмъ книга найдена одна, безъ денегъ и векселей, и найдена не въ провинціальной келіи, а на чердакѣ надъ братскими келіями, и то въ щебнѣ, слѣдовательно невѣроятно, чтобы Бѣлинкевичъ тамъ ее спряталъ, и невозможно, чтобъ онъ взялъ съ собою въ могилу принесенныя будто бы къ нему Постанкевичемъ огромныя суммы денегъ и векселя [1]).

Мы съ намѣреніемъ можетъ быть слишкомъ долго останавливались на подробностяхъ, сопровождавшихъ актъ обращенія почаевскаго базиліанскаго монастыря въ православный, чтобы лучше изобразить трудности, съ которыми нужно было бороться православному духовенству при пріемѣ этого монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить ту стойкость, энергію и хитрость, съ какими базиліане отстаивали это средоточіе, душу и сердце уніи. Они чувствовали, что, по собственному ихъ выраженію, у нихъ вырываютъ сердце обращеніемъ этого монастыря въ православный. Не говоря уже о нравственномъ вліяніи, произведенномъ актомъ обращенія почаевскаго монастыря въ православный на уніатовъ и католиковъ и обнаружившемся въ переходѣ многихъ изъ нихъ, особенно первыхъ въ православіе, какой могущественной матеріальной поддержки лишалось уніатство и католичество, потерявши такой богатѣйшій монастырь! Вся эта сила перешла на сторону православія. Замѣчательно, что самое правительство наше стало смѣлѣе и энергичнѣе дѣйствовать въ отношеніи къ базиліанскимъ монастырямъ послѣ обращенія въ православный почаевскаго монастыря. Сломавши самый оплотъ уніи, оно уже смѣло приступило къ закрытію другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ періодъ времени отъ 1828-го по 1832-й гг. закрыты были слѣдующіе монастыри базиліанъ: овручьскій, почаевскій, жидичинскій, кузницкій, жировицкій, браславскій, сушковскій, брестскій, витебскій, полоцкій, безводицкій, поддубецкій, верховскій, хомскій, мирскій, свѣржанскій, тушинскій, казиміровскій, бѣлостокскій, луцкій, дубенскій, мильчанскій, пу-

[1]) Дѣло подъ № 114 о обращеніи почаевскаго монастыря въ православный.

чинскій и гощанскій, всего 24 монастыря[1]). Но при этомъ замѣтимъ одну особенность: правительство наше въ этомъ случаѣ хотѣло дѣйствовать такъ, чтобы всѣ его мѣры касательно закрытія базиліанскихъ монастырей исходили какъ-бы не отъ него, а отъ греко-унитской коллегіи, т.-е. какъ-бы самое унитское начальство дѣйствовало противъ унитскаго монашества и такимъ образомъ само уніатство сокрушало свою подпору, уничтожая или ослабляя базиліанство.

Отчетъ, представленный Жарскимъ о совершенной имъ визитаціи 37 ми базиліанскихъ монастырей, послужилъ для правительства самымъ лучшимъ средствомъ для осуществленія его плановъ касательно унитскихъ монастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ для замаскированія своихъ намѣреній. Дѣло въ томъ, что Жарскій въ своемъ отчетѣ о визитаціи базиліанскихъ монастырей изобразилъ довольно ясно упадокъ дисциплины въ базиліанскомъ орденѣ и тутъ же предложилъ и мѣры къ возстановленію ея. Мѣры эти, по его мнѣнію, должны были состоять въ слѣдующемъ: а) назначить въ каждый монастырь соотвѣтственное число монаховъ — отъ осьми до двѣнадцати; b) опредѣлить на каждые десять монастырей по одному монаху для ежегоднаго ихъ осмотра, съ предоставленіемъ ему права наказывать монашествующихъ и награждать ихъ; с) ввести въ базиліанскомъ орденѣ новый образъ воспитанія; d) перевести на русскій языкъ уставъ базиліанскаго ордена — Institutiones Ordinis S. Basilii Magni — съ нужными перемѣнами. Измѣненіе обрядовъ богослуженія въ унитской церкви Жарскій, въ своемъ отчетѣ, приписывалъ вліянію римскаго духовенства, которое заставило унитовъ постепенно чуждаться греческихъ обрядовъ. Для возстановленія ихъ, Жарскій полагалъ слѣдующія средства самыми надежными: а) примѣръ духовныхъ начальствъ: епископовъ, архимандритовъ, протоіереевъ; b) поручить членамъ коллегіи и еще двумъ духовнымъ написать свои замѣчанія, въ чемъ уніаты, и наиболѣе монахи, отступили отъ греческихъ обрядовъ, и, по соображеніи этихъ замѣчаній, извлечь изъ нихъ общія правила, которыя и разослать для общаго употребленія; с) предписать главнѣйшимъ монастырямъ, чтобы духовное юношество пріучалось къ своимъ основнымъ обрядамъ; чтобы сооружены были царскія врата, иконостасы; чтобы заведены были пѣвчіе, а потомъ и органы уничтожены, и чтобы изъ богослуженія исключено было все, заимствованное изъ римскаго

---

[1]) Въ м. в. д. докладъ Блудова, 27 марта 1833 года, о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей, о визитаціи базиліанскихъ монастырей, совершенной архимандритомъ Жарскимъ.

обряда, какъ-то: пѣніе разныхъ молитвъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Много и другого чего написалъ Жарскій для усовершенствованія нравственнаго и хозяйственнаго состоянія базиліанскихъ монастырей, при всей хитрости своей не подозрѣвая, что коллегія, получающая внушенія свыше — отъ Блудова, извлечетъ изъ его отчета другіе практическіе результаты, нежели какіе предполагались визитаторомъ, и что отчетъ его окажетъ на дѣлѣ весьма плохую услугу базиліанамъ.

Интересно слѣдить также, какъ унитская коллегія пользуется замѣчаніями Жарскаго для достиженія цѣлей, питаемыхъ правительствомъ касательно базиліанскихъ монастырей. «Разсмотрѣвъ мнѣніе визитатора, говоритъ она, касательно базиліанскихъ монастырей, она находитъ замѣчанія его о упадкѣ дисциплины въ базиліанскомъ орденѣ отъ уменьшенія числа монашествующихъ справедливыми; ибо духовное начальство встрѣчаетъ уже большое затрудненіе въ выборѣ достойныхъ настоятелей въ существующіе нынѣ греко-унитскіе монастыри, а между тѣмъ воспрещеніе вступать въ орденъ базиліанскій людямъ римско-католическаго исповѣданія, коими оный прежде наполнялся, лишаетъ всякой возможности назначить, по предположенію визитатора, въ каждый монастырь отъ 8-ми до 12-ти монаховъ, и коллегія не находитъ другого способа отвратить таковое неудобство, какъ привести въ дѣйствіе положеніе оной, высочайшаго одобренія въ 1828-мъ году удостоившееся, о упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, такъ чтобы число остающихся соотвѣтствовало и дѣйствительнымъ нуждамъ греко-унитской церкви и способамъ наполненія оныхъ монашествующими изъ собственнаго обряда. Тогда только, по мнѣнію коллегіи, духовное начальство будетъ въ состояніи принять достаточныя средства для возстановленія монашеской дисциплины» [1]).

Чтобы совершенно поразить самолюбіе и другія чувства Жарскаго, коллегія давала видъ, что она принимаетъ рекомендуемыя Жарскимъ средства для поднятія нравственнаго и экономическаго состоянія базиліанскаго ордена. «Еслибы признано было нужнымъ отложить упраздненіе излишнихъ монастырей еще на нѣкоторое время, продолжаетъ коллегія, то предполагаемое визитаторомъ опредѣленіе на всякіе десять монастырей по одному монаху для ежегоднаго оныхъ осмотра можетъ отчасти быть полезно, но власть наказывать и награждать мона-

---

[1]) Докладъ Блудова о визитаціи базиліанскихъ монастырей, совершенной архимандритомъ Жарскимъ.

шествующихъ не можетъ быть дана ревизорамъ въ той обширности, какъ предлагаетъ визитаторъ»[1]). Но коллегія очень хорошо знала характеръ Жарскаго, его натуру подвижную и ненадежную, а потому старалась замаскировать отъ него будущіе свои виды и планы касательно базиліанскихъ монастырей и вообще отдѣлывалась отъ него фразами; по всему видно было, что она была еще не увѣрена въ его благонадежности, чтобы посвящать его въ тайны своихъ намѣреній и открывать ему перспективу будущихъ реформъ въ уніи вообще и въ базиліанскомъ обществѣ въ частности. Между тѣмъ, побуждаемая правительствомъ и самыми тогдашними политическими обстоятельствами западнаго края, коллегія продолжала дѣло закрытія базиліанскихъ монастырей. Блудовъ не давалъ покою греко-унитской коллегіи и неустанно настаивалъ на мысли о необходимости закрыть то тотъ, то другой базиліанскій монастырь. «Причины, докладывалъ Блудовъ Государю, по коимъ полагалось нужнымъ упраздненіе базиліанскихъ обителей, существуютъ и нынѣ еще въ высшей степени и подтверждаются словесными донесенія архимандрита Жарскаго, осматривавшаго сіи монастыри. Нынѣшнія предположенія о греко-унитской церкви заставляютъ также обратиться къ мѣрѣ, которая ограничитъ вредное вліяніе монастырей, слишкомъ приблизившихся къ римскому, облегчитъ способы преобразовать остальные въ настоящихъ видахъ правительства и доставитъ средства для необходимыхъ по унитской части улучшеній»[2]). Государь всегда радостно принималъ подобные доклады Блудова и обыкновенно такъ выражался въ этихъ случаяхъ: «Вотъ и еще уничтожили нѣсколько непріятельскихъ крѣпостей! Вотъ и еще взяли нѣсколько непріятельскихъ лагерей! Слава Богу! Вѣдь это чисто непріятельскія крѣпости[3])». Такъ императоръ называлъ базиліанскіе монастыря.

Вслѣдъ за закрытіемъ вышепоказанныхъ 24-хъ базиліанскихъ монастырей подверглись той же участи еще 18-ть монастырей базиліанскаго ордена, а именно: геліановскій, новоселецкій, рожанскій, даревскій, уманскій, лисянскій, сиротинскій, доброгорскій, поставскій, толочинскій, любовицкій, два новогрудскихъ, мужескій и женскій, волнянскій, лысковскій, молошковскій, суховицкій и каневскій[4]). Поводомъ или предлогомъ для за-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ м. в. д. докладъ Блудова 1833-го года 27-го марта о упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей.

[3]) Это передано мнѣ г. Ивановымъ, который слышалъ все это лично отъ самого Блудова.

[4]) Въ м. в. д. доклады Блудова 1834-го года о упраздненіи каневскаго базиліанскаго монастыря, а также и другихъ 17-ти.

крытія всѣхъ этихъ монастырей служили для нашего правительства, кромѣ недостатка въ монашествующихъ и участія въ польскомъ мятежѣ, еще слѣдующія обстоятельства: или эти монастыри по мѣстоположенію своему находились вблизи другихъ монастырей того же ордена, къ которому принадлежали закрываемые монастыри, а слѣдовательно были излишни и ненужны; или же были въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ народонаселеніе все, или по большей части, было православное; или они вдругъ лишились своихъ прежнихъ прихожанъ по случаю перехода ихъ въ православіе; или церкви извѣстныхъ монастырей нужны были для обращенія ихъ въ приходскія унитскія церкви, или наконецъ историческая древность и знаменитость монастыря требовали обратить его изъ унитскаго въ православный. Это послѣднее побужденіе къ закрытію унитскихъ монастырей выставлялось на видъ по преимуществу нашими православными іерархами. Такъ, напримѣръ, кіевскій митрополитъ Евгеній представлялъ о необходимости обратить церковь каневскаго базиліанскаго монастыря въ православную на томъ основаніи, что церковь этого монастыря въ честь успенія Пресвятыя Богородицы построена была еще въ XII-мъ вѣкѣ княземъ кіевскимъ Всеволодомъ Олеговичемъ и въ ней рукоположенъ былъ во діакона знаменитый святитель церкви православной св. Димитрій, митрополитъ ростовскій [1]), и здѣсь же архимандритъ Макарій, котораго мощи почиваютъ въ Переяславлѣ [2]). По такимъ же побужденіямъ переданъ былъ въ православное вѣдомство и монастырь дорогобужскій, построенный князьями острожскими [3]).

Дѣло упраздненія базиліанскихъ монастырей шло такъ успѣшно и быстро, что къ 1835-му году закрыто было двѣ трети монастырей этого ордена [4]). Одновременно съ мѣрою закрытія базиліанскихъ монастырей шли рука объ руку и другія мѣры, болѣе или менѣе ограничивавшія дѣйствія этого ордена. Къ числу первыхъ, по времени появленія изъ этихъ мѣръ, относится законъ о воспрещеніи бродяжества и самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства отъ своихъ приходовъ и монастырей. Правительство нашло поводъ къ изданію такого закона въ нѣкоторыхъ поступкахъ какъ католическаго, такъ и унитскаго духовенства. Въ Самогитіи задержанъ былъ одинъ монахъ

---

1) Докладъ Блудова 1833-го года 3-го ноября.

2) Докладъ Блудова 1834-го года 29-го марта.

3) Тамъ же.

4) Записка Блудова для предварительнаго прочтенія членамъ секретнаго комитета по унитскимъ дѣламъ.

бернардинскаго ордена, который, подъ предлогомъ собиранія подаянія на свой монастырь, бродилъ изъ одного мѣста въ другое, разсѣвалъ нелѣпые слухи и подстрекалъ простой народъ къ безпорядкамъ. Вслѣдствіе этого состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы сдѣлано было надлежащее распоряженіе по духовной части къ отвращенію самовольной отлучки бѣлаго и монашествующаго католическаго духовенства отъ своихъ приходовъ и монастырей. Блудовъ предложилъ по этому католической коллегіи, чтобы она, во-1-хъ, воспрещала подвѣдомому ей духовенству переѣзжать изъ одной губерніи въ другую безъ дозволенія епархіальнаго начальства и полученнаго по оному паспорта отъ мѣстнаго губернскаго начальства; во-2-хъ, чтобъ предписала подвѣдомственнымъ ей духовнымъ начальствамъ къ непремѣнному исполненію, чтобы никто изъ бѣлаго и монашествующаго духовенства въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, безъ крайней надобности, не отлучался отъ мѣстъ своихъ и опредѣленныхъ обязанностей ни въ свой, ни въ другой уѣздъ; въ случаѣ же каковой надобности, отправляющійся въ другой уѣздъ долженъ имѣть на сіе дозволеніе епархіальнаго начальства, исключая изъ сего духовныхъ, посылаемыхъ по распоряженію епархіальнаго начальства для слѣдствій, осмотра церквей и для другихъ надобностей, которые могутъ отправляться въ другой уѣздъ той же епархіи по одному о томъ предписанію, о коемъ однако же увѣдомлять гражданское начальство; b) отлучающійся отъ своего мѣста въ собственный уѣздъ обязанъ получить письменный видъ отъ своего декана, кромѣ однако же монаховъ, посылаемыхъ для сбора подаяній, которые не могутъ отлучаться и въ свой уѣздъ безъ засвидѣтельствованія въ томъ надобности отъ епархіальнаго начальства и полученнаго по сему на свободный проѣздъ вида отъ мѣстнаго гражданскаго правительства; c) впрочемъ приходскимъ священникамъ, коихъ приходы лежатъ не въ одномъ томъ уѣздѣ, гдѣ находится церковь, могутъ быть выданы отъ епархіальнаго начальства, засвидѣтельствованные и гражданскимъ той губерніи начальствомъ, общіе для такого переѣзда виды на опредѣленное время, какъ, напримѣръ, на одинъ или два года, означая въ каждомъ, что сей видъ служитъ только собственно для проѣзда священника въ такой-то уѣздъ, или губернію, для посѣщенія прихожанъ его, и именуя мѣста, для проѣзда въ которыя дается сей видъ. Такіе же виды могутъ быть выдаваемы и настоятелямъ церквей и монастырей для проѣзда въ фундушевыя ихъ имѣнія и съ тѣми же ограниченіями. Епархіальное начальство, выдавая сіи виды, будетъ обязано тогда же сообщить оные гражданскому начальству

для засвидѣтельствованія; но вся отвѣтственность за злоупотребленіе въ семъ случаѣ лежитъ — такъ писалъ Блудовъ — на начальствѣ духовномъ, которое долженствуетъ имѣть строгій надзоръ за подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ [1]).

Этотъ законъ, впрочемъ, сначала относился только къ католическому духовенству. На унитское духовенство онъ распространенъ былъ впослѣдствіи, по настоянію волынскаго епископа Иннокентія, который, устрашенный происками базиліанъ, ихъ интригами и бродяжествомъ въ почаевскую лавру, просилъ св. синодъ, чтобъ онъ ходатайствовалъ гдѣ слѣдуетъ, а) о томъ, чтобы строго воспрещено было начальству римской церкви позволять монашествующимъ разныхъ орденовъ таскаться безъ письменныхъ видовъ отъ гражданскаго правительства тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ нѣтъ никакой надобности быть; b) чтобы градскія и земскія полиціи неослабно наблюдали за таковыми, подъ разными видами шатающимися, бродягами, и никакъ не дозволяли имъ шататься ко вреду господствующей церкви; с) чтобы постановленіе правительства относительно воспрещенія римско-католическимъ монахамъ переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, безъ вѣдома гражданскаго, распространено было и на унитское, какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство, тѣмъ болѣе, писалъ Иннокентій, что сіи послѣдніе, какъ изъ прежде сказаннаго видѣть можно, и многими опытами дознано, гораздо злѣе и вреднѣе для греко-восточной церкви и благочестивыхъ послѣдователей ея, нежели первые [2]).

Второю мѣрою, относившеюся къ базиліанскимъ монахамъ, назначался шестимѣсячный срокъ для возвращенія въ католическій обрядъ тѣмъ изъ нихъ, которые поступили въ этотъ орденъ изъ католичества. Въ 1827-мъ году, между прочимъ, повелѣно было высочайшимъ указомъ не дозволять ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда. А въ 1828-мъ году государь утвердилъ мнѣніе унитской коллегіи о томъ, чтобы увольнять монаховъ, поступившихъ изъ римскаго обряда въ унитское монашество, если они изъявятъ желаніе оставить базиліанскій орденъ, и передавать таковыхъ въ вѣдѣніе римско-католическаго епархіальнаго начальства, съ тѣмъ однако же, чтобы монахи, занимавшіе какіе-либо въ

---

[1]) Въ Син. арх. дѣло 1833-го года, № 65. По предложенію министра внутреннихъ дѣлъ о высочайшемъ повелѣніи объ отвращеніи самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства отъ своихъ приходовъ и монастырей.

[2]) Въ канц. об.-прок. св. син. дѣло 1831 г. о передачѣ почаевскаго базиліанскаго монастыря въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

орденѣ и монастыряхъ должности, предварительно отдавали надлежащій по онымъ отчетъ греко-унитскому монашествующему начальству и мѣстнымъ консисторіямъ.

Мѣра эта принята была правительствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы очистить орденъ базиліанскій отъ людей, поступившихъ въ него изъ римскаго исповѣданія, которые, увлекаясь чувствомъ привязанности къ своему прежнему обряду, не могли исполнить одной изъ главнѣйшихъ обязанностей греко-унитскаго монашества: содѣйствовать сохраненію въ чистотѣ и неприкосновенности обрядовъ церкви восточной, а съ другой стороны какъ-бы наблюсти справедливость при исполненіи постановленій о возвращеніи перешедшихъ изъ уніи въ римское исповѣданіе по прежнему въ свой обрядъ.

Но отправленный въ 1832-мъ году для визитаціи важнѣйшихъ монастырей базиліанскихъ архимандритъ Жарскій замѣтилъ, что дозволеніе базиліанамъ возвращаться въ римскій обрядъ имѣетъ вредное вліяніе на монаховъ, потому что многіе изъ нихъ, находя въ этомъ удобное средство избѣгать взысканія за свои поступки, нарушаютъ правила всякой подчиненности. Унитская коллегія съ своей стороны находила, что въ унитскомъ монашествѣ должно произойти немалое разстройство отъ находящихся еще въ немъ около 200 монаховъ, поступившихъ туда изъ латинскаго обряда и считающихъ себя отчасти чуждыми церкви греко-унитской и ожидающихъ лишь удобнаго случая оставить ее; и что само духовное начальство не можетъ употреблять ихъ съ благонадежностью, не бывъ увѣрено ни въ ихъ приверженности къ церкви греко-унитской, ни даже въ постоянномъ пребываніи въ ея нѣдрахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ коллегія нашла нужнымъ ограничить вышеозначенное дозволеніе возвращаться въ римскій обрядъ изъ ордена базиліановъ шестимѣсячнымъ срокомъ, со времени объявленія о таковомъ ограниченіи, съ тѣмъ, что монахи, происходящіе изъ латинскаго обряда, которые въ теченіи сего срока не возвращаются въ него, не могутъ уже впослѣдствіи оставить греко-унитское монашество. По мнѣнію коллегіи ограниченіе это было тѣмъ болѣе справедливо, что монахи-базиліане изъ латинъ уже четыре года пользуются свободою возвращаться въ свой прежній обрядъ: и слѣдственно имѣли довольно времени рѣшиться на то или другое [1]). Дѣйствительно, статистическія данныя о лицахъ, возвратившихся изъ базиліанскаго ордена въ католичество, показываютъ, что базиліане изъ латинянъ неохотно и нескоро переходили въ

---

[1]) Докладъ Блудова 1833-го г. 12 мая.

свой прежній обрядъ: въ продолженіе четырехъ лѣтъ дарованнымъ имъ правомъ воспользовались изъ 200 лицъ только 50. А потому правительство по необходимости должно было прибѣгнуть къ вышесказанной мѣрѣ. Правило, или законъ объ ограниченіи позволенія обращаться изъ унитства въ латинство лицамъ, принадлежавшимъ нѣкогда къ сему послѣднему обряду, шестимѣсячнымъ срокомъ, распространено было въ 1835-мъ году и на базиліанъ.

Третья мѣра, довольно энергическая, касалась опредѣленія къ вакантнымъ мѣстамъ римско-католическихъ и греко-унитскихъ духовныхъ. Когда въ 1831-мъ году укрощенъ былъ польскій мятежъ, тогда открылось, что многіе изъ католическихъ и унитскихъ духовныхъ принимали участіе въ смутахъ, волновавшихъ Польшу и западный край. По докладу Блудова, государь далъ въ то время такое повелѣніе, чтобы вмѣнено было въ обязанность епархіальнымъ архіереямъ того и другого исповѣданій, чтобы они опредѣляли членовъ въ консисторіи, и настоятелей, и викарныхъ священниковъ въ приходы не иначе, какъ по сношенію съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, представляя ему на каждое вакантное мѣсто по три, или по крайней мѣрѣ не менѣе двухъ такихъ кандидатовъ, которыхъ бы поведеніе и правила могли служить ручательствомъ въ ихъ благонадежности, а мѣстнымъ главнымъ начальствамъ предписано было, чтобы они не иначе изъявляли согласіе свое на опредѣленіе котораго-либо изъ представляемыхъ кандидатовъ, какъ по собраніи объ нихъ достовѣрнѣйшихъ по возможности свѣдѣній [1]). Мѣра эта впослѣдствіи подверглась многимъ измѣненіямъ по докладу того же Блудова. Въ 1835-мъ году Блудовъ докладывалъ государю, что «вышеозначенная мѣра была необходима въ тогдашнемъ положеніи западныхъ губерній, дабы мѣстное начальство имѣло болѣе удобности сдѣлать хорошій выборъ изъ многихъ кандидатовъ, коихъ участіе въ прекращенныхъ тамъ безпорядкахъ было еще не совершенно извѣстно. Установленный тогда порядокъ строго наблюдается и доселѣ, хотя нынѣ для сего по прошествіи четырехъ лѣтъ, по возстановленіи общаго въ томъ краѣ спокойствія, исполненіе сихъ правилъ уже не столь нужно, ибо свѣдѣнія о поступкахъ римско-католическихъ и греко-унитскихъ духовныхъ во время мятежей вездѣ уже собраны и, на основаніи сихъ свѣдѣній, степень благонадежности каждаго изъ нихъ можетъ скорѣе и точнѣе быть опредѣлена мѣстнымъ начальствомъ. Между тѣмъ въ избраніи по три и даже по два кандидата на

---

[1]) Докладъ Блудова 21-го іюня 1835-го года.

каждое вакантное священническое мѣсто встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія. Такъ, администраторъ могилевской римско-католической епархіи, епископъ Каміонко изъясняетъ смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору, что на мѣсто членовъ консисторіи, по малому числу прелатовъ и канониковъ, исправляющихъ разныя другія должности, онъ не можетъ представить болѣе одного кандидата; къ мѣстамъ же викарныхъ назначаются токмо священники, или вновь рукоположенные, или безмѣстные; настоятелей же, или викарныхъ, имѣющихъ уже мѣста, опредѣлять къ онымъ невозможно, и какъ нынѣ болѣе неимѣется ни безмѣстныхъ, ни вновь рукоположенныхъ, то и нельзя будетъ удовлетворять требованіямъ гражданскаго начальства о представленіи нѣсколькихъ кандидатовъ на каждое мѣсто; что вновь рукополагать для сего было бы также неудобно, ибо тѣ изъ кандидатовъ, которые останутся за назначеніемъ одного, лишились бы пристанища и способа къ содержанію, сдѣлались бы по необходимости бродягами. Дабы устранить сіи неудобства и затрудненія, какъ смѣю думать, можно безъ опасенія дозволить военнымъ и генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній разрѣшать опредѣленіе къ симъ духовнымъ должностямъ, не требуя на каждое вакантное мѣсто болѣе одного кандидата, въ такомъ, однако-жъ, случаѣ, когда представляемое лицо не подозрѣвается въ неблагонадежности, и когда епархіальное начальство удостовѣритъ, что по недостатку безмѣстныхъ или другихъ способныхъ для поступленія на таковыя мѣста духовныхъ, не имѣетъ въ виду болѣе одного кандидата». Государь согласился на такое измѣненіе, но прибавилъ: «съ должною осмотрительностью» [1]).

Всѣ вышеприведенныя мѣры направлены были не только къ ограниченію дѣйствій и силы базиліанскаго ордена, но къ сокращенію числа членовъ его. Для достиженія послѣдней цѣли особенно дѣйственною мѣрою было распоряженіе правительства, недозволяющее ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-унитское монашество людей другого обряда и изъ самаго унитскаго духовенства допускающее къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, которые докажутъ, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія; при этомъ предписано было доводить до свѣдѣнія государя императора о всѣхъ, которые, на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, вступятъ въ греко-унитское монашество. Кромѣ того, архіереямъ повелѣно было, чтобы они никого не посвящали въ духовныя степени греко-унитскаго монашества, безъ предвари-

[1]) Докладъ Блудова 21-го іюня 1835-го года.

тельнаго разсмотрѣнія консисторій, какъ сіе наблюдается при представленіи священнослужителей изъ бѣлаго духовенства [1]). Этою мѣрою прекращено было умноженіе базиліанскаго ордена, или по крайней мѣрѣ сокращалось число членовъ его до самыхъ малыхъ размѣровъ.

Правительство, преобразуя греко-унитское духовенство въ духѣ, приближающемъ его къ православію и отдаляющемъ отъ католицизма, начавши притомъ эту реформу съ самыхъ высшихъ іерархическихъ степеней и низводя до самыхъ низшихъ—до клириковъ, въ то же время возстановляло въ греко-унитскомъ богослуженіи восточные обряды и уничтожало въ немъ все пришедшее въ него отъ латинянъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ реформа уже касалась массъ унитскаго исповѣданія, и постепенно приготовляла ихъ къ сближенію съ православными. Замѣчательно, что реформы, касавшіяся греко-унитской обрядности, были принимаемы до нѣкоторой степени бо́льшимъ числомъ греко-унитскаго духовенства довольно благосклонно и не встрѣчали слишкомъ упорной оппозиціи, за исключеніемъ базиліанъ. Даже иногда случалось, что нѣкоторые изъ членовъ унитскаго духовенства, особенно высшаго, сами, не дожидаясь внушеній правительства, шли на встрѣчу этимъ реформамъ, но вмѣсто благосклоннаго пріема встрѣчали со стороны нашей высшей іерархіи какую-то недовѣрчивость. По крайней мѣрѣ у насъ имѣются подъ руками два-три подобныхъ факта. Для объясненія этихъ фактовъ мы имѣемъ только одно средство: до 1835-го года изъ членовъ самаго св. синода только одинъ, можетъ быть, митрополитъ московскій Филаретъ, посвященъ былъ въ тѣ виды, которые имѣло въ виду наше правительство касательно унитской церкви въ Россіи. А потому со стороны самыхъ первыхъ нашихъ іерарховъ, какъ, напр., митрополита Серафима, свободное движеніе унитскихъ іерарховъ къ сближенію съ обрядами восточной церкви было встрѣчаемо не съ должнымъ вниманіемъ и не съ горячимъ радушіемъ. Факты эти, какъ интересные, мы почитаемъ нужнымъ привести здѣсь. Митрополитъ унитскій Булгакъ, въ 1823-мъ году 26-го октября, просилъ у петербургскаго митрополита Серафима ризницы, для отправленія литургіи. Но Серафимъ отказалъ ему въ просьбѣ, «потому, какъ онъ выразился, уваженію, что литургію сію, какъ мнѣ сказывалъ протоіерей вашъ, будутъ пѣть не придворные пѣвчіе, а другіе, мнѣ неизвѣстные, которые, можетъ быть, станутъ пѣть не по обряду греко-россійской церкви, а по

---

[1]) Въ м. в. д. дѣло 1830 г. № 10, о новиціяхъ, допущенныхъ въ греко-унитскомъ монашествѣ.

обряду унитскихъ церквей, отчего не можетъ не послѣдовать соблазна для здѣшней публики»[1]). Другое письмо Серафима къ Булгаку еще рѣзче. «Какъ мнѣ извѣстно,—писалъ Серафимъ,—что вы завтра, въ воскресный день, будете отправлять литургію: то я долгомъ моимъ поставляю предувѣдомить васъ, милостивый государь, что ежели при служеніи вашемъ будутъ употреблены пѣвчіе греко-россійскаго исповѣданія, то чтобъ вы отнюдь не заставляли ихъ пѣть по обряду унитскихъ церквей, а пѣли бы они по обряду греко-россійской церкви такъ, какъ пѣли при васъ придворные пѣвчіе. Сіе необходимо нужно для того, дабы не могло послѣдовать соблазна для здѣшней публики. Я нахожу себя принужденнымъ сказать вамъ, при всемъ моемъ къ вамъ почтеніи, что если вы сего не исполните въ точности, то я по долгу моему доведу сіе обстоятельство до свѣдѣнія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и вы можете тогда подвергнуть себя отвѣтственности за причиненный вами соблазнъ». Булгакъ смиренно и съ довольною деликатностью отвѣчалъ на угрожательное письмо Серафима, что «въ унитскомъ богослуженіи нѣтъ разности съ православнымъ, кромѣ одной, что послѣ высочайшихъ именъ воспоминается въ своемъ мѣстѣ римскій папа, а пѣвчіе, какъ обыкновенно, за всякимъ прошеніемъ отвѣчаютъ. Особеннаго не было наставленія для придворныхъ пѣвчихъ, когда я отправлялъ святую литургію и парастасъ за усопшаго папу».

Приведенные факты относятся къ эпохѣ Александра I; а вотъ фактъ изъ времени царствованія императора Николая I: ноября 3-го, 1828-го года, по случаю кончины императрицы Маріи Өеодоровны, Булгакъ писалъ Блудову такое письмо: «Переселеніе въ вѣчное жилище всемилостивѣйшей государыни императрицы Маріи Өеодоровны, чувствительнѣйшимъ ударомъ поразило весь народъ россійскій. Изъ оставшихся живыхъ вѣрноподданныхъ, всякій горитъ желаніемъ оказать по своему состоянію послѣднюю услугу своей въ Бозѣ почивающей монархинѣ, въ коихъ числѣ и я нахожусь. Имѣя по званію моему пребываніе въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, по возсланіи теплѣйшихъ молитвъ къ Всевышнему за упокой усопшей, и сдѣлавъ распоряженія о возсыланіи таковыхъ же по епархіямъ, беру смѣлость представить сіе мое прошеніе на благоуваженіе вашего превосходительства: не могу ли я съ подвѣдомымъ мнѣ духовенствомъ, здѣсь пребывающимъ, причисленъ быть къ опредѣленнымъ для отданія послѣдней вѣрноподданнической услуги преставленной съ сей временной

[1]) Письмо Серафима Іоасафату Булгаку.

жизни императрицѣ, т.-е. имѣть означенное мѣсто въ торжественномъ шествіи, при перенесеніи тлѣнныхъ ея останковъ къ погребенію. Благоволите, милостивый государь, сію мою смѣлость приписать самой печали, происходящей отъ сей вообще чувствуемой потери, и удостоить меня благосклоннымъ отвѣтомъ» [1]). Блудовъ представилъ это письмо Булгака государю при особомъ докладѣ, въ которомъ желаніе Булгака назвалъ необыкновеннымъ, хотя безъ сомнѣнія искреннимъ, усердіемъ и вѣрноподданническимъ чувствомъ внушеннымъ. При докладѣ Блудовъ представилъ и нѣкоторыя словесныя объясненія, сущность которыхъ состояла въ томъ, что петербургскій и московскій митрополиты охотно соглашаются, чтобъ унитскій митрополитъ Булгакъ находился въ алтарѣ Петропавловскаго собора во время погребенія тѣла въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, взамѣнъ изъявленнаго имъ желанія, котораго, по мнѣнію ихъ, невозможно исполнить безъ соблазна въ народѣ [2]). Государь долженъ былъ согласиться съ мнѣніемъ двухъ митрополитовъ.

Реформы въ унитскомъ богослуженіи начались контролемъ надъ печатаніемъ богослужебныхъ унитскихъ книгъ. Богослужебныя унитскія книги преимущественно печатались при двухъ базиліанскихъ монастыряхъ: почаевскомъ и виленскомъ. Базиліане, какъ истые римляне, при печатаніи богослужебныхъ унитскихъ книгъ, позволяли себѣ разныя злоупотребленія: дѣлали католическія прибавки къ восточному тексту книгъ, уничтожали нѣкоторыя мѣста въ этихъ книгахъ, оставляли чинъ обряда, а уничтожали молитву, сопровождающую этотъ обрядъ, или вставляли свою, не только неимѣющую связи съ обрядомъ, но и противорѣчащую обряду. Мало этого: служебники унитскіе, напечатанные въ Почаевѣ, были различны съ напечатанными въ Вильнѣ. Но при всемъ этомъ имѣлась въ виду одна цѣль: искаженіе древняго православнаго характера этихъ богослужебниковъ и преобразованіе ихъ въ духѣ и направленіи католическомъ. Правительство почло первымъ своимъ долгомъ, послѣ извѣстнаго указа 22-го апрѣля 1828-го года объ устройствѣ греко-унитской церкви, пресѣчь вышеупомянутыя злоупотребленія при печатаніи унитскихъ богослужебныхъ книгъ.

По предложенію Блудова издано было высочайшее повелѣніе, чтобы книги, къ богослуженію, обрядамъ и вообще къ благочинію унитской церкви относящіяся, были печатаемы не иначе,

---

[1]) Изъ бумагъ г-на Иванова.
[2]) Изъ бумагъ г-на Иванова.

какъ съ разрѣшенія коллегіи, которая въ свою очередь должна была доносить объ этомъ Блудову [1]). Этою мѣрою уничтожались всѣ латинскія прибавки, вошедшія въ унитскіе служебники, возстановлялся древній и православный текстъ ихъ и, наконецъ, вводилось единство и согласіе между всѣми ими.

Первый примѣръ сближенія въ обрядахъ церкви унитской съ православною поданъ былъ, какъ и должно быть, самимъ высшимъ унитскимъ духовенствомъ. Начало этого сближенія положено было съ устройства и освященія здѣсь, въ Петербургѣ, унитской церкви при греко-унитской коллегіи. Новоустроенная церковь имѣла видъ православной, т.-е. имѣла иконостасъ, престолъ посрединѣ алтаря, и не имѣла органовъ. 21-го февраля 1831-го года она была освящена во имя святителя и чудотворца Николая, а на другой день, въ воскресенье, при значительномъ собраніи народа, отправлена была въ ней митрополитомъ Іосафатомъ Булгакомъ соборнѣ съ членами коллегіи греко-унитской литургія и потомъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и возглашеніемъ многолѣтія государю и всей царской фамиліи.

Весь обрядъ богослуженія отправленъ былъ по чину восточной церкви. «Церковь, докладывалъ Блудовъ государю, отличается не богатствомъ украшеній, но хорошимъ вкусомъ архитектуры и сохраненіемъ во всемъ пропорцій, сообразныхъ ея пространству. Иконостасъ, состоящій изъ довольно искусно писанныхъ изображеній святыхъ, признаваемыхъ восточною церковію, возвышаясь до потолка, совершенно закрываетъ отъ молящихся внутренность алтаря и устроенъ, равно какъ и утварь церковная и все прочее, въ точности по уставу греко-россійской церкви. Богатыя облаченія, вашимъ императорскимъ величествомъ пожалованныя митрополиту и епископу, отвѣчали благолѣпію сего новаго храма. Особеннаго любопытства и вниманія достойно древнее евангеліе, которое, какъ видно изъ подписи дарителя, поступило въ соборную виленскую церковь за годъ до начала уніи, потомъ оно сдѣлалось собственностью митрополитовъ унитскихъ, и въ прошедшемъ году привезено сюда. Сей остатокъ древности, уцѣлѣвшій въ теченіи вѣковъ, посреди перемѣнъ самой вѣры, покрытъ вызолоченнымъ серебромъ старинной прекрасной работы [2]). Отъ высшихъ сферъ унитской іерар-

---

[1]) Въ св. син. въ унитск. отд. дѣло 1828 года, по предложенію главноуправляющаго о высочайшемъ повелѣніи, чтобы книги, къ богослуженію, обрядамъ и вообще къ благочинію унитской церкви относящіяся, были печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія коллегіи.

[2]) Въ м. в. д. докладъ Блудова 1831 года февраля 25, объ освященіи устроенной здѣсь греко-унитской церкви.

хіи богослужебныя реформы переходили и во все унитское духовенство, и какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, базиліане оказывали большее сопротивленіе, чѣмъ все остальное унитское духовенство, то правительство принуждено было съ особенною энергіей приводить въ исполненіе свои предписанія касательно введенія обрядовъ православной церкви въ унитское богослуженіе. Къ счастію, правительство иногда случайно могло видѣть собственными своими глазами оппозицію базиліанъ мѣрамъ своимъ ко введенію обрядовъ восточной церкви въ унитскомъ богослуженіи, а слѣдовательно тѣмъ живѣе сознавало необходимость употребленія энергическихъ мѣръ въ этомъ случаѣ.

Въ 1830-мъ году государь, проѣзжая чрезъ городъ Умань, посѣтилъ тамошній унитскій монастырь. Игуменъ монастыря, встрѣчая государя, сдѣлалъ такое восклицаніе: «vivat Rex in aeternum». Въ то же время государю бросилось въ глаза то, что дьяконы того же монастыря носили стихари короткіе, болѣе сходные съ облаченіемъ по обряду латинскому. Государь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, сдѣлалъ замѣчаніе Блудову. Блудовъ далъ унитской коллегіи предложеніе, въ которомъ поставлялъ на видъ всему унитскому духовенству, что хотя всякое изъявленіе вѣрноподданническаго усердія достойно похвалы, но неприлично служителю алтаря при священномъ обрядѣ употреблять другой какой-либо языкъ, кромѣ того, на коемъ по уставамъ церкви долженствуетъ отправляться богослуженіе, и что сіе должно быть повсемѣстно; что духовенство греко-унитское обязано во всѣхъ обрядахъ, слѣдственно и въ облаченіи священнослужителей, сообразжаться въ точности съ установленіями церкви восточной [1]). Коллегія, получивши предложеніе Блудова, тотчасъ сдѣлала предписаніе, въ которомъ сначала изобразила все, что сдѣлано было ею касательно уничтоженія всѣхъ чуждыхъ и несвойственныхъ основнымъ законоположеніямъ церкви греческой обрядовъ и нововведеній, потомъ изъясняла: «какъ нынѣ открылось, что, несмотря на всѣ сіи подтвержденія коллегіи греко-унитской, нѣкоторые изъ духовныхъ и особенно монашествующіе чина св. Василія Великаго не только не вездѣ съ точностію наблюдаютъ правила, установленія и древніе обряды богослуженія на языкѣ славянскомъ, но еще замѣчаются въ неприличномъ отступленіи отъ оныхъ; почему, для прекращенія на предбудущее время дальнѣйшихъ въ церкви греко-унитской безпорядковъ, отъ неточнаго исполненія постановленій

---

1) Въ м. в. д. докладъ Блудова 1830 года: «О мѣрахъ къ предупрежденію отступленій отъ правилъ и установленій церкви греко-унитской».

чина богослуженія и вообще устава церкви греческой происходящихъ, она опредѣлила снова подтвердить чрезъ епархіальныя начальства всему бѣлому и монашествующему духовенству: 1) чтобы оно, при совершеніи богослуженія и прочихъ священныхъ обрядовъ, не употребляло иного языка, кромѣ природнаго, свойственнаго церкви греко-унитской — языка славянскаго; 2) въ проповѣдяхъ и въ обученіи закону Божію духовенство долженствуетъ примѣняться къ нарѣчію, коимъ говорятъ мѣстные жители—прихожане церкви, заимствуя однакожъ тексты изъ св. Писанія на языкѣ славянскомъ, ибо проповѣдывать слово Божіе народу на невнятномъ для него языкѣ есть дѣло недостойное христіанскаго ученія и безполезное для слушателей; 3) какъ на основаніи положеній указа 22-го апрѣля 1828-го года, духовенство греко-унитское не только въ обрядахъ и богослуженіи, но и въ облаченіи священно-служителей, должно сообразжаться съ установленіями церкви восточной; то наистрожайше воспретить всему бѣлому и монашествующему духовенству дѣлать новыя священныя облаченія, подходящія, или сходныя съ облаченіями церкви западной, поставя въ непремѣнную обязанность, чтобы въ случаѣ снабженія церквей греко-унитскихъ новыми священными облаченіями соблюдена была въ точности форма облаченія церкви греческой; 4) предписать консисторіямъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о объявленіи вновь духовенству главнѣйшихъ положеній высочайшаго указа 22-го апрѣля 1828-го года вмѣстѣ съ нынѣшнимъ предписаніемъ коллегіи, такъ, чтобы отнынѣ никто не могъ отговариваться незнаніемъ оныхъ и своихъ обязанностей, за уклоненіе отъ коихъ, или за неточное наблюденіе виновные будутъ подвергаемы отвѣтственности и взысканію по законамъ».

Такъ какъ въ унитской церкви господствовалъ крайній безпорядокъ и произволъ въ постройкѣ храмовъ, отчего внѣшняя форма ихъ потеряла характеръ восточно-православныхъ храмовъ; то, по предложенію Блудова, утверждены были планы и фасады для греко-унитскихъ церквей.

Но самыми важными мѣрами къ сближенію въ обрядахъ церкви унитской съ православною были распоряженія коллегіи унитской о введеніи служебниковъ московской печати и иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ. Каждая изъ этихъ мѣръ казалась столь рѣшительною и важною, что коллегія рѣшилась на нихъ не иначе, какъ въ торжественномъ совѣщаніи съ полнымъ составомъ всѣхъ іерарховъ унитской церкви. Обстоятельства этого событія описаны самою коллегіей въ представленіи ея министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 8-го февраля 1834-го года.

«Съ самаго начала уніи, представляла коллегія, и по недостатку единства въ церковномъ управленіи, и по вліянію чуждыхъ правилъ, существовала разность между богослужебными книгами, въ греко-унитскихъ церквахъ употреблявшимися. Уже замойскій помѣстный синодъ обращалъ на сіе вниманіе, предписывалъ о соблюденіи единообразія въ обрядахъ богослуженія и опредѣлилъ издать однообразные для всѣхъ церквей служебники и другія церковныя книги. Между тѣмъ опредѣленіе таковое неисполнено, и неприличное разногласіе въ богослуженіи часъ отъ часу распространялось. Нынѣ по уніатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества изданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ они позднѣе. Самый важный недостатокъ сихъ книгъ есть особенная небрежность въ отношеніи обрядовъ богослуженія. Типики по большей части пропущены, а тѣ, которые остались, были измѣняемы постепенно по произволу издателей. Послѣ сего неудивительно, что греко-унитское духовенство, лишенное надлежащаго руководства, въ богослуженіи допустило столь важныя по оному упущенія. Величественные и прекрасные обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены, знаменованіе оныхъ забыто; внутреннее устройство церквей и самыхъ священныхъ облаченій и церковныхъ утварей измѣнено; выведены даже изъ обыкновенія нѣкоторыя церковныя моленія; вмѣсто же того заимствованы многіе обряды и постановленія отъ источниковъ, чуждыхъ греко-унитской церкви.

«Греко-унитская духовная коллегія, во вниманіе къ сему важному неустройству по ея вѣдомству, пригласивъ въ свое присутствіе всѣхъ находящихся нынѣ въ С.-Петербургѣ греко-унитскихъ епископовъ, совѣщалась о средствахъ возстановленія по греко-унитскимъ церквамъ обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныя церкви во всей чистотѣ оныхъ, соотвѣтственно высочайшимъ его императорскаго величества указамъ и повелѣніямъ, постановленіямъ самихъ папъ римскихъ, и неоднократнымъ предписаніямъ изъ коллегіи уже послѣдовавшимъ, и вслѣдствіе такихъ совѣщаній совмѣстно съ тѣми же епископами опредѣлила. *Первое:* изъ уваженія, что изданіе особыхъ однообразныхъ служебниковъ и прочихъ церковныхъ книгъ потребовало бы весьма продолжительнаго времени и значительныхъ издержекъ, то принять для руководства по всѣмъ греко-унитскимъ церквамъ служебникъ, напечатанный въ Москвѣ 1831-го года въ четверть листа, такъ какъ оный заключаетъ всѣ обыкновенныя церковныя службы съ точнымъ изъясненіемъ обрядовъ, греко-восточной нашей церкви свойственныхъ, и по умѣренной

цѣнѣ удобенъ къ пріобрѣтенію. *Второе:* служебника сего пріобрѣсть для епархіи бѣлорусской шестьсотъ, а для литовской семьсотъ экземпляровъ, и разослать оные ко всѣмъ приходскимъ церквамъ, при коихъ считается болѣе пятисотъ обоего пола прихожанъ, съ тѣмъ, что первоклассные и второклассные приходы должны будутъ возвратить цѣнность доставляемыхъ имъ служебниковъ. *Третье:* на семъ же основаніи и для таковаго-жъ употребленія пріобрѣсть тысячу пятьсотъ экземпляровъ «Послѣдованія молебныхъ пѣній», напечатаннаго въ Москвѣ въ 1826-мъ году. *Четвертое:* кромѣ того, пріобрѣсть нѣкоторое число и другихъ богослужебныхъ книгъ, особенно священнаго евангелія, и препроводить оныя въ вѣдѣнія епархіальныхъ начальствъ, для доставленія удобства мѣстному духовенству пріобрѣтать сіи книги для церквей, имѣющихъ въ оныхъ нужду. *Пятое:* какъ греко-восточное богослуженіе не можетъ быть вполнѣ соблюдаемо безъ иконостасовъ, а также приличныхъ церковныхъ утварей и священныхъ облаченій, большая же часть церквей по своей бѣдности не въ состояніи ни устроить первыхъ, ни завестись послѣдними, то назначить сообразно настоящимъ средствамъ коллегіи, для вспомоществованія въ семъ отношеніи бѣднѣйшимъ церквамъ, къ ежегодному отпуску въ распоряженіе епархіальныхъ начальствъ, каждому по пяти тысячъ рублей впредь до дальнѣйшаго распоряженія. *Шестое:* вмѣнить всякому изъ архіереевъ въ непремѣнную обязанность стараться всѣми силами о возстановленіи обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныя нашея церкви, а также и о искорененіи, по мѣрѣ возможности, всѣхъ вкравшихся злоупотребленій и нововведеній, съ тѣмъ, чтобы никто изъ духовныхъ не былъ опредѣляемъ къ мѣстамъ, ниже опредѣленный утверждаемъ, безъ надлежащаго удостовѣренія въ точномъ знаніи таковыхъ постановленій и обрядовъ, а также въ приверженности къ онымъ, для чего и сообщить всякому изъ помянутыхъ архіереевъ копію настоящаго опредѣленія. *Седьмое:* предписать обѣимъ консисторіямъ и правленіямъ епархіальныхъ семинарій, чтобы онѣ объявили о настоящемъ распоряженіи всѣмъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ, подтвердивъ имъ вновь, прилагать всевозможное стараніе объ изученіи и наблюденіи обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныя нашея церкви. *Осьмое:* о таковомъ опредѣленіи коллегія, доводя до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, долгомъ поставляетъ просить объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія, заимствовать нужныя деньги на покрытіе вышепоясненныхъ издержекъ изъ числа отпускающихся ежегодно казною по всемилостивѣйшему государя императора

назначенію, двадцати восьми тысячъ рублей, на предполагаемую въ Полоцкѣ греко-унитскую академію, кои донынѣ, за исключеніемъ нѣскольких только тысячъ, вносятся въ государственный банкъ для приращенія процентами. Коллегія-жъ съ своей стороны не преминетъ въ употребленіи таковыхъ денегъ наблюдать строгую отчетность и обо всѣхъ издержкахъ будетъ доносить вашему высокопревосходительству».

Для оказанія возможнаго содѣйствія къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе сдѣланнаго распоряженія о поставленіи иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ, положено было «употребить ту же самую мѣру, которая приводилась тогда въ дѣйствіе по западнымъ нашимъ губерніямъ относительно построенія православныхъ церквей, т.-е. приглашать помѣщиковъ строить иконостасы собственными способами въ ихъ имѣніяхъ, въ удовлетвореніе надобности крестьянъ, доставляющихъ имъ пользу своими трудами. Для этой цѣли предоставлено было начальникамъ унитскихъ епархій, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ о тѣхъ церквахъ, въ коихъ по бѣдности прихожанъ нельзя ожидать, чтобы были скоро поставлены иконостасы, входить въ сношеніе по казеннымъ имѣніямъ съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, дабы скорѣе разрѣшено было воспользоваться дарованною монаршею милостію на устроеніе иконостасовъ по 300 руб. сер. на каждую церковь; кромѣ того, разрѣшено было заимствовать 5,000 руб. въ годъ на каждую изъ обѣихъ унитскихъ епархій изъ суммы 28,000 рублей, всемилостивѣйше назначенной на основаніе въ Полоцкѣ духовной греко-унитской академіи; а по имѣніямъ помѣщичьимъ дѣлать владѣльцамъ, особенно достаточнымъ, приглашенія къ исполненію сей мѣры правительства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ходатайство по сему предмету греко-унитскаго епархіальнаго начальства не окажетъ успѣха, подкрѣпить оное съ своей стороны министру внутреннихъ дѣлъ, поставляя въ примѣръ высочайшее споспѣшествованіе сей части церковнаго благоустройства по казеннымъ имѣніямъ. Вмѣстѣ съ симъ греко-унитской коллегіи наблюсти, чтобы во всѣхъ монастыряхъ непремѣнно были поставлены иконостасы, такъ какъ въ монастыряхъ менѣе можно предполагать недостатка способовъ къ сему устроенію, нежели въ приходахъ» [1]).

Нужно сознаться, что распоряженіями о употребленіи московскаго служебника въ унитскихъ церквахъ и устройствомъ въ нихъ иконостасовъ правительство дѣлало самый рѣшительный шагъ къ сближенію унитской церкви съ православною. А

[1]) Въ син. арх. совѣщанія секрет. комитета по унитскимъ дѣламъ.

потому неудивительно, что и православная сторона и враждебная ей увидѣли въ этихъ мѣрахъ уже ясныя намѣренія правительства касательно унитской церкви; та и другая сторона пришли въ движеніе: одна всячески содѣйствовала приведенію въ исполненіе этой мѣры, а другая всячески противодѣйствовала. Нашъ синодъ, узнавши объ этомъ и обративши вниманіе на скудное состояніе большей части унитскихъ церквей, назначилъ отпустить безденежно изъ московской синодальной типографіи потребное для нихъ число служебниковъ и молебныхъ пѣній. Правительство старалось подвигнуть какъ оффиціальныхъ лицъ, такъ и частныхъ къ пожертвованіямъ на устройство иконостасовъ въ унитскихъ церквахъ. За то польско-римская партія всѣми мѣрами и способами старалась замедлить это дѣло. Начались интриги, уговариванья, обѣщанія, просьбы, угрозы и насилія. Напрасно выбивались изъ силъ Сѣмашко и Лужинскій, чтобы скорѣе привести въ исполненіе означенныя мѣры, понимая всю важность и значеніе ихъ, — дѣло не выходило далѣе границъ канцелярій и ограничивалось бумагою: начиналась длинная, нескончаемая переписка между гражданскими и духовными присутственными мѣстами. Бюрократія западныхъ губерній была по большей части латино-польская, слѣдовательно положительно враждебная мѣрамъ правительства, или и русская, но которая играла жалкую роль орудія польской интриги. Губернаторы западныхъ губерній доносили, что «помѣщики римско-католики весьма неохотно принимаются содѣйствовать настоящимъ преобразованіямъ церквей греко-унитскихъ. Это по религіознымъ предразсудкамъ нерасположеніе поддерживается и усиливается тѣмъ, что въ имѣніяхъ казенныхъ и конфискованныхъ не дѣлается для устройства церквей ни малѣйшихъ вспомоществованій ни отъ казенныхъ палатъ, ни со стороны администраторовъ, совершенно отъ того отказывающихся, тогда какъ дѣятельнымъ преобразованіемъ храмовъ въ имѣніяхъ казенныхъ они долженствовали бы помѣщикамъ и прочимъ обывателямъ подать примѣръ *подражанія*» [1]). Поэтому литовскій епископъ Іосифъ, во время осмотра своей епархіи, удостовѣрясь, что общія предписанія коллегіи о соблюденіи обрядовъ богослуженія и устройства церквей весьма слабо исполняются, призналъ необходимымъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи распоряженіями частными. Разсмотрѣвши внимательно состояніе церквей епархій литовской, онъ назначилъ въ 238-ми изъ нихъ устроить въ теченіе года иконостасы и самые престолы такъ, чтобы вокругъ по-

[1]) Совѣщанія комитета по унитск. дѣламъ.

слѣднихъ духовенство могло совершать установленные по обряду греческаго богослуженія ходы и чтобы престолы не были закрываемы отъ народа высокими, отъ латинянъ заимствованными, такъ называемыми цыборіями (ковчегъ или дарохранительница съ особыми алтарными украшеніями). Для устроенія иконостасовъ пр. Іосифъ предоставилъ воспользоваться находящимися въ сихъ церквахъ образами и даже остатками бывшихъ нѣкогда иконостасовъ; а въ случаѣ недостатка въ которой-либо церкви приличныхъ мѣстныхъ образовъ оставлять для нихъ мѣсто, закрытое завѣсою, впредь до пріобрѣтенія сихъ иконъ. Такимъ образомъ удалось пр. Іосифу, послѣ многихъ усилій и среди самыхъ враждебныхъ дѣйствій польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, устроить въ 329-ти церквахъ иконостасы въ промежутокъ времени отъ 1834-го до 1835-го года [1]).

Въ бѣлорусской епархіи дѣло это шло еще медленнѣе по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ этой епархіи: тамъ въ 1835-мъ году едва въ 20-ти церквахъ устроены были иконостасы, а между тѣмъ число всѣхъ унитскихъ церквей въ ней простирается до 625-ти [2]). Правительство прибѣгало даже къ энергическимъ мѣрамъ, чтобы заставить помѣщиковъ-католиковъ помогать въ постройкѣ иконостасовъ: учреждало тайные надзоры за непокорными, предавало суду явныхъ противоборцевъ своимъ мѣрамъ и наустителей другихъ къ непослушанію; слѣдствія по большей части кончались ничѣмъ для виновныхъ и опасностію для доносителей и обиженныхъ, и вызывали поляковъ еще на бо́льшія дерзости. Ксендзы, даже латинскіе архіереи, дѣйствовали за одно вмѣстѣ съ помѣщиками и чиновниками-поляками. Тамъ, гдѣ нельзя было оказать явнаго сопротивленія мѣрамъ правительства, начиналась интрига, распускались нелѣпые слухи о намѣреніяхъ правительства. Для приданія большей важности этимъ слухамъ, утверждали, что они идутъ изъ Петербурга и изъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ. По особенному искусству, такъ свойственному воспитанникамъ іезуитовъ, помѣщики-поляки и ксендзы успѣвали увлекать за собою даже иногда нѣкоторыхъ изъ унитовъ и настроивать ихъ на сопротивленіе мѣрамъ правительства [3]). Унитскіе прихожане, настроенные помѣщиками-поляками и другими злонамѣренными лицами,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ латинскихъ епископовъ особенно отличался распусканіемъ разныхъ слуховъ, противныхъ видамъ правительства, минскій епископъ Линскій. Въ канц. об.-прок. св. син. дѣло 1838-го года № 73-й, о обозрѣніи церквей бѣлорусской греко-унитской епархіи управляющимъ оною епископомъ.

иногда позволяли себѣ самые дерзкіе поступки сопротивленія видамъ правительства. Изъ множества подобныхъ случаевъ мы приведемъ здѣсь только два-три. Въ Овручьскомъ уѣздѣ, селѣ Пашинкахъ крестьяне-униты, послѣ литургіи, отслуженной 6-го декабря благочиннымъ Сокоревичемъ по обряду православной церкви и по служебнику московской печати, заперли церковь, взяли къ себѣ ключи отъ нея и объявили, что они болѣе не пустятъ благочиннаго въ свою церковь за то, что онъ служилъ литургію по московскому служебнику [1]). Другой случай былъ въ мѣстечкѣ Речицѣ, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, гдѣ крестьяне-уніаты, не бывъ предувѣдомлены и вразумлены своимъ приходскимъ священникомъ о имѣющемъ быть устроеніи въ унитскихъ церквахъ иконостасовъ, замѣтивши въ речицкой своей церкви нѣкоторыя перемѣны и считая ихъ самовольнымъ нововведеніемъ своего священника, послѣ литургіи взошли въ алтарь, отодвинули поставленный по срединѣ алтаря престолъ по прежнему къ стѣнѣ, но безъ всякаго шума и буйства [2]). За то въ селѣ Ходаки, Овручьскаго уѣзда, Волынской губерніи, дѣло сопротивленія приняло размѣры совершеннаго буйства — и что замѣчательно—въ этомъ буйствѣ исключительно принимали участіе женщины, и по преимуществу одна изъ нихъ жена, унитскаго священника Кондратовича, отчаянная фанатичка. Бѣлорусская консисторія поручила священнику Бушкевичу привести въ исполненіе окончательное устройство унитскихъ церквей въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Овручьскаго уѣзда. Бушкевичъ пригласилъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ священника Красовскаго и земскаго исправника; съ этими лицами онъ прибылъ въ село Ходаки, остановился тамъ у мѣстнаго священника Кондратовича; предложилъ ему отслужить въ тотъ день вечерню, а на другой день приступить къ устройству внутренности алтаря по православному обряду. Когда Бушкевичъ, Красовскій, Кондратовичъ и земскій исправникъ вышли изъ дома, чтобы идти въ церковь, то жена Кондратовича стала уговаривать своего мужа остаться дома и не ходить въ церковь; потомъ, выбѣжавши на улицу, закричала и на крикъ ея сбѣжалось нѣсколько женщинъ, которыя кинулись бѣжать къ церкви, вбѣжали на колокольню, ударили въ набатъ; на звонъ колокола собралось болѣе 200 женщинъ и нѣсколько мужчинъ, довольно буйныхъ и грубыхъ.

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло объ унитскихъ священникахъ въ овручьскомъ уѣздѣ, уклоняющихся отъ введенія въ сихъ церквахъ греко-восточнаго богослуженія.

[2]) Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло о происшествіи въ уніатской речицкой церкви, Минской губерніи, прихожане коей впослѣдствіи возвратились въ православіе.

Толпа этихъ женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были пьяны, бросилась на домъ священника Кондратовича, разбила окошки, кинулась на священника Красовскаго и нанесла ему нѣсколько ударовъ кулаками. Земскій исправникъ, не имѣвшій при себѣ никакой команды, не могъ ничего сдѣлать съ этою буйною толпою. Пользуясь вечернею темнотою, съ помощію одного изъ ходаковскихъ обывателей, Бушкевичъ, Красовскій и земскій исправникъ едва выбрались изъ Ходаковъ и нашли ночлегъ себѣ въ селѣ Комаровкѣ у православнаго священника. Женщины же, взявши къ себѣ ключи отъ своей церкви, разошлись по своимъ домамъ [1]).

Причиною всѣхъ подобныхъ вышеприведенныхъ случаевъ было частію недоразумѣніе, частію подстрекательство другихъ, частію невѣжество, а частію и религіозный фанатизмъ. Но при этомъ нельзя не сознаться, что безтактность, неумѣнье взяться за дѣло, ревность къ исполненію видовъ и намѣреній правительства, неуправляемая благоразуміемъ, однимъ словомъ, слишкомъ много усердія и слишкомъ мало ума, вредили дѣлу православія и вызывали реакцію со стороны уніатовъ тамъ, гдѣ бы этого и не могло быть при умѣренномъ и благоразумномъ образѣ дѣйствованія со стороны лицъ, усердствовавшихъ правительству. Изъ множества примѣровъ такой ревности не по разуму мы приведемъ здѣсь только одинъ, бывшій въ Могилевской губерніи. Настоятель соржицкой унитской церкви священникъ Квятковскій и сынъ его, исправляющій при немъ должность викарнаго священника, приступили 27-го мая съ прибывшимъ къ нимъ унитскимъ благочиннымъ, протоіереемъ Васютовичемъ, къ служенію литургіи. По окончаніи литургіи, Васютовичъ, въ припадкѣ ревности къ восточному обряду, вздумалъ публично вырѣзывать изъ унитскаго служебника листы, содержаніе которыхъ противорѣчило духу православной церкви. Всѣхъ вырѣзанныхъ имъ листовъ оказалось до 48-ми. Этотъ крайне неблагоразумный поступокъ Васютовича произвелъ ропотъ и сильное негодованіе въ прихожанахъ соржицкой церкви. Еслибы при этомъ не было подстрекателей и неблагонамѣренныхъ людей, то ропотъ прихожанъ соржицкой церкви остановился бы на одномъ этомъ; но къ несчастію священники Квятковскіе были совершенно враждебно настроены по отношенію къ Васютовичу и тому дѣлу, которое пропагандировалъ Васютовичъ. Они не преминули разжигать неудовольствіе своихъ прихожанъ на поступокъ Васютовича.

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. подъ № 136, дѣло о происшествіи въ унитской церкви въ селѣ Ходаки, Овручьскаго уѣзда, Волынск. губ.

Толпа, подстрекаемая тайно своими священниками, болѣе и болѣе разгорячалась и наконецъ отъ словъ перешла къ дѣйствію. На другой день, т.-е. 28-го мая, унитскіе крестьяне соржицкой церкви собрались около своей церкви, перевязали колокола, разсматривали служебникъ, требовали своего священника Квятковскаго и кричали, что «насъ добру не научатъ», не хотѣли болѣе слушать никакой службы, заперли церковь и унесли съ собою ключи отъ нея. Церковь оставалась безъ службы и запертою до 5-го іюля, когда о соржицкомъ происшествіи узналъ тамошній земскій исправникъ Крюковскій и явился на мѣсто происшествія. Но исправникъ былъ врагъ православной церкви и отъявленный приверженецъ католицизма; вмѣсто того, чтобы утишать волненіе, онъ вмѣстѣ съ Квятковскимъ возбуждалъ его. Въ присутствіи его фанатикъ Квятковскій далъ прихожанамъ своимъ присягу въ томъ, что онъ по гробъ будетъ унитомъ, дабы быть ихъ настоятелемъ, а въ доказательство этого обѣщалъ разрѣзать мизинный палецъ и кровію утвердить свое обѣщаніе. При такихъ фанатическихъ дѣйствіяхъ Квятковскаго, при тайныхъ его и Крюковскаго внушеніяхъ, неудивительно, что неблагоразумный поступокъ Васютовича долженъ былъ произвести еще большее волненіе въ прихожанахъ соржицкой церкви [1]. Кстати замѣтимъ здѣсь, что земская полиція, состоявшая по большей части изъ поляковъ-католиковъ, дѣйствовала всегда вопреки видамъ правительства въ унитскомъ дѣлѣ: явно она показывала какъ-бы усердіе къ исполненію своего долга, уговаривала крестьянъ, сопротивлявшихся правительственнымъ намѣреніямъ, но тайно возбуждала ихъ къ неповиновенію, питала въ нихъ разныя несбыточныя надежды, распускала нелѣпые слухи, интриговала и дѣйствовала совершенно за одно съ помѣщиками-поляками. Такъ было въ Соржицахъ, такъ было и въ другихъ мѣстахъ. Она пользовалась для возбужденія волненій въ унитской массѣ всѣми случаями, а особенно сильными мѣрами правительства въ унитскомъ вопросѣ, и главнымъ образомъ промахами довѣренныхъ лицъ правительства и его агентовъ. Введеніе иконостасовъ въ унитскихъ храмахъ, уничтоженіе органовъ, а особенно введеніе московскихъ богослужебниковъ, явно обнаружили виды правительства въ унитскомъ дѣлѣ и подняли въ польско-римскомъ обществѣ всю энергію, всѣ силы его къ противодѣйствію видамъ правительства. Пущено было польско-римской партіей все въ ходъ: застращиваніе, улещиваніе, подкупы, обѣщанія всѣхъ благъ, интрига, ложь, клевета. Земская

[1] Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло 1838-го года о происшествіи въ имѣніи Соржицахъ, случившемся отъ неблагоразумнаго дѣйствія благочиннаго Васютовича.

полиція во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ принимала самое дѣятельное и живое участіе. Кромѣ вышеприведеннаго случая въ Соржицахъ, мы можемъ видѣть это и изъ слѣдующаго факта: въ 1837-мъ году въ Сѣннинскомъ уѣздѣ королевицкой церкви священникъ Давыдовичъ, за ослушаніе распоряженіямъ своего начальства въ разсужденіи возстановленія греческихъ обрядовъ въ унитскихъ церквахъ, греко-унитскою духовною консисторіею низведенъ былъ во дьячка съ отсылкою его въ черную работу на 6-ть мѣсяцевъ. Но Давыдовичъ съ сентября 30-го 1837-го года до февраля 1838-го года, по поблажкѣ и снисходительности сѣннинскаго земскаго суда, проживалъ въ домѣ помѣщицы-латинянки Бржестовской. Епископъ принужденъ былъ просить витебскаго генералъ-губернатора о побужденіи сѣннинской земской полиціи выслать Давыдовича въ то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ понесть наказаніе. Другой фактъ: того же Сѣннинскаго уѣзда дороговуповской церкви прихожане, видя священника своего, Іоакима Тарновскаго, совершающимъ богослуженіе 7-го августа по греко-восточному обряду, разорили палатку, гдѣ повѣшены были колокола, выдернули столбы, потомъ опять повѣсили колокола по прежнему, начали звонить въ нихъ столько, сколько кому хотѣлось. Причиною такого буйства, какъ сознались сами буйствовавшіе, были: унитскій священникъ островской церкви Шелепинъ, который непрестанно внушалъ дороговуповскимъ прихожанамъ не ходить въ церковь Дороговуповскую, потому что священникъ совратился въ православіе, — и управитель помѣщицы Сушицкой, Карножацкій, приказывавшій крестьянамъ сломать колокольню [1]).

Еще не много ранѣе введенія иконостасовъ и московскихъ богослужебниковъ въ унитскихъ церквахъ уничтожено было заимствованное отъ католиковъ право ктиторства, по которому замѣщеніе приходовъ священниками зависѣло отъ представленія ктиторовъ, по большей части латинянъ. Вмѣсто этого высочайше повелѣно было, чтобы назначеніе духовныхъ въ греко-унитскіе приходы зависѣло единственно отъ ихъ духовнаго начальства [2]). Въ это же время введены были въ употребленіе въ литовской унитской епархіи ставленныя грамоты и присяга по образцу, употребляемому въ греко-россійской церкви. Чтобы понять важность и значеніе послѣдней мѣры, нужно обратить вниманіе на то, что до сего времени у греко-унитовъ употреблялись такъ-называемые форматы на латинскомъ и польскомъ языкахъ, и

[1]) Вышеприведенное дѣло о происшествіи въ имѣніи Соржицахъ.

[2]) Секретная записка Блудова для прочтенія членамъ комитета по унитскимъ дѣламъ.

присяга греко-унитскихъ священниковъ была вовсе несвойственна ни правиламъ греко-восточной церкви, ни государственнымъ постановленіямъ. Кромѣ того, введенъ былъ обычай не только праздновать царскіе дни сообразно съ установленіями православной церкви, но и совершать молебствія, положенныя православною церковію во время брани противу супостатовъ [1]). Поводомъ къ введенію послѣдняго обряда былъ мятежъ въ польскихъ нашихъ губерніяхъ. Въ то же время уничтожены были, или лучше отобраны у унитскихъ церквей листы воспоминаній при совершеніи проскомидіи, какъ несогласные съ духомъ и правилами греко-восточной церкви [2]), строго воспрещено было совершать богослуженіе унитскимъ священникамъ въ католическихъ церквахъ и каплицахъ [3]), а тѣмъ болѣе строго подтверждено католическому духовенству воздержаться отъ служенія и совершенія требъ въ церквахъ греко-унитскихъ; учреждено было дьячковское училище, такъ какъ съ уничтоженіемъ органовъ въ греко-унитскихъ церквахъ чувствовалась теперь настоятельная нужда въ пѣніи, а слѣдовательно и умѣющихъ пѣть дьячкахъ [4]). Впослѣдствіи времени унитскихъ священниковъ начали, по образцу православныхъ, награждать и жаловать камилавками и скуфьями, такъ чтобы они ничѣмъ не отличались отъ русскихъ православныхъ священниковъ, и наконецъ правительство всячески содѣйствовало къ тому, чтобы греко-унитскіе священники съ православными священниками взаимно обязывались совершеніемъ богослуженій и требъ и чередовались бы служеніемъ въ церквахъ.

Далѣе такого сближенія богослуженія унитскаго съ православнымъ нельзя было идти; за этимъ оставалось уже формальное и торжественное соединеніе греко-унитской церкви съ православною. Такъ смотрѣли на послѣднюю мѣру и враги соединенія унитской церкви съ православною и прибѣгали даже къ насилію, чтобы только воспрепятствовать отправленію богослуженія въ унитскихъ церквахъ православными священниками, какъ это открывается изъ происшествія, случив-

---

[1]) Въ синод. арх. дѣло 1831-го года о совершеніи молебствія, положеннаго во время брани противу супостата, по случаю мятежа въ царствѣ польскомъ.

[2]) Тамъ же, дѣло 1832-го года о томъ, чтобы листы воспоминаній во время совершенія проскомидіи по давнишнимъ, несогласнымъ съ изданною въ 1806-мъ году формою, какъ несогласные, были доставлены въ консисторію.

[3]) Тамъ же, дѣло 1834-го года, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ о обращеніи р.-католич. монастырей въ унитскія церкви, и чтобы унитскіе священники не отправляли богослуженія въ римскихъ церквахъ.

[4]) Тамъ же, дѣло 1835-го года по рапорту правленія бѣлорусской семинаріи о дозволеніи учредить дьячковское училище.

шагося въ погостѣ Нищѣ. Православному нищанскому священнику дозволено было отправлять въ унитской нищанской церкви православное богослуженіе для своихъ православныхъ прихожанъ. О такомъ распоряженіи начальства дано было знать изъ унитской консисторіи и тамошнему унитскому священнику Соснѣ. Деканъ Игнатовичъ ввелъ православнаго священника нищанскаго прихода въ унитскую церковь, въ присутствіи священника Сосны и дьячка его Даниловича; въ знакъ единенія, унитскіе священники и православный отслужили благодарственный молебенъ, и такимъ образомъ церковь унитская въ Нищѣ стала общею церковью для уніатовъ и православныхъ. Но это было весьма не по сердцу помѣщику этого мѣста поляку — Корсаку, да и мѣстному унитскому священнику Соснѣ, а потому, когда православный нищанскій священникъ хотѣлъ открыть православное богослуженіе въ нищанской церкви, то встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе со стороны унитскихъ прихожанъ нищанской церкви, подстрекаемыхъ своимъ помѣщикомъ Корсакомъ. Сначала они не давали православному священнику ключа отъ церкви, но когда православные нищанскіе прихожане безъ ключа отперли церковь, и православный священникъ началъ уже литургію, тогда крестьяне Корсака, униты, вскочили въ церковь и прямо, даже чрезъ царскія двери вбѣжали въ алтарь, оттащили православнаго священника отъ престола, и толчками выгнали изъ храма, оборвали ризы на немъ, потомъ церковь свою окружили стражею, чтобы какъ-нибудь опять не вошли въ нее православные священники; оставшіяся въ церкви вещи, какъ церковныя, такъ и принадлежащія православному священнику, они взяли себѣ и никакъ не хотѣли возвратить ихъ, несмотря на всѣ просьбы православныхъ [1]).

Но такіе отдѣльные случаи навели правительство на мысль о необходимости прибѣгнуть и къ другой приготовительной мѣрѣ для возсоединенія уніи.

М. Морошкинъ.

---

[1]) Въ канц. об.-пр. св. син. дѣло 1838-го года, о безпорядкахъ, бывшихъ въ погостахъ Нищѣ и Томсинѣ Себежскаго уѣзда, по случаю дозволенія въ унитскихъ церквахъ отправлять богослуженіе православнымъ священникамъ.

ВТОРАЯ ИМПЕРІЯ

ВЪ

РОМАНѢ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille sous le second Empire, par *Emile Zola.* Tome premier: La fortune des Rougon. Paris, 1871.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Приготовленія и декабрьскій переворотъ въ провинціи.

Эмиль Золя, французскій романистъ, крайне мало извѣстенъ нашей читающей публикѣ, или лучше сказать, — совсѣмъ неизвѣстенъ. По странному стеченію обстоятельствъ, въ то время какъ переводы романовъ Понсонъ-де-Терайля, Габоріо, Бело и другихъ читались на расхватъ въ Россіи, — ни одинъ изъ романовъ Эмиля Золя не удостоился появиться въ русскомъ переводѣ. Отъ чего зависитъ это странное обстоятельство? Не оттого ли, что романы Золя менѣе интересны съ точки зрѣнія фабулы и легкаго чтенія, раздражающаго нервы читателей разсказами невозможныхъ происшествій и приключеній? Не оттого ли, наконецъ, что талантъ Золя можетъ быть оцѣненъ только людьми извѣстнаго вкуса, людьми, требующими отъ литературнаго произведенія вѣрнаго отраженія жизни, художественной правды, идеи?...

Золя еще очень молодой писатель, но заслужившій уже крупную извѣстность не только общественнымъ и политическимъ значеніемъ

своихъ романовъ, но также и оригинальностію пріемовъ, исключительною индивидуальностію своего таланта. Въ литературѣ, онъ появился не болѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ и съ первыхъ своихъ опытовъ—«Contes à Nanon», если не ошибаемся—обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Видно было, что несмотря на неопытность пера, на малое знаніе жизни, на нѣкоторую, относительную фальшь, — это вполнѣ самостоятельная сила, идущая далеко за предѣлы рутины, установившейся въ фабрикаціи французскихъ романовъ. Лѣтъ восемь тому назадъ, когда появился его первый романъ: «Thérèse Raquin»,—многіе пророчили ему блестящую литературную будущность,... и пророчества сбылись. Послѣдній его романъ свидѣтельствуетъ уже о громадномъ развитіи таланта и, безъ всякаго сомнѣнія, займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ современной французской литературѣ.

Идею романа и свою задачу Золя объясняетъ въ предисловіи, изъ котораго мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ. «Я хотѣлъ объяснить, говоритъ авторъ, какимъ образомъ извѣстное семейство, цѣлая группа людей живутъ въ обществѣ, нарождая десять-двадцать личностей, которыя, на первый взглядъ, кажутся самостоятельно развитыми, но которыя въ то же время, при аналитическомъ изслѣдованіи, —тѣсно связаны другъ съ другомъ. Я постарался найти и прослѣдить, разрѣшая двойную задачу темпераментовъ и среды, ту тончайшую нить, которая связываетъ одного человѣка съ другими. Поймавъ всѣ нити, имѣя въ рукахъ цѣлую соціальную группу, я привелъ эту группу въ дѣйствіе, какъ актера извѣстной исторической эпохи.»— Такова у Золя задача научная и художественная. Но въ романѣ существуетъ еще и другая сторона,—это сторона общественная и въ особенности политическая. Онъ выбралъ эпоху, близкую къ намъ, — вторую имперію, ея происхожденіе, процвѣтаніе и упадокъ. «Исторически, говоритъ дальше Золя, — мои герои, выходя изъ народа, попадаютъ на всѣ ступени современнаго общества, являются во всѣхъ положеніяхъ, и при этихъ условіяхъ встрѣчаютъ вторую имперію, картина которой воспроизводится такимъ образомъ въ ихъ индивидуальной драмѣ вся, начиная отъ декабрьскаго переворота до измѣны при Седанѣ.»

Эта художественная и политическая задача — изобразить судьбу цѣлаго общества въ его ячейкѣ, семьѣ—исполнена Эмилемъ Золя блестящимъ образомъ. Его эпическій, крайне мало драматическій талантъ встрѣтилъ въ этой задачѣ самую благодарную почву; любовь къ сильнымъ краскамъ, смѣлость южнаго темперамента, умѣніе рисовать такъ-называемые непосредственные типы, все это придаетъ его роману интересъ и значеніе, кото-

рыхъ вы напрасно бы искали въ какомъ-либо другомъ современномъ романѣ. Вотъ почему намъ кажется, что обвиненіе въ цинизмѣ, которымъ иные критики упрекаютъ Золя—по меньшей мѣрѣ несправедливо. Талантъ Золя—по преимуществу талантъ реалистическій, и тамъ, гдѣ авторъ встрѣчаетъ грязь и развратъ,—онъ, по самому существу своего таланта, не можетъ обходить ихъ, скрашивать, игнорировать; напротивъ того, онъ раскрываетъ ихъ, показываетъ ихъ во всей ихъ непривлекательной правдѣ. А Парижъ, во время второй имперіи, развѣ не грязь и развратъ? Онъ и рисуетъ этотъ развратъ, объясняетъ причины и условія общественной жизни, и картина второй имперіи подъ его перомъ является во всемъ своемъ поразительномъ и грязномъ величіи....

Мы остановимся по преимуществу на политической задачѣ романа, оставляя почти въ сторонѣ физіологическую и патологическую, такъ сказать, точку зрѣнія, которая, несмотря на свою оригинальность и интересъ, выполнена въ романѣ гораздо менѣе удачно.

I.

Городъ Плессанъ имѣетъ не болѣе десяти тысячъ жителей. Построенный на плоской возвышенности, окаймленный берегами рѣки Віорны, притиснутый къ холмамъ, образующимъ послѣднюю вѣтвь Альповъ, скрытый въ углу южнаго Прованса, — городъ этотъ имѣетъ крайне непривлекательный видъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, благодаря, конечно, отсутствію путей сообщенія, ни одинъ городъ лучше Плессана не сохранилъ въ неприкосновенной чистотѣ клерикальный и аристократическій характеръ провансальскихъ городовъ. Онъ имѣлъ, да и теперь еще имѣетъ, цѣлый кварталъ громадныхъ барскихъ домовъ, построенныхъ при Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV, дюжину церквей, дома іезуитовъ и капуциновъ, значительное количество монастырей. Различіе классовъ и сословій рѣзко выдѣлялось, благодаря различію кварталовъ.

Аристократическій кварталъ, извѣстный подъ именемъ квартала святого Марка,—нѣчто въ родѣ микроскопическаго Версаля, съ прямыми улицами, поросшими травой, съ громадными домами—распространяется къ югу, на краю возвышенности. Далѣе идетъ старый кварталъ, къ сѣверо-востоку,—грязный, съ узкими кривыми улицами; тамъ находятся: мерія, гражданскій трибуналъ, рынокъ, жандармерія. Эта часть Плессана—самая населенная—занята работниками, купеческимъ людомъ, ремесленниками,—всею бѣдною и дѣятельною частью населенія. Наконецъ, новый городъ представляетъ нѣчто въ родѣ продолговатаго квадрата къ сѣверо-

востоку; буржуазія, всѣ тѣ, которые накопили состояніе по копѣйкѣ, занимаютъ въ этой части города болѣе современныя постройки. Эта часть, украшенная безобразнымъ зданіемъ подпрефектуры, въ 1851-мъ году имѣла не болѣе пяти-шести улицъ. Она возникла недавно, а съ постройкой желѣзной дороги, только она и увеличивается.

Населеніе Плессана дѣлится на три группы, по числу кварталовъ. Изъ этого числа необходимо, однакоже, выключить: чиновниковъ, подпрефекта, сборщика податей, директора почты, казначея,—людей, составляющихъ пришлый элементъ, не особенно любимый, вызывающій зависть, живущій въ свое удовольствіе. Настоящіе же жители, родившіеся тамъ, рѣшившіеся тамъ умереть, слишкомъ уважаютъ принятые обычаи и установившіяся подраздѣленія, чтобы не пристать къ тому или другому городскому обществу.

Аристократы и дворяне герметически затворяются. Съ паденія Карла X-го они мало выходятъ, спѣшатъ возвратиться въ свои обширные, молчаливые дома; они ни у кого не бываютъ и никого не принимаютъ у себя; въ ихъ гостинныхъ появляются только отъ времени до времени католическіе патеры. Лѣтомъ они живутъ въ зàмкахъ, которыми владѣютъ въ окрестностяхъ; зимой—грѣются у камина. Это мертвецы, которымъ жизнь надоѣла; потому-то и ихъ кварталъ напоминаетъ тяжелую, мертвую тишину кладбища. Двери и окна тщательно забаррикадированы; кажется, что это рядъ монастырей, куда не проникаетъ шумъ внѣшняго міра. Отъ времени до времени вамъ попадается на встрѣчу аббатъ, и его скромная походка еще болѣе придаетъ тишины; онъ исчезаетъ, какъ тѣнь, за полу-открывшуюся дверь....

Буржуазія, коммерсанты, оставившіе торговлю, адвокаты, нотаріусы, все то населеніе,—нестѣсняющееся ничѣмъ, честолюбивое,—которое наполняетъ новый городъ, стараются всѣми силами возбудить жизнь въ Плессанѣ. Они бываютъ на вечерахъ у г. подпрефекта и мечтаютъ дать подобный же вечеръ по крайней мѣрѣ разъ въ своей жизни. Они охотно гоняются за популярностію, называютъ работника: «mon brave», разговариваютъ объ урожаѣ съ крестьянами, читаютъ газеты и по воскресеньямъ совершаютъ прогулки съ своими женами. Это передовые умы города. Но въ то же время, самые закоренѣлые скептики между ними чувствуютъ непреодолимый приливъ радости и блаженства всякій разъ, когда какой-нибудь мѣстный маркизъ или графъ изволитъ имъ слегка поклониться. Сокровенная мечта всякаго буржуа новаго города заключается въ томъ, чтобы быть принятымъ въ одной изъ

гостинныхъ квартала св. Марка; они очень хорошо знаютъ, что эта мечта неосуществима, и это-то именно заставляетъ ихъ встрѣчному и поперечному сообщать, что они — свободные мыслители, чуждые предразсудковъ; но это свободные мыслители только на словахъ,—на дѣлѣ же, друзья власти, бросающіеся въ объятія первому попавшемуся спасителю при первомъ народномъ движеніи.

Группа, работающая и прозябающая въ старомъ кварталѣ, не имѣетъ такихъ опредѣленныхъ чертъ. Народъ и работники составляютъ большинство этой группы; но есть также лавочники и даже два-три крупныхъ торговца. Въ сущности, Плессанъ вовсе не коммерческій центръ; въ немъ торговля ведется настолько, насколько нужно, чтобы сбывать мѣстные продукты: оливковое масло, вино, миндаль. Что же касается промышленности, то въ Плессанѣ она представлена только тремя-четырьмя дубильными фабриками, распространяющими зловоніе въ старомъ кварталѣ, нѣсколькими фабриками поярковыхъ шляпъ и фабрикой мыла, помѣщающейся въ концѣ предмѣстья. Весь этотъ торговый и промышленный людъ, хотя и является въ торжественные дни въ домахъ буржуа новаго города, но живетъ по преимуществу въ средѣ рабочихъ стараго квартала. Мелкіе коммерсанты, лавочники, работники имѣютъ общіе интересы, соединяющіе ихъ въ одну семью. Къ тому же, рабочее населеніе, составляющее не болѣе пятой части всего населенія, совершенно теряется среди мѣстныхъ шалопаевъ.

Таковъ Плессанъ, его люди и ихъ характеръ. Въ этой странной и исключительной средѣ прозябало до 1848-го года мало извѣстное и мало уважаемое семейство, котораго глава — *Пьеръ Ругонъ*, игралъ впослѣдствіи, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, значительную роль.

II.

Пьеръ Ругонъ былъ сыномъ крестьянина. Семейство его матери,—Фуки, какъ ихъ называли въ городѣ,—владѣло въ концѣ прошлаго столѣтія значительнымъ кускомъ земли, позади прежняго кладбища св. Миттра. Фуки были самыми богатыми огородниками мѣстности. Мужеская линія этой семьи исчезла за нѣсколько лѣтъ до революціи. Осталась одна только дочь Аделаида,—она родилась въ 1770-мъ году и стала сиротой на девятнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Эта дѣвушка, отецъ которой умеръ въ домѣ умалишенныхъ, была дѣвушка высокая, худощавая, блѣдная, съ

испуганными глазами, съ странными пріемами, которые можно было приписать одичалости, пока она была дѣвочкой. Но съ лѣтами она сдѣлалась еще болѣе странной. Нѣсколько поступковъ, совершонныхъ ею, поставили въ тупикъ почтенныхъ буржуа, и они рѣшили, что она такая же поврежденная, какъ и ея отецъ. Вдругъ населеніе предмѣстья узнаетъ, что она вышла замужъ за своего огородника, по имени Ругона, — совершенно невѣжественнаго мужика Нижнихъ Альпъ. Этотъ Ругонъ, послѣ смерти послѣдняго изъ Фуковъ, нанявшаго его въ работники на лѣтнее время, остался въ услуженіи дочери покойника. Изъ работника, получающаго поденную плату, онъ вдругъ возвысился на степень мужа. Этотъ бракъ былъ первымъ удивленіемъ общественнаго мнѣнія: никто не въ состояніи былъ понять, почему Аделаида предпочла этого оборвыша, грубаго, вульгарнаго, едва-лишь говорившаго по-французски, — тому или другому изъ молодыхъ людей, сыновей зажиточныхъ буржуа, которые не мало за ней ухаживали. Но такъ какъ въ провинціи никакое обстоятельство не можетъ оставаться неразъясненнымъ, то и рѣшено было, что во всей этой исторіи есть какая-то тайна, и что даже бракъ сдѣлался необходимостью. Но догадливыя кумушки ошиблись: Аделаида родила сына спустя двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Оскорбленное самолюбіе предмѣстія было внѣ себя отъ злобы. Всѣ кумушки начали тщательно шпіонить Ругоновъ, и вскорѣ дѣйствительно запаслись богатымъ матеріаломъ для сплетень. Ругонъ умеръ почти скоропостижно. Едва-лишь прошелъ годъ послѣ его смерти, какъ молодая вдова произвела новый, неслыханный скандалъ: въ предмѣстьи самымъ положительнымъ образомъ узнали, что у Аделаиды есть любовникъ; она, казалось, даже не скрывалась: многіе клялись, что слышали, какъ она публично говорила «ты» преемнику бѣднаго Ругона. Но, что всего хуже, такъ это странный выборъ Аделаиды. Въ грязномъ переулкѣ св. Миттра, въ скверной лачужкѣ, выходившей на землю Фуковъ, жилъ человѣкъ самой плохой репутаціи, котораго называли обыкновенно: «этотъ шалопай Маккаръ». Онъ исчезалъ изъ города на цѣлыя недѣли; потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ снова являлся съ пустыми руками, съ довольной физіономіей, точно возвращался съ прогулки. Дѣло въ томъ, что у Маккара не было никакихъ доходовъ, а между тѣмъ, во время своихъ короткихъ пребываній въ городѣ онъ плотно ѣлъ и пилъ. Въ особенности онъ гораздъ былъ пить: сидя въ кабакѣ въ углу, за грязнымъ столомъ, онъ напивался всякій вечеръ и сидѣлъ съ глазами безсмысленно уставленными на стаканъ, не обращая вниманія на

другихъ посѣтителей. Въ городѣ у него не было ни друзей, ни родныхъ. Близость границы и сосѣдній, громадный лѣсъ сдѣлали изъ него контрабандиста, но такого сорта, что жители говаривали: «я бы не хотѣлъ встрѣтиться съ этимъ молодцомъ съ глазу на глазъ, на опушкѣ лѣса». Громаднаго роста, страшно обросшій бородой, Маккаръ былъ ужасомъ добрыхъ кумушекъ. Изъ-за его густой бороды и клоковъ волосъ, покрывавшихъ часть его лица, можно было различить только блескъ его сѣрыхъ глазъ, взглядъ уклончивый и грустный человѣка съ бродячими инстинктами, сдѣлавшагося вреднымъ членомъ общества, благодаря вину и жизни отщепенца... И такого господина выбрала Аделаида! «Бѣдная женщина, говорили кумушки, она совсѣмъ съума сошла. Если бы остался въ живыхъ кто-либо изъ ея родни, ее бы непремѣнно упрятали въ домъ умалишенныхъ»!

Законный сынъ,—маленькій Пьеръ Ругонъ, — росъ вмѣстѣ съ незаконными дѣтьми своей матери. Аделаида удержала при себѣ этихъ послѣднихъ, Антуана и Урсулу, — волчатъ, какъ ихъ называли въ предмѣстьи,—обращаясь съ ними точно также, какъ и со своимъ старшимъ сыномъ. Казалось, она ясно не сознавала того положенія, которое готовитъ жизнь этимъ двумъ бѣднымъ существамъ. Для нея они были такія же дѣти, какъ и ея старшій сынъ. Вообще, эта семья была странная семья. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ каждый въ этой семьѣ жилъ по-своему, ни въ чемъ не стѣсняясь: какъ дѣти, такъ и мать. Сдѣлавшись женщиной, Аделаида продолжала быть тѣмъ же непонятнымъ существомъ, которое казалось дикаркой на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ: не потому, чтобы она была съумасшедшая, какъ думали въ предмѣстьи, а потому, что въ ней существовалъ полнѣйшій недостатокъ равновѣсія между кровью и нервами, что-то попорченное въ отношеніяхъ мозга къ сердцу, что̀ заставляло ее жить не жизнію обыкновенною, иначе чѣмъ живутъ люди. Безъ сомнѣнія, она была крайне естественна, крайне логична сама съ собой, но эта логика была безуміемъ въ глазахъ сосѣдей. Она только съ необыкновенной наивностью покорялась требованіямъ своего исключительнаго темперамента.

Послѣ первыхъ родовъ она стала страдать сильными нервными припадками. Они еще болѣе разстроили ея организмъ. Она жила, такъ сказать, со дня на день, какъ дитя, какъ животное, покоряющееся безъ сопротивленія собственнымъ инстинктамъ. Когда Маккаръ былъ въ «обходѣ», она проводила дни какъ-то особенно лѣниво, мечтая, обращая вниманіе на дѣтей только за тѣмъ, чтобы поцѣловать ихъ и поиграть съ ними.

Аделаида не имѣла понятія о томъ, что̀ называется «покоряться приличіямъ». Въ стѣнѣ забора была продѣлана калитка, соединяющая лачужку Маккара съ домомъ Аделаиды. Этимъ изобрѣтеніемъ она была очень довольна и исчезала въ лачужкѣ, какъ только появлялся Маккаръ.

Пьеръ, законный сынъ,—съ малыхъ лѣтъ сталъ властвовать надъ своимъ братомъ и сестрой. Въ ссорахъ, хотя былъ и слабѣе Антуана, Пьеръ всегда его колотилъ, съ сознаніемъ того, что дѣлаетъ дѣло. Что же касается Урсулы,—бѣднаго, худощаваго и изнуреннаго ребенка,—ее колотили одинаково какъ тотъ, такъ и другой. До пятнадцатилѣтняго возраста, дѣти, впрочемъ, колотили другъ друга болѣе или менѣе побратски, не объясняя себѣ непреодолимой ненависти другъ къ другу, не понимая: насколько они другъ другу чужды. Только въ этомъ возрастѣ они очутились лицомъ къ лицу съ сознательной и опредѣлившейся индивидуальностію каждаго.

Въ шестнадцать лѣтъ, Антуанъ былъ мальчишкой, въ которомъ недостатки Маккара и Аделаиды какъ-бы слились. Впрочемъ, въ немъ Маккаръ перевѣшивалъ своей любовью къ бродяжеству, своимъ стремленіемъ къ пьянству, своими вспышками животнаго. Но подъ органическимъ вліяніемъ матери, эти пороки, которые у отца имѣли что-то откровенное, сангвиническое, у сына пріобрѣли характеръ лицемѣрія и низости. Антуанъ всецѣло принадлежалъ своей матери совершеннѣйшимъ отсутствіемъ человѣческой воли, эгоизмомъ женщины, готовой на всяческое пониженіе, лишь бы ея животные инстинкты были вполнѣ удовлетворены. Объ немъ ходила молва: «Вотъ мерзавецъ-то, у него нѣтъ даже, какъ у Маккара, храбрости собственной распущенности; если когда-нибудь онъ станетъ убивать, то только була̀вочными уколами»! Въ физическомъ отношеніи у Антуана сохранились только толстыя, мясистыя губы Аделаиды; всѣ остальныя черты напоминали Маккара, но онѣ были у него смягчены, уклончивы, подвижны...

У Урсулы, напротивъ того, преобладало физическое и нравственное сходство съ матерью; въ ней замѣчалась, до извѣстной степени, та же наслѣдственная смѣсь, но такъ какъ бѣдный ребенокъ родился въ то время, когда страстные порывы Аделаиды нѣсколько утихли, то на ней глубже отпечатлѣлись органическія черты характера матери. Къ тому же, тутъ не замѣчалось сліянія двухъ натуръ, а скорѣе ихъ сопоставленіе.

Передъ этими двумя незаконными дѣтьми Пьеръ казался чужимъ; онъ рѣзко отличался отъ нихъ въ глазахъ всякаго, кто заглядывалъ глубоко въ существо его натуры. Никогда еще ре-

бенокъ не представлялъ такого средняго равновѣсія двухъ натуръ, создавшихъ его. Онъ былъ серединой между неотесаннымъ мужикомъ Ругономъ и нервной дѣвчонкой Аделаидой. Онъ остался мужикомъ, но мужикомъ съ болѣе нѣжной кожей, съ чертами лица болѣе тонкими, съ умомъ болѣе широкимъ и гибкимъ. Отецъ и мать, такъ сказать, исправляли себя въ немъ. Если натура Аделаиды уменьшала въ немъ сангвиническую неуклюжесть Ругона, то тяжелая масса этого послѣдняго воспротивилась, чтобы ребенокъ унаслѣдовалъ нервную распущенность своей матери. Пьеръ не зналъ ни порывовъ, ни болѣзненной мечтательности «волчатъ» Маккара. Скверно воспитанный, онъ, не менѣе того, владѣлъ извѣстнымъ количествомъ благоразумія, которое всегда мѣшало ему сдѣлать безполезную глупость. Его пороки, его лѣнь, его потребность чувственныхъ наслажденій не имѣли характера инстинктивныхъ порывовъ Аделаиды. Въ его жирномъ тѣлѣ, въ его продолговатомъ, блѣдномъ лицѣ можно было прочитать хитрое честолюбіе, неутомимую жажду наслажденія, сухое сердце и низкую зависть сына мужика, превратившагося въ буржуа, благодаря состоянію и нервности своей матери.

Когда, на семнадцатомъ году, Пьеръ узналъ и понялъ распущенность матери и исключительное положеніе Антуана и Урсулы, онъ не опечалился и не возмутился; онъ только спрашивалъ себя: чтó долженъ дѣлать въ виду собственныхъ интересовъ? Для него Антуанъ и Урсула были безстыдными тунеядцами, истреблявшими его добро. На мать онъ смотрѣлъ точно также, какъ и все предмѣстье; онъ былъ убѣжденъ, что она проживетъ все его добро, если онъ не вступитъ въ свои права. Онъ сдѣлался экономенъ и скупъ. Онъ убѣдился, что домъ и все состояніе принадлежитъ ему, что только онъ, какъ законный сынъ, можетъ унаслѣдовать ихъ, и такъ какъ видѣлъ, что добро его идетъ прахомъ, то и искалъ всѣми правдами и неправдами средства прогнать всѣхъ: мать, брата, сестру, слугъ, Маккара, и немедленно завладѣть всѣмъ.

Борьба началась; онъ понялъ, что прежде всего ему необходимо прибрать къ рукамъ мать. Съ ловкостію и искусствомъ, достойными лучшаго дѣла, онъ мало-по-малу пріобрѣталъ вліяніе на нее, пользуясь полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ней характера и разстройствомъ ея нервной системы. Вскорѣ онъ связалъ ее по рукамъ и по ногамъ, сдѣлалъ изъ нея покорную и безмолвную служанку, не входя съ нею ни въ какія объясненія. Овладѣвъ матерью, молодой человѣкъ сталъ эксплуатировать въ свою пользу слабость ея мозга и безумный ужасъ, наводимый на нее

его взглядами. Первымъ его дѣломъ было: взять подъ свое управленіе домашнее хозяйство; онъ продавалъ, покупалъ, распоряжался деньгами. Онъ не заботился ни о поведеніи Аделаиды, ни о воспитаніи Антуана и Урсулы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отмѣрялъ имъ пищу. Потомъ, захвативъ все состояніе, онъ выжидалъ случая распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію.

Обстоятельства и случай помогли ему. Антуанъ по жребію долженъ былъ идти въ солдаты. Мать хотѣла найти охотника на мѣсто сына, но Пьеръ отказался дать денегъ; она эгоистически оставила сына на произволъ судьбы, нуждаясь прежде всего въ мирѣ и свободѣ. Пьеръ, не любившій крутыхъ мѣръ, уговорилъ Антуана идти въ солдаты, обѣщаясь на слѣдующій годъ, если дѣла пойдутъ хорошо, выкупить его. Разумѣется, онъ и не думалъ исполнять обѣщаніе, но обманутый Антуанъ согласился и отправился въ полкъ. Также неожиданно отдѣлался Пьеръ и отъ Урсулы. Одинъ работникъ, по имени Мурэ, влюбился въ нее и женился. Онъ женился по любви, безъ всякаго разсчета. Урсула же согласилась выйти за него лишь бы уйти изъ дому, гдѣ жизнь ея отравлялъ Пьеръ. Мать, погружаясь все болѣе и болѣе въ свои животные инстинкты, употребляя остатки своей энергіи на защиту самой себя, стала окончательно равнодушна ко всему; она была даже рада выходу замужъ дочери, надѣясь, что Пьеръ не будетъ ее больше мучить. Послѣ свадьбы, Мурэ рѣшился оставить Плессанъ, не желая на всякомъ шагу слышать непріятныя вещи о своей женѣ и свекрови. Пьеръ на приданое не далъ ничего...

Оставалась Аделаида. Ни за что въ мірѣ Пьеръ не хотѣлъ жить съ нею: она его компрометтировала. Но какъ порѣшить съ нею? Оставаться съ нею значило портить свою будущность; выгнать?! но тогда весь городъ станетъ указывать на него пальцами, какъ на негоднаго сына, а Пьеръ хотѣлъ разыгрывать роль добряка, чувствуя, что люди ему понадобятся, желалъ возстановить свое имя, помириться со всѣмъ Плессаномъ. Одно средство оставалось: заставить Аделаиду покинуть его домъ, и Пьеръ употреблялъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого результата. Онъ полагалъ, что его жестокое обращеніе съ матерью вполнѣ извиняется скверными поведеніемъ ея. Онъ наказывалъ ее, какъ наказываютъ ребенка, методично и спокойно. Хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ, она дѣйствительно сдѣлалась ребенкомъ, и если не бѣжала отъ этой невыносимой жизни, то только потому, что не знала куда дѣться. Случай помогъ ей. Маккаръ былъ убитъ въ одной схваткѣ съ жандармами на границѣ. Онъ

бенокъ не представлялъ такого средняго равновѣсія двухъ натуръ, создавшихъ его. Онъ былъ серединой между неотесаннымъ мужикомъ Ругономъ и нервной дѣвчонкой Аделаидой. Онъ остался мужикомъ, но мужикомъ съ болѣе нѣжной кожей, съ чертами лица болѣе тонкими, съ умомъ болѣе широкимъ и гибкимъ. Отецъ и мать, такъ сказать, исправляли себя въ немъ. Если натура Аделаиды уменьшала въ немъ сангвиническую неуклюжесть Ругона, то тяжелая масса этого послѣдняго воспротивилась, чтобы ребенокъ унаслѣдовалъ нервную распущенность своей матери. Пьеръ не зналъ ни порывовъ, ни болѣзненной мечтательности «волчатъ» Маккара. Скверно воспитанный, онъ, не менѣе того, владѣлъ извѣстнымъ количествомъ благоразумія, которое всегда мѣшало ему сдѣлать безполезную глупость. Его пороки, его лѣнь, его потребность чувственныхъ наслажденій не имѣли характера инстинктивныхъ порывовъ Аделаиды. Въ его жирномъ тѣлѣ, въ его продолговатомъ, блѣдномъ лицѣ можно было прочитать хитрое честолюбіе, неутомимую жажду наслажденія, сухое сердце и низкую зависть сына мужика, превратившагося въ буржуа, благодаря состоянію и нервности своей матери.

Когда, на семнадцатомъ году, Пьеръ узналъ и понялъ распущенность матери и исключительное положеніе Антуана и Урсулы, онъ не опечалился и не возмутился; онъ только спрашивалъ себя: что̀ долженъ дѣлать въ виду собственныхъ интересовъ? Для него Антуанъ и Урсула были безстыдными тунеядцами, истреблявшими его добро. На мать онъ смотрѣлъ точно также, какъ и все предмѣстье; онъ былъ убѣжденъ, что она проживетъ все его добро, если онъ не вступитъ въ свои права. Онъ сдѣлался экономенъ и скупъ. Онъ убѣдился, что домъ и все состояніе принадлежитъ ему, что только онъ, какъ законный сынъ, можетъ унаслѣдовать ихъ, и такъ какъ видѣлъ, что добро его идетъ прахомъ, то и искалъ всѣми правдами и неправдами средства прогнать всѣхъ: мать, брата, сестру, слугъ, Маккара, и немедленно завладѣть всѣмъ.

Борьба началась; онъ понялъ, что прежде всего ему необходимо прибрать къ рукамъ мать. Съ ловкостію и искусствомъ, достойными лучшаго дѣла, онъ мало-по-малу пріобрѣталъ вліяніе на нее, пользуясь полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ней характера и разстройствомъ ея нервной системы. Вскорѣ онъ связалъ ее по рукамъ и по ногамъ, сдѣлалъ изъ нея покорную и безмолвную служанку, не входя съ нею ни въ какія объясненія. Овладѣвъ матерью, молодой человѣкъ сталъ эксплуатировать въ свою пользу слабость ея мозга и безумный ужасъ, наводимый на нее

его взглядами. Первымъ его дѣломъ было: взять подъ свое управленіе домашнее хозяйство; онъ продавалъ, покупалъ, распоряжался деньгами. Онъ не заботился ни о поведеніи Аделаиды, ни о воспитаніи Антуана и Урсулы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отмѣрялъ имъ пищу. Потомъ, захвативъ все состояніе, онъ выжидалъ случая распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію.

Обстоятельства и случай помогли ему. Антуанъ по жребію долженъ былъ идти въ солдаты. Мать хотѣла найти охотника на мѣсто сына, но Пьеръ отказался дать денегъ; она эгоистически оставила сына на произволъ судьбы, нуждаясь прежде всего въ мирѣ и свободѣ. Пьеръ, не любившій крутыхъ мѣръ, уговорилъ Антуана идти въ солдаты, обѣщаясь на слѣдующій годъ, если дѣла пойдутъ хорошо, выкупить его. Разумѣется, онъ и не думалъ исполнять обѣщаніе, но обманутый Антуанъ согласился и отправился въ полкъ. Также неожиданно отдѣлался Пьеръ и отъ Урсулы. Одинъ работникъ, по имени Мурэ, влюбился въ нее и женился. Онъ женился по любви, безъ всякаго разсчета. Урсула же согласилась выйти за него лишь бы уйти изъ дому, гдѣ жизнь ея отравлялъ Пьеръ. Мать, погружаясь все болѣе и болѣе въ свои животные инстинкты, употребляя остатки своей энергіи на защиту самой себя, стала окончательно равнодушна ко всему; она была даже рада выходу замужъ дочери, надѣясь, что Пьеръ не будетъ ее больше мучить. Послѣ свадьбы, Мурэ рѣшился оставить Плессанъ, не желая на всякомъ шагу слышать непріятныя вещи о своей женѣ и свекрови. Пьеръ на приданое не далъ ничего...

Оставалась Аделаида. Ни за что въ мірѣ Пьеръ не хотѣлъ жить съ нею: она его компрометтировала. Но какъ порѣшить съ нею? Оставаться съ нею значило портить свою будущность; выгнать?! но тогда весь городъ станетъ указывать на него пальцами, какъ на негоднаго сына, а Пьеръ хотѣлъ разыгрывать роль добряка, чувствуя, что люди ему понадобятся, желалъ возстановить свое имя, помириться со всѣмъ Плессаномъ. Одно средство оставалось: заставить Аделаиду покинуть его домъ, и Пьеръ употреблялъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого результата. Онъ полагалъ, что его жестокое обращеніе съ матерью вполнѣ извиняется скверным поведеніемъ ея. Онъ наказывалъ ее, какъ наказываютъ ребенка, методично и спокойно. Хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ, она дѣйствительно сдѣлалась ребенкомъ, и если не бѣжала отъ этой невыносимой жизни, то только потому, что не знала куда дѣться. Случай помогъ ей. Маккаръ былъ убитъ въ одной схваткѣ съ жандармами на границѣ. Онъ

бенокъ не представлялъ такого средняго равновѣсія двухъ натуръ, создавшихъ его. Онъ былъ серединой между неотесаннымъ мужикомъ Ругономъ и нервной дѣвчонкой Аделаидой. Онъ остался мужикомъ, но мужикомъ съ болѣе нѣжной кожей, съ чертами лица болѣе тонкими, съ умомъ болѣе широкимъ и гибкимъ. Отецъ и мать, такъ сказать, исправляли себя въ немъ. Если натура Аделаиды уменьшала въ немъ сангвиническую неуклюжесть Ругона, то тяжелая масса этого послѣдняго воспротивилась, чтобы ребенокъ унаслѣдовалъ нервную распущенность своей матери. Пьеръ не зналъ ни порывовъ, ни болѣзненной мечтательности «волчатъ» Маккара. Скверно воспитанный, онъ, не менѣе того, владѣлъ извѣстнымъ количествомъ благоразумія, которое всегда мѣшало ему сдѣлать безполезную глупость. Его пороки, его лѣнь, его потребность чувственныхъ наслажденій не имѣли характера инстинктивныхъ порывовъ Аделаиды. Въ его жирномъ тѣлѣ, въ его продолговатомъ, блѣдномъ лицѣ можно было прочитать хитрое честолюбіе, неутомимую жажду наслажденія, сухое сердце и низкую зависть сына мужика, превратившагося въ буржуа, благодаря состоянію и нервности своей матери.

Когда, на семнадцатомъ году, Пьеръ узналъ и понялъ распущенность матери и исключительное положеніе Антуана и Урсулы, онъ не опечалился и не возмутился; онъ только спрашивалъ себя: что̀ долженъ дѣлать въ виду собственныхъ интересовъ? Для него Антуанъ и Урсула были безстыдными тунеядцами, истреблявшими его добро. На мать онъ смотрѣлъ точно также, какъ и все предмѣстье; онъ былъ убѣжденъ, что она проживетъ все его добро, если онъ не вступитъ въ свои права. Онъ сдѣлался экономенъ и скупъ. Онъ убѣдился, что домъ и все состояніе принадлежитъ ему, что только онъ, какъ законный сынъ, можетъ унаслѣдовать ихъ, и такъ какъ видѣлъ, что добро его идетъ прахомъ, то и искалъ всѣми правдами и неправдами средства прогнать всѣхъ: мать, брата, сестру, слугъ, Маккара, и немедленно завладѣть всѣмъ.

Борьба началась; онъ понялъ, что прежде всего ему необходимо прибрать къ рукамъ мать. Съ ловкостію и искусствомъ, достойными лучшаго дѣла, онъ мало-по-малу пріобрѣталъ вліяніе на нее, пользуясь полнѣйшимъ отсутствіемъ въ ней характера и разстройствомъ ея нервной системы. Вскорѣ онъ связалъ ее по рукамъ и по ногамъ, сдѣлалъ изъ нея покорную и безмолвную служанку, не входя съ нею ни въ какія объясненія. Овладѣвъ матерью, молодой человѣкъ сталъ эксплуатировать въ свою пользу слабость ея мозга и безумный ужасъ, наводимый на нее

его взглядами. Первымъ его дѣломъ было: взять подъ свое управленіе домашнее хозяйство; онъ продавалъ, покупалъ, распоряжался деньгами. Онъ не заботился ни о поведеніи Аделаиды, ни о воспитаніи Антуана и Урсулы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отмѣрялъ имъ пищу. Потомъ, захвативъ все состояніе, онъ выжидалъ случая распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію.

Обстоятельства и случай помогли ему. Антуанъ по жребію долженъ былъ идти въ солдаты. Мать хотѣла найти охотника на мѣсто сына, но Пьеръ отказался дать денегъ; она эгоистически оставила сына на произволъ судьбы, нуждаясь прежде всего въ мирѣ и свободѣ. Пьеръ, не любившій крутыхъ мѣръ, уговорилъ Антуана идти въ солдаты, обѣщаясь на слѣдующій годъ, если дѣла пойдутъ хорошо, выкупить его. Разумѣется, онъ и не думалъ исполнять обѣщаніе, но обманутый Антуанъ согласился и отправился въ полкъ. Также неожиданно отдѣлался Пьеръ и отъ Урсулы. Одинъ работникъ, по имени Мурэ, влюбился въ нее и женился. Онъ женился по любви, безъ всякаго разсчета. Урсула же согласилась выйти за него лишь бы уйти изъ дому, гдѣ жизнь ея отравлялъ Пьеръ. Мать, погружаясь все болѣе и болѣе въ свои животные инстинкты, употребляя остатки своей энергіи на защиту самой себя, стала окончательно равнодушна ко всему; она была даже рада выходу замужъ дочери, надѣясь, что Пьеръ не будетъ ее больше мучить. Послѣ свадьбы, Мурэ рѣшился оставить Плессанъ, не желая на всякомъ шагу слышать непріятныя вещи о своей женѣ и свекрови. Пьеръ на приданое не далъ ничего...

Оставалась Аделаида. Ни за что въ мірѣ Пьеръ не хотѣлъ жить съ нею: она его компрометтировала. Но какъ порѣшить съ нею? Оставаться съ нею значило портить свою будущность; выгнать?! но тогда весь городъ станетъ указывать на него пальцами, какъ на негоднаго сына, а Пьеръ хотѣлъ разыгрывать роль добряка, чувствуя, что люди ему понадобятся, желалъ возстановить свое имя, помириться со всѣмъ Плессаномъ. Одно средство оставалось: заставить Аделаиду покинуть его домъ, и Пьеръ употреблялъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого результата. Онъ полагалъ, что его жестокое обращеніе съ матерью вполнѣ извиняется скверны мъ поведеніемъ ея. Онъ наказывалъ ее, какъ наказываютъ ребенка, методично и спокойно. Хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ, она дѣйствительно сдѣлалась ребенкомъ, и если не бѣжала отъ этой невыносимой жизни, то только потому, что не знала куда дѣться. Случай помогъ ей. Маккаръ былъ убитъ въ одной схваткѣ съ жандармами на границѣ. Онъ

ведливость силѣ и здоровью своего мужа, то, въ свою очередь, не ошибалась и въ томъ, что онъ не пошлый дуракъ: подъ толстымъ слоемъ жира, она угадала гибкость и изворотливость ума. Но все-таки, Фелиситэ не оцѣнила надлежащимъ образомъ Ругона. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, роясь въ бумагахъ мужа, она отыскала росписку его матери въ полученіи пятидесяти тысячъ франковъ. Она поняла все и ужаснулась: ея характеръ средней, буржуазной честности не допускалъ подобныхъ рѣшительныхъ средствъ; но къ этому ужасу примѣшивалось однако восхищеніе: Ругонъ въ ея глазахъ принялъ размѣръ очень крупной личности.

Дѣла, впрочемъ, шли скверно. Вскорѣ Пуэшъ и Лакамъ оставили все дѣло Ругону, довольные тѣмъ, что накопили себѣ коечто, и сгорая желаніемъ сдѣлаться *rentiers*. Ругоны стали полными хозяевами, но счастіе не везло имъ. Они боролись съ страшной энергіей, но всѣ разсчеты разлетались въ пухъ.

— Ты видишь, говорила Фелеситэ мужу, я родилась не въ добрый часъ.

Пьеръ, изнуренный этой копѣечной борьбой, двадцать разъ ликвидировалъ бы состояніе, если бы не упорство жены. Она знала, что можетъ достичь чего-либо только значительнымъ состояніемъ.... Эта борьба длилась болѣе тридцати лѣтъ безъ всякихъ результатовъ.

Необходимо прибавить, что съ первыхъ же годовъ брака они нажили много дѣтей. Но Фелиситэ вовсе не смотрѣла на это прибавленіе ихъ семейства, какъ на причину разоренія. Напротивъ, то состояніе, къ которому она стремилась, которое выскользало изъ ея рукъ, она, такъ сказать, искала въ будущемъ своихъ дѣтей. Поглощенная этой idée fixe, она вся отдалась воспитанію сыновей, несмотря на сопротивленіе мужа. Легко себѣ представить, каково должно было быть это воспитаніе....

Въ началѣ 1848-го года, наканунѣ февральской революціи, трое сыновей Ругона были крайне плохо пристроены въ Плессанѣ. Тогда они представляли собой любопытные типы, сильно различные другъ отъ друга, хотя вышедшіе изъ одной и той же семьи. Въ сущности, они все-таки были лучше своихъ родителей. Раса Ругоновъ облагораживалась женскими элементами. Аделаида сдѣлала изъ Пьера умъ средняго полета, способный на мелкое честолюбіе; Фелиситэ одарила своихъ сыновей болѣе широкимъ умомъ, способнымъ на крупные пороки и на крупную добродѣтель.

Старшій, Эженъ, былъ сорока лѣтъ въ эту эпоху. Физически онъ былъ похожъ на своего отца; но у сына неуклюжесть отца

превращалась въ важность осанки. Онъ былъ честолюбивъ, но не мелочно; въ немъ господствовали инстинкты неограниченной власти, рѣзкое презрѣніе къ мелочнымъ средствамъ. Стремленія къ чувственности, развившіяся въ семействѣ Ругоновъ съ страшной быстротой и составлявшія какъ-бы характеристическую черту этого семейства, достигли въ немъ самаго высокаго выраженія; онъ хотѣлъ наслаждаться, но умственно, удовлетворяя своей потребности господствовать. Для того, чтобы не разорять своихъ родителей, онъ записался въ списокъ адвокатовъ и прозябалъ въ Плессанѣ, выжидая благопріятнаго случая. За мѣсяцъ до февральскихъ дней онъ казался сильно озабоченнымъ: тонкій нюхъ убѣдилъ его въ приближеніи всеобщаго кризиса. Съ той минуты Плессанъ сдѣлался для него невыносимъ: тоска снѣдала его, онъ не зналъ куда дѣться. Наконецъ, онъ рѣшилъ и уѣхалъ въ Парижъ. Въ карманѣ у него было не болѣе пяти сотъ франковъ.

Аристидъ, второй сынъ Ругоновъ, былъ, если можно такъ выразиться, геометрически противоположенъ Эжену. Съ лицомъ, напоминающимъ лицо матери, онъ былъ въ высшей степени завистливъ, съ хитрымъ характеромъ, способнымъ на мелкую, вульгарную интригу, съ инстинктами своего отца. Природа иногда нуждается въ симметріи. Онъ обожалъ деньги въ такой же степени, въ какой его братъ обожалъ власть; поэтому, онъ болѣзненно желалъ нажиться. Раса Ругоновъ слишкомъ скоро достигала своей зрѣлости; всѣ потребности матеріальнаго комфорта сосредоточились въ Аристидѣ, увеличенныя сквернымъ воспитаніемъ. Фелиситэ особенно сильно его любила. Его выслали въ Парижъ пополнить воспитаніе; но въ Парижѣ онъ ничего не дѣлалъ, вернулся въ Плессанъ и женился. Жена его была дочерью нѣкоего Сикардо, капитана въ отставкѣ. Молодая чета на первыхъ порахъ помѣстилась у Ругоновъ, которымъ была въ тягость. Свою алчность Аристидъ не имѣлъ средствъ удовлетворить, и онъ томился, ища исхода и не находя его. Когда, въ началѣ 1848 года, Эженъ отправился въ Парижъ, Аристидъ вздумалъ сдѣлать то же, но Эженъ былъ холостъ, у него же была лишняя обуза— жена. Скрѣпя сердце, онъ остался выжидать катастрофы, рѣшившись съ жадностью голоднаго волка броситься на первую попавшуюся добычу.

Послѣдній сынъ Ругоновъ, Паскаль, былъ человѣкъ особаго типа; ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ отношеніяхъ Паскаль не напоминалъ Ругоновъ. Высокаго роста, съ пріятными, строгими чертами лица, онъ былъ искрененъ, любилъ погружаться въ научныя изслѣдованія, что̀ составляло контрастъ съ

лихорадочнымъ честолюбіемъ и интригами прочихъ членовъ семьи. Въ Парижѣ онъ окончилъ курсъ медицинской школы и сталъ скромно заниматься медицинской практикой въ Плессанѣ. Фелиситэ съ досадой смотрѣла на Паскаля; она видѣла, что Паскаль ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ ея ожиданій.

— Что съ тобой? говорила она ему; ты точно чужой намъ. Посмотри на своихъ братьевъ: они ищутъ, стараются воспользоваться воспитаніемъ, которое мы имъ дали; а ты дѣлаешь одни только глупости.

Паскаль обыкновенно отвѣчалъ:

— Не жалуйтесь слишкомъ на меня, я совсѣмъ не хочу васъ разорить: когда кто-нибудь изъ васъ заболѣетъ, я стану лечить его даромъ. Чего же вамъ больше?

За три года до февральской революціи, Ругоны оставили торговлю и сдѣлались мелкими рантьерами; они имѣли тысячи двѣ франковъ годового дохода; но на это можно было кое-какъ сводить концы съ концами, тѣмъ болѣе, что ихъ было только двое: ихъ дочери, Марта и Сидони, вышли замужъ; одна жила въ Марсели, другая въ Парижѣ. Ругоны устроились скромно, хотя не примирились съ своей относительной бѣдностью. Когда они перебирали въ своемъ умѣ всѣ безполезныя усилія, когда вспоминали эти тридцать лѣтъ ненужной борьбы и видѣли, какъ всѣ ихъ мечты разбивались о неумолимую дѣйствительность, — на нихъ находило бѣшенство. И тогда, утѣшая себя, они строили новые планы колоссальнаго богатства: Фелиситэ мечтала, что выигрывала въ лотерею сто тысячъ франковъ; Пьеръ воображалъ, что придумаетъ какую-нибудь новую, грандіозную спекуляцію. Они жили одною только мыслію: сдѣлать состояніе какъ можно скорѣе, сейчасъ; быть богатыми, пользоваться всѣми благами міра сего, хотя бы даже на короткое время. Все ихъ существо стремилось къ этой цѣли, дико, грубо, неустанно....

Итакъ, революція 1848-го года застала всѣхъ Ругоновъ въ выжидающемъ положеніи, приниженныхъ преслѣдованіями судьбы, готовыхъ болѣзненно цѣпляться за всякое средство, но непобѣжденныхъ. Это была семья разбойниковъ, готовившихся грабить событія. Эженъ сторожилъ въ Парижѣ; Аристидъ только и думалъ, какъ бы накинуться на Плессанъ. Отецъ и мать,—можетъ быть самые жадные изъ всѣхъ,—работали для себя, разсчитывая въ то же время попользоваться работой сыновей. Одинъ только Паскаль, погрузившись въ науку, жилъ скромно и тихо въ своемъ маленькомъ домикѣ новаго города.

IV.

Въ Плессанѣ, этомъ замкнутомъ городишкѣ, гдѣ раздѣленіе партій опредѣлялось рѣзко, въ 1848-мъ году, глухимъ ударомъ отозвались февральскія событія. Чтò бы ни дѣлалось въ политическомъ мірѣ, городъ едва лишь волновался. Въ Плессанѣ спятъ въ то время, когда въ Парижѣ дерутся. Но какъ бы спокойна ни казалась поверхность, — на днѣ происходитъ работа крайне-любопытная; если ружейные выстрѣлы рѣдки на улицахъ, за то интриги процвѣтаютъ въ гостинныхъ новаго города и предмѣстья св. Марка. До 1830-го года на народъ никто не обращалъ вниманія, и все рѣшалось обыкновенно между духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей. Многочисленное сословіе патеровъ даетъ тонъ мѣстной политикѣ; они затѣваютъ подземныя мины, удары въ тѣни, дѣйствуютъ ученой, боязливой тактикой. Эта скрытая борьба людей, по преимуществу избѣгающихъ шума, требуетъ особенной хитрости, особенной любви къ мелочнымъ средствамъ, страшнаго терпѣнія людей, лишенныхъ страсти. Эти добряки, въ особенности когда затронуты ихъ личные интересы, убиваютъ, такъ сказать, булавочными уколами, какъ въ Парижѣ убиваютъ пушечными выстрѣлами, на улицахъ и площадяхъ. Политическая исторія Плессана, какъ и всѣхъ маленькихъ городовъ Прованса, представляетъ еще одну любопытную особенность. До 1830-го года, жители были усердными католиками и роялистами. Потомъ обнаружился страшный поворотъ: вѣра испарилась, рабочее и буржуазное населеніе, оставляя дѣло легитимизма, мало-по-малу отдалось демократическому движенію нашей эпохи. Когда возникла февральская революція, оказалось, что въ пользу Генриха V работаютъ только духовенство и дворянство. Долгое время они смотрѣли на торжество Орлеановъ, какъ на смѣшной опытъ, который рано или поздно приведетъ Францію къ ногамъ Бурбоновъ. Кварталъ св. Марка, при помощи патеровъ, принялся за дѣло; въ буржуазіи же и въ особенности въ народѣ февральскіе дни были встрѣчены съ нелицемѣрнымъ восторгомъ; но для рантьеровъ новаго города это пламя имѣло только блескъ и продолжительность мыльнаго пузыря; на нихъ нашелъ паническій страхъ за ихъ кошельки и эгоистическое существованіе. Поэтому, когда возникла клерикальная реакція 1849-го года, почти вся плессанская буржуазія перешла на сторону консерваторовъ. Конечно, ее приняли съ распростертыми объятіями. Никогда еще новый городъ не находился въ такихъ интимныхъ сношеніяхъ съ предмѣстьемъ св.

Марка; нѣкоторые аристократы дошли до того, что жали руки адвокатамъ и прежнимъ торговцамъ оливковаго масла. Эта неожиданная фамильярность вызвала восторгъ новаго квартала, который съ той поры затѣялъ войну на жизнь и на смерть съ республиканскимъ правительствомъ. Но дворянство, въ 1848-мъ году, было почти равнодушно къ политикѣ, говоря только, что готово броситься въ огонь, и все-таки продолжая грѣться у своего камина. Духовенство энергично боролось съ этой апатіей. Въ Плессанѣ, какъ и вездѣ, реакціей управляло духовенство. Дворяне составляли только ширму; духовенство пряталось за эту ширму, управляло ею и достигло того, что придало ей искусственную жизнь. Когда въ дворянствѣ отвращеніе къ буржуазіи было побѣждено—патеры ликовали. Почва была великолѣпно приготовлена; этотъ старый, роялистскій городъ, это населеніе мирныхъ буржуа и трусливыхъ лавочниковъ, рано или поздно, роковымъ образомъ должно было примкнуть къ *партіи порядка.* Духовенство, своей энергіей и тактикой, ускорило этотъ результатъ. Обезпечивъ себѣ собственниковъ, оно убѣдило также и мелкихъ лавочниковъ. Тогда городомъ стала всецѣло управлять реакція. Всѣ мнѣнія существовали въ этой реакціи; никогда еще не замѣчалось такой уродливой смѣси либераловъ, орлеанистовъ, легитимистовъ, бонапартистовъ. Но все дѣло заключалось въ томъ, чтобы убить республику; а республика сама дышала на ладонъ...

Событія февральской революціи и выдвинули на первое мѣсто Ругоновъ. Участвуя во всѣхъ фазисахъ этого кризиса, они выросли на развалинахъ свободы. Голодные разбойники накинулись на республику; задушивъ ее, они ее ограбили. Фелиситэ первая, своимъ тонкимъ нюхомъ, замѣтила, что имъ слѣдуетъ воспользоваться событіями. Она стала уговаривать своего мужа, указывая на маркиза де-Карнаванъ, который говорилъ ей, что будетъ богатъ, если возвратится Генрихъ V, и что этотъ король великолѣпно вознаградитъ тѣхъ, кто возвратитъ ему престолъ... Маркизъ, дѣйствительно, изрѣдка сталъ появляться у Ругоновъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, живой, старикашка лѣтъ семидесяти. Говорили, что состояніе его ушло на женщинъ. Онъ дѣйствительно былъ бѣденъ, жилъ у своего родственника и ничего не дѣлалъ. Маркизъ былъ главнымъ агентомъ реакціи; когда соглашеніе дворянства съ буржуазіей состоялось, онъ сталъ чаще бывать у Ругоновъ; увидѣвъ, что Пьеръ можетъ служить ему хорошимъ помощникомъ, онъ устроилъ въ его домѣ сборище консерваторовъ, и дѣло закипѣло. Ругонъ сталъ «персонажемъ».

Въ желтой гостинной Ругоновъ составлялся заговоръ противъ республики 1848-го года. Главой этой группы заговорщиковъ былъ

нѣкто г. Изидоръ Грану, прежній торговецъ миндалемъ, членъ муниципальнаго совѣта. Его ротъ, похожій на мордочку зайца, его круглые глаза, выраженіе лица, въ одно и то же время довольное и разсѣянное, напоминали въ цѣломъ жирнаго гуся. Говорилъ онъ мало, путался въ словахъ, другихъ же слушалъ тогда, когда ругали республиканцевъ, которые будто бы готовятся грабить дома богатыхъ; тогда онъ краснѣлъ, какъ ракъ, и по временамъ разражался ругательствами въ родѣ: «лѣнтяи, мерзавцы, воры, мошенники». Но не всѣ посѣтители желтой гостинной похожи были на этого жирнаго гуся. Рудье, напр., богатый собственникъ, съ вкрадчивой физіономіей, ораторствовалъ тамъ цѣлые часы со страстію орлеаниста, котораго разсчеты разлетѣлись въ прахъ послѣ паденія Луи-Филиппа. Но самымъ сильнымъ умомъ желтой гостинной былъ капитанъ Сикардо́, тесть Аристида. Созданный по образцу Геркулеса, съ лицомъ, напоминающимъ цвѣтъ кирпича, онъ считался однимъ изъ славнѣйшихъ остатковъ великой арміи. Въ февральскихъ днахъ онъ возмутился уличной дракой, говоря съ жаромъ, что такъ драться постыдно. Онъ съ гордостью припоминалъ великое царствованіе Наполеона I. У Ругона можно было видѣть также личность, съ влажными холодными руками, уклончивымъ взглядомъ, личность, извѣстную подъ именемъ г. Вюилэ, книгопродавца, снабжавшаго священными книгами и чотками всѣхъ ханжей города. Къ своей торговлѣ онъ присоединилъ изданіе маленькой газеты, выходившей два раза въ недѣлю, — Gazette de Plessans, въ которой онъ занимался исключительно интересами духовенства. Каждый божій годъ эта газетка стоила ему болѣе тысячи франковъ, но за то она его дѣлала рыцаремъ церкви. Этотъ безграмотный господинъ, котораго орѳографія была весьма сомнительнаго свойства, самъ редактировалъ газету съ самоуниченіемъ и ядомъ, заступавшими мѣсто таланта. Маркизъ напалъ на мысль воспользоваться этой плоской фигурой пономаря. Съ февраля статьи газеты заключали менѣе грамматическихъ ошибокъ: маркизъ просматривалъ ихъ. Теперь легко себѣ вообразить, какое странное зрѣлище представляла желтая гостинная Ругоновъ всякій вечеръ.

Въ апрѣлѣ 1849-го года, Эженъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Плессанъ. Конечно, онъ пріѣхалъ разузнать, что творится въ его родномъ городишкѣ; онъ высматривалъ, прислушивался, нюхалъ. За нѣсколько дней до своего отправленія въ Парижъ, онъ встрѣтился съ Аристидомъ, который желалъ посовѣтоваться съ братомъ. Аристидъ сильно волновался. Съ провозглашеніемъ республики, онъ сталъ обнаруживать неумѣренный энтузіазмъ къ новому правительству. Онъ понималъ, что орлеанисты и ле-

гитимисты безсильны, но въ то же время не догадывался, кто именно восторжествуетъ. На всякій случай, онъ сталъ пока на сторонѣ побѣдителей. Съ отцемъ онъ разорвалъ всякія сношенія, вездѣ говоря, что это старый дуралей, попавшій въ ловушку дворянъ. Аристидъ желалъ продать себя какъ можно дороже; поэтому вся его забота заключалась въ томъ, чтобы стоять на сторонѣ будущихъ побѣдителей; но у него не было руководной нити, и, въ ожиданіи, онъ продолжалъ быть республиканцемъ. Онъ даже сталъ издавать республиканскую газету «Indépendant». Эжена онъ считалъ крупнымъ умомъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что его братъ проводитъ цѣлые вечера въ желтой гостинной. Неужели же онъ, Аристидъ, такъ грубо ошибался? Неужели орлеанисты и легитимисты имѣютъ шансы успѣха? Эта мысль ужаснула его, и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, онъ напалъ еще рѣзче на консерваторовъ. Онъ напечаталъ статью, въ которой своего собрата Вюилэ обзывалъ «братомъ Іуды», «прислужникомъ святого Антонія» и проч. Встрѣтившись съ братомъ, онъ спросилъ его:

— Читалъ ты мою статью? Что ты объ ней думаешь?

— Наивенъ ты, братецъ, отвѣчалъ ему Эженъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Аристидъ блѣднѣя, ты оправдываешь Вюилэ, ты вѣришь въ торжество Вюилэ?

— Я... Вюилэ...

Эженъ чуть не прибавилъ: «Вюилэ—такой же дуракъ, какъ и ты, мой милый»; но удержался и сказалъ спокойно:

— У Вюилэ есть много хорошаго.

Аристидъ не зналъ, что и подумать; Эженъ должно быть издѣвался надъ нимъ, такъ какъ трудно было себѣ представить личность болѣе грязную, чѣмъ этотъ Вюилэ. Но все-таки, Аристидъ рѣшился впредь быть благоразумнѣе и.... не жечь своихъ кораблей.

Передъ отъѣздомъ у Эжена былъ съ отцомъ длинный, секретный разговоръ. Выходя, онъ прибавилъ:

— Поняли вы меня, батюшка? Въ этомъ наше состояніе. Работайте всѣми силами въ этомъ направленіи. Вѣрьте мнѣ....

Эженъ не только предвидѣлъ декабрьскій переворотъ, но и работалъ въ его пользу. Это-то онъ и сообщалъ отцу. Планъ дѣйствій и цѣли не передавались Фелиситэ, но она пронюхала въ чемъ дѣло. Направленіе засѣданій желтой гостинной измѣнилось, тѣмъ болѣе, что и Карнавонъ сообразилъ къ чему клонится республика. Сперва въ желтой гостинной стали слышаться умѣренныя похвалы республикѣ, потомъ ея президенту, принцу Наполеону, напр., за римскую экспедицію.... А событія

его взглядами. Первымъ его дѣломъ было: взять подъ свое управленіе домашнее хозяйство; онъ продавалъ, покупалъ, распоряжался деньгами. Онъ не заботился ни о поведеніи Аделаиды, ни о воспитаніи Антуана и Урсулы. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отмѣрялъ имъ пищу. Потомъ, захвативъ все состояніе, онъ выжидалъ случая распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію.

Обстоятельства и случай помогли ему. Антуанъ по жребію долженъ былъ идти въ солдаты. Мать хотѣла найти охотника на мѣсто сына, но Пьеръ отказался дать денегъ; она эгоистически оставила сына на произволъ судьбы, нуждаясь прежде всего въ мирѣ и свободѣ. Пьеръ, не любившій крутыхъ мѣръ, уговорилъ Антуана идти въ солдаты, обѣщаясь на слѣдующій годъ, если дѣла пойдутъ хорошо, выкупить его. Разумѣется, онъ и не думалъ исполнять обѣщаніе, но обманутый Антуанъ согласился и отправился въ полкъ. Также неожиданно отдѣлался Пьеръ и отъ Урсулы. Одинъ работникъ, по имени Мурэ, влюбился въ нее и женился. Онъ женился по любви, безъ всякаго разсчета. Урсула же согласилась выйти за него лишь бы уйти изъ дому, гдѣ жизнь ея отравлялъ Пьеръ. Мать, погружаясь все болѣе и болѣе въ свои животные инстинкты, употребляя остатки своей энергіи на защиту самой себя, стала окончательно равнодушна ко всему; она была даже рада выходу замужъ дочери, надѣясь, что Пьеръ не будетъ ее больше мучить. Послѣ свадьбы, Мурэ рѣшился оставить Плессанъ, не желая на всякомъ шагу слышать непріятныя вещи о своей женѣ и свекрови. Пьеръ на приданое не далъ ничего...

Оставалась Аделаида. Ни за что въ мірѣ Пьеръ не хотѣлъ жить съ нею: она его компрометтировала. Но какъ порѣшить съ нею? Оставаться съ нею значило портить свою будущность; выгнать?! но тогда весь городъ станетъ указывать на него пальцами, какъ на негоднаго сына, а Пьеръ хотѣлъ разыгрывать роль добряка, чувствуя, что люди ему понадобятся, желалъ возстановить свое имя, помириться со всѣмъ Плессаномъ. Одно средство оставалось: заставить Аделаиду покинуть его домъ, и Пьеръ употреблялъ всѣ средства, чтобы достигнуть этого результата. Онъ полагалъ, что его жестокое обращеніе съ матерью вполнѣ извиняется скверным поведеніемъ ея. Онъ наказывалъ ее, какъ наказываютъ ребенка, методично и спокойно. Хотя ей было не болѣе сорока лѣтъ, она дѣйствительно сдѣлалась ребенкомъ, и если не бѣжала отъ этой невыносимой жизни, то только потому, что не знала куда дѣться. Случай помогъ ей. Маккаръ былъ убитъ въ одной схваткѣ съ жандармами на границѣ. Онъ

отъ желтой гостинной. Рудье представлялъ богатую буржуазію. Грану былъ еще драгоцѣннѣе: онъ располагалъ муниципальнымъ совѣтомъ, гдѣ имѣлъ большое вліяніе. Наконецъ, благодаря Сикардо, который былъ назначенъ начальникомъ національной гвардіи, гостинная располагала военной силой. Итакъ, Ругоны достигли многаго: всякій, по трусости, или глупости долженъ былъ имъ повиноваться въ данную минуту. Но другія вліянія могли быть вредны имъ. Въ случаѣ, если подпрефектъ, меръ и другіе чиновники подавятъ возстаніе въ самомъ началѣ, — они отойдутъ на второй планъ, у нихъ не будетъ ни времени, ни средствъ отличиться. Они желали поголовной, административной паники. Къ счастію для нихъ, въ Плессанѣ была именно такая администрація: префектъ былъ человѣкъ либеральный, но мирный, не желавшій злоупотреблять властью. Муниципалитетъ также не тревожилъ ихъ; меръ — г. Гарсоне, былъ легитимистъ....

Развязка приближалась, но несмотря на рѣшимость заговорщиковъ, ихъ пронималъ страхъ. Видя все это, маркизъ качалъ головой.

— Они еще болѣе трусы, чѣмъ я полагалъ. Съ подобными людьми Франція всегда будетъ принадлежать тому, кто захочетъ ее взять.

Потомъ онъ прибавилъ съ горечью:

— Рѣшительно, монархія для настоящаго времени слишкомъ честна. Ея время кончено.

Наконецъ, въ Парижѣ наступили декабрьскіе дни. Въ Плессанѣ было относительное спокойствіе. Были, правда, манифестаціи, но безъ особеннаго значенія; 5-го и 6-го декабря положеніе ухудшилось; оказалось, что югъ начинаетъ двигаться. Шайки инсургентовъ рыскали по деревнямъ и уничтожали сообщеніе съ Плессаномъ. Положеніе города было грустное. Грану съ плачевной физіономіей повторялъ, что у г. мера нѣтъ никакихъ извѣстій. Въ народѣ поговаривали, что Марсель дерется. Капитанъ Сикардо, возмущенный трусостію буржуазіи, клялся умереть во главѣ національной гвардіи. 7-го, ужасъ овладѣлъ всѣми. Съ утра въ желтой гостинной образовался реакціонный комитетъ, обсуждавшій мѣры. Ожидали инсургентовъ. Наконецъ, послышался въ передней звонокъ. Эти господа задрожали, какъ будто услышали выстрѣлъ. Лакей капитана вошелъ и сказалъ Сикардо:

— Инсургенты будутъ въ Плессанѣ черезъ часъ.

Это извѣстіе упало какъ громъ на собраніе. Начался шумъ, крики.

— Sacré tonnère! вскричалъ наконецъ капитанъ, не теряйтесь такъ, будьте покойнѣе. Въ противномъ случаѣ, я ни за что не ручаюсь.

Всѣ присѣли и замолчали. Тогда наконецъ можно было узнать кое-какія подробности. Посланный сообщилъ, что инсургентовъ болѣе трехъ тысячъ и что съ ними есть плѣнные.

— Плѣнные! кричали перепуганные буржуа.

— Конечно, отвѣчалъ улыбаясь маркизъ; мнѣ разсказывали, что инсургенты берутъ въ плѣнъ лица, извѣстныя своими консервативными убѣжденіями....

Настало гробовое молчаніе. Публика начала мало-по-малу исчезать изъ гостинной.

— Чортъ побери, тѣмъ лучше, сказалъ наконецъ Сикардо; эти трусы начали меня раздражать. Вотъ уже два года, какъ они говорятъ, что необходимо перестрѣлять республиканцевъ, а теперь даютъ тягу.

Онъ взялъ шляпу.

— Чтожъ? время не терпитъ, отправимся, Ругонъ.

Фелиситэ выжидала этой минуты; она бросилась къ своему мужу, показывая видъ отчаянія.

— Я не хочу, чтобы ты уходилъ, кричала она. Я не пущу тебя; эти мерзавцы убьютъ тебя.

Капитанъ, удивленный, остановился.

— Sacrebleu! заворчалъ онъ, если женщины начнутъ выть теперь.... Пойдемъ Ругонъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Фелиситэ. Сопротивляться— безуміе; ихъ три тысячи—васъ изрубятъ.

— Это нашъ долгъ, отвѣчалъ Сикардо.

Фелиситэ зарыдала.

— Если они не убьютъ его, то возьмутъ въ плѣнъ. Что будетъ тогда со мной?

— Но, возразилъ Сикардо, думаете ли вы, что насъ оставятъ въ покоѣ, если мы останемся дома? Черезъ часъ, меръ и всѣ чиновники попадутъ въ плѣнъ, также какъ и вашъ мужъ и всѣ тѣ, кто здѣсь находится.

— Вы думаете?

— Еще бы!

Фелиситэ оставила руку Ругона, который не думалъ уже уходить.

— Необходимо сперва придти къ какому либо заключенію, сказалъ онъ. Моя жена можетъ быть и права, обвиняя насъ въ томъ, что мы забываемъ интересы нашихъ семействъ.

— Конечно, справедливо, замѣтилъ Грану.

Капитанъ гнѣвно надѣлъ шляпу и сказалъ громогласно:

— Какъ хотите. Я начальникъ національной гвардіи, и долженъ находиться въ меріи. Сознайтесь, что вы трусы и оставляете меня одного.... Прощайте....

— Теперь, сказалъ Ругонъ по уходѣ капитана, я предложу вамъ скрыться, чтобы избѣжать ареста и быть свободнымъ, когда понадобится.

Грану и Вюилэ чуть не бросились ему въ объятія.

— Скоро, продолжалъ Ругонъ, я въ васъ, господа, буду нуждаться. Намъ предстоитъ честь возстановить порядокъ въ Плессанѣ.

— Располагайте нами, отвѣтилъ Вюилэ.

Часъ приближался. Странные защитники Плессана, прятавшіеся, чтобы лучше защитить городъ, поспѣшили каждый скрыться въ какой-нибудь норѣ. Оставшись одинъ съ женой, Пьеръ просилъ ее не запираться и отвѣчать, что онъ выѣхалъ изъ города. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ. На встрѣчу ему попалась толпа вооруженныхъ работниковъ, пѣвшая марсельезу.

— Fichtre! замѣтилъ онъ про себя. Пора убраться. Городъ въ возстаніи.

Онъ направился къ жилищу своей матери.

V.

Антуанъ Маккаръ возвратился въ Плессанъ въ 1823 году; тогда ему было двадцать восемь лѣтъ. Поступивъ на службу въ концѣ первой имперіи, онъ переходилъ изъ гарнизона въ гарнизонъ, продолжая вести ту безсмысленную жизнь солдата, къ которой онъ привыкъ. Жизнь эта до крайнихъ размѣровъ развила въ немъ его природные инстинкты. Его лѣнь сдѣлалась сознательною; пьянство, за которое его наказывали безконечное число разъ, сдѣлалось въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ настоящей религіи. Но болѣе всего его испортило презрѣніе, которое онъ питалъ къ бѣднякамъ, принужденнымъ существовать трудомъ.

— На родинѣ, говаривалъ онъ часто своимъ товарищамъ, у меня есть деньги; когда покончу службу, — стану жить, какъ настоящій буржуа.

Это убѣжденіе не позволило ему достичь даже капральскаго чина.

По пріѣздѣ въ Плессанъ, онъ наконецъ узналъ горькую истину. На всѣ его вопросы мать отвѣчала:

— Твой братъ все взялъ; онъ позаботится о тебѣ, это рѣшено.

Антуанъ отправился къ брату, который приготовился къ встрѣчѣ.

— Послушайте, сказалъ онъ ему; совѣтую не сердить меня, потому что въ противномъ случаѣ я вышвырну васъ изъ окна. Я васъ не знаю, у насъ не одна фамилія. Я хотѣлъ-было коечто сдѣлать для васъ, но такъ какъ вы грубы, то убирайтесь къ чорту.

— А мои деньги? Отдашь ли ты мнѣ, воръ? Или тебя нужно тащить въ судъ?

Пьеръ повелъ плечами.

— У меня нѣтъ вашихъ денегъ, отвѣчалъ онъ спокойно. Моя мать распорядилась состояніемъ какъ ей вздумалось. Я не вмѣшивался въ ея дѣла. Я добровольно отказался отъ всякаго наслѣдства, и ваши грязныя обвиненія не замараютъ меня.

Антуанъ не зналъ что дѣлать. Невозможность повредить своему брату только увеличивала его злобу. Онъ бѣгалъ по городу и всѣмъ разсказывалъ, какъ надулъ его Пьеръ. Когда мать давала ему золотой, онъ отправлялся въ кабакъ и тамъ, во всеуслышаніе, обзывалъ своего брата мошенникомъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ вскорѣ пріобрѣлъ себѣ сочувственную аудиторію пьяницъ; вся городская сволочь поддерживала его; въ кабакахъ только и слышно было, что ругательства на этихъ мерзавцевъ Ругоновъ, которые оставляютъ безъ куска хлѣба храбраго солдата, и сеансы обыкновенно оканчивались поголовнымъ осужденіемъ богатыхъ.

Лучшимъ наслажденіемъ Антуана было прохаживаться разъ десять въ день передъ магазиномъ Пьера, въ оборванномъ солдатскомъ костюмѣ. Обыкновенно его сопровождалъ какой-нибудь пьяница, которому онъ громко, передъ носомъ Пьера и Фелиситэ, разскарзывалъ воровство пятидесяти тысячъ франковъ, сопровождая азсказъ ругательствами и оскорбленіями.

Все это выводило Фелиситэ изъ терпѣнія. Желая во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Антуана, она ему предложила двѣсти франковъ и кромѣ того обѣщала купить пару платья и нанять квартиру на годъ. Антуанъ помѣстился въ новой квартирѣ, продолжая свои ругательства. Дѣлать онъ ничего не хотѣлъ, а голодъ пронималъ его. Онъ угрожалъ, что сдѣлается контрабандистомъ, какъ его отецъ, и выкинетъ такую штуку, которая обезчеститъ всю семью. Но Ругоны не поддались на удочку: они знали, что Антуанъ слишкомъ трусъ для этого. Наконецъ, съ бѣшенствомъ въ душѣ, Антуанъ сталъ искать себѣ работы. Въ

одномъ изъ кабаковъ предмѣстія онъ познакомился съ корзинщикомъ, работавшимъ на дому. Онъ сталъ ему помогать и вскорѣ научился дѣлать корзины. Это незамысловатое ремесло нравилось ему. Когда деньги были ему необходимы, онъ принимался за работу; потомъ, получивъ кое-что, опять посѣщалъ кабаки. Въ эту эпоху своей жизни онъ сдѣлался грознымъ республиканцемъ. Однакожъ, и этотъ трудъ вскорѣ надоѣлъ ему. Онъ намѣревался поступить въ лакеи къ какому-нибудь аристократу предмѣстія святого Марка, но это неудалось; Антуанъ хотѣлъ-было уже снова поступить на службу, въ качествѣ охотника, какъ вдругъ встрѣтилъ женщину, которая измѣнила всѣ его планы. Жозефина Гавадонъ, которую весь городъ зналъ подъ кличкою «Фины», была толстая бабенка среднихъ лѣтъ. Ея широкія плечи, ея громадныя руки, ея сила внушали уваженіе уличнымъ мальчишкамъ. Но несмотря на свой ужасный видъ, Фина обладала бараньей добротой. Она была хорошая работница и если не откладывала деньжонокъ на черный день, то только потому, что любила выпить. Всю недѣлю она работала какъ волъ: продавала фрукты, или печеные каштаны, смотря по сезону, занималась хозяйствомъ въ буржуазныхъ домахъ, мыла посуду въ другихъ, а досуги употребляла на починку соломенныхъ стульевъ. Антуанъ познакомился съ нею на рынкѣ, куда приходилъ продавать свои корзинки; онъ догадался, что ему слѣдуетъ воспользоваться знакомствомъ, и женился на Финѣ. Послѣ свадьбы они поселились въ ея квартирѣ. Сначала все шло хорошо. Фина по прежнему работала, Антуанъ, довольный своею судьбой, въ одну недѣлю надѣлалъ столько корзинокъ, сколько не сдѣлалъ потомъ во всю свою жизнь. Но въ воскресенье вспыхнула война: оба супруга напились и жестоко подрались. Съ тѣхъ поръ жизнь ихъ совершенно измѣнилась; они точно сговорились, что жена будетъ работать на семью. Фина не протестовала, она имѣла ангельское терпѣніе, пока не выпивала; но вино, не дѣлая ее злою, дѣлало справедливой: въ пьяномъ состояніи она упрекала Антуана за его лѣнь; начиналась ссора, которая обыкновенно разрѣшалась дракой; оба супруга одинаково отличались. Несмотря однакожъ на эти семейныя непріятности, Антуанъ чувствовалъ себя хорошо: онъ былъ одѣтъ и обутъ, вдоволь ѣлъ и пилъ. Чего же больше?

У Маккара родилось двое дѣтей: дочь и сынъ. Дочь, Жерveза, была кривоногая; подростая, она осталась слабенькой, и Фина, съ цѣлью поправить ея здоровье, стала пріучать ее къ водкѣ. Бѣдный ребенокъ еще болѣе ослабъ и похудѣлъ. Въ пятнадцать лѣтъ, это была высокая, худощавая дѣвочка съ пре-

красной кукольной головкой. Сынъ, Жанъ, былъ здоровый мальчикъ; онъ очень походилъ на мать. Черты лица его были гораздо правильнѣе, чѣмъ у другихъ членовъ Ругоновъ - Маккаровъ. Сильный и трудолюбивый, онъ росъ съ серьезнымъ желаніемъ создать себѣ независимое положеніе. Въ школѣ онъ учился прилежно, ломалъ свою неподатливую голову надъ ариѳметикой. Потомъ онъ поступилъ въ ремесло, работая съ такимъ же упорствомъ. Пока дѣти оставались дома, Маккаръ былъ недоволенъ; по его мнѣнію, они были безполезные рты, поѣдающіе часть его пищи. Но потомъ дѣти стали заработывать; при первыхъ копѣйкахъ, принесенныхъ ему Жаномъ и Жервезой, онъ нашелъ, что въ дѣтяхъ есть и хорошая сторона. Онъ заставлялъ ихъ работать на себя съ такимъ же отсутствіемъ застѣнчивости, съ какимъ питался на счетъ своей жены. Но все-таки дѣла шли плохо. Всѣ деньги, доставляемыя дѣтьми и женой, Антуанъ пропивалъ вмѣстѣ съ женой и дочерью. Тогда начиналась драка. На слѣдующій день, Антуанъ вставалъ съ головной болью, проклиная весь міръ.

Всякая партія имѣетъ своихъ шутовъ и мерзавцевъ. Антуанъ Маккаръ, снѣдаемый завистью и ненавистью ко всему обществу, смотрѣлъ на республику какъ на блаженную эру, когда будетъ позволено наполнять свой карманъ деньгами сосѣда и даже душить его, если онъ вздумаетъ протестовать. Кабачная жизнь, газетныя статьи, которыхъ онъ не понималъ, сдѣлали изъ него ужаснаго болтуна, который въ политику вводилъ самыя курьезныя и глупѣйшія теоріи. Необходимо быть въ провинціи и въ кабакахъ собственными ушами слышать одного изъ такихъ ораторовъ, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что́ проповѣдывалъ Маккаръ. Такъ какъ онъ много говорилъ, служилъ въ войскѣ и считался энергичнымъ человѣкомъ, то и образовалъ вокругъ себя цѣлую ватагу внимательныхъ слушателей.

Не будучи главой партіи, онъ съумѣлъ однакожъ окружить себя цѣлой группой работниковъ, которые принимали его завистливые возгласы за чистую монету. Съ февраля онъ сказалъ себѣ, что Плессанъ принадлежитъ ему, а физіономія, съ которой онъ смотрѣлъ на лавочниковъ, ясно говорила: «насталъ и нашъ денекъ, други любезные, теперь мы увидимъ настоящую пляску.» Онъ сталъ невѣроятно дерзокъ; онъ до такой степени вошелъ въ роль деспота, что пересталъ платить въ кабакахъ, и хозяинъ заведенія — дуракъ, дрожавшій отъ страха передъ нимъ, не смѣлъ требовать денегъ. Едва ли можно вычислить, сколько тогда онъ выпилъ чашекъ кофе и рюмокъ коньяку.

Иногда, на счетъ заведенія, онъ угощалъ своихъ друзей, крича, что народъ умираетъ съ голоду и что собственность необходимо уничтожить. Республиканцемъ же онъ сдѣлался главнымъ образомъ потому, чтобы отомстить Ругонамъ.

— Еслибы, говорилъ онъ, братъ мой находился тамъ, гдѣ долженъ быть, то я былъ бы рантьеромъ.

Когда же его спрашивали: гдѣ же долженъ былъ быть его братъ, онъ глухо отвѣчалъ:

— На галерахъ!

Въ сущности, всѣ члены этой почтенной семьи ощущали одинаково непреодолимое стремленіе къ хищничеству. Фелиситэ, понимавшая, что крайнія мнѣнія Маккара—одна только злоба и зависть, хотѣла во что бы то ни стало купить его молчаніе; къ несчастію денегъ не было, а заинтересовать его въ дѣлѣ, затѣянномъ ея мужемъ, она не смѣла. Антуанъ сильно вредилъ имъ въ городѣ: достаточно было, что онъ ихъ родственникъ. Грану и Рудье съ презрѣніемъ упрекали ихъ въ томъ, что у нихъ подобный родственникъ. Антуанъ, видя, что остается одинъ, сталъ искать приверженца въ самой роднѣ противъ Ругоновъ. Сперва онъ разсчитывалъ на Аристида, читая ужасныя статьи его газеты «Indépendant». Но молодой человѣкъ не былъ настолько глупъ, чтобы связаться съ личностью, подобною Маккару. Тогда Маккаръ обратился къ дѣтямъ Урсулы.

Урсула умерла въ 1840-мъ году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей: Франсуа—молодого человѣка двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, и мальчика Сильвера. Смерть Урсулы привела въ отчаяніе Мурэ; онъ повѣсился въ комнатѣ, гдѣ еще висѣли ея платья. Сильверу тогда было не болѣе шести лѣтъ. Аделаида сжалилась надъ сиротой и взяла его къ себѣ. Старуха сильно измѣнилась; она, такъ сказать, оледенѣла въ своей хижинѣ переулка святого Миттра; постоянное уединеніе сдѣлало ее молчаливой и мрачной, — это было что-то въ родѣ медленной физической и нравственной смерти, что сдѣлало мало-по-малу изъ страстной, безпорядочной женщины, — строгую матрону. Когда глаза ея останавливались машинально на какомъ-нибудь предметѣ,—въ нихъ отражалась страшная нравственная пустота. Дѣтская улыбка Сильвера была для нея послѣднимъ солнечнымъ лучемъ, согрѣвавшимъ ее. Она его полюбила, ухаживала за нимъ; это было послѣднее пробужденіе любви, послѣдняя, смягченная страсть, дарованная небомъ этой женщинѣ, истерзанной потребностію любить. Странная атмосфера, въ которой пришлось ребенку жить, выработала въ Сильверѣ сильную душу, въ которой сосредоточились всѣ человѣческіе восторги. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ

мальчикъ серьезный, задумчивый, искавшій образованія съ какимъ-то упорствомъ. Въ школѣ, содержимой католическими священниками, онъ выучился съ грѣхомъ пополамъ немного ореографіи и ариѳметики; потомъ онъ оставилъ школу для ремесла. Несмотря на эти усилія, ему все-таки недоставало элементарнаго знанія. Всѣ попадавшіяся ему книги онъ читалъ съ жадностію, и такимъ образомъ набрался самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; онъ зналъ много, но не полно, безъ всякаго направленія, безъ системы. На двадцатомъ году, Сильверъ поступилъ въ ремесло къ нѣкоему Віану, каретнику, доброму старику, котораго полюбилъ съ первыхъ же дней. Скоро онъ сталъ прекраснымъ работникомъ; но этого ему было мало, онъ хотѣлъ быть настоящимъ каретникомъ и въ свободное время сталъ ходить въ чертежную школу, познакомился немного съ геометріей и погрузился въ изученіе, безъ руководителя, съ необыкновенною энергіей. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ ученыхъ работниковъ, которые едва лишь въ состояніи подписать свою фамилію, но которые въ то же время говорятъ объ алгебрѣ, какъ о предметѣ имъ близко знакомомъ. Часто эти крохи науки даютъ ложное понятіе о великихъ истинахъ. У Сильвера — отрывочное знаніе только увеличило его восторженное состояніе. Онъ сознавалъ существованіе горизонтовъ, скрытыхъ отъ него. Онъ себѣ составилъ какое-то великое понятіе о предметахъ, которыхъ не могъ коснуться руками, и жилъ въ глубокой, невинной религіи великихъ идей и великихъ словъ, къ которымъ онъ постоянно стремился, не будучи въ состояніи ихъ понять. Это была личность наивная, божественно наивная, остановившаяся на порогѣ храма, колѣнопреклоненная передъ свѣчами, которыя издали казались ему звѣздами.

VI.

Въ подобномъ умѣ,—страстномъ и сдержанномъ,—естественно развились республиканскія идеи. Ночью, въ хижинѣ Аделаиды, Сильверъ зачитывался какою-нибудь книгою Руссó. Въ мечтаніяхъ, столь любимыхъ обиженными судьбой, мечтаніяхъ всеобщаго счастія, слова́: свобода, равенство, братство, звучали въ его ушахъ тѣмъ звучнымъ священнымъ тономъ колоколовъ, заслышавъ которые, вѣрующіе падаютъ на колѣни. Когда онъ узналъ, что республика провозглашена во Франціи, онъ увѣрилъ себя, что настатъ день блаженства для всѣхъ. Когда же замѣтилъ, что не все идетъ хорошо въ лучшей изъ республикъ, то

сильно огорчился. Тогда онъ кинулся, очертя голову, въ другую мечту: заставить людей быть счастливыми, даже насильно. Всякое дѣло, которое, по его мнѣнію, не отвѣчало интересамъ народа, глубоко его возмущало. При дѣтской добротѣ своей натуры, у него являлась страшная политическая ненависть: онъ не рѣшился бы убить мухи, а на всякомъ шагу говорилъ, что необходимо взяться за оружіе. Свобода сдѣлалась для него страстью, страстью безсознательною, абсолютною, въ которой онъ весь сконцентрировался. Ослѣпленный энтузіазмомъ, въ одно и то же время слишкомъ мало свѣдущій и слишкомъ образованный, чтобы быть терпимымъ, онъ не зналъ людей; онъ требовалъ идеальнаго правительства,—справедливаго и свободнаго.

Въ эту именно эпоху, его дядя Маккаръ вздумалъ воспользоваться имъ для вражды своей къ Ругонамъ. Онъ его привлекъ къ себѣ, показывая видъ, что восхищается его идеями. Они стали часто видѣться; Антуанъ старался убѣдить Сильвера, что гостинная Ругоновъ—главнѣйшее препятствіе счастію Франціи. Онъ разсказывалъ, какимъ воровскимъ образомъ Ругоны его ограбили, какіе они мошенники. Сильверъ негодовалъ.

— Меня увѣряли, говорилъ Антуанъ шопотомъ, что Ругоны вздумали сыграть скверную штуку.

— Какую штуку?

— Они рѣшили, съ помощью своихъ клевретовъ, въ одну прекрасную ночь схватить всѣхъ патріотовъ города и засадить ихъ въ тюрьму.

Молодой человѣкъ сначала сомнѣвался. Но дядя сообщалъ самыя точныя подробности: онъ говорилъ о готовыхъ спискахъ, называлъ лицъ, указывалъ на часъ. Мало-по-малу Сильверъ увѣрился въ истинности этихъ росказней, и негодованіе его росло.

— Если они измѣняютъ Франціи, ихъ необходимо обезсилить. А что они думаютъ дѣлать съ арестованными?

— Что они думаютъ дѣлать? отвѣчалъ злобно Маккаръ: они ихъ разстрѣляютъ.

Молодой человѣкъ не отыскивалъ словъ, пораженный ужасомъ.

— И будто это первыя жертвы? прибавлялъ Маккаръ; отправляйся-ка вечеромъ, посмотри, что̀ творится позади зданія суда. Тамъ каждый вечеръ ты услышишь выстрѣлы и стоны.

— О изверги! негодовалъ Сильверъ.

И дядя съ племянникомъ пускались въ соображенія трансцедентальной политики.

Несмотря, однакожъ, на всѣ усилія, Антуанъ не могъ заставить Сильвера дѣйствовать противъ Ругоновъ. Благородный

мальчикъ съ жаромъ проповѣдывалъ о томъ, что необходимо взяться за оружіе и избить враговъ республики; но какъ только ея враги выходили изъ тумана и воплощались въ Ругоновъ, благодаря искусству Маккара, Сильверъ отступалъ въ ужасѣ. Вѣроятно даже, что вслѣдствіе этого онъ бы пересталъ бывать у Маккара, котораго зависть и злоба были ему противны, еслибы не удовольствіе свободно говорить о его любимой республикѣ. Не менѣе того, Антуанъ сильно на него повліялъ. Онъ разстроилъ его нервы и заставилъ какъ-то болѣзненно стремиться къ борьбѣ... Въ 1850 году, Сильверу было шестнадцать лѣтъ. Маккаръ ввелъ его въ тайное общество монтаньяровъ, эту могущественную ассоціацію, покрывавшую тогда весь югъ. Съ этой минуты молодой человѣкъ жадно посматривалъ на ружье, которое Аделаида получила въ наслѣдство отъ контрабандиста. Однажды, ночью, онъ вычистилъ его, потомъ повѣсилъ и сталъ ждать.

Въ это же время въ семьѣ Маккара случилось несчастіе; Фина умерла почти скоропостижно. Маккаръ продалъ хозяйство и сталъ жить тѣмъ, что заработывали его дѣти, ругая и преслѣдуя ихъ. Наконецъ, дѣти не выдержали. Жерveза убѣжала, какъ говорятъ, съ какимъ-то работникомъ. Жанъ сдѣлалъ то же. Маккаръ отъ бездѣлья впалъ въ крайнюю нищету. При этихъ условіяхъ онъ встрѣтилъ декабрьскій переворотъ съ жадностью собаки, почуявшей добычу. Вокругъ него группировался цѣлый кружокъ рабочихъ, которыхъ онъ явился естественнымъ главой. Онъ сидѣлъ съ своими друзьями въ кабакѣ въ то время, какъ пришло извѣстіе о приближеніи инсургентовъ къ городу. Антуанъ съ толпой вышелъ изъ кабака. Республиканцы, не покидавшіе Плессана, собрались на главной улицѣ города; эту-то именно толпу и встрѣтилъ Ругонъ, когда шелъ къ своей матери. Маккаръ присоединился къ толпѣ, уговаривая идти и арестовать всѣхъ враговъ республики, боясь, чтобы Пьеръ не успѣлъ убѣжать изъ его когтей. Толпа покорилась и направилась къ дому Ругоновъ. Въ эту критическую минуту Фелиситэ не потеряла духа. Она сошла и отворила на улицу дверь.

— Мы желаемъ войти къ тебѣ, сказалъ грубо Маккаръ.

— Хорошо, господа, войдите, отвѣчала Фелиситэ съ ироническою важностью, дѣлая видъ, что не узнаетъ Маккара.

Въ комнатѣ, Маккаръ приказалъ ей призвать мужа.

— Моего мужа нѣтъ дома, сказала она спокойно; онъ путешествуетъ по дѣламъ; онъ уѣхалъ въ марсельскомъ дилижансѣ сегодня въ шесть часовъ вечера.

Антуанъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Онъ быстро вошелъ въ гостинную, потомъ въ спальню, растрепалъ кровать, загля-

дывалъ за драпри, осматривалъ подъ стульями. Четыре молодца, вошедшіе съ нимъ, помогали ему дѣлать обыскъ.

Въ это время Фелиситэ сидѣла на диванѣ и спокойно ждала.

— Дѣйствительно, правда, онъ убѣжалъ, разбойникъ! вскричалъ наконецъ Маккаръ.—Гдѣ твой мужъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Фелиситэ.

— Я вамъ сказала правду. Не могу же я выдать вамъ моего мужа, если его здѣсь нѣтъ. Вы вездѣ осмотрѣли, оставьте же меня теперь въ покоѣ.

Въ это время на улицѣ послышался шумъ; колонна инсургентовъ вступала въ улицу. Маккаръ принужденъ былъ оставить домъ Ругона; внизу онъ выбралъ самаго сильнаго изъ своихъ товарищей, приказалъ ему сѣсть на первой ступени лѣстницы и не трогаться съ мѣста до новаго приказа.

— Ты увѣдомишь меня, сказалъ онъ, если увидишь мерзавца, котораго мы ищемъ.

Было часовъ одиннадцать вечера, когда инсургенты вступили въ городъ. Впереди шла Міетта, — дѣвушка, которую страстно любилъ Сильверъ, съ краснымъ знаменемъ; по правую ея сторону шелъ самъ Сильверъ. Гробовое молчаніе и тишина города успокоили инсургентовъ, и они спокойно дошли до ратуши. Зданіе ратуши, недавно реставрированное, отчетливо обрисовывалось на ясномъ небѣ въ видѣ темнаго пятна. На балконѣ показалось нѣсколько человѣкъ: меръ, Сикардо̀, три или четыре муниципальныхъ совѣтника и другіе чиновники. Внизу, ворота были заперты. Толпа расположилась на площади, готовая однимъ махомъ взломать ворота. Появленіе инсургентовъ захватило врасплохъ власть. Сикардо̀, прежде чѣмъ явиться въ мерію, надѣлъ свою форму; потомъ надо было разбудить мера; жандармовъ забыли увѣдомить. Гарсонэ, меръ, изъ ненависти къ республикѣ хотѣлъ защищаться, но онъ былъ человѣкъ благоразумный, который во̀время понялъ безполезность борьбы. Пренія не долго длились. Одинъ Сикардо̀ упрямился; онъ непремѣнно хотѣлъ драться, полагая, что двадцати человѣкъ будетъ достаточно, чтобы разогнать толпу. Гарсонэ пожалъ плечами и торжественно объявилъ, что остается одно только: капитулировать, сохраняя военную честь. На площади шумъ увеличивался. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ другими на балконъ. Мало-по-малу возстановилась тишина; внизу, среди черной толпы, при свѣтѣ луны, блестѣли ружья...

— Кто вы и чего хотите? спросилъ громко меръ.

Тогда выступилъ одинъ изъ толпы.

— Отоприте ворота, сказалъ онъ, не отвѣчая меру; не вызывайте братоубійства.

— Во имя закона, повелѣваю вамъ удалиться немедленно.

— Мы явились тоже во имя закона. Ваша обязанность, какъ чиновника, заключается въ томъ, чтобы поддержать основной законъ государства,—конституцію, которая нарушена.

— Да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ республика!

Гарсонэ продолжалъ ссылаться на то, что онъ чиновникъ; ему отвѣчали:

— Вы только чиновникъ низложеннаго уже чиновника; мы отставляемъ васъ отъ должности.

Сикардо не могъ больше вынести.

— Ахъ вы, канальи! зарычалъ онъ; еслибы у меня было четыре солдата съ капраломъ, я бы проучилъ васъ, негодяи!

Это вызвало негодованіе толпы. Въ двѣ минуты ворота были выломаны, народъ хлынулъ въ мерію. Меръ и другіе чиновники были арестованы. Плѣнныхъ отправили въ сосѣдній кабакъ подъ стражей.

Инсуррекціонная армія не вошла бы въ Плессанъ, еслибы не нуждалась въ пищѣ. Она направлялась къ столицѣ департамента, и Плессанъ назначенъ былъ мѣстомъ отдыха. Сдѣлавъ дѣло, занявъ ратушу, нужно было поѣсть. Когда Гарсонэ узналъ, что арміи нужны съѣстные припасы, онъ предложилъ свои услуги. Въ сопровожденіи двухъ часовыхъ, онъ мигомъ устроилъ дѣло. Къ часу ночи, три тысячи человѣкъ расположились на площади, закусывая. Въ одно время съ ратушей, и жандармерія попала въ руки инсургентовъ. Жандармы были найдены спящими, ихъ обезоружили въ нѣсколько минутъ. Міетта и Сильверъ находились тутъ же. Сильверъ, озлобленный, кинулся на одного жандарма, по имени Рангадъ, съ которымъ боролся нѣсколько минутъ. Наконецъ, ловкимъ движеніемъ онъ выхватилъ изъ его рукъ карабинъ; карабинъ ударилъ по лицу Рангада и сдѣлалъ ему рану; кровь брызнула на руки Сильвера, который сейчасъ же опомнился. Онъ посмотрѣлъ на руки, бросилъ карабинъ и вышелъ.

— Ты раненъ? спросила его Міетта.

— Нѣтъ, нѣтъ; но я, кажется, убилъ жандарма, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ. Уйдемъ.

Они вышли; дойдя до рынка, онъ попросилъ ее подождать; онъ все смотрѣлъ на свои руки и что-то бормоталъ про себя. Міетта поняла, что онъ хочетъ проститься съ своей бабушкой Аделаидой.

— Ну, ступай скорѣе и вымой руки.

Онъ быстро удалился, держа руки впередъ; съ тѣхъ поръ,

какъ онъ почувствовалъ на себѣ кровь Рангада, одна мысль овладѣла имъ: бѣжать къ тетѣ Дидѣ (такъ онъ называлъ Аделаиду) и вымыть руки у фонтана двора; только тамъ, ему казалось, можно смыть кровь. Все его беззаботное дѣтство встало передъ нимъ; онъ прибѣжалъ, запыхавшись. Тетя Дида не ложилась еще спать, что удивило Сильвера, но онъ не замѣтилъ даже своего дядю Ругона, въ углу, сидящаго на старомъ сундукѣ.

— Бабушка, сказалъ онъ, простите... я иду съ другими... Вы видите: на мнѣ кровь; кажется, я убилъ жандарма...

— Ты убилъ жандарма?—Она быстро посмотрѣла на мѣсто, гдѣ висѣло ружье.

— Ты взялъ карабинъ, сказала она; гдѣ карабинъ?

Сильверъ поклялся, что карабинъ въ цѣлости.

— Ты возвратишь мнѣ карабинъ? Обѣщай. Это все, что мнѣ остается отъ него. Ты убилъ жандарма, а жандармъ убилъ *его*.

Она продолжала глядѣть на Сильвера пристально, съ выраженіемъ дикаго удовольствія, не думая его удерживать.

— Ты карабиномъ убилъ жандарма?

Сильверъ не понялъ, или не разслышалъ.

— Да, отвѣчалъ онъ... я пойду вымыть руки.

Только возвратившись, онъ увидѣлъ Пьера. Пьеръ съ ужасомъ слушалъ Сильвера. Итакъ, Фелиситэ была права: его семейство вездѣ ему вредило. Онъ всталъ у дверей, рѣшившись не выпускать Сильвера.

— Послушайте, сказалъ онъ; я глава семьи и запрещаю вамъ удаляться изъ дому. Дѣло идетъ о вашей чести и жизни. Завтра я доставлю вамъ возможность бѣжать за границу.

Сильверъ пожалъ плечами.

— Оставьте меня въ покоѣ, отвѣчалъ онъ; я не шпіонъ и не разскажу, гдѣ вы прячетесь, будьте покойны.

Ругонъ продолжалъ настаивать.

— Да развѣ я принадлежу вашей семьѣ, возразилъ ему Сильверъ, горячась; вы меня всегда отталкивали. Теперь страхъ привелъ васъ сюда, потому что вы чувствуете, что часъ суда насталъ. Я не прячусь; я исполняю свой долгъ.

Тогда Аделаида, слушая съ внутреннимъ восторгомъ Сильвера, положила руку на плечо сына.

— Отойди, Пьеръ, сказала она; дитя должно идти...

Молодой человѣкъ слегка оттолкнулъ Ругона и выбѣжалъ... Бѣгомъ воротился Сильверъ.

Инсургенты приготовлялись двинуться дальше. Міетта взяла

знамя и стала впереди съ Сильверомъ. Было около двухъ часовъ утра. Холодъ былъ сильный. Колонна сформировалась. Плѣнныхъ помѣстили въ серединѣ; къ нимъ присоединили еще Пейрота,—сборщика податей и другихъ чиновниковъ. Наконецъ они двинулись.

Вдали виднѣлась дорога, вся покрытая блѣднымъ блескомъ луны...

VII.

Въ полѣ, инсургенты возобновили свой героическій походъ. Дуновеніе эпоса, увлекавшее Міетту и Сильвера, равнодушно оставило за собой комедію Маккаровъ и Ругоновъ. Страшный гулъ народа по временамъ слышался сквозь болтовню желтой гостинной и діатрибы дяди Антуана. И вульгарный фарсъ, фарсъ безобразный, превращался въ великую драму исторіи.

Выйдя изъ Плессана, инсургенты направились къ Оршеру; они должны были быть въ этомъ городѣ около двѣнадцати часовъ дня. Дорога идетъ берегомъ рѣки Віорны. Налѣво разстилается равнина,—безконечный зеленый коверъ, на которомъ кое-гдѣ виднѣются черныя пятна деревень. Направо — отроги Альпъ, въ видѣ скалистыхъ обрывовъ. Дорога идетъ среди громадныхъ скалъ, изъ-за которыхъ на всякомъ шагу виднѣются долины. Нѣтъ ничего болѣе дикаго, болѣе грандіознаго, какъ эта дорога, высѣченная въ скалахъ.

Инсургенты, которые шли покоряясь ослѣпленію страсти, возбужденной парижскими событіями, еще болѣе воспламенялись зрѣлищемъ этой мѣстности, столь часто подвергавшейся переворотамъ. Опьяненные энтузіазмомъ, вѣря въ всеобщее, поголовное возстаніе, они думали, что вся Франція слѣдуетъ за ними; они воображали, что видятъ по той сторонѣ Віорны, въ этомъ морѣ полусвѣта и тѣней, безконечные ряды людей, спѣшившихъ, какъ и они, на защиту республики. Ихъ наивный умъ, напоминающій наивность и иллюзіи толпы, вѣрилъ, что побѣда близка и легка. Они бы не задумываясь разстрѣляли всякаго, кто бы имъ сказалъ въ эту минуту, что они одни исполняли свой долгъ, между тѣмъ, какъ остальная часть Франціи, подавленная безумнымъ терроромъ, позволила себя, безъ сопротивленія, заковать.

Къ утру, луна исчезла за скалами; инсургенты продолжали свой путь въ темнотѣ зимней ночи; они не различали больше ни скалъ, ни долинъ; они слышали только мѣрный набатъ ко-

локоловъ, звучавшихъ въ темнотѣ, и эти отчаянные призывы еще болѣе раздражали ихъ нервы.

Міетта и Сильверъ шли вмѣстѣ съ остальными. Къ утру, молодая дѣвушка была подавлена усталостью; она подвигалась маленькими, торопливыми шагами, не будучи въ состояніи идти также скоро, какъ шли остальные. Но она молчала; ей было непріятно сознаться, что у ней нѣтъ силы мужчины. Еще въ началѣ путешествія, она опиралась на руку Сильвера; потомъ, замѣтивъ, что знамя мало-по-малу выскользаетъ изъ ея рукъ, онъ хотѣлъ его взять, но она разсердилась и позволила ему только поддерживать знамя одной рукой. Такимъ образомъ, она сохраняла свое героическое положеніе съ настойчивостію и упорствомъ ребенка, улыбаясь молодому человѣку всякій разъ, когда тотъ бросалъ на нее взглядъ безконечной нѣжности. Но когда луна исчезла, она какъ-то опустилась. Сильверъ чувствовалъ, какъ она повисла на его рукѣ. Онъ долженъ былъ взять знамя и поддерживать ее за талію. Она все-таки не жаловалась...

— Ты устала, бѣдная Міетта? спросилъ ее Сильверъ.

— Да, устала, отвѣтила она глухимъ голосомъ.

— Хочешь отдохнуть?

Она не отвѣчала, но онъ замѣтилъ, что она шатается; тогда, передавъ своему товарищу знамя, онъ вышелъ изъ рядовъ, почти унося Міетту въ объятіяхъ. Она немного сопротивлялась; ей стыдно было, что она такая слабенькая дѣвочка, но Сильверъ успокоилъ ее, говоря, что знаетъ прямой путь, который на половину короче. Они могли отдохнуть хорошій часъ и потомъ придти въ Оршеръ въ тоже время, какъ и остальные.

Тогда было около шести часовъ утра. Легкій туманъ подымался надъ Віорной. Ночь казалась еще болѣе темной; молодые люди ощупью пробирались между скалъ; потомъ, на верхушкѣ одной скалы они сѣли. Вокругъ нихъ разверзалась страшная пропасть. И въ этой пустотѣ, когда шумъ удаляющейся толпы стихъ, они ясно слышали только два колокола: одинъ—звучный, находящійся по всей вѣроятности у ногъ ихъ, въ какой-нибудь деревнѣ, расположенной по дорогѣ, другой—отдаленный, подавленный, отвѣчавшій на лихорадочную жалобу перваго глухими рыданіями. Казалось, эти колокола, во всеобщей пустотѣ и безмолвіи, разсказывали трагическую кончину міра.

Міетта и Сильверъ молчали, слушая съ увеличивающейся тоской этотъ набатъ, раздающійся ночью.

— Ты не сердишься? спросила наконецъ молодая дѣвушка. Я почти цѣлую ночь не отставала отъ тебя, но они слишкомъ скоро бѣжали и подъ конецъ у меня захватывало духъ.

— За что же мнѣ на тебя сердиться?

— Не знаю. Я боюсь, что ты перестанешь меня любить. Ты подумаешь, что я ребенокъ... И она обняла Сильвера, нашептывая: — Холодно, согрѣемся.

Наступило молчаніе. До этой минуты, молодые люди любили другъ друга по-братски; но въ глубинѣ этой дѣтской любви съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе бушевала буря кипучей крови Міетты и Сильвера. Съ лѣтами и сознаніемъ, жгучая страсть, южное бѣшенство крови должны были выродиться изъ этой идилліи.

Они молчали, крѣпко держа въ объятіяхъ другъ друга. Наконецъ теплота распространилась сквозь одежду; они мало-по-малу стали чувствовать, какъ объятія жгли ихъ; они чувствовали, какъ грудь ихъ подымалась подъ вліяніемъ одного и того же ощущенія. Какое-то расслабленіе овладѣло ими; имъ было жарко. Какіе-то звуки бродили въ головѣ, какія-то мерцанія показывались закрытымъ глазамъ... Это болѣзненное состояніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ, казалось имъ безъ конца. И тогда, точно во снѣ, губы ихъ встрѣтились... Поцѣлуй былъ длиненъ, жгучъ, алченъ... но они страдали и отошли другъ отъ друга. Потомъ, когда холодъ ночи оледенилъ ихъ члены, имъ какъ-то стало совѣстно... Міетта, успокоившись нѣсколько, положила голову молча на плечо Сильвера; молодой человѣкъ наклонился и поцѣловалъ ее; она слушала эти поцѣлуи какъ-то медленно, стараясь понять значеніе и тайную прелесть... потомъ она уснула. Сильверъ покрылъ ее большимъ краснымъ одѣяломъ и самъ покрылся. Когда онъ увѣрился, что она дремлетъ, то обрадовался, что это обстоятельство позволитъ ему продолжать путь. Небо по прежнему было черно, едва-едва, на востокѣ, серебристая линія указывала на приближающійся день. Жалобы колоколовъ дѣлались все звучнѣе и звучнѣе, все тревожнѣе и тревожнѣе, убаюкивая сонъ Міетты, также какъ эти жалобы сопровождали и ея страстную лихорадку. Сильверъ перенесся мысленно въ прошлое...

Наконецъ показался день; Міетта проснулась и они сошли внизъ бѣгомъ; потомъ, внизу, они оглянулись наверхъ, какъ бы прощаясь со скалой, на которой плакали, сжигая себѣ губы поцѣлуями; но они молчали объ этой страстной ласкѣ, вложившей въ ихъ любовь новую потребность, еще несознаваемую, потребность, которую они не смѣли формулировать. Они шли весело; день становился все яснѣе и яснѣе. Молодой человѣкъ, бывавшій часто въ Оршерѣ, выбиралъ самыя прямыя дорожки. Такимъ образомъ, они сдѣлали нѣсколько верстъ посреди заборовъ и стѣнъ безъ конца. Вдругъ они очутились передъ самымъ Орше-

ромъ. Крики радости, шумъ толпы долетали до нихъ. Инсуррекціонная армія входила въ городъ.Міетта и Сильверъ вошли вмѣстѣ съ нею. Никогда еще имъ не приходилось быть свидѣтелями подобнаго энтузіазма. На улицахъ, точно въ праздничные дни, высыпала публика; ихъ встрѣчали съ восторгомъ, какъ освободителей. Мужчины обнимали ихъ, женщины подавали пищу; у дверей старцы плакали...

Этотъ братскій пріемъ жителей Оршера былъ послѣднею радостію инсургентовъ. Они провели день въ радужномъ довѣріи, въ безпредѣльной надеждѣ. Плѣнные, капитанъ Сикардо̀, гг. Гарсонэ, Пейротъ и другіе, которыхъ заперли въ одной изъ залъ меріи, выходящей окнами на площадь, смотрѣли въ ужасѣ на эти пляски, на этотъ энтузіазмъ.

— Какія канальи! бормоталъ Сикардо̀, облокотившись на окно. Эхъ, если бы теперь явился хоть одинъ батальонъ солдатъ; вотъ бы мы очистили городъ отъ этой сволочи!

Потомъ, замѣтивъ Міетту, онъ сказалъ, обращаясь къ Гарсонэ:

— Посмотрите-ка, господинъ меръ, на эту дѣвчонку въ красномъ. Это просто безстыдно; они притащили съ собой одно изъ своихъ погибшихъ созданій. Если это будетъ продолжаться, мы увидимъ хорошія вещи!

Гарсонэ качалъ головой, философствуя о «разсвирѣпѣвшихъ страстяхъ» и о «печальнѣйшихъ дняхъ нашей исторіи». Пейротъ, блѣдный какъ полотно, молчалъ; онъ разъ только открылъ ротъ, сказавъ:

— Ради Бога, тише; они насъ разстрѣляютъ.

Въ сущности же инсургенты обращались съ плѣнными самымъ мягкимъ образомъ. Вечеромъ плѣнные получили даже прекрасный обѣдъ. Но для этихъ трусовъ, въ родѣ сборщика податей, такія нѣжности были ужасны: по его мнѣнію, если инсургенты кормятъ ихъ такъ хорошо, то затѣмъ только, чтобы они были жирны и нѣжны, когда инсургенты примутся ихъ ѣсть.

Въ сумерки Сильверъ встрѣтилъ Паскаля. Ученый послѣдовалъ за шайкой, болтая съ работниками, которые обожали его. Сперва онъ пробовалъ отговорить ихъ отъ борьбы; потомъ сказалъ:

— Ну, чтожъ, можетъ быть вы и правы, братцы. Деритесь; я тутъ, чтобы чинить вамъ руки и ноги.

Выслушавъ восторженныя рѣчи Сильвера, Паскаль пробормоталъ:

— Истерика или энтузіазмъ; во всякомъ случаѣ, это дѣло нервовъ; потомъ прибавилъ:

— Семья полна. У нея будетъ герой.

Ночь была безпокойная; точно вѣтеръ несчастія подулъ на

инсургентовъ. Восторгъ, вѣра — исчезли какъ дымъ. На утро, лица были мрачны; въ глазахъ читался упадокъ духа. Въ толпѣ стали ходить зловѣщіе слухи; говорили, что Парижъ побѣжденъ, что провинція не двигается; слухи прибавляли, что значительный отрядъ войска, вышедшій изъ Марсели подъ начальствомъ полковника Массона, быстро приближался для подавленія возстанія. Это было ужасное пробужденіе; люди, которыхъ еще наканунѣ жгла лихорадка патріотизма, почувствовали теперь дрожь отъ холода, въ которомъ находилась Франція. Они мечтали о великой войнѣ, о возстаніи всего народа, о побѣдѣ права, — и вдругъ они — одни!...

Инсургенты провели еще два дня въ Оршерѣ,—вторникъ и середу,—теряя время, ухудшая свое положеніе. Главнокомандующій,—бывшій солдатъ,—колебался, не зналъ, что̀ дѣлать, боялся отвѣтственности. Наконецъ, въ четвергъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно положеніе Оршера слишкомъ опасно. Къ часу онъ приказалъ инсургентамъ выдти и отступить на возвышенность святого Рура. Это была прекрасная позиція для того, кто съумѣлъ бы ею воспользоваться. Плѣнные или заложники были помѣщены въ ближайшей гостинницѣ, подъ стражей. Ночь прошла въ безпокойствѣ; въ толпѣ появились слухи объ измѣнѣ. Утромъ, главнокомандующій, не принявъ никакихъ предосторожностей, вздумалъ дѣлать смотръ, какъ вдругъ раздался крикъ:

— Солдаты! солдаты!

Впечатлѣніе было ужасно; и когда правильная, сухая линія войска съ блескомъ штыковъ показалась изъ-за оливковыхъ деревьевъ,—въ толпѣ произошло движеніе назадъ, замѣшательство; нѣчто въ родѣ паники пробѣжало съ одного конца возвышенности на другой.

Но мало-по-малу порядокъ водворился; нужно было приготовиться къ борьбѣ. Инсургенты городовъ и деревень формировались подъ вязомъ, образуя громадную, неправильную массу, сгруппированную внѣ всѣхъ правилъ стратегіи; инсургенты Плессана очутились въ серединѣ этого героическаго батальона. Въ этомъ сѣромъ тонѣ блузъ, въ бѣловатомъ блескѣ ружей, покрывало Міетты, державшей обѣими руками знамя, образовывало красное пятно,—пятно раны, свѣжей, исходящей кровью.

Вдругъ наступила тишина. Въ одномъ изъ оконъ гостинницы показалась блѣдная физіономія Пейрота. Онъ говорилъ, жестикулировалъ.

— Уходите, закройте ставни, кричали ему инсургенты; васъ убьютъ.

Ставни быстро закрылись...

Войско исчезло; оно спряталось за пригоркомъ и вскорѣ инсургенты замѣтили, со стороны равнины, на поверхности земли, кончики штыковъ, которые приближались, увеличивались, блестѣли на восходящемъ солнцѣ. Сильверу въ эту минуту показалось, что онъ замѣтилъ лицо жандарма, котораго кровь запятнала его руки. Онъ зналъ изъ разсказовъ товарищей, что Рангадъ не былъ убитъ, что онъ лишился только глаза, и Сильверъ ясно видѣлъ его съ его окровавленнымъ глазомъ. Онъ крѣпко сжалъ въ рукахъ свое ружье, съ глазами, передъ которыми стоялъ туманъ, сжигаемый нетерпѣніемъ стрѣлять, изгнать изъ мысли лицо жандарма. Штыки приближались...

Когда головы солдатъ показались у самой возвышенности, Сильверъ инстинктивно посмотрѣлъ на Міетту. Она стояла тутъ же, стройная, съ розовымъ лицомъ, въ складкахъ краснаго знамени. Она приподнялась на кончикахъ пальцевъ, чтобы лучше разглядѣть солдатъ. Отъ нервнаго напряженія, ноздри ея быстро двигались. Сильверъ улыбнулся ей. Онъ не успѣлъ повернуть голову, какъ раздался ружейный залпъ. Ему показалось,—точно вѣтеръ подулъ надъ его головой, между тѣмъ какъ дождь листьевъ, срѣзанныхъ пулями, падалъ съ вязовыхъ деревьевъ. Сухой звукъ, похожій на звукъ ломающейся сухой вѣтви, заставилъ его оглянуться направо; онъ увидѣлъ растянувшагося на землѣ громадныхъ размѣровъ дровосѣка, съ крошечнымъ чернымъ отверстіемъ на лбу. Тогда онъ выстрѣлилъ изъ ружья, не цѣлясь; снова зарядилъ и снова выстрѣлилъ, какъ безумный, какъ звѣрь, который не сознаетъ того, что дѣлаетъ, который торопится убивать. Онъ даже не видѣлъ солдатъ; дымъ плавалъ надъ вязами, похожій на куски сѣраго муслина. Листья продолжали падать на инсургентовъ, — солдаты цѣлили слишкомъ высоко. Отъ времени до времени, въ шумѣ стрѣльбы, Сильверъ слышалъ вздохъ, глухой стонъ... Огонь продолжался минутъ десять.

Вдругъ кто-то закричалъ: «бѣги!» съ выраженіемъ ужаса и бѣшенства. Въ толпѣ раздался ропотъ: «подлецы, трусы!» — Потомъ послышались другія фразы: главнокомандующій убѣжалъ, кавалерія рубила тиральеровъ. Выстрѣлы не переставали, они являлись неправильно, пронизывая дымъ огненными молніями. Кто-то говорилъ, что нужно умереть. Но голосъ, проникнутый страхомъ, голосъ ужаса и отчаянія, кричалъ все сильнѣе и сильнѣе: «бѣги! бѣги!» Люди начали бѣжать, кидая оружіе, перескакивая черезъ мертвыхъ. Другіе сомкнули ряды. Осталось десять инсургентовъ. Изъ нихъ еще двое убѣжали, а изъ восьми остальныхъ— трое были убиты однимъ залпомъ.

Двое дѣтей стояли машинально, ничего не понимая. По мѣрѣ

того, какъ батальонъ уменьшался, Міетта все выше и выше приподнимала знамя; она держала его прямо, какъ громадную восковую свѣчу, сжатыми кулаками. Оно было усѣяно пулями. Когда у Сильвера вышли всѣ заряды, онъ остановился, глядя безсмысленно на ружье. Тогда передъ его глазами прошла точно тѣнь, точно колоссальная птица коснулась его лба своимъ крыломъ. Приподнявъ глаза, онъ увидѣлъ, какъ знамя выпадало изъ рукъ Міетты. Бѣдный ребенокъ, съ руками сжатыми на груди, съ откинутой головой, съ выраженіемъ на лицѣ невыносимыхъ страданій, медленно вертѣлся вокругъ себя. Міетта не издала ни одного крика; молча, она опустилась на красное знамя.

— Встань, встань скорѣй, сказалъ Сильверъ, протягивая ей руку, совсѣмъ растерявшись.

Но она лежала не двигаясь, съ открытыми глазами, не говоря ни слова. Онъ понялъ и бросился на колѣни.

— Ты ранена? да? куда ты ранена?

Она продолжала молчать; ей было душно; онъ взялъ ее за руку.

— Здѣсь, да? не правда ли?

Сильверъ разорвалъ корсажъ, открылъ грудь, искалъ, но ничего не видѣлъ. Глаза его наполнялись слезами; потомъ, подъ лѣвою грудью, онъ замѣтилъ маленькое розовое отверстіе: только одна капля крови показалась изъ раны.

— Это ничего, бормоталъ онъ, я отправлюсь за докторомъ Паскалемъ; онъ вылечитъ тебя. Если бы ты могла встать...

Солдаты перестали стрѣлять; они бросились налѣво. Посреди пустой возвышенности находился только Сильверъ на колѣняхъ передъ тѣломъ Міетты. Съ упорствомъ отчаянія онъ обнималъ ее, хотѣлъ поставить на ноги. Онъ молилъ ее:

— Скажи мнѣ что-нибудь, прошу тебя. Отчего ты мнѣ ничего не скажешь?

Но она не могла; она замахала руками, какъ бы желая сказать, что она невиновата; волоса ея были растрепаны, голова завернута въ красное знамя; у ней оставались только глаза, — глаза черные, страшно блестѣвшіе посреди блѣднаго лица. Сильверъ рыдалъ и приникъ къ ея губамъ. Эти поцѣлуи были послѣднею радостію Міетты. Они любили другъ друга и ихъ идиллія разрѣшалась смертію.

Но онъ не вѣрилъ, что она умираетъ... Стрѣльба снова возобновилась; слышался топотъ кавалеріи, по временамъ подымались крики людей, которыхъ рѣжутъ. Но Сильверъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ. Паскаль, который бѣгомъ спускался по равнинѣ, замѣтилъ его на землѣ, и приблизился, думая, что

онъ раненъ. Какъ только молодой человѣкъ замѣтилъ его, онъ бросился къ нему, указывая на Міетту:

— Посмотрите, она ранена въ грудь... Какъ вы добры, что пришли; вы ее спасете.

Въ эту минуту умирающая сдѣлала едва замѣтное движеніе. Страданіе проскользнуло по ея лицу, а изъ сжатыхъ губъ вырвалось легкое движеніе. Ея глаза, страшно открытые, остановились на Сильверѣ.

Паскаль наклонился, потомъ всталъ и сказалъ почти шопотомъ:

— Она умерла.

— Умерла! какъ умерла! это слово покачнуло Сильвера; онъ сталъ снова на колѣни и упалъ, точно опрокинутый легкимъ вздохомъ Міетты.

— Умерла! не можетъ быть, вы видите, что она смотритъ на меня...

Кавалерія продолжала рубить бѣгущихъ; топотъ лошадей, стоны умирающихъ удалялись, ослабѣвали. Паскаль приподнялъ брошенное Сильверомъ ружье. Едва-лишь онъ вошелъ въ гостинницу, куда переносили раненыхъ, какъ толпа инсургентовъ, преслѣдуемая солдатами, появилась на возвышенности. Главнокомандующій бѣжалъ; это были послѣдніе остатки, которыхъ преслѣдовали. Тутъ произошла страшная рѣзня. Полковникъ Массонъ и префектъ Блеріо напрасно приказывали отступить; разъяренные солдаты продолжали стрѣлять въ бѣжавшихъ. Когда враговъ не стало, они стали стрѣлять на гостинницу. Ставни съ трескомъ падали; изъ внутри голоса кричали: «плѣнные! плѣнные»! Но солдаты ничего не слушали и продолжали стрѣлять. Показался Сикардо̀, хотѣлъ говорить; рядомъ съ нимъ выдвинулось испуганное лицо Пейрота. Пейротъ, при слѣдующемъ залпѣ, упалъ на землю, носомъ впередъ, какъ грузная масса.

Сильверъ и Міетта продолжали глядѣть другъ на друга. Сильверъ наклонялся надъ умершей, среди выстрѣловъ и стоновъ агоніи, не повертывая даже головы. Онъ только чувствовалъ, что вокругъ нихъ люди: онъ покрылъ концомъ краснаго знамени Міетту.

Но борьба кончилась; убійство Пейрота насытило солдатъ. Одинъ жандармъ, замѣтивъ подъ деревьями Сильвера, прибѣжалъ, и видя, что имѣетъ дѣло съ ребенкомъ, спросилъ его грубо:

— Ты что тутъ дѣлаешь, мальчуганъ?

Сильверъ не отвѣчалъ.

— А, разбойникъ! у него руки почернѣли отъ пороху. Вста-

вай, мерзавецъ, можешь успокоиться: съ тобой скоро порѣшатъ.

Сильверъ продолжалъ улыбаться, не двигаясь. Жандармъ замѣтилъ трупъ.

— Красавица дѣвчонка, жаль! пробормоталъ онъ. Любовница, что ли твоя, а? дрянь... Потомъ прибавилъ: — Ну, маршъ, сволочь. Теперь, когда она умерла, не спать же тебѣ съ нею.

Онъ грубо приподнялъ Сильвера, поставилъ на ноги и повелъ, какъ собаку. Сильверъ продолжалъ глядѣть на Міетту. Она лежала покрытая краснымъ знаменемъ, съ головой, слегка опрокинутой, съ большими черными глазами, смотрѣвшими вдаль...

VIII.

Но возвратимся къ грязной комедіи Ругоновъ.

Къ пяти часамъ утра, Ругонъ рѣшился наконецъ уйти отъ своей матери. Городъ былъ совершенно пустъ, — ни души не видать. Пьеръ остановился въ центрѣ города и съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ. Итакъ, республиканцы оставляютъ ему Плессанъ! Городъ принадлежитъ ему въ эту минуту! Этотъ городъ, какъ скотъ, спитъ, лежа у ногъ Ругона, — мрачный и покойный, и ему стоитъ только протянуть руку, чтобы взять его...

Этотъ минутный отдыхъ, этотъ взглядъ властителя, брошенный на мирный сонъ цѣлой подпрефектуры, вызвалъ въ немъ нелицемѣрное наслажденіе. Онъ остановился, скрестивъ руки на груди, какъ Наполеонъ наканунѣ побѣды. Вдали слышался мѣрный шумъ фонтана, котораго струи звучно падали на мраморный бассейнъ. Но черезъ минуту имъ овладѣло безпокойство. Что, если, чортъ побери, имперія была основана въ то время, какъ онъ скрывался у своей матери? Что, если Сикардо, Гарсонэ и Пейротъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ плѣнъ къ республиканцамъ, захватили шайку и упрятали ее всю въ тюрьму? Холодный потъ выступилъ у него на лбу отъ этой мысли. Онъ быстро зашагалъ впередъ, надѣясь, что Фелиситэ разскажетъ ему всѣ событія ночи. Одно окно желтой гостинной было сильно освѣщено, и онъ увидѣлъ, какъ при освѣщеніи комнаты черная форма его жены наклонилась изъ окна и отчаянно замахала руками. Онъ не понималъ... какъ вдругъ что-то упало на тротуаръ, гдѣ онъ стоялъ. Фелиситэ бросила ему ключъ сарая, гдѣ было спрятано, на всякій случай, оружіе. Естественно, этотъ ключъ означалъ, что надо взяться за оружіе. Онъ возвратился вспять, не понимая, почему жена не хотѣла его впустить и воображая ужасныя вещи.

Онъ прямо отправился къ Рудье, котораго засталъ на ногахъ, но въ полной неизвѣстности того, что̀ произошло. Пьеръ предложилъ отправиться къ Грану. Грану сидѣлъ въ спальнѣ, безъ огня; онъ ни за что въ мірѣ не хотѣлъ, чтобы горничная принесла свѣчи, боясь, что освѣщеніе возбудитъ подозрительность бунтовщиковъ. Онъ былъ убѣжденъ, что городъ наполненъ инсургентами. Развалившись въ креслѣ у окна, въ нижнемъ бѣльѣ, съ головой, обернутой въ фуляръ, Грану говорилъ:

— Ну, друзья, еслибы вы знали... Я пробовалъ лечь, но эти мерзавцы производили такой адскій шумъ, что страсть! Тогда я бросился на это кресло. Я все видѣлъ, все,—ужасныя физіономіи, шайку каторжныхъ. Но они ушли, увлекши съ собой Сикардо́, Гарсонэ, директора почты....

Ругонъ внутренно радовался; Рудье успокоилъ Грану, увѣривъ его, что городъ очищенъ отъ каторжниковъ, и почтенный чиновникъ искренно обрадовался, когда Ругонъ объявилъ, что явился спасти Плессанъ. Трое спасителей стали совѣщаться; они рѣшили немедленно созвать въ сарай своихъ друзей. Грану,—безспорно первенствовавшій глупостію,—замѣтилъ, что въ городѣ должны же были остаться какіе-нибудь республиканцы. Всѣ поражены были истинностію этихъ словъ. Ругонъ подумалъ про себя:

— Тутъ безъ Маккара не обойдется дѣло.

Черезъ часъ всѣ они съ друзьями находились въ сараѣ. Сдѣлавъ счетъ своимъ силамъ, реакціонная шайка пришла въ нѣкоторое смущеніе: ихъ оказалось всего человѣкъ сорокъ, а между тѣмъ, они должны были дать сраженіе! Какой-то отецъ семейства слезливо сталъ говорить о своихъ дѣтяхъ. Но явилось еще двое человѣкъ; эти господа знали, что въ ратушѣ осталось не болѣе двадцати человѣкъ республиканцевъ.

Послѣ долгихъ преній было рѣшено, что сорокъ одинъ человѣкъ, при значительныхъ усиліяхъ, могутъ справиться съ двадцатью. Роздано было оружіе, и заговорщики вышли въ походъ. Явившись на площадь Ратуши, они сгруппировались вокругъ Ругона. Передъ ними, на черномъ фасадѣ меріи, было освѣщено одно только окно. Было почти семь часовъ, и скоро должно было свѣтать. Послѣ десяти-минутныхъ совѣщаній, заговорщики рѣшились приблизиться къ воротамъ и постараться узнать, что̀ означаетъ этотъ свѣтъ. Ворота были полуоткрыты; одинъ изъ заговорщиковъ, высунувъ голову и сейчасъ же ее спрятавъ, объявилъ, что подъ воротами сидитъ спящій человѣкъ, съ ружьемъ, лежащимъ у ногъ его. Ругонъ, смекнувъ, что можетъ дебютировать геройскимъ подвигомъ, вошелъ первый и схватилъ лежа-

щаго человѣка, въ то время какъ Рудье вязалъ его. Этотъ первый успѣхъ сильно ободрилъ заговорщиковъ, которые думали, что безъ ужасной свалки дѣло не обойдется. Они осторожно продолжали подвигаться. Далѣе, они замѣтили человѣкъ пятнадцать, мирно спящихъ на полу большой залы. Ругонъ, который рѣшительно превращался въ геніальнаго полководца, оставилъ половину своихъ солдатъ, съ приказомъ сторожить спящихъ, не будить ихъ, а въ случаѣ чего, объявить ихъ плѣнными. Его безпокоилъ свѣтъ окна: онъ подозрѣвалъ тутъ Маккара. Вмѣстѣ съ остатками арміи, онъ тихо поднялся по лѣстницѣ... Дѣйствительно, Маккаръ расположился на креслѣ въ кабинетѣ мера. По уходѣ инсургентовъ, весь погруженный въ созерцаніе своей побѣды, онъ говорилъ себѣ, что Плессанъ принадлежитъ ему и что онъ по-своему распорядится имъ. Для него эти три тысячи человѣкъ, которые прошли черезъ городъ, были непобѣдимой арміей, и ея сосѣдство совершенно казалось ему достаточнымъ, чтобы держать буржуазію на приличной дистанціи. Инсургенты заперли жандармовъ въ казармѣ, національная гвардія была разсѣяна, аристократическій кварталъ умиралъ со страху, рантьеры не умѣли справляться съ ружьями. Маккаръ забылъ только приказать запереть ворота, и въ то время, какъ его солдаты, болѣе довѣрчивые чѣмъ онъ, мирно спали, онъ спокойно ждалъ дня, чтобы сгруппировать вокругъ себя всѣхъ республиканцевъ города. Онъ уже мечталъ о рѣшительныхъ, революціонныхъ мѣрахъ, о назначеніи коммуны, которой главой будетъ онъ, о заключеніи ненадежныхъ патріотовъ и въ особенности лицъ, которыя ему не нравятся. Тутъ онъ съ особеннымъ наслажденіемъ останавливался на Ругонѣ. Въ ожиданіи, онъ рѣшился адрессовать жителямъ Плессана прокламацію. Онъ исчерпалъ весь свой умъ на редакцію этой прокламаціи. Когда она была готова, Маккаръ, сѣвъ торжественно на кресло мера, приказалъ себѣ читать ее, прежде чѣмъ отправить въ типографію газеты «Indépendant», на цинизмъ которой разсчитывалъ. Чтеніе началось: «Жители Плессана! Часъ независимости пробилъ, царство справедливости наступило...» Вдругъ послышался шумъ, и дверь медленно отворилась. Вошла толпа вооруженныхъ людей, среди которыхъ красовался Ругонъ, красный какъ ракъ, съ глазами, налившимися кровью.

— А, мерзавцы! они съ оружіемъ! прорычалъ Маккаръ... Его схватили; четыре редактора прокламаціи вздумали-было защищаться. Нападающіе не знали, что̀ дѣлать съ ружьями, которыми запаслись и которыхъ не хотѣли бросить. Въ схваткѣ, ружье Ругона, которое хотѣлъ выхватить у него одинъ изъ ре-

дакторовъ, само выстрѣлило, наполнивъ дымомъ кабинетъ; пуля разбила прекрасное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ. Этотъ выстрѣлъ положилъ конецъ сраженію. Вскорѣ снизу послышались три выстрѣла. Грану подбѣжалъ къ окну, но Рудье снизу закричалъ, что все благополучно. Дѣло было въ томъ, что выстрѣлъ ружья Ругона разбудилъ спящихъ; они покорились, видя, что сопротивляться невозможно; въ испугѣ, трое изъ стражи Рудье, не зная чтò дѣлаютъ, выстрѣлили на воздухъ. Бываютъ минуты, когда ружья сами стрѣляютъ въ рукахъ трусовъ... Ругонъ приказалъ связать Маккара, который въ бѣшенствѣ бормоталъ:

— Продолжайте, други любезные, продолжайте... Сегодня вечеромъ, или завтра, когда придутъ республиканцы, мы съ вами посчитаемся.

Этотъ намекъ на возвращеніе республиканцевъ вызвалъ холодный потъ на лбу побѣдителей; въ особенности Ругонъ чувствовалъ себя скверно.

— А забавныя вещи я знаю, продолжалъ Маккаръ. Отошлите-ка меня въ судъ, тамъ я поразскажу кое-что...

Ругонъ блѣднѣлъ и краснѣлъ; онъ страшно боялся, чтобы Маккаръ не говорилъ и не уронилъ его въ мнѣніи лицъ, которыя помогали ему спасать Плессанъ. Ругонъ рѣшился на героическое средство:

— Мы оставимъ здѣсь этого пріятеля, сказалъ онъ. Успокоившись, онъ можетъ быть и дастъ намъ кое-какія свѣдѣнія. Потомъ прибавилъ:

— Я исполню свой долгъ, господа. Я поклялся спасти городъ отъ анархіи и спасу его, даже въ томъ случаѣ, если мнѣ придется пожертвовать ближайшимъ родственникомъ.

Спасители продолжали дѣйствовать. Необходима была прокламація; для этой цѣли воспользовались уже готовой прокламаціей Маккара, измѣнивъ въ ней нѣсколько словъ. Сдѣлавъ это, Ругонъ сказалъ:

— Теперь мы отправимся ко мнѣ; въ это время, Грану соберетъ здѣсь муниципальный совѣтъ и разскажетъ ему трагическія событія нынѣшней ночи.

Онъ прибавилъ:

— Я готовъ принять на себя отвѣтственность за мои дѣйствія. Если то, что я совершилъ, достаточно говоритъ о моей любви къ порядку, то я согласенъ стать во главѣ муниципальнаго совѣта до возстановленія правильной власти. Но для того, чтобы меня не обвиняли въ честолюбіи, я войду въ мерію только по приглашенію моихъ согражданъ.

Грану и Рудье протестовали: Плессанъ не будетъ неблаго-

даренъ; ихъ другъ вѣдь спасъ городъ... День уже показался, когда они вышли. Часовой, поставленный Маккаромъ на лѣстницѣ дома Ругона, находился тутъ.

— Вы меня ждали, не правда ли? спросилъ его Пьеръ. Ну, такъ ступайте сказать г. Маккару, что я возвратился. Онъ въ меріи.

Часовой, не понимая хорошенько, ушелъ. Фелиситэ не спала.

— Ну, что? спрашивала она.

— Дѣло сдѣлано: мы будемъ сборщикомъ податей, отвѣчалъ Пьеръ, запыхавшись. Онъ разсказалъ всѣ событія... Между супругами шелъ самый оживленный и интимный разговоръ, когда вошелъ Рудье, потомъ Грану.

— Мой другъ, сказалъ Грану, подходя торжественно къ Ругону,—я вамъ приношу мольбы муниципальнаго совѣта, который проситъ васъ стоять во главѣ его до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ нашего мера. Вы спасли Плессанъ; въ тревожную эпоху, переживаемую нами, необходимы люди вашего ума и энергіи...

Начались поздравленія, пожатія рукъ, какъ вдругъ Фелиситэ спросила:

— А гдѣ Вюилэ?

Спасители поглядѣли другъ на друга въ недоумѣніи: никто не видалъ Вюилэ, но черезъ минуту онъ самъ явился. Вюилэ низко кланялся, уклончиво улыбаясь. Онъ самъ обдѣлалъ свои дѣлишки, безъ помощи другихъ; изъ подвала, куда спрятался, онъ видѣлъ какъ инсургенты взяли въ плѣнъ директора почты. Въ то время, когда Ругонъ справлялся въ меріи, Вюилэ вздумалъ сдѣлаться директоромъ почты, находя это для себя полезнымъ. Онъ былъ знакомъ съ чиновниками; когда они явились, Вюилэ прямо объявилъ имъ, что такъ какъ ихъ начальникъ взятъ въ плѣнъ, то онъ, Вюилэ, и беретъ на себя управленіе почтою до возвращенія директора. Потомъ онъ занялся пересмотромъ приходящей почты, распечатывая нѣкоторыя письма и прочитывая ихъ; по лицу видно было, что онъ остался доволенъ извѣстіями. Потомъ онъ отправился къ Ругону, который, ничего не подозрѣвая, уполномочилъ его заступить мѣсто директора.

Послѣ дѣловыхъ переговоровъ, начались разсказы. Ругонъ повѣствовалъ:

— Тогда, одинъ изъ бунтовщиковъ бросается на меня. Я устраняю кресло г. мера и схватываю его за грудь. Но ружье мѣшало мнѣ, а между тѣмъ, я не хотѣлъ оставить его. Я его держалъ вотъ такъ, въ лѣвой рукѣ, какъ вдругъ выстрѣлъ...

Всѣ слушатели дрожали отъ страха.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло происходило вовсе не такъ, позвольте вамъ замѣтить, вмѣшался Грану. Вы не видали, сражаясь какъ левъ. Но я, который помогалъ связывать одного изъ бунтовщиковъ, я видѣлъ. Человѣкъ, котораго вы схватили, хотѣлъ васъ убить; это онъ выстрѣлилъ, я собственными глазами видѣлъ...

— Вы думаете? спросилъ, блѣднѣя, Ругонъ.

— Еще бы...

Волненіе достигло высшихъ размѣровъ; слушатели обнаруживали величайшее уваженіе къ герою. Фелиситэ, для полноты картины, сочла нужнымъ броситься въ объятія мужа; Ругонъ, освободившись, продолжалъ:

— Итакъ, — выстрѣлъ; я чувствовалъ, какъ пуля просвистѣла у моихъ ушей и разбила зеркало...

Послѣ разсказовъ, Ругонъ и два его адъютанта отправились въ мерію, поручивъ Вюилэ громовую статью по поводу событій. Часовъ въ десять явился Аристидъ къ матери. Съ самаго начала волненій въ Плессанѣ Аристидъ находился въ страшномъ замѣшательствѣ: онъ не зналъ, что̀ дѣлать, къ какой сторонѣ пристать. Онъ видѣлъ, что дѣло клонится къ развязкѣ, но кто возьметъ верхъ?—Вотъ вопросъ. Не желая попасть туда, куда не слѣдуетъ, Аристидъ предпочелъ сдѣлаться больнымъ: онъ сталъ носить правую руку на повязкѣ, сообщая всѣмъ, что ранилъ себя, и что поэтому не можетъ писать статей.

Аристиду было очень неловко при появленіи у матери; болѣе четырехъ лѣтъ его нога не была у родителей; рука продолжала лежать въ повязкѣ.

— Твоя рука не зажила еще? спросила его иронически Фелиситэ.

Онъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ съ замѣшательствомъ:

— Теперь нѣсколько лучше.

Онъ замолчалъ, не зная что́ сказать. Фелиситэ выручила его.

— Слышалъ ты о геройскихъ поступкахъ твоего отца?

Онъ отвѣчалъ, что въ городѣ только объ этомъ и говорятъ; мало-по-малу онъ оправился и возвратилъ насмѣшку своей матери, прибавивъ:

— Я пришелъ узнать, не раненъ ли батюшка.

— Пожалуйста не хитри, отвѣчала прямо Фелиситэ. На твоемъ мѣстѣ, я бы дѣйствовала прямо. Сознайся, что ты попалъ въ просакъ, входя въ союзъ съ республиканцами. Теперь ты не прочь бросить ихъ и примкнуть къ намъ. Что же? пожалуй... мы не враги тебѣ...

Аристидъ, больше для красоты слога, протестовалъ: республика, говорилъ онъ,—великая идея. Къ тому же дѣло еще не сдѣлано, почемъ знать ктó побѣдитъ въ концѣ концовъ?

— Не ври глупостей, въ которыя ты самъ не вѣришь, отвѣчала мать. Ты думаешь, что отецъ тебя дурно приметъ? Не бойся, я улажу все. А теперь, ты вотъ чтò сдѣлай: отправляйся сейчасъ же и напиши для завтрашняго нумера статью въ пользу переворота. Этакъ будетъ лучше. Потомъ приходи. Да сними, пожалуйста, повязку,—это смѣшно.

Аристидъ повиновался и ушелъ.

IX.

Въ городѣ, однакожъ, стали распространяться скверные слухи. Когда Ругонъ вышелъ изъ засѣданія муниципальнаго совѣта, городъ показался ему измѣненнымъ. Къ вечеру тѣни какъ-то таинственно скользили по тротуарамъ; пустота и безмолвіе царили, и на дома, казалось, вмѣстѣ съ сумерками, спустился страхъ. Болтливая довѣрчивость дня, естественно, закончилась этимъ безпричиннымъ страхомъ, этимъ невольнымъ ужасомъ. Утолившись торжествомъ, жители до такой степени нравственно устали, что имъ оставалось силъ только на то, чтобы соображать шансы ужасныхъ возмездій со стороны инсургентовъ. Въ городѣ говорили, что дѣло далеко не кончено, что власти ожидаютъ возвращенія инсургентовъ, что городскія силы ничтожны, что городъ защищаться не можетъ, что обѣщанный военный отрядъ и не думаетъ являться на помощь... Ругонъ сознавался, что городъ не особенно защищенъ. Разстроенный и нравственно убитый, онъ вернулся домой. Фелиситэ, прежде полная довѣрія, вспылила при унынiи мужа.

— Дуракъ ты, вотъ что, сказала она; тѣмъ лучше, если префектъ забываетъ насъ. Мы сами спасемъ городъ. Я бы хотѣла, чтобы бунтовщики возвратились, мы бы ихъ встрѣтили выстрѣлами... Послушай: распорядись, чтобы городскія ворота были заперты, потомъ—не смѣй ложиться спать. Бѣгай, хлопочи, распоряжайся цѣлую ночь. Потомъ все это будетъ тебѣ засчитано.

Пьеръ нѣсколько пріободрился. Но члены временного совѣта вторично принесли съ собой городскую панику; всѣ объявили, что разсчитывали на военный отрядъ, который не явился; всѣ негодовали, говоря, что на произволъ судьбы нельзя же оставлять цѣлый городъ. Пьеръ, чтобы покончить съ этими воплями, обѣщалъ вытребовать военный отрядъ, самъ не зная, какъ

это сдѣлать. Потомъ торжественно объявилъ, что прикажетъ запереть городскія ворота. Распоряженія были сдѣланы, и всѣ успокоились. Въ одиннадцать часовъ половина членовъ временного совѣта дремала около кресла Гарсонэ. Большая лампа, стоящая на столѣ, освѣщала это зрѣлище. Ругонъ, который, казалось, тоже дремалъ, всталъ и послалъ за Вюилэ. Онъ вспомнилъ, что не читалъ еще *газеты*.

Вюилэ явился въ скверномъ расположеніи духа, съ гримасой на лицѣ.

— Ну, что? сказалъ Ругонъ, отводя его въ сторону; чтожъ статья, обѣщанная вами?

— Вы за этимъ только меня пригласили? отвѣчалъ Вюилэ съ неудовольствіемъ. Газета сегодня не появилась; я не желаю, чтобы меня убили завтра, если инсургенты возвратятся.

Ругону стало неловко, онъ постарался разувѣрить Вюилэ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Вюилэ, но пока—самое лучшее дѣло позаботиться о собственной головѣ.

Спасителямъ не суждено было спать эту ночь. Извѣстія, приходившія поминутно въ мерію, были самаго мрачнаго свойства. Ругонъ невыносимо страдалъ, волоса Грану совсѣмъ побѣлѣли. Къ двумъ часамъ дня, по всему городу стали ходить слухи, что въ Парижѣ coup d'état неудался, что принцъ-президентъ заключенъ въ Венсенскую крѣпость. Парижъ находился въ рукахъ красной демагогіи, Марсель, Тулонъ, весь югъ принадлежали красной партіи. Къ вечеру, инсургенты должны были явиться и вырѣзать весь Плессанъ. Паническій страхъ царствовалъ въ меріи, нѣкоторые члены временного совѣта неизвѣстно куда исчезли. Ругонъ и Грану поняли, что положеніе становилось невыносимымъ. Пьеръ пришелъ домой уничтоженный и униженный. Онъ чувствовалъ, что Плессанъ противъ него. Фелиситэ также опустилась, она начала терять надежду: ея планы и на этотъ разъ разлетались въ пухъ и прахъ; если на утро положеніе не измѣнится,—дѣло положительно проигранное. Фелиситэ, которая вчера еще думала о поляхъ Аустерлица, глядя на развалины желтой гостинной,—теперь вспоминала проклятый день Ватерлоо. Стоя у окна, она слышала, какъ толпа ругалась и бранила Ругоновъ; въ ихъ подвиги никто не вѣрилъ; говорили, что все это ложь... Издали Фелиситэ замѣтила Аристида; онъ снова надѣлъ повязку.

— Дѣло скверное, подумала Фелиситэ.

Дѣйствительно, Аристидъ опять надѣлъ повязку; имперія блекла, но и республика не торжествовала; нужно было выжидать, не выдавать себя, что̀ и дѣлалъ Аристидъ.

— Даже Эженъ ничего не пишетъ, сказала она въ отчаяніи. И въ самомъ дѣлѣ, отчего Эженъ не писалъ? Простое благоразуміе требовало увѣдомить ихъ объ исходѣ переворота. Но если онъ молчалъ, значитъ арестованъ?—Эта мысль навела ужасъ на Фелиситэ: молчаніе сына уничтожало ея послѣднія надежды. Въ эту минуту принесли нумеръ *газеты*.

— Какъ, Вюилэ выпустилъ газету?

Онъ развернулъ нумеръ и быстро прочиталъ статью. Статья дышала негодованіемъ противъ бунтовщиковъ. Вюилэ начиналъ съ разсказа событій, украшая по временамъ описаніе афоризмами въ родѣ слѣдующаго: «республика всегда валяется между развратомъ и убійствомъ...» Эта статья окончательно уничтожила Ругоновъ.

— Несчастный! онъ наноситъ намъ послѣдній ударъ: подумаютъ, что статья написана по моему совѣту.

«Что все это значило? думала Фелиситэ. Должна же была быть какая-нибудь причина; Вюилэ не такой человѣкъ, чтобы дѣйствовать на-обумъ».

— Это просто мерзавецъ, замѣтилъ Ругонъ. Можетъ быть онъ хочетъ намъ повредить. Я напрасно оставилъ ему администрацію почты.

Послѣднія слова поразили Фелиситэ; не говоря ни слова, она вышла и прямо отправилась на почту. Она неожиданно вошла въ кабинетъ Вюилэ. Онъ былъ тутъ и скорчилъ гримасу, увидѣвъ ее.

Сдѣлавшись временнымъ директоромъ почты, Вюилэ почувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ: онъ могъ запускать свои грязныя руки во всѣ тайны Плессана. Въ сущности, онъ не много распечатывалъ писемъ, но за то внимательно читалъ тѣ, которыя были ему особенно нужны. Когда г-жа Ругонъ вошла, онъ рылся въ большомъ количествѣ писемъ и газетъ. Онъ всталъ съ всегдашней уклончивой улыбкой и предложилъ стулъ. Фелиситэ, стоя, сказала ему:

— Я ищу письмо.

— Какое письмо? спросилъ Вюилэ удивленно.

— Письмо, которое вы получили сегодня утромъ для моего мужа. Да пожалуйста поскорѣе, я спѣшу.

Дѣлать было нечего: Вюилэ порылся для виду и подалъ письмо, говоря:

— Вы правы, вотъ письмо.

Фелиситэ взяла письмо и не стѣсняясь осмотрѣла тщательно печать; она убѣдилась, что письмо было прочитано. Эженъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщалъ полный успѣхъ переворота.

Прочитавъ письмо, Фелиситэ медленно положила его въ карманъ и сѣла.

— Послушайте, господинъ Вюилэ, сказала она.

Онъ поднялъ голову.

— Вы напрасно измѣняете намъ; съ вами можетъ случиться несчастіе. Еслибы, вмѣсто того, чтобы распечатывать чужія письма...

Онъ вознегодовалъ и сталъ протестовать; но Фелиситэ перебила его:

— Мнѣ знакома школа, къ которой вы принадлежите. Зачѣмъ лгать? Скажите прямо, какая вамъ выгода стоять за coup d'état.

Тогда, ни въ чемъ не сознаваясь, онъ отвѣчалъ, что хочетъ имѣть поставку книгъ въ коллегію. Прежде онъ доставлялъ въ заведеніе всѣ учебныя книги, но начальство узнало, что тайкомъ онъ продавалъ ученикамъ сальныя фотографіи въ такомъ громадномъ количествѣ, что ихъ отыскивали во всѣхъ классныхъ столахъ. По этому поводу, онъ даже чуть не попалъ подъ судъ исправительной полиціи. Фелиситэ сильно удивилась скромнымъ желаніямъ книгопродавца. Распечатывать письма, рисковать попасть на галеры, для того, чтобы имѣть возможность сбывать лексиконы!

— Чему вы удивляетесь? отвѣчалъ онъ сердито; въ годъ это составитъ чистаго дохода четыре или пять тысячъ франковъ. Я не мечтаю о невозможномъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ.

Наконецъ, союзъ былъ заключенъ. Вюилэ обязывался не распространять никакихъ извѣстій, не выступать впередъ; за это Ругонъ обѣщалъ доставить ему искомое.

Съ этой минуты Фелиситэ всѣ дѣла взяла въ свои руки. Не говоря ни слова о письмѣ, она еще болѣе увеличила опасенія Пьера, подлаживаясь подъ настроеніе его духа. Ругонъ совершенно растерялся. Помучивъ хорошенько, Фелиситэ наконецъ замолчала.

— Что же, наконецъ, дѣлать? говорилъ съ бѣшенствомъ Ругонъ; ты женщина умная, придумай что-нибудь.

Тогда она сообщила ему планъ дѣйствій. По ея мнѣнію, было совершенно необходимо, чтобы страхъ еще болѣе овладѣлъ Плессаномъ, и чтобы Пьеръ сохранилъ положеніе героя и спасителя. Тайное предчувствіе, говорила она, увѣряло ее, что инсургенты еще далеко. Къ тому же, рано или поздно, а реакція восторжествуетъ, и Ругонъ будетъ вознагражденъ. Послѣ роли спаси-

теля,—роль мученика самая лучшая. Но для этого нужно употребить Маккара... Ругонъ, успокоенный, заснулъ.

Утромъ, Фелиситэ отправилась въ мерію; въ салфеткѣ она унесла костюмъ національной гвардіи. Маккаръ сидѣлъ подъ арестомъ двое сутокъ, и у него было достаточно времени поразмыслить на досугѣ о своемъ положеніи. Онъ видѣлъ, что собственно у него остается одно только средство спасти себя: измѣнить и продаться. Когда Фелиситэ явилась, онъ догадался и рѣшился воспользовать минутой. Переговоры были длинны и велись съ необыкновеннымъ искусствомъ. Фелиситэ съ удивленіемъ замѣтила, что Маккаръ почти вѣжливъ. Она сожалѣла о непріятныхъ отношеніяхъ между братьями, но не онъ ли клеветалъ и преслѣдовалъ Ругона?

— Еще бы! отвѣчалъ Маккаръ, развѣ Пьеръ поступалъ со мной по-братски? Развѣ онъ помогалъ мнѣ? Когда онъ былъ хорошъ со мной—помните, въ эпоху двухсотъ франковъ—то и я былъ съ нимъ хорошъ. Я вездѣ повторялъ, что онъ человѣкъ честный.

Это просто означало: еслибы вы продолжали мнѣ давать деньги, я бы не вредилъ вамъ; я бы помогалъ вамъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать васъ. Это ваша ошибка: надо было купить меня.

Фелиситэ поняла и отвѣтила:

— Я знаю, что вы обвиняли насъ въ безсердечіи, потому что думаете, что у насъ есть средства; но вы ошибаетесь: мы—бѣдные люди.

Потомъ, подумавъ, прибавила:

— Конечно, при усиліи, въ важномъ обстоятельствѣ, мы бы могли достать что-нибудь.

Маккаръ навострилъ уши: «Я ихъ держу», подумалъ онъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, Фелиситэ объявила ему, что пришла дать ему средства бѣжать.

— Безъ условій? спросилъ Антуанъ.

— Безъ всякихъ условій, отвѣтила Фелиситэ.

Потомъ, подвинувшись къ нему, она прибавила:

— И даже... прежде, чѣмъ бѣжать за границу, если хотите заработать франковъ тысячу, то и это мы можемъ сдѣлать.

Наступило молчаніе.

— Если дѣло чисто, пробормоталъ Антуанъ... Вы знаете, что я не хочу вмѣшиваться въ ваши дрязги.

— Тутъ нѣтъ никакихъ дрязгъ; вы выйдете сейчасъ изъ этой комнаты, спрячетесь у вашей матери, а вечеромъ соберете своихъ друзей, и съ ними вторично явитесь занять мерію.

Маккаръ не могъ скрыть своего удивленія. Онъ не понималъ.

— Я думалъ, что вы побѣдители.

— У меня нѣтъ времени разсказывать вамъ всего. Принимаете ли вы наше предложеніе или нѣтъ?

— Нѣтъ. Я подумаю. Изъ-за какихъ-нибудь тысячу франковъ глупо будетъ упустить, можетъ быть, цѣлое состояніе.

Фелиситэ встала.

— Какъ хотите, сказала она холодно. Только, право, вы не понимаете вашего положенія. Вы ругали меня всячески, а когда я протягиваю вамъ руку помощи въ трущобѣ, куда васъ привела ваша же собственная глупость,—вы жеманитесь, не хотите, чтобы васъ спасали. Ну, и оставайтесь здѣсь; ждите властей. Что же касается меня, то я умываю руки.

— Но дайте мнѣ какое-нибудь объясненіе! Не могу же я согласиться на ваше предложеніе, не зная ничего. Вотъ уже два дня, какъ я сижу въ неизвѣстности. Можетъ, вы и воруете меня—почемъ я знаю?

— Право, вы недальновидны! вы напрасно не хотите довѣриться намъ. Тысяча франковъ—не бездѣлица, и если ею рискуютъ, то конечно не для того, чтобы потерять больше. Согласитесь, совѣтую вамъ.

Онъ все еще колебался.

— Но когда мы явимся занять мерію,—насъ не станутъ тревожить.

— Этого я не знаю; можетъ, и будетъ нѣсколько выстрѣловъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Фелиситэ.

— Эге! милашечка! отвѣтилъ онъ грубо,—ужъ не имѣете ли вы желанія всадить мнѣ пулю въ лобъ.

Фелиситэ покраснѣла; она именно подумала, что такая развязка была бы самая лучшая.

— Что вы! что̀ вы! не стыдно ли вамъ подозрѣвать насъ въ такой низости. Что-жъ—согласны?

Торгъ еще продолжался. Наконецъ Маккаръ согласился. Онъ попросилъ задатокъ и получилъ двѣсти франковъ; остальные онъ долженъ былъ получить завтра.

— Все готово, сказала Фелиситэ вернувшись, — все готово на эту ночь...

Весь день, Пьеръ былъ въ ужасныхъ попыхахъ, приготовляясь устроить свой личный coup d'état какъ можно изящнѣе. Онъ засѣлъ торжественно въ меріи, распоряжаясь самымъ энергичнымъ образомъ. Потомъ осматривалъ городъ, хлопоталъ, осматривалъ посты. Онъ разсчитывалъ, говорилъ онъ, на храбрость національной гвардіи. Въ городѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что инсургенты возвращаются. Бѣгство Маккара еще болѣе увеличило ужасъ. Въ это время, Аристидъ, сидя дома, по прежнему

находился въ нерѣшительности. Статья Вюилэ удивила его. Отецъ приводилъ его въ недоумѣніе. Онъ отправился къ своей матери развѣдать: что̀ творится? Чего же наконецъ ждать? На что надѣяться?

— Ну, сказала Фелиситэ, презрительно улыбаясь,—не силенъ же ты, мой милый.

— Да чортъ же знаетъ, что у васъ тутъ происходитъ. Я, право, отупѣлъ. Еслибы я могъ быть въ Парижѣ съ Эженомъ... Вы все скрытничаете отъ меня, матушка. Братъ сообщаетъ вамъ все, что дѣлается, и вы никогда не сказали мнѣ ни единаго словечка...

— А! ты это знаешь? Я вижу, что ты не такой дуракъ, какъ я думала. Можетъ быть, ты распечатываешь письма, какъ нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ апломбомъ Аристидъ; но я подслушиваю у дверей.

— Такъ почему же ты, олухъ, прежде не присталъ къ нашей компаніи.

Послѣ нѣкотораго молчанія, она прибавила:

— Отецъ твой очень храбръ.

— Да, отвѣчалъ Аристидъ насмѣшливо; онъ молодецъ мужчина; онъ мнѣ напоминаетъ Леонида при Ѳермопилахъ... Ужъ не вы ли, матушка, надоумили его на эту штуку?... Чортъ побери, прибавилъ онъ рѣшительно, я бонапартистъ... Батюшка не такой человѣкъ, чтобы рисковать собственной шкурой... если въ виду не предвидится наживы...

— Ты правъ...

И договоръ былъ заключенъ.

Маккаръ провелъ весь день у своей матери, Аделаиды. Онъ собралъ своихъ друзей и приготовилъ нападеніе на ратушу. Плессану еще разъ суждено было быть театромъ военныхъ дѣйствій: при свѣтѣ луны, вооруженные люди приближались къ ратушѣ. Когда они подошли, Маккаръ храбро выдвинулся впередъ; онъ постучалъ въ ворота, и когда его спросили: что̀ такое? онъ такъ страшно сталъ ругаться, что привратникъ бѣжалъ. Двери немедленно были отворены; тогда Маккаръ закричалъ:

— За мной, друзья!

Онъ бросился въ сторону, въ то время, какъ республиканцы бѣжали впередъ; во дворѣ послышался залпъ; національные гвардейцы, сидя въ засадѣ, какъ-то лихорадочно стрѣляли по республиканцамъ. При образовавшемся свѣтѣ, Маккаръ замѣтилъ Ругона, который цѣлился въ него.

— Не плошать! замѣтилъ онъ про себя. Мерзавецъ убьетъ меня; онъ долженъ мнѣ восемьсотъ франковъ.

Произошла страшная сумятица. Республиканцы закричали: измѣна! и выстрѣлили. Одинъ національный гвардеецъ упалъ; они же оставили на мѣстѣ троихъ убитыхъ. Они бѣжали, крича: нашихъ братій рѣжутъ! Защитники порядка бросились въ погоню и стрѣляли куда попало. Нужно было вмѣшательство власти, чтобы прекратить эту бойню. Городъ былъ въ ужасѣ; буржуа не знали куда дѣться отъ страха... Утромъ Ругонъ пошелъ осматривать поле сраженія.

— Четверо убиты, сказалъ онъ.

— Тѣмъ лучше, замѣтила Фелиситэ. Теперь не скажутъ, что ты умѣешь стрѣлять только по зеркаламъ. Такимъ образомъ, этотъ толстый, смѣшной буржуа Ругонъ сдѣлался въ одну ночь страшнымъ колоссомъ, внушающимъ ужасъ. Къ довершенію всего, явился отрядъ подъ начальствомъ полковника Массона, съ префектомъ Блеріо. Власти вышли торжественно на встрѣчу войска. Аристидъ выпустилъ нумеръ «Indépendant», гдѣ краснорѣчиво восхищался «восходомъ свободы въ порядкѣ и порядка въ свободѣ». Пошло всеобщее ликованіе....

X.

На третій только день военный отрядъ прошелъ чрезъ Плессанъ; префектъ и полковникъ Массонъ приглашены были на обѣдъ. Солдаты помѣщены были въ предмѣстьи. Пріемъ, сдѣланный имъ жителями, не отличался особеннымъ восторгомъ. Эти солдаты, на которыхъ еще не застыла кровь погибшихъ, были противны чистенькимъ буржуа, и они, брюзгливо давая имъ дорогу, разсказывали другъ другу на ухо ужасныя исторіи разстрѣливаній, мести, о которыхъ югъ сохранилъ воспоминаніе. Терроръ декабрьскаго переворота начинался, терроръ подавляющій, охватившій на долгое время весь югъ Франціи. Плессанъ, въ своей ненависти къ республикѣ, могъ встрѣтить солдатъ на первыхъ порахъ криками восторга, но теперь, глядя на этотъ мрачный отрядъ, даже рантьеры спрашивали себя съ безпокойствомъ: не сдѣлали ли и они чего-нибудь, за что ихъ могутъ разстрѣлять?

Власти вернулись въ городъ. Ругонъ безъ сожалѣнія возвратилъ меру его кресло. Штука была сыграна; теперь, въ лихорадкѣ, онъ ждалъ изъ Парижа вознагражденія за свой цивизмъ. Въ воскресенье онъ получилъ письмо отъ Эжена. Фелиситэ еще въ четвергъ выслала сыну нумера «Газеты» и «Indépendant», которые во второмъ изданіи разсказывали ночное сраженіе и прибытіе префекта. Эженъ отвѣчалъ немедленно, что назначеніе

его отца въ сборщики готово. Кромѣ того, онъ сообщалъ другое: онъ выхлопоталъ для отца орденъ Почетнаго Легіона. Фелиситэ плакала отъ блаженства. Ругонъ, блѣдный отъ избытка чувствъ, объявилъ, что необходимо дать обѣдъ.... Радость ихъ, однакожъ, была не безъ тучъ. Благодаря coup d'état, они платили свои долги; Аристидъ, оплакивая свои глупости, пошелъ по настоящей дорогѣ, Ругонъ сбывалъ съ рукъ Маккара; но онъ боялся какой-нибудь глупости Паскаля и безпокоился за судьбу Сильвера. Онъ боялся, чтобы дѣло жандарма не попало въ судъ.... Если бы какой-нибудь непредвидѣнный случай могъ освободить его отъ этого молодого негодяя.... Въ то время, какъ Фелиситэ хлопотала объ обѣдѣ, Пьеръ отправился поразузнать. Сикардо ничего не зналъ; по его мнѣнію, Паскаль долженъ былъ остаться съ ранеными.... Ругонъ отправился къ матери. Маккаръ, за стаканомъ вина, встрѣтилъ его словами:

— А, это ты — недурно. Принесъ деньги?

Пьеръ не отвѣчалъ, онъ замѣтилъ Паскаля, который наклонился надъ постелью. Аделаидѣ было дурно, она лежала точно мертвая.... Паскаль сказалъ, что она съума сошла.

— Принесъ деньги? спросилъ вторично Маккаръ.

— Да, вотъ восемьсотъ франковъ.

— Не хочу, давай еще столько же. Твоя жена надула меня. Еслибы я зналъ въ чемъ дѣло, я бы никогда не согласился за такую бездѣлицу.

Ругонъ выложилъ деньги.

— Даю тебѣ честное слово, что больше у меня нѣтъ. Я подумаю о тебѣ послѣ, только уѣзжай поскорѣе.

Поломавшись, Маккаръ взялъ деньги.

— Ты обѣщалъ мнѣ мѣсто, — не забудь же. Я хочу возвратиться во Францію. Мѣсто garde champêtre, въ хорошей мѣстности, — это по мнѣ.

— Хорошо, хорошо.

Аделаида страшно бредила, вспоминая исторію контрабандиста....

Ругонъ вышелъ въ ужасѣ. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ Аристида, который сообщилъ ему, что Сильвера разстрѣлялъ жандармъ Рангадъ....

Когда они пришли домой, желтая гостинная сіяла. Фелиситэ разсыпалась въ любезностяхъ. Всѣ тутъ были: Сикардо, Грапу, Рудье, Вюилэ, торговцы оливковаго масла, торговцы миндаля,— вся шайка. Одинъ маркизъ не пришелъ, приславъ сказать, что боленъ. Ругонъ и Аристидъ были приняты съ распростертыми объятіями. Сикардо потребовалъ слова:

— Господа, сказалъ онъ, позвольте мнѣ, отъ имени общества,

сказать нашему другу Ругону, какъ мы рады тѣмъ наградамъ, которыя онъ заслужилъ своею храбростью и патріотизмомъ. Я объявляю, что Ругонъ былъ вдохновленъ свыше, оставшись въ Плессанѣ, между тѣмъ, какъ эти разбойники уводили насъ съ собой. Поэтому, я одобряю отъ чистаго сердца рѣшеніе правительства.... Позвольте мнѣ кончить.... потомъ, у васъ будетъ время поздравить нашего друга.... Знайте же, что нашъ другъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона и будетъ назначенъ сборщикомъ податей....

За дессертомъ веселье достигло колоссальныхъ размѣровъ... Наконецъ-то планы Ругоновъ осуществлялись. Ихъ аппетитъ, раздраженный тридцатилѣтнимъ полу-голодомъ, обнаруживалъ страшные зубы. Эти жадные, эти голодные звѣри встрѣчали вторую имперію, какъ царство добычи.

Пьеръ всталъ, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго.

— Господа, за здоровье принца Луи — императора!

Всѣ съ шумомъ стали чокаться. Буржуа города Плессана,— Рудье, Грану, Вюилэ и другіе,—плакали, обнимались на только-что охладѣвшемъ трупѣ республики.

Въ умѣ Сикардо блеснула геніальная мысль. Онъ взялъ въ волосахъ Фелиситэ кусокъ розовой ленты, и всунулъ его торжественно въ петлицу Ругона. Тотъ защищался, скромничая.

— Sacrebleu! негодовалъ Сикардо. Знаете ли, что васъ украшаетъ орденомъ старый наполеоновскій солдатъ?

Взрывъ аплодисментовъ покрылъ слова Сикардо. Грану вскарабкался на стулъ, махая салфеткой и произнося рѣчь, которая, увы! погибла для потомства въ общемъ шумѣ. Желтая гостинная торжествовала....

Но кусокъ розовой ленты, вдѣтый тогда въ петличку Ругона, былъ не однимъ краснымъ пятномъ....

Этою сценою заканчивается первая часть романа Золя. Предъ нами интродукція, какъ видитъ читатель, той великой траги-комедіи XIX-го столѣтія, которая называется второй имперіей. Второй томъ вводитъ насъ въ Парижъ, гдѣ сосредоточивается историческая драма. Тутъ вторая имперія является уже во всемъ своемъ блескѣ.

В. Ч.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА
КРЫМА

Путевыя впечатлѣнія.

II *).

Развалины Черкесъ-Кермана.—Эклисе.—Пещеры Эски-Кермана, города «троглодитовъ».—Кунацкая татарской княгини.—Бахчисарайская кофейня.—Ханская мечеть.—Похищеніе невѣсты.—Маріанполь.—Чуфутъ-Кале, древній Кыркоръ.—Отшельникъ Чуфутъ-Кале.

Спускаясь отъ Коджа-Сала и Мангупа къ сѣверу по узкой долинѣ Кара-Илеза, которой сады кишатъ словно въ естественномъ грунтовомъ сараѣ, между двумя сплошными стѣнами отвѣсныхъ скалъ,—путешественникъ проѣзжаетъ одну изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ мѣстностей Крыма. Три многолюдныя деревни, три Каралеза—Юкары-Каралезъ, Орта-Каралезъ и Ашагá-Каралезъ—тянутся одинъ за другимъ на цѣлыя версты, потонувши въ старыхъ густыхъ садахъ, и на каждомъ шагу представляя взору путешественника картины столько же наивной, сколько живописной жизни Востока.

Чтобы попасть въ Черкесъ-Керманъ нужно своротить изъ Каралезовъ налѣво, почти назадъ, въ направленіи къ Севасто-

---

*) См. выше: іюнь, 654 стр.

полю. Послѣ роскошной свѣжести каралезской долины пустынная каменистая дорога кажется скучною.

Черкесъ-Керманъ показывается поздно, когда вы почти въѣхали въ него. Узкая гора, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ мангупская, мысомъ выдѣляется отъ сосѣднихъ горъ и образуетъ узенькую тѣснину, совсѣмъ почти спрятанную въ пазухѣ каменныхъ твердынь. Въ этой пазухѣ расположена деревня Черкесъ-Керманъ. Известковыя толщи здѣсь приняли оригинальную форму закругленныхъ столбовъ и желваковъ, словно ихъ обточила рука человѣка. Множество пещеръ, выглоданныхъ снизу водою, дали жителямъ поводъ воспользоваться скалами какъ домашними постройками. Заднiй планъ почти всякаго двора — скала, и почти въ каждой скалѣ пещера. Въ одной конюшня или хлѣвъ, въ другой анбаръ, кузня, погребъ. Къ нѣкоторымъ придѣланы ворота, дверочки, плетни, лѣсенки. Въ началѣ деревни экономiя какого-то мурзы; это—огромный глубокiй сарай въ нѣдрахъ скалъ, недоступный дождю, несмотря на отсутствiе воротъ, сарай доисторической первобытности, помѣщавшiй между прочимъ, въ числѣ экипажей, хорошенькую модную карету на лежачихъ рессорахъ.

Въ Черкесъ-Керманѣ множество драгоцѣннаго матерiала для художника-туриста. Дорожка идетъ нѣсколько выше построекъ, такъ что внутренность дворовъ видна почти à vol d'oiseau, и фигуры татарокъ и татарчатъ, окаменѣвшiя въ картинныхъ позахъ на своихъ плоскихъ кровляхъ при видѣ нашей кавалькады — сообщаютъ пейзажу характерную полноту. Съ высоты нашихъ сѣделъ мы присутствуемъ при крикливомъ урокѣ въ деревенскомъ *мехтэбѣ:* на тѣнистой галлереѣ второго этажа, подъ старыми орѣхами, пестрая толпа татарчатъ и татарочекъ, лежа и сидя прямо на полу, распѣваютъ раскачиваясь стихи Алькорана, по арабскимъ книжкамъ, которыхъ смыслъ невѣдомъ имъ также рѣшительно, какъ и учительницѣ ихъ, пожилой татаркѣ, предсѣдавшей въ этой буколической школѣ.

Оторвавъ взоръ отъ этой живописной тѣснины, до краевъ наполненной жилищами человѣка, вы замѣчаете слѣва на отвѣсной горѣ, замыкающей тѣснину, — высокую старую башню. Это древнiй Черкесъ-Керманъ. Въ Черкесъ-Керманѣ остались слѣды значительнаго укрѣпленiя. Башня, въ которой продѣланы двойныя ворота, стоитъ надъ трещиною скалы, которой узкiй и высокiй мысъ она отрѣзала въ неприступную цитадель, подобно замку Тешкли-Буруна. Постройка ея совершенно того же рода какъ мангупскихъ, инкерманскихъ и др. башенъ. У татаръ она

извѣстна подъ именемъ *Кьезъ-Кулле, Дѣвичьей башни.* Но всего замѣчательнѣе въ Черкесъ-Керманѣ его пещерный храмъ, или, какъ называютъ его татары, *эклисе* (исковерканное греческое слово, означающее церковь). Эклисé спрятано въ лѣсистыхъ скалахъ такъ хорошо, что даже побывавъ въ немъ, не сразу найдешь его опять. Видно, что во время основанія его христіанинъ еще не смѣлъ возвышать къ небу золотыхъ крестовъ своего храма, и крымское христіанство того времени еще не прожило своего періода катакомбъ. Только съ помощью татаръ можно вскарабкаться черезъ колючую чащу, по известковымъ обрывамъ скалы, на гребень ея, съ котораго открывается ходъ въ эклисé. Громадный округленный камень, когда-то отдѣлившійся отъ всей скалы и заслоненный отъ враждебныхъ взоровъ этою самою скалою, выдолбленъ внутри въ христіанскую молельню. Съ голаго гребня скалы, по заднему обрыву ея, были вырублены когда-то ступени, переходившія на церковный утесъ въ точкѣ прикосновенія его къ скалѣ; теперь эти ступени слизаны временемъ и безъ головокруженія нельзя спускаться по нимъ: открытая пропасть зіяетъ прямо подъ ногами, и спускъ въ нее гораздо легче, чѣмъ переходъ на утесъ.

Низенькая дверочка эклисé заросла кустарникомъ и бурьяномъ. Храмикъ выдолбленъ правильнымъ круглымъ сводомъ и сохранился отлично, безъ сомнѣнья, по причинѣ своей недоступности. Остатки штукатурки и византійскихъ фресокъ на ней очень замѣтны; можно еще разобрать нѣкоторыя греческія надписи подъ образами и даже характерный ликъ Николая угодника. Рядомъ съ дверью маленькое окошечко, черезъ которое на бѣлыя известковыя стѣны падаетъ веселый солнечный свѣтъ. Алтарикъ въ особомъ отдѣленіи, на возвышеніи. Каменный престолъ съ изображеніемъ креста и круглымъ углубленіемъ; въ лѣвомъ углу крошечный альковъ для трапезы, по стѣнамъ алтаря низенькія каменныя сидѣнья. Трава пробилась сквозь трещины маленькаго пола, сквозь престолъ и сѣдалища, а птицы и летучія мыши въ теченіи долгихъ лѣтъ оставляли свои слѣды въ этой древней святынѣ, доступной теперь только ласточкамъ.

До Эски-Кермана намъ оставалось всего версты двѣ, но дорога трудная. Онъ стоитъ совершенно отдѣльною столовою горою, какъ и Мангупъ, только значительно ниже его. Въ Крыму нѣтъ пещернаго города, болѣе характернаго. Кромѣ пещеръ—ничего, ни малѣйшаго слѣда развалинъ. Но за то пещеры сосчитать трудно. Какъ взглянешь снизу на отвѣсный обрывъ горы—чистое осиное гнѣздо! Ряды ячеекъ, прилѣпленныхъ одна

въ другой, раздѣленныхъ перегородками иногда чуть не бумажной толщины.

Конечно, пещеры не были прежде такъ открыты снаружи; только кое-гдѣ виднѣлись маленькія окошечки, какъ это можно замѣтить еще на нѣкоторыхъ пещерахъ; но время крушитъ не одни бревенчатыя и кирпичныя жилища человѣка. Онъ спряталъ свои гнѣзда въ толщи скалъ — оно раскололо пополамъ его скалы и искрошило ихъ въ щебень. Теперь почти во всѣхъ пещерныхъ городахъ мы любуемся снаружи на внутренности пещеръ; на отвѣсныхъ обрывахъ зіяютъ ихъ продольные разрѣзы, какъ вскрытыя домовища устрицъ; это очень удобно для архитектурныхъ чертежей, но уже невозможно для жизни. Мы съ любопытствомъ осматривали въ глубинѣ долины огромные камни и цѣлые утесы, оторванные отъ Эски-керманской горы. По положенію камней и по чертежу ихъ отверстій легко можно замѣтить, что это оторванныя половины тѣхъ пещеръ, которыхъ зѣвы чернѣютъ теперь наверху, какъ разъ надъ этими камнями. Вонъ торчатъ надъ обрывомъ верхнія ступеньки каменной лѣсенки, которой нижній сходъ опрокинутъ съ утесомъ въ долину, хоть склеивай сейчасъ. Мы нашли въ долинѣ большіе камни съ цѣлыми пещерами внутри; окошечко, дверка — все цѣло. Нашли даже громадный камень съ нетронутою часовнею внутри; очень можетъ быть, что она была выдолблена уже впослѣдствіи, въ обрушившемся утесѣ; въ нее легко было войти; иконопись стѣнъ и греческія надписи были еще довольно ярки и свѣжи, хотя сильно стерты.

Поднялись на верхъ съ трудомъ. Глубокая дорожка, въ родѣ траншеи, врѣзана между стѣнами камней; это настоящій крѣпостной входъ. Первая пещера наверху, направо отъ дороги, замѣчательна сложностью и величиною. Въ ней, несмотря на разрушеніе, хорошо замѣтны вырубленные своды, столбы, проходы изъ одного отдѣленія въ другое; отдѣленій этихъ было четыре или пять; нѣкоторыя изъ нихъ положеніемъ и формою напоминаютъ алтари. Въ сводахъ множество окаменѣлыхъ устрицъ очень большого размѣра и наплывы сталактитной массы неправильныхъ формъ; кое-гдѣ замѣтны заржавѣвшіе слѣды когда-то бывшихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Въ помѣщеніяхъ алтарей съ трудомъ можно замѣтить неясные остатки фресокъ.

Первыя отдѣленія отъ входа совсѣмъ почти завалены; въ лѣвомъ углу, сейчасъ же у наружнаго отверстія стоитъ каменный гробъ простой формы, прикрытый каменною же плитою безъ всякихъ насѣчекъ и надписей. Другой такой же гробъ раскрытъ и опустошенъ; въ кучѣ обломковъ замѣтны куски

гробовъ, совсѣмъ разбитыхъ. Старикъ Сеидъ-Мазинъ изъ Бахчисарая, провожавшій насъ въ Эски-Керманъ, — увѣрялъ меня, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводникомъ графа Уварова, по распоряженію котораго будто былъ раскрытъ одинъ гробъ и въ немъ будто бы найденъ скелетъ человѣка съ золотыми кольцами. Безъ сомнѣнія, Сеидъ говорилъ о графѣ Уваровѣ, авторѣ археологическаго сочиненія о крымскихъ древностяхъ. Старикъ добавилъ, что въ то время *эклисе* была почти совсѣмъ цѣла, и на стѣнахъ видны были писанныя красками фигуры людей. Татары вѣрятъ, что эта большая пещера была греческою церковью, а нѣкоторые путешественники считаютъ ее остатками монастыря.

Мы долго бродили по краямъ Эски-Керманской горы, спускаясь во всѣ пещеры, въ которыя можно было спуститься. Не всегда можно довѣряться полурастреснутымъ лѣсенкамъ, что ведутъ изъ верхняго яруса пещеръ въ нижній. Въ иныхъ мѣстахъ видишь три-четыре яруса. Нѣкоторыя пещеры очень помѣстительны, имѣютъ каменныя ясли, столбы съ каменными ушками для привязи, цистерны, какъ въ Мангупѣ; это, конечно, конюшни, овчарни. Въ другихъ, меньшихъ, замѣтны каменныя ложа, альковы для шкапчиковъ, вырубленныя полочки, правильно вытесанныя притолки для дверей; въ нѣкоторыхъ видны дымовыя отверстія и слѣды очаговъ, и во всѣхъ рѣшительно множество выдолбовъ для укрѣпленія брусьевъ, на которыхъ, можетъ быть, устраивались койки, столы, загородки, вѣшалки и пр. Интересныхъ остатковъ внутри этихъ пещеръ рѣшительно не видать. Слой овечьяго и конскаго навоза покрываетъ почву, а выбоинки наполнены мелкимъ мусоромъ, въ которомъ попадаются во множествѣ черепочки глиняной хорошо выжженной посуды и кости обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Надо предполагать, что прежній полъ пещеръ уже затянутъ слоемъ извести; во всякомъ случаѣ изслѣдователямъ древностей каменнаго періода нелишне было бы покопаться въ этихъ подземныхъ норахъ.

Конечно, особенно плодотворны должны бы оказаться раскопки естественныхъ сталактитовыхъ пещеръ Крыма, напр., пещеръ Чатыръ-Дага, гдѣ знаменитая «пещера тысячи головъ», *Бимбашъ-Коба*, сохраняетъ въ себѣ даже на поверхности почвы массу неизслѣдованныхъ скелетовъ. Но и *пещеры троглодитовъ*, подобныя эски-керманскимъ, не должны быть упущены изъ виду археологами. Меня поражаетъ то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерныхъ городовъ Крыма — непремѣнно соединена съ преданіемъ о морѣ, окружавшемъ когда-то гору.

Ай-тодорская долина у южнаго подножія Мангупа до сихъ поръ называется у грековъ *пелагосъ* (море), а татары извратили это имя въ *филегусъ*. Эски-Керманъ называется также у татаръ —*денгисъ* (море). Фирковичъ разсказывалъ мнѣ, со словъ своихъ караимскихъ предковъ, что въ глубокой древности Чуфутъ-Кале былъ островомъ, а долина, по которой пролегаетъ дорога въ Мангупъ, была покрыта моремъ. Любопытно, что и Плиній въ своей Естественной исторіи говоритъ, будто горный Крымъ былъ прежде островомъ.

Если люди жили въ эпоху этихъ горныхъ озеръ, то пещеры по ихъ сосѣдству получаютъ еще большій смыслъ.

Оригинальность Эски-Кермана и самое замѣчательное сооруженіе его—это круглый колодезь въ нѣдрахъ скалы. Въ колодезь этотъ опустится цѣлая большая башня. Спускаться въ него можно только на веревкахъ, и то человѣку привычному. Множество ступенекъ высѣчено почти въ отвѣсной продушинѣ, и изъ нихъ только немногія уцѣлѣли, такъ что вамъ большею частью приходится висѣть на веревкѣ, привязанной вверху къ камнямъ. При этомъ условіи не совсѣмъ кстати открываются передъ вашими глазами то выше, то ниже, провалы наружной стѣны, сквозь которые вы волею-неволею измѣряете глубину бездны подъ ногами. Вѣтеръ съ силою врывается въ эти проломы, образовавшіеся отъ разрушенія оконныхъ отверстій, и вамъ въ той черной дырѣ, въ которой вы висите, дѣлается жутко отъ этого внезапно поражающаго васъ свѣта и движенія. Внизу колодца большая грязь; подземный ключъ журчитъ подъ сводомъ низкой черной пещеры и скатывается изъ подземнаго бассейна въ наружную трещину скалы, загороженную утесами, заросшую кустарникомъ и травами. Картина этого потайного ключа очень романтична: черная скалистая дыра, изъ-подъ которой онъ выливается, и сквозной гротъ, увитый ползучими растеніями—составляютъ преживописный контрастъ. Не такъ, конечно, смотрѣли на него тѣ несчастные водоносцы желѣзнаго вѣка, которые принуждены были совершать это подземное странствованіе за каждымъ кувшиномъ воды.

Объ эски-керманскихъ пещерахъ писали мало. Подробнѣе другихъ описаніе г. Козена. Онъ считаетъ пещеры Джингисъ-Кермана за *жилище троглодитовъ*. Приведу изъ его письма наиболѣе оригинальныя мѣста, которыя дополнятъ читателю мои личныя впечатлѣнія.

«Всѣ сіи скалы были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ, на нѣсколько саженей въ глубину; и каждая скала заключаетъ въ себѣ большее или

меньшее число жилищъ, раздѣленныхъ внутри на этажи. Ихъ находится столь безчисленное множество, что на обозрѣніе всѣхъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени... Стѣны и потолки чрезвычайно тонки, ибо рѣдко имѣютъ болѣе пяти или шести дюймовъ толщины; стѣны же внутреннія для раздѣла горницъ еще и того менѣе, и не превышаютъ двухъ и трехъ дюймовъ толщины....

«Можно и теперь еще различить признаки разныхъ инструментовъ, служившихъ троглодитамъ въ ихъ работахъ, и которые изображены какъ внѣ, такъ и внутри ихъ жилищъ.... Признаки другихъ инструментовъ, замѣчаемыхъ на стѣнахъ во внутренности сихъ жилищъ, также очень необыкновенны: нѣкоторые представляютъ выпуклыя полукружія, похожія на толстыя веревки или канаты, другія уподобляются точкѣ съ запятою, и тысячами выдавлены въ стѣнѣ. Сіи послѣдніе наиболѣе встрѣчаются въ комнатахъ, отдѣланныхъ съ большимъ раченіемъ; намѣтки, означенныя симъ инструментомъ въ стѣнѣ, представляются какъ бы вдавленными въ мякоть, а не въ твердое тѣло.... Сей наружный признакъ, можетъ быть не обманчивый, заставляетъ полагать, что троглодиты имѣли средство смягчать камни до разработки.... Между сими скалами находится одна, весьма замѣчательная по содержанію въ себѣ одного весьма страннаго покоя. Вершина сей скалы очень широка; подъ нею, одна подлѣ другой, выдѣланы неправильно круглыя дыры, имѣющія отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ, что и придаетъ ей нѣкоторое сходство съ англійскою кухнею въ большомъ видѣ. Отверстія сіи, коихъ находится почти десять, служили входомъ и вмѣстѣ сообщеніемъ съ внутренностью покоя, имѣющаго большую овальную фигуру и вышину въ семь футовъ. Долженствовали встрѣтиться большія трудности при его сооруженіи, ибо дѣятели начинали ее не съ боковой стороны, но сверху, и работали спускаясь внизъ, какъ бы въ колодезь, по мѣрѣ ихъ углубленія... Я вышелъ изъ сей скалы разщелиною, съ боку выработанною (вѣроятно искусствомъ татаръ), доставляющею нынѣ входъ гораздо удобнѣе существовавшаго нѣкогда при троглодитахъ.... Наверху одной утесистой стремнины во внутренности скалы находится одна комната, служившая келіею и часовнею набожнымъ людямъ средняго вѣка, а между прочимъ кажется и одному весьма искусному художнику тамъ жившему, ибо на стѣнахъ часовни сей примѣтны слѣды хорошей живописи, какъ можно судить по живости красокъ и очертаній, которыя еще замѣтить можно съ нѣкоторымъ затрудненіемъ сквозь слѣды разрушенія, которые она показываетъ. Изображе-

ніе представляетъ Богородицу, окруженную нѣкоторыми святыми... Картина сія приносила бы честь вѣку Чимабуэ (въ 1300 году), основателя итальянской школы и живописи въ Италіи».

Осмотрѣвъ Эски-Керманскія пещеры, мы двинулись далѣе. Нашъ Бэкиръ упрямъ какъ истый татаринъ. Его понятія о «князѣ» и о «господахъ изъ губерній» совершенно разрушаютъ наши планы. Онъ положительно не позволяетъ намъ дѣйствовать какъ бы мы хотѣли и ревниво заботится о томъ, чтобы нашему предполагаемому сану воздаңы были подобающія почести. Бѣдняга, безъ сомнѣнія, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ долѣ этихъ почестей.

Смѣло подъѣзжаетъ онъ къ кунацкой княгинѣ, владѣтельницѣ Каралеза, и вызываетъ *чайю* (прикащика), несмотря на наши грозныя запрещенія. *Чайя* суетливо бѣжитъ въ гаремный дворъ, оттуда опять къ намъ съ ладонью на сердцѣ, почтительно пропускаетъ насъ въ кунацкую, переговаривая что-то съ Бэкиромъ. Вотъ мы въ гостяхъ у татарской княгини; мы сидимъ на коврахъ, тянущихся сплошь вдоль трехъ стѣнъ кунацкой. *Чайя*—суровый, бородатый татаринъ съ просѣдью—устанавливаетъ предъ нами, на обычномъ табуретномъ столикѣ, какое-то оригинальное баранье рагу, пшенную кашу, сдобные татарскіе пирожки. Комната уже полна прислуги, и насъ разбираетъ смѣхъ при видѣ этикета, который соблюдается въ отношеніи насъ. *Чайя* позволяетъ себѣ находиться невдалекѣ отъ насъ, свободно куритъ трубку и садится около насъ на коверъ. *Обаджи*—дворецкій—хотя тоже куритъ трубку, но держится подальше и сидитъ только на корточкахъ. Поваръ помѣщается еще дальше отъ почетнаго угла и уже безъ трубки, а остальная прислуга вытянулась вдоль стѣны у самой двери и, кажется, не смѣетъ даже присѣсть на корточки. Подана сальная свѣчка, и одинъ изъ татаръ озабоченно держитъ въ своихъ рукахъ щипцы, которыя было бы удобнѣе оставить на столѣ. По временамъ, онъ мягкимъ шагомъ подходитъ къ столу, снимаетъ осторожно со свѣчи, и съ тою же безмолвною сосредоточенностью возвращается на свою прежнюю позицію у стѣны, откуда внимательно продолжаетъ наблюдать за нагараніемъ фитиля. Сосѣдъ его держитъ маленькую курильницу съ углемъ, третій—какой-то подносикъ. Всѣ проникнуты сознаніемъ своихъ важныхъ обязанностей. Еще новый слуга внесъ множество перинъ, пуховыхъ подушекъ и ватошныхъ одѣялъ. Хотя все это было сдѣлано не изъ полотна, а изъ дешеваго пестраго ситцу,

но отличалось безукоризненною чистотою. Пока тянулось наше угощенье и приготовленіе къ ночлегу, мною овладѣло какое-то такое знакомое чувство, въ которомъ я не сейчасъ далъ себѣ отчетъ. Мнѣ казалось, что я уже не разъ бывалъ въ этой обстановкѣ и видѣлъ уже этихъ людей, эти обычаи. Картины глубокаго дѣтства встали въ памяти. Крѣпостные лакеи, безполезно толпящіеся у барскаго стола, кто съ салфеткой, кто съ тарелкой, кто съ вилкой на подносѣ; то же многочасовое торчаніе вдоль стѣнъ съ заложенными назадъ руками, тѣ же сальныя свѣчи, тѣ же длинныя трубки и постоянная обязанность набивать ихъ; тѣ же дворецкіе и приказщики, тотъ же жирный и грубый вкусъ въ выборѣ кушаньевъ, даже расположеніе мебели въ нитку вдоль стѣнъ и изобиліе постельнаго добра—все это близко знакомое, недавно еще крѣпко жившее и недавно на вѣки погибшее!

Масса русскаго средняго дворянства,—не тѣ немногія фамиліи, которыя въ столичной службѣ успѣли рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку послѣ 1-го чина и съ 25-ти лѣтъ не выѣзжало съ своихъ вотчинъ—безъ всякаго сомнѣнія, заимствовало отъ татарскихъ мурзаковъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Но болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзака, его хозяйственная распущенность, его страсть къ лошадямъ и собакамъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣвственная громозвучность голосовъ, дѣвственно-мощные организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черные гнѣвные глаза, привыкшіе только приказывать, эти жосткіе, какъ грива, усы и волосы—все это я видѣлъ давно, въ эпоху своего отрочества, и все это я съ изумленіемъ увидалъ во всемъ живьѣ черезъ 25 лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожить среди татарскихъ мурзаковъ. Татарскій мурзакъ — это идеалъ, съ котораго копировался нашъ крѣпостной помѣщикъ....

До Бахчисарая мы рѣшились ѣхать прямо по степи, гдѣ и подняли отчаянную скачку на перегонки, ко всеобщей потѣхѣ. Если бы подъ нами были не татарскія лошади, не одинъ бы изъ насъ вернулся калѣкой. Это насъ раздразнила степь, ровная, безбрежная. Мы, конечно, нашли бы болѣе удобствъ въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже не разъ пользовались радушіемъ почтеннаго и гостепріимнаго коменданта Я. А. Ш—ка; но намъ не хотѣлось еще выбиваться изъ татарщины и разрушать нашу многодневную иллюзію. Поэтому рѣшено было остановиться въ татарскомъ *ханѣ*. *Ханъ* выбрали типическій, изъ такихъ, которые уже

начинаютъ исчезать, уступая мѣсто столь же неудобнымъ, еще болѣе грязнымъ и гораздо болѣе дорогимъ *нумерамъ* въ кабацко-русскомъ вкусѣ. На внутреннемъ дворѣ хана была полуоткрытая татарская кофейня съ фонтаномъ посрединѣ. Пока Бэкиръ дѣлалъ закупки и поилъ лошадей, мы сидѣли въ кофейнѣ на высокихъ и широчайшихъ диванахъ совсѣмъ съ ногами. *Кафеджи* угощалъ насъ въ крошечныхъ чашечкахъ черпымъ кофеемъ съ гущей, который онъ приготовлялъ съ большимъ мастерствомъ тутъ же на печи, въ маленькихъ узкогорлыхъ кофейникахъ турецкой формы. Изъ сосѣдней шашлышни татаринъ принесъ намъ нѣсколько палочекъ съ нанизанными на нихъ горячимъ и румянымъ *шашлыкомъ*, который еще весь шипѣлъ, и на который мы, конечно, съ жадностью накинулись. Присутствіе необычной публики въ кофейнѣ хана распространилось по сосѣдству, и много татаръ приходило глядѣть на насъ, особенно на нашу амазонку. Бэкиръ и тутъ пустилъ слухъ о князѣ, и весь дворъ скоро наполнился татарскими барышниками, которые предлагали заѣзжему князю купить у нихъ верховыхъ лошадей. Бахчисарайскія лошади дѣйствительно считаются за лучшихъ въ Крыму.

Вечеръ спустился тихій. Цвѣтущія деревья наполняли воздухъ своимъ запахомъ. Мы пошли насладиться фонтанами и розами дворцовыхъ садиковъ. Фонтаны всѣ были пущены, и тяжелыя струи ихъ звонко журчали въ бѣлые мраморные бассейны, перебивая другъ друга среди тишины лунной ночи. Луна стояла за *Соколиною башнею* гарема и бросала отъ нея, отъ высокихъ тополей, отъ мавританскихъ рѣзныхъ трубъ дворца— длинныя тѣни на росистый лугъ и на клумбы розовыхъ кустовъ. По балконамъ и крылечкамъ какъ-то таинственно ползли узорныя тѣни рѣшетокъ и деревьевъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться. Въ безмолвномъ благоговѣніи мы впивали въ себя красоту южной ночи въ поэтической обстановкѣ восточной роскоши. На балкончикѣ минарета, стройно высящагося въ купѣ такихъ же высокихъ тополей, у дворцовой мечети, мазинъ затянулъ вечернюю молитву. Мы смотрѣли на его черную фигуру, вырѣзавшуюся на фонѣ освѣщеннаго неба, и обращавшуюся поочередно ко всѣмъ странамъ свѣта. Онъ кричалъ пронзительно и заунывнымъ голосомъ, въ которомъ, какъ въ колоколѣ, не было ничего индивидуальнаго, ничего зависящаго отъ данной минуты.

На многочисленныхъ минаретахъ города *мазины* одинъ за другимъ стали подхватывать сигнальный гимнъ. То ближе, то дальше замирали ихъ голоса, взывавшіе къ правовѣрнымъ, и среди глубокой тишины слышны были спѣшные шаги молельщиковъ, собиравшихся въ ханскую мечеть.

Мечеть была отворена.

Огромная зала ея освѣщалась только въ самой глубинѣ рядами низкихъ подсвѣчниковъ, стоявшихъ передъ налойчиками алькорана. Въ срединномъ альковѣ, замѣняющемъ нашъ алтарь, тоже передъ складною скамеечкой съ алькораномъ, стоялъ на колѣняхъ толстый эффенди въ зеленой чалмѣ. Полъ былъ сплошь устланъ дорогими персидскими коврами. Немногіе татары-молельщики стояли рядами, не двигаясь, не произнося ни слова, словно статуи. Входившій оставлялъ передъ входною рѣшеткою свои туфли, и неслышной поступью по мягкимъ коврамъ присоединялся къ ряду этихъ окаменѣвшихъ людей. Ни малѣйшій шумъ не прерывалъ благоговѣйнаго теченія молитвы. Недалеко отъ входа, на шкурахъ дикой козы, сидѣли, поджавъ ноги, *мазины*. Изрѣдка мулла произносилъ священныя слова, и тогда всѣ начинали вслѣдъ за нимъ раскачиваться въ стороны, кланяться или поднимать кверху руки. Это дѣлалось совершенно какъ по командѣ, въ строжайшій тактъ: ни шуму, ни скрипу, съ поразительной легкостью и быстротою. Иногда голосъ подавалъ не мулла, а мазинъ. Онъ сидѣлъ дремлющій, весь погруженный въ себя, голова на груди, и вдругъ что-то найдетъ на него, онъ затянетъ пронзительный стихъ и азартно закачается изъ стороны въ сторону. Всѣ сразу подхватываютъ. Это мусульманское служеніе производитъ особенное впечатлѣніе. Обширный полутемный храмъ, движущіяся тѣни отъ кланяющихся и качающихся фигуръ, благоговѣйная тишина и непонятныя фанатическія завыванія, изрѣдка нарушающія ее, странно дѣйствуютъ на воображеніе, но все же выгоднѣе, чѣмъ толкотня и гамъ нашихъ деревенскихъ церквей.

Бахчисарайская дневка пришлась какъ разъ на полу-пути. Запаслись новою провизіею, перековали лошадей, чтобы пуститься еще сутокъ на трое въ горную глушь.

Чтобы не миновать ни одного пещернаго города, намъ нужно было теперь ѣхать черезъ Чуфутъ-Кале въ Біа-Салы, откуда легко производится осмотръ Тепе-Кермена и Качи-Кальена, и сдѣлать экскурсію, черезъ Мангушъ, въ Баклу.

Въ Салапчукѣ — цыганскомъ предмѣстьи Бахчисарая — мы наткнулись на оригинальную сцену, замедлившую нашъ путь.

Двухколесная крытая арба, обвѣшанная цвѣтными одѣялами и войлокомъ, еле-двигалась по рытвинамъ ручья, замѣняющаго улицу въ каждой татарской деревнѣ. Нѣсколько молодыхъ цыганъ въ татарскомъ нарядѣ (здѣшніе цыгане всѣ маго-

метанскаго исповѣданія) охраняли арбу отъ неистоваго напора разнохарактерной толпы татаръ и цыганъ. Провожатые дѣлали неимовѣрныя усилія, чтобы протиснуться хоть на одинъ шагъ впередъ. Верховые и пѣшіе, дѣти и большіе, мужчины и женщины, наперерывъ другъ передъ другомъ, силились остановить арбу, ухватываясь за колеса, за грядки, за упряжь лошадей. Крикъ и суматоха стояли невообразимые. Давили, падали, взвизгивали, ругались. Одинъ сердитый сѣдой старикъ изъ провожатыхъ колотилъ народъ направо и налѣво толстою палкою, не разбирая по чемъ, злобно сверкая глазами и оскаливая свои старые зубы. Отъ него увертывались, вопили, охали, но все-таки продолжали лѣзть и давить. Другой татаринъ стоялъ на арбѣ во весь ростъ и изрѣдка бросалъ въ народъ цвѣтные платки.

Что было внутри, не было видно: арба была завѣшена наглухо. Впереди арбы ѣхалъ татарскій мальчикъ, держа высоко надъ головою книгу алькорана, а за нимъ важно шли усатые музыканты, кто съ зурною, кто съ турецкимъ барабаномъ. Это была настоящая татарская свадьба, — *похищеніе жены.*

Обычай дозволяетъ останавливать похитителя всякому встрѣчному, особенно же жителямъ тѣхъ селъ, черезъ которыя двигается поѣздъ. Отъ нападающихъ нужно откупаться платками, лентами и т. д., а слобода Саланчукъ сплошь населена бѣдняками-цыганами. Охотниковъ до платковъ было здѣсь особенно много, а платковъ у жениха особенно мало. Оттого-то давка и дошла до такихъ размѣровъ. Маленькую арбу перекидывали раза два на бокъ и нѣсколько разъ отталкивали назадъ. Отрядъ провожатыхъ — дружковъ жениха — совсѣмъ выбился изъ силъ въ неравной и непрерывной борьбѣ. Музыка визжала и стучала, народъ кричалъ и бушевалъ. Когда арба повернула въ боковой проулокъ села и стала карабкаться на крутую скалистую гору — мы думали, что ей пришелъ конецъ. Въ тѣсномъ проулкѣ толпа еще болѣе сплотилась и изъ всѣхъ хатъ прибывали новые аттакующіе. Наконецъ арба остановилась недалеко отъ хаты жениха, къ которой подъѣхать было невозможно, на такой крутизнѣ стояла она. Женихъ закуталъ похищенную невѣсту совсѣмъ съ головою въ яркое шелковое одѣяло съ золотыми цвѣтами, и крѣпко держа въ рукахъ свою ношу, почти бѣгомъ бросился съ нею по крутизнѣ къ дверямъ хаты. Дружный взрывъ ободрительныхъ криковъ, зурны и турецкихъ барабановъ привѣтствовали удалого жениха. Тамъ уже собрались гости, и туда входили музыканты.

Между тѣмъ и мы подвинулись далѣе. Живописное ущелье Успенскаго скита благоухало садами. Въ эту узкую и глубокую

тѣснину уже забрались зеленыя тѣни и прохлада вечера, хотя солнце было высоко надъ степью. Чѣмъ-то непонятнымъ и чуждымъ намъ глядѣли эти окошечки келій, чернѣвшія высоко надъ землею, въ бѣлыхъ толщахъ известняка. Переходцы, лѣсенки, балкончики, прилѣплены надъ отвѣсною пропастью, какъ гнѣзда ласточекъ, словно жить въ нихъ не людямъ, а пернатымъ. Византійскія фигуры святыхъ мучениковъ, въ золотыхъ вѣнчикахъ и цвѣтныхъ одеждахъ, въ наивноблагочестивыхъ позахъ, писанныя прямо поверху скалы, окружаютъ входы пещерныхъ церквей и сообщаютъ характеръ глубокой средневѣковой древности этому полувоздушному, полуподземному скиту. Наверху столообразной скалы, въ которой высѣчены пещеры скита, огромный крестъ вѣнчаетъ всю западную стѣну ущелья; какъ будто и ущелья, окружающія его, и горы составляютъ одинъ титаническій храмъ. Къ этому кресту ведетъ чрезвычайно крутая лѣстница съ безчисленнымъ множествомъ ступеней, высѣченная въ толщѣ скалы. Мы поднялись по ней, и съ плоской вершины горы, уже обращаемой монахами въ плодовый садъ, могли свободно обозрѣть окрестность; только отсюда можно убѣдиться въ естественной принадлежности Успенскаго скита и Чуфутъ-Кале къ Бахчисараю, предмѣстьями котораго они всегда считались. И до Бахчисарая и до Чуфута отсюда рукою подать, а снизу, проѣзжая по окольнымъ дорогамъ среди скалистыхъ стѣнъ, даже не подозрѣваешь этой близости.

Долина, надъ которою мы стояли, полная теперь монастырскими садами, недавно еще носила названіе *Маріанполя, города св. Маріи*. Это былъ религіозный центръ крымскихъ грековъ, мѣстопребываніе ихъ митрополита; русское правительство, не задолго до присоединенія Крыма, намѣренно переселило отсюда грековъ на берега Азовскаго моря. Новый Маріанполь, или Маріуполь, въ предѣлахъ единоплеменной Россіи, долженъ былъ привлечь къ себѣ помыслы промышленныхъ крымскихъ грековъ и нанести сильный ударъ умирающему ханству.

До сихъ поръ сохранилась старинная привычка чествовать древнюю святыню Крыма, и 15-го августа, въ день Успенія св. дѣвы Маріи, старый Маріанполь, или Успенскій скитъ, наполняется толпами богомольцевъ, особенно грековъ. Игуменъ показывалъ намъ всѣ уголки своего горнаго хозяйства и, несмотря на лѣта свои, бодрѣе всѣхъ насъ поднялся по крутымъ ступенямъ къ подножію креста. Но мы спѣшили въ Чуфутъ и должны были отказаться отъ любезнаго приглашенія выпить чашку чаю подъ тѣнью монастырскихъ персиковъ.

Чуфутъ-Кале, *жидовская крѣпость*, по переводу на русскій

языкъ, лежитъ на такой же, совершенно отдѣльной столовой горѣ, какъ и Мангупъ, только высота и объемъ ея значительно меньше. Какъ Мангупъ, Чуфутъ-Кале былъ въ одно и то же время внутреннимъ, пещернымъ городомъ и нагорнымъ, наружнымъ, окруженнымъ стѣнами съ башнями. Южный обрывъ скалы, по неприступности своей, былъ повидимому безъ стѣнъ, такъ что развалины старинныхъ домовъ-бойницъ высятся теперь прямо надъ пропастью, по которой ползетъ дорога. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ почва мѣстами осыпалась, и они нависли надъ пропастью. Эти мрачныя жилища, принаровленныя больше къ защитѣ, чѣмъ къ удобствамъ жизни, крайне типичны и просятся въ альбомъ любопытнаго туриста.

Время основанія Чуфутъ-Кале неизвѣстно. Преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей, а также нѣкоторые писатели приписываютъ построеніе Чуфутъ-Кале какимъ-то сорока мужамъ, сорока разбойникамъ, основываясь можетъ быть именно на татарскомъ значеніи слова кыркъ (сорокъ). Почти единственный письменный памятникъ, уцѣлѣвшій здѣсь — это мавзолей Непекеджанъ-Ханымъ, дочери Тохтамышъ-Хана; но онъ относится только къ 1437-му году, стало быть, уже ко времени владѣнія татаръ.

Старинные писатели начинаютъ говорить о Чуфутъ-Кале только съ первой четверти XIV-го вѣка. Тогда этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кыркора; до сихъ поръ караимскіе раввины, составляя брачныя записи бахчисарайскихъ караимовъ, именуютъ ихъ въ этихъ актахъ старинпымъ именемъ «граждань Кыркора».

Открытіе Фирковичемъ на Чуфутскомъ кладбищѣ надгробной надписи перваго десятилѣтія нашей эры дѣлаетъ несомнѣннымъ, что караимы жили въ Чуфутъ-Кале еще до Р. Х. Слѣдовательно, основаніе его нужно отнести еще къ библейскимъ временамъ. Объ этой сѣдой древности краснорѣчиво говоритъ и число памятниковъ, которыми, можно сказать, сплошь засѣяна довольно обширная балка, прозываемая у караимовъ *Іосафатовою долиною.* Это имя дано кладбищу въ воспоминаніе Іерусалимской долины смерти, на которой будетъ происходить страшный судъ. Въ Чуфутской «долинѣ смерти» памятники уже стоятъ на памятникахъ. Множество плитъ ушло такъ глубоко въ землю, что до нихъ трудно теперь докопаться. Изъ историческихъ фактовъ, относящихся до Чуфута, положительно извѣстно только то, что въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ этотъ древній Кыркоръ или Киркіель былъ главнымъ мѣстопребываніемъ крымскихъ хановъ.

Въ одномъ изъ полувисячихъ старинныхъ домовъ Чуфутъ-Кале, совершенно впрочемъ подновленномъ, живетъ Авраамъ Фирковичъ, стражъ и патріархъ Чуфута. Мы ѣхали прямо къ Фирковичу, и онъ ждалъ насъ. Престарѣлый раввинъ встрѣтилъ своихъ гостей на одной изъ мертвыхъ улицъ мертваго города. Еслибы его не провожалъ другой караимъ, совершенно житейскаго вида, Фирковича не трудно было бы принять за призракъ. Среди гробового вида этихъ ветхозавѣтныхъ развалинъ, напоминающихъ запустѣвшіе города Палестины и Сиріи, предъ нами появился старецъ, высокаго роста, величаваго вида, въ костюмѣ настоящаго Мельхиседека. Онъ одѣтъ былъ въ длинный хитонъ, на головѣ его была бѣлая круглая шапка съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, фіолетоваго цвѣта, что-то среднее между чалмою Шамиля и митрой библейскихъ первосвященниковъ. Опираясь на посохъ, онъ твердыми шагами приблизился къ намъ и привѣтствовалъ насъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Мы сошли съ лошадей и послѣ обычныхъ вѣжливостей отправились, по приглашенію старца, осматривать достопримѣчательности мертваго города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то синагогою, служитъ теперь книгохранилищемъ Фирковичу. До самаго потолка идутъ полки, тѣсно набитыя рукописями. Даже на полу нѣтъ мѣста отъ нихъ. Все это — фоліанты, иногда на половину истлѣвшіе, свитки пергамента, цѣлыя кожи, покрытыя семитическими письменами. Видъ этихъ библіофильскихъ сокровищъ вселяетъ почтеніе. Нужно много вѣры въ свои силы, въ свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться въ прахъ минувшихъ вѣковъ, анализировать его и освѣтить мыслію своего вѣка. Фирковичъ собиралъ эти рукописи въ разныхъ частяхъ свѣта: въ Каирѣ, въ Дамаскѣ, въ Дербентѣ, въ Вильнѣ. Пользуясь своими связями съ караимскими раввинами всѣхъ странъ, онъ пріобрѣталъ иногда такія рукописи, которыя переходили по наслѣдству отъ дѣдовъ къ внукамъ, подъ заклинаніями, какъ семейная и религіозная тайна.

Ни одинъ европейскій ученый не былъ въ этомъ отношеніи поставленъ такъ выгодно. Только ревнителю и хранителю древней вѣры отцовъ довѣрялись заповѣдныя сокровища, недоступныя для иновѣрцевъ. Только ему открывались таинственныя преданія караимскихъ старцевъ, ожидавшія цѣлыми столѣтіями достойнаго воспріемника. Фирковичъ созерцалъ собранныя имъ сокровища, исполненный гордости. Онъ многорѣчиво, съ юношескимъ жаромъ, объяснялъ намъ значеніе наиболѣе замѣчательныхъ рукописей и исторію пріобрѣтенія ихъ. Онъ го-

рячо жаловался, что его неусыпные труды на пользу науки пропадутъ безплодно, что у него нѣтъ помощниковъ и не будетъ продолжателей. «Мнѣ уже 90 лѣтъ, а посмотрите сколько еще дѣла!» горячился онъ, указывая своею костлявою рукою на полные архивы, насъ окружавшіе. Публичная библіотека уже купила разъ у Фирковича его собраніе восточныхъ рукописей за 100 т. р. с. Но почтенный раввинъ съ презрительною насмѣшкою отзывался о библіотекѣ, которая ограничилась помѣщеніемъ его рукописей въ шкафы и прибитіемъ ярлычка. Онъ негодовалъ на то, что до сихъ поръ ни одинъ ученый не командированъ для разбора и изданія этихъ сокровищъ, единственныхъ въ мірѣ, по мнѣнію собирателя. Ихъ покупали въ королевскую лондонскую библіотеку, говорилъ Фирковичъ, и въ Европѣ они навѣрное породили бы уже цѣлую литературу; но онъ не хотѣлъ лишить свое собственное отечество такого пріобрѣтенія.

По словамъ Фирковича, онъ не разъ просилъ министра народнаго просвѣщенія и разныхъ важныхъ лицъ объ оказаніи ему пособія къ разбору и изданію собранныхъ рукописей, но ни отъ кого ничего не добился.

«Если бы мнѣ дали десять оріенталистовъ, всѣмъ бы нашелъ занятія на цѣлую ихъ жизнь!» хвастался увлеченный старикъ.

Живучесть этого ученаго старца по истинѣ изумительна. Цѣлые дни и ночи проводитъ онъ въ этихъ полутемныхъ сводахъ, роясь въ своихъ пергаментахъ, подбирая перепутанныя рукописи листокъ къ листу, дѣлая безчисленные комментаріи и выписки. Онъ читаетъ безъ очковъ самый мелкій почеркъ полинявшихъ пергаментовъ и пишетъ замѣчательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушитъ его, а одушевляетъ какою-то страстью. Онъ видитъ прелесть поэзіи и святость долга въ своей отшельнической жизни среди мертваго города, въ своей кротовой работѣ надъ письменами восточной древности. Главной заслугой своей Фирковичъ почитаетъ открытіе древняго Пятикнижія, писаннаго съ помощью совершенно особенныхъ титловъ.

Старикъ разсказывалъ объ этой находкѣ съ таинственностью и дѣтскимъ восторгомъ. Однажды ночью онъ, по обычаю своему, занимался въ библіотекѣ разборомъ рукописей и захотѣлъ посмотрѣть, не заключаютъ ли въ себѣ какихъ-нибудь особенностей древніе свитки Пятикнижія, сложенные въ алтарной скиніи этой бывшей синагоги.

«Когда я съ надлежащими молитвами вынесъ на рукахъ своихъ одну за одною всѣ наши древнія святости и удостоился облобызать ихъ, я вдругъ замѣтилъ, что подъ поломъ скиніи

находится пустота. Я пошелъ за ломомъ, заперся на ключъ и проработалъ всю ночь. Подъ поломъ было много разныхъ книгъ, и ниже всѣхъ ихъ древній свитокъ Пятикнижія. Я благоговѣйно развернулъ его — и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Пятикнижіе это было написано совершенно особеннымъ образомъ, какимъ не писались еврейскія книги ни прежде, ни послѣ. Со мной сдѣлалась лихорадка отъ волненія. Я думалъ сначала, что помутился мой старый разумъ и мои старые глаза, и не позволилъ себѣ читать далѣе священной книги. На другое утро я поѣхалъ нарочно въ Мангупъ-Кале, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли такихъ же титловъ на древнихъ надписяхъ гробницъ; но не нашелъ ничего подобнаго. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, чувствуя, что я здоровъ и не брежу, я убѣдился въ дѣйствительности своего открытія. Я ѣздилъ потомъ въ евпаторійскую синагогу, сличалъ самые древніе списки Пятикнижія съ найденною рукописью, писалъ объ этомъ многимъ ученымъ нашимъ раввинамъ, но нигдѣ и ни отъ кого не видалъ и не слыхалъ о томъ, что̀ мнѣ такъ нежданно захотѣлъ открыть Господь.»

Фирковичъ полагаетъ, что введеніе новаго способа изображенія священнаго писанія грозило опасностью автору, такъ какъ отъ способа начертанія еврейскихъ словъ зависитъ и объясненіе ихъ, и что поэтому авторъ нововведенія, изъ боязни обвиненій въ ереси, вынужденъ былъ скрывать свою рукопись въ таинственномъ мѣстѣ.

Фирковичъ разсказывалъ намъ также съ большимъ экстазомъ о своей встрѣчѣ на Востокѣ съ англійскими оріенталистами. Въ костюмѣ турка, онъ списывалъ гдѣ-то въ Галилеѣ интересную надгробную надпись на древне-коптскомъ языкѣ. Двое англичанъ долго присматривались къ нему и наконецъ подошли спросить, что̀ онъ дѣлаетъ.

Знакомство̀ старика турка съ древне-коптскимъ языкомъ крайне удивило путешественниковъ, и они просили позволеніе записать его имя въ свои записныя книжки. При имени Фирковича, англичане, оказавшіеся учеными оріенталистами, выразили живѣйшую радость, увѣрили старика, что давно знаютъ и уважаютъ его ученые труды и что почитаютъ за особенное удовольствіе такое неожиданное знакомство съ нимъ. Старикъ сіялъ гордостью, вспоминая о такомъ эффектномъ признаніи его заслугъ.

Почтенный раввинъ добылъ нѣсколько новыхъ фактовъ и для исторіи крымскихъ караимовъ; онъ прочелъ и списалъ надписи всѣхъ безчисленныхъ гробницъ Іосафатовой долины, лежащей у подножія Чуфута и всего караимскаго кладбища въ Мангупъ-

Кале. Онъ откопалъ самыя древнія гробницы, почти совершенно ушедшія въ землю, и съ помощью ихъ и рукописныхъ данныхъ, исправилъ и пополнилъ хронологію караимской исторіи.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка знающаго священное писаніе съ такою глубокою основательностью и изъ первыхъ источниковъ, какъ Авраамъ Фирковичъ. Это истинный мастеръ своего дѣла. Онъ передавалъ мнѣ множество замѣчаній поразительной убѣдительности, которыя, по словамъ его, онъ представлялъ покойному митрополиту Филарету и другимъ нашимъ ученымъ богословамъ, по поводу перевода библіи на русскій языкъ. Кстати сказать, караимскій раввинъ не признаетъ греческаго подлинника, съ котораго мы перевели свои священныя книги, за библію 70-ти толковниковъ. Онъ считаетъ также совершенно произвольною и невѣрною всю нашу библейскую хронологію. Странно было слушать, съ какою непоколебимою самоувѣренностью и снисходительностью наставника этотъ караимскій ученый обсуждалъ наши сильнѣйшіе авторитеты, по части библейской исторіи. Послѣ осмотра чуфутскихъ древностей, Фирковичъ пригласилъ насъ въ свой домъ. Съ стеклянной галлереи его видна надалеко вся окрестность и особенно Іосафатова долина, эта неисчерпаемая нива раскопокъ и изслѣдованій Фирковича.

Въ домѣ Фирковича господствуетъ ветхозавѣтная патріархальность. Старшій сынъ раввина, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ и, кажется, отецъ семейства, съ почтительностью снялъ туфли съ ногъ отца и принялъ его посохъ.

Женщины не смѣютъ показываться постороннимъ. Къ соблазну благочестивыхъ караимовъ, 90-лѣтній Авраамъ Фирковичъ, духовный ихъ глава и руководитель своихъ единовѣрцевъ, недавно хотѣлъ жениться на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ; это подражаніе библейскому Аврааму не состоялось только вслѣдствіе открывшагося ропота всего караимскаго общества, и чуфутскій патріархъ остался пока безъ Агари. Случай этотъ свидѣтельствовалъ столько же о полнотѣ жизненныхъ силъ этого замѣчательнаго старца, сколько о его библейскомъ воззрѣніи на бракъ. Семья Фирковича—единственные обитатели Чуфута. Для Фирковича Чуфутъ-Кале — какая-то обѣтованная земля, исполненная всякихъ утѣхъ и удобствъ. Онъ не знаетъ воздуха лучше Чуфута, не знаетъ видовъ красивѣе. Съ галлереи своей онъ любуется моремъ и степью, горами и развалинами древностей. У ногъ его, какъ на ладони, Іосафатова долина, усыпальница всего его племени въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій.

Охраненіе древностей Чуфута, возвеличеніе его въ исторіи и, если можно, возстановленіе въ немъ угасшей караимской

жизни—Фирковичъ сдѣлалъ просто задачею всей своей дѣятельности. На свой счетъ онъ нанимаетъ сторожа, защищать отъ отъ расхищенія камни и желѣзо мертваго города; онъ купилъ на собственныя деньги, кажется, восемь опустѣвшихъ домовъ, чтобы имѣть больше права къ поддержанію ихъ. Онъ постоянно побуждаетъ бахчисарайскихъ караимовъ переселяться въ Чуфутъ и заводитъ съ этою цѣлью сношенія съ караимами Литвы. Синагога въ Чуфутѣ и школа для дѣтей поддерживается исключительно его энергіей.

Если матеріальные интересы торговаго караимскаго племени мѣшаютъ ему промѣнять населенный городъ на патріотическую пустыню, гдѣ даже капли воды нѣтъ, то по крайней мѣрѣ Чуфутъ-Кале долженъ остаться средоточіемъ духовной жизни караимскаго народа. Здѣсь караимы начинаютъ учиться божественной мудрости, здѣсь совершаютъ свои молебствія и обряды, сюда, въ чуфутскую долину смерти, возвращаются всѣ они, окончивъ жизненный путь.

Впрочемъ, 90-лѣтній патріархъ исполненъ вѣры, что вскорѣ возвратятся въ свой древній городъ и живые его соплеменники.

Когда старикъ угощалъ насъ, по обычаю караимовъ, кофеемъ и гальвою, я попросилъ на память его фотографическую карточку, предполагая, что частыя столкновенія съ людьми разнообразныхъ убѣжденій, сообщенія со столицею и далекія путешествія разрушили въ ученомъ раввинѣ нелѣпые предразсудки татарства. Но старикъ категорически объявилъ мнѣ, что считаетъ грѣхомъ снимать съ себя портретъ.

Вообще онъ педантически стоитъ за всѣ обычаи и обряды своей религіи, какъ бы ни были они маловажны и внѣшни. Онъ жестоко осуждаетъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые, подъ вліяніемъ русской жизни, позволяютъ себѣ отступленіе отъ старины въ одеждѣ, сношеніяхъ съ иновѣрцами, исполненіи церковныхъ уставовъ.

Я знаю научно-образованныхъ и весьма развитыхъ караимовъ, которые въ присутствіи Фирковича боятся ѣсть за столомъ русскихъ, а въ субботу не осмѣливаются надѣвать на себя часы или брать въ руки книгу. Фирковичъ далеко не фанатикъ по убѣжденіямъ, и терпимость его по отношенію къ иновѣрцамъ безгранична. Но онъ караимъ до мозга костей и страстно жаждетъ поддержки стараго караимства во всѣхъ его особенностяхъ. Онъ понимаетъ, что послабленіе въ формѣ незамѣтно перейдетъ на болѣе существенныя стороны караимскихъ особенностей и кончится слитіемъ этого племени съ господствующимъ народомъ. Археологъ сказывается во всѣхъ его вкусахъ и дѣйствіяхъ.

III.

Ночное путешествіе.—Памятники «Готвейскаго кладбища».—Пещеры Тепе-Кермана.—Качи-Кальенъ и св. Анастасія.—«Дурачковъ хуторъ».—Бакла—послѣдній пещерный городъ.

Чуфутскій отшельникъ задержалъ насъ дольше, чѣмъ мы разсчитывали.

Дождливая ночь скоро окутала насъ, и Бэкиръ усиленно напрягалъ свои татарскіе глаза, чтобы не завести насъ въ какую-нибудь трущобу. Ѣхать рысью было буквально невозможно, и мы сокращали утомительный путь оживленною бесѣдою. Всѣ были увѣрены, что мы заблудились, что Бэкиръ ведетъ насъ не туда, куда слѣдовало. Мы уже часа четыре были на сѣдлѣ и еще не встрѣтили никакого жилья. Подъѣхали къ какой-то рѣчкѣ. Въ Крыму съ рѣчками нѣтъ никакихъ церемоній: мостовъ не полагается, и не только всадникъ, даже пѣшеходъ смѣло идетъ въ воду, заранѣе увѣренный, что вездѣ найдетъ бродъ съ каменистымъ дномъ.

Передовые наши всадники безпечно въѣхали въ рѣчку. Вдругъ мы услышали крикъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, но по шуму и крику ясно было, что лошади провалились и не могутъ выскочить на берегъ. Наши лошади испуганно шарахнулись назадъ. Наконецъ авангардъ выбрался, мокрый по поясъ. Оказалось, что отъ горныхъ дождей вода страшно поднялась, и переѣздъ сдѣлался просто опасенъ. Особенно заботила насъ и Бэкира наша «ханымъ» съ амазонскимъ шлейфомъ. Лошади, хотя и татарскія, упирались какъ ослы и не шли въ воду, запуганныя неожиданнымъ проваломъ передовыхъ. Бэкиръ и кое-кто изъ молодежи опустились въ рѣчку, чтобы нащупать мелкое мѣсто. Ханымъ перенесли на рукахъ, а лошадей перетащили въ поводу. Хотя было много смѣху, по этому поводу, но это ночное купанье было совсѣмъ некстати. И безъ того пронзительный сырой вѣтеръ долины нагонялъ лихорадочную дрожь. Разливъ рѣки стоялъ широко. Мы очутились въ большой деревнѣ. Рѣка была Кача, деревня Біа-Салы. Было уже очень поздно, всѣ давно спали. Напрасно Бэкиръ стучалъ поочереди въ каждую встрѣчную хату кнутовищемъ своей нагайки, кулаками и ногами. Хохлы, обитатели этой глухой деревни, нерасположены были нарушать свой покой ради какихъ-то ночныхъ бродягъ. Положеніе дѣлалось не на шутку сквернымъ, особенно тѣмъ, кто прогулялся по поясъ въ водѣ. Кто-

то вспомнилъ, что въ Біа-Салахъ есть какое-то начальство. Отправились къ этому начальству; послѣ многихъ усилій разбудили парня, спавшаго на дворѣ, но онъ объявилъ намъ, что начальство теперь въ городѣ, и что безъ него некому распорядиться объ отводѣ казенной квартиры. Однако, когда мы рѣшительно объявили ему, что въ такомъ случаѣ переночуемъ въ охраняемомъ имъ домѣ, и убѣдили его, что мы сами начальство, парень растолкалъ въ хатѣ какого-то старика, и старикъ отправился съ нами мыкаться по селу за отыскиваніемъ казенной квартиры. Въ двухъ хатахъ онъ ничего не достучался и отступилъ къ третьей. Оттуда его встрѣтили ругнею и препирательствами. Около полчаса нужно было всѣмъ намъ вести дружную аттаку, военную и дипломатическую, чтобы побѣдить упорство хозяйки-хохлушки, защищавшей неприкосновенность своего очага. Мы серьезно обрадовались, когда очутились наконецъ въ теплой и чистой малороссійской горницѣ, до потолка заваленной пуховыми подушками, и вмѣсто неумолимой защитницы дверей нашли радушную хозяйку, хлопотавшую вокругъ столь желаннаго самовара...

Утромъ я разсматривалъ старое греческое кладбище вокругъ церкви. Русскіе колонисты, преимущественно солдаты, были поселены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма тотчасъ послѣ присоединенія его въ 1783-мъ году, вмѣсто грековъ, удалившихся на берега Азовскаго моря незадолго до присоединенія. Біа-Салы вмѣстѣ съ Мангупомъ и другими селами были въ числѣ этихъ первоначальныхъ русскихъ сельбищъ, и русскій храмъ былъ устроенъ на мѣстѣ стараго греческаго. Я замѣтилъ на горѣ, съ другой стороны села, множество могильныхъ камней.

— Это вѣрно тоже греческое кладбище? спросилъ я провожавшаго меня старшину.

— Нѣтъ, это не греческое, отвѣчалъ мой проводникъ. Старики наши сказывали, что слыхали отъ грековъ, будто это *готвейское* кладбище; сказываютъ *готва* какая-то еще прежде грека тутъ находилась.

Это имя готѳовъ, перешедшее въ народную легенду и даже принявшее чисто русскую складку, признаюсь, удивило и обрадовало меня.

Мы тотчасъ же направились на гору къ этому «Готвейскому» кладбищу. Я сначала заподозрилъ, не проникло ли это имя въ уста народа черезъ какого-нибудь сообщительнаго изслѣдователя старины, и счелъ долгомъ разспросить, часто ли бываютъ въ Біа-Салахъ проѣзжіе, и не осматривалъ ли кто изъ нихъ кладбище. Старики увѣряли, что на ихъ памяти никто никогда не осмат-

ривалъ старыхъ могилъ и не заѣзжалъ къ нимъ съ подобною цѣлью. Они передали только, со словъ своихъ дѣдовъ, что греки, при устройствѣ своей церкви, уже теперь разрушенной, растаскали почти всѣ большіе камни изъ развалинъ древней готвейской церкви, стоявшей среди кладбища.

То, что я нашелъ на горѣ, превзошло мои ожиданія. Вокругъ безпорядочныхъ развалинъ церкви, шло по скату горы огромное кладбище, сплошь усѣянное могильными плитами и гробницами разнообразнаго и оригинальнаго вида. Добрая половина ихъ вросла въ землю; отъ нѣкоторыхъ торчали только углы. Ни одной надписи, даже ни одной буквы не нашелъ я на этихъ каменныхъ гробницахъ. Всѣ онѣ были высѣчены изъ плотнаго и тяжелаго известняка и отличались своею величиной. Тѣ, которыя очень углубились въ землю, были особенно велики, три съ половиною, четыре и болѣе аршинъ длины. Это, безъ сомнѣнія, старѣйшія по возрасту. Форма ихъ проще всѣхъ другихъ: четырех-угольный ровно отесанный камень аршина $1^1/_2$ ширины и высоты. Почти на каждомъ изъ такихъ плоскихъ камней высѣчено изображеніе какого-нибудь орудія: на одномъ кузнечныя клещи, на другомъ характерная пастушья горлыга (посохъ), которою до сихъ поръ ловятъ за ноги своихъ овецъ крымскіе и малороссійскіе чабаны; на третьемъ, что-то въ родѣ пилы или пялецъ; попадались также изображенія веревки, свернутой вдвое, какихъ-то подобій копья и гребня, наконецъ круги съ вписанными въ нихъ и взаимно пересѣкающимися трехугольниками; ничего похожаго на крестъ, ничего напоминающаго христіанскую религію.

Второй типъ памятниковъ, очевидно, второй и по времени, представляетъ уже гробовидный камень, поставленный на двухъ и трехъ плоскихъ камняхъ, образующихъ пьедесталъ со ступенями. На такихъ памятникахъ является довольно сложная и красивая каменная рѣзьба и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ они имѣютъ съ восточной стороны,—конечно, въ головахъ покойниковъ,—прямо стоящіе камни или рога, вдѣланные въ гробницу. Немногіе изъ этихъ памятниковъ двурогіе, большинство однорогое. Съ восточной, т.-е. наружной стороны рога въ каждомъ памятникѣ сдѣлано полукруглое или готическое углубленіе, въ которомъ, вѣроятно, ставилась свѣчка или кутья для покойника. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ въ узорѣ рѣзьбы кресты замысловатой формы, и потому должны считаться христіанскими. Самые оригинальные изъ этихъ памятниковъ—памятники двойные; они представляютъ двѣ гробницы или одинаковой величины или одну большую и при ней другую крошечную; и тѣ, и

другія всегда изъ цѣльнаго камня. Вѣроятно, подъ первыми погребались мужъ и жена, подъ вторыми отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и пр.

Рога памятниковъ второго типа особенно изукрашены, и на нихъ также можно видѣть иногда знаменательныя изображенія: то деревья, то виноградныя кисти.

Самый позднѣйшій типъ Біа-сальскихъ гробницъ представляютъ плоскіе широкіе камни, украшенные изящною рѣзьбою, и врѣзанные стоймя въ лежачія плиты. Онѣ уже всѣ съ крестами и далеко не представляютъ той устойчивости, какъ тяжелыя древнія гробницы.

Внимательно разсматривая «готвейское» кладбище, можно прослѣдить всѣ постепенности перехода отъ древнѣйшаго типа гробницъ къ позднѣйшему. Позднѣйшія, повидимому сосредоточиваются ближе къ развалинамъ церкви. Но какъ тѣ, такъ и другія, всѣ обращены головами на востокъ.

Я тщательно перерисовалъ въ свой путевой альбомъ оригинальнѣйшія гробницы каждаго типа, но, къ сожалѣнію, не могъ добыть никакихъ матеріаловъ для исторіи этого кладбища. Трудно думать, чтобы эти камни безъ надписей принадлежали просвѣщенному племени эллиновъ; изображенія орудій грубыхъ промысловъ на грубыхъ плитнякахъ, почти ушедшихъ въ землю, указываютъ на болѣе невѣжественную, совсѣмъ нелитературную эпоху народной жизни.

Послѣ многихъ разспросовъ я узналъ, что въ верховьи Марты, недалеко отъ Чатыръ-Дага, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ есть кладбище съ совершенно такими же гробницами, но гораздо болѣе вросшими въ землю. Стало быть, вѣковые лѣса успѣли уже разростись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ когда-то были многолюдныя сельбища человѣка.

Вообще все русло Марты, теперь пустынное, поросшее лѣсомъ, засыпанное голышами, представляетъ несомнѣнные признаки прежняго ея обитанія. Среди лѣсной дичи вы встрѣчаете цѣлые сады грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Они особенно замѣтны рано весною, когда бѣлый цвѣтъ одичавшихъ садовъ ярко выдѣляется на темномъ фонѣ еще безлистныхъ дубовъ и буковъ.

Многія мѣстности Крыма представляютъ то же чтó Марта. Марта очевидно была въ старину цвѣтущею и населенною долиною, въ которой жили такіе же дѣятельные садоводы и стояли такія же роскошныя селенія, какіе живутъ и стоятъ теперь въ долинахъ Качи и Бельбека.

Верстъ пять внизъ отъ Біа-Салы, у сѣвернаго берега качин-

ской долины, стоитъ Тепе-Керманъ. Къ нему можно подъѣхать отъ Бахчисарая черезъ Чуфутъ-Кале, не заѣзжая въ Біа-Салы, а еще легче изъ качинской долины черезъ деревню Шюрю.

Странный видъ представляетъ эта пустынная гора. Съ запада, отъ моря и севастопольскаго шоссе она видна издалека. Ея пирамиду съ голой вершиной сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ горъ. Меньше всего видишь ее, когда къ ней подъѣзжаешь отъ Бахчисарая. Рельефъ горъ, ее окружающихъ, столько же оригиналенъ, сколько однообразенъ. Вы никакъ не выѣдете изъ узкихъ траншей, обнесенныхъ ровною и отвѣсною каменною стѣною; стѣна эта кажется сплошною на многія версты; она изгибается какъ лента по извивамъ ущелья, но нигдѣ не прорывается, нигдѣ не представляетъ ни отдѣльныхъ утесовъ, торчащихъ башнями, ни округленныхъ возвышеній сверхъ линіи своего уровня. Лѣсу почти нѣтъ, вездѣ кругомъ камень и зной Сирійской пустыни. Мнѣ невольно пришелъ на память геніальный карандашъ Густава Доре́, который въ своей иллюстраціи Дантовскаго ада вселяетъ въ душу наблюдателя подавляющую безнадежность именно этимъ однообразіемъ отвѣсныхъ сплошныхъ скалъ, изъ которыхъ не можетъ быть выхода.

Гора Тепе-Кермана отдѣляется отъ сплошной стѣны скалъ и стоитъ пирамидальнымъ островомъ, окруженная долиною. Голая желтая вершина ея обточена въ громадный четырехугольникъ, который торчитъ на еще болѣе громадной конической горѣ бѣлаго цвѣта, словно настоящій каменный за̀мокъ. Вершина эта съ южной и восточной стороны вся продыравлена ячейками пещеръ; они чернѣютъ издали въ нѣсколько ярусовъ, окна окнами. Тамъ тоже былъ древній пещерный городъ. Нужно оставить лошадей у подножія сыпучей известковой горы и предпринять нелегкое восхожденіе къ пещерамъ. Подъ отвѣсомъ вершины пріютился кругомъ лѣсокъ, который даетъ хотя нѣсколько вздохнуть. Дороги наверхъ нѣтъ; кромѣ стадъ козъ и барановъ никто не посѣщаетъ этотъ подземный городъ, поднятый къ облакамъ. На отвѣсныя скалы не найдете даже пѣшей тропинки. Гдѣ онѣ и были, тамъ завалили ихъ постоянно осыпающіяся известковыя стѣны. Черезъ это осмотръ многихъ пещеръ крайне затруднителенъ, иногда почти невозможенъ. Вы лѣпитесь по ненадежному карнизу, осыпающемуся подъ ногами, держась за растенія и камни; круглые выступы, которые невозможно обойти, перерѣзаютъ вамъ дорогу, и вы должны тогда спускаться внизъ въ лѣсъ, или лѣзть прямо наверхъ. Особенно трудно было отыскать церковь, о которой я зналъ по описаніямъ прежнихъ путешественниковъ. Въ ней главная примѣчательность Тепе-Кермана.

Она вдвое обширнѣе и повыше большинства пещеръ, вообще очень низкихъ. Продолговатая и довольно узкая зала саженъ пять въ длину, вырубленная въ известковой скалѣ,—освѣщается тремя окнами; къ наружной (оконной) стѣнкѣ придѣланъ алтарикъ, котораго каменные столбики частью еще стоятъ, частью замѣтны по оставшимся на потолкѣ капителямъ. Пространство за алтаремъ было повидимому назначено для погребенія избранныхъ. Тамъ замѣтны двѣ гробницы, врубленныя въ почву; одна изъ нихъ совсѣмъ маленькая, очевидно дѣтская, и кажется давно уже открыта. Еще глубже, какъ разъ у поперечной стѣнки церкви, высѣчено изъ той же скалы нѣчто въ родѣ купели или католической кропильницы. Низенькія и довольно глубокія ниши въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ храма, вѣроятно, также назначались для погребенія. Остальныя пещеры Тепе-Кермана не представляютъ никакой оригинальности: тѣ же своды, цистерны, столбы, ступени, какъ и въ Эски-Керманѣ, никакихъ остатковъ домашней утвари. Единственная особенность ихъ—множество человѣческихъ череповъ и другихъ костей, наполняющихъ нѣкоторыя пещеры. Это обиліе костей, низкіе размѣры пещеръ и присутствіе гробницъ въ подземной церкви заставляютъ думать, что тепекерманскія пещеры служили мѣстомъ погребенія какому-нибудь христіанскому племени.

Слѣдовъ за́мка и крѣпости, о которыхъ упоминаютъ писатели прежняго времени, теперь почти уже не видно. Въ одномъ только мѣстѣ встрѣчаешь явственные признаки фундамента изъ очень большихъ камней. Повидимому, фундаментъ этотъ поддерживалъ прежде очень тяжелое строеніе, четырехугольную башню, за̀мокъ или что-нибудь подобное. Въ другихъ мѣстахъ небольшія кучки мусору едва могутъ напомнить человѣческую постройку. Само названіе горы, означающее по переводу съ турецкаго, «*крѣпость горной вершины*» (тепе—значитъ вершина горы) доказываетъ несомнѣнно существованіе на вершинѣ Тепе-Кермана за̀мка или крѣпости въ то время, когда сложилось это татарское названіе его.

Готвейское кладбище, лежащее почти у подножія тепекерманской пирамиды, наводитъ на мысль, что Тепе-Керманъ былъ, въ числѣ другихъ столовыхъ горъ, однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ готѳовъ-трапезитовъ. Наверху, на темени тепекерманской пещерной скалы, отличное зеленое пастбище и отличный наблюдательный пунктъ. Не знаю, чего не видно отсюда! У самыхъ ногъ вьется долина Качи и разсыпана деревня Шюрю, въ которую намъ нужно теперь спускаться.

Качи-Кальёнъ менѣе всѣхъ похожъ на другіе пещерные города. Это уже не столовая гора, возвышающаяся островомъ среди ущелій, какъ Чуфутъ-Кале, Эски-Керманъ, Мангупъ-Кале и Тепе-Керманъ. Качи-Кальёнъ находится въ высокомъ каменномъ обрывѣ качинскаго берега. Кача стѣснена имъ здѣсь, какъ Дунай желѣзными воротами, выше Качи-Кальёна и ниже его Кача течетъ свободно, въ сравнительно низкихъ берегахъ. Правый берегъ ея въ Качи-Кальёнѣ—разрѣзъ огромной горы. Подъѣзжать къ Качи-Кальёну по лѣсной и садовой долинѣ гораздо веселѣе, чѣмъ по сирійскимъ ущельямъ Тепе-Кермана. Видъ Качи-Кальёна поразителенъ именно рѣзкою противуположностью роскошной зеленой чащи, заполонившей долинную низменность и лѣвый берегъ Качи, съ грандіознымъ каменнымъ обрывомъ праваго берега. Обрывъ этотъ имѣетъ форму титаническаго алькова, полукруглаго свода, въ которомъ умѣстилась бы Хеопсова пирамида и Петропавловскій соборъ Рима. Альковъ этотъ образовался оттого, что вся середина горнаго обрыва вывалилась и разсыпалась въ щебень. Каскады и потоки камней сбѣгаютъ теперь изъ-подъ свода къ руслу Качи, словно извергнутые кратеромъ вулкана. Цѣлые огромные утёсы въ числѣ ихъ. Куда ни взглянетъ глазъ на правомъ берегу, всюду этотъ хаосъ утесовъ и обломковъ. Среди нихъ вы видите во множествѣ камни съ окнами и дверями, скрывающіе въ себѣ пещеры. Одни стоятъ кверху ногами, другіе на боку, отъ одних остались только черепки скорлупы, какъ отъ разбитаго яица, другіе уцѣлѣли такъ хорошо, словно ихъ выдолбили уже послѣ паденія. Обрывъ Качи-Кальёна пестрѣетъ разными красками своихъ горныхъ породъ, и это очень ладитъ съ свѣжею зеленью, кое-гдѣ его опушившей. Красные тоны массы господствуютъ надъ всѣми. У подошвы гигантскаго алькова, на крутомъ откосѣ берега, стоитъ новенькая церковь и два запустѣвшихъ домика. Въ старину при грекахъ здѣсь былъ монастырь св. Анастасіи, привлекавшій много богомольцевъ къ своему цѣлебному источнику. До сихъ поръ, не помню въ какое именно время, стекаются сюда богомольцы и производится служба въ нарочно построенной для этого церкви. Оттого и самъ Качи-Кальёнъ теперь больше извѣстенъ подъ именемъ Анастасіи. Русскіе и греки даже не знаютъ другого имени.

Новая церковь нисколько не интересна, но выше ея, среди обломковъ, поросшихъ деревьями, видны развалины стараго монастыря съ подземными сводами и съ раскинутыми кругомъ гробницами. Кресты греческой формы высѣчены на многихъ камняхъ. Но особенно интересенъ каменный крестъ въ нишѣ

утеса. Можно и теперь представить себѣ живописность этой маленькой обители, напоминающей собой Успенскій скитъ.

Повидимому, древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которыя до такой степени покрываютъ мѣстность, что не только дѣлаютъ невозможнымъ тщательное разслѣдованіе развалинъ, но даже едва даютъ проходъ наверхъ подъ громадный естественный альковъ Качи-Кальёна, откуда сочится священный источникъ. Читая описанія Качи-Кальёна, сдѣланныя прежними путешественниками, убѣждаешься несомнѣнно, что Качи-кальёнскія скалы находятся въ состояніи хроническаго разрушенія. Теперь тутъ не найдешь третьей доли того, что видѣли еще такъ недавно. Можно сказать, что въ Качи-Кальёнѣ уже не существуетъ теперь ни одной цѣльной пещеры, и что года черезъ два-три исчезнетъ возможность всякаго посѣщенія верхняго свода, если не исчезнутъ даже самые слѣды его.

Уже и теперь не трудно сломать шею, предпринимая восхожденіе къ источнику. Титаническій сводъ прикрываетъ васъ тамъ своею тяжелою аркою, на которую страшно глаза поднять. Эта каменная, дугой согнутая толща почти совсѣмъ уже отдѣлилась отъ материка горы и растреснулась по всѣмъ направленіямъ; по свѣжимъ пустотамъ ея безъ труда догадаешься, какъ недавно выронила она окружающіе васъ огромные камни. Ничто не гарантируетъ вашей безопасности подъ этими жерлами, вѣчно готовыми изрыгать каменныя лавины. Ежеминутно слышится трескъ и гулъ наверху. Это идетъ внутренняя, микроскопическая работа разложенія страшной скалы. Вы вздрагиваете и невольно укрываетесь подъ сводъ ближней пещерки. Прокатится камень, два, пять, десять небольшихъ камней, поползетъ откуда-нибудь густая струя пыли. Середина Качи-Кальёнской скалы была прежде вся сплошь продыравлена пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Потомъ это изрытое нутро ея вывалилось, разсыпалось и оставило послѣ себя альковъ, въ который мы теперь залѣзли. Слѣды пещеръ видны ясно на внутреннихъ стѣнахъ этого алькова; самыя глубокія даже сохранились въ немъ вполнѣ, раскрывшись только спереди; отъ другихъ остались только оттиски и внутренніе края, по которымъ можно составить чертежи бывшихъ пещеръ съ ихъ лѣсенками и этажами. По виду это такое же осиное гнѣздо, тѣ же стрижиныя норы, какъ и въ Эски-Керманѣ. Въ серединѣ алькова надъ нижнимъ карнизомъ его пробивается ключъ холодной и прозрачной воды. Онъ обдѣланъ въ каменный бассейнчикъ, надъ которымъ лежитъ старая полустертая икона и видны слѣды копоти и вос-

ковыхъ свѣчей. Это источникъ св. Анастасіи, давшій поводъ къ основанію монастыря.

Поднявшись на гору, широкимъ амфитеатромъ охватывавшую долину Біа-Салы, мы замѣтили среди лѣса множество соломенныхъ крышъ, торчавшихъ грибами изъ земли и скученныхъ, какъ шалаши канадскихъ бобровъ. Мы ѣхали конною дорожкою въ Мангушъ. Насъ туда вызвался проводить тамошній волостной старшина, съ которымъ я разсматривалъ въ Біа-Салахъ «готвейское кладбище». Старшина не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ о тѣхъ шалашахъ, а покачивалъ головою съ улыбкой раздумья и недоумѣнья.

— Кто его знаетъ, какой онъ такой! объяснялъ онъ мнѣ какъ бы въ отвѣтъ.—Чудно́й какой-то. Сказать бы дурачокъ, мы его и называемъ такъ-таки Иванушка-дурачокъ; да дурь-то въ немъ какая-то особливая. Блаженный онъ, что ли...

— Кто это такой? это его земля?

— Вотъ то-то и есть, что никакой тутъ ему земли не полагается. Земля общественная, подъ государственными крестьянами. Отецъ его крестьянинъ изъ Мангуша; тоже, какъ и другіе, имѣетъ каждогодно свои дѣлянки, покосъ тамъ и все. Ну, а онъ не возлюбилъ жить съ отцомъ. Отъ Бога, говоритъ, велѣнье такое получилъ. Ушелъ сюда въ лѣсъ и поселился здѣсь вотъ уже какой годъ! какъ разъ супротивъ Біа-Салъ; мѣсто самое отличное, открытое, на солнечную страну. Сводили его сколько разовъ. Изъ палаты чиновникъ пріѣзжалъ. Въ тюрьмѣ держали по нѣскольку мѣсяцевъ. Разорятъ все его достояніе, подписку отберутъ—а выпустятъ, онъ, смотришь, опять на старомъ пепелищѣ копается. Меня просто замучилъ. То и дѣло указы присылаютъ, чтобы его сводить. А какъ его сведешь? Человѣкъ онъ безобидный, никому не мѣшаетъ; работаетъ себѣ съ утра до ночи во имя Божіе. А тутъ еще приказываютъ штрахъ съ него взыскать, 14 рублей 28 копѣекъ; порубку, вишь, въ казенномъ лѣсу произвелъ, такъ по оцѣнкѣ. Что съ его взыщешь, съ такого чудно́го? 14 рублей не шутка—гдѣ ихъ взять? Намъ его промежъ себя, признаться, таки-жалостно. А свести, конечно, надобно. Опять голубчика въ тюрьму запрячутъ.

Нельзя было не заѣхать къ Ивану-дурачку послѣ разсказа старшины. Его хуторокъ красовался на ровномъ скатѣ горы, господствующей надъ живописною окрестною мѣстностью. Солнце прямо ударяло на него. Лѣсъ былъ расчищенъ кругомъ на нѣкоторое пространство, и оставленныя на корню грушевыя ди-

кія деревья были всѣ тщательно привиты и смазаны. Теперь это былъ садъ Иванушки-дурачка. За садомъ шли гряды огорода, отлично набитый токъ для молотьбы, и дворъ, обнесенный множествомъ бѣлыхъ выдолбленныхъ камней. Камни эти Иванушка привезъ издалека, выдолбилъ своими руками и употреблялъ для пойла своей скотины и для корма ея солью. На дворѣ стояло штукъ 10 клѣтушекъ разнаго калибра и вида; цѣлые сараи были выкопаны въ каменистой почвѣ. Одни уже были обдѣланы въ жилища, другіе только-что копались. Здѣсь было все: хлѣвы со стойлами, лѣтнія и зимнія жилища, анбары, кладовыя. Нѣсколько штукъ сытыхъ коровъ и телятъ стояло въ хлѣвахъ. Все было построено и выкопано буквально руками Иванушки-дурачка. Я отказываюсь понять, какъ безъ помощи живой души онъ былъ въ состояніи втащить и укрѣпить на крышѣ столько тяжелыхъ перекладинъ и стропилъ. У него была, повидимому, манія землекопства. Одно жилище еще не было кончено, а онъ уже потѣлъ надъ раскапываніемъ новыхъ и новый подземелій. И это не въ рыхломъ черноземѣ, даже не въ глинѣ, а въ каменномъ известнякѣ. Все, что мы видѣли, было добыто собственноручно, безъ затраты копѣйки. У Иванушки не было даже покупного ведра, покупной бочки, покупного гвоздя. Все было откопано въ горѣ, срублено въ лѣсу, взято, однимъ словомъ, изъ общей дарохранительницы — природы. Зерно было ссыпано въ громадныя бочковидныя плетушки, туго свитыя, плотно смазанныя глиною; деревяннымъ долбленымъ ковшомъ Иванушка пилъ и носилъ себѣ воду.

Я не видѣлъ у него даже горшка для варева. Иванушка меньше всѣхъ думалъ о себѣ. За скотомъ своимъ онъ ухаживалъ какъ нѣжная нянька: чуть не всякая корова имѣла особое закрытое помѣщеніе, устроенное Иванушкиными мозолями и Иванушкинымъ горбомъ. Днемъ онъ хоронилъ въ этихъ хлѣвахъ своихъ коровъ, боясь, чтобы ихъ не загнали съ лѣсныхъ пастбищъ. Но какъ только спускалась ночь, Иванушка-дурачокъ, проработавши весь день съ ранней зари до поздней, выгонялъ свою любезную скотинку на лѣсныя травы, въ полной увѣренности, что ночью ни татары, ни русскіе, ни мужики, ни начальство не потревожатъ его животину. Зимой онъ зажигалъ грудокъ въ одномъ изъ шалашей своихъ и лежалъ около него скорчившись въ полушубчишкѣ, обогрѣвая поочереди то грудь, то спину. Хлѣба негдѣ было ставить, а сгребетъ себѣ нѣсколько горстей мучицы, замѣшаетъ водою, да и спечетъ на листьяхъ въ самой золѣ костра какую-нибудь прѣсную тяжелую лепешку, по обычаю татаръ. А есть картошки, — картошки спечетъ.

— Ну, а если ты заболѣешь, Иванъ? Ты вѣдь бывалъ когда боленъ? спросилъ я дурачка, выслушавъ его гомерически-наивные разсказы о своемъ подвижничествѣ. «Трясца мучаетъ, третій годъ трясетъ. Какъ весна, такъ и затрясетъ», отвѣчалъ Иванушка, съ задумчивою серьёзностью глядя на меня.

— Кто-жъ тебѣ тогда ѣсть даетъ?

— Тогда ужъ не ѣмъ; лежу въ шалашѣ и не ѣмъ; а ослобонитъ немножко, спеку чего-нибудь, внушительно разсказывалъ Иванъ. Вотъ нонче весною трое сутокъ безъ памяти пролежалъ, маковой росинки въ ротъ не бралъ, думалъ ужъ, Господь по душу послалъ; да нѣтъ, отошло, еще велѣлъ Создатель потрудиться, грѣхи искупать...

Иванушка стоялъ передъ нами въ глубокой ямѣ, откуда едва видна была его голова. Мы его застали за обычной его работою, съ заступомъ въ рукѣ. Онъ былъ босикомъ и безъ шапки, въ дырявой домашней рубахѣ, сквозь которую темнѣло его бронзовое тѣло, тощее и костлявое. Зеленоватая блѣдность лица казалась еще болѣе мертвенною отъ нечесаныхъ черныхъ кудрей и черныхъ воспламененныхъ глазъ. Какая-то сосредоточенная озабоченность, совершенно ушедшая въ самое себя, была на этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ. Словно они смотрѣли не на насъ, не на то, что́ видѣли мы, а на что-то другое, недоступное нашимъ чувствамъ; субъективный міръ больной фантазіи дѣлался очевиднымъ для каждаго...

Скоро мы доѣхали до Мангуша—почти совсѣмъ русская деревня, вѣрнѣе, хохлацкая. Это изрядная рѣдкость для горной крымской деревни, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бахчисараемъ. Но совсѣмъ тѣмъ Мангушъ не потерялъ характера татарской деревни: также расползся по горамъ и по горному ручью, также спрятался въ укромномъ уголкѣ, спрятанномъ въ сторонѣ отъ чужого глаза.

Татарщина такъ въѣлась въ нравы горцевъ, что даже русская церковь въ Мангушѣ смотритъ какъ-то иначе, не по-русски, скорѣе какъ мечеть, чѣмъ какъ знакомый бѣлый храмъ великорусскихъ губерній. О хатахъ уже нечего говорить. О народѣ точно также. Его нарядъ вы съ трудомъ отличите отъ татарскаго. Тутъ живетъ только нѣсколько семействъ татаръ, а между тѣмъ весь народъ говоритъ по-татарски. Интимная домашняя бесѣда русскихъ людей ведется на татарскомъ языкѣ; ребятишки спорятъ и ругаются по-татарски. Снисхожденіе ли это къ варварству, неумѣющему дорости до насъ, или ужъ такъ мало самостоятельности въ нашемъ русскомъ духѣ, что мы сторонимся даже передъ татариномъ! Мангушъ—центръ цѣлаго

округа. Весь округъ промышляетъ камнемъ и лѣсомъ. Винограда тутъ нѣтъ, для полей почти нѣтъ мѣста. Мангушъ стоитъ на р. Бодракѣ, впадающей въ Альму, роковой памяти. Берега Бодрака—это сплошныя карьеры известняка, мягкаго въ обработкѣ, бѣлаго и прочнаго въ кладкѣ. «*Бодрацкій камень*»—самый цѣнный и красивый матеріалъ для мѣстныхъ построекъ, бахчисарайскихъ, симферопольскихъ. Онъ напоминаетъ инкерманскій плитнякъ, изъ котораго выстроенъ Севастополь. Его кладутъ обыкновенно только въ углы и цоколи зданій; для сплошной кладки онъ слишкомъ дорогъ, хотя за то вѣченъ и не нуждается въ штукатуркѣ.

Въ центрѣ бодрацкихъ каменоломенъ, какъ разъ за селеніемъ Бодракомъ, немного отступя къ сѣверозападу отъ Мангуш́ской дороги, находятся скалы *Баклà*, омываемыя съ одной стороны Бодракомъ, съ другой—Альмою. Это послѣдній, самый сѣверный пещерный городъ Крыма. Его положеніе лишено той поэтической оригинальности, какою отличаются другіе, болѣе знаменитые пещерные города Крыма, о которыхъ я говорилъ прежде. Сами пещеры его, большею частью уже обвалившіяся снаружи, не представляютъ собою интереса послѣ осмотра Эски-керманскихъ и Тепе-керманскихъ. Самая большая, полуразрушенная пещера немного болѣе 2-хъ квадр. саженъ. Проводники называютъ ее также *эклисé*, церковью, но въ ней не сохранилось однако никакихъ признаковъ храма; узнать ее можно по столбу, поддерживающему входъ. Гораздо интереснѣе пещеръ множество цистернъ въ формѣ огромныхъ кубановъ, которыми изрыты скалы Баклà и которыя заставляютъ предполагать, что въ Баклà находилось значительное складочное мѣсто зерна или вина; стало быть, мѣстность была людная. Въ долинѣ, подъ обрывомъ скалы Баклà нѣсколько лѣтъ тому назадъ мангушскіе крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромныхъ каменныхъ горшковъ или амфоръ, каждая величиною въ бочку. Горшки эти были зарыты рядомъ въ землю и были сдѣланы изъ отлично выжженной, чрезвычайно крѣпкой глины. Очевидно, и въ нихъ помѣщалось зерно, потому что для вина и масла въ древности употреблялись сосуды съ болѣе узкими горлами. Впрочемъ сосуды были уже пусты, и въ нихъ, какъ разсказываютъ, не нашли ничего кромѣ земли. Послѣ тщательныхъ разспросовъ я могъ найти у одного мангушскаго крестьянина только двѣ изъ этихъ каменныхъ бочекъ; остальныя были раздарены или распроданы.

IV.

Система древнихъ укрѣпленій въ странѣ пещерныхъ городовъ. — Циклопическій характеръ пещерныхъ городовъ и ихъ значеніе. — Блужданіе по Чучель-горѣ. — Ревъ оленей. — Ночлегъ въ Козьмодемьянской обители. — Возвращеніе на южный берегъ.

Баклою мы окончили осмотръ пещерныхъ городовъ Крыма. Нужно было возвращаться назадъ, въ нашъ пріютный Магарачъ, и мы рѣшились выбрать для этого путь черезъ Савлухъ-Су и Бабуганъ-Яйлу; путь, правда, далекій, но для многихъ изъ насъ совершенно новый.

Только тогда, когда вы познакомились по отдѣльности съ каждымъ пещернымъ городомъ Крыма, вамъ дѣлается ясною вся система этихъ оригинальныхъ и любопытныхъ жилищъ, подобныхъ которымъ не представляетъ никакая другая страна Европы.

Пещерные города Крыма начинаются отъ устья Черной рѣки, у Севастопольской бухты, и идутъ извилистою цѣпью на сѣверо-востокъ, почти до верхняго теченія Альмы. Начинаетъ ихъ Ин-Керманъ—«*крѣпость пещеръ*»,—а кончаетъ Бакла̀. Поэтому, путешественникъ, который интересуется исключительно археологіею пещерныхъ городовъ, и не располагаетъ своимъ временемъ, удобнѣе всего можетъ осмотрѣть ихъ, проѣзжая по шоссе изъ Севастополя въ Симферополь. Инкерманъ у него будетъ по дорогѣ, весь въ виду; Мангупъ, Черкессъ—и Эски-Керманы онъ посѣтитъ, свернувъ съ шоссе направо отъ деревни Дуванъ-кой (русская Дуванка), вверхъ по теченію Бельбека, а потомъ Кара-Илеза. Съ шоссе довольно явственно видна плоская вершина столовой горы и башни Мангупа. Точно также легко свернуть съ дороги въ долину Качи, которой скалистый разрѣзъ манитъ къ себѣ любителя горныхъ видовъ. Въ этомъ скалистомъ разрѣзѣ—Качи-Кальёнъ, а нѣсколько верстъ дальше Тепе-Керманъ, котораго сахарная голова выглядываетъ изъ-за вершинъ другихъ горъ. Изъ Бахчисарая осматриваютъ Чуфутъ, а не доѣзжая верстъ 5-ти до послѣдней станціи передъ Симферополемъ—Гаджи-Бека—путешественникъ можетъ повернуть опять-таки направо въ долину Бодрака по мангупской дорогѣ, чтобы осмотрѣть пещеры Бакла̀.

Уже изъ этихъ указаній видно, что древніе пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану, съ очень опредѣленною цѣлью. Инкерманъ служилъ ключомъ отъ моря и степей въ долину Черной рѣки. Входы между Черною и Бельбекомъ оберегались Мангупомъ-Кале, Черкессъ-Кер-

маномъ и Эски-Керманомъ. Долина Качи запиралась въ самомъ удобномъ мѣстѣ Качи-Кальёномъ; Тепе-Керманъ защищалъ отчасти ту же долину, отчасти проходы между Качею и Бахчисарайскою долиною Чурукъ-Су, надъ которой возвышался Корхіельскій за̀мокъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале. Наконецъ Бакла̀ была какъ бы угловымъ оплотомъ горъ, при выходѣ изъ нихъ Альминской и Бодрацкой долинъ.

Эта система обороны горъ дѣлается еще понятнѣе, если обратить вниманіе не на одни пещерные города, служившіе, безъ сомнѣнія, главными стратегическами центрами защиты, но еще и на другіе остатки древнихъ укрѣпленій, связывающихъ между собою, будто звеньями цѣпи, всѣ пещерные города.

На Черной рѣкѣ, верстъ 10 выше Инкермана и въ стольких же верстахъ на югъ отъ Мангупа, до сихъ поръ уцѣлѣла въ деревнѣ Чоргунъ древняя осьмиугольная башня. Башня эта, очевидно, защищала подступы въ долину со стороны южнаго берега.

Связью между укрѣпленіями Черной рѣки и Мангупомъ служило исчезнувшее теперь укрѣпленіе при Мыльныхъ-колодцахъ, на мѣстѣ котораго еще въ самомъ концѣ XVIII-го стол. находилась деревня *Бей-Кирманъ* — «*Княжья крѣпость*».

Когда путешественникъ смотритъ съ севастопольскаго шоссе на долину р. Бельбека, туда, гдѣ рѣка эта выбивается изъ горъ, то разрѣзъ долины представляется ему въ видѣ гигантскихъ воротъ необыкновенной живописности. Въ этихъ воротахъ Бельбека расположены старинныя роскошныя поселенія татаръ, *Біюкъ-Сюйреня* и *Кучукъ-Сюйреня*, а между ними на мысѣ высокой плоской горы, на лѣвомъ берегу рѣчки, возвышается издалека видная башня — *Сюйренъ-Куллѐ*. Это древній Schuren готовъ. Урочище, въ которомъ находится башня, до сихъ поръ называется *Исаръ-Алты* (*Исаръ* — крѣпость). Двухъэтажная башня, съ стѣною, съ воротами, со слѣдами византійской живописи на стѣнахъ, отрѣзываетъ мысъ скалы, подобно Мангупскому за̀мку; а съ высоты башни видны море, горы и степь, Мангупъ съ одной стороны, Тепе-Керманъ—съ другой. Трудно выбрать болѣе удобный наблюдательный пунктъ; башня, безъ сомнѣнія, служила сигнальнымъ ведетомъ между горными укрѣпленіями по сю и по ту сторону Бельбека, и въ то же время охраняла входъ въ долину этой рѣки. Очень можетъ быть, что это та самая *крѣпость Бальбекъ*, которую нашъ Минихъ, въ числѣ другихъ, разрушилъ во время своего крымскаго похода 1736 года.

Горные проходы между Бельбекомъ и Качею запирались въ двухъ мѣстахъ двумя укрѣпленіями; слѣды одного изъ нихъ почти

уничтожились, а осталось одно только имя;—это *Керменчикъ*—теперь просто урочище на лѣвомъ берегу верхней Качи. Другой—*Керменъ* или *Керменъ-кале* (крѣпость); его развалины ясно видны на горѣ надъ татарскою деревнею Керменчикъ, расположенной при верховьи одного изъ правыхъ притоковъ Бельбека (Керменчикѣ). Это укрѣпленіе, — какъ Сюйренское, Черкессъ-керманское и большинство другихъ, находящихся въ этой странѣ, обильной плоскими отдѣльными горами — отрѣзало собою мысъ скалы, неприступный съ другихъ сторонъ. Съ высотъ этого мыса видѣнъ Качи-Кальёнъ и вершина Тепе-Кермана.

Наконецъ, около Баклы, тамъ, гдѣ горы дѣлаютъ рѣзкій поворотъ къ востоку, и уголъ ихъ открывается одновременно съ сѣвера и запада, — два, повидимому, сильныхъ укрѣпленія служили горнымъ жителямъ для отпора кочевниковъ. *Сарамамбашъ-Кале* представляетъ теперь только развалины стѣны, отрѣзавшей мысъ плоской и обрывистой горы, да кучи мусора отъ разрушенныхъ зданій—внутри этой стѣны, также лежащей во прахѣ. Сарамамбашъ-Кале стоитъ прямо надъ селеніемъ Мангушемъ, между рѣками Альмою и Бодракомъ, которыхъ долины онъ, конечно, охранялъ.

Недалеко отъ Сарамамбашъ-Кале, уже по ту сторону Альмы, находятся развалины дру́гого горнаго укрѣпленія — *Сарысапъ-Кермена*. Я не буду говорить объ укрѣпленіяхъ другой части крымскихъ горъ. Для цѣли настоящей статьи достаточно показать, что непрерывная цѣпь большихъ и малыхъ укрѣпленій, то цѣлыхъ городовъ, то за̀мковъ, то сигнальныхъ башенъ—опоясывала сѣверозападные склоны и проходы крымскихъ горъ, т.-е. именно *страну пещерныхъ городовъ* Крыма.

Какой же народъ, какая эпоха исторіи и какой именно поводъ создали эту могущественную оборонительную линію?

Строгой исторической правды касательно происхожденія собственно пещерныхъ городовъ мы врядъ ли когда добудемъ. Мнѣ кажется, пещера не могла служить постояннымъ жилищемъ какому-нибудь человѣческому племени, успѣвшему стать хотя бы на первыя ступени цивилизаціи. Этотъ зоологическій способъ укрывать себя отъ непогоды и непріятеля въ трещинѣ скалы вполнѣ соотвѣтствуетъ зоологическому возрасту человѣчества. Тутъ одно рабское подражаніе птицѣ и насѣкомому. Высоко—недостанетъ враждебная рука; укрыто — не промочитъ дождь и не снесетъ буря; мягкій известнякъ поддается грубому орудію, какъ поддается клюву какого-нибудь стрижа,—и вотъ нора сдѣлана, избрано жилище. Въ позднѣйшія эпохи своей жизни человѣческое племя можетъ, конечно, пользоваться пещерою, но

только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ гнетомъ крайней необходимости. И европеецъ XIX-го вѣка проведетъ ночь на деревѣ, если его побудитъ къ тому неминуемая опасность; но жить постоянно на деревьяхъ, подобно чимпанзе, человѣкъ можетъ только на степени развитія какихъ-нибудь колумбійцевъ. Нѣкоторые писатели допускаютъ предположеніе объ основаніи пещерныхъ городовъ цивилизованными племенами, имѣя въ виду примѣръ восточныхъ монаховъ, кіевскихъ и др. Но мнѣ кажется, въ этомъ примѣрѣ можно видѣть психологическое подтвержденіе того историческаго факта, что пещерная жизнь составляетъ одно изъ условій натуральнаго быта человѣка. Восточное монашество постоянно и сознательно ставило себѣ цѣлью возвращеніе физики человѣка къ первобытной, такъ сказать, животной его обстановкѣ: пустынники Ѳиваиды ходили почти нагіе, обростали волосами, не варили кушанья, не зажигали огня, ѣли коренья, пили одну воду, заглушали въ себѣ даръ членораздѣльныхъ звуковъ и упорно избѣгали общежитія, связи съ себѣ подобными. Такимъ же образомъ и пещероманія была неизбѣжнымъ результатомъ всѣхъ остальныхъ стремленій ихъ.

Обратимъ вниманіе, что гомерическій грекъ сохранилъ память о своемъ столкновеніи съ первобытными обитателями Европы въ образѣ циклоповъ, жителей и строителей пещеръ. Звѣроподобный циклопъ вездѣ, такъ или иначе, связанъ съ камнемъ. Для Полиѳема — камень есть и жилище, и хлѣвъ, и дверь, и оружіе. Такъ-называемыя циклопическія постройки не что иное, какъ грубыя искусственныя пещеры. Титаны,—въ образѣ которыхъ миѳологія сохранила тотъ же историческій фактъ борьбы цивилизованныхъ пришлецовъ съ дикими аборигенами,—дѣйствуютъ противъ Олимпа камнями. Въ странахъ древнихъ кельтовъ, въ странахъ древнихъ финновъ,—вездѣ легенда сохранила память о пещерныхъ людяхъ и пещерной эпохѣ подъ видомъ таинственныхъ колдуновъ, враждебныхъ обществу, скрывающихъ свои злыя козни, свой чуждый образъ и свои чуждые нравы въ нѣдрахъ недоступныхъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что младенческая эпоха человѣчества имѣетъ основаніе называться *каменною* не по одному только матеріалу тогдашнихъ орудій человѣка, но и по самому характеру тогдашнихъ жилищъ его. Поэтому и мнѣніе тѣхъ писателей, которые называли пещерные города Крыма *жилищами троглодитовъ*, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Кто именно были эти троглодиты? Тавры—первый народъ, котораго исторія, еще въ полумиѳической, полугероической эпохѣ своей, застаетъ на почвѣ Крыма. Эти тавры, современники

Ахилла и Ифигеніи, приносившіе человѣческія жертвы своимъ божествамъ, и считавшіе своей добычею всѣхъ несчастныхъ, приносимыхъ къ ихъ берегу волнами тогда еще *негостепріимнаго понта*—Понтъ Аксеносъ—конечно, могли создать пещерные города. Когда древніе тавры смѣшались съ такъ-называемыми скиѳами и стали извѣстны у историковъ подъ именемъ тавро-скиѳовъ, то они занимали оба склона крымскихъ горъ, слѣдовательно, и страну нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ. Но тавро-скиѳы, которые воевали съ Митридатомъ и разбивали войска императора Клавдія, были уже не прежніе дикіе тавры, а народъ, умѣвшій строить крѣпости и проникнутый эллинскою цивилизаціею; постройки Палака и Скилура были совершенно греческія постройки, какъ то доказывается развалинами симферопольскаго Керменчика.

Народъ, о которомъ достовѣрно извѣстно, что онъ жилъ на мѣстѣ нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ Крыма, — были готы. Мы уже видѣли выше историческое подтвержденіе этого факта. И даже въ XV-мъ столѣтіи, когда по трактату съ Еліасъ-Беемъ Солкатскимъ (Солкатъ—Старый Крымъ—древняя столица татаръ) южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ, онъ не называется иначе какъ *Готіей*.

Въ нашемъ «Словѣ о Полку Игоревѣ», памятникѣ XII-го стол., также говорится о *готскихъ красивыхъ дѣвицахъ*, что, звоня русскимъ златомъ, воспѣваютъ *на брезѣ Синяго моря*.

Но, вопреки мнѣнію Палласа, готамъ трудно приписать основаніе пещерныхъ городовъ. Характерное свидѣтельство Прокопія о нерасположеніи крымскихъ готовъ даже къ городамъ, обнесеннымъ стѣнами, устраняетъ въ этомъ вопросѣ всякое сомнѣніе. Народъ, привязанный къ земледѣлію, владѣвшій роскошными садами, не могъ быть изобрѣтателемъ и жителемъ каменныхъ пещеръ. Пещерные города очевидно вошли въ систему укрѣпленій только заботами централизующей византійской власти, которая могла воспользоваться пещерными городами, точно также, какъ воспользовалась различными другими укрѣпленіями, возникшими въ самыя различныя времена трудами самыхъ разнообразныхъ народовъ.

Стѣна херсонесцевъ, издавна отдѣлявшая Трахейскій полуостровъ отъ остального Крыма, послужила такимъ же матеріаломъ для фортификаціи греческимъ администраторамъ Крыма, какъ и старинныя крѣпости скиѳскихъ царей и полководцевъ Митридата. Грекамъ нужно было загородить степовикамъ всѣ проходы въ горный Крымъ, чтобы обезпечить трудолюбивыхъ садовниковъ, винодѣловъ и пастырей крымскихъ долинъ. Въ ря-

ду этихъ укрѣпленій пещерные города естественно должны были стать цитаделями на случай войны, осадными дворами, въ которыхъ могло укрыться мирное населеніе при первой опасности. Многочисленныя пещеры доставляли въ этомъ случаѣ незамѣнимую выгоду, потому что, при недоступности своей, при совершенной безопасности отъ стрѣлъ и огня, — укрывали не только людей, но и скотъ ихъ, и имущество. Небольшія крѣпостцы ни въ какомъ случаѣ не способны были оказать населенію такой серьезной помощи и служили только баррикадами проходовъ. Весьма правдоподобно, что многія изъ пещеръ дѣлались уже впослѣдствіи, съ цѣлью доставить осажденнымъ жителямъ болѣе простора, и приноровлялись къ новымъ потребностямъ. Въ пещерахъ съ теченіемъ времени основались церкви и монастыри; сначала, можетъ быть, изъ временной необходимости, а потомъ остались въ нихъ навсегда, такъ какъ пещерное помѣщеніе не противорѣчило характеру этихъ учрежденій. Есть серьезное основаніе думать, что первые христіане особенно охотно пользовались пещерами и даже сами устраивали ихъ съ цѣлью подвига трудолюбія. Легенда говоритъ, что папа-изгнанникъ Климентъ I-й собственноручно ископалъ пещерную церковь Инкермана. Съ пещерами Успенскаго скита связано очень древнее христіанское преданіе объ обитавшемъ въ нихъ драконѣ, истребленномъ внезапно явившеюся чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Икона эта была перенесена греками изъ древняго бахчисарайскаго Маріанполя въ новый азовскій Маріуполь, а до тѣхъ поръ была главною святынею крымскаго христіанства. Это обстоятельство, а также постоянное пребываніе въ Успенскомъ скитѣ (Маріанполѣ) духовнаго главы крымскихъ христіанъ — митрополита готѳійскаго и кеѳайскаго — указываетъ на то, что пещеры Успенскаго скита если не были основаны христіанами, то очень рано были ими заняты. Замѣчательно, что только въ этомъ старомъ гнѣздѣ христіанства оно удержалось до самаго присоединенія Крыма къ Россіи, среди всѣхъ невзгодъ и опасностей, въ то время какъ магометанскій фанатизмъ успѣлъ обратить въ исламъ весь берегъ и всѣ горы когда-то христіанскаго Крыма. Монастыри въ Инкерманѣ, въ Качи-Калымѣ, Маріанполѣ, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней, и другіе, которыхъ развалины видны въ Эски-Керманѣ и Тепе-Керманѣ, также свидѣтельствуютъ о томъ, что пещерные города были древнимъ пріютомъ христіанства. Итакъ, нужно во всякомъ случаѣ признать, что христіанство участвовало значительною долею въ распространеніи, если не въ основаніи пещерныхъ городовъ Крыма. Масса жителей, за исключеніемъ,

вѣроятно, монаховъ, жила, конечно, подъ открытымъ небомъ въ своихъ зеленыхъ и цвѣтущихъ деревняхъ, какъ живетъ и теперь; а всякій пещерный городъ покровительствовалъ цѣлой долинѣ, цѣлому сельскому округу. Оттого-то вокругъ Мангупа до сихъ поръ лѣпятся многочисленныя сельбища, а около Чуфутъ-Кале основался Бахчи-сарай,—*городъ садовъ*, центръ крымскаго садоводства и татарской жизни вообще.

Только съ такой точки зрѣнія можно объяснить себѣ жизнь готовъ, грековъ и др. сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ въ пещерныхъ городахъ, въ этихъ титаническихъ каменныхъ ульяхъ, гдѣ сотни подземныхъ жилищъ наполняютъ собою нѣдра скалы, и гдѣ путешественникъ дѣйствительно находитъ иногда слѣды уже довольно развитой общественной жизни. Было бы странно предположить, чтобы въ очаровательномъ климатѣ Крыма, въ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ долинахъ его, богатыхъ водами, кишащихъ дорогими плодами,—могло жить племя, способное вести жизнь кротовъ въ полутемныхъ известковыхъ норахъ, на безплодныхъ и безводныхъ утесахъ, не въ эпоху какихъ-нибудь свайныхъ построекъ, и не на зарѣ исторіи, а въ тѣ времена, когда уже писались книги и существовала наука. Работящее населеніе не могло ежедневно сообщаться съ своими плантаціями и садами по этимъ узенькимъ ступенькамъ, вырубленнымъ въ обрывѣ скалъ для осторожнаго прохода одного человѣка, съ цѣлью удобной защиты ихъ однимъ противъ толпы. Только сбившіеся въ стадо дикіе аборигены горъ, еще можетъ быть не знавшіе ни одного промысла, питавшіеся кореньями и дичью, много-много первобытные пастухи козъ и барановъ—могли источить себѣ въ скалѣ и избрать постояннымъ пріютомъ эти норы троглодитовъ.

Поѣздка горными лѣсами освѣжаетъ душу и тѣло, какъ ключевая вода. Вы съ зарею на сѣдлѣ; при васъ зажигается огнистое крымское утро и выплываетъ изъ-за горъ полный мѣсяцъ. Съ вашей тропинки, приподнятой къ облакамъ и выше облаковъ, вы въ спокойномъ счастіи созерцаете у своихъ ногъ глубокія безлюдныя долины, налитыя до краевъ лѣсами, и глядящія изъ-за нихъ живописныя горы всевозможнаго характера, — то бѣлыя титаническія пирамиды, то обломанные, какъ башни, утесы, облитые краснымъ огнемъ заката, то наконецъ обросшіе до макушки темною шерстью лѣсовъ.

Облака сидятъ въ этихъ горныхъ чашахъ, какъ лебеди на покоѣ. Иногда вы видите подъ собою настоящія озера; но вы

не увлекайтесь: Крымъ не Швейцарія, и въ его горахъ вы не встрѣтите ни одного озера; это тоже облака, запавшія въ какую-нибудь особенно глубокую круглую долину. А то огланитесь съ высокаго холма налѣво, гдѣ видѣнъ шатеръ Чатыръ-Дага. Тамъ тоже облака, но это уже не лебеди, не озера; они обволокли кругомъ, будто хлопьями ваты, вершину шатра, курятся надъ нимъ и расползываются какъ клубы какого-то тяжелаго и влажнаго дыма. Чатыръ-Дагъ смотритъ черезъ нихъ ни дать ни взять перуанскимъ вулканомъ.

Горное путешествіе вдвое дороже для тѣхъ, кому приходилось наслаждаться этою пустынею и въ румяные осенніе дни, и въ радостный весенній полдень, и въ лѣтній зной, и среди расписанныхъ зимнимъ инеемъ лѣсовъ. Охотникъ—вотъ настоящій цѣнитель и почти единственный посѣтитель этихъ красотъ.

Дождь не миновалъ насъ въ эту поѣздку. Горше всего были тѣ минуты, когда мы блудили съ нашимъ всезнающимъ Бэкиромъ по тропинкамъ, ведущимъ на гору Цецуль, или, какъ ее называютъ лѣсники и охотники, на Чучель-гору. По цѣлымъ часамъ приходится стоять въ чащѣ лѣса, подъ вѣтвями какого-нибудь маститаго дуба или бука, котораго широкая густолиственная корона все-таки сколько-нибудь прикрываетъ насъ отъ ливня; измученныя лошадки стоятъ себѣ не двигаясь, опустивъ уши и головы ко мшистому стволу, а всадники, тоже пригнувшись носомъ къ дереву, и укрытые чѣмъ Богъ послалъ, потихоньку ведутъ бесѣду въ своемъ невольномъ кружкѣ; амазонку нашу узнать нельзя подъ огромною черкесскою буркою, которая шалашомъ стоитъ на лошади и спускаетъ съ себя потоки воды, какъ съ отлива крыши. Ничего не видать кругомъ, даже сосѣднихъ деревъ: сѣрая сѣтка дождя сплошь заткала воздухъ.

Измучили же мы своихъ животинъ, цѣлый день гоняя ихъ по грязнымъ лѣснымъ спускамъ и подъемамъ; ни зерна ячменя, ни глотка воды. Кажется, нѣтъ ни одного оврага, котораго бы мы не отвѣдали. Бэкиръ сбился давно, но до сихъ поръ не хочетъ признаться и ужасно сердится, когда мы пристаемъ къ нему съ укоризнами. Мы теперь хорошо примѣтили, когда онъ сбивается. Онъ начинаетъ тогда сновать какъ угорѣлый, то вправо, то влѣво, стараясь опередить насъ и бросая по слѣду кусочки наломанныхъ вѣтвей. Но эти пріемы Аріадны не ведутъ, повидимому, ни къ чему, и нашъ путь становится все безнадежнѣе. Раза два наткнулись на дровосѣковъ, на угольщиковъ, но и послѣ разспросовъ бѣда не поправляется. Уже высоко на горѣ встрѣтили мы толпу дѣвокъ и бабъ, возвращавшихся лѣсными дорожками изъ Козьмодемьянской обители.

Богомолки, кажется, совсѣмъ замаялись и кляли на чемъ

свѣтъ стоитъ крутизны Чучеля; онѣ намъ пророчили разныя скверныя вещи. Но уже ворочаться некуда. Встрѣтили какого-то полудикаго чобаненка, отыскивавшаго корову; долго уговаривали, наконецъ убѣдили провожать насъ. Господи! да и повелъ же насъ этотъ проводникъ! Много я видѣлъ трущобъ въ своихъ странствованіяхъ, но эти были изъ трущобъ трущобы. Этотъ чучельскій пастырь былъ, повидимому, проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что лошадь проѣдетъ вездѣ, гдѣ пролѣзетъ коза. Когда мы перевалили на противоположный склонъ горы и увидѣли черезъ головы другихъ горъ стѣну Яйлы, пришлось спускаться по страшной крутизнѣ и по страшному косогору. Пѣшая тропинка была протоптана надъ цѣлою системою пропастей, которыми Чучель спускалась къ долинѣ. Какъ нарочно мы тутъ попали въ огромную отару овецъ, которыя, со страху, разсыпались кругомъ насъ и полились внизъ по зеленому скату, будто волна. Отъ ихъ тревожнаго блѣянья и какого-то стихійнаго сплошного движенія еще болѣе кружилась голова.

Въ концѣ тропы на лѣсной полянкѣ мы въѣхали въ пестрое становище татаръ; арбы были распряжены, грудки дымились, женщины, дѣти въ цвѣтныхъ нарядахъ копошились вокругъ котловъ. Татары тоже возвращались изъ Козьмодемьянскаго монастыря. Эти магометане почитаютъ священный источникъ христіанъ съ такою же дѣтскою искренностью и суевѣріемъ, какъ и пилигримы нашего простонародья. Всякому младенчествующему духу свойственно религіозное благоговѣніе передъ силами природы, проявляющими себя въ опредѣленной, для всѣхъ осязательной формѣ. Это мистическое отношеніе человѣка къ природѣ предшествуетъ всѣмъ историческимъ обособленіямъ, всѣмъ различіямъ вѣроученій. Но въ данномъ случаѣ это и серьезный историческій фактъ. Горный татаринъ Крыма, омусульманившійся потомокъ христіанскихъ колонистовъ Крыма, грековъ, итальянцевъ, готовъ—онъ почитаетъ древнѣйшія христіанскія святыни Крыма и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ реликвіи своей собственной исторіи.

Странствованіе по склонамъ Чучель-горы разбудило во мнѣ воспоминанія недавняго прошлаго, когда я наслаждался на этой же самой горѣ красотою совершенно оригинальною. Не думаю, чтобы многимъ изъ моихъ читателей удалось послушать *рева оленей*. Въ концѣ сентября, около полнолунія,—пора спариванья для крымскихъ оленей. Олени въ лѣтнее время и безъ того держатся въ малодоступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ эпоху своей любви они забираются въ такія дебри, куда не

всякій въ состояніи слѣдовать за ними. Глубокія лѣсныя пропасти между Бабучанъ-Яйлою, Чучелью, Синабдагомъ, — одинъ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Когда совсѣмъ стемнѣло, наша партія охотниковъ покинула домикъ чучельскаго лѣсника и въ глубокой тишинѣ отправилась на вершину Чучели. Лѣсникъ велъ насъ черезъ лѣсъ ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью онъ дѣлался крайне серьезнымъ. Ружья, охотничьи снаряды и теплыя платья для ночлега въ облакахъ — много затрудняли нашъ мучительный подъемъ. Хорошо еще, что ночная темнота не давала намъ ясно видѣть тѣ черныя бездны, надъ которыми мы карабкались. Поминутно камни срывались изъ-подъ ногъ и летѣли, летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. При роковомъ шумѣ этихъ камней вся партія охотниковъ, расползшихся какъ муравьи по утесистому склону, внезапно останавливалась и настораживала уши: «упалъ кто?» безпокойно спрашивалъ среди глубокой тишины чей-нибудь сдержанный голосъ. Вопросъ передавался зловѣщимъ шопотомъ отъ одного къ другому, и всякій съ смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зіявшую у самыхъ ногъ. Взглянешь наверхъ, а тамъ все бѣлая стѣна, круче, да круче.

За то сверху открылась поистинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы сидѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы уже не загораживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходившими изъ глазъ; ея лѣсные хребты переливали серебристымъ туманомъ, и кромѣ этого моря горъ да синяго звѣзднаго неба крымской ночи мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучели и чернѣвшія на нихъ живописныя фигуры притаившихся охотниковъ, бросавшія странныя тѣни, составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

Вдругъ, напротивъ насъ, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабучала загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все сильнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ нѣсколько пріемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ рѣдкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога раздавались какъ удары грома. Это ревѣлъ олень. Въ ревѣ его тяжелое густое мычанье быка смѣшивается съ угрожающимъ рыканьемъ дикаго звѣря. Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающихъ пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой

же бѣшеный, такой же громовой. Не понимаю, откуда брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который пріучилъ насъ только любоваться своею красотою и статностью. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, еще и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его рогатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ-сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ зáмковъ угрожающими звуками боевого рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почуяли другъ друга и пошли на роковый поединокъ. Лѣсъ трещитъ такъ близко вокругъ насъ, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, многіе изъ насъ, позабывъ осторожность, приподымаются выслѣживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ мѣсячнаго неба; тогда бываетъ возможно попробовать счастья. Шаги стихли; олень почуялъ насъ и остановился. Намъ неудалось видѣть на пикѣ утеса его живого изваянья. Олень сталъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Ревъ, затихшій на нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, оглушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сцѣпившихся вмѣстѣ, бѣшеное мычаніе, трескъ ломающихся кругомъ сучьевъ и немолчный топотъ передвигающихся ногъ. То начался поединокъ.

Всю ночь до свѣта продолжался олеwій концертъ. Онъ убаюкивалъ насъ на нашихъ ложахъ изъ сухого листа вокругъ разложеннаго костра.

Бэкиръ въ своемъ татарскомъ упорствѣ затащилъ насъ понапрасну на такую высоту, что теперь приходится спускаться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Спускаться въ Савлухъ-Су, который всѣ видятъ обыкновенно подъ облаками и даже за облаками, къ которому до сихъ поръ всѣмъ приходилось подниматься съ большимъ трудомъ! Послѣдній спускъ—какая-то адская воронка. Если мы не сломаемъ головы, то это будетъ большое чудо. У самыхъ хладнокровныхъ захватываетъ духъ при взглядѣ на страшную кручу, по откосу которой мы должны спускаться винтовою линіею внизъ. Отъ проливныхъ дождей лѣсной черноземъ ползетъ подъ копытами, и на каждомъ шагу поваленныя деревья преграждаютъ нашу тропу. Попробовали спѣшиться, чтобы голова не такъ кружилась и летѣть внизъ было легче. Но только насъ двое имѣли настолько силы и привычки, чтобы кое-какъ двигаться по ползучей почвѣ горы. Остальные попадали съ первыхъ же шаговъ, и волей-неволей вскарабкались опять на несчастныхъ лошадей. Страшнѣе и жал-

че всего было смотрѣть на бѣдную нашу амазонку, которая сидѣла бѣлая какъ платокъ, недвижимая и безмолвная, будто окаменѣвшая на своемъ сѣдлѣ. Умная лошадь ея потеряла всякую надежду на свои ноги, и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ просто скользила на своихъ плоскихъ подковахъ какъ на салазкахъ, собравъ почти вмѣстѣ всѣ четыре ноги свои. У насъ, слѣдовавшихъ прямо за нею, сердце замирало отъ страху при этихъ рискованныхъ глисадахъ. Какъ нарочно, совсѣмъ стемнѣло, и минуты казались часами. Все глубже и уже дѣлается страшная воронка, все темнѣе въ лѣсу кругомъ насъ, все безнадежнѣе дѣлается на душѣ. Но никто не произноситъ слова, не слышно ни одной укоризны Бэкиру или чобаненку; всѣ мысли и чувства устремлены на эту черную пасть, которая поглощала насъ, и въ которой мы порой серьезно готовились погибнуть. Внизу, на днѣ воронки, сверкнули сквозь чащу лѣса красные огоньки. —«Савлухъ-Су! пришли!» не своимъ голосомъ вскричалъ Бэкиръ.

Козьмодемьянскій монастырь лѣпится по террассамъ крутой горы вокругъ источника св. Козьмы и Демьяна, который татары называютъ Савлухъ-Су. Въ монастырѣ уже спали и только въ кельи настоятеля былъ огонь. Мы потому спѣшили попасть въ Савлухъ-Су въ этотъ день, что 1-го іюля былъ храмовой праздникъ монастыря, и можно было разсчитывать, что, по случаю прилива богомольцевъ, въ монастырѣ можно будетъ поѣсть и отдохнуть. Обыкновенно же въ этомъ заоблачномъ скитѣ трудно найти что-нибудь кромѣ кружки молока. Въ этомъ возвышенномъ горномъ поясѣ невозможно воздѣлывать даже огородной овощи; а зимою снѣга до такой степени заносятъ монастырекъ и всѣ подступы къ нему, что иногда по нѣскольку недѣль онъ остается безъ сообщеній съ міромъ, погребенный подъ сугробами. Когда жители сосѣднихъ долинъ замѣтятъ, что уже давно не проѣзжаетъ изъ скита верховой монахъ за покупками въ городъ, поднимается тревога и идутъ съ лопатами откапывать монастырь, освѣдомиться, цѣлъ ли онъ.

Наши надежды были совершенно разрушены. Настоятель объявилъ, что богомольцы разошлись скоро послѣ обѣдни, что не осталось никакой провизіи, и что врядъ ли мы захотимъ ночевать въ монастырской гостинницѣ, въ которой нижній этажъ залитъ водою, а верхній почти не отдѣланъ. Настоятель предлагалъ намъ свою маленькую келію, пропитанную запахомъ свѣчей, постнаго масла и какихъ-то сухихъ травъ, но самъ же предупредилъ, что въ ней страшное множество насѣкомыхъ. Мы

рѣшились помѣститься въ сырой непріютной гостинницѣ. Попросили сѣна на постели и лошадямъ; сѣна не было. Ячменю и овса тоже не было. Голыя узенькія лавки были единственнымъ ложемъ для насъ.—Нельзя ли чего-нибудь сварить?— «Сварить нечего, да и поваръ-монахъ спитъ давно, монахи очень утомились за праздникъ». Кое-какъ раздули самоваръ. Согрѣться необходимо, всѣ промокли насквозь. Плащи, бурки, хоть выжми. На чемъ спать, чѣмъ укрыться? Наконецъ появилось человѣка три сонныхъ монаховъ. Поваръ взялся сготовить кое-что изъ бывшей съ нами провизіи, и заставилъ насъ надѣяться и вѣрить въ продолженіе $1\frac{1}{2}$ часовъ. Но когда онъ принесъ то, что называлъ супомъ и макаронами, мы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ и своей вѣры. Почтенный инокъ судилъ о нашемъ вкусѣ по своему собственному и обратилъ и супъ, и макароны въ кашицу изъ лука. Какъ ни силенъ былъ голодъ, мы поблагодарили монастырскаго артиста и возвратили ему непочатыми его вонючія блюда. Другіе монахи, видя наше затрудненіе насчетъ постелей, безъ дальнихъ думъ и церемоній, разоблачились изъ своихъ ватошныхъ рясъ и разложили ихъ по лавкамъ вмѣсто тюфяковъ; сами они остались въ одномъ бѣльѣ, нимало не конфузясь, какъ и подобало отшельникамъ, умерщвляющимъ земныя страсти. Кое-какъ замаскировали чистыми простынями подозрительныя одежды черноризцевъ; кое-какъ размѣстились на своихъ прокустовыхъ ложахъ; веселый хохотъ обуялъ всю компанію, и неистощимыя остроты на счетъ нашего комическаго положенія посыпались отъ насъ же самихъ. Но спать было рѣшительно нельзя, несмотря на всю усталость. Миріады насѣкомыхъ кишѣли на насъ, на лавкахъ, на стѣнахъ. Всякій изъ насъ испытывалъ страданія Гулливера, аттакуемаго стрѣлами лилипутовъ. Малодушный человѣкъ пришелъ бы въ совершенное отчаяніе отъ этого гнуснаго мучительства.

Всѣ прелести Козмодемьянскаго скита были потеряны для насъ послѣ такой ночи. Утро было къ тому же сырое, вѣтренное, облака едва расползались, и никакой перспективы не было видно изъ-за этихъ колыхавшихся темныхъ лѣсовъ. Мы все-таки рѣшились познакомиться со святымъ ключомъ, и храбрецы опустились въ его 4-хъ-градусную воду. Холодъ невыносимый; едва выскочили. Хорошо еще, что пришлось сейчасъ же подниматься на крутизны самаго возвышеннаго изъ всѣхъ пунктовъ Яйлы— на Бабуганъ-Яйлу, составляющую крайній уголъ хребта Яйлы съ востока. Этотъ многочасовой подъемъ согрѣлъ не однихъ лошадей. На Бабуганѣ едва не попались въ гущу облаковъ. Сдѣлалось вдругъ бѣло и непрозрачно, словно мы влѣзли въ кубанъ молока. Бэкиръ сильно струсилъ, но, къ счастью нашему, вѣтеръ

пронесъ облака вдоль по хребту. Мы въ эту минуту были какъ разъ на южномъ краю хребта, готовые начать спускъ. Когда клубы облаковъ вдругъ смахнулись, какъ ненужная декорація на сценѣ театра, у нашихъ ногъ, глубоко внизу, широкимъ и далекимъ горизонтомъ, неожиданно улыбнулось намъ море такой яркой и веселой лазури, какую рѣдко приходится видѣть. Южный берегъ лежалъ у нашихъ ногъ со своими бѣлыми домиками и стройными кипарисами, со всею роскошью своихъ красокъ и очертаній. Онъ казался вдвое милѣе, вдвое дороже послѣ нѣсколькихъ сутокъ разлуки, какъ кажется милѣе и дороже по возвращеніи красота любимой женщины, ненадолго покинутой.

Мы стали спускаться. Теплый воздухъ, насыщенный ароматами южныхъ травъ, вѣялъ намъ въ лицо. Сердце чувствовало, что оно вступало въ иной, лучшій міръ, гдѣ солнце жарче, гдѣ краски ярче, плодъ слаще, воздухъ нѣжнѣе и душистѣе, жизнь счастливѣе. Этотъ переходъ отъ горъ къ южному берегу всегда поразителенъ. Словно, переѣхавъ извѣстную черту, вы отворили дверь спертой комнаты и вышли на свѣжій воздухъ, въ широкій міръ Божій.

Какъ по ступенямъ съѣзжали мы изъ одного горнаго пояса въ другой, и новыя поселенія, новыя перспективы открывались кругомъ. Глазъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за развертывавшимися вдали линіями берега, за этими давно знакомыми мысами и заливчиками, у которыхъ кончался нашъ путь. Мы поздно съѣхали на южнобережное шоссе и дали себѣ вздохнуть въ веселой скачкѣ по его гладкому полотну. Было уже совсѣмъ темно, когда роскошный паркъ Никитскаго сада принялъ насъ подъ фантастическія сѣни своихъ тропическихъ деревьевъ, въ ароматную атмосферу своихъ теплицъ и цвѣтниковъ, наполненную журчаньемъ фонтановъ.

Вотъ сверкнули сквозь Магарачскій лѣсъ огоньки нашей дачи, притаившейся у спящаго моря. Копыта звучатъ по камнямъ морского берега... Бѣлая женская фигура вырѣзается среди кипарисовъ, заслоняющихъ освѣщенный балконъ.

Хорошо странствовать по глухимъ лѣснымъ оврагамъ, терпя лишенія и труды, наслаждаясь привольною жизнью горца и изслѣдуя тайны погибшихъ временъ; но еще отраднѣе, послѣ своей семидневной Одиссеи, завидѣть наконецъ огонь родного очага.

Евгеній Марковъ.

Симферополь.

СОНЪ

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ЛЕГЕНДА.

Изъ Гейне.

Мнѣ снилася лѣтняя ночь, и луна
    Свѣтила съ небесной вершины;
Лежали, въ ея серебристыхъ лучахъ,
    Временъ «возрожденья» руины.

Въ далекое небо обломки колоннъ
    Смотрѣли — и горды, и смѣлы,
Какъ будто съ собой вызывали на бой
    Громовыя страшныя стрѣлы.

Валялись остатки разбитыхъ фигуръ—
    Центавры, сатиры, химеры,
Гдѣ звѣрь съ человѣкомъ былъ смѣшанъ совсѣмъ
    Въ издѣльяхъ языческой вѣры.

Средь этихъ развалинъ стоялъ саркофагъ,
    Весь цѣлый, работы искусной,—
И въ мраморномъ гробѣ мертвецъ почивалъ
    Съ улыбкой болѣзненно-грустной.

И, шею согнувши, казалось, съ трудомъ
    Тотъ гробъ карьятиды держали;
Чудесной рѣзьбой барельефы его
    Съ обѣихъ сторонъ украшали.

Тутъ были представлены: пышный Олимпъ
И боги въ утѣхахъ любовныхъ;
И первые люди; прикрылись они
Повязкой изъ листьевъ смоковныхъ.

Вотъ взятіе Трои, Елена, Парисъ;
Вотъ Гекторъ убитый, несчастный;
А тамъ—Моисей съ Аарономъ, Юдиѳь
И съ ней Олофернъ сладострастный.

Вотъ дама Венера, и Фебъ, и Амуръ,
Вулканъ и угрюмый богъ ада,
Съ женой Прозерпиной; Меркурій, Пріапъ
И Бахусъ среди винограда;

Ослица за нимъ Валаама стоитъ;
Я могъ бы еще любоваться
На древняго Лота и дщерей его,
Любившихъ всегда красоваться.

Предъ Иродомъ тутъ же плясала жена
Съ главою Крестителя. Рядомъ
Святой Петръ Апостолъ со связкой ключей
Стоялъ надъ бунтующимъ адомъ.

Вотъ мчится Діана-охотница въ лѣсъ;
Ей слѣдуютъ нимфы. Вотъ жалкій
Влюбленный герой-полубогъ Геркулесъ
Сидитъ въ женской юпкѣ за прялкой.

И тутъ же виднѣлся Синай; у горы
Израиль съ своими шатрами;
А вотъ и Младенецъ бесѣду ведетъ
Съ толпой фарисеевъ во храмѣ....

Изящество грековъ и строгая мысль
Евреевъ здѣсь странно смѣшались,—
И, какъ арабесками, дикимъ плющемъ
Фигуры боговъ украшались.

На нихъ я задумчиво, тихо смотрѣлъ,
И вдругъ мнѣ представилось, чтó же?—

Представилось, будто я самъ тотъ мертвецъ,
Лежащій на мраморномъ ложѣ.

Въ главахъ у меня находился цвѣтокъ.
Онъ выросъ злодѣйства уликой;
Какъ желтая сѣра листочки его
Исполнены прелести дикой.

Въ народѣ зовется онъ «цвѣтомъ страстей»;
Онъ взросъ на Голгоѳѣ въ ту пору,
Когда для спасенія міра текла
Кровь Бога на страшную гору.

Народъ говоритъ, что онъ выросъ затѣмъ,
Чтобъ быть постоянной уликой
Для тѣхъ палачей, отъ которыхъ погибъ
Невинно Страдалецъ великій.

И всѣ отразились въ головкѣ цвѣтка
Орудія пытки Христовой:
И молотъ, и гвозди, и крестъ, и вѣнецъ
Колючій изъ вѣтки терновой....

Такой-то цвѣтокъ надо мною стоялъ
И, къ трупу склонившись, средь ночи,
Какъ женщина, страстно меня лобызалъ
Въ уста и въ закрытыя очи.

О, сонъ мой волшебный!... Увидѣлъ я вдругъ,
Вкушая покой безмятежный,
Что желтый, какъ сѣра, цвѣточикъ страстей
Сталъ женщиной милой и нѣжной.

Дитя дорогое! тебя я узналъ
По ласкамъ, по страсти могучей:
Такъ нѣжно не можетъ цвѣтокъ цѣловать,
Такъ слезы цвѣточка не жгучи!

Глаза мои были закрыты, но я
Душою смотрѣлъ со вниманьемъ,—
И ты мнѣ смотрѣла, съ восторгомъ, въ лицо,
Одѣтая луннымъ сіяньемъ.

Мы оба молчали; лишь сердцемъ однимъ
Съ тобой говорилъ я сквозь слёзы:
Оно понимало, малютка, твои
Безмолвныя тайныя грёзы.

Нѣмая бесѣда!... Какъ время летитъ
Въ бесѣдѣ столь нѣжной и странной,
Во снѣ лѣтней ночи прозрачной, святой,
Изъ нѣги и страсти сотканной!

О чемъ мы тогда говорили? Молчи,
Не спрашивай, другъ мой, объ этомъ!
Спроси свѣтляка, что̀ онъ свѣтитъ въ травѣ?
Къ волнамъ обратись за отвѣтомъ:

Зачѣмъ эти волны въ потокѣ бѣгутъ?
Зачѣмъ вѣтерокъ все порхаетъ?
Зачѣмъ онъ, весною, шумитъ на зарѣ
И будто о чемъ-то вздыхаетъ?

Спроси у алмаза, зачѣмъ онъ блеститъ?
Зачѣмъ льютъ цвѣты ароматы?—
Но что̀ говорили мертвецъ и цвѣтокъ,
Не спрашивай, другъ, никогда ты!

Не знаю, какъ долго лежалъ я, мертвецъ,
И грезилъ въ гробницѣ прохладной.
Увы! улетѣлъ отъ меня наконецъ
Покой безмятежно-отрадный....

О, смерть! только ты намъ отраду даришь:
Въ могилѣ нѣтъ бурь и ненастья;
А грубая, пошлая жизнь выдаетъ
За благо — порывъ сладострастья....

Навѣки исчезло блаженство мое:
Внезапно шумъ страшный раздался,
Услышалъ я брань и неистовый крикъ,—
И шума цвѣтокъ испугался.

Снаружи кипѣлъ самый бѣшеный споръ;
Въ немъ слышалась злая отвага.

Я въ звукахъ нестройныхъ узналъ голоса́
Фигуръ моего саркофага.

Увы! заблужденія древнихъ вѣковъ
И въ самыхъ камняхъ сохранились:
Фигуры изъ мрамора споры вели
И грозно другъ съ другомъ бранились....

Тотъ споръ безконеченъ: борьба красоты
И истины вѣчно продлится;
На лагерь Эллады и варварскій станъ
Весь міръ будетъ вѣчно дѣлиться....

Казалось, что спору не будетъ конца;
Кричали всѣ въ бѣшенствѣ дикомъ,
Но вотъ Валаама ослица какъ тутъ,—
И споръ заглушила вдругъ крикомъ.

И этотъ жестокій пронзительный крикъ
Былъ страшенъ—я весь содрогнулся,
И ужасъ смертельный мнѣ въ сердце проникъ,
Я самъ закричалъ.... и проснулся.

Л. Трефолевъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ
ДО ГРАФА ПРОТАСОВА.

Воспоминанія.

Въ концѣ пятидесятыхъ и въ большей части шестидесятыхъ годовъ наша литература усиленно нападала на духовно-учебныя заведенія, описывая вкоренившіеся въ нихъ недостатки и злоупотребленія. Изъ всѣхъ статей, статеекъ, разсуждавшихъ такъ или иначе объ этомъ предметѣ, можно бы составить порядочную коллекцію книгъ. Но почему-то литература, такъ безпощадно бичевавшая семинаріи и низшія училища, касалась духовныхъ академій небольшими статейками и легкими замѣтками; подробнаго же, сколько-нибудь обстоятельнаго описанія ихъ внутренней жизни не было. Между тѣмъ академіи слѣдовало бы поставить на первомъ планѣ, потому что въ нихъ получали воспитаніе и извѣстнаго рода настроеніе тѣ люди, которые были единственными дѣятелями въ семинаріяхъ, и кромѣ того непосредственно или посредственно имѣли вліяніе на низшія духовныя училища. Теперь духовныя академіи уже преобразованы; прежнимъ ихъ порядкамъ *пропѣта*, такъ сказать, *вѣчная память*, и онѣ обратились въ «дѣла минувшихъ дней, преданье старины глубокой»,— такъ непохожъ нынѣшній ихъ порядокъ на порядки недавно минувшіе. Но послѣ смерти людей пишутся не одни некрологи,

а и біографіи ихъ. Почему же не сдѣлать того же самаго относительно духовныхъ академій? За полную ихъ біографію я не берусь; но отрывки изъ нея не только хоть отчасти пояснятъ главнѣйшія причины того безотраднаго положенія, въ которомъ такъ недавно находились среднія и низшія духовно-учебныя заведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, укажутъ на то, чего слѣдуетъ избѣгать, чтобы преобразованныя академіи мало-по-малу не обратились, какъ говорится, вспять. Въ этой статьѣ описывается петербургская духовная академія въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ десятилѣтній почти періодъ времени, предшествовавшій оберъ-прокурорству графа Протасова; но по мѣстамъ придется дѣлать указанія и на другія времена, и на прочія академіи.

I.

Чѣмъ были духовныя академіи въ прежнія времена?

Если бы принято было называть учебныя заведенія по тому сословію, къ которому принадлежатъ ихъ начальники, то духовныя академіи въ описываемое мною время слѣдовало бы величать *монашескими училищами*. Хотя на основаніи устава ректорами въ нихъ могли быть лица не одного чернаго, но и бѣлаго духовенства, впрочемъ на самомъ дѣлѣ съ 1808-го до 1862-го г. во всѣхъ академіяхъ ректорствовали одни монахи. Если бы іерархамъ, особенно тѣмъ, которые управляли духовно-учебными заведеніями въ царствованіе императора Николая, кто-нибудь вздумалъ сказать, что вотъ-де хорошо было бы въ такую-то духовную академію назначить ректоромъ такого-то заслуженнаго, ученаго и опытнаго протоіерея, то, можетъ быть, его не сочли еретикомъ, но заподозрили бы въ вольнодумствѣ. Въ петербургской, московской и кіевской духовныхъ академіяхъ очень долго (по 20—35-ти лѣтъ) состояли на службѣ профессорами протоіереи Павскій, Кочетовъ, Голубинскій, Делицынъ и Скворцовъ, а между тѣмъ никто и *не заикался* о томъ, чтобы кого-нибудь изъ нихъ сдѣлать ректоромъ академіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Делицынъ. Онъ служилъ въ московской духовной академіи наставникомъ 45 лѣтъ, пользовался славою не только хорошаго профессора, но и дѣловаго, ученаго человѣка, а между тѣмъ имѣлъ начальниками семь своихъ академическихъ учениковъ. Изъ нихъ архимандриты Сергій Ляпидевскій и Савва Тихомировъ

были еще младенцами, когда Делицынъ уже занималъ должность ординарнаго профессора академіи. Даже рѣшившись, въ 1863-мъ г., опредѣлить ректоромъ академіи не-монаха, избрали, такъ сказать, полумонаха, т.-е. протоіерея, не вступавшаго въ бракъ; прямо шагнуть не осмѣлились,—сдѣлали нѣчто въ родѣ половины шага, и остановились пока на лицѣ, которое составляетъ нѣчто въ родѣ перехода отъ монаха къ женатому священнику, отъ чернаго къ бѣлому духовенству.

Относительно инспекторовъ академіи прежній уставъ былъ очень либераленъ; онъ дозволялъ избирать ихъ даже изъ свѣтскихъ наставниковъ; но несмотря на это, до конца шестидесятыхъ годовъ инспекторствовали только монахи. Замѣчательнѣе всего въ этомъ случаѣ было то обстоятельство, что даже временное, на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, исправленіе должности инспекторской поручали какому-либо баккалавру-монаху, едва кончившему курсъ, но никакъ не свѣтскому профессору; точно какъ будто боялись, какъ бы не осквернить должности прикосновеніемъ къ ней мірянина. Только въ 1842-мъ г. петербургская духовная академія какимъ-то образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ поручила исправленіе инспекторской должности свѣтскому профессору. Но когда онъ въ первый разъ явился къ митрополиту Серафиму съ рапортомъ о благосостояніи академіи, то старецъ не могъ скрыть своего изумленія. На вопросъ митрополита: — Что вы скажете? профессоръ началъ на словахъ рапортовать: — *Честь имѣю донести* и пр. — «Что...о...о?» отвѣтилъ митрополитъ, и услышавъ вновь рапортъ, сказалъ: «Да вы кто таковы?» — «Исправляющій должность инспектора академіи...» — «Какъ? Исправляющій должность инспектора академіи?! Вѣдь инспекторы въ академіи всегда монахи, а вы-то что́? — «Я не инспекторъ, а только исправляющій должность...» — «Да вѣдь это все равно; вѣдь всетаки вы теперь инспекторъ. Какъ же это такъ? Вѣдь инспекторы все были монахи.» — «Ваше в—во, исправленіе инспекторской должности поручено мнѣ съ вашего соизволенія». Вспомнилъ ли тутъ митрополитъ о томъ, что самъ далъ это соизволеніе, или нашелъ достаточнымъ намекъ на отступленіе отъ утвердившагося обычая, только сказалъ: «да, да; — такъ что же вы говорите?» И послѣ, пока профессоръ исправлялъ должность инспектора, старецъ не одинъ разъ заводилъ разговоръ въ томъ же тонѣ: такъ крѣпко въ немъ утвердилось убѣжденіе, что инспекторскую должность даже на короткое время слѣдуетъ поручать только однимъ монашествующимъ лицамъ!

Наконецъ, третьимъ членомъ внутренняго правленія академіи былъ еще экономъ, неимѣвшій никакого вліянія на управленіе

ею. На эту должность уже, кажется, вовсе не кстати опредѣлять монаха. Даже священнику не во всѣхъ случаяхъ удобно исполнять ее. А между тѣмъ почти всегда академическіе экономы были непремѣнно изъ монашествующихъ лицъ; только петербургская академія въ этомъ случаѣ издавна либеральничала. Итакъ, по всей справедливости духовныя академіи по отношенію къ ихъ начальству могли называться *монашескими* учебными заведеніями.

Но еще съ большею справедливостію ихъ слѣдовало бы назвать *ректорскими*. Конечно, по уставу ректоръ не былъ неограниченнымъ, единственнымъ начальникомъ академіи; въ ней были два правленія: — *внутреннее*, завѣдывавшее дѣлами самой академіи, и *внѣшнее*, управлявшее извѣстнымъ числомъ семинарій, и кромѣ нихъ еще *конференція*. Въ первомъ числилось три члена, во второмъ не менѣе четырехъ, а въ третьей даже до шестнадцати, и всѣ дѣла должны были рѣшаться въ нихъ по большинству голосовъ; ректоръ имѣлъ два голоса только въ случаѣ равенства голосовъ. Но на самомъ дѣлѣ этого почти не было. Засѣданія существовали только на бумагѣ; обыкновенно секретарь являлся къ ректору съ дѣлами и получалъ отъ него приказъ или наставленіе, какъ рѣшать ихъ; затѣмъ составлялись журналы и для подписи разсылались членамъ по квартирамъ, или приносились имъ въ классъ во время лекцій; а иногда безъ церемоніи гг. члены приглашались въ правленіе, гдѣ имъ и предлагали подписаться подъ статьями журналовъ, касавшихся дѣлъ, о которыхъ они никогда не разсуждали, а часто и не слыхали. Разумѣется, ректору нельзя было не посовѣтоваться съ инспекторомъ и экономомъ по дѣламъ, относящимся къ ихъ должностямъ. Но это зависѣло отъ доброй воли его; онъ могъ, если имѣлъ смѣлость, дѣлать и тутъ все, что ему вздумается. Во внутреннемъ правленіи засѣданія бывали для однихъ торговъ на какіе-либо матеріалы или съѣстные припасы, нужные для академіи. Даже конференція собиралась почти только для составленія разрядныхъ списковъ при окончаніи двухгодичнаго курса. Какъ же послѣ этого не назвать прежнихъ духовныхъ академій *ректорскими* или, полнѣе, *монашески-ректорскими* учебными заведеніями? Вотъ почему и я не могу начать описанія петербургской духовной академіи безъ того, чтобы не сказать о личности ректоровъ, управлявшихъ ею въ послѣднее десятилѣтіе предъ назначеніемъ графа Протасова оберъ-прокуроромъ св. синода. Это были: *Іоаннъ Доброзраковъ*, *Смарагдъ Крыжановскій*, *Венедиктъ Григоровичъ* и *Виталій Щепетевъ*.

II.

Четыре ректора, управлявшіе петербургской духовной академіей съ 1826-го по 1836-й годъ.

Несмотря на то, что четыре ректора различались между собою по характеру и взгляду на свою должность, у нихъ была одна слабость, впрочемъ общая всѣмъ тогдашнимъ ректорамъ не только академій, но и семинарій. Каждый изъ нихъ получалъ такое жалованье, которое при тогдашнихъ цѣнахъ на жизненные припасы, при казенныхъ квартирѣ, отопленіи и экипажѣ, не могло считаться недостаточнымъ даже для семейнаго человѣка. Затѣмъ, развѣ рѣдкій изъ нихъ не былъ настоятелемъ монастыря, по большей части богатаго. Прибавьте къ этому, что всѣ отцы-ректоры были люди не-семейные, давшіе обѣтъ нищеты. Кажется, вовсе нельзя предполагать, чтобы они, такъ хорошо обезпеченные, не могли защитить себя отъ слабости—усиливать свои финансовыя средства. А между тѣмъ никто изъ нихъ, кромѣ развѣ ничтожныхъ исключеній, не умѣлъ побѣдить въ себѣ эту слабость. Даже ректоры петербургской духовной академіи, получавшіе всего до 10.000 руб. ассигн. жалованья и доходовъ отъ редакціи журнала «Христіанское чтеніе», были ей наравнѣ съ прочими подвержены; надобно думать, что слабость или, лучше, болѣзнь эта по своей заразительности была опаснѣе чумы и холеры.

Отцы-ректоры очень хорошо знали, что настоятели монастырей имѣютъ право пользоваться отъ нихъ даровыми содержаніемъ, освѣщеніемъ и прислугою. Почему же духовныхъ академій и семинарій не представить себѣ чѣмъ-то въ родѣ иноческихъ обителей и не пожелать, чтобы начальство ихъ получало отъ нихъ тѣ же хозяйственныя облегченія, какія имѣютъ настоятели монастырей? Вслѣдствіе такого рода разсужденій экономъ обязывался выдавать изъ казенныхъ денегъ жалованье всей ректорской прислугѣ; повара отправлялись въ кладовыя съ съѣстными припасами для воспитанниковъ и оттуда брали *рукою-владыкой* все, что̀ находили нужнымъ для стола своихъ господъ. Разумѣется, что если у ректора были два-три племянника, или братца, если поваръ хотѣлъ помочь *своимъ приснымъ* чѣмъ-либо изъ казенныхъ припасовъ, то кладовая не имѣла права входить въ какіе-либо придирчивые и мелочные разсчеты. Догадливые люди умѣли даже, *при сей вѣрной оказіи*, обнаруживать свои экономическіе таланты. Такъ, напр., уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда начальникъ одной изъ подмосковныхъ семинарій отправился на чреду въ

Петербургъ, то въ его комнатахъ найдено было нѣсколько пудовъ стеариновыхъ свѣчъ, уэкономленныхъ имъ изъ числа тѣхъ, которыя экономъ доставлялъ ему, по его же распоряженію, на счетъ казны.

И петербургская духовная академія, особенно въ началѣ описываемаго мною времени, не успѣла освободиться отъ подчиненія этимъ преданіямъ старины. Для ректора было нанимаемо казенныхъ служителей по 2 — 3 человѣка, а изъ припасовъ мука и крупа разныхъ наименованій, масло, хлѣбъ и пр. отпускались изъ кладовой, сколько требовалось по соображенію повара. Нельзя было отказать въ такой же щедрости и другимъ лицамъ. Инспекторъ тоже имѣлъ двухъ человѣкъ казенной прислуги, даже у секретаря былъ одинъ служитель. Относительно же съѣстныхъ припасовъ дѣло мало-по-малу дошло до того, что ими даромъ пользовались даже холостые наставники, жившіе въ академическомъ корпусѣ. Расходы эти, можетъ быть, дошли бы Богъ-знаетъ до какихъ размѣровъ, еслибы въ 1829-мъ году экономъ іеромонахъ Геннадій не положилъ конца такому безцеремонному участію въ тратѣ казенныхъ припасовъ лицами, которыя обязаны были содержать себя на свой счетъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы даже самъ ректоръ платилъ за все, что отпускалось изъ студенческой кладовой для его стола. Но прислуга ректора и инспектора еще долго получала жалованье и содержаніе изъ академическихъ суммъ и запасовъ; уже при оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ кое-какъ ректоры и инспекторы *вынуждены были* нанимать и содержать прислугу на свой собственный счетъ. Къ числу нормальныхъ припадковъ описываемой мною слабости принадлежалъ также обычай угощать, во время экзаменовъ и при другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ, гостей на казенный счетъ, но объ этомъ скажу я ниже. А теперь займусь спеціально характеристикою однихъ ректоровъ, начиная ее въ хронологическомъ порядкѣ съ Добровракова.

Природа создала его для семейной, притомъ свѣтской жизни. Онъ имѣлъ живой, веселый, общительный характеръ, любилъ пошутить, поострить, даже *побалагурить*; шутки его были остроумны и большею частію весьма забавны, такъ что отъ нихъ смѣялся даже и тотъ, кого онѣ касались. Но если разговоръ шелъ о нелюбимомъ имъ человѣкѣ, котораго между тѣмъ при немъ превозносили до небесъ, то онъ тутъ не выдерживалъ себя и высказывалъ очень злыя остроты. Такъ, однажды на оффиціальномъ большомъ обѣдѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда какое-то свѣтское лицо принялось уже слишкомъ расхваливать московскаго митрополита Филарета (Дроздова), между прочимъ за его

постническую жизнь, то Доброзраковъ, бывшій въ то время уже епископомъ, вслухъ всѣхъ сказалъ, намекая на его строгость: «да, преосвященный митрополитъ дѣйствительно за обѣдомъ довольствуется однимъ пискарикомъ; только потомъ всегда закусываетъ попомъ или дьякономъ». Далѣе, Доброзраковъ былъ необыкновенно ловокъ и развязенъ въ обращеніи съ людьми, отличный и неутомимый говорунъ, любилъ сидѣть и за зеленымъ столомъ, поиграть въ тогдашнюю модную игру, — въ бостонъ, поодушевить бесѣду хорошимъ виномъ, а въ пріятельскомъ кругу позволялъ себѣ и болѣе смѣлыя отступленія. Въ своей квартирѣ онъ былъ хлѣбосоломъ до расточительности; уйти отъ него съ веселой пирушки *не на-веселѣ* было почти невозможно; это позволялось только одному протоіерею Павскому, котораго онъ уважалъ. Словомъ, это былъ весельчакъ, русскій *душа-человѣкъ*, французскій bon-vivant, хотѣлъ и умѣлъ *пожуировать*, насладиться жизнію и увлечь за собою тѣхъ, кто съ нимъ сближался. И во всемъ этомъ не было ничего тривіальнаго, такъ какъ природа снабдила его умомъ гибкимъ, оборотливымъ, и самъ онъ обогатилъ себя основательными и разнообразными свѣдѣніями. Прибавьте къ этому, что онъ былъ врагъ всякаго чванства и тщеславія, привѣтливъ, снисходителенъ, даже любезенъ; съ кѣмъ, онъ успѣвалъ поговорить, тому трудно было на него сердиться. Можетъ быть, подъ старость онъ нѣсколько измѣнился, но я описываю его, чѣмъ онъ былъ въ молодыхъ и среднихъ годахъ.

Этотъ веселый человѣкъ, при окончаніи академическаго курса, былъ еще не Іоанномъ, а Михаиломъ Доброзраковымъ, и занималъ въ окончательномъ спискѣ № XI, не оставленъ при академіи баккалавромъ, а посланъ профессоромъ въ черниговскую семинарію. По всей вѣроятности, ему бы пришлось всю жизнь оставаться Михаиломъ Доброзраковымъ, если бы въ то время и даже послѣ того не было обыкновенія вызывать въ академію на баккалаврскія мѣста тѣхъ магистровъ, о желаніи которыхъ поступить въ монашество доходили извѣстія до ректора ея. При этомъ извѣстіи новый претендентъ на иноческую жизнь почему-то дѣлался вдругъ достойнымъ мѣста академическаго наставника. Доброзраковъ стоилъ этого мѣста и при окончаніи курса, но, по преданію, не получилъ его и занялъ въ спискѣ № XI, потому что его разбитной характеръ не подходилъ подъ господствовавшій тогда аскетическій тонъ въ академіи. Наскучивъ жить съ хохлами и не видя ничего привлекательнаго въ семинарской службѣ, Доброзраковъ въ 1819-мъ году воспользовался упомянутымъ случаемъ поступить въ академическіе наставники

Мы чуть не всю ночь предъ этимъ проводили въ гостяхъ; но, несмотря на то, являлись въ залу и выстраивались впереди ректора; за то тутъ-то особенно и отличались своимъ богомольемъ: чтобы прогнать дремоту, которая насъ мучила, мы дѣлали частые поясные поклоны».

Равнымъ образомъ при Доброзраковѣ наставники позволяли себѣ говорить лекціи, не опасаясь, что имъ тотчасъ *зажмутъ ротъ* за всякое слово, которое можно заподозрить въ либерализмѣ. Если бы Иннокентій Борисовъ служилъ въ петербургской духовной академіи при другомъ какомъ-либо ректорѣ, то ему бы не удалось говорить тѣ воодушевленныя и увлекательныя лекціи, которыми онъ отличался въ петербургской духовной академіи. Вообще надобно сказать, что съ ректорства Доброзракова эта академія приняла тотъ свободный, или полусвободный оттѣнокъ, который въ ней замѣчали.

Но веселый, разбитной и безпечный характеръ Доброзракова имѣлъ дурное вліяніе на хозяйственное управленіе академіи. Почтенный отецъ-ректоръ не то, что былъ человѣкомъ злымъ и корыстолюбивымъ, который по предначертанному плану намѣренно изнуряетъ студентовъ дурною пищею и часть денегъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе, прибираетъ къ своимъ рукамъ — такія мысли не приходили ему въ голову; напротивъ, онъ былъ даже добрый человѣкъ и при случаѣ помогалъ студентамъ, давая имъ деньги *въ долгъ*, какъ говорится, *безъ отдачи*. За то, съ другой стороны, онъ не любилъ встрѣчать препятствія при удовлетвореніи своей наклонности къ самому расточительному и неразсчетливому образу жизни. Въ случаѣ такихъ препятствій когда своихъ средствъ недоставало, онъ обращался къ эконому, по пословицѣ: *вынь да положь деньги*, а тамъ самъ умѣй добывать ихъ безъ убытка себѣ.

Если представить себѣ, что эконому приходилось быть для своего начальника поставщикомъ не одныхъ питій, но и всякихъ *снѣдей*, то рождается естественно вопросъ: откуда же эконому надобно было брать деньги для покрытія всѣхъ такихъ расходовъ, не входившихъ въ академическій бюджетъ? Опытные, *обстрѣленные* уже экономы знали, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ и не безпокоили своего начальника неумѣстными вопросами: *откуда взять деньги?* Но мой знакомый экономъ сначала оказался недогадливымъ и назойливымъ. Истративши уже не одну сотню рублей на разныя разности, которыя не слѣдовало записывать въ расходную книгу, онъ рѣшился сказать своему начальнику, что у него нѣтъ болѣе денегъ на такіе расходы. «Какъ? весело возразилъ начальникъ: *денегъ нѣтъ!*

денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! Ну, экономъ, я думалъ, что ты парень умный; теперь вижу, что надобно поучить тебя уму-разуму. Есть ли у тебя знакомый кровельщикъ?» спросилъ онъ вдругъ эконома и, получивъ положительный отвѣтъ, сказалъ: «ну такъ вели ему прислать человѣкъ десять работниковъ съ молотками и разными инструментами. Пусть они стучатъ дней пять на кровлѣ и никому не даютъ покоя. А потомъ и подай записку о томъ, что, по случаю внезапно открывшейся течи, ты хозяйственнымъ образомъ поспѣшилъ исправить крышу и просишь выдать деньги кровельщику за работу, а купцу за желѣзо, гвозди, проволоку и пр. Вотъ тебѣ и деньги!» Всё это было сказано полушутя, полусерьезно: понимай какъ хочешь!

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, безъ починки крыши, добываніе денегъ не могло не отзываться на студентческихъ желудкахъ. Доброзраковъ, повторяю, не былъ однако злымъ человѣкомъ и, будь лишнія деньги, позволилъ бы кормить студентовъ *до отвалу*, какъ говорится; даже, пожалуй, поподчивалъ бы ихъ хоть шампанскимъ. Но къ несчастью онъ ставилъ свои, даже прихотливыя, потребности выше скромныхъ требованій студентческихъ желудковъ; а казенныхъ денегъ на всѣ и потребности, и требованія, недоставало, и потому пища у студентовъ, какъ увидимъ ниже, была очень неудовлетворительна, особенно въ постные дни. Но и относительно этого предмета Доброзраковъ иногда любилъ разыгрывать драматическія сцены, которыя впрочемъ отзывались уже вовсе негуманнымъ взглядомъ на нужды своихъ подчиненныхъ. Одинъ изъ студентовъ, называвшійся дежурнымъ старшимъ, долженъ былъ являться вечеромъ, послѣ ужина, къ ректору и докладывать ему не только о томъ, что *все хорошо*, но и о томъ, что есть кое-что дурное. Доброзраковъ, услышавъ, что пища «хороша», съ милою улыбкой говорилъ: *«да, я знаю; тамъ все хорошо; ступайте съ Богомъ; спасибо вамъ!»* Но если старшему припадала охота назвать пищу дурною, тогда начальникъ любилъ помѣщать свою особу на диванъ и подзывать къ себѣ любимца своего — кота-Ваську. Расположившись на диванѣ, онъ спрашивалъ старшаго: «Вы говорите, что пища дурна?» —Такъ точно, ваше в—діе. — «А чѣмъ же она дурна?» Выслушавши отвѣтъ на послѣдній вопросъ, начальникъ говорилъ даже, пожалуй, съ оттѣнкомъ чего-то похожаго на неудовольствіе: «Неправда! пищу нельзя назвать дурною».—Помилуйте, горячо вступался за себя старшій, какъ нельзя назвать ее дурною? Выслушайте Бога ради!—и опять начиналось описаніе ея незавидныхъ качествъ. Но начальникъ повторялъ свое; *неправда* и пр. Старшему, разумѣется, оставалось молчать. «Ну

что же вы стоите и молчите?»—Помилуйте, я все сказалъ. Тогда Доброзраковъ начиналъ говорить: «Развѣ пища дурна? она просто скверная; ее ѣсть, я думаю, нельзя; вотъ какъ-то поваръ мой далъ вашъ супъ Васькѣ, такъ и Васька *зафыркалъ*, но не сталъ кричать и жаловаться; ступайте, не умѣете съ толкомъ рапортовать; вѣрно студенты просили сказать всю правду; да и самъ я того же желаю. Ступайте, я скажу эконому». Но, разумѣется, шутка осталась шуткой, и все шло по прежнему.

Преемникомъ Доброзракова по ректорству былъ Смарагдъ Крыжановскій. Въ физіономіи его замѣчалось что-то не русское: черные, *какъ смоль*, волосы, искрящіеся глаза, отсутствіе скуловатости на лицѣ, дѣлали его похожимъ на азіатца, но не монгольской расы. Ему самому приписывали даже слѣдующія слова: «*дѣдъ мой былъ еврей, отецъ іерей, а я архіерей*». Но это несправедливо; онъ такихъ словъ не говорилъ, да и не имѣлъ ни въ физіономіи, ни въ характерѣ ничего еврейскаго, кромѣ развѣ страсти къ обогащенію. Скорѣе его можно счесть потомкомъ цыгана, молдована, или даже турка, но никакъ не еврея. Характеръ онъ имѣлъ чрезвычайно горячій и вспыльчивый; будучи раздраженъ чѣмъ-нибудь, онъ выходилъ изъ себя и уже въ санѣ архіерея давалъ, по поговоркѣ, *волю своимъ рукамъ;* но во время службы доставалось главнымъ образомъ діаконамъ и иподіаконамъ. Въ комнатахъ же попадало даже священникамъ и протоіереямъ. А раздражить его было нетрудно; напр., онъ очень дорожилъ своею іерархическою честью; санъ архіерея чуть ли не ставилъ выше всего на землѣ. Немного было людей, которые бы такъ высоко думали о своемъ умѣ, своей учености и даже о своихъ нравственныхъ качествахъ, какъ онъ. По смерти митрополитовъ петербургскихъ Никанора и Григорія и кіевскаго Филарета онъ считалъ себя чуть ли не единственнымъ, достойнымъ ихъ преемникомъ. Ничѣмъ ему нельзя было угодить, какъ на вопросъ его: что вы думаете о новомъ петербургскомъ или кіевскомъ митрополитѣ? отвѣчать: — Есть, кажется, преосвященные болѣе достойные и заслуженные. «Да, да, съ какимъ-то особеннымъ паѳосомъ онъ приговаривалъ; есть именно и достойнѣе и заслуженнѣе.» Разумѣется, что этотъ достойнѣйшій и заслуженнѣйшій есть онъ самъ, Смарагдъ Крыжановскій. И всякій дѣлался почти личнымъ врагомъ его, если своими поступками или словами подалъ поводъ думать, что онъ сомнѣвается въ умѣ, или его учености, или въ преимущественной важности архіерейскаго сана. Съ людьми, съ которыми нечего было церемониться, онъ тотчасъ разсчитывался словомъ или дѣломъ. А если кто-нибудь былъ недоступенъ для того или другого средства, о томъ при

всякомъ напоминаніи отзывался самымъ злымъ образомъ. Тутъ не было никому пощады. Когда-то давно московскій митрополитъ Филаретъ укололъ его какимъ-то мѣткимъ своимъ сарказмомъ. И Крыжановскій до самой смерти не забылъ этой обиды. Какъ бы онъ ни былъ неразговорчивъ въ данную минуту, но стоило только сказать что-либо нелестное о Филаретѣ, какъ неразговорчивость его тотчасъ пропадала, — и уже *слушай* только *дуброва, что́ вѣтеръ шумитъ.*

Задолго еще до смерти Крыжановскаго составилось общее убѣжденіе о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго никакъ нельзя было назвать безсребренникомъ. Еще въ Орлѣ въ честь его былъ написанъ акаѳистъ, въ которомъ припѣвъ состоялъ изъ словъ: *радуйся, Смарагде сребролюбче!* По смерти его осталось громадное состояніе въ денежныхъ капиталахъ (болѣе 150.000 руб.) и въ огромномъ количествѣ разнообразнѣйшихъ болѣе или менѣе дорогихъ вещей и кусковъ матерій. Притомъ справедливо думали, что это была только часть его капиталовъ, а другая *прибрана къ рукамъ добрыми людьми*; потому что вклады денегъ въ опекунскій совѣтъ, судя по билетамъ, были сдѣланы въ промежутокъ 1840—1856 года; тогда какъ онъ и до 1840-го года и послѣ 1856-го года имѣлъ возможноссь уэкономливать очень большія суммы.

Но его нельзя было назвать скрягою, который бережетъ деньги для денегъ же; онъ ихъ собиралъ для того, чтобы жить съ комфортомъ и приберечь себѣ на старость, когда бы пришлось, можетъ быть, заканчивать свою жизнь въ какомъ-либо монастырѣ. Онъ былъ настоящій гастрономъ; столъ его и вина не могли не понравиться самому прихотливому вкусу свѣтскаго человѣка. Послѣ его смерти найдено было множество выписанныхъ имъ изъ Москвы съѣстныхъ запасовъ, которыхъ употребленіе не разрѣшается для монашествующей братіи. Впрочемъ онъ даже не очень считалъ себя монахомъ, и въ разговорахъ объ этомъ предметѣ высказывалъ любимую имъ мысль: «Я вовсе не монахъ, я архіерей, администраторъ».

Не очень строгимъ онъ былъ и въ другихъ отношеніяхъ; напр., въ послѣдніе годы своей жизни не находилъ нужнымъ бесѣдовать съ своимъ духовникомъ, какъ того требуютъ церковныя правила не только отъ духовныхъ особъ, но и отъ міранъ. Онъ и умеръ, неуспѣвъ исповѣдываться, хотя продолжительная болѣзнь видимо близила его къ могилѣ. И когда лечившіе его медики сочли за нужное сказать ему за нѣсколько часовъ до смерти, что не худо бы ему побесѣдовать съ духовникомъ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: «Не ваше это

дѣло; я архіерей; самъ знаю это; ваше дѣло лечить меня». Самое богослуженіе совершалъ онъ очень скоро; напр., въ крестовой церкви литургія, въ которой онъ самъ священнодѣйствовалъ и посвящалъ кого-либо въ священника или діакона, продолжалась иногда не болѣе $^3/_4$ часа. Въ соборѣ такъ скоро служить конечно было бы неприлично; но за то Крыжановскій велъ себя тутъ какъ-то ужъ слишкомъ просто, по домашнему; видно было, что онъ этимъ тяготился.

Относительно римскихъ папъ замѣчено, что ихъ жизнь раздѣляется на два періода. До папства, пока ищутъ *ключей Петровыхъ*, они стараются заявить себя скромными, смиренными, богобоязненными, но получивши ихъ въ руки, выпрямляются и отличаются такими качествами, которыя въ нихъ и подозрѣвать не было возможности. На Смарагдѣ Крыжановскомъ это почти вполнѣ оправдалось. Начерченная мною характеристика его прилагается только къ тому времени, когда онъ занималъ мѣсто епархіальнаго начальника; — *ключи Петровы* были уже въ его рукахъ. Конечно, въ немъ и во время ректорства въ петербургской духовной академіи натура его иногда выглядывала; напр., опасно было затрогивать его гордость и тщеславіе, его высокое мнѣніе о себѣ; тутъ онъ былъ мстителенъ и не забывалъ обидъ. Потомъ, горячность и вспыльчивость не оставляли его и тогда. Учившіеся при немъ въ петербургской академіи вѣроятно не забыли, какъ онъ въ первый день пасхи, узнавши о разныхъ безпорядкахъ между студентами, бѣгалъ по студенческимъ корридорамъ и комнатамъ, крича: *въ солдаты, въ солдаты его!* и пр. Такой грозный приговоръ онъ произносилъ студенту М—му, у котораго оказался небольшой запасъ водки ради праздника Христова. Но все-таки, какъ неистово онъ ни сердился, *рукамъ своимъ воли не давалъ*; накричитъ, бывало, нашумитъ, почти тѣмъ дѣло и кончится. Замѣчали, что онъ, успокоившись, дѣлался необыкновенно добрымъ и снисходительнымъ даже къ тому, кто вывелъ его изъ терпѣнія. Въ это время у него можно было выпросить то, на что въ совершенно спокойныя минуты ни за что бы онъ не согласился.

Далѣе, когда Крыжановскій ректорствовалъ въ петербургской духовной академіи, его не только обвинить, но и заподозрить въ корыстолюбіи не было возможности. Конечно, онъ пользовался даровою казенною прислугою; не прочь былъ и экзаменскій обѣдъ сдѣлать не на свой счетъ; но за этими исключеніями распоряжался казенными деньгами честнымъ и безкорыстнымъ образомъ. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ очень хорошо улучшилъ студенческую пищу, не побоялся въ этомъ случаѣ даже дѣйствовать противъ академическаго устава, приказавши за обѣдомъ готовить

вмѣсто двухъ три блюда. Онъ первый завелъ, чтобы въ каждый постный день студентамъ приготовлялось хоть одно блюдо изъ свѣжей рыбы. Повторяю, что онъ казенными деньгами распоряжался честно и безкорыстно; тогда тотъ припѣвъ: *радуйся, Смарагде сребролюбче* — вовсе къ нему не шелъ.

Потомъ въ академіи онъ показывалъ себя строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій и обычаевъ. Онъ крайне обидѣлся, когда, при первомъ обзорѣ имъ студенческихъ комнатъ, никто изъ студентовъ не счелъ нужнымъ подойти къ нему подъ благословеніе; такой поступокъ, основывавшійся впрочемъ на прежде заведенномъ порядкѣ, казался ему чѣмъ-то въ родѣ нечестія. Боже сохрани, если онъ замѣчалъ, что какой-либо студентъ въ постный день лакомился молокомъ или чѣмъ-либо другимъ скоромнымъ; отъ шума и крика тутъ не было спасенія. Съ другой стороны нельзя не сказать, что въ великій постъ онъ разрѣшилъ въ студенческой столовой употребленіе рыбной пищи, хотя это запрещено церковными постановленіями.

Но спеціальною своею задачей онъ считалъ истребленіе *якобы* появившагося между студентами *вольнодумства, неологизма, раціонализма, либерализма.* По мнѣнію тогдашнихъ ревнителей, Иннокентій Борисовъ своими лекціями уклонилъ студентовъ отъ православія; митрополитъ Серафимъ велѣлъ Крыжановскому особенно постараться обратить заблудшихъ овецъ на путь истинный. Смарагдъ, правду сказать, дѣйствовалъ усердно, но не очень толковито. Узнавши отъ кого-то, что неологизмъ, раціонализмъ и всякое вольнодумство заимствуются изъ нѣмецкихъ книгъ и ими поддерживаются, онъ на этомъ основаніи, завидѣвши у студента какую-либо нѣмецкую книгу, выходилъ уже изъ себя. Однажды вырвавши у студента нѣмецкую книгу, онъ бросилъ ее на полъ и тутъ уже сказалъ: «что это за гадость ты читалъ?» Студентъ отвѣчалъ: «это — новый завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ». Смарагдъ не нашелся что-нибудь сказать и поскорѣе убрался изъ комнаты. Тѣхъ студентовъ, которые слыли за либераловъ, неологовъ и раціоналистовъ, онъ неумолимо преслѣдовалъ, — *благовременнѣ и безвременнѣ,* кстати и некстати отпуская разныя шутки и остроты надъ ними. Объяснивши какой-либо текстъ по своему разумѣнію, онъ подходилъ къ либералу-студенту и уставивъ на него указательный палецъ, говорилъ: «Ну, а вотъ вашъ Розенмиллеръ не такъ объясняетъ это», и принимался хохотать. То же самое происходило, если дѣло шло о какомъ-либо догматѣ; только тогда Розенмиллера, знаменитаго толковника св. писанія, замѣнялъ Вашейдеръ, который издалъ

предъ тѣмъ временемъ очень хорошее богословіе въ раціоналистическомъ духѣ.

Несвободенъ былъ Крыжановскій и отъ предразсудковъ, какъ показываютъ слѣдующіе случаи. Однажды, во время своей лекціи по св. писанію, онъ, замѣтивъ, что студентъ Г—скій читалъ какой-то романъ, разумѣется, пришелъ въ страшное негодованіе. «Господи! Господи! воскликнулъ онъ, ректоръ читаетъ лекціи по св. писанію, а онъ (т.-е. Г—скій) читаетъ романъ; на что это похоже?» Можно было опасаться, что виновный подвергнется строгому взысканію, но это былъ догадливый молодецъ. Явившись къ ректору во время его прогулки по саду, онъ сталъ извиняться въ своемъ проступкѣ тѣмъ, что тутъ дѣйствовалъ искуситель рода человѣческаго. «Да почему же ты такъ думаешь?» спросилъ ректоръ.—«Потому что я вовсе неохотникъ читать такой вздоръ, какъ романы, а нынѣ меня такъ и тянуло къ нимъ, точно какъ будто бы дѣйствовала какая-то невидимая сила»; и тутъ съ сердечнымъ вздохомъ прибавилъ: «виноватъ, я нынѣ утромъ позабылъ помолиться Богу; этимъ и воспользовался искуситель?» И плутоватый студентъ остался не наказаннымъ, хотя ректоръ очень не любилъ его. Въ другой разъ любимый ректоромъ баккалавръ-монахъ пожаловался, что студенты плохо отвѣчаютъ на репетиціяхъ. Крыжановскій отправился самъ въ классъ на слѣдующую репетицію и былъ крайне раздраженъ какъ неудовлетворительными отвѣтами, такъ и тѣмъ, что одинъ студентъ, опредѣляя священство или бракъ, употребилъ слово: «обрядъ», а не «таинство». Крыжановскій вышелъ изъ себя. Но вдругъ въ это время раздался сильнѣйшій ударъ грома. Ректоръ до такой степени испугался, что его сдѣлалось жаль, и многіе студенты не могли не улыбнуться. Собравшись съ духомъ, онъ явился кроткимъ агнцемъ и, сказавъ только: «Что̀ вы, господа, смѣетесь?» поскорѣе ушелъ изъ класса.

Не думаю, чтобы онъ въ религіозномъ отношеніи тогда притворялся; кажется, что именно говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ, по его мнѣнію, требовала вѣра. Онъ точно считалъ себя апостоломъ, призваннымъ для спасенія академіи отъ неологизма и раціонализма; вѣрилъ, пожалуй, и въ то, что бѣсъ дѣйствительно соблазнилъ студента читать романъ во время лекціи по св. писанію и что при сильныхъ ударахъ грома никакъ не слѣдуетъ смѣяться. Такое мнѣніе свое я основываю на томъ, что кипучая, страстная, неугомонная его натура неспособна была лицемѣрить, не съумѣла бы носить маску. Религіозный, а можетъ быть, и нравственный его образъ мыслей измѣнился въ дальнѣйшей его жизни, когда *ключи Петровы* были найдены и при-

шлось познакомиться и съ жизнію, и съ людьми, и дойти до болѣе свободнаго взгляда на религіозные предметы, нежели даже неологизмъ и раціонализмъ.

Крыжановскаго по ректорству смѣнилъ Венедиктъ Григоровичъ. Менѣе церемоннаго человѣка, какъ онъ, нелегко было найти не только между монашествующими, но и между свѣтскими лицами. Терпѣть онъ не могъ низкихъ поклоновъ, подобострастныхъ привѣтствій и разныхъ титулизацій. Когда уже онъ сдѣлался викарнымъ епископъ петербургской митрополіи, то новый лакей его при каждомъ разѣ, какъ нужно было о чемъ-либо, или о комъ-либо сказать, начиналъ свою рѣчь словами: «ваше преосвященство!» Новый владыка цѣлый день выслушивалъ этотъ титулъ. Но когда лакей и на слѣдующій день не хотѣлъ разстаться съ титуломъ, то Григоровичъ, выслушавши два раза «ваше преосвященство», наконецъ не вытерпѣлъ и, остановивъ лакея, сказалъ ему: «послушай, что у тебя за охота все говорить: ваше пр—во? А ты, когда утромъ въ первый разъ придешь ко мнѣ, скажи: ваше пр—во, да потомъ и тяни его уже на цѣлый день». Будучи же ректоромъ академіи и архимандритомъ, онъ еще менѣе любилъ титулы и церемоніи, слишкомъ даже неохотно благословлялъ тѣхъ, кому припадала охота подойти къ нему подъ благословеніе. Всякій студентъ, пришедшій къ нему или по его требованію, или по собственной нуждѣ, отправлялся безъ всякаго доклада по всѣмъ комнатамъ большой ректорской квартиры прямо въ кабинетъ своего начальника, который всегда сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, разспрашивалъ и выслушивалъ студента и по слову: *отходите-ка*, отпускалъ его. Стороннія, даже почетныя лица, не зная подобной безцеремонности, иногда въ залѣ долго ожидали, когда-то имъ удастся увидѣть хозяина, потому что или не находили въ передней лакея, который бы доложилъ о нихъ, или не хотѣли идти прямо въ кабинетъ безъ доклада, когда лакей предлагалъ имъ это.

Этотъ безцеремонный человѣкъ постоянно былъ занятъ днемъ и ночью; въ ногахъ своихъ онъ менѣе нуждался, нежели въ креслахъ, стоявшихъ у его письменнаго стола; никогда почти не выходилъ прогуливаться; а если и случалось это, то на самое короткое время; по поступи его можно было замѣчать, что онъ хлопочетъ, какъ бы поскорѣе покончить свою прогулку, къ которой не привыкъ. Если приходили къ нему люди знакомые, то онъ поскорѣе какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлывался. Самъ же почти ни къ кому не ѣздилъ кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уже нельзя было не поѣхать. Даже у своихъ братьевъ, жившихъ въ Петербургѣ, не бывалъ по году и болѣе. Бывши уже викаріемъ,

Григоровичъ надѣлалъ тревогу по всей Александроневской лаврѣ. Ему были поручены какія-то спѣшныя и многосложныя дѣла. Не терпя никакихъ помощниковъ, самъ дѣлая всѣ справки въ законахъ, составляя начерно, а часто и переписывая набѣло бумаги, онъ, въ данномъ случаѣ, просидѣлъ за работою болѣе трехъ сутокъ, не спавши; повторяю: *около трехъ сутокъ, не спавши.* Кончилъ свои дѣла утромъ, часу въ восьмомъ, въ тотъ, впрочемъ, день, когда ему надобно было служить литургію. Утомленный трехсуточною работой, онъ рѣшился употребить на отдыхъ оставшіеся свободными часа два, прилегъ на постель, но строго приказалъ лакею разбудить себя при первомъ ударѣ колокола къ обѣднѣ. Но лакей, исполняя это приказаніе, никакъ не могъ добудиться своего господина, несмотря на всѣ самые безцеремонные пріемы, — перепугался и доложилъ намѣстнику лавры. Собрались люди авторитетные, будили, толкали, поднимали спавшаго, но онъ не пробуждался. Призвали доктора, который, къ счастію, былъ толковый человѣкъ. Знакомый съ натурой Григоровича и узнавши о трехсуточной работѣ его, онъ не сталъ прибѣгать ни къ какимъ лекарствамъ, посовѣтовалъ не безпокоить его, а только по временамъ переворачивать съ одного бока на другой. Труженикъ проспалъ болѣе сутокъ; надобно же было ему проснуться въ то время, какъ въ лаврѣ трезвонили къ обѣднѣ. Припомнивъ, что онъ приказывалъ разбудить себя при первомъ ударѣ колокола и вовсе не догадываясь, что спалъ болѣе сутокъ, онъ принялся бранить лакея за то, что тотъ не разбудилъ его во-время и торопился одѣваться, чтобы ѣхать служить обѣдню. Напрасно лакей увѣрялъ, что уже былъ другой день; Григоровичъ вѣрить не хотѣлъ, пока явившійся намѣстникъ лавры не убѣдилъ его въ томъ. Старикъ любилъ вспоминать объ этомъ случаѣ. «Вотъ такъ ужъ поспалось мнѣ», говаривалъ онъ.

Надобно еще сказать, что нашъ оригиналъ отличался неподкупной совѣстью, старался рѣшать дѣла, какъ требовалъ того законъ, если только высшая какая-либо воля не стѣсняла его. Для этого онъ готовъ былъ пересмотрѣть всѣ томы свода законовъ, повѣрить статьи по Собранію Законовъ, справлялся въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ съ пандектами. И дѣйствительно былъ уже *законникъ*, какъ говорятъ у насъ. Лучшаго оберъ-секретаря трудно было бы отыскать. Но бывши викаріемъ, онъ, какъ подчиненный человѣкъ, вынуждался рѣшать дѣла не такъ, какъ требовалъ того законъ, а какъ желали вліятельныя лица. Тогда обыкновенно приходилъ онъ въ раздраженіе, но, поругавшись, принимался за составленіе резолюціи и оказывался

тѣмъ, что у насъ называется *крючкомъ*: уже отыщетъ какой-либо забытый законъ или воспользуется побочнымъ обстоятельствомъ и все такъ изложитъ, что выйдетъ какъ-будто законная резолюція. Но повторяю: никѣмъ не стѣсняемый, онъ былъ неукоризненно честенъ и безкорыстенъ.

Указавши на хорошія стороны характера и дѣятельности Григоровича, я теперь обращаюсь къ тому, что похвалить въ немъ трудновато, хотя, можетъ быть, если не извиняется, то объясняется неблагопріятными обстоятельствами его жизни. По окончаніи академическаго курса въ 1814 г., его прямо послали ректоромъ въ могилевскую семинарію не потому, впрочемъ, что онъ вполнѣ заслуживалъ это, но потому, что былъ уже монахомъ, а можетъ быть и потому, что еще до поступленія въ число студентовъ онъ состоялъ, хоть и недолго, учителемъ бывшей александроневской академіи, а потомъ могилевской семинаріи. Столь быстрое возвышеніе совсѣмъ-было погубило Григоровича. Въ Могилевѣ пришлось ему строить новый домъ для семинаріи. Лично честный и безкорыстный человѣкъ, онъ ввѣрился эконому семинаріи, а этотъ такъ обдѣлывалъ дѣла, что оказался недочетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей (едва ли не 40,000), и отвѣтственность пала на Григоровича. Его оставили на службѣ по духовному вѣдомству, но почти все жалованье удерживали для покрытія недочета.

Это несчастное обстоятельство, если не породило, то по крайней мѣрѣ развило тяжелыя качества Григоровича. Обманутый однимъ человѣкомъ, онъ потерялъ довѣріе едва-ли не ко всѣмъ людямъ, чуть не сдѣлался мизантропомъ. Вѣчно подозрительный, недовѣрчивый и мнительный, онъ смотрѣлъ на окружавшихъ его людей недружелюбнымъ глазомъ; сказать ласковое или привѣтливое слово, или пошутить было вовсе не въ его духѣ; если же даже онъ иногда рѣшался высказывать шуточки и остроты, то сейчасъ было видно, что это *не по его*, такъ сказать, *части*. Затѣмъ, не имѣя довѣрія къ людямъ, онъ естественно слишкомъ много полагался на самого себя, и всѣ почти мнѣнія свои считалъ непогрѣшимыми, и потому въ обращеніи съ своими подчиненными, онъ былъ грубъ, особенно если встрѣчалъ возраженія противъ своихъ приказаній или мнѣній. На провинившагося въ чемъ-либо человѣка, не любя дѣйствовать моральнымъ образомъ, онъ, какъ законъ, наказывалъ, а не миловалъ, не убѣждалъ; *разбранить*, *разругать* и даже не совсѣмъ приличными словами было у него въ обыкновеніи; все это дѣлалось съ какою-то злостью и торжественностью; онъ какъ будто бы досадовалъ, что его оторвали отъ дѣла и поско-

рѣе торопился возвратиться къ нему. Говорили даже, что онъ былъ очень веселъ, когда ему приходилось писать суровыя резолюціи, но это едва-ли справедливо.

Жесткое обращеніе его испытывали не одни подчиненные, а и сторонніе, даже свѣтскіе люди, когда послѣдніе добивались отъ него какой-либо резолюціи, которую отъ находилъ незаконною. Въ то время, какъ онъ за болѣзнью митрополита Серафима управлялъ петербургской епархіей, одинъ гвардейскій полковникъ женился на иновѣрной дѣвицѣ. Не зная всѣхъ затрудненій, которыя у насъ соединялись съ подобнымъ бракомъ, онъ не позаботился о заблаговременномъ устраненіи ихъ и узналъ о нихъ чуть-чуть не наканунѣ свадьбы. Исполненіе разныхъ формальностей потребовало нѣсколько лишнихъ дней, и для брака оставался единственный день, — навечеріе царскаго дня, въ которое тогда не позволялось совершать бракъ. Узнавши объ этомъ, полковникъ поѣхалъ къ Григоровичу и сталъ просить его разрѣшить вѣнчаніе. «Не могу, полковникъ, отвѣчалъ викарій, законъ не позволяетъ».—«Помилуйте, ваше пр-во, съ военною горячностью возразилъ полковникъ; мнѣ надобно въ этотъ день непремѣнно жениться».—«Говорю вамъ, полковникъ, не могу разрѣшить, законъ не позволяетъ». Разгорячившійся полковникъ сказалъ: «Такъ знайте же, преосвященный, что этого желаетъ государь императоръ, который обѣщался быть при совершеніи брака; вамъ теперь нельзя отказать въ моей просьбѣ». — «Посидите здѣсь немного, полковникъ, я сейчасъ къ вамъ приду», сказалъ Григоровичъ и отправился въ свой кабинетъ, откуда и вышелъ съ печатною книгой. Сѣвши на прежнее мѣсто, онъ самымъ сухимъ, холоднымъ образомъ спросилъ собесѣдника: «А что вы, полковникъ, читать умѣете?» Озадаченный такимъ вопросомъ, полковникъ съ досадою отвѣчалъ: «Помилуйте, преосвященный, я гвардейскій полковникъ». — «Ну такъ хорошо, вы, значитъ, умѣете читать, началъ опять съ невозмутимымъ спокойствіемъ Григоровичъ. Вотъ извольте прочитать (и тутъ онъ указалъ на тотъ пунктъ закона, который не дозволялъ брака въ требуемое время);—вотъ здѣсь государь императоръ дѣйствительно приказываетъ не вѣнчать браковъ въ этотъ день. Ну, а скажите, гдѣ же напечатано, что государь императоръ разрѣшаетъ вѣнчать вашъ бракъ?.» Не деликатясь съ полковниками, Григоровичъ не деликатился даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы необходима была деликатность. Будучи ректоромъ академіи, онъ былъ вмѣстѣ и редакторомъ журнала «Христіанское чтеніе». Пересматривая статьи изъ сочиненій отцевъ церкви, предназначаемыя для напечатанія въ журналѣ, и вмѣстѣ встрѣтивши

въ нихъ мысли, которыя ему не нравились, онъ поступалъ съ ними, какъ съ студентческими задачками, или совсѣмъ выпуская, или замѣняя ихъ мыслями своего изобрѣтенія. Если ему замѣчали, что вѣдь это *отеческія* сочиненія, что измѣнять ихъ не слѣдуетъ, то онъ отвѣчалъ: «вотъ тебѣ еще, не надобно измѣнять! такъ и печатать всякій вздоръ?»

И хорошія качества, при несчастномъ настроеніи, принимали у Григоровича дурной оттѣнокъ; напр., его легальность обращалась иногда въ формализмъ и пристрастіе къ мелочамъ. Для него недостаточно было рѣшить бумагу, какъ требовала того справедливость и слѣдить за исполненіемъ рѣшенія. Нѣтъ, онъ находилъ нужнымъ самому подобрать бумаги, относящіяся къ одному и тому же дѣлу, сшить ихъ своими иголкою и ниткою и написать своею рукою *заголовокъ*. Отъ студентовъ онъ требовалъ, чтобы они свои задачки переписывали на выдаваемой имъ казенной бумагѣ, чтобы тетрадка была сложена въ четвертку листа и сшита по обоимъ концамъ сгиба, а никакъ не посрединѣ его. И если какой-нибудь ослушникъ переписывалъ задачку не на казенной бумагѣ, или на казенной, но вырѣзанной въ форму почтоваго листа, или на сшитой по срединѣ сгиба; то въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ отдавалъ задачку для переписыванья по установленной формѣ, а въ третьемъ, сказавши: *погодите-ка*, бралъ въ руки ножницы, разрѣзывалъ нитку, потомъ своею иголкою и ниткою сшивъ тетрадь по краямъ сгиба, съ досадою и сарказмомъ говаривалъ, показывая тетрадь: «вотъ, милостивый государь, какъ надобно сшивать тетради, а не по вашему! Отходите-ка».

Григоровичъ въ то время, какъ у него дѣлали вычеты для уплаты денегъ, затерянныхъ въ могилевской семинаріи, имѣлъ очень скудные остатки на свое содержаніе, а по честности своей не хотѣлъ пользоваться суммами, назначаемыми на содержаніе тѣхъ семинарій, гдѣ онъ начальствовалъ. Поэтому ему приходилось быть слишкомъ бережливымъ въ расходахъ на свое содержаніе. Въ это время неволя заставила его носить очень небогатую одежду и особенно довольствоваться самою скудною пищею. По очень достовѣрнымъ слухамъ онъ иногда употреблялъ только черный хлѣбъ, кислую капусту, или щи съ соленою рыбою, а то и безъ нея, и гречневую кашу. Такая неприхотливость обратилась у него мало-по-малу въ привычку. И по расплатѣ его съ казною, когда денежныя средства позволяли ему уже имѣть пышную одежду и изысканный столъ, онъ не роскошествовалъ: близъ графинчика съ водкою стояли тарелки съ ломтемъ хлѣба и съ кислою капустою. Впрочемъ онъ позво-

ялъ себѣ дѣлать и отступленія отъ этого, запасаясь зернистою икрою въ холодное время и ставя ее въ форточку за окно для того, чтобы она въ комнатѣ отъ тепла не испортилась. Но тутъ у него часто завязывалась война съ воронами и галками. Икру онъ выставлялъ за окно въ берестовыхъ бурачкахъ, въ которыхъ покупалъ ее. Вороны и галки, по запаху догадываясь, что тутъ есть что-то вкусное, начинали расклевывать стѣнки бурачка. Хозяинъ икры, замѣтивъ это, бросался къ окну, отворялъ форточку, прогонялъ хищницъ крикомъ: *кши-то, кши-то!* но онѣ опять скоро возвращались, какъ скоро замѣчали, что близъ бурачка нѣтъ головы, кричавшей: *кши-то, кши-то!* Хозяинъ вновь вскакивалъ изъ-за своего письменнаго стола, и война такимъ образомъ дѣятельно поддерживалась съ обѣихъ сторонъ. Студенты, прогуливавшіеся по тротуару предъ окнами комнатъ ректора, бывали не рѣдко свидѣтелями ея; но ректоръ отъ того нисколько не конфузился.

Не очень заботясь о своей пищѣ, Григоровичъ еще менѣе, кажется, думалъ о сохраненіи чистоты и опрятности въ своихъ комнатахъ. Въ залѣ, гостинной и пр., гдѣ хозяинъ бывалъ только въ экстренныхъ случаяхъ, прислуга могла еще употреблять щетку и крыло, но въ кабинетѣ его помести полъ, или стереть пыль, не смѣй и думать, когда хозяинъ сидитъ дома. Да и въ отсутствіи его надобно было совершать эти операціи очень осторожно, не только не трогая бумагъ и книгъ, разбросанныхъ по столамъ, стульямъ и на полу, но даже не очень чисто обметая пыль съ нихъ. Однажды новый лакей, еще не ознакомившійся съ привычками господина, воспользовавшись отсутствіемъ его, вымелъ и убралъ все, какъ это дѣлается въ порядочныхъ домахъ. Господинъ возвратился, и лакей, надѣявшійся получить благодарность за уборку, провожалъ его до самаго кабинета. Вошедши сюда, Григоровичъ остановился въ удивленіи, замѣтивъ перемѣну, въ немъ происшедшую. «Это что такое?» спросилъ онъ лакея.—Да тутъ все было не прибрано и въ пыли; я взялъ, — все вымелъ, вычистилъ и прибралъ, отвѣчалъ лакей, думая еще похвалиться своею заботою объ опрятности. Но вмѣсто благодарности господинъ съ негодованіемъ сказалъ: «Вотъ еще что̀ выдумалъ! вотъ я дамъ тебѣ чистоту!» и раскрывши большую свою табакерку, началъ разсыпать табакъ по всей комнатѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ чистота! вотъ тебѣ чистота! метика вотъ теперь!»

По отношенію къ себѣ самому Григоровичъ, конечно, могъ распоряжаться по своему вкусу, могъ усыпать полъ табакомъ, ѣсть одну кислую капусту и носить одни засаленные подряс-

ники и рясы. Къ сожалѣнію онъ иногда рѣшался свои привычки дѣлать правилами для студентовъ, считая прихотливостію и причудой самыя справедливыя ихъ жалобы. Крыжановскій, какъ я сказалъ, любилъ хорошо кормить студентовъ и удовлетворять ихъ жалобамъ на случайные недостатки въ пищѣ. Студенты начали по прежнему относиться и къ новому ректору, но скоро увидали, что онъ употребляетъ особый, оригинальнѣйшій способъ улучшать пищу. Какъ скоро дежурный старшій пожалуется ему, что была плохая говядина или рыба, или каша и т. п.; то ректоръ иногда, пожалуй, тутъ же и разругаетъ старшаго за эту жалобу, а иногда съ сарказмомъ скажетъ: «а вотъ я велю эконому исправить». Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣло оканчивалось тѣмъ, что въ теченіи недѣли, или двухъ недѣль студентамъ за обѣдомъ вмѣсто трехъ подавали только два блюда, лишая ихъ жаркого изъ говядины; это у нихъ и выражалось словами: *уничтожить жаркое*. Но когда жалуется старшій, какъ представитель студентовъ, то еще и ихъ всѣхъ съ натяжкою можно считать виновными въ прихотливости, потому и они должны подвергаться всѣ наказанію за нее. Но иногда ректоръ дѣйствовалъ слишкомъ уже рѣзко. Кромѣ порцій говядины и рыбы, подаваемыхъ каждому изъ студентовъ, у столоваго служителя было нѣсколько запасныхъ. И если какой-либо студентъ почему-либо находилъ свою порцію нехорошею, то онъ посылалъ служителя перемѣнить ее. Разумѣется, что и новая порція слишкомъ рѣдко была лучше прежней; случалось даже такъ, что когда вдругъ приносили забракованныя порціи отъ двухъ студентовъ, то посылали порцію одного къ другому и обратно; дѣло тѣмъ и оканчивалось. Но студенты все-таки любили утѣшать себя этимъ. При Григоровичѣ пришлось разстаться съ такимъ безполезнымъ обычаемъ. Если какой-либо студентъ забраковывалъ порцію, то экономъ несъ ее, а можетъ быть и другую, лучшую, къ ректору, жалуясь ему, что вотъ-де забраковываютъ какія порціи. Которая сторона тутъ была справедлива, нѣтъ надобности говорить; но если студентъ показывалъ себя прихотливымъ и привязчивымъ, то онъ одинъ и виноватъ; а прочіе 120 человѣкъ вовсе неотвѣтственны за его поступокъ. Но у Григоровича была одна резолюція: *уничтожить жаркое* на нѣсколько дней! Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что студенты перестали жаловаться на недостатки пищи; спасибо еще инспектору, который вступался за студентовъ въ такихъ случаяхъ.

Вмѣсто описаннаго сейчасъ оригинала, впрочемъ все-таки честнаго, безкорыстнаго и дѣлового человѣка, сдѣланъ былъ ректоромъ Виталій Щепетевъ. Онъ по умственнымъ, нравствен-

нымъ и административнымъ качествамъ стоилъ своей должности (о его профессорствѣ скажу ниже). Въ умственномъ отношеніи онъ былъ много выше своихъ предшественниковъ, любилъ заниматься не однимъ богословіемъ, но и отчасти свѣтскою литературою. Въ какой степени онъ былъ честенъ и безкорыстенъ относительно казенныхъ денегъ, между прочимъ показываетъ слѣдующій случай. При немъ экономомъ сдѣланъ былъ одинъ изъ баккалавровъ академіи, кончившій недавно курсъ. Будучи вполнѣ неопытнымъ и по студентческой простотѣ полагая, что состоитъ въ полной командѣ ректора и инспектора, онъ безъ всякихъ отговорокъ и возраженій готовъ былъ исполнять все, что̀ ими ни заблагоразсуждалось ему сказать. Ще́петевъ скоро замѣтилъ это и однажды призвавши его къ себѣ, спросилъ: «Ну что, ознакомились ли съ новою своею должностію? поняли-ль вы свои права и обязанности?» Получивъ отвѣтъ: «Нѣтъ, еще не успѣлъ; впрочемъ я руководствуюсь наставленіями вашими и отца инспектора»,—ректоръ продолжалъ: «это-то и дурно, что вы руководствуетесь только нашими наставленіями. Прочитаемте вмѣстѣ изъ устава то, что́ относится къ вашей должности». По окончаніи чтенія и разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ сказалъ: «Извольте видѣть, вы должны дѣйствовать самостоятельно, а не быть только исполнителемъ *нашихъ наставленій и распоряженій*. Вы членъ Правленія и въ случаѣ какихъ-либо растратъ, сдѣланныхъ хотя бы по моему распоряженію, вы отвѣчаете своимъ карманомъ также, какъ и я. Поэтому вы вовсе не обязаны исполнять все то, что̀ мнѣ или инспектору вздумается посовѣтовать вамъ; вы должны сами обсудить нашъ совѣтъ. И если мои совѣты или приказанія найдете незаконными или неудобоисполнимыми, то говорите мнѣ прямо; я вѣдь тоже человѣкъ, могу ошибаться; ну а если вы возразите мнѣ неосновательно, то я съумѣю разъяснить вамъ ваше недоумѣніе». Подобный совѣтъ дать своему подчиненному могъ только честный и безкорыстный человѣкъ.

Административною частію академіи Щепетевъ занимался и усердно, и толковито. Почти на всѣхъ бумагахъ, разсматривавшихся во внутреннемъ правленіи, резолюціи составлялись и писались имъ самимъ. Но у него не было нисколько того мелкаго, педантическаго формализма, которымъ такъ отличался Григоровичъ; онъ былъ *не крючокъ*, а дѣловой человѣкъ.

Къ несчастію на его характеръ и методу обращенія съ подчиненными имѣла вліяніе десятилѣтняя служба въ московской семинаріи. Находясь тамъ подъ гнетомъ одного изъ самыхъ суровыхъ архіереевъ, онъ, какъ человѣкъ самостоятельный, удер-

жалъ нѣкоторыя изъ своихъ качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ перенялъ много и дурного. Вынужденный въ теченіи десяти лѣтъ, такъ сказать, лавировать въ виду своего тогдашняго, грознаго повелителя, дѣйствовать осмотрительно, чтобы не подвергнуться самымъ жесткимъ распеканьямъ, онъ выработалъ въ себѣ твердый, сдержанный, и въ случаѣ нужды уклончивый характеръ, умѣлъ выждать время и избрать способъ, когда и какъ дѣйствовать съ своими начальниками. Но служивши девять лѣтъ у начальника, предъ которымъ всѣ подчиненные *преклонялись до земли*, который въ обращеніи съ ними считалъ излишнимъ вѣжливость, который на публичныхъ экзаменахъ называлъ дураками не только наставниковъ, но и ректоровъ академіи и семинаріи,—и Щéпетевъ кое-что усвоилъ отъ своего гордаго патрона. Напр., по своимъ природнымъ наклонностямъ онъ очень любилъ, чтобы студенты были сыты и хорошо одѣты, а между тѣмъ въ обращеніи съ ними выказывалъ гордость и даже недоступность, по крайней мѣрѣ излишнюю серьезность, такъ что студенты и боялись, и не любили его. Съ наставниками академіи онъ вообще обходился вѣжливо, но вполнѣ ласковымъ и привѣтливымъ былъ къ немногимъ изъ нихъ; къ другимъ же какъ-то холоденъ и даже непривѣтливъ. Особенно же онъ, по примѣру бывшаго своего патрона, неласковъ былъ ко всѣмъ наставникамъ—священникамъ и протоіереямъ, и удалялъ ихъ изъ академіи, можно сказать, безъ всякой законной причины. Къ монашествующимъ изъ наставниковъ и студентовъ оказывалъ большую снисходительность. Но къ одному изъ нихъ, именно къ лучшему, былъ очень холоденъ, даже не невраждебенъ по побужденію неодобрительному. Инспекторомъ академіи былъ тогда человѣкъ очень умный, благородный, но неспособный унижать себя низкопоклонничествомъ, — притомъ считавшійся тогда лучшимъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ. Послѣднее-то обстоятельство едва-ли не было самою главною причиною неблаговоленія ректора къ нему.

Была у Щéпетева одна слабость, о которой умалчиваемъ; но все же изъ четырехъ мною описанныхъ ректоровъ онъ былъ самымъ лучшимъ почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Теперь посмотримъ, чѣмъ была сама академія во взятый нами періодъ подъ управленіемъ всѣхъ этихъ четырехъ командировъ, съ личнымъ характеромъ которыхъ мы уже познакомились.

Р. С.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ.

(Окончаніе).

V. Инструкція Вибеля, 1818, и Уставъ петербургской «Директоріи», 1780 *).

Въ масонскомъ архивѣ Московскаго Музея находится между прочимъ любопытный документъ 1818 года, заключающій въ себѣ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о старыхъ русскихъ ложахъ шведской системы, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны. Этотъ документъ есть инструкція, данная въ 1818 г. въ Берлинѣ одному нѣмецкому масону, Вибелю, отправлявшемуся въ Петербургъ, которому поручалось собрать свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ; при инструкціи помѣщены и свѣдѣнія, полученныя Вибелемъ въ Петербургѣ на ея вопросы. Документъ называется: Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehenden Reise nach Russland. На нѣмецкіе вопросы инструкціи написаны, en regard, отвѣты по-французски [1].

Ешевскій приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о Вибелѣ. Это былъ лейбъ-медикъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III и членъ берлинской Landesloge. Когда въ 1822 г. бывшій прусскій министръ, графъ Гаугвицъ, нѣкогда ревностный масонъ (ему

---

*) См. выше: янв. 174, февр. 561 стр.

[1]) Рукопись инструкціи съ отвѣтами (въ двухъ экземплярахъ) находится въ сборникѣ Муз. № 2. Этотъ документъ былъ однажды указанъ Ешевскимъ: Сочин., т. III, стр. 456—457.

приписывается у нашихъ масоновъ «Пастырское Посланіе» 1785), подалъ на Веронскомъ конгрессѣ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому записку о вредѣ масонскихъ ложъ и необходимости ихъ закрытія,—записку, слѣдствіемъ которой было закрытіе ложъ въ Россіи и Австріи, — прусскіе масоны въ страхѣ ожидали закрытія и своихъ ложъ. Но король прусскій призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить «братьевъ», что онъ сохранитъ имъ свое прежнее покровительство, если они останутся въ должныхъ границахъ.

Въ 1818 г. Вибель долженъ былъ сопровождать прусскаго короля въ Петербургъ. Берлинскіе масоны воспользовались этимъ случаемъ и дали Вибелю порученіе освѣдомиться о состояніи ордена въ Россіи. Въ началѣ инструкціи находятся краткія свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ за прежнее и новѣйшее время и затѣмъ поставленъ рядъ вопросовъ, на которые Вибель долженъ былъ получить отвѣты отъ петербургскихъ братьевъ. Кромѣ вопросовъ историческихъ о связяхъ русскихъ ложъ со Швеціей, инструкція занята главнымъ образомъ вопросами о внѣшнемъ устройствѣ петербургскаго капитула, его обрядахъ, символахъ и т. п., по которымъ берлинскіе масоны хотѣли конечно судить объ источникахъ и связяхъ русскаго масонства. Конечной цѣлью освѣдомленій было узнать, не представится ли для прусской Landesloge возможности завязать отношенія съ Бёберомъ и съ директоріальной ложей Владиміра (т.-е. въ то время съ Великой Провинціальной Ложей): «....такое соединеніе,—говорится въ инструкціи,—было бы весьма благотворно для пользы ордена, и могло бы положить предѣлъ успѣхамъ такъ-называемой древне-англійской Шрёдеровой системы, которая все больше и больше распространяетъ свои вѣтви».

Мы упоминали выше о перепискѣ Бёбера съ Кастиллономъ. Вибель, какъ видимъ, былъ адресованъ именно къ той изъ русскихъ Великихъ ложъ, которую берлинская Landesloge находила себѣ сочувственной, по общей имъ обѣимъ враждѣ къ системѣ Шрёдеровой.

Отвѣты, какъ мы сказали, писанные по-французски, находятся въ Музеѣ въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ подлинный или черновой, и писанъ кажется Ланскимъ; въ другомъ отвѣты переписаны при полномъ текстѣ самой инструкціи. Тутъ же находится французское письмо, писанное повидимому къ Вибелю Віельгорскимъ, гдѣ довольно темно говорится о трудномъ тогдашнемъ положеніи масонства [1]).

---

[1]) Прибавимъ еще, что въ началѣ инструкціи, гдѣ говорится о старыхъ рус-

Какія были послѣдствія сношеній берлинской Landesloge съ нашей Великой Провинціальной Ложей, происходившихъ черезъ посредство Вибеля, объ этомъ намъ пока не встрѣтилось положительныхъ указаній; но въ перепискѣ нашей Великой Ложи есть слѣды продолжавшихся связей съ Берлиномъ, и въ Музейномъ сборникѣ разныхъ печатныхъ документовъ иностранныхъ ложъ есть также списки членовъ берлинскихъ ложъ. Въ этихъ послѣднихъ намъ встрѣтилось и имя Вибеля: Joh. Wilh. Wiebel, Leibarzt Sr. M. des Königs und General-Staabs-Arzt der Armee, упомянутъ въ числѣ почетныхъ членовъ іоанновской ложи Zum Pilgrim въ Берлинѣ, 1819—1820 г., и какъ мастеръ стула въ ложѣ Минервы въ Потсдамѣ.

Мы опустимъ первыя страницы инструкціи, и приведемъ только вопросы и данные на нихъ «*Объясненія и отвѣты*».

1. Кѣмъ и когда основанъ былъ петербургскій Капитулъ Феникса?

Капитулъ Феникса основанъ былъ первоначально королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это видно изъ подлиннаго патента, находящагося въ нашемъ архивѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ, данная въ Стокгольмѣ 9 мая 1780“ [1]). Въ концѣ находится подпись короля и подпись графа Бильке. Акты и конституціи привезены были княземъ Александромъ Куракинымъ (бывшимъ посланникомъ русскаго двора въ Вѣнѣ и Парижѣ). Покойный князь Гавріилъ Гагаринъ былъ назначенъ Префектомъ и Великимъ Національнымъ Мастеромъ—достоинства, всегда нераздѣльныя (какъ это явствуетъ изъ 9-й статьи Инструкціи),—и самый Капитулъ извѣстенъ былъ братьямъ-масонамъ подъ именемъ Великой Національной Ложи (по 1-й статьѣ той же Инструкціи). Капитулъ основанъ былъ двумя годами раньше Директоріи, то-есть въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Швеціи; эта зависимость была тѣмъ болѣе стѣснительна для русскихъ братьевъ, что не вознаграждалась познаніями, которыхъ петербургскій капитулъ тщетно ожи-

---

скихъ ложахъ, сдѣлана замѣтка о Чеботаревѣ, извѣстномъ московскомъ профессорѣ и сотоварищѣ Новикова (ум. 1815): «V. Tschebotaref in Moscau war sehr weit in der Loge zum todten Kopf 1806, wie Grabe sagt, er war immer ein feuriger Mann».

Во второмъ экземплярѣ, отвѣты переписаны рукой одного изъ тогдашнихъ масоновъ, Жуайё (Joyeux).

[1]) Instruction pour le directoire établi à St. Petersbourg, donnée à Stockholm le 9 Mai 1780. Этотъ документъ находится дѣйствительно въ подлинникѣ въ масонскомъ собраніи Московскаго Музея (рукоп. мас. на иностранныхъ язык. № 28), и мы вполнѣ приводимъ его ниже.

далъ и которыхъ Швеція вѣроятно болѣе не имѣла, потому что самый глава ея сдѣлался жертвой обмановъ одного негодяя (frippon), исторія котораго слишкомъ извѣстна, чтобы много о ней распространяться. Когда на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія, во вниманіе къ ея обширному пространству и къ большому числу ложъ, ревностно въ ней работавшихъ (по Строгому Наблюденію), признана была за 8-ю провинцію ордена, Москва и въ особенности ложа-мать Трехъ Знаменъ сдѣлалась центромъ провинціальнаго управленія. Акты, принятые ею для трехъ іоанновскихъ степеней, занимаютъ середину между Строгимъ Наблюденіемъ и шведской системой. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, подчинился новому порядку вещей, присоединился въ 1783-мъ г. къ 8-й провинціи съ большей частью ложъ своей юрисдикціи и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ.

Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), которыя не хотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и гдѣ братъ Бёберъ былъ членомъ, продолжала работать до того времени, когда всѣ масонскія работы въ Россіи прекратились, по повелѣнію императрицы Екатерины. Это была та самая ложа, которую хотѣли возобновить въ 1809-мъ г. нѣсколько братьевъ (принадлежавшихъ къ шведской системѣ и тайнымъ главою которыхъ былъ братъ Люберъ), и въ которой братъ Бёберъ, вслѣдствіе ихъ настояній, сдѣлался впослѣдствіи великимъ мастеромъ. Ея новымъ отличительнымъ названіемъ стало названіе Александра Благотворительности Коронованнаго Пеликана (Alexandre à la Bienfaisance au Pelican couronné). Для того, чтобы образовать открытое (ostensible) масонское управленіе, эта самая ложа была раздѣлена на три, то-есть изъ ея нѣдръ образовали еще двѣ ложи: Елизаветы къ Добродѣтели для русскаго языка и Петра къ истинѣ для французскаго языка, и эти три ложи составили тогда Великую Директоріальную ложу Владиміра къ Порядку (zur Ordnung). Хотя уже въ то время братъ Бёберъ и другіе считали себя въ правѣ сообщать высшія степени, Капитулъ Феникса, собственно говоря, былъ формально возстановленъ уже только въ 1811-мъ г., когда къ Великой Директоріальной Ложѣ присоединились ложи Соединенныхъ Друзей и Палестины, чтобы составлять только одно цѣлое. Это можно считать за вторую эпоху этого Капитула [1]).

2. Откуда получилъ онъ свои познанія, ритуалы, акты? Изъ Швеціи или изъ другого источника?

Покажется довольно очевиднымъ, что всѣ познанія, которыя петербургская префектура могла получить изъ Швеціи (предполагая, что послѣдняя была въ состояніи сообщить нѣчто бо̀льшее, чѣмъ символы

---

[1]) Эту внѣшнюю исторію вновь образованныхъ при Александрѣ I ложъ шведской системы мы видѣли въ предыдущей главѣ.

и историческія объясненія, которыя даже и не восходятъ къ особенно высокому началу), что эти познанія необходимо должны были перейти вмѣстѣ съ ея начальникомъ (префектомъ и великимъ провинціальнымъ мастеромъ Гагаринымъ) въ 8-ю провинцію. Однакоже нѣсколько бумагъ, обладаніе которыми было больше интересно и любопытно, чѣмъ полезно и законно, нѣсколько подлинныхъ актовъ и ритуаловъ остались въ рукахъ братьевъ, которые не послѣдовали примѣру префекта, и эти масонскіе обрывки (которые притомъ шли не далѣе VII-й степени), переходя изъ рукъ въ руки, вмѣстѣ съ познаніями, болѣе или менѣе обширными, и всегда принадлежавшими лично этимъ братьямъ и основанными на ихъ хорошей или дурной памяти, сдѣлались краеугольнымъ камнемъ, на которомъ вновь воздвигли храмъ въ Петербургѣ въ 1809 году. По основному договору (Grund-Vertrag), который былъ сообщенъ в. п. бр. Вибелю, видно, что въ принципахъ и мнѣніяхъ этихъ братьевъ не было ничего положительнаго и реальнаго, и что въ этомъ первомъ достовѣрномъ актѣ формальнаго возрожденія шведской системы въ Петербургѣ они согласились скорѣе въ томъ, что́ не было масонство по ихъ понятіямъ, нежели въ томъ, чѣмъ оно должно быть, и еще менѣе въ томъ, что̀ оно въ сущности есть [1]). Братъ Люберъ, который въ этомъ актѣ объявленъ гермейстеромъ въ благодарность за то, что онъ продолжалъ управлять русско-шведскимъ Капитуломъ, самъ этотъ братъ имѣлъ только отрывки о высшихъ степеняхъ. Ослабленный лѣтами и излишествами стола, онъ не могъ даже принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ ордена, которыя поручены были бр. Бёберу, какъ его помощнику или префекту. По всему этому не трудно будетъ судить объ основаніи, на которомъ должно было быть утверждено все зданіе масонства, возобновленное и терпимое съ этого времени въ Россіи [2]).

Что касается до настоящаго положенія Капитула Феникса, которое можно считать его третьей эпохой, управляющіе имъ братья сохранили по внѣшности высшія шведскія степени, но они ничего не ждутъ отъ Швеціи, потому что имѣютъ счастіе знать источникъ истиннаго орденскаго ученія, тотъ благотворный источникъ, который въ болѣе счастливыя времена оплодотворялъ не одну масонскую страну, который од-

---

[1]) Основной договоръ (Grund-Vertrag) вѣроятно разумѣется тотъ, который былъ именно заключенъ въ 1809-мъ году, при возобновленіи «храма». Намъ онъ неизвѣстенъ.

[2]) Объ этомъ братѣ Люберѣ (Luber) мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній. Надобно думать, что это—то же лицо, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки нашего масонства подъ именемъ Людера. Они разсказываютъ именно, что «въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Россію было уже введено Строгое Наблюденіе (названіе Тампліерской системы)... и въ Петербургѣ учрежденъ капитулъ, великимъ мастеромъ котораго былъ купецъ Людеръ» (См. Handb. der Freimaurerei, т. III, стр. 108).

нажды уже разлился въ нашемъ отечествѣ и въ которомъ утоляли свою жажду наши предшественники на царственномъ пути, — плодотворный источникъ, который еще изливаетъ свои сокровища на всѣхъ дѣтей св. Іоанна, по истинѣ жаждущихъ мудрости; единственный источникъ и безъ котораго масонскія поля бываютъ только безплодной пустыней [1]). Дальнѣйшія болѣе существенныя разъясненія относительно этого пункта требуютъ совершенно особенныхъ отношеній. Пусть Великій Архитекторъ Вселенной самъ приведетъ братьевъ, привязанныхъ къ духу истиннаго каменьщичества, къ болѣе тѣсному соединенію, какъ для ихъ взаимнаго блага, такъ и для того, чтобы противопоставить плотину опустошительному потоку духа нововведеній, который царствуетъ въ масонскомъ мірѣ и который, умножая съ каждымъ днемъ число своихъ приверженцевъ, болѣе и болѣе удаляетъ несчастныхъ каменьщиковъ отъ самой возможности узнать ихъ истинное происхожденіе.

3. Пріобрѣлъ ли онъ, вмѣстѣ съ своимъ конституціоннымъ актомъ и съ своимъ дипломомъ (Freiheitsbrief), право учреждать другіе Капитулы, и на какомъ разстояніи отъ Петербурга сообщено ему это право? На 81—49 или 27 миль?

По данной ему инструкціи, полномочія Капитула простирались только на Россію.

4. Находится ли онъ въ связи съ другими иностранными Капитулами? И въ такомъ случаѣ, какъ называются они и гдѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе?

Капитулъ не имѣлъ никакихъ связей съ другими Капитулами. Швеція предлагала возстановить эти связи, но это не имѣло никакихъ послѣдствій. Въ настоящее время слѣдуютъ тому же правилу, потому ли, что не знаютъ мѣста, гдѣ имѣютъ мѣстопребываніе другіе Капитулы, или потому, что не увѣрены въ томъ духѣ, который, быть можетъ, совершенно уклонился отъ первоначальнаго учрежденія.

5. Имѣетъ ли онъ свѣдѣнія о первомъ первоначальномъ Великомъ Орденскомъ Капитулѣ [2]) и объ его мѣстопребываніи?

Основной договоръ (Grund-Vertrag) очевидно доказываетъ, что брр. Вёберъ и другіе основатели не знали о первоначальномъ Капитулѣ.

6. Полагаетъ ли онъ, что есть только одинъ главный орденскій мастеръ (Haupt-Ordens-Meister), и что всѣ другіе только его викаріи? И гдѣ онъ могъ бы имѣть свое мѣстопребываніе?

Мы не знаемъ, какого мнѣнія были относительно этого предмета наши бывшіе начальники. Что касается до насъ, мы думаемъ, что одинъ

---

[1]) Какой здѣсь разумѣется «источникъ истиннаго орденскаго ученія», не видно. Быть можетъ, составители отвѣтовъ имѣли въ виду преданія своихъ наставниковъ изъ стараго розенкрейцерства.

[2]) Такъ мы читаемъ нѣмецкое сокращеніе Gr. O. K.

изъ первыхъ вопросовъ, дѣлаемыхъ при открытіи ложи, достаточно показываетъ, гдѣ находится мѣсто Единаго Великаго Мастера ордена. Что касается его викаріевъ или его органовъ, истинные викаріи суть тѣ, которые всего болѣе приближаются къ его качествамъ и его намѣреніямъ и которые жили ранѣе и послѣ его пришествія въ міръ, чтобы просвѣтить его и приготовить людямъ путь, который приводитъ ихъ къ первоначальному ихъ совершенству.

7. Съ своими актами получилъ ли онъ также полную, письменную исторію всѣхъ Капитуловъ?

Капитулъ при своемъ возобновленіи въ 1809 г. не имѣлъ, кажется, ничего значительнаго объ исторіи Капитуловъ.

8. Тамошній оберъ-мейстеръ носитъ ли имя викарія Саломона или мудраго изъ мудрыхъ? Имѣетъ ли петербургскій оберъ-мейстеръ право выбирать по своему усмотрѣнію своихъ двухъ помощниковъ, 1-го и 2-го архитектора, или же этотъ выборъ происходитъ, какъ у насъ, по извѣстному законному порядку? Напримѣръ, что мастеръ капитула дѣлается оберъ-мейстеромъ и получаетъ преемникомъ второго мастера (Unter-Meister); послѣдній замѣняется первымъ блюстителемъ короны, а это мѣсто, при вакансіи, достается старшему орденскому чиновнику?

Братъ Бёберъ былъ объявленъ викаріемъ Саломона своими собратьями; это единственное основаніе (titre) его достоинства. Въ настоящее время Совѣтомъ и Капитуломъ управляетъ префектъ; за нимъ слѣдуетъ субъ-префектъ, за этимъ канцлеръ, потомъ вице-канцлеръ и командоры (Grands-Croix). Должности и достоинства назначаются верховнымъ Совѣтомъ.

9. Есть ли въ тамошнемъ капитулѣ особенная почетная скамья, предназначаемая какъ почетное мѣсто для оберъ-мейстера и другихъ чиновниковъ, которые по старости сложили съ себя должности?

10. Украшенія (Schmuck) оберъ-мейстера похожи ли на наши, именно, состоятъ ли они въ цѣпи, украшенной 9-ю іоаннитскими крестами, и на которой виситъ крестъ съ красной эмалью? На этомъ крестѣ находится ли съ одной стороны треугольникъ, съ буквами R. N. F., а съ другой стороны черное кольцо между.........[1]) съ буквами S. T. P.? Имѣютъ ли эти буквы историческое или аллегорическое истолкованіе, и какое? Или же орденскій крестъ петербургскаго мастера имѣетъ другія буквы,

---

[1]) Эта часть вопроса, не вполнѣ намъ ясная, изложена въ оригиналѣ такъ: «Ob auf letzterem Kreuze von der einen Seite ein Triangel sich befindet und mit den Buchstaben R. N. F., und auf der andern Seite ein schwarzer Ring zwischen zwei kreutzweisgelegten (?) mit den Buchstaben S. T. P.?»

именно въ треугольникѣ B. W. F., а въ кольцѣ P. S. T. P.; какое значеніе имѣютъ эти буквы, если онѣ таковы?

11. Командоры или Grands-Croix (Gr.-Kreuze) составляютъ ли особый Conject; выбираются ли они изъ 9-ти высшихъ чиновниковъ оберъ-мейстеромъ; получаютъ ли они особенныя, другимъ степенямъ неизвѣстныя познанія? Носятъ ли они на шеѣ свѣтло-красную ленту съ краснымъ крестомъ, на которомъ въ медальонѣ находится буква В., и что это В. означаетъ?

12. Находится ли въ петербургскомъ капитулѣ 9 или 13 низшихъ чиновниковъ?

13. Имѣютъ ли старѣйшіе рыцари Востока, называемые Seniores, особенныя преимущества и только имъ однимъ принадлежащія украшенія?

(9. 10. 11. 12. 13.) Такъ какъ эти вопросы относятся главнымъ образомъ къ подробностямъ степеней, д. п. бр. Вибель будетъ въ состояніи отвѣчать на нихъ, потому что бумаги, къ нимъ относящіяся, были ему сообщены.

Что касается до 9-й степени, то съ ней не связывались никакія особенныя познанія. Это былъ только титулъ, который давалъ право засѣдать въ верховномъ Совѣтѣ (der Hohe Ordensrath, le conseil sublime), который долженъ былъ держать кормило правленія ордена.

14. Ob im dortigen Kapitel eine schwarze Kugel auf beständig ausschliesst, ohne dass man nachfragen dürfe, von wem und wann sie eingeworfen ist?

Non est [1]).

15. Есть ли также въ петербургскомъ Капитулѣ и духовная отрасль, именно 1 пріоръ и 2 капеллана, какъ въ Швеціи? Могутъ ли занимать эти мѣста только дѣйствительно духовныя лица, или же поручаютъ эти мѣста и людямъ свѣтскимъ? Имѣютъ ли они особыя правила своей должности (Amts-Verrichtungen), обладаютъ ли особенно имъ принадлежащими привилегіями, носятъ ли особыя украшенія, и пріобрѣтаютъ ли имъ только сообщаемыя познанія? При какой степени начинается эта духовная отрасль, и при принятіи рыцаря Запада происходитъ ли посвященіе въ капеллѣ?

Духовная вѣтвь существуетъ въ нашей системѣ (не должно смѣшивать ее съ настоящимъ клерикатомъ тампліеровъ, котораго тайный капитулъ былъ основанъ въ Россіи и о которомъ мы имѣемъ въ рукахъ довольно любопытный актъ), но въ нашемъ Капитулѣ былъ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ. Въ настоящее время мы больше не имѣемъ таковаго. Притомъ мы полагаемъ, что братъ, достойный уваженія по

---

[1]) Вопросъ для насъ непонятенъ.

чистотѣ своихъ нравовъ, можетъ, за недостаткомъ священника, исполнять его должность при посвященіи, которое совершается въ капеллѣ.

16. Происходитъ ли принятіе архитекторовъ по какому-нибудь ритуалу? и кромѣ принятаго между ними акта (Erkennungs-Act), получаютъ или они еще другія познанія?

У насъ нѣтъ (степени) архитекторовъ.

17. На сколько книгъ (Logen-Bücher) раздѣлены акты, которые петербургское братство получило изъ Швеціи? На двѣнадцать ли, и какое содержаніе 11-й и 12-й книги? Было бы очень желательно имѣть полный указатель этихъ 12-ти книгъ и ихъ содержанія.

Число книгъ, присланныхъ Швеціей, нельзя опредѣлить, потому что онѣ были вѣроятно разсѣяны (disséminés), какъ вслѣдствіе различныхъ преслѣдованій и перемѣнчивыхъ обстоятельствъ, испытанныхъ орденомъ въ Россіи, такъ и вслѣдствіе смерти многихъ братьевъ. Впрочемъ, къ какой пользѣ послужилъ бы длинный списокъ степеней и книгъ, которыя похожи на тѣло безъ души, когда истинный смыслъ, въ нихъ скрывающійся, не сообщается тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность и власть? Самыя степени, которыя повидимому содержатъ и указываютъ возвышенные предметы словами и благочестивыми обрядами, не всегда исходятъ изъ очень чистаго источника. Кромѣ того, бумаги или письменные документы и проч. могутъ теряться, попадать незаконнымъ образомъ въ недостойныя руки.

Истинныя преданія ордена и его таинствъ не подлежатъ подобнымъ правиламъ и не боятся перемѣнчивыхъ обстоятельствъ, которыя такъ часто потрясаютъ преддверія масонскаго храма, гдѣ столько тысячъ масоновъ ищутъ, и часто безплодно, тайную нить, которая должна руководить ихъ въ этомъ лабиринтѣ и привести ихъ къ святилищу. По самымъ достовѣрнымъ документамъ, Россія не Швеціи обязана высшими познаніями въ масонствѣ.

18. До какой степени идутъ катехизисы (Frage-Bücher)? Есть ли такія книги при степени высшихъ чиновниковъ и въ еще болѣе высокихъ отдѣленіяхъ?

Катехизисъ идетъ до 7-й степени включительно.

19. Наконецъ, было бы очень желательно, чтобы бр. Вибель убѣдилъ высокопочтеннаго бр. Бёбера довѣрить ему шифръ степеней Капитула для снятія копіи, чтобы мы могли сравнить его съ тѣмъ шифромъ, какой есть у насъ.

Никогда не было совершенно опредѣленнаго шифра, хотя Капитулъ имѣетъ ихъ нѣсколько въ своемъ архивѣ.

Общій взглядъ на нашъ нынѣшній союзъ.

1. Всѣ іоанновскія ложи, находящіяся подъ управленіемъ Великой

Провинціальной Ложи, работаютъ въ трехъ степеняхъ по ритуалу, введенному въ 8-й провинціи въ 1783. Этотъ ритуалъ носитъ всѣ признаки чистаго источника, указаннаго въ статьѣ, которая отвѣчаетъ на 2-й вопросъ и которая представляетъ самые удовлетворительные результаты сердцу и уму ищущихъ (aspirants), давая положительное направленіе ихъ размышленію и ихъ нравственной дѣятельности.

2. Ложи шотландскія (ложи: Сфинкса и Александра Златаго Льва) работаютъ по шведскимъ ритуаламъ. Всѣ касающіяся ихъ дѣла ввѣрены шотландской Директоріи, которая сама находится въ непосредственной зависимости отъ верховнаго Совѣта, которому подчиненъ также Капитулъ Феникса. Совѣтъ раздѣляется на двѣ палаты (chambres); первая состоитъ изъ братьевъ 9-й степени, а вторая изъ братьевъ 8-й степени. Обыкновенно онъ собирается въ этой послѣдней степени.

Ритуалы Капитула очень полны, до 7-й степени включительно.

3. Наконецъ, цѣль братьевъ, управляющихъ союзомъ Великой Провинціальной Ложи, есть поддерживать съ Божіею помощью древнее и истинное Свободное Каменьщичество между немногочисленными, но вѣрными брр., которыхъ Провидѣніе ввѣрило ихъ попеченію. Они надѣются, что Великій Архитекторъ Вселенной, во вниманіе къ тому благу, которое должно произойти отсюда для ихъ отечества, благословитъ ихъ слабые труды и что истинный свѣтъ сохранится и распространится въ Россіи, несмотря на мракъ, который старается затмить его, но который не можетъ и никогда не будетъ мочь понять его, и еще менѣе восторжествовать надъ нимъ.

Да будетъ имя Верховнаго Мастера всякой плоти благословенно во вѣки вѣковъ.

Затѣмъ, братья, продиктовавшіе эти строки, поручаютъ себя братской любви братьевъ, которые будутъ читать ихъ.

С.-Петербургъ, 4 іюля 1818.

«Инструкція для директоріи, основанной въ Петербургѣ», 1780-го года, о которой упоминается въ отвѣтѣ нашихъ масоновъ на первый пунктъ вопросовъ Вибеля, какъ мы замѣтили, сохранилась въ масонскомъ архивѣ, находящемся теперь въ московскомъ Музеѣ. Это одинъ изъ немногихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, оффиціальныхъ документовъ, представляющихъ сношенія нашихъ ложъ съ иностранными великими ложами. Директорія, здѣсь упоминаемая, была директорія той шведской системы, утвержденіе которой у насъ совершилось въ 1776—1780 годахъ. «Инструкція» 1780-го года была кажется послѣднимъ актомъ этого утвержденія, и составляла законодательство и пра-

вила управленія для основавшихся у насъ ложъ шведской системы.

Инструкція (въ тетради, въ листъ, и прекрасно переплетенная) написана на французскомъ языкѣ. Мы приведемъ ее въ возможно точномъ переводѣ, какъ документъ, дающій понятіе о свойствѣ отношеній петербургской Великой Ложи, основанной въ 1779—80 г., къ шведскому «востоку», и объ устройствѣ и управленіи русскихъ ложъ этой системы.

Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій (впослѣдствіи, Карлъ XIII, король шведскій), отъ имени котораго дана эта инструкція, занималъ тогда второе мѣсто въ іерархіи шведской системы; первое принадлежало самому королю, который впрочемъ въ томъ же 1780-мъ году передалъ герцогу всѣ масонскія полномочія [1]). Ихъ отношенія во время составленія «Инструкціи» мы увидимъ далѣе изъ самаго документа.

Мы, Карлъ, Божіею милостію наслѣдный принцъ шведскій, готскій и вандальскій, герцогъ зюдерманландскій, наслѣдникъ норвежскій, герцогъ шлезвигъ-голштинскій, стормарскій и дитмарсскій, графъ ольденбургскій и дельменгорстскій, великій адмиралъ шведскій, непремѣнный генеральный визитаторъ и генеральный инспекторъ.... св. Ордена Храма Іерусалимскаго, великій провинціальный мастеръ VII и IX провинцій, въ орденѣ называемый рыцарь и бр. проф. животворящаго солнца, симъ объявляемъ [2]).

Что, принимая во вниманіе сколь похвальныя, столько и блестящія преданность и усердіе къ общему благу нашего св. Ордена, оказанныя братьями достопочтеннаго Капитула, основаннаго нами въ Петербургѣ, съ первой минуты, какъ мы сочли нужнымъ возжечь у нихъ свѣтъ, и имѣя въ виду мѣстность Россійской имперіи, обширное пространство которой, для поддержанія добраго порядка и точнаго выполненія нашихъ священныхъ законовъ, требуетъ особеннаго надзора, какой могъ бы предотвратить или быстро исправить злоупотребленія и безпорядки, могущіе вкрасться какъ въ масонскія ложи, такъ и въ различные капитулы, могущіе впредь быть основанными въ этой имперіи: Мы нашли необхо-

---

[1]) О введеніи у насъ шведской системы и герцогѣ Зюдерманландскомъ см. Лонгинова, стр. 105 и слѣд. (сообщенныя здѣсь свѣдѣнія однако не вполнѣ точны); «Дополненія» г. Пекарскаго; Handb. der Freimaur., стат. Schweden (III, стр. 214—215), и друг.

[2]) Масонскій титулъ въ подлинникѣ значится такъ: «Visiteur général Perpétuel et Inspecteur général des Armes du S. O. du T. de Jer., Grand-Maître Provincial de la VII-e et IX-e Province, in Or-e dict. Equ. et Fr. Prof. a Sole Vivificante». Седьмая и девятая провинція означали здѣсь Швецію и Россію.

димымъ, согласно съ тѣмъ, что̀ было постановлено во второй ст. Договора (Acte de Convention) 10 апрѣля 1778 года, учредить Директорію въ Петербургѣ, которая не только наблюдала бы за сохраненіемъ законовъ, статутовъ и обрядовъ св. Ордена, но также разрѣшала бы и судила всѣ несогласія, могущія возникнуть между братьями, какъ масонами, такъ и тампліерами, которые работаютъ съ цѣлью расширять и поддерживать свѣтъ, а потому и не должны подлежать вѣдѣнію профанныхъ судей, не принадлежа къ ихъ области (ressort).

На этотъ конецъ, мы хотѣли дать достопочтеннымъ братьямъ, имѣющимъ составить вышеупомянутую Директорію, слѣдующую инструкцію, которая, будучи основана на древнихъ законахъ и обычаяхъ, издавна принятыхъ и установленныхъ въ нашемъ св. Орденѣ, послужитъ имъ руководствомъ (règle), по которому они будутъ впредь имѣть надзоръ и спеціальное управленіе всѣми дѣлами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ св. Ордену Хр. Іер. на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи.

Надѣемся, впрочемъ, что эти достойные братья, своимъ повиновеніемъ и своей точностью въ исполненіи ея статей, вполнѣ будутъ отвѣчать нашему ожиданію и нѣжному довѣрію, какое Мы имѣемъ къ ихъ рвенію.

Ст. 1-я.

Такъ какъ достопочтенный Петербургскій Капитулъ извѣстенъ братьямъ каменьщикамъ только подъ именемъ Великой Національной Ложи, то Директорія, которой принадлежитъ управленіе (la régie) этимъ самымъ Капитуломъ [1]), будетъ носить имя Совѣта Великой Національной Ложи.

Ст. 2-я.

Директорія останется навсегда учреждена и будетъ имѣть пребываніе въ столицѣ имперіи и составлена будетъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Великій префектъ; 2) Канцлеръ; 3) Вице-канцлеръ; 4) Прелатъ Петербургскаго *капитула;* 5) Начальникъ нововступающихъ (Senior Novitior); 6) Великій Хранитель; 7) Деканъ; 8) Прокураторъ; 9) Первый и 10) второй Вел. Инспект. Храма; 11) Великій казнохранитель; 12) Le Grand Hospitalier (или Dator Panorum); 13) Великій герольдъ (Le Roi d'armes, или Heraldic. Magnus).

Директоріи кромѣ того будетъ позволено выбрать между рыцарями или же между друзьями Ордена двухъ лицъ, изъ которыхъ одно будетъ исполнять обязанности секретаря Директоріи, а другое будетъ хранить ея архивы, не имѣя однако голоса въ Директоріи, и Директорія можетъ

[1]) Здѣсь, и дальше, вмѣсто этого слова ставится четвероугольникъ съ крестомъ на верху. Далѣе, мы будемъ ставить курсивомъ слова, обозначаемыя масонскими знаками.

придать имъ, въ качествѣ помощниковъ, 4 или 5 écuyers, armigers 3-го класса, смотря по тому, какъ Директорія сочтетъ за нужное.

Префекты другихъ *капитуловъ*, пріѣзжая въ Петербургъ, будутъ получать позволеніе присутствовать въ Директоріи, но безъ права голоса.

Кромѣ вышеупомянутыхъ 13 членовъ, составляющихъ Директорію, въ Директоріи всегда будетъ имѣть мѣсто и голосъ одинъ изъ представителей Великаго *капитула* въ Стокгольмѣ, который будетъ назначенъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ IX-й Провинціи, чтобы чрезъ это имѣть еще болѣе средствъ къ поддержанію тѣсной связи и добраго согласія между двумя *капитулами.* Такимъ же образомъ одинъ изъ представителей *капитула* петербургскаго, назначаемый Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, будетъ имѣть то же преимущество въ Великой Директоріи въ Стокгольмѣ.

Но затѣмъ, никому не будетъ позволено входить въ Директорію, подъ какимъ бы то ни было именемъ и предлогомъ, если только это не будетъ Magister Templi IX-й Провинціи, или кто-либо нарочно посланный отъ Великаго Провинціальнаго Мастера IX-й Провинціи.

Ст. 3-я.

Каждый членъ, прежде чѣмъ начать засѣданія въ Директоріи, долженъ дать, на Библіи, слѣдующую присягу:

Присяга.

Я, NN, обѣщаюсь передъ Богомъ и клянусь св. Евангеліемъ во всемъ сообразоваться и точно слѣдовать тому, что̀ мнѣ предписывается въ законахъ рыцарей тампліеровъ и въ особой инструкціи, данной для Директоріи въ 1780. Я обѣщаюсь блюсти за сохраненіемъ правъ и законной власти славнаго и достопочтеннаго Великаго Мастера этой IX-й Провинціи; не допускать никогда, чтобы имъ нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ, и повиноваться ему во всемъ, что̀ не противно вѣрности, повиновенію и покорности, которыми я обязанъ моимъ законнымъ государямъ и какъ свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ этой имперіи. Я обѣщаюсь также употреблять всѣ мои старанія къ быстрому и немедленному исполненію приказаній и повелѣній моего Великаго Мастера, относящихся ко благу св. Ордена, придутъ ли эти приказанія прямо ко мнѣ, или отъ его имени, черезъ Великую Директорію Сѣвернаго Пріората (du Prieuré Septentrional). Я обѣщаюсь, сверхъ того, поддерживать, сколько будетъ отъ меня зависѣть, каждый капитулъ, каждую ложу, каждаго рыцаря и каждаго брата-каменьщика въ полномъ обладаніи правъ, привилегій и преимуществъ, имъ принадлежащихъ, и со всевозможнымъ вниманіемъ предупреждать все, что̀ могло бы принести малѣйшее нарушеніе добраго порядка, повиновенія и братской дружбы, которыя должны царствовать между братьями или членами нашего св. Ордена. Я обѣщаюсь держать

все это свято и искренно, въ силу креста, который я ношу, какъ подобаетъ истинному свободному и вѣрному рыцарю Ордена Храма нашего Господа Іисуса Христа.

И да будетъ надо мной милость Всемогущаго.

Ст. 4-я.

Такъ какъ Директорія Россіи зависитъ единственно отъ Великаго Провинціальнаго Мастера IX-й Провинціи, она обязана будетъ строго исполнять всѣ статьи Договора 1778 года, и никогда по собственной волѣ (de son prорre chef) не дѣлать никакихъ новыхъ учрежденій, не принимать никакихъ мѣръ или измѣненій, не испросивъ и не получивъ предварительно согласія Великаго Провинціальнаго Мастера. На этотъ конецъ, Директорія будетъ поддерживать тѣсную корреспонденцію съ Директоріей Сѣвернаго Пріората, имѣющей пребываніе въ Стокгольмѣ, сообщать ей не только все то, что̀ могло бы какимъ-нибудь образомъ касаться общаго блага Ордена, но также и все, что̀ относится къ частнымъ дѣламъ *ложъ* и *капитуловъ* и что̀ могло бы заслуживать вниманія Великаго Провинціальнаго Мастера. Поэтому, петербургская Директорія будетъ каждые полгода посылать Великой Директоріи въ Стокгольмѣ точный отчетъ о *ложахъ* и *капитулахъ*, работающихъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, и въ концѣ каждаго года — краткій общій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, какія произошли въ теченіе года, для доклада о томъ Великому Провинціальному Мастеру.

Ст. 5-я.

Каждая ложа каменьщиковъ, какъ іоанновскихъ, такъ и св. Андрея, называемая Шотландской, и каждый капитулъ, который существуетъ или будетъ впредь существовать на всемъ пространствѣ имперіи всея Россіи, обязаны во всемъ и безъ замедленія повиноваться Директоріи, представлять ей точныя донесенія о своемъ состояніи, о способѣ своихъ работъ, о своихъ экономическихъ дѣлахъ, о производимыхъ ими принятіяхъ, и о томъ, какъ они исполняютъ приказанія Директоріи или Великаго Мастера, которыя будутъ имъ сообщаемы Директоріей, и никому не позволяется дѣлать какихъ-либо нововведеній, приводить въ исполненіе какой-либо проектъ безъ вѣдома, и еще менѣе противъ мнѣнія и безъ одобренія Директоріи.

Въ случаѣ нарушенія (этой статьи) виновные подвергнутся наказаніямъ, установленнымъ законами, и будутъ вычеркнуты и исключены (rayés et bisqués) какъ отщепенцы, измѣнники и клятвопреступники, изъ списка истинныхъ свободныхъ каменьщиковъ и вѣрныхъ рыцарей Храма.

Ст. 6-я.

Директорія наблюдаетъ (fait exécuter), чтобы во всѣхъ *ложахъ* и

капитулахъ, находящихся въ ея зависимости, исполнялись повелѣнія, эдикты и распоряженія Великаго Провинціальнаго Мастера, относящіеся къ дѣламъ св. Ордена. Съ этой цѣлью, какъ скоро дойдутъ до Директоріи повелѣнія Великаго Мастера, она разсылаетъ ихъ въ *ложи* и *капитулы*. Эти послѣдніе даютъ росписки въ полученіи, съ означеніемъ времени, на той же бумагѣ, и отсылаютъ ее обратно Директоріи для храненія въ архивѣ Директоріи, которая потомъ доноситъ объ этомъ, съ приложеніемъ копій, Великой Директоріи Сѣвернаго Пріората въ Стокгольмѣ.

Ст. 7-я.

Никто не долженъ быть баллотируемъ, для принятія въ рыцари Востока, прежде чѣмъ *капитулъ*, гдѣ онъ предлагается, не пошлетъ предварительно его имени и его качествъ въ Директорію, для испрошенія у Великаго Провинціальнаго Мастера согласія на эту баллотировку, и получивъ это согласіе, можно приступить къ баллотировкѣ и къ принятію, сообразно съ законами, на подобные случаи установленными.

Ст. 8-я.

Такъ какъ Директорія имѣетъ главное начальство и надзоръ за всѣми кассами и экономіей *ложъ* и *капитуловъ*, то послѣдніе обязаны въ концѣ каждаго полугодія отдавать Директоріи отчетъ въ ихъ употребленіи. Имъ положительно запрещается дѣлать какую-либо чрезвычайную издержку безъ позволенія Директоріи, также какъ и Директорія не въ правѣ давать свое согласіе на подобныя издержки, не получивъ на то одобренія Великаго Провинціальнаго Мастера.

Директорія сверхъ того будетъ заботиться и будетъ въ томъ отвѣтственна передъ Великимъ Провинціальнымъ Мастеромъ, чтобы ежегодный взносъ (rétribution) девяноста девяти дукатовъ, опредѣленный по 8-й статьѣ Договора 1778 года, былъ въ точности уплачиваемъ и очищаемъ.

Ст. 9-я.

Каждый членъ Директоріи, имѣя свою особенную должность, обязанъ сообразоваться съ слѣдующей инструкціей.

Великій Префектъ.

1°. Великій Префектъ есть всегда предсѣдатель Директоріи, гдѣ онъ имѣетъ два голоса, и при равенствѣ голосовъ, онъ рѣшаетъ. Онъ имѣетъ право собирать Директорію такъ часто, какъ сочтетъ это нужнымъ для пользы Ордена, что должно дѣлаться по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Остальнымъ братьямъ-каменьщикамъ онъ будетъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Провинціальнаго Мастера, и ему принадлежитъ главное начальство (surintendance) надъ всѣми *ложами*, которыя работаютъ на пространствѣ имперіи всея Россіи. По его смерти или въ томъ

случаѣ, если его должность останется вакантной вслѣдствіе его отставки, Великій Провинціальный Мастеръ IX-й Провинціи, о томъ предварительно извѣщенный, представитъ Великому Генеральному Мастеру всего св. Ордена [1]) лицъ, изъ которыхъ Великій Мастеръ выберетъ одного, чтобы занять его мѣсто и ему наслѣдовать.

2⁰. Великій Префектъ имѣетъ право присутствовать на всѣхъ великихъ конвентахъ Ордена, также какъ и на всѣхъ провинціальныхъ конвентахъ, гдѣ онъ всегда будетъ имѣть голосъ, и когда ему нельзя будетъ находиться тамъ лично, онъ имѣетъ право посылать туда представителя, но нужно, чтобы этотъ послѣдній былъ всегда рыцарь, имѣющій высшія степени [2]).

3⁰. Онъ имѣетъ также право управлять, открывать и закрывать *капитулы*, зависящіе отъ его округа, если только не присутствуетъ самъ Великій Генеральный Мастеръ всего Ордена, или Великій Мастеръ IX-й Провинціи; тогда это право принадлежитъ ему одному.

4⁰. Должность Вел. Префекта пожизненна, если только онъ ея не оставитъ добровольно, и онъ всего болѣе своимъ примѣромъ долженъ воодушевлять другихъ братьевъ, выказывать свою ревность, свое повиновеніе и свою привязанность къ ихъ общему начальнику или Вел. Провинціальному Мастеру.

5⁰. Великій Префектъ не можетъ, по собственному произволу, или безъ вѣдома Директоріи принимать никакихъ мѣръ относительно управленія *ложъ* и *капитуловъ*, и еще менѣе — учреждать новые, предварительно не испросивъ и не получивъ согласія Великаго Пров. М. . . .

6⁰. Великій Префектъ, какъ предсѣдатель Директоріи, въ особенности долженъ блюсти за охраненіемъ правъ Великаго Провинціальнаго Мастера и въ особенности быть передъ нимъ отвѣтственнымъ въ быстрой передачѣ и исполненіи его приказаній. Онъ долженъ также заботиться, чтобы донесенія, какія Директорія обязана дѣлать Великому Провинціальному Мастеру, были посылаемы и отправляемы безъ замедленія въ назначенные сроки.

7⁰. Онъ долженъ также смотрѣть за поведеніемъ *ложъ* и *капитуловъ* своего округа, для того, чтобы съ точностью исполняемы были законы, обряды, церемоніи и обычаи, принятые въ Каменьщичествѣ и установленные съ первыхъ временъ общими и древними законами св. Ордена. Но въ особенности обязанность его должности есть блюсти за поведеніемъ рыцарей и дѣлать о томъ вѣрное донесеніе въ кон-

---

[1]) Въ то время это былъ еще, какъ мы говорили, самъ король шведскій, у котораго герцогъ Зюдерманландскій былъ какъ бы помощникомъ.

[2]) Въ этомъ смыслѣ былъ вѣроятно Беберъ на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ. Онъ былъ тогда секретаремъ русской Національной Ложи шведской системы.

цѣ года Великому Провинціальному Мастеру, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ Великій Мастеръ могъ знать всѣхъ братьевъ и вознаграждать ихъ рвеніе ко благу и расширенію св. Ордена, смотря по заслугамъ каждаго.

Канцлеръ.

1°. Канцлеръ будетъ заботиться о томъ, чтобы приказанія Директоріи различнымъ *ложамъ и капитуламъ* были должнымъ образомъ посылаемы; онъ будетъ также наблюдать за отправленіемъ донесеній отъ Директоріи Великому Провинціальному Мастеру, и завѣдовать (aura le détail) всей корреспонденціей Директоріи какъ съ Великимъ Мастеромъ и Великой Директоріей Сѣвернаго Пріората, такъ и съ *ложами* и *капитулами,* находящимися въ вѣдѣніи Директоріи.

2°. Въ Директоріи онъ есть докладчикъ всѣхъ дѣлъ, приходящихъ отъ *ложъ* и *капитуловъ.* Поэтому, онъ будетъ вести точный журналъ дѣламъ, вносимымъ въ Директорію, также какъ рѣшеніямъ и отвѣтамъ Директоріи. Въ другомъ журналѣ онъ будетъ отмѣчать всѣ письма и приказанія, исходящія отъ Великаго Мастера, и отвѣты Директоріи на упомянутыя письма.

3°. Когда его мѣсто дѣлается вакантнымъ, Директорія представитъ Великому Провинціальному Мастеру трехъ рыцарей, имѣющихъ высшія степени, изъ которыхъ Великій Мастеръ назначитъ одного ему въ преемники. Впрочемъ, онъ будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что̀ предписано въ масонскихъ законахъ, гдѣ онъ носитъ имя Великаго Канцлера Великой Національной Ложи.

Вице-канцлеръ.

Вице-канцлеръ будетъ исполнять должность канцлера во время его отсутствія и вообще будетъ помогать ему въ исполненіи его должности.

Въ каменьщичествѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Витіи Великой Національной Ложи.

Прелатъ Капитула.

Прелатъ будетъ имѣть попеченіе о томъ, чтобы въ *капитулахъ,* зависящихъ отъ Директоріи, совершаема была божественная служба въ первую пятницу каждаго мѣсяца, по законамъ Ордена, и всѣ духовныя лица (ecclésiastiques) ордена должны признавать его власть [1]).

---

[1]) Эта должность по всей вѣроятности должна была быть занимаема духовнымъ лицомъ. Сюда относится 15-й пунктъ въ вопросахъ инструкціи Вибеля. Наши масоны отвѣчали, что въ ихъ (шведскомъ) капитулѣ былъ всего только одинъ братъ

Начальникъ нововступающихъ (Chef des novices).

1°. Начальникъ или Senior Novitiorum будетъ вѣдать всѣ проступки, какіе были бы совершены противъ законовъ ордена, и будетъ доносить о томъ Директоріи.

2°. Онъ будетъ смотрѣть за поведеніемъ всѣхъ членовъ *капитуловъ*, какъ рыцарей, такъ и écuyers, и еслибы случилось, что кто-нибудь могъ забыть или пренебречь своими обязанностями, онъ долженъ сдѣлать имъ по этому поводу замѣчанія и увѣщанія, и никто не въ правѣ питать неудовольствіе (prendre en mauvaise part) противъ Senior Novitiorum, такъ какъ этимъ онъ исполняетъ обязанности своего званія. Если противъ всякаго ожиданія, кто-нибудь изъ братьевъ будетъ такъ несчастенъ, что впадетъ въ какую-нибудь важную вину и которая можетъ имѣть свои послѣдствія, Senior Novitiorum обязанъ немедленно извѣстить о томъ Великаго Провинціальнаго Мастера черезъ посредство Директоріи.

3°. Особенный надзоръ долженъ имѣть Senior Novitiorum всего болѣе надъ армигерами или Ecuyers всѣхъ классовъ. На этотъ конецъ онъ будетъ имѣть точные списки (des rôles exacts), гдѣ будутъ означаться ихъ положеніе въ орденѣ, также какъ и въ профанномъ свѣтѣ, и ихъ нравственныя качества, для того, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность доставлять по этому предмету необходимыя объясненія, въ случаѣ еслибы Великій Провинціальный Мастеръ ихъ потребовалъ. Ecuyers обязаны оказывать ему всякое почтеніе и всевозможное повиновеніе, какъ своему особенному начальнику.

4°. Кромѣ того, онъ долженъ еще употреблять все свое вниманіе на то, чтобы никакой человѣкъ съ испорченными нравами или по инымъ причинамъ недостойный такой чести, не могъ быть предложенъ и допущенъ къ баллотировкѣ, для принятія въ рыцари Востока и Іерус. Поэтому, онъ долженъ прилагать свое мнѣніе о каждомъ лицѣ къ тѣмъ представленіямъ, какія Директорія будетъ посылать Вел. Провинціальному Мастеру о лицахъ, предложенныхъ къ баллотировкѣ въ *капитулахъ* Востока.

5°. Въ каменьщичествѣ онъ носитъ имя Великаго Инквизитора Великой Національной Ложи, и онъ можетъ быть судимъ только Великимъ Мастеромъ.

Великій Хранитель.

1°. Великій Хранитель долженъ имѣть подъ своимъ надзоромъ архивъ Директоріи, въ которомъ будутъ сохраняться всѣ акты, относя-

---

изъ духовныхъ; но что исполнять это духовную должность, по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ.

Что духовныя лица вообще бывали не одинъ разъ въ нашемъ масонствѣ, объ этомъ есть нѣсколько различныхъ указаній.

щіеся къ св. Ордену, какъ общіе и частные законы, ритуалы, декреты, приказанія и письма Великаго Мастера и проч.

2°. Впрочемъ, Великій Хранитель будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что предписывается въ слѣдующей статьѣ для Декана и Прокуратора, употребленіе которой раздѣляется между ими троими, смотря по требованію обстоятельствъ. Поэтому, онъ извѣстенъ братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Перваго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Деканъ и Прокураторъ.

1°. Они обязаны, какъ имъ возможно чаще, дѣлать визитацію въ *ложахъ* и *капитулахъ*, зависящихъ отъ Директоріи, чтобы видѣть, производятся ли работы ихъ сообразно съ тѣмъ, что повелѣвается законами, и дѣлать объ этомъ вѣрный докладъ Директоріи, такимъ образомъ, чтобы эта послѣдняя имѣла возможность тотчасъ исправлять и устранять злоупотребленія и безпорядки, какіе могли бы вкрасться какъ въ способѣ работъ, такъ и во внутреннемъ управленіи. При этомъ случаѣ они должны разсматривать протоколы и журналы каждой *ложи* и *капитула*, также какъ состояніе ихъ кассы, и не упускать изъ виду ничего, что могло бы заслуживать ихъ вниманія.

2°. Директорія будетъ дѣлать извлеченіе изъ донесеній, ими сдѣланныхъ, съ замѣчаніями ихъ о настоящемъ состояніи *ложъ* и *капитуловъ* и о перемѣнахъ, какія могли произойти со времени послѣдней визитаціи, и это извлеченіе будетъ посылаемо Великой Директоріи въ Стокгольмъ.

3°. Они извѣстны въ Каменьщичествѣ подъ именами Второго и Третьяго Великаго Визитатора Національной Ложи.

Великіе Инспекторы Храма (Inspecteurs du Temple).

Два Великіе Инспектора Храма, извѣстные братьямъ-каменьщикамъ подъ именемъ Великихъ Надзирателей (Surveillants) Національной Ложи, завѣдуютъ всѣми домами и зданіями, принадлежащими Ордену. Они имѣютъ попеченіе объ украшеніяхъ (ornements et décorations) какъ въ *ложахъ*, такъ и въ *капитулахъ*, чтобы они были сообразны съ тѣмъ, что относительно ихъ предписано въ законахъ.

Великій Казнохранитель.

1°. Завѣдываніе и управленіе денежными суммами поручается Великому Казнохранителю. Поэтому всѣ частные казнохранители *ложъ* и *капитуловъ* зависятъ отъ него, должны ему повиноваться и обязаны отдавать ему отчетъ въ своемъ управленіи такъ часто, какъ онъ потребуетъ.

2°. Для этой цѣли онъ озаботится тѣмъ, чтобы имѣть росписки (recettes) и документы о всѣхъ доходахъ и расходахъ Ордена, которые онъ каждую четверть года будетъ представлять Директоріи, для того, чтобы она имѣла возможность давать Великому Провинціальному Мастеру всѣ разъясненія, какія онъ отъ нея потребуетъ.

3°. Онъ будетъ блюсти за взиманіемъ доходовъ и особенно ежегоднаго взноса (tribut), который *ложи* должны посылать Директоріи, подъ именемъ іоанновскаго взноса (tribut de St.-Jean). Въ *ложахъ* каменьщиковъ онъ носитъ то же имя какъ здѣсь.

Великій Hospitalier, или Dator panorum

Великій Hospitalier [1]), извѣстный подъ тѣмъ же именемъ братьямъ-каменьщикамъ, имѣетъ надзоръ за всѣми благотворительными учрежденіями, устроенными орденомъ, и за недостаточными братьями, о которыхъ будетъ заботиться, чтобы они правильно получали то, что̀ назначено на ихъ содержаніе, по разсчету (état), сдѣланному о томъ Директоріей. Поэтому, въ концѣ каждаго года онъ будетъ представлять Директоріи записку объ ихъ числѣ и ихъ другихъ обстоятельствахъ, чтобы Директорія, на основаніи этихъ свѣдѣній, могла распредѣлить суммы, ассигнованныя на это употребленіе, въ началѣ слѣдующаго года. Эти суммы будутъ составляться отчасти изъ добровольныхъ пожертвованій великодушныхъ и человѣколюбивыхъ братьевъ, но главнымъ образомъ изъ сборовъ, какіе должны дѣлаться во всѣ рабочіе дни въ *ложахъ* и *капитулахъ* передъ тѣмъ, какъ братья будутъ расходиться. Эти деньги должны быть въ каждую четверть года отсылаемы къ Великому Hospitalier, и онъ будетъ вести имъ особенный счетъ. Эти книги и отчеты, также какъ отчеты Великаго Hospitalier должны быть каждые полгода представляемы Директоріи, которая будетъ поручать ревизію ихъ двумъ изъ своихъ членовъ поочередно, и въ концѣ года Директорія дастъ имъ приличныя квитанціи [2]).

Великій Hospitalier будетъ имѣть особенное попеченіе о немощныхъ и больныхъ Ордена, приглашая врачей и хирурговъ, находящихся въ Орденѣ, подавать имъ всю возможную помощь.

Le Roi d'armes, или Heraldicus Magnus.

1°. Le Roi d'armes [3]) будетъ имѣть завѣдываніе и распоряженіе всѣми празднествами, какія будутъ торжествоваться въ *капитулѣ* по обычаямъ, установленнымъ законами Ордена. Онъ долженъ также об-

---

[1]) Не знаемъ, какъ могло быть переведено это слово. Должность, имъ обозначаемая, была вѣроятно та же, которая въ другихъ системахъ принадлежала «собирателю милостыни».

[2]) Въ подлинникѣ: décharges convenables. Изложеніе не вполнѣ намъ ясно.

[3]) Лица этой должности въ другихъ системахъ нашихъ назывались герольдами.

ращать вниманіе на то, чтобы рыцари и Ecuyers были прилично и должнымъ образомъ одѣты и убраны въ дни, назначенные для собранія *капитула.*

2°. Онъ долженъ представлять проекты и рисунки для гербовъ, именъ и девизовъ братьевъ-рыцарей, которые будутъ потомъ посылаемы Великому Мастеру на его утвержденіе. Послѣ того, какъ Великій Мастеръ утвердитъ ихъ и возвратитъ въ Директорію, Le Roi d'armes вручитъ ихъ рыцарямъ, снявши предварительно копіи, которыя внесетъ въ особую книгу, съ ихъ именами, должностями и гербами, какіе употребляются ими въ профанномъ свѣтѣ, и по смерти этого брата, онъ прибавитъ сюда исторію жизни или краткую біографію покойнаго.

3°. Въ каменьщицкомъ мірѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Великаго Маршала Великой Національной Ложи.

Секретарь Директоріи.

Секретарь долженъ вести протоколы въ Директоріи и помогать канцлерамъ въ веденіи дѣлъ и корреспонденціи; поэтому секретарь долженъ хорошо знать иностранные языки и вполнѣ знать исторію, законы, обычаи и проч. нашего св. Ордена.

Наконецъ, мы даемъ нашей любезной Директоріи, симъ нами установленной, въ гербъ — серебрянаго орла на красномъ полѣ, сидящаго на мозаичномъ паркетѣ изъ песка и серебра. Направо онъ держитъ гербъ св. Ордена, именно красный крестъ на серебряномъ полѣ, а позади щита онъ держитъ зеленую пальмовую вѣтвь.

Надъ орломъ находится золотой треугольникъ съ лучами, въ серединѣ котораго находится око. Кругомъ написано: Sigill. Dir. Capitulor. S. O. T. H. in Imp. Russ. inst. A°. MDCCLXXX.

Въ заключеніе, мы молимъ верховнаго и трижды Великаго Архитектора Вселенной, да удостоитъ имѣть подъ своей св. охраной нашу любезную Директорію.

Дано въ Стокгольмѣ, MDCCLXXX, въ IX-й день 5-го мѣсяца, въ нашемъ Вел. Совѣтѣ на Востокѣ.

Карлъ — — [1]) Зюдерм.
I. O. D. Equ. IX Pr. Prof. a Sole vivificante.

Шведская система, которая установлялась этимъ законодательствомъ въ нашемъ масонствѣ, удержалась недолго. Князь Г. П. Гагаринъ, который былъ «Префектомъ» капитула или Великимъ Мастеромъ Національной Ложи, переселился вскорѣ въ

---

[1]) Крестъ такъ-называемой Андреевской формы.

Москву, гдѣ онъ получилъ новое назначеніе по службѣ, и здѣсь онъ былъ окруженъ новыми обстоятельствами. Въ 1782-мъ году, послѣ Вильгельмсбадскаго конвента, происходившаго совершенно независимо отъ притязаній Швеціи на масонское первенство, Россія объявлена была отдѣльной и независимой «провинціей». Центръ русскаго масонства оказался въ Москвѣ, гдѣ дѣйствовалъ Новиковскій кружокъ, заботами котораго и было устроено это независимое положеніе нашего масонства. Князь Гагаринъ вскорѣ отказался отъ своихъ прерогативъ; шведское масонство окончательно уступило московскому розенкрейцерству.

Въ Петербургѣ шведскія прерогативы не были однако забыты, и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя масонство шведской системы снова явилось на сцену при возобновленіи ложъ въ Александровское время. Ка́къ это происходило, — разсказывается въ отвѣтахъ нашихъ масоновъ на инструкцію Вибеля.

VI. Запрещеніе ложъ 1822-го и 1826 гг.

Извѣстно, что въ 1822 г. изданъ былъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и вообще тайныя общества. Отъ масоновъ и немасоновъ требовались подписки о непринадлежности впредь къ ложамъ и тайнымъ обществамъ, и ложи должны были быть закрыты. Въ 1826-мъ году запрещеніе было повторено. До сихъ поръ не были еще разъяснены причины изданія указа 1822-го года: онѣ заключались, повидимому, главнымъ образомъ въ томъ предубѣжденіи, которое умѣли за границей поселить въ императорѣ Александрѣ противъ европейскаго либерализма; когда началось тамъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ, а также отчасти и масонскихъ ложъ, русскому правительству казалось, что и наши ложи представляютъ такую же опасность. При этомъ нашли, кажется, поводъ къ этой мѣрѣ и въ нашихъ ложахъ, въ какихъ-нибудь неосторожныхъ словахъ или чемъ-нибудь подобномъ.

Въ матеріалахъ Московскаго Музея (№ 91) находятся два документа (въ копіи и въ черновой), относящіеся къ первому и второму запрещенію ложъ, — именно отвѣтная бумага С. С. Ланского къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, 1822-го года, объ исполненіи имъ предписаннаго указомъ закрытія ложъ, и другая подобная бумага отъ 1826-го года.

Первая изъ нихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Милостивый государь
графъ Викторъ Павловичъ!

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего сіятельства отъ 6-го сего августа за № 565, съ изображеніемъ въономъ высочайшаго

его имп. в—ва повелѣнія о закрытіи масонскихъ ложъ, честь имѣю увѣдомить васъ, м. г., что по предмету сему учинены мною слѣдующія распоряженія:

1) Состоявшія здѣсь подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи пять масонскихъ ложъ, подъ именами: 1) Елизаветы Добродѣтели; 2) Трехъ Добродѣтелей; 3) Трехъ Свѣтилъ (работавшихъ на россійскомъ языкѣ); 4) Дубовой Долины къ вѣрности (на нѣмецкомъ языкѣ) и 5) Орфея (на французскомъ языкѣ), 12-го сего мѣсяца безъ всякихъ обрядовъ закрыты; а токмо объявлено о томъ мною всѣмъ бывшимъ въ сіе время членамъ тѣхъ ложъ.

2) Отъ находящихся здѣсь на лицо членовъ означенныхъ пяти ложъ взяты, на основаніи помянутаго высочайшаго повелѣнія, подписки, кои въ числѣ 95-ти при семъ честь имѣю препроводить.

3) О закрытіи въ Москвѣ ложи, подъ именемъ Ищущихъ Манны (работавшей на россійскомъ языкѣ), подъ управленіемъ той же Великой Ложи состоявшей, сообщено мною управляющему оной г. надворному совѣтнику фонъ-Визину; копія съ сего отношенія при семъ прилагается.

4) Къ отсутствующимъ членамъ ложъ, здѣсь учрежденныхъ, посланъ мною циркуляръ, при семъ въ спискѣ прилагаемый, о присылкѣ ко мнѣ подписокъ, кои по мѣрѣ полученія я буду имѣть честь доставлять непосредственно къ вашему с—ву.

5) Подъ управленіемъ Великой Провинціальной Ложи находилась еще одна ложа въ Одессѣ, подъ именемъ Эвксинскаго Понта (работавшая на россійскомъ и разныхъ иностранныхъ языкахъ), въ коей великимъ мастеромъ былъ гр. Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, а намѣстнымъ мастеромъ французскій вице-консулъ Шале. Какъ извѣстно мнѣ, что ложа сія гр. Александромъ Ѳедоровичемъ закрыта еще до состоянія нынѣ высочайшаго повелѣнія, то Великая Провинціальная Ложа не имѣетъ уже съ оною сношеній, а потому и взятіе отъ членовъ, составлявшихъ одесскую ложу, подписокъ, состоитъ внѣ моей возможности.

При семъ долгомъ поставляю изъяснить вашему с-ву, что члены ложъ, подъ управленіемъ Провинціальной Ложи состоявшихъ, преисполнены будучи вѣрноподданническими чувствами (къ) Государю Императору, всегда старались оныя оправдать на опытѣ; въ собраніяхъ ихъ по существу законовъ, руководствовавшихъ Великую Провинціальную Ложу, не допускались никакіе политическіе толки, а всегда внушаемы были братьямъ правила, основанныя на христіанствѣ и исполненіи гражданскихъ обязанностей, нашему образу правленія свойственныхъ. Сношеній же съ другими тайными обществами у насъ никакихъ не бывало и имѣть ихъ воспрещалось. Нынѣ члены, узнавъ чрезъ меня волю Государя Императора, въ отношеніи вашего с-ва изъясненную, со всею

готовностію во всякомъ случаѣ безпрекословно повиноваться оной, охотно исполнили высочайшее повелѣніе. О каковой готовности и вѣрноподданнической преданности ко всемилостивѣйшему государю, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше с-во довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего с-ва покорнѣйшимъ слугою,

С. Ланской.

Въ С.-Петербургѣ
16 (или 17) августа 1822
Его с-ву В. П. Кочубею.

При этомъ письмѣ, какъ сказано, препровождались и подписки членовъ, въ числѣ 95-ти. Затѣмъ, 2 и 30 сентября и 18 ноября были доставлены Кочубею еще 83 подписки отъ членовъ ложъ Елизаветы, Трехъ Добродѣтелей, Дубовой Долины, Орфея и Ищущихъ Манны.

Далѣе, въ томъ же сборникѣ находится копія рескрипта императора Николая Павловича къ министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому, отъ 21 апрѣля 1826, о новомъ истребованіи подписокъ относительно непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и представленія свѣдѣній о нихъ, еслибы таковыя у кого оказались; и затѣмъ черновая отвѣтная бумага (повидимому отъ того же С. С. Ланскаго) къ министру объ этомъ предметѣ. Въ отвѣтной бумагѣ подробно прописано содержаніе документа 16—17 августа 1822 года объ исполненіи высочайшаго повелѣнія императора Александра о закрытіи тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ, и затѣмъ говорится:

После таковаго даннаго мною обязательства, согласно съ высочайшею блаженныя памяти государя императора волею я никакихъ ложъ не посѣщалъ и не составлялъ.

Нынѣ же во исполненіе высочайшей воли, изъявленной въ высочайшемъ рескриптѣ на имя г-на управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Ланскова, 21-го апрѣля сего года состоявшагося, къ прежде даннымъ мною подпискамъ нужнымъ щитаю присовокупить: что цѣль масонскаго общества, въ коемъ я находился, такъ равно и тѣхъ ложъ, коими я управлялъ, была исканіе чистѣйшаго познанія Бога, человѣка и натуры. Мѣры же къ достиженію сей цѣли не иныя были какъ исполненіе законовъ, духовною и гражданскою властію возлагаемыхъ, не изъ страха казни и не изъ своекорыстныхъ видовъ въ ожиданіи наградъ, но изъ сердечнаго и нелицемѣрнаго стремленія къ добру. Къ сему клонились всѣ упражненія масоновъ, принадлежавшихъ къ Провинціальной Ложѣ, и подвѣдомственныхъ ей ложъ, о чемъ правительство ежемѣсячно было извѣщаемо въ то время, когда собранія

сіи не были запрещены имъ. Всѣ участвовавшіе въ сихъ собраніяхъ съ искреннимъ желаніемъ точнаго исполненія возлагаемыхъ обществомъ симъ обязанностей, на правилахъ христіанской вѣры и вѣрномъ служеніи государю и отечеству основанныхъ, конечно не измѣнили и не измѣнятъ симъ священнымъ обязанностямъ, отъ соблюденія коихъ временное благосостояніе и вѣчное блаженство каждаго человѣка зависитъ.

Другихъ же тайныхъ обществъ я не зналъ и не знаю.

VII. Масонскія воспоминанія Батенкова.

Въ собраніи Московскаго Музея есть между прочимъ записка, писанная въ 1863 г. извѣстнымъ декабристомъ Г. С. Батенковымъ и заключающая въ себѣ его воспоминанія о старомъ масонствѣ. Эта записка была написана имъ по просьбѣ покойнаго московскаго профессора С. В. Ешевскаго и находится въ сборникѣ бумагъ, ему собственно принадлежавшихъ (Муз. № 118).

Ешевскій, — котораго мы имѣли случай знать лично въ 1862, за границей, — былъ вообще изъ тѣхъ истинныхъ ученыхъ, какихъ, къ сожалѣнію, немного представляетъ исторія нашей неопытной науки. Это былъ питомецъ школы Грановскаго и Кудрявцева, человѣкъ того же нравственнаго типа, у котораго наука не оставалась книжной штудіей, который понималъ ея истинную высоту, ея живой смыслъ и настоящія требованія. Исторія, составлявшая его спеціальное занятіе, казалась ему по преимуществу такимъ знаніемъ, которое близко касается нравственнаго сознанія; это былъ для него не только комментарій къ прошедшему, но и школа для укрѣпленія нравственныхъ понятій и правилъ. Естественно, поэтому, что его научные интересы были очень обширны; онъ отличался весьма разнообразными свѣдѣніями, но доходя до самыхъ частностей въ тѣхъ историческихъ предметахъ, которые были имъ изучаемы, онъ не былъ способенъ зарываться въ однихъ этихъ частностяхъ: понимая цѣльность науки, онъ старался освоиться съ самыми различными областями исторіи, которыя обыкновенно кажутся различными и отдѣльными спеціальностями. И надо сказать также, что онъ былъ достаточно свободенъ отъ тѣхъ условныхъ ограниченій, которымъ такъ легко подчиняются тѣ, для кого занятіе наукой бываетъ только чиновнической службой; его взгляды образовались свободно, и развивались до послѣдняго времени его жизни. Біографія Ешевскаго, напечатанная при его сочиненіяхъ, къ сожалѣнію, мало разсказываетъ о развитіи его мнѣній; но можно сказать, что русская исторія была понимаема имъ съ

такимъ же чувствомъ живого значенія науки: его интересовали самые далекіе одинъ отъ другого пункты этой исторіи, отъ пермскихъ древностей до новѣйшихъ явленій нашей общественной исторіи. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ приступилъ научнымъ образомъ и къ объясненію нашего масонства, и если еще не установилъ вполнѣ этого историческаго вопроса, то во всякомъ случаѣ далъ образчики критическаго взгляда и разработки фактовъ. Пріобрѣтеніе имъ масонскаго архива, сохранявшагося нѣкогда въ рукахъ С. С. Ланского, одного изъ послѣднихъ могиканъ Великой Провинціальной Ложи, можно сказать, спасло для науки одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное собраніе матеріала для исторіи масонства, — насколько, по крайней мѣрѣ, они до сихъ поръ стали извѣстны. Ешевскій началъ изучать пріобрѣтенныя имъ книги и рукописи, и повидимому возъимѣлъ мысль о цѣлой исторіи русскаго масонства.

Собирая уцѣлѣвшіе документы масонства, Ешевскій не ограничивался однимъ архивнымъ матеріаломъ: онъ искалъ также живыхъ воспоминаній и преданій. Случаи къ этому представлялись. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ профессоромъ въ Казани; въ то время выѣзжали изъ Сибири возвращавшіеся послѣ амнистіи декабристы, и здѣсь Ешевскій, какъ видно, познакомился съ Батенковымъ. Эти возвращавшіеся были встрѣчены съ большимъ интересомъ въ то время, которое само было исполнено свѣтлыхъ надеждъ и съ участіемъ обращалось къ этимъ идеалистамъ стараго вѣка.

Личность Батенкова довольно извѣстна. По свидѣтельствамъ его товарищей и по другимъ свѣдѣніямъ [1]), это былъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ характеровъ между людьми тайнаго общества. Молодымъ человѣкомъ, онъ, какъ многіе изъ его товарищей, прошелъ прежде всего военную жизнь походовъ 1813 и 1814 годовъ, которая по всей вѣроятности и въ немъ оставила тѣ же впечатлѣнія и заронила тѣ же политическіе инстинкты. Воротившись домой, онъ продолжалъ службу инженеромъ, но своимъ способомъ дѣйствій на службѣ пріобрѣлъ извѣстную репутацію «безпокойнаго человѣка» и получилъ вслѣдствіе того служебное назначеніе въ Сибири; тамъ онъ былъ замѣченъ Сперанскимъ, съ нимъ вернулся въ Петербургъ и наконецъ служилъ при Аракчеевѣ. Его цѣнили какъ человѣка умнаго и дѣятельнаго.... Впослѣдствіи, его энергическая натура выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какія только выпадали на долю лю-

---

[1]) Записки и воспоминанія декабристовъ, и Богдановича, Исторія импер. Александра I, т. VI, стр. 434 и слѣд.

дямъ, замѣшаннымъ въ тайномъ обществѣ. Несмотря на долговременное одиночное заключеніе и потомъ ссылку, онъ возвратился, какъ вообще его товарищи, человѣкомъ, въ которомъ были еще живыя стремленія и теплое сочувствіе къ новымъ поколѣніямъ.

По обыкновенію того времени, Батенковъ прошелъ и черезъ масонскую ложу. Намъ не встрѣтилось до сихъ поръ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ первый разъ; можно предполагать, что это было еще до 1814 года. Впослѣдствіи, мы находимъ его членомъ петербургской ложи «Избраннаго Михаила», въ союзѣ Великой Ложи Астреи, и потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818-мъ году и принадлежавшей къ союзу той же Астреи. Записка его о масонствѣ была писана имъ уже въ глубокой старости, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (онъ умеръ 29-го октября 1863). Это — вещь, писанная наскоро, не перечитанная, назначенная въ близкія дружескія руки; изложеніе ея неровно, языкъ неопредѣленный и туманный. Но при всѣхъ ея литературныхъ недостаткахъ, записка остается любопытнымъ историческимъ документомъ. Вслѣдствіе темноты изложенія, — отчасти намѣренной, — мысль автора не всегда понятна; нерѣдко воспоминанія измѣняли ему, но записка оставляетъ однако то общее впечатлѣніе, что масонство, отчасти затемнившееся въ далекихъ воспоминаніяхъ, было нѣкогда для писавшаго воспитательной силой и что оно до послѣдняго времени сохранило для него свой таинственный авторитетъ. Намъ ясно теперь, что авторъ преувеличивалъ его значеніе и содержаніе, но несомнѣнно, что въ тѣ времена оно имѣло своихъ серьезныхъ адептовъ, вѣрившихъ въ его силу: съ нимъ они связывали понятія, служившія для нихъ нравственнымъ руководствомъ, и если на самомъ дѣлѣ оно и не давало имъ вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, оно возбуждало въ нихъ нравственную дѣятельность и исканіе идеала.

Въ началѣ записки Батенковъ ссылается на какого-то своего друга, опытнаго въ масонствѣ и отъ котораго онъ заимствовалъ передаваемыя свѣдѣнія; но это вѣроятно ссылка фиктивная, которую употребилъ онъ для того, чтобы не являться самому разсказчикомъ того, что́, по его стариннымъ обязательствамъ, должно было быть имъ хранимо какъ тайна.

Въ слѣдующемъ ниже текстѣ, записка передается въ точности; только въ двухъ-трехъ мѣстахъ (указанныхъ точками) мы опустили по нѣскольку строкъ, вслѣдствіе большой неясности текста, которая безполезнымъ образомъ затруднила бы читателя.

Калуга, маія 20, 1863.

Исполняю по мѣрѣ моихъ силъ данное мною вамъ, дорогой Степанъ Васильевичъ, обѣщаніе, по предмету большаго дѣла, которымъ вы такъ усердно заняты.

Прилагаю брульонъ на цѣлыхъ почти четырехъ листахъ:

«Въ нихъ большіе чудеса,
«Очень мало складу.»

Можетъ быть и годно будетъ что-нибудь для васъ, по крайней мѣрѣ для склада мысли. Ежели нѣтъ,—бросьте: я не осержусь.

Простите только, ежели отнялъ нѣсколько времяни для прочтенія, которое при моей акалиграфіи можетъ быть совершено и не безъ труда. По крайней мѣрѣ примите какъ доказательство добрыхъ моихъ къ вамъ чувствъ и желанія крѣпко сохранить пріязнь, кстати и завязавшуюся на востокѣ [1]).

Ежели вздумаете спросить меня о чемъ, то я готовъ къ вашимъ услугамъ. Но вотъ какое обстоятельство: я на этой же недѣлѣ ѣду въ деревню къ Елагинымъ и пробуду тамъ до августа. Во все это время адресъ мой будетъ въ Бѣлевъ, Тульской губерніи.

Право нечего и говорить болѣе о себѣ. Живу пока живется—вотъ и все.

Преданный вамъ сердечно
Батеньковъ.

Калуга, маія 16, 1863.

I.

Давно существуетъ и распространено масонское братство, какъ съ отдѣльными, по конституціи своей, болѣе или менѣе тайными ложами, такъ и соединенными въ государствахъ подъ управленіемъ ихъ „великихъ востоковъ“. Однако о существенномъ ихъ отправленіи мало что извѣстно въ народной жизни, даже собственная ихъ литература, печатная, но не публичная, въ послѣднее время имѣетъ болѣе ученое, нежели изтолковательное свойство.

Много есть понятныхъ причинъ такому состоянію дѣла, между прочимъ и то, что для вникновенія въ него недостаточно простой пытливости, нескромности лицъ или наружнаго обозрѣнія. Надобно быть [2]), знаютъ въ точности одни и весьма немногочисленные адепты, всецѣло и всѣмъ своимъ существомъ преданные своему призванію.

Сознаютъ, однако, что общество это мирное, безвредно для общей

---

[1]) Игра словъ; «востокъ» — извѣстный масонскій терминъ. Знакомство началось вѣроятно въ Казани.

[2]) Эти два слова приписаны.

жизни, человѣколюбиво; въ лучшихъ членахъ своихъ умно, нравственно, чуждо суевѣрія, другъ свѣта и чтитъ Бога, какъ причину всего существующаго.

Въ моей юности я любимъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ адептовъ, и здѣсь привожу мои воспоминанія изъ отрывочныхъ по временамъ разговоровъ съ нимъ.

Сказывалъ онъ, что при первомъ вступленіи въ ложу его поразила глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвъ символическія вещи, замѣтилъ, что они прошли чрезъ вѣки и люди ихъ не касались.

Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что̀ говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символъ ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отверденіи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному, духовному Существу. Самое это понятіе должно быть пріобрѣтено вниманіемъ къ ходу работъ и не преподается извнѣ словами. Оно внѣдряется по временамъ легальными, испытующими, краткими вопросами мастера и обрядами пріема, непрестанно надпоминающими [1]) о важности и неизбѣжности смерти. Клятвы и присяги не дается, но надпоминается, что должно быть твердо и неизмѣнно „честное слово“, хотя бы и жизни то стоило.

Такъ ученикъ долженъ существенно упражняться, чтобъ выработать въ себѣ дисциплинарный складъ и понимать рѣчь братьевъ. Онъ долженъ вступить совершеннолѣтнимъ. Для того это, чтобъ человѣкъ занялся обработкой самого себя въ зрѣлости дарованій и силъ, и не стѣснялъ своего ума и воли, избѣгалъ направлять ихъ ко внѣшнему Авторитету.

II.

Когда ничего нѣтъ вреднаго въ масонствѣ, почему же оно такъ старательно скрывается и избѣгаетъ всякой извѣстности? На такой вопросъ данъ былъ отвѣтъ, что это перешло отъ таинствъ древняго міра. Самый образъ работъ, требующій тишины и углубленія въ самого себя, не можетъ происходить въ виду общей жизни и при открытыхъ дверяхъ. Притомъ требуетъ такой осторожности хранимый ложею великій свѣтъ знанія космической причины всему—бытія самобытнаго вседѣйствующаго Бога. Это тайна отъ міра, не могущаго устроить себя сообразно съ по-

---

[1]) Такъ въ рукописи.

знаніемъ истины. Она профанируется самою рѣчью, употребляемою въ общежитіи, на половину ложною и двусмысленною. Посему никакой разсказъ о масонствѣ не даетъ точнаго и яснаго понятія, для сего требуется быть масономъ и употреблять тѣ опредѣленные термины, тотъ языкъ, который, подобно математическому, выработанъ и воздѣлывается трудомъ мысли множества поколѣній. Обязанность таинствъ есть передать достигнутыя понятія чрезъ смерть поколѣній, для ихъ продолженія въ цѣльности и чистотѣ.

Въ обыкновенной жизни оставляется между поколѣніями большой промежутокъ въ знаніи, нравахъ и направленіи. Таинство хранитъ послѣдовательность, не выкидываетъ ничего полезнаго и не препятствуетъ прогрессу, наблюдая его какъ выводъ и безъ скачковъ. Должно стоять на незыблемой почвѣ.

Такимъ образомъ таинство необходимо для всякаго долговѣчнаго общества, составляетъ его регуляторъ и критеріумъ, и будучи основано на истинѣ и человѣколюбіи, ничего кромѣ свѣта и блага, потребныхъ для собственнаго себя сохраненія, содержать въ себѣ не можетъ. Къ этому неспособны страстныя увлеченія общей жизни.

Такъ предъ началомъ работъ, чрезъ особеннаго члена, удостовѣряется мастеръ, тщательно ли закрыты двери. Этотъ обычай наблюдался и въ древней христіанской церкви, гдѣ, и по прекращеніи гоненій, предъ совершеніемъ освященія даровъ, напоминается возгласомъ: „двери, двери!“

Человѣкъ, основываясь на достигнутыхъ понятіяхъ истинъ и пріобрѣтенныхъ познаній, обозрѣвая всю задачу, предлагаемую состояніемъ и явленіями вселенной, убѣждается, что въ краткой свой вѣкъ познать онъ можетъ весьма малую часть изъ всей цѣлости. Посему масонство внѣдряетъ разумное смиреніе, не возбуждаетъ зависти, будучи чуждо гордости, и хотя нерѣдко подвергалось гоненіямъ отъ неразумной тираніи, но сохранилось чрезъ многіе вѣка незапятнаннымъ [1]) юридическимъ обвиненіемъ.

Какъ познаніе самаго себя и устройство жизни, чрезъ смерть проходящей, масонство называетъ себя *работою* и *искусствомъ*, прилагая часто эпитетъ царственнаго.

III.

Вторую степень составляютъ „товарищи“; имъ данъ символомъ обтесанный кубическій камень. Ихъ упражненіе—провѣрка и критика, какъ пріобрѣтенныхъ въ мірѣ познаній, такъ и употребляемаго слова. Риторическіе иносказанія и тропы, символическія выраженія и фразы должны быть еще разъ обмыслены и ясно поняты.... Такъ на вопросъ о

[1]) Зачеркнуто: «отъ, чрезъ».

цѣли масонства отвѣчають, что слово *цѣль* переносно взято отъ стрѣльбы и не даетъ точнаго понятія, а по употребленію на игрищахъ не можетъ быть примѣнено къ работамъ ложъ. Улыбается масонъ, ежели спросить его: какую роль играетъ ихъ братство въ жизни человѣческой? Онъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ ничего театральнаго.

Очевидно, что такой пуризмъ мысли требуетъ чрезвычайнаго труда; но съ пріобрѣтеніемъ серіи ясныхъ понятій и убѣжденія, нѣтъ и мысли о запрещеніи какихъ-либо книгъ, изслѣдованія ученій, и подлежатъ вниманію всѣ дѣйствія человѣческія. Къ Откровенію, слову пророковъ и евангелію относятся съ благоговѣніемъ, не стѣсняя ума и относя законъ и догматы, какъ оцѣну, къ потребностямъ внѣшней дисциплины мысли, чуждаются споровъ, и не считая себя замкнутыми въ опредѣленный кругъ, не видятъ пользы въ фанатической пропагандѣ, не производящей внутренняго сосредоточенія и устоя.

IV.

Третью степень составляютъ „мастеры"; имъ присвоивается дѣйствіе волею на свой умъ, память и воображеніе....

Сообразно съ этимъ, символъ мастера есть числительная доска съ геометрическими фигурами и эстетическими контурами.

Трехъ мастеровъ достаточно въ соединеніи, чтобъ составить и открыть ложу. Они бесѣдуютъ между собою объ открытіяхъ и зижденіи въ тайникахъ души, и передаютъ ея феномены. А какъ все это еще далеко отъ практическаго приложенія въ жизни, то замѣняется обыкновенно обязательнымъ благотвореніемъ.

Столовыя ложи надпоминаютъ англійскіе митинги; въ нихъ также нѣчто дѣльное, вопросы и рѣшенія, часто ипотетическія....

Мастеръ ложи или предсѣдательствующій въ ней инсталируется по выбору всѣхъ братьевъ, составляющихъ довольно крѣпкой и серьезной союзъ. Они въ жизни помогаютъ другъ другу, стараются о единомысліи и согласіи, и безъ ихъ общаго голоса не можетъ быть принятъ новый членъ, посвященіе котораго производится въ ложѣ открытой, дѣйствіемъ мастера. Онъ вооруженъ молотомъ, ударамъ котораго всѣ повинуются. Гдѣ, по обстоятельствамъ, мастеръ не можетъ производить своихъ обрядовъ, тамъ и не должна открываться ложа, какъ совершенная и справедливая. Таково повиновеніе этого братства предержащей власти.

V.

Держащіеся древнихъ преданій ограничиваются вышесказанными тремя степенями и даже въ союзѣ съ учреждаемымъ иногда великимъ востокомъ присвояютъ великимъ чиновникамъ только этотъ эпитетъ, но

не даютъ никакой высшей степени. Кромѣ пріемныхъ въ товарищи и мастера, ложи открываются и работаютъ въ ученическихъ обрядахъ, также и великій востокъ, не имѣющій права принимать новыхъ членовъ или повышать въ степени, есть ученическая ложа. Установленіе великихъ востоковъ[1] — болѣе политическое для отвѣтственности за соблюденіе законныхъ предѣловъ предъ государственною властію, по силѣ даннаго отъ нея диплома.

Это устройство извѣстно теперь подъ именемъ шведской системы или вообще сѣверной[2]). Французы, по побужденію своей фантазіи, изобрѣли болѣе 30 степеней, различаютъ ихъ только расширеніемъ и сложностію пріемнаго ритуала и названіями, почти кабалистическими, не внося ничего существеннаго въ работахъ. Въ сношеніяхъ же съ ними ложъ шведской системы, признаются и въ нихъ только три степени, и имѣющіе высокіе титулы принимаются только въ качествѣ мастеровъ и не могутъ являться въ своихъ костюмахъ и со знаками такъ-называемыхъ высшихъ степеней.

Въ открытой ложѣ каждый братъ носитъ на груди принятой ею символическій знакъ. Для разпознаванія же другъ друга при внѣшнихъ встрѣчахъ имѣютъ по своимъ степенямъ особые знаки, чрезъ прикосновеніе и жестъ. Допускается и употребленіе взора, но вообще это средство не одобряется какъ трудно очищаемое отъ страсти.

Братья даютъ установленные и произвольные вклады въ свою ложу, на ея потребности, и вносятъ червонецъ или лепту св. Іоанна ежегодно въ великій востокъ, гдѣ онъ учрежденъ.

Женщины въ работахъ ложи не участвуютъ. Имъ дается только подарокъ, въ знакъ привѣта и дружбы, отъ вступающаго вновь, изъ длинныхъ бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ.

Братья въ ложѣ сидятъ съ покрытою шляпой головою. Оружіе въ новѣйшее время не употребляется.

По трудности задачи, нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ масоны достигаютъ ея исполненія, и даже немногимъ изъ нихъ это можетъ быть приписано; но неоспоримо, что она глубоко укоренена въ натурѣ человѣка. Вѣрные адепты устраняютъ всякое уклоненіе отъ ея сущности, подобно какъ французскія степени, особливо потому, что они могутъ служить источникомъ разнородныхъ тайныхъ обществъ, идущихъ по другому направленію и прикрывающихся масонствомъ, подъ несвойственными ему именами и стремленіями. Французскій ритуалъ высшихъ степеней наполненъ напоминаніями о тираніи Филиппа Красиваго надъ иллюминатами. Масоны шведской системы признаютъ это характеромъ злопамятства и мести, чего сами никакъ допустить не могутъ, предоставляютъ судъ надъ ис-

[1]) Батенковъ разумѣетъ „великія", т.-е. управляющія ложи.

[2]) Это обозначеніе весьма неточное.

торіей единому Богу и не видятъ въ рядахъ своихъ никого, на то уполномоченныхъ. (Всѣмъ принадлежитъ только открытіе законовъ и разумѣніе факта....). Не почитаютъ человѣческую волю самобытною, но содержимою и движимою въ космическомъ свѣтѣ и наведенномъ Творцомъ на землю Духѣ; но при данномъ для руководства разумѣ, предваряющемъ дѣйствіе, и при ясности слова, справедливо отвѣтственною. Изолированный матеріализмъ, какъ бы остроумны и утилитарны ни были плоды его работъ, считаютъ недостаточнымъ къ изъясненію, чрезъ ихъ динамическій процессъ, красотъ природы, и, для разумѣнія явленій, понятія тѣ считаютъ истинными, въ которыхъ чувствуется присутствіе свѣта космической причины и точное единство съ словомъ.

VI.

Масоны сохраняютъ преданіе, что въ древности убитъ злодѣями совершенный мастеръ, и надѣются, что явится нѣкогда мастеръ, не умомъ только перешедшій черезъ смерть, но и всѣмъ своимъ бытіемъ (?). Такое преданіе должно быть весьма не новое и составляетъ стимулъ надежды на высшее на землѣ просвѣщеніе и цивилизацію, на освобожденіе отъ неотвратимаго жала смерти, при шествіи судебъ человѣческихъ къ свѣту и правдѣ чрезъ тьму и рожденную въ ней отрицательную природу зла, и ставятъ это въ соотвѣтствіе ученію о прирожденномъ грѣхѣ (?).

Какъ бы то ни было, но такой способъ мышленія и склада жизни не заслуживаетъ презрѣнія. Я могу представить изъ опыта два значительные факта, избавившіе меня отъ вѣрной смерти.

1. Въ одномъ изъ сраженій въ 1814 году въ холодномъ и сыромъ генварѣ мѣсяцѣ во Франціи, я, потерпѣвшій многія раны и оставленный съ трупами на полѣ сраженія, былъ непріятельскими солдатами раздѣтъ до рубашки. Въ слѣдъ за ними явились верьхомъ два офицера французской гвардіи и обратили на меня вниманіе, приникнувъ къ лицу удостовѣрились, что я живъ, тотчасъ покрыли плащемъ убитаго солдата и на своихъ рукахъ донесли до шоссе, черезъ разстояніе не менѣе полуверсты. Тамъ сдали на фуры, собиравшія раненыхъ, и строго приказали отвезти въ госпиталь ближайшаго города и передать особенному попеченію медика. Въ послѣдствіи я узналъ, что обязанъ спасеніемъ положенію своей руки, которою покрывалъ одну изъ главныхъ ранъ случайно въ видѣ масонскаго знака. Крайне горестно, что я не знаю и имянъ своихъ благодѣтелей.

2. Пробывъ двадцать лѣтъ въ секретномъ заключеніи во всю свою молодость, не имѣя ни книгъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишась жизни, или по крайней мѣрѣ разума, я не имѣлъ никакой помочи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самаго себя. Тогда

(я) воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству представшаго мнѣ новаго міра. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели.

VII.

Полагаю, что сколько возможно мнѣ въ этихъ отрывочныхъ сказаніяхъ, до меня дошедшихъ, и на языкѣ, несоотвѣтствующемъ предмету, я далъ хотя руководящее свѣдѣніе къ оцѣнкѣ наукою сущности масонства....

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько строфъ одного масонскаго стихотворенія, очень темнаго и запутаннаго.

Выше замѣчено, что о масонской дѣятельности Батенкова нѣтъ пока никакихъ свѣдѣній. Мы можемъ только сообщить нѣсколько подробностей о той ложѣ, въ которой онъ состоялъ во время своей службы въ Сибири и которой онъ былъ однимъ изъ основателей. Это была ложа «Восточнаго Свѣтила на востокѣ Томска».

Слѣдующія здѣсь свѣдѣнія объ этой ложѣ заимствованы изъ небольшого собранія бумагъ этой ложи и писемъ ея членовъ, оставшагося послѣ покойнаго Н. И. Кусова и сообщеннаго намъ Евг. Ив. Ламанскимъ. Н. И. Кусовъ нѣкогда принадлежалъ къ ордену, и въ то время, къ которому относится эта переписка (въ 1819—1821 годахъ), онъ былъ членомъ ложи «Избраннаго Михаила» въ Петербургѣ и, вѣроятно по связямъ съ томскими масонами, — «намѣстнымъ представителемъ» ложи «Восточнаго Свѣтила» при Великой Ложѣ Астреѣ, къ союзу которой принадлежала Томская ложа.

Ложа Восточнаго Свѣтила основана была 30-го августа 1818 г., какъ означено и на ея печати, изображающей горящій факелъ въ треугольникѣ, на который спадаютъ идущія отъ факела ленты, и подъ которымъ означено время основанія: 30 VI 5818.

Въ рукописномъ спискѣ членовъ этой ложи упомянуты слѣдующія лица, бывшія ея основателями: Н. П. Горловъ, І. Х. Трейблутъ, Ѳ. И. Гонигманъ, И. И. Нимейеръ, К. Х. Трейблутъ, И. Г. Ивановъ, Г. Ст. Батенковъ.

Работала она по древней англійской системѣ, на русскомъ языкѣ. Дни работъ, по спискамъ 1820 и 1821 г., были первый и третій четвергъ каждаго мѣсяца.

Въ спискѣ, составленномъ 19 мая 1821 г., въ этой ложѣ

сіи не были запрещены имъ. Всѣ участвовавшіе въ сихъ собраніяхъ съ искреннимъ желаніемъ точнаго исполненія возлагаемыхъ обществомъ симъ обязанностей, на правилахъ христіанской вѣры и вѣрномъ служеніи государю и отечеству основанныхъ, конечно не измѣнили и не измѣнятъ симъ священнымъ обязанностямъ, отъ соблюденія коихъ временное благосостояніе и вѣчное блаженство каждаго человѣка зависитъ.

Другихъ же тайныхъ обществъ я не зналъ и не знаю.

VII. Масонскія воспоминанія Батенкова.

Въ собраніи Московскаго Музея есть между прочимъ записка, писанная въ 1863 г. извѣстнымъ декабристомъ Г. С. Батенковымъ и заключающая въ себѣ его воспоминанія о старомъ масонствѣ. Эта записка была написана имъ по просьбѣ покойнаго московскаго профессора С. В. Ешевскаго и находится въ сборникѣ бумагъ, ему собственно принадлежавшихъ (Муз. № 118).

Ешевскій, — котораго мы имѣли случай знать лично въ 1862, за границей, — былъ вообще изъ тѣхъ истинныхъ ученыхъ, какихъ, къ сожалѣнію, немного представляетъ исторія нашей неопытной науки. Это былъ питомецъ школы Грановскаго и Кудрявцева, человѣкъ того же нравственнаго типа, у котораго наука не оставалась книжной штудіей, который понималъ ея истинную высоту, ея живой смыслъ и настоящія требованія. Исторія, составлявшая его спеціальное занятіе, казалась ему по преимуществу такимъ знаніемъ, которое близко касается нравственнаго сознанія; это былъ для него не только комментарій къ прошедшему, но и школа для укрѣпленія нравственныхъ понятій и правилъ. Естественно, поэтому, что его научные интересы были очень обширны; онъ отличался весьма разнообразными свѣдѣніями, но доходя до самыхъ частностей въ тѣхъ историческихъ предметахъ, которые были имъ изучаемы, онъ не былъ способенъ зарываться въ однихъ этихъ частностяхъ: понимая цѣльность науки, онъ старался освоиться съ самыми различными областями исторіи, которыя обыкновенно кажутся различными и отдѣльными спеціальностями. И надо сказать также, что онъ былъ достаточно свободенъ отъ тѣхъ условныхъ ограниченій, которымъ такъ легко подчиняются тѣ, для кого занятіе наукой бываетъ только чиновнической службой; его взгляды образовались свободно, и развивались до послѣдняго времени его жизни. Біографія Ешевскаго, напечатанная при его сочиненіяхъ, къ сожалѣнію, мало разсказываетъ о развитіи его мнѣній; но можно сказать, что русская исторія была понимаема имъ съ

такимъ же чувствомъ живого значенія науки: его интересовали самые далекіе одинъ отъ другого пункты этой исторіи, отъ пермскихъ древностей до новѣйшихъ явленій нашей общественной исторіи. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ приступилъ научнымъ образомъ и къ объясненію нашего масонства, и если еще не установилъ вполнѣ этого историческаго вопроса, то во всякомъ случаѣ далъ образчики критическаго взгляда и разработки фактовъ. Пріобрѣтеніе имъ масонскаго архива, сохранявшагося нѣкогда въ рукахъ С. С. Ланского, одного изъ послѣднихъ могиканъ Великой Провинціальной Ложи, можно сказать, спасло для науки одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное собраніе матеріала для исторіи масонства, — насколько, по крайней мѣрѣ, они до сихъ поръ стали извѣстны. Ешевскій началъ изучать пріобрѣтенныя имъ книги и рукописи, и повидимому возъимѣлъ мысль о цѣлой исторіи русскаго масонства.

Собирая уцѣлѣвшіе документы масонства, Ешевскій не ограничивался однимъ архивнымъ матеріаломъ: онъ искалъ также живыхъ воспоминаній и преданій. Случаи къ этому представлялись. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ былъ профессоромъ въ Казани; въ то время выѣзжали изъ Сибири возвращавшіеся послѣ амнистіи декабристы, и здѣсь Ешевскій, какъ видно, познакомился съ Батенковымъ. Эти возвращавшіеся были встрѣчены съ большимъ интересомъ въ то время, которое само было исполнено свѣтлыхъ надеждъ и съ участіемъ обращалось къ этимъ идеалистамъ стараго вѣка.

Личность Батенкова довольно извѣстна. По свидѣтельствамъ его товарищей и по другимъ свѣдѣніямъ [1]), это былъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ характеровъ между людьми тайнаго общества. Молодымъ человѣкомъ, онъ, какъ многіе изъ его товарищей, прошелъ прежде всего военную жизнь походовъ 1813 и 1814 годовъ, которая по всей вѣроятности и въ немъ оставила тѣ же впечатлѣнія и заронила тѣ же политическіе инстинкты. Воротившись домой, онъ продолжалъ службу инженеромъ, но своимъ способомъ дѣйствій на службѣ пріобрѣлъ извѣстную репутацію «безпокойнаго человѣка» и получилъ вслѣдствіе того служебное назначеніе въ Сибири; тамъ онъ былъ замѣченъ Сперанскимъ, съ нимъ вернулся въ Петербургъ и наконецъ служилъ при Аракчеевѣ. Его цѣнили какъ человѣка умнаго и дѣятельнаго.... Впослѣдствіи, его энергическая натура выдержала одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какія только выпадали на долю лю-

---

[1]) Записки и воспоминанія декабристовъ, и Богдановича, Исторія импер. Александра I, т. VI, стр. 434 и слѣд.

дямъ, замѣшаннымъ въ тайномъ обществѣ. Несмотря на долговременное одиночное заключенiе и потомъ ссылку, онъ возвратился, какъ вообще его товарищи, человѣкомъ, въ которомъ были еще живыя стремленiя и теплое сочувствiе къ новымъ поколѣнiямъ.

По обыкновенiю того времени, Батенковъ прошелъ и черезъ масонскую ложу. Намъ не встрѣтилось до сихъ поръ свѣдѣнiй о томъ, гдѣ онъ былъ принятъ въ первый разъ; можно предполагать, что это было еще до 1814 года. Впослѣдствiи, мы находимъ его членомъ петербургской ложи «Избраннаго Михаила», въ союзѣ Великой Ложи Астреи, и потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ, учрежденной въ 1818-мъ году и принадлежавшей къ союзу той же Астреи. Записка его о масонствѣ была писана имъ уже въ глубокой старости, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (онъ умеръ 29-го октября 1863). Это — вещь, писанная наскоро, не перечитанная, назначенная въ близкiя дружескiя руки; изложенiе ея неровно, языкъ неопредѣленный и туманный. Но при всѣхъ ея литературныхъ недостаткахъ, записка остается любопытнымъ историческимъ документомъ. Вслѣдствiе темноты изложенiя, — отчасти намѣренной, — мысль автора не всегда понятна; нерѣдко воспоминанiя измѣняли ему, но записка оставляетъ однако то общее впечатлѣнiе, что масонство, отчасти затемнившееся въ далекихъ воспоминанiяхъ, было нѣкогда для писавшаго воспитательной силой и что оно до послѣдняго времени сохранило для него свой таинственный авторитетъ. Намъ ясно теперь, что авторъ преувеличивалъ его значенiе и содержанiе, но несомнѣнно, что въ тѣ времена оно имѣло своихъ серьезныхъ адептовъ, вѣрившихъ въ его силу: съ нимъ они связывали понятiя, служившiя для нихъ нравственнымъ руководствомъ, и если на самомъ дѣлѣ оно и не давало имъ вполнѣ опредѣленныхъ принциповъ, оно возбуждало въ нихъ нравственную дѣятельность и исканiе идеала.

Въ началѣ записки Батенковъ ссылается на какого-то своего друга, опытнаго въ масонствѣ и отъ котораго онъ заимствовалъ передаваемыя свѣдѣнiя; но это вѣроятно ссылка фиктивная, которую употребилъ онъ для того, чтобы не являться самому разсказчикомъ того, что́, по его стариннымъ обязательствамъ, должно было быть имъ хранимо какъ тайна.

Въ слѣдующемъ ниже текстѣ, записка передается въ точности; только въ двухъ-трехъ мѣстахъ (указанныхъ точками) мы опустили по нѣскольку строкъ, вслѣдствiе большой неясности текста, которая безполезнымъ образомъ затруднила бы читателя.

Калуга, маія 20, 1863.

Исполняю по мѣрѣ моихъ силъ данное мною вамъ, дорогой Степанъ Васильевичъ, обѣщаніе, по предмету большаго дѣла, которымъ вы такъ усердно заняты.

Прилагаю брульонъ на цѣлыхъ почти четырехъ листахъ:

«Въ нихъ большіе чудеса,
«Очень мало складу.»

Можетъ быть и годно будетъ что-нибудь для васъ, по крайней мѣрѣ для склада мысли. Ежели нѣтъ,—бросьте: я не осержусь.

Простите только, ежели отнялъ нѣсколько времяни для прочтенія, которое при моей акалиграфіи можетъ быть совершено и не безъ труда. По крайней мѣрѣ примите какъ доказательство добрыхъ моихъ къ вамъ чувствъ и желанія крѣпко сохранить пріязнь, кстати и завязавшуюся на востокѣ [1]).

Ежели вздумаете спросить меня о чемъ, то я готовъ къ вашимъ услугамъ. Но вотъ какое обстоятельство: я на этой же недѣлѣ ѣду въ деревню къ Елагинымъ и пробуду тамъ до августа. Во все это время адресъ мой будетъ въ Бѣлевъ, Тульской губерніи.

Право нечего и говорить болѣе о себѣ. Живу пока живется—вотъ и все.

Преданный вамъ сердечно
Батеньковъ.

Калуга, маія 16, 1863.

I.

Давно существуетъ и распространено масонское братство, какъ съ отдѣльными, по конституціи своей, болѣе или менѣе тайными ложами, такъ и соединенными въ государствахъ подъ управленіемъ ихъ „великихъ востоковъ“. Однако о существенномъ ихъ отправленіи мало что извѣстно въ народной жизни, даже собственная ихъ литература, печатная, но не публичная, въ послѣднее время имѣетъ болѣе ученое, нежели изтолковательное свойство.

Много есть понятныхъ причинъ такому состоянію дѣла, между прочимъ и то, что для вникновенія въ него недостаточно простой пытливости, нескромности лицъ или наружнаго обозрѣнія. Надобно быть [2]), знаютъ въ точности одни и весьма немногочисленные адепты, всецѣло и всѣмъ своимъ существомъ преданные своему призванію.

Сознаютъ, однако, что общество это мирное, безвредно для общей

---

[1]) Игра словъ; «востокъ» — извѣстный масонскій терминъ. Знакомство началось вѣроятно въ Казани.

[2]) Эти два слова приписаны.

означены слѣдующія должностныя лица. Управляющій мастеръ — Ник. Петр. Горловъ, ст. сов., томскій вице-губернаторъ; намѣстный мастеръ — Іог. фонъ-Трейблутъ, генералъ-майоръ; 1-й надзиратель — Өед. Ив. Гонигманъ, томскій ветерин. врачъ; 2-й надзиратель — Ос. Ром. Балюра-Кондратьевъ, совѣтникъ томскаго гражд. и уголовнаго суда; секретарь — Ив. Ив. Коноваловъ, секретарь томской казенной экспедиціи; витія — Вас. Мих. Кобылинъ, ассесоръ губерн. правленія, и т. д. Остальные члены ложи также состояли изъ мѣстныхъ чиновниковъ; тутъ были земскіе врачи, военный штабъ-лекарь, главный смотритель при водвореніи поселенцевъ, смотритель градской больницы, земскій исправникъ, и т. д. Батенковъ, тогда капитанъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, бывшій прежде секретаремъ этой ложи, показанъ отсутствующимъ, именно въ Таганрогѣ.

Въ оффиціальныхъ бумагахъ ложи Восточнаго Свѣтила, адресованныхъ къ Кусову, идетъ рѣчь о томъ, что Кусовъ, который былъ представителемъ Восточнаго Свѣтила при Великой Ложѣ, отказывался отъ этого званія, и томская ложа старалась удержать его и на будущее время. Въ октябрѣ 1820, она просила его остаться и впредь въ этомъ званіи съ помощью предложеннаго имъ въ представители гр. Влад. Петр. Толстаго; на этотъ конецъ послано было вмѣстѣ и полномочіе этому послѣднему. Кусовъ согласился на желаніе Восточнаго Свѣтила остаться представителемъ, и томская ложа въ декабрѣ посылаетъ ему благодарственную грамоту; въ то же время послана грамота для В. П. Толстаго на званіе втораго представителя томской ложи.

Въ бумагѣ отъ 29 числа XI-го мѣсяца 1819, или отъ 29 января 1820, томская ложа, по требованію Великой Ложи, извѣщаетъ своего представителя, что «на предметъ воспитанія неимущихъ луфтоновъ [1])» въ собраніи томской ложи рѣшено взносить ежегодно въ Великую Ложу по 50 рублей, которые за первый годъ и отправлены. При этомъ ложа Восточнаго Свѣтила, по поводу циркуляра Астреи отъ 3 августа 1819 г., замѣчаетъ, что члены томской ложи вообще недостаточнаго состоянія, какъ и всѣ, вступающіе въ братство на здѣшнемъ востокѣ, которые вообще состоятъ изъ однихъ служащихъ чиновниковъ, имѣющихъ единственное содержаніе отъ небольшихъ годовыхъ своихъ окладовъ, и что по этой причинѣ здѣсь нельзя увеличить взносовъ за пріемъ, повышеніе и усыновленіе, а также іоаннов-

[1]) Луфтонами назывались дѣти масоновъ. Въ нѣкоторыхъ системахъ были особенные обряды, которыми орденъ усыновлялъ или бралъ подъ свое покровительство этихъ луфтоновъ.

скихъ червонцевъ и ежегодныхъ приношеній отъ каждаго члена: ложа опредѣлила, что для исполненія упомянутаго циркуляра должны быть ежегодно производимы единовременныя подписки, гдѣ каждый могъ бы участвовать по своимъ обстоятельствамъ.

Затѣмъ, въ бумагахъ находится нѣсколько писемъ къ Н. И. Кусову отъ Горлова и І. Трейблута, гдѣ опять идетъ рѣчь о тѣхъ же масонскихъ дѣлахъ, но частнымъ, дружескимъ образомъ. Мы соберемъ изъ нихъ нѣсколько подробностей.

Въ письмѣ отъ 4 ноября 1820, гдѣ говорится объ упомянутомъ выше представительствѣ Кусовымъ ложи Восточнаго Свѣтила, Трейблутъ пишетъ еще о закрытой въ то время ложѣ Изиды: «Участь Изиды жалка, хотя она ее и заслужила. Но уничтоженіе (ложи), казалось бы, можно было смягчить до исключенія изъ союза, а проскрипцію ббр.—до того же. Первое мнѣ кажется несправедливымъ; второе безполезнымъ и — даже невозможнымъ. Кто одинъ разъ сдѣланъ мас., того никакая сила не можетъ сдѣлать уже немас., то-есть изгладить изъ памяти его то, что *не*мас. знать не долженъ,—и способно только ожесточить, отнюдь не исправить проступившагося, что съ духомъ мас—ства совсѣмъ не сообразно. Но это одни лишь мысли, не долженствующія имѣть никакого дѣйствія!»

Въ письмѣ того же Трейблута, отъ 3-го марта 1821,—о посылкѣ денегъ Кусову на расходы для томской ложи, и просьба о присылкѣ списковъ ложъ. Далѣе:... «Никакихъ свѣдѣній мы давно уже не имѣемъ, что производитъ въ нѣкоторыхъ удивленіе и даже унылость. Историческія свѣдѣнія намъ тоже очень необходимы. Сдѣлайте одолженіе, поручите скопировать ихъ на счетъ нашъ, хотя самыя необходимѣйшія, и съ подписью вп. бр. вел. секр., или естьли нужно (что было бы и лучше) самого вел. м., доставьте поскорѣе.... Впрочемъ, какъ п. (ложа) ваша работаетъ на одномъ съ нами языкѣ и по той же сист., то думаю, вамъ не трудно получить ихъ».

Въ письмѣ отъ 17 марта 1821 г., Трейблутъ высказываетъ свою увѣренность, что по всеобщей любви и почтенію къ ихъ управляющему мастеру, послѣдній снова будетъ выбранъ управлять ложей, и проситъ Кусова предложить его, какъ выбраннаго четыре раза къ ряду, въ «почетные великіе чиновники». (Горловъ былъ уже почетнымъ членомъ ложъ Петра и Избраннаго Михаила).

Просьба повторяется въ письмѣ отъ 19 мая, такъ какъ Горловъ дѣйствительно оказался выбраннымъ въ мастеры въ четвертый разъ. Повторяется также просьба о сообщеніи свѣдѣній:

«вообще мы уже очень давно не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что всѣхъ ббр. не мало безпокоитъ».

Наконецъ, Горловъ былъ предложенъ (а потомъ и избранъ) въ почетные члены «Астреи». Трейблутъ пишетъ по этому поводу, отъ 1 іюля 1821: «Мы всѣ обрадованы тѣмъ очень. Это подаетъ и мнѣ надежду, по выслуженіи сего 4-го года въ моемъ званіи удостоиться сей отличной чести, которую, думаю, не совсѣмъ я не заслуживаю, будучи первою причиною основанія здѣсь (ложи), прослужа 3 года съ ряду 1-мъ надз., а на 4-й годъ будучи избранъ нам. маст. — Надѣясь на ваше братское расположеніе, я не буду болѣе упоминать о семъ».

Въ послѣднемъ письмѣ, отъ 12 августа 1821, упоминается о Батенковѣ: «Теперь находится у васъ въ Петербургѣ одинъ изъ достойныхъ членовъ (ложи) нашей, инженеровъ путей сообщенія маіоръ Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ. Онъ въ свитѣ сибирскаго генер.-губерн. М. М. Сперанскаго. Я адресовалъ его къ вамъ въ той надеждѣ, что вы скажете мнѣ спасибо за знакомство съ симъ достойнымъ бр. По письмамъ его вижу, что онъ не успѣлъ еще быть у васъ, будучи занятъ дѣлами».

VIII. Постановленіе, принятое масонами въ сентябрѣ 1827, по случаю запрещенія ложъ.

Съ закрытіемъ ложъ въ 1822-мъ году прекращаются свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ; до сихъ поръ не было извѣстно никакихъ данныхъ о томъ, какъ было принято нашими масонами закрытіе ложъ и насколько они цѣнили свои преданія и хранили ихъ послѣ того. Въ собраніи Московскаго Музея намъ встрѣтился нижеслѣдующій документъ (Муз. № 92), относящійся къ 1827 году и доставляющій нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Этотъ документъ остается пока единственнымъ, и мы не имѣемъ возможности прибавить къ нему никакихъ объясненій. Изъ самаго содержанія можно только видѣть, что постановленіе это сдѣлано было масонами, принадлежавшими къ союзу Великой Провинціальной Ложи.

Не думаемъ, чтобы мы нарушали чей-нибудь интересъ печатаніемъ этого документа, который конечно долженъ былъ въ свое время составлять самую интимную тайну. Съ тѣхъ поръ прошло уже много времени; по всей вѣроятности, уже нѣтъ въ живыхъ тѣхъ людей, которые участвовали въ его составленіи; притомъ самый документъ, поступивъ въ Московскій Музей, тѣмъ самымъ сталъ достояніемъ публичности и исторіи.

При разсматриваніи настоящаго положенія нашего относительно къ братству, естественно вознестись мыслію къ источнику, изъ коего оно въ Россіи начало свое получило. Открывается по дошедшимъ преданіямъ, что масонство въ отечествѣ нашемъ не имѣло ни надлежащаго устройства, ни какихъ-либо знаній, до самой той благополучной эпохи, когда немногіе, но внутреннимъ голодомъ возбужденные и ревностно ищущіе братья рѣшились просить покойнаго И. Е. Шварца, а онъ рѣшился принять предложеніе ихъ, отправиться за границу для исканія Свѣта. Видно, что исканіе сіе было съ обѣихъ сторонъ чистосердечно, безкорыстно и Богу угодно, ибо увѣнчалось успѣхомъ, который превзошелъ всякое ожиданіе. И. Е. Шварцъ возвратился въ Россію со свѣтильникомъ, озарилъ имъ жаждущихъ свѣта братьевъ, озарилъ столь живо, что отраженіе лучей разлилось даже на всю Россію и столь прочно, что еще и нынѣ, спустя 40 лѣтъ послѣ сего счастливаго событія, находятся еще такіе братья, кои желаютъ у свѣта сего согрѣваться, имъ питаться и возрастать.

Съ возвращеніемъ И. Е. Шварца устроился въ братствѣ порядокъ, учредилось начальство, принесено новое и въ Россіи до того времени неслыханное ученіе. Въ порядкѣ семъ образовались новыя ложи; прежде существовавшія пристали къ нему. Но не долго сіе продолжалось. Жизнь И. Е. Шварца была еще кратковременна. Однако, несмотря на сіи, при самомъ началѣ постигшія братство, несчастія, несмотря на преслѣдованія правительства, обращаемыя на наружныя собранія, несмотря на послѣдовавшее отъ сего разсѣяніе многихъ братьевъ, внутренняя сила осталась непобѣжденною и начальство постоянно сохранялось даже видимымъ образомъ, до тѣхъ поръ пока Богу угодно было вызвать изъ сего міра тѣхъ благодѣтельныхъ мужей, коимъ оно было ввѣрено.

Число братьевъ увеличилось въ теченіи сорокалѣтняго неусыпнаго упражненія сихъ начальниковъ; но съ умноженіемъ членовъ открылись въ братствѣ многія неустройства. Сколько начальники ни внушали своимъ братьямъ строгое и бдительное исполненіе всѣхъ предписанныхъ правилъ, а особливо скромности, но наставленія ихъ часто оставались безплодными. Нѣкоторые изъ прикосновенныхъ къ нимъ братьевъ, въ противность установленнаго порядка, стали принимать другихъ безъ надлежащей осторожности. Сіи новопринятые, нерѣдко побуждаемые къ вступленію въ братство частными видами, а болѣе всего любопытствомъ, скоро соскучили повтореніями нравственнаго ученія, практикованіе коего есть неизбѣжное приготовленіе къ достиженію высшихъ познаній вѣчныхъ божественныхъ истинъ. Они начали искать удовлетворенія своему любознанію неправильными путями, возъимѣли дерзкое намѣреніе уловить тайну, вмѣсто того, чтобы получить ее въ на-

граду за практическое исполненіе самою премудростію предначертанныхъ должностей. Отъ одного руководителя переходили къ другому, а часто и въ одно время ходили слушать многихъ, подобно какъ въ университетахъ слушаютъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Нѣкоторые, постранствовавши такимъ образомъ, оставили совсѣмъ братство; стали искать спасенія или въ наружныхъ обрядахъ, или въ наружной безобрядности, или у русскихъ раскольниковъ, либо у чужестранныхъ фанатиковъ и новыхъ проповѣдниковъ. Иные же, набравшись несвязными отрывками изъ разнохарактерныхъ разговоровъ, слѣпили себѣ ложныя системы, передавали другимъ, прикрывая ихъ наружностію братскаго ученія, т.-е. степенями и одобряемыми книгами; но всему оному дали свое толкованіе, и раздачу производили не во-время и безъ разбора. Въ послѣдствіи присоединилось къ сему еще и то зло, что когда по одолѣніи враговъ, вторгнувшихся въ предѣлы нашего отечества, наружное благочестіе сдѣлалось модою, а безмолвная терпимость правительствомъ ложъ масонскихъ и расположеніе покойнаго императора Александра къ нѣкоторымъ мистическимъ писателямъ дали поводъ думать, что онъ принадлежитъ къ братству, то всѣ съ жадностію обратились къ книгамъ таинственнаго содержанія. Всѣ таковыя, напечатанныя въ Россіи во время процвѣтанія братства и уцѣлѣвшія отъ костровъ во время гоненія на оное, для истребленія ихъ воздвигнутыхъ, покупаемы были на расхватъ. Иностранныя книги того же рода появились обильно въ книжныхъ лавкахъ; такъ что и едва вступившіе въ братство легко могли пріобрѣтать оныя и ими питать суетное свое любопытство. Многіе изъ таковыхъ юныхъ братьевъ, набравшись симъ способомъ буквальными знаніями, въ свою очередь сдѣлались учителями и проповѣдниками, не подозрѣвая и существованія орденскаго порядка и нимало не заботясь о томъ, есть ли установленное о-мъ [1]) начальство и не можно ли отъ него получить лучшее направленіе?

Сіе явно продолжалось до того времени, когда правительство положило оному предѣлъ запрещеніемъ всѣхъ тайныхъ обществъ, а нынѣ можетъ быть также продолжается, но только скрытнѣе. Между тѣмъ число истинныхъ братьевъ со дня на день уменьшалось. Смерть похищала одного за другимъ, такъ что теперь едва ли найдется современникъ братскаго въ отечествѣ нашемъ благоустройства.

Изъ вышесказаннаго можно извлечь заключеніе, что неустройство масонства въ Россіи прежде озаренія онаго свѣтомъ премудрости, происходило отъ недостатка въ руководствѣ и матеріалахъ къ просвѣще-

---

[1]) Кругъ съ точкой въ серединѣ. Такъ и дальше.

нію. И нынѣ происходитъ оно отъ недостатка въ руководствѣ, но и отъ преизбытка матеріаловъ.

Если же въ то время искреннее исканіе, толканіе и прошеніе братьевъ привлекли на нихъ, по щедрому милосердію Бога, руководство внутреннее и наружное, то нынѣ, имѣя вѣденіе о порядкѣ, имѣя истинныя степени (о коихъ тогда и на умъ не приходило), неужели мы останемся при сихъ однихъ только наружностяхъ, неужели не станемъ искать внутренняго просвѣщенія? А если станемъ искать въ страхѣ Божіемъ, изъ любви къ Богу и ближнему, то неужели благодать Господа и Спасителя нашего не услышитъ насъ? не пришлетъ намъ Святаго своего Духа утѣшителя? Да удалится такая мысль! Сему быть невозможно, если только мы сами не будемъ духа убивать буквою.

Скажемъ чистосердечно: мы теперь лишены видимыхъ начальниковъ, изустнаго отъ нихъ поученія. Но мы не лишены однако руководства: мы находимъ его въ истинныхъ степеняхъ, въ правильныхъ матеріалахъ на отечественномъ и на иностранныхъ языкахъ, завѣщанныхъ намъ отъ о-хъ отцевъ нашихъ. Сверхъ того, имѣемъ въ памяти чистое ученіе сихъ начальниковъ, многими изъ насъ изъ устъ самихъ ихъ слышанное, или отъ тѣхъ, кои имѣли счастіе пользоваться онымъ отъ сихъ благодѣтельныхъ мужей.

Итакъ будемъ въ совокупности употреблять сіи матеріалы. Будемъ общими силами продолжать сооруженіе стѣнъ того зданія, коего основаніе столь превосходно и твердо положено было предками нашими. Каждому изъ насъ предлежитъ обтесываніе собственнаго своего дикаго камня, а вмѣстѣ съ симъ всѣмъ намъ вообще, приготовленіе и другихъ камней къ строенію сему годныхъ.

Заключимъ союзъ любви, вѣрности къ о—у, чистосердечія и взаимнаго дружества въ истинномъ духѣ собратства. Оставимъ всякую ложь, всякое притворство, самомнѣніе, недовѣріе, всякую скрытность и всѣ своекорыстные виды. Будемъ всѣ вообще и каждый въ особенности жить собственно Богу, Ордену и ближнимъ.

Поставивъ предметомъ сего новаго между нами союза, взаимное себя подкрѣпленіе и утвержденіе въ орденскомъ порядкѣ, руководствуясь постояннымъ и вѣрнымъ исполненіемъ наставленій и ученія, изъ него проистекающихъ, не должно упускать изъ виду и того, чтобъ намъ не быть подобными невѣрному рабу, скрывшему талантъ; напротивъ того, стараться полученный нами, не по заслугамъ нашимъ, а по единому неисчетному милосердію Божію, свѣтъ передавать другимъ правильно и постепенно.

Всѣ вѣденія, какія мы по сему предмету получили, происходятъ изъ одного источника. Слѣдовательно, для успѣшной передачи оныхъ должно намъ дѣйствовать однообразно, чтобъ не было между нами

разногласія и чтобъ братья, нынѣ къ намъ прикосновенные и впредь присоединиться могущіе, не могли бы такого и подозрѣвать ни въ поступкахъ, ниже въ разговорахъ нашихъ.

Первымъ и неизмѣняемымъ правиломъ положимъ себѣ въ основаніе ни въ чемъ не отступать отъ находящихся въ рукахъ нашихъ истинныхъ актовъ. Не будемъ никакого предпринимать дѣйствія, къ братству относящагося, безъ взаимнаго согласія, а потому, при свиданіяхъ нашихъ, каждый братъ имѣетъ предлагать общему совѣщанію мысли свои для блага и преуспѣянія братства. Но такъ какъ мы живемъ не въ одномъ мѣстѣ и свиданія наши не всегда могутъ быть опредѣлительны, то и нужно согласиться на нѣкоторыя предварительныя положенія, относительно теоретической степени, шотландской и 3 іоанновскихъ степеней.

Итакъ, для собственнаго нашего руководства и для тѣхъ, кои послѣ насъ призваны будутъ къ симъ занятіямъ, сообразивъ все вышеписанное съ правилами о—скаго ученія, въ чистотѣ и святости коего мы увѣрены, начертали мы для вышесказанныхъ степеней слѣдующее постановленіе, отъ коего никто да не уклонится:

1. Работы производить по актамъ, исправленнымъ и свѣреннымъ съ подлинниками, утвержденнымъ приложеніемъ къ нимъ особой печати.

2. Вкралось въ обычай давать всякому брату акты его степени, отъ чего число списковъ весьма увеличилось и не мудрено, если они попадутъ въ руки непосвященныхъ. То, для прекращенія такого скромности противнаго дѣйствія, отъ нынѣ впредь акты списывать давать только тѣмъ братьямъ, коимъ будетъ ввѣрено руководство другихъ, съ условіемъ, чтобы они отнюдь никому не давали оныхъ списывать, а желающимъ заниматься ими чаще сами бы имъ читали, или при себѣ давали читать ихъ. Но и симъ братьямъ давать списывать акты неполные, а самое изъ нихъ нужное, какъ-то: по іоанновскимъ степенямъ — приготовленія къ 3 степенямъ, уставъ Св. К., общія учрежденія, законы. Шотландскимъ мастерамъ, какъ братьямъ, оказавшимъ уже болѣе опытовъ въ вѣрности и скромности, можно будетъ присовокупить катехизисы 3 степеней, объясненія ковровъ. Тѣмъ же изъ нихъ, кои будутъ руководствовать другими, и приготовленіе къ шотланской степени, которое даетъ объясненіе іоанновскихъ степеней и указаніе на чтеніе оныхъ приличное. Въ сей же степени давать можно брр. понятіе о другихъ системахъ и степеняхъ масонства, которыя въ архивѣ нашемъ находятся или находиться будутъ, сколько для огражденія ихъ отъ опасныхъ встрѣчъ, столько и для того, чтобъ показать имъ, сколько всѣ человѣческія выдумки, отъ истиннаго источника удалившіяся, ошибочны, и какъ въ различныхъ мнимо высокихъ степеняхъ масонство лишается своего первоначальнаго единообразія и чистоты.

3. При принятіи или присоединеніи въ четырехъ первыхъ степеняхъ клятвеннаго обѣщанія не брать, а вмѣсто онаго довольствоваться честнымъ словомъ принимаемаго или присоединяемаго, что будетъ умалчивать все то, чтò увидитъ и услышитъ. Въ теоретической степени, вводимый долженъ дать присягу. Присоединяемому же напомнить оную и взять съ него слово объ умолчаніи всего того, чтó услышитъ, и всѣхъ тѣхъ лицъ, коихъ увидитъ въ собраніяхъ.

4. Принятіе, присоединеніе и повышеніе по всѣмъ симъ степенямъ должны производиться не иначе какъ съ дозволенія состоящаго надъ теоретическою степенью начальства.

5. Главный предстоятель теоретической степени назначается высшимъ начальствомъ, которое имѣетъ полную власть въ случаѣ смерти предстоятеля замѣнить его, или даже смѣнить онаго, если почтетъ за благо для пользы общей. Въ случаѣ назначенія его къ другой обязанности, оно одно имѣетъ право опредѣлять лице главнаго предстоятеля. Тогда теоретическій братъ, управляющій 3-мя іоанновскими и шотландскою степенями, подчиняется уже новому главному предстоятелю Т. С.

6. Одному изъ теоретическихъ братьевъ поручается управленіе 3-мя іоанновскими и шотландскою степенями, которому руководствоваться предписанными правилами и законами. Въ случаѣ какого-либо затрудненія совѣтоваться ему съ Г. П., которому также сообщать онъ долженъ объ упражненіяхъ братьевъ своихъ по онымъ степенямъ, дабы сообразно ихъ успѣховъ можно было представлять ихъ къ повышенію. Чрезъ главнаго же предстоятеля испрашивать и получать въ 4-мъ пунктѣ упомянутое дозволеніе. Теоретическій братъ, управляющій 4 степенями, будетъ особенно заниматься съ руководствующими братьями и наставлять ихъ, какъ лучше имъ дѣйствовать съ прикосновенными имъ братьями.

7. Принадлежащими нынѣ къ союзу нашему братьями признаются всѣ тѣ, кои прикосновенны были къ Николаю Ивановичу [1]). Они должны оставаться при своихъ руководителяхъ. Тѣ же изъ нихъ, кои таковыхъ не имѣютъ, должны поручены быть вѣденію опытныхъ и знакомыхъ имъ братьевъ. Въ іоанновскихъ степеняхъ извѣстенъ имъ свой руководитель, въ шотландской степени узнаютъ шотландскаго предсѣдающаго мастера, а въ теоретической степени главнаго предстоятеля оной. Симъ порядкомъ наблюдется скромность; какъ степени, такъ и союзъ нашъ менѣе будутъ вынаружены.

8. Братьевъ другихъ связей, которые пожелаютъ съ кѣмъ-либо изъ нашихъ братьевъ сблизиться по предмету ученія нашего, таковыхъ

---

[1]) Новикову.

весьма испытывать въ чистосердечіи ихъ желанія, и по достаточномъ уже опытѣ испрашивать позволеніе, какъ въ 4-мъ пунктѣ сказано, о присоединеніи ихъ въ ту степень, о которой они доказать могутъ, что правильно ее получили въ ложѣ или отъ брата, имѣвшаго право имъ дать оную. Таковымъ братьямъ предоставляется преимущество присоединенія потому, что по однимъ актамъ съ нами были приняты. По присоединеніи они вступаютъ въ общій порядокъ, союзу нашему предначертанный.

9. Съ братьями другихъ системъ обходиться насчетъ масонскаго ученія какъ съ посторонними и въ случаѣ оказываемаго ими къ просвѣщенію вожделѣнія, то начинать съ ними съ приготовленія ученическаго.

10. Вообще должно приступать съ крайнею осторожностію къ умноженію числа братьевъ и увеличенію прикосновенныхъ къ намъ, какъ по причинѣ существующаго подозрѣнія со стороны правительства, такъ и потому, что, разводя приготовительную школу, намъ должно рачительно пещись о сохраненіи ея въ чистотѣ, чтобы она не походила на скопища наружнаго масонства, самому себѣ преданнаго, орденскаго руководства лишеннаго и цѣли о—на совершенно противнаго.

11. Есть у братьевъ привычка, которая не менѣе вредна, какъ и списываніе актовъ, о коемъ было упомянуто во 2-мъ пунктѣ. Привычка сія состоитъ въ томъ, чтобъ брать и давать списывать піесы и книги орденскія кому бы то изъ братьевъ ни случилось. Она вредна потому, что одному руководствующему или предсѣданіе въ степени имѣющему брату можетъ быть извѣстно расположеніе младшаго брата, какому расположенію сообразуясь должно давать піесы и книги. Ученіе орденское не можетъ иначе преподаваемо быть какъ въ порядкѣ, а сей раздѣляетъ братьевъ на два класса: на поучающихъ и на учащихся. Ссуда піесами и книгами питаетъ только любопытство суетное и хвастливость. Обѣ сіи слабости таковы, что могутъ заградить надолго и даже (чего Боже сохрани) навсегда путь къ достиженію искомаго свѣта. А потому и должно отъ сей привычки какъ себя, такъ и другихъ братьевъ остерегать, вмѣнивъ себѣ непремѣнною обязанностію оказывать любовь, снисхожденіе и нелицемѣрное смиреніе всѣмъ ближнимъ, а особливо братьямъ, какой бы связи, системы или званія ни были, но учить и учиться только тѣхъ и съ тѣми, кого и съ кѣмъ Божій промыслъ соединилъ насъ тѣснѣйшими узами братскаго дружества.

12. Наконецъ, еслибъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, послѣдовало снятіе наложеннаго на масонскія ложи запрещенія, то и тогда для братьевъ, къ союзу нашему принадлежащихъ, должны всѣ сіи правила служить основаніемъ къ открытію іоанновскихъ и шотландскихъ ложъ, по истиннымъ актамъ.

Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, не позволено было бы по актамъ симъ работать, или потребовано было бы подчиненіе какому-либо масонскому начальству, порядку нашему не принадлежащему, тогда въ дѣйствіяхъ таковыхъ никому изъ насъ участія не принимать, а оставаться всѣмъ намъ въ настоящемъ положеніи и въ тишинѣ спокойно продолжать занятія наши, имѣя всегда въ предметѣ сказанное у Матѳ. VI. 33. „Ищите во первыхъ царствія Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ".

10 сентября 1827-го года.

На этомъ останавливаются наши документальныя свѣдѣнія о русскомъ масонствѣ. Мы не знаемъ, какъ и съ какимъ характеромъ оно существовало потомъ въ русскомъ обществѣ, что дѣлалось и въ томъ кружкѣ, въ которомъ составилось приведенное сейчасъ постановленіе, — къ намъ доходили только неясныя указанія и предположенія о томъ, что масонство имѣло у насъ своихъ адептовъ до самаго послѣдняго времени. Не касаясь вовсе этого послѣдняго предмета, не подлежащаго нашему, чисто-историческому интересу, мы позволимъ себѣ упомянуть только, что въ нѣкоторое подтвержденіе этихъ указаній могла служить намъ одна, случайно намъ встрѣтившаяся новая коллекція рукописей мистическаго содержанія. Эта рукописная коллекція, заключающая до 12-ти томиковъ, состоитъ изъ сочиненій, которыя составляли въ прежнее время обычную принадлежность масонской библіотеки. Это — отдѣльныя сочиненія, отрывки, выписки, гдѣ мы находимъ нѣкоторыя сочиненія Якова Бёма, извлеченія изъ Пордеча, г-жи Гюйонъ, Пуаре, изъ жизнеописанія г-жи Буриньонъ, изъ Таулера, краткую церковную исторію и отрывки изъ большой ц. исторіи Готтфрида Арнольда (писателя, очень уважаемаго піэтистами), «Реченія философскія» Югеля, мистическій комментарій на Библію, наконецъ отрывки изъ нашихъ церковныхъ мистическихъ сочиненій. Между прочимъ, къ исторіи масонско-мистической литературы прибавляется здѣсь фактъ, что въ этихъ рукописяхъ находится новый переводъ одного сочиненія Як. Бёма, De Tribus Principiis, сдѣланный по французскому изданію 1802-го года[1]):

---

[1]) Это было изданіе Сенъ-Мартена: «De Trois Principes de l'Essence divine» и проч. 2 тома, Парижъ 1802.

этотъ переводъ, дѣланный въ 1853 — 56 годахъ, есть вѣроятно самый новый изъ многочисленныхъ переводовъ этого писателя, составлявшаго высшей авторитетъ масонскаго мистицизма. Наконецъ, въ одномъ томикѣ этой коллекціи, записной книгѣ, веденной въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, рядомъ съ многочисленными выписками указаннаго рода, разбросаны личныя замѣтки, гдѣ упоминаются піэтистическія бесѣды съ какимъ-то наставникомъ, упоминаются (въ 1843) «связи», продолжающіяся «около двадцати лѣтъ», называется Витбергъ, какъ извѣстный человѣкъ этого рода благочестія и т. п. Характеръ мнѣній, который можно наблюдать по этимъ выпискамъ и немногимъ личнымъ замѣткамъ, разсѣяннымъ въ рукописи, совершенно соотвѣтствуетъ тому суровому, аскетическому, даже мрачному піэтизму, какой мы имѣли случай видѣть въ «орденскомъ ученіи» Поздѣева и вообще послѣднихъ розенкрейцеровъ.

Едва-ли въ этихъ «связяхъ» и этомъ чтеніи не сказывались послѣдніе слѣды мистическаго масонства, процвѣтавшаго у насъ въ царствованіе Александра I.

А. Пыпинъ.

ПРУССКІЕ И РУССКІЕ ФИНАНСЫ.

Государственные доходы *).

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. С.-Петербургъ, 1871. 2 тома. Печатано по распоряженію коммиссіи, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ.

Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1872 годъ; и Приложеніе къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1872 годъ.

Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. С.-Петербургъ. 1868.

I.

Говоря о финансовыхъ силахъ Пруссіи, объ источникахъ ея государственныхъ доходовъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что теперешняго своего положенія она достигла весьма недавно. Но самая исторія прусскихъ финансовъ представляетъ много поучительнаго и для народовъ, и для правительствъ.

До XIX-го вѣка, во всѣхъ финансовыхъ распоряженіяхъ и законахъ Пруссіи имѣлась въ виду одна цѣль — доставить правительству возможно-большее количество денегъ на увеличеніе военныхъ силъ и на различныя прихоти правителей. Въ это время Пруссія успѣла пережить всѣ тягости неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ и всѣ невыгоды неразумной финансовой политики. Какъ при великомъ курфюрстѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, такъ и при королѣ Фридрихѣ II-мъ, тягость налоговъ становилась все болѣе и болѣе обременительною, вслѣдствіе неправильнаго ихъ распредѣленія. Недоимки на крестьянахъ накоплялись огромныя, на пополненіе ихъ описывался крестьян-

*) Срав. выше: мар. 324 стр.

скій скотъ и домашнее хозяйство, лишеніе которыхъ вынуждало крестьянъ оставлять свои земли и промышлять воровствомъ и разбоемъ. Для того, чтобы достать денегъ, дѣлались самыя нелѣпыя попытки къ новымъ налогамъ, въ родѣ пошлинъ съ каретъ и париковъ; но дворяне и духовенство ничего не платили изъ своихъ доходовъ въ государственную казну.

Популярнѣйшій изъ прусскихъ королей, Фридрихъ II-й, хотя и объявлялъ, что „налоги должны быть употребляемы только на истинныя нужды страны", и что „каждый долженъ участвовать въ налогахъ, по свойству своихъ доходовъ, какъ это дѣлаетъ и самъ король по своимъ доменамъ", но не хотѣлъ предоставить самой странѣ опредѣлить свои нужды и способъ ихъ удовлетворенія. Продолжая старую финансовую систему, онъ продавалъ билеты, дозволявшіе частнымъ лицамъ жарить кофе; выписалъ для взиманія акцизовъ французовъ, которые развили общее неудовольствіе, подкупы и контрабанду; наконецъ, учредилъ особые суды и наказанія по дѣламъ объ уплатѣ налоговъ. При этомъ прусскому народу оставалось, правда, одно утѣшеніе, котораго не имѣли въ то время подданные другихъ правителей, утѣшеніе въ томъ, что самъ король, также, какъ и его отецъ, отличались бережливостью и не позволяли себѣ ни роскоши, ни дорого стоившихъ удовольствій, которымъ такъ усердно предавались современные имъ европейскіе дворы. Въ то время, какъ въ 1752-мъ году, когда ежегодные доходы Пруссіи простирались до 12 мил. талеровъ, на содержаніе короля и всего королевскаго семейства, вмѣстѣ съ жалованьемъ и пенсіями придворному штату было положено 190,000 талеровъ; въ сосѣдней же Россіи изъ общаго количества 15,350,000 руб. доходовъ, поступившихъ въ 1762-мъ году, израсходовано на содержаніе двора 2,265,000 рублей [1]).

Правда и то, что несмотря на недостатки финансовой системы и финансоваго управленія, Фридрихъ-Вильгельмъ I-й и Фридрихъ II-й положили основаніе прусской финансовой администраціи, отъ которой требовали честности, порядка, трудолюбія и экономіи. „Оба короля", говоритъ г. Заблоцкій, „работавшіе безъ устали, бережливые до скупости, дававшіе себѣ во всемъ отчетъ, требовали того же и отъ своихъ чиновниковъ. Но оба короля считали необходимымъ держать весь народъ подъ опекою, давать на все предписанія, издавать тысячи регламентацій, имѣть повсюду надзоръ. При такомъ взглядѣ на государственную жизнь, администрація не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ механизмомъ, хотя правильнымъ и исполнительнымъ, но безъ всякой внутренней иниціативы. Когда со смертью Фридриха Великаго

---

[1]) Государственные доходы и расходы въ Россіи XVIII вѣка. А. Н. Куломзина. «Вѣстникъ Европы» 1869 г. Т. III.

не стало духа, оживлявшаго этотъ механизмъ извнѣ, онъ сталъ расшатываться".

Измѣненіе къ лучшему финансовой политики и финансоваго управленія Пруссіи началось съ тѣхъ поръ, когда прусскіе короли перестали себя считать министрами финансовъ, подобно Фридриху-Вильгельму I-му, и когда управленіе финансами перешло въ руки дѣйствительно образованныхъ людей, знакомыхъ съ экономической наукой и понимавшихъ ее. Люди эти стали подготовляться уже съ конца прошлаго столѣтія, когда въ Пруссію проникли идеи Адама Смита, формулировавшаго качества, которыхъ надобно желать въ системѣ налоговъ, въ слѣдующихъ четырехъ правилахъ, названныхъ Д. С. Миллемъ[1]) классическими, но къ сожалѣнію до сихъ поръ не усвоенными большинствомъ современныхъ правительствъ:

„1) Подданные государства должны давать на содержаніе правительства каждый по возможности, соразмѣрно своимъ средствамъ, т.-е. пропорціонально доходу, которымъ онъ пользуется подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи или пренебреженіи этого правила состоитъ то, что называется равенствомъ или неравенствомъ налоговъ.

„2) Налогъ, который обязано платить извѣстное лицо, долженъ быть извѣстенъ и не произволенъ.

„3) Каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ наиболѣе удобно платящему уплачивать его;

„и 4) Каждый налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы все то, что берется изъ кармана плательщиковъ, поступало почти вполнѣ въ казну; т.-е., другими словами, взиманіе налога не должно обходиться дорого, налогъ не долженъ отклонять часть общественнаго труда и капитала отъ болѣе производительнаго употребленія къ менѣе производительному, не долженъ разорять неплательщиковъ конфискаціями и штрафами и не подавать соблазна къ контрабандѣ".

Адамъ Смитъ и Мирабо учили государственныхъ людей, что ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечивать свободу, дѣятельность и полезность труда, развивать разумѣніе и распространять понятія о воспитаніи. Эти начала высказывалъ съ каѳедры кёнигсбергскій профессоръ Краусъ, лекціи котораго слушали не одни студенты, но и высоко поставленныя въ государственной администраціи лица, пріобрѣвшія со временемъ вліяніе на историческія судьбы Пруссіи.

Но прусскій дворъ не слушалъ, конечно, лекцій Крауса и вовсе не желалъ какихъ-либо преобразованій, о которыхъ говорили разные „мечтатели и вредные люди". Народъ оставался въ крѣпостномъ состо-

[1]) Основаніе политической экономіи Д. С. Милля, изд. А. Н. Пыпина. С.-Петербургъ. 1865 г. Т. II, стр. 326.

лніи и платилъ непомѣрные налоги, которые шли на содержаніе арміи, назначавшихся для возстановленія добраго стараго порядка во Франціи, откуда теперь стали распространяться разныя соблазнительныя для другихъ народовъ порядки и мѣры. Необходимы были сильныя потрясенія для того, чтобы разбудить прусскій дворъ и возвратить его изъ сладкихъ сновидѣній и мечтаній къ трезвой дѣйствительности. Къ счастію для Пруссіи потрясенія эти явились во время.

Пруссія, въ началѣ 1806-го года, заключавшая въ своихъ предѣлахъ 5,610 кв. географ. миль съ 10,023,900 жителей и 30-ю милліонами государственнаго дохода, собиравшагося преимущественно съ податного класса, послѣ іенскаго пораженія уменьшилась болѣе чѣмъ на половину; ей осталось только 2,855 географ. миль и 4,652,000 жителей, и въ этомъ составѣ она была занята французами, истощалась реквизиціями и военными налогами. Чувство самосохраненія, страхъ потерять и эту остальную половину государства, опасеніе, что французы дадутъ прусскому народу тѣ реформы, въ которыхъ до тѣхъ поръ отказывало ему его собственное правительство, заставили короля согласиться съ Штейномъ, давно настаивавшимъ на необходимыхъ преобразованіяхъ. При такихъ-то обстоятельствахъ и послѣдовало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, преобразованіе воинской повинности и изданіе городского устава, передавшее самимъ горожанамъ управленіе общинными дѣлами, съ которыми не могли справляться прежнія начальства, назначавшіяся отъ правительства и оставлявшія города при приближеніи непріятеля.

Господство Штейна и его идей продолжалось не долго; но въ теченіи двухъ лѣтъ онъ успѣлъ не только провести три самыя крупныя реформы, но и научить прусскую администрацію правильному пониманію ея обязанностей. „Чиновники должны перестать", говорилъ Штейнъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, „быть нѣмыми орудіями въ рукахъ государя, машинами, которыя исполняютъ приказанія безъ собственной воли; я желаю, чтобы съ этого времени чиновники отправляли дѣла съ независимостью, по собственному побужденію, но и съ полною отвѣтственностью" (Т. I, стр. 109). Съ отставкою Штейна (27 ноября 1808 г.) прекратились преобразованія и все пошло старымъ путемъ. За то прусскія государственныя бумаги падали въ цѣнѣ ниже и ниже; кредита не было никакого, въ казнѣ недоставало денегъ даже для уплаты контрибуціи. Люди стараго порядка, окружавшіе короля, ничего другого придумать не могли для того, чтобы достать денегъ, — какъ продать Силезію. Но этого не желалъ король, который, послѣ уроковъ Штейна, уже самъ сознавалъ и даже высказывалъ, что въ государственномъ управленіи недостаетъ единства и надлежащаго участія народнаго представительства. Не видя спасенія въ старомъ порядкѣ и въ старыхъ людяхъ, которые по прежнему

утверждали, что „откровенное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ лишило бы націю всякой бодрости, вызвало бы безполезную критику и нанесло бы чрезвычайный ущербъ уваженію подданныхъ къ правительству", королю оставалось только, какъ послѣднее средство, опять призвать на помощь новыхъ людей, прежде ему такъ ненавистныхъ. Король обратился къ Гарденбергу, который спасеніе государства видѣлъ не въ продажѣ Силезіи, а въ преобразованіяхъ, и прежде всего требовалъ полной гласности правительственныхъ дѣйствій, доказывая, что „облеченіе правительственныхъ мѣропріятій въ мистическій мракъ заставляетъ предполагать или ошибочность воззрѣній, или злую волю".

Назначенный первымъ министромъ съ званіемъ государственнаго канцлера 7-го іюня 1810-го года, Гарденбергъ въ четыре мѣсяца приготовилъ эдиктъ 27-го октября 1810-го года, который можетъ считаться эпохой въ исторіи прусскихъ финансовъ. Въ этомъ эдиктѣ король изложилъ положеніе счетовъ по уплатѣ контрибуціи, призналъ необходимость отмѣны: льготъ отъ поземельной подати, обязательности цеховыхъ стѣсненій, различныхъ налоговъ на промыслы, разныхъ помѣщичьихъ прерогативъ и разныхъ натуральныхъ повинностей, и наконецъ обѣщалъ даровать народу провинціальное и общее государственное представительство. Все то, что было обѣщано въ этомъ эдиктѣ, было исполнено въ послѣдующее время, хотя не такъ скоро, какъ того можно было желать. Послѣ пораженія Наполеона І-го, заключенія мира и возвращенія Пруссіи прежнихъ ея провинцій, преобразовательныя стремленія прусскаго правительства если не остановились вовсе, то значительно замедлились. Прошло еще почти сорокъ лѣтъ, нужны были еще новые уроки 1830-го и 1848-го годовъ для того, чтобы исполнилось данное въ 1810-мъ году обѣщаніе,—даровать прусскому народу общее государственное представительство. Но во всякомъ случаѣ, въ исторіи прусскихъ финансовъ 1810-й годъ навсегда остается годомъ, съ котораго начался крутой и, что всего важнѣе,—безвозвратный поворотъ въ прусской финансовой политикѣ, и съ котораго берутъ свое начало всѣ законы о налогахъ и податяхъ, донынѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствующіе въ Пруссіи и перешедшіе оттуда въ германскій союзъ.

II.

Разсматривая совокупность податей, роды налоговъ и взиманіе ихъ въ Пруссіи, г. Заблоцкій замѣчаетъ (Т. I стр. 540), что тамъ „податная тягость распространяется на всѣхъ гражданъ; изъятія, допускавшіяся въ прежнее время, на основаніи сословныхъ привилегій, съ урегулированіемъ поземельной подати вовсе устранены. Нынѣ исклю-

ченія допускаются закономъ только въ отношеніи одной классной подати; но эти изъятія не имѣютъ характера какой-нибудь привилегіи, они относятся къ тѣмъ случаямъ, когда нѣкоторые изъ гражданъ замѣняютъ платежъ податей пожертвованіями другого рода, напримѣръ, отправленіемъ военной службы, или когда возрастъ и имущественное положеніе податного лица въ данное время дѣлаетъ его неспособными удѣлять что-либо государству. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ Пруссіи соблюдается вполнѣ основное финансовое начало — *всеобщность податей*. Съ другой стороны, прусская податная система стремится къ достиженію *равномѣрности* обложенія: всѣ граждане привлекаются къ платежу податей на одинаковыхъ правилахъ, въ одинаковой пропорціи, по извѣстному масштабу, связанному съ ихъ предполагаемыми податными способностями".

Въ общей суммѣ налоговъ въ Пруссіи прямые налоги составляютъ 36% и косвенные 64%; но это отношеніе вовсе не показываетъ предпочтенія косвеннымъ сборамъ. Напротивъ того: мнѣніе прусскихъ финансистовъ и правительства скорѣе склоняется въ пользу прямыхъ налоговъ. А такого рода стремленіе имѣетъ весьма существенное значеніе для плательщиковъ: непопулярность прямыхъ налоговъ и легкость, съ которою общество соглашается на то, чтобы обирали его въ цѣнѣ товаровъ, путемъ косвенныхъ налоговъ, несомнѣнно доказываетъ, насколько прямые налоги лучше косвенныхъ. „При прямомъ налогѣ", замѣчаетъ Д. С. Милль [1]), „каждый знаетъ, сколько платитъ на самомъ дѣлѣ; и если онъ подаетъ голосъ въ пользу войны или другой убыточной національной роскоши, онъ рѣшается на дѣло съ яснымъ понятіемъ о томъ, сколько оно стóитъ ему. Если бы всѣ налоги были прямые, масса ихъ замѣчалась бы гораздо лучше нынѣшняго, и для экономіи въ общественныхъ расходахъ было бы обезпеченіе, котораго теперь нѣтъ".

Прусская податная система, стремясь съ самаго начала своего установленія, въ 1820-мъ году, не къ увеличенію числа налоговъ, а, напротивъ того, къ уменьшенію ихъ, достигла такого положенія, при которомъ въ Пруссіи нѣтъ ни одного налога, который своею массою составлялъ бы такъ сказать центръ тяжести всей податной системы и тѣмъ самымъ представлялъ бы существенныя затрудненія къ измѣненію его въ смыслѣ увеличенія или уменьшенія, если бы то требовалось для цѣлей народнаго хозяйства.

Наконецъ, отличительную черту прусскаго бюджета отъ бюджетовъ всѣхъ большихъ европейскихъ государствъ составляетъ значительность денежныхъ средствъ, которыя прусское правительство собираетъ путемъ экономическихъ доходовъ, т.-е. получаетъ ихъ отъ разнаго

---

[1]) Основанія политической экономіи. Т. II стр. 393.

рода государственныхъ имуществъ, или отъ хозяйственныхъ учрежденій, существующихъ съ финансовою цѣлью.

Эта послѣдняя отличительная черта представляетъ несомнѣнное достоинство прусской финансовой политики, съумѣвшей установить такой порядокъ, при которомъ изъ всей суммы прусскихъ государственныхъ доходовъ,—налоги или обязательные для гражданъ платежи составляютъ только 51,2% всѣхъ государственныхъ доходовъ Пруссіи.

Отношеніе разныхъ отраслей государственныхъ доходовъ всего нагляднѣе представляютъ слѣдующія цифры, взятыя изъ бюджета за 1870-й годъ:

Экономическіе доходы:	
отъ государственныхъ имуществъ. .	81,565,690
„ кредитныхъ учрежденій. . . .	2,100,000
„ почтъ и телеграфовъ.	20,084,411
„ другихъ учрежденій	1,777,691
	105,527,792
Налоги:	
прямые	42,889,000
косвенные	75,501,477
	118,390,477 тал.

При такомъ значеніи экономическихъ доходовъ Пруссіи, нельзя прежде всего не обратить вниманія на этотъ источникъ государственныхъ доходовъ.

Къ доходнымъ *государственнымъ имуществамъ* Пруссіи относятся: домены, лѣса, горные и соляные промыслы и желѣзныя дороги.

Подъ именемъ *доменъ*, составившихся частью изъ бывшихъ имѣній владѣтельныхъ особъ, духовенства, рыцарскихъ леновъ, въ прусскомъ государственномъ правѣ разумѣются доходныя казенныя поземельныя имѣнія, оброчныя статьи (мельницы, рыбныя ловли, минеральныя воды, добываніе янтаря) и нѣкоторые сервитуты.

Уже съ начала прошедшаго столѣтія прусская государственная власть понимала настоящее значеніе доменъ, какъ имуществъ, принадлежащихъ всему прусскому народу. Закономъ 13-го августа 1713-го года Фридрихъ I-й объявилъ домены навсегда неотчуждаемыми, и хотя впослѣдствіи былъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи самаго принципа неотчуждаемости, но въ проектѣ закона по этому предмету Штейнъ нашелъ нужнымъ право отчужденія доменъ ограничить цѣлію уплаты государственныхъ долговъ, а дареніе доменъ разъ навсегда запретить. Въ такомъ смыслѣ и состоялся законъ 17-го декабря 1808-го года, въ которомъ сказано, что домены въ томъ только случаѣ могутъ законно переходить въ частное владѣніе, когда прави-

тельство получитъ за то надлежащее возмездіе въ другомъ видѣ; дареніе же доменъ не допускается; напротивъ того, ежели бы таковое и совершилось, то можетъ быть во всякое время отмѣнено какъ самимъ подарившимъ (королемъ), такъ и его преемникомъ. Сверхъ того отчужденіе доменъ дозволялось лишь въ случаѣ, если окажется дѣйствительная въ томъ нужда для государства и если вырученныя деньги будутъ обращены на уплату государственнаго долга, сдѣланнаго для государственныхъ нуждъ. Силу этого закона не измѣнила нисколько даже и секретная резолюція вѣнской конференціи 1834-го года, по которой нѣмецкіе государи намѣревались поставить себя, сохраненіемъ доменъ, въ положеніе независимое отъ народнаго представительства. Напротивъ того: правила, изданныя вслѣдъ за обнародованіемъ закона 1808-го года объ управленіи и отчужденіи доменъ, дѣйствуютъ и до сихъ поръ.

По этимъ правиламъ домены или продаются, или предоставляются въ наслѣдственное пользованіе, или отдаются во временную (отъ 18 до 24 лѣтъ) аренду, или же, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, управляются чиновниками.

Для различныхъ провинцій существуютъ разныя условія отдачи имѣній въ аренду, опредѣляющія порядокъ пріема имѣнія отъ прежняго арендатора, способъ веденія хозяйства и отношенія къ правительству; вообще же арендатору вмѣняется въ обязанность улучшать имѣніе и не измѣнять заведеннаго уже плана хозяйства.

Домены завѣдываются въ провинціяхъ губернскими правленіями, которыя къ торгамъ на содержаніе казенныхъ имѣній должны допускать только лицъ, имѣющихъ извѣстный достатокъ, знающихъ дѣло и пользующихся репутаціею честнаго человѣка.

Управленіе доменами въ Пруссіи вообще можетъ считаться болѣе благоустроеннымъ, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ государствѣ. Оно, правда, поглощаетъ свыше 21% валового дохода, но за то доходъ этотъ весьма значителенъ и составляетъ около 10 милліон. талеровъ въ годъ.

Лѣса, принадлежащіе казнѣ на пространствѣ около 10 мил. моргеновъ (около $2^1/_2$ мил. десят.), даютъ около 14 мил. талеровъ годового дохода; доходъ отъ лѣсовъ для внесенія въ бюджетъ исчисляется на основаніи ежегоднаго прироста древесной массы, опредѣляемаго по таксаціи; изъ дохода около 50% поглощаютъ расходы по управленію. Но за то лѣсоводство находится въ Пруссіи въ превосходномъ состояніи какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, и благодаря этому страна навсегда обезпечена лѣснымъ матеріаломъ и предохранена отъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій безразсудной вырубки лѣсовъ. Признавая, совершенно справедливо, что лѣса составляютъ государственную потребность, прусское правительство допускаетъ не-

обходимое въ этомъ случаѣ вмѣшательство въ частное лѣсовладѣніе и предписываетъ особыя правила, имѣющія цѣлью предохраненіе лѣсовъ отъ безполезной порчи и истребленія.

Въ отдѣлѣ доходовъ по министерству торговли, промысловъ и публичныхъ работъ показываются *доходы отъ горныхъ, горно-заводскихъ и соляныхъ промысловъ*, и къ нимъ же причисляется горная подать съ частныхъ промысловъ. Хотя общая сумма валового дохода отъ горныхъ промысловъ составляетъ болѣе 24 мил. талеровъ, но остающійся за вычетомъ расходовъ чистый доходъ весьма незначителенъ (около $3^1/_2$ мил. тал.);—въ этомъ случаѣ Пруссія, отличающаяся, какъ извѣстно, безукоризненно честнымъ административнымъ персоналомъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, — насколько горное хозяйство въ рукахъ правительства оказывается невыгоднымъ. При такомъ хозяйствѣ расходы поглощаютъ около 90%, а иногда болѣе изъ суммы валового дохода.

„Такимъ образомъ", замѣчаетъ г. Заблоцкій (Т. I, стр. 146), „и въ Пруссіи казенные горные заводы не представляются дѣломъ выгоднымъ въ промышленномъ отношеніи, а особенно, если принять въ разсчетъ капиталы, затраченные въ постройки, на машины и проч.; къ тому же, обсуждая вопросъ съ финансовой точки зрѣнія, должно имѣть въ виду и то, что доходы всякаго промышленнаго предпріятія весьма измѣнчивы, и въ случаѣ уменьшенія ихъ (а въ горномъ дѣлѣ и совершеннаго уничтоженія отъ истощенія рудниковъ), они должны быть покрываемы другими источниками доходовъ, именно — налогами. До нѣкоторой степени можно оправдывать существованіе тѣхъ казенныхъ заводовъ, которыми обезпечивается снабженіе арміи военными снарядами; хотя и здѣсь опытъ показалъ, что даже во время войны за деньги можно достать все".

Самый значительный источникъ экономическихъ государственныхъ доходовъ Пруссіи представляютъ *желѣзныя дороги*.

Протяженіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ болѣе 10,000 верстъ, изъ которыхъ около трети составляютъ государственное имущество. Такого развитія своей желѣзно-дорожной сѣти Пруссія достигла, не испытавъ ни тѣхъ тяжелыхъ личныхъ жертвъ, которыя достались на долю Англіи, строго державшейся, до послѣдняго времени, системы невмѣшательства правительства въ желѣзно-дорожное дѣло, ни той горячки безнравственныхъ спекуляцій, эксплуатаціи публики банкирами и биржевыми игроками, и слѣдовавшихъ за тѣмъ кризисовъ, къ которымъ привело Францію вмѣшательство въ желѣзнодорожное дѣло правительства Людовика-Наполеона, ставившаго себѣ цѣлью достичь блестящихъ, хотя бы и эфемерныхъ результатовъ, не разбирая средствъ, — ни той, наконецъ, несостоятельности, которую

обнаружило австрійское правительство въ постройкѣ на счетъ казны желѣзныхъ дорогъ и въ уплатѣ принятыхъ имъ на себя гарантій.

Самая постройка желѣзныхъ дорогъ производилась различно: однѣ строились и строятся частными обществами безъ правительственной гарантіи, другія съ правительственной, но весьма умѣренной гарантіей, не превышающей отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$% на основной капиталъ, и наконецъ правительство само строило и эксплуатируетъ свои дороги. Но какимъ бы способомъ ни сооружалась дорога, со времени перваго общаго закона о желѣзныхъ дорогахъ въ 1838-мъ году, никогда еще въ Пруссіи не нарушалось существенное начало, проведенное въ этомъ законѣ и состоящее въ томъ, что желѣзныя дороги имѣютъ значеніе общенародное и потому должны принадлежать государству, и никогда еще въ Пруссіи не было примѣра ни продажи казенныхъ дорогъ, ни отдачи ихъ въ аренду.

Это же существенное начало лежитъ и въ основѣ всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ въ Пруссіи законоположеній о желѣзныхъ дорогахъ. Законъ требуетъ отъ обществъ, которымъ принадлежатъ дороги,—въ вознагражденіе потери почтоваго дохода,—подати на составленіе фонда, предназначавшагося для выкупа дорогъ, къ которому правительство имѣетъ право приступить не ранѣе 30-ти лѣтъ со времени открытія дороги. Оставляя за обществомъ право перевозить пассажировъ и грузы въ теченіе только первыхъ трехъ лѣтъ по цѣнамъ, имъ установленнымъ, правительство само затѣмъ утверждаетъ уже тарифъ и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы компанія не получала дохода свыше 10% съ основнаго капитала. Точно также правительство утверждаетъ росписаніе поѣздовъ, утверждаетъ управляющаго дорогою и главнаго техника, и даетъ имъ инструкціи. Общества же съ своей стороны обязаны перевозить даромъ всю почтовую корреспонденцію, установлять, кромѣ обыкновенныхъ, экстренные поѣзды для военныхъ надобностей за особую, по соглашенію, плату, вознаграждать за всѣ ущербы, происшедшіе по дорогѣ при перевозкѣ пассажировъ и товаровъ, учреждать для всѣхъ своихъ служащихъ вспомогательныя и пенсіонныя кассы, опредѣлять въ дорожные сторожа и прочіе нижніе служители преимущественно отставныхъ нижнихъ военныхъ чиновъ, не старѣе 35-ти лѣтъ; при этомъ общество лишено права на вознагражденіе въ случаѣ разрушенія, или повреждевія дороги во время войны непріятелемъ, или отечественными войсками.

Обставивши такими условіями постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, прусское правительство не считало нужнымъ установлять какія-либо особыя правила для выдачи концессій, предполагая, не безъ основанія, что министръ торговли долженъ быть способенъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, понять и провести то, что наиболѣе выгодно для всей страны. Испрашиваніе концессій никогда не имѣло въ Пруссіи

спекулятивнаго характера и правительство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы выдавать ихъ тѣмъ именно лицамъ, которыя приводили бы сооруженіе желѣзной дороги въ исполненіе.

Казалось бы, съ нашей, русской точки зрѣнія, что при такихъ ограниченіяхъ со всѣхъ сторонъ дѣло желѣзныхъ дорогъ должно подвигаться туго. Ничуть не бывало: напротивъ того, желѣзно-дорожная сѣть въ Пруссіи все расширялась съ каждымъ днемъ, привлекая къ себѣ частную предпріимчивость, которая выстроила всего 29 желѣзныхъ дорогъ на капиталъ въ 475 мил. талеровъ. Изъ этого количества частныхъ дорогъ половина гарантирована правительствомъ, которое и приплачиваетъ въ годъ до 1,200,000 талеровъ, получая при этомъ дохода отъ налога на желѣзныя дороги болѣе 1,600,000 талеровъ въ годъ.

Что же касается казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, то, по послѣднимъ смѣтамъ, онѣ представляютъ ежегодный доходъ на сумму болѣе 35-ти мил., изъ которыхъ за покрытіемъ расходовъ очищается болѣе 6% на затраченный капиталъ, т.-е. гораздо больше того, что приходится платить казнѣ по займамъ, сдѣланнымъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и которые заключены были по 4 и $4^1/_2$%.

Доходы отъ *кредитныхъ учрежденій*, дающіе прусской казнѣ съ небольшимъ 2 милліона талеровъ, получаются отъ такъ-называемаго института морской торговли и отъ прусскаго банка.

Институтъ морской торговли есть учрежденіе довольно своеобразное и вовсе не соотвѣтствующее своему названію. Основателемъ его былъ Фридрихъ II, который патентомъ 14-го октября 1772-го года объявилъ объ учрежденіи акціонерной компаніи морской торговли для отправки товаровъ подъ прусскимъ флагомъ къ гаванямъ Испаніи и другихъ государствъ; обществу этому была предоставлена монополія по торговлѣ солью и воскомъ, даны разныя привилегіи по торговлѣ лѣсомъ и отведены въ приморскихъ городахъ обширныя мѣста для корабельныхъ верфей, магазиновъ и складовъ.

Какъ учрежденіе промышленное,—компанія эта цѣли никакой не достигла и дѣлу морской торговли не помогла, какъ не помогаютъ торговлѣ никакія искусственныя запрещенія и поощренія; но за то она принимала участіе въ доставленіи правительству денежныхъ суммъ на чрезвычайныя издержки и получила въ свои руки всѣ кредитныя операціи правительства, которое и пользовалось стекавшимися въ компанію вкладами частныхъ лицъ. Послѣдствія такого легкаго для правительства средства добывать деньги не замедлили обнаружиться въ тяжелыя для прусской монархіи годы: къ концу 1804-го года правительство задолжало компаніи около 25-ти мил. талеровъ, т.-е. гораздо больше суммы, на какую простирались частные вклады; въ 1806-мъ году компанія прекратила свои платежи, а облигаціи ея, которыхъ

было въ обращеніи на 17.800,000 тал. упали въ іюнѣ 1808-го года до 25%. При регулированіи государственныхъ долговъ въ 1810-мъ году, долги компаніи морской торговли были признаны государственнымъ долгомъ и замѣнены государственными облигаціями; вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ не оставалось уже болѣе ни акцій, ни акціонеровъ, то и компанія, получившая названіе „генеральной дирекціи товарищества морской торговли" стала правительственнымъ денежнымъ и торговымъ учрежденіемъ; все ея имущество сдѣлалось принадлежностью государства, которое приняло на себя отвѣтственность за ея долги; ей предоставлены были слѣдующія операціи: закупка иностранной соли и доставка ея въ правительственные магазины, закупка за границею предметовъ, необходимыхъ для правительства, и всѣ денежныя заграничныя его операціи. Кромѣ того, компанія морской торговли принимала на себя не разъ кредитныя операціи правительства, которое прикрывало фирмою компаніи свои займы, чтобы не нарушать буквально ни конституціи, ни закона. Правда, что такія неблаговидныя финансовыя продѣлки бывали весьма рѣдки даже и до 1848-го года, а съ тѣхъ поръ не случались ни разу, но тѣмъ не менѣе палата уполномоченныхъ, которой принадлежитъ право провѣрки дѣлъ и отчетовъ института морской торговли, признаетъ самое учрежденіе морской компаніи дѣломъ безполезнымъ и даже вреднымъ, въ чемъ не можетъ не убѣждаться и прусское правительство, получающее съ этого учрежденія всего 5,08% въ годъ дохода, составляющихъ до 700 тысячъ талеровъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что компаніи морской торговли остается просуществовать не долго.

Почти къ одному времени съ основаніемъ компаніи морской торговли относится и основаніе *прусскаго банка*, когда еще всѣ далеки были отъ мысли предоставить учрежденіе банковъ частной предпріимчивости, да и самыя идеи о кредитныхъ учрежденіяхъ были неясны. Такъ, Фридрихъ II учредилъ въ Берлинѣ первый банкъ переводный и учетный, надѣясь предоставить своимъ подданнымъ „тотъ непомѣрный барышъ", который, по его мнѣнію, извлекали изъ его государства иностранные города. Но дѣло это не пошло за отсутствіемъ желающихъ участвовать въ такомъ учрежденіи. Тогда Фридрихъ II рѣшился осуществить свою мысль въ другомъ видѣ, и въ 1765 году основалъ въ Берлинѣ королевскій переводный и ссудный банкъ, который съ 1767 года получилъ право выпускать банковые билеты. Послѣ различныхъ катастрофъ, въ томъ числѣ и полнаго банкротства банка во время войны съ Франціей, учрежденіе это съ измѣненнымъ, впрочемъ, уставомъ продолжаетъ существовать до сихъ поръ подъ именемъ прусскаго банка. Прусскій банкъ принимаетъ вклады отъ частныхъ лицъ и правительственныхъ и частныхъ учрежденій съ платою 2, $2^1/_2$ и 3%, занимается учетомъ векселей, ссудами за проценты подъ

векселя, процентныя бумаги и товары, принимаетъ на храненіе цѣнности и производитъ другія обыкновенныя банковыя операціи. При этомъ ему предоставлено право выпуска банковыхъ билетовъ въ 10, 25, 50, 100 и 500 талеровъ съ непремѣннымъ обезпеченіемъ ихъ наличными деньгами, или серебряными слитками и дисконтированными векселями. Складочный капиталъ банка, опредѣленный въ 20 милліоновъ талеровъ, раздѣленъ на именные паи въ 1,000 талеровъ каждый, и кромѣ того къ складочному капиталу причисленъ долгъ правительству въ 1,897,800 талеровъ, на который и выплачивается ежегодно $3^1/_2$%. Какъ учрежденіе, на половину правительственное и на половину частное, прусскій банкъ управляется начальникомъ банка и главнымъ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, назначаемыхъ королемъ и представляющихъ ежемѣсячные отчеты о дѣйствіяхъ банка и его конторъ пайщикамъ, избирающимъ для постояннаго контроля центральную коммиссію изъ депутатовъ. Независимо отъ того банкъ даетъ ежегодный отчетъ общему собранію пайщиковъ, а для высшаго надъ его дѣйствіями надзора со стороны правительства существуетъ еще особое, такъ-называемое попечительство банка, состоящее изъ президента государственнаго совѣта, министровъ юстиціи и финансовъ, президента торговой управы и одного члена по непосредственному назначенію короля.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что если прусскій банкъ находится подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ со стороны правительства и общества, то и частные банки и земскія кредитныя учрежденія, число которыхъ съ 1848 года постоянно увеличивается, не освобождены вовсе отъ правительственнаго контроля. Такъ нормальными правилами о банкахъ, хотя имъ и разрѣшенъ былъ выпускъ билетовъ, но на весьма ограниченную сумму и притомъ подъ условіемъ, что $^1/_3$ должна быть обезпечена наличными деньгами, $^1/_3$—учтенными векселями, и $^1/_3$ процентными бумагами, и, кромѣ того, высшій надзоръ надъ управленіемъ каждаго банка, ввѣряемомъ обыкновенно акціонерами правленію при содѣйствіи наблюдательнаго комитета,—порученъ особому правительственному коммиссару. Точно также во главѣ земскихъ кредитныхъ обществъ, выпускающихъ закладные листы, обезпеченные заложенными имѣніями, — поставлены королевскіе коммиссары, наблюдающіе за исполненіемъ уставовъ.

Для того, чтобы судить полезенъ и нуженъ ли такой контроль,— стоитъ только припомнить, что никогда въ Пруссіи не бывало такихъ скандаловъ съ кредитными учрежденіями, какіе недавно видѣли во Франціи, и которые не рѣдко грозятъ разразиться и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ никто не контролируетъ дѣйствій ни правительственныхъ, ни частныхъ учрежденій.

Доходы отъ *почтъ и телеграфовъ*, на основаніи конституціи сѣверо-

германскаго союза, поступаютъ въ кассу союза; при этомъ доходъ отъ почтъ распредѣляется по государствамъ, входящимъ въ составъ союза, а доходъ отъ телеграфовъ составляетъ собственность всего союза и употребляется на развитіе телеграфныхъ линій.

Въ фискальномъ отношеніи, почты не имѣютъ почти никакого значенія для союза; главная цѣль, на которую устремлено это учрежденіе—есть всевозможное облегченіе письменныхъ, денежныхъ и промышленныхъ сношеній жителей. Это видно изъ того, что по смѣтѣ на 1870-й годъ по союзному бюджету исчислено дохода отъ почтъ 21,861,270 талеровъ, а на расходъ обыкновенный назначено 21,596,899 талеровъ и на расходъ чрезвычайный назначено 27,000 талеровъ; затѣмъ чистый доходъ долженъ составить только 237,371 тал., изъ которыхъ на долю Пруссіи приходится около 75%, 177,772 талера.

Къ экономическимъ доходамъ, получаемымъ отъ разныхъ казенныхъ учрежденій, имѣющихъ свои спеціальныя не-финансовыя цѣли, относятся слѣдующіе доходы: отъ монетной регаліи 321,097 талеровъ, отъ государственной типографіи 293,000 талеровъ, отъ фарфороваго завода въ Берлинѣ 150,000 талеровъ, отъ государственнаго коннозаводства, состоящаго въ завѣдываніи министерства сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, 326,075 талеровъ, и отъ мѣстъ заключенія и исправительныхъ заведеній выручки за произведенныя работы — 687,519 талеровъ.

Незначительность дохода отъ монетной регаліи прямо указываетъ, что прусское правительство вовсе не смотритъ на этотъ предметъ, какъ на доходную статью, имѣя главною своею задачею выдѣлку монеты, цѣнность которой равнялась бы ея дѣйствительной стоимости. Поэтому и чеканка монеты въ Пруссіи не только не приноситъ прибыли, но составляетъ для правительства иногда даже нѣкоторый убытокъ, при вздорожаніи серебра; такъ, въ 1864 году за фунтъ чистаго серебра платили 30 тал. $^1/_2$ згр., тогда какъ изъ фунта чеканятся ровно 30 талеровъ.

III.

Сдѣлавъ краткій обзоръ прусскихъ государственныхъ доходовъ, добываемыхъ путемъ экономическимъ, мы прежде, нежели переходить къ налогамъ,—бросимъ общій взглядъ на нашъ бюджетъ.

Бюджетъ этотъ, какъ всякому извѣстно, не носитъ на себѣ ни одной черты, характеризующей прусскій бюджетъ: въ немъ нѣтъ равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, ибо даже закономъ установлены податныя и не-податныя сословія, изъ которыхъ одни платятъ прямые налоги, а другія вовсе не платятъ; въ немъ налоги косвенные преобладаютъ надъ налогами прямыми; первые составляютъ 59,2%, а вторые 40,8% общей суммы а изъ косвенныхъ налоговъ весь

центръ тяжести податной системы составляетъ доходъ питейный (37% всего бюджета), съ увеличеніемъ котораго уменьшается народное благосостояніе, возрастаютъ преступленія и гибнетъ населеніе отъ пьянства. Наконецъ, что касается доходовъ экономическихъ, то наша казна хотя и содержитъ цѣлое особое министерство государственныхъ имуществъ, которому, впрочемъ, подвѣдомы только такъ-называемыя домены и лѣса, и отъ котораго даже отдѣлено государственное конно-заводство, состоящее въ завѣдываніи особаго министерства, но количество дохода, извлекаемаго изъ разныхъ государственныхъ имуществъ, подвѣдомыхъ разнымъ вѣдомствамъ и управленіямъ, весьма незначительно: онъ составляетъ не болѣе 18% всего бюджета.

Такимъ образомъ, изъ общей суммы доходовъ, по смѣтѣ 1872 года, составляющей 497,197,802 руб., приходится:

Доходовъ съ правительственныхъ регалій и казенныхъ имуществъ . .	61,434,573 р.
Налоговъ прямыхъ	108,680,190 р.
Налоговъ косвенныхъ	249,064,480 р.

Общее количество земель и лѣсовъ, принадлежащихъ государству, составляетъ въ одной европейской Россіи пространство, превышающее 125 милліоновъ десятинъ, т.-е. пространство, превосходящее въ четыре раза общее пространство всей Пруссіи. Хотя всѣ эти земли завѣдываются съ 1838 года особымъ министерствомъ, но до сихъ поръ еще остаются невыясненными не только средства добывать изъ этихъ имуществъ соотвѣтствующій доходъ, но даже и то,—какимъ цѣлямъ должны служить *государственныя имущества.* Сбивчивость основныхъ понятій о доменахъ, такъ ясно и точно опредѣленныхъ въ прусскихъ законахъ,—у насъ какъ нельзя болѣе подтверждается самыми способами увеличенія и уменьшенія доменъ. Увеличеніе доменъ, т.-е. пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній казною у насъ совершается еще и до сихъ поръ способомъ, котораго давно не знаетъ Пруссія, именно—путемъ конфискаціи. Что же касается отчужденія доменъ, то, не взирая на громадное количество казенныхъ земель съ одной стороны и на весьма недостаточное количество земли, доставшейся въ надѣлъ крестьянамъ въ разныхъ мѣстахъ—съ другой стороны,—казенныя земли не отдаются и весьма рѣдко продаются такимъ безземельнымъ почти крестьянамъ. Самый же употребительный доселѣ способъ отчужденія казенныхъ недвижимыхъ имѣній,—есть пожалованіе ихъ въ видѣ награды. Такое пожалованіе, всего болѣе развивавшееся въ XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II, не прекратилось и до сихъ поръ. Такъ, еще въ весьма недавнее время поступили къ частнымъ лицамъ изъ казны весьма обширныя земли и имѣнія въ восточной Россіи, на Кавказѣ и въ царствѣ польскомъ.

Чтобы такой способъ употребленія доменъ представлялъ выгоды для государства, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія по той простой причинѣ, что если поступающія въ даръ, или въ видѣ майоратовъ земли и имѣнія составляютъ цѣнность, дающую доходъ частнымъ лицамъ, ихъ получающимъ, то такой же доходъ могла бы извлекать изъ нихъ казна или путемъ отдачи ихъ въ аренду, или посредствомъ продажи ихъ по частямъ въ частныя руки.

Вообще, что касается извлеченія дохода изъ доменъ и лѣсовъ, то въ этомъ отношеніи Россія поставлена совершенно въ особое положеніе, благодаря еще и тому, что значительная часть ея громадныхъ государственныхъ земель и лѣсовъ находится въ такихъ климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, при которыхъ извлеченіе изъ нихъ соотвѣтствующаго дохода весьма затруднительно и даже не рѣдко невозможно. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ земли и имѣнія составляютъ цѣнность,—тамъ они частію уменьшаются и безвозмездно переходятъ въ частную собственность.

При такихъ условіяхъ становится нѣсколько понятнымъ, почему доходъ, добываемый нынѣ казною съ доменъ и лѣсовъ, весьма незначителенъ. Такъ, по смѣтѣ на 1872 годъ доходъ съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей составляетъ 5,266,598 руб., и съ лѣсовъ 8,984,180 руб., а издержки взиманія составляютъ съ оброчныхъ статей около 15%, а съ лѣсовъ около 40%.

Сравнивать же наше хозяйство съ прусскимъ и утѣшаться тѣмъ, что тамъ казна тратитъ на взиманіе дохода съ доменъ 21% вмѣсто тратимыхъ нами 15%, уже потому нельзя, что въ Пруссіи въ число расходовъ по доменамъ входятъ издержки на духовенство и училища, на бѣдныхъ и благотворительныя учрежденія, общинныя подати, содержаніе строеній, дорогъ, мостовыхъ и проч., т.-е. такого рода расходы, которые въ нашъ бюджетъ не входятъ, да ихъ и нѣтъ. Меньшее же количество расходовъ нашей казны на лѣса сравнительно съ Пруссіей объясняется тѣмъ, что наше лѣсоводство находится далеко не въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится въ Пруссіи. Правда, у насъ сама казна слѣдуетъ еще нѣкоторымъ правиламъ относительно сохраненія и вырубки лѣсовъ, но за то частные владѣльцы рѣшительно ничѣмъ не связаны въ уничтоженіи своихъ лѣсовъ. Въ то время, какъ прусское правительство не упускаетъ случая пріобрѣтать лѣса въ свою собственность, у насъ, повидимому, еще не убѣдились въ томъ, что лѣса имѣютъ огромное вліяніе на климатическія условія страны, на общественное здравіе и благосостояніе и что, поэтому, лѣсоразведеніе, лѣсохраненіе и лѣсорасходованіе составляютъ задачи, имѣющія общее государственное значеніе и за правильное рѣшеніе которыхъ можетъ взяться только правительство.

Къ этой же категоріи доходовъ отъ казенныхъ имуществъ отно-

сится доходъ „отъ продажи казенныхъ недвижимыхъ имуществъ, рекрутскихъ квитанцій и проч.“—1,228,192 р. Почему такія двѣ, совершенно разнородныя статьи дохода соединяются въ нашемъ бюджетѣ вмѣстѣ, — этого объяснить, конечно, нельзя. А между тѣмъ изъ подробной смѣты видно, что доходъ отъ продажи земель, собираемый министерствомъ государственныхъ имуществъ, весьма незначителенъ, составляя всего 297,648 рублей; продажа же рекрутскихъ квитанцій даетъ государственному казначейству не рѣдко болѣе 1 милліона въ годъ.

Казенные горные заводы и *промыслы* у насъ незначительны; доходъ съ тѣхъ и другихъ показывается въ нашемъ бюджетѣ въ совокупности и составляетъ 4,860,882 руб. На взиманіе этого дохода назначается около 84%, т.-е. нѣсколько менѣе того, во что обходятся горные доходы Пруссіи. Но въ дѣйствительности это не такъ: наше горное хозяйство обходится казнѣ еще дороже, нежели оно обходится Пруссіи; причина же, почему у насъ расходы взиманія нѣсколько меньше, та, что у насъ въ числѣ горныхъ промысловъ есть и золотыя розсыпи, которыхъ въ Пруссіи вовсе нѣтъ и которыя, при сравнительно небольшихъ издержкахъ взиманія, даютъ весьма значительный доходъ, именно 1,991,541 руб. въ 1872 году. То же самое можно сказать и о горной подати, которая у насъ даетъ весьма значительный доходъ (3,310,616 р.), какъ потому, что у насъ горныя подати выше, чѣмъ въ Пруссіи, такъ и потому, что главная часть этого дохода взимается съ частныхъ золотыхъ промысловъ и отданныхъ подъ пріиски земель (всего 2,809,704 р.), которыхъ въ Пруссіи нѣтъ.

Говоря о нашемъ горнозаводскомъ дѣлѣ, мы считаемъ за лучшее сослаться на спеціальное по этому предмету изслѣдованіе г. Грамматчикова [1]). Сравнивая въ этомъ отношеніи Пруссію съ Россіей, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ общемъ итогѣ Пруссія жертвуетъ на горнозаводское дѣло сумму въ 2,3 раза бо́льшую, чѣмъ Россія; изъ общей суммы расходовъ въ Пруссіи почти 97% тратятся на управленіе казенныхъ рудниковъ, заводовъ и соляныхъ промысловъ, тогда какъ Россія тратитъ на тотъ же предметъ 83,3%; въ Пруссіи высшія и среднія инстанціи стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ у насъ; такъ, въ Пруссіи на этотъ предметъ тратится 2,75%, а въ Россіи 6,17%, т.-е. въ 2,24 раза болѣе; расходы административные, операціонные, единовременные, экстраординарные и непредвидѣнные въ Россіи въ 3,2 раза болѣе, чѣмъ въ Пруссіи; численность личнаго состава прусской горной администраціи, по крайней мѣрѣ въ два раза менѣе, чѣмъ у насъ. Изъ этого сравненія можно вывести общее заключеніе,

---

1) Горное законодательство и горная администрація Англіи, Бельгіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. В. А. Грамматчикова. С.-Петербургъ. 1870, стр. 491.

что̀ сумма, затрачиваемая правительствомъ на горнозаводскую часть, распредѣляется въ Пруссіи болѣе правильнымъ и производительнымъ образомъ.

Въ Пруссіи, говоритъ г. Грамматчиковъ, казенные горные заводы, рудники и соляные промыслы приносятъ несомнѣнный доходъ и составляютъ одинъ изъ источниковъ государственныхъ доходовъ; съ этою цѣлью всѣ казенные рудники, заводы и соляные промыслы приготовляютъ свои произведенія на продажу, для общаго употребленія, и самое управленіе приноровлено къ этому главному условію; въ этомъ и заключается главная причина того, что въ Пруссіи казенная горнозаводская промышленность даетъ 85,72% всего дохода, приносимаго горнозаводскою промышленностью страны. Въ Россіи казенная горнозаводская промышленность не составляетъ прямого источника государственныхъ доходовъ; правительство имѣетъ отъ казенныхъ горныхъ заводовъ только косвенную выгоду,—обезпеченіе арміи и флота металлами, различными принадлежностями, опредѣленнаго качества, что̀, при существующемъ развитіи горнозаводской промышленности и экономическихъ условіяхъ страны, имѣетъ весьма важное значеніе; съ этою цѣлью, самое управленіе казенными заводами поставлено въ такія условія, при которыхъ возможно требовать отъ заводовъ только исполненія главной задачи ихъ существованія, т.-е. снабженія арміи и флота металлами и принадлежностями, но ни въ какомъ случаѣ не денежнаго барыша; въ этомъ и заключается главная причина того, что у насъ въ Россіи только частная горнозаводская промышленность составляетъ источникъ государственныхъ доходовъ.

Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что если въ Пруссіи продажа казенныхъ заводовъ и рудниковъ есть естественный выходъ изъ ложнаго экономическаго положенія правительства, то въ Россіи такая продажа необходима, для отчужденія въ частныя руки казеннаго имущества, сдѣлавшагося при настоящихъ условіяхъ безполезнымъ и обременительнымъ для правительства.

Доходъ отъ *желѣзныхъ дорогъ* показанъ въ нашемъ бюджетѣ на 1872-й годъ въ суммѣ 18.724,058 р., а издержки взиманія этого дохода исчислены въ 171,000 р. Но эти цифры не выражаютъ ни дѣйствительнаго дохода, ни расхода. Въ доходѣ показанъ не валовой доходъ отъ эксплуатаціи правительственныхъ дорогъ, а разныя „поступленія“, обусловленныя передачею правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки и возвратъ выданныхъ частнымъ компаніямъ ссудъ или пособій. Что же касается расхода на взиманіе дохода, то въ немъ показаны не всѣ издержки управленія и не показаны другія, весьма значительные расходы; такъ, напримѣръ, въ той же росписи назначено на расходы по Николаевской и Московско-Курской дорогамъ и по мосту черезъ Днѣпръ у Кременчуга 7.029,992 р., да кромѣ

того ассигновано для приплаты процентовъ по гарантіямъ 7 милл. рублей, показанные особо въ расходахъ по министерству путей сообщенія.

Сравнивать наше желѣзно-дорожное дѣло съ тѣмъ же дѣломъ въ Пруссіи нѣтъ никакой возможности; даже нельзя представить сравненія дохода по правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ въ Пруссіи и у насъ. Тамъ дѣло это ведется просто: правительство построило на казенныя деньги свои дороги и эксплуатируетъ ихъ само точно также, какъ и всякое частное учрежденіе, и поэтому по каждой дорогѣ заноситъ въ бюджетъ статьи доходовъ и статьи расходовъ. У насъ казна строитъ дороги частью на счетъ общихъ суммъ бюджета, частью на, такъ-называемые, особые рессурсы и затѣмъ продаетъ ихъ или, правильнѣе, отдаетъ въ срочное содержаніе частнымъ компаніямъ на условіяхъ весьма сложныхъ и не всегда легко доступныхъ къ уразумѣнію. Въ эти условія обыкновенно входятъ разныя кредитныя операціи, а извѣстно, что кредитныя операціи могутъ быть разнообразны до безконечности и большею частью понятны только для посвященныхъ; обыкновеннымъ же, непосвященнымъ въ это таинство людямъ остается на виду только то, что самыя цифры доходовъ и расходовъ по нашимъ дорогамъ изъ году въ годъ чрезвычайно измѣняются [1]).

Впрочемъ, нужно сказать, что въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ многое измѣнчиво и еще не установилось вполнѣ разъ навсегда. Не говоря о гарантіяхъ, которыя раздавались не только правительствомъ, но и земствомъ, съ такою поспѣшностью, что потребовался даже особый законъ, который бы останавливалъ увлеченіе юныхъ земскихъ дѣятелей на пользу всякихъ концессіонеровъ, спѣшившихъ на легкую наживу,—нельзя не видѣть, что до сихъ поръ у насъ еще не выяснены отношенія государства къ желѣзнымъ дорогамъ, не взирая на то, что отношенія эти составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ финансовой политики. Еще и теперь, напримѣръ, трудно навѣрное сказать: намѣрено ли на будущее время наше правительство передавать всѣ желѣзныя дороги въ частныя руки, или происходившія доселѣ продажи желѣзныхъ дорогъ составляютъ только отдѣльные случаи, изъ которыхъ не слѣдуетъ еще выводить никакого общаго правила.

Въ первый разъ вопросъ объ этомъ возникъ при продажѣ Николаевской желѣзной дороги. Тогда въ защиту такой продажи указывалось на примѣръ европейскихъ государствъ. Но едва ли въ этомъ случаѣ, ссылка на примѣръ была сдѣлана вѣрная. Было, правда, время,

[1]) Дохода отъ желѣзныхъ дорогъ поступило: въ 1866 г. — 12.514,742 р., въ 1867 г. — 16.725,957 р., въ 1868 г. — 15.843,257 р., въ 1869 г. — 16.796,852 р., въ 1870 г. — 13.982,732 р.

когда проповѣдывалось полное невмѣшательство правительства въ желѣзно-дорожное дѣло; но время это безвозвратно прошло даже въ Англіи, которая преимущественно держалась такого направленія. Тамъ всѣ желѣзныя дороги построены по частной инипіативѣ, безъ вмѣшательства правительства; но уже въ началѣ 40-хъ годовъ стали раскрываться съ одной стороны потери компаній, съ другой — ихъ злоупотребленія, возбудившія всеобщее неудовольствіе и вызвавшія особую парламентскую коммиссію для изслѣдованія состоянія желѣзныхъ дорогъ. На основаніи трудовъ этой коммиссіи, предсѣдатель ея и нынѣшній премьеръ, Гладстонъ, внесъ въ 1844-мъ году билль о бо́льшемъ вмѣшательствѣ правительства въ желѣзно-дорожное дѣло. Съ тѣхъ поръ общественное мнѣніе и правительство убѣждались все болѣе и болѣе въ томъ, что система неограниченнаго соперничества въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ производитъ важныя замѣшательства въ экономической жизни страны. „Опытъ показалъ—говоритъ членъ новой коммиссіи о желѣзныхъ дорогахъ, Р. Гиль,—что желѣзныя дороги по существу своему суть монополіи, и потому онѣ составляютъ предметъ, не свойственный для обыкновеннаго торговаго предпріятія, въ которомъ каждый участникъ, радѣя о своемъ собственномъ интересѣ, вообще содѣйствуетъ, и можетъ быть самымъ лучшимъ образомъ, интересу всѣхъ. Отсюда очевидно слѣдуетъ, что желѣзныя дороги не могутъ быть предоставлены съ пользою независимымъ компаніямъ, которыя, естественно, ведутъ ихъ въ исключительномъ направленіи своего интереса; дороги эти должны быть въ рукахъ того, кто будетъ контролировать ихъ управленіе въ видахъ интересовъ цѣлой страны, т.-е. въ рукахъ правительства“.

Это мнѣніе, высказанное Гилемъ, сдѣлалось въ настоящее время господствующимъ какъ въ Англіи, такъ и въ германской имперіи, и едва ли есть основаніе предполагать, чтобы взглядъ этотъ, выработанный многолѣтнимъ опытомъ, могъ измѣниться. Отвергая теорію полнаго невмѣшательства государства въ промышленную дѣятельность народа, г. Заблоцкій справедливо замѣчаетъ (т. I, стр. 167), что „желѣзно-дорожное дѣло нельзя приравнивать къ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, и что желѣзныя дороги имѣютъ общенародное значеніе, чѣмъ самымъ не только оправдывается, но и требуется вмѣшательство въ него правительства, вмѣшательство не въ полицейскомъ только значеніи, но и въ экономическомъ“.

Сравнивая положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла въ Пруссіи и у насъ, невольно поражаешься незначительною долею вмѣшательства нашей правительственной власти въ эксплуатацію дорогъ, принадлежащихъ частнымъ компаніямъ. У насъ и помину нѣтъ о тѣхъ правилахъ, которыми въ Пруссіи связываются всѣ компаніи, по управленію дороги, назначенію служащихъ лицъ и установленію тарифовъ. Въ этомъ слу-

чаѣ наше законодательство отступило кореннымъ образомъ отъ господствующей въ немъ системы: стремясь во всемъ къ регламентаціи и ограничивая вездѣ, гдѣ можно, свободу частной дѣятельности, преслѣдуя нерѣдко не только за тѣ или другія дѣйствія, но даже за помыслы, не приведшіе ни къ какому внѣшнему проявленію, обнаруживая свою заботу объ отечественной торговлѣ и промышленности гарантіями, субсидіями и покровительственнымъ таможеннымъ тарифомъ, оно какъ будто оставляетъ въ сторонѣ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, предоставляя имъ полную свободу установлять непомѣрно высокіе тарифы, небрежно эксплуатировать дороги, на которыхъ нѣтъ ни исправности поѣздовъ, ни безопасности отъ несчастій, ни даже гражданской отвѣтственности за наносимые убытки и поврежденія. И потому у насъ менѣе, нежели въ другихъ государствахъ, страна выигрываетъ отъ желѣзныхъ дорогъ, но за то болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь выигрываютъ отъ нихъ концессіонеры и строители.

Почти такое же неопредѣленное еще положеніе, какое занимаетъ наше правительство въ отношеніи къ дѣлу желѣзно-дорожному, занимало оно до послѣдняго времени и къ банковому дѣлу.

Долгое время, какъ извѣстно, у насъ частныхъ банковъ вовсе не было, а существовали только кредитныя учрежденія правительственныя.

Но и послѣ изданія новаго устава нашего государственнаго банка въ 1859-мъ году, и разрѣшенія частныхъ кредитныхъ учрежденій, до сихъ поръ еще не выяснилась ни та роль, какую въ банковомъ дѣлѣ играетъ нашъ государственный банкъ, ни положеніе и будущность нашихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій.

Что касается государственнаго банка, то нельзя не замѣтить, что этотъ банкъ, составляющій чисто правительственное учрежденіе, безъ всякаго участія частныхъ капиталовъ, учрежденъ, какъ сказано въ его уставѣ, „для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной кредитной системы“. Мы не будемъ говорить о томъ,—насколько банкъ удовлетворилъ первой цѣли, т.-е. оживилъ торговые обороты. Что же касается упроченія денежной кредитной системы, понимая подъ этимъ возстановленіе металлической денежной единицы, то въ этомъ отношеніи нашъ государственный банкъ, со времени своего преобразованія 1-го сентября 1859-го года, не сдѣлалъ ровно ничего; къ такому упроченію нельзя, конечно, причислять покупку въ большихъ размѣрахъ золота посредствомъ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, такъ какъ мѣрою этою удерживается курсъ отъ возвышенія, но не предохраняется отъ упадка.

На нашъ государственный банкъ, кромѣ обыкновенныхъ банковыхъ операцій, возложена еще ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій

и, по временамъ, поручались ему государственныя кредитныя операціи, какъ-то внутренніе съ выигрышами займы.

Доходъ государственнаго банка въ государственной росписи вовсе не показывается и опредѣлить его весьма трудно.

По уставу государственнаго банка (ст. 3) чистая прибыль отъ операцій банка обращается: а) на погашеніе 5% банковыхъ билетовъ и займовъ государственнаго казначейства изъ кредитныхъ установленій, и б) на составленіе резервнаго капитала для покрытія потерь по банковымъ операціямъ.

У насъ подъ руками только отчеты за 1869 и 1870 годъ.

Въ нихъ значится, что чистая прибыль банка отъ коммерческихъ операцій за 1868 и 1869 годъ составляла 4.214,095 р., и 4.387,850 р. Эти доходы распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1868 году:

Отчислено въ резервный капиталъ банка	1.204,777 руб.
Отчислено на покрытіе долговъ государственнаго казначейства по займамъ изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій.	2.798,614 „
Выдано въ награду служащимъ	210,704 „

Въ 1869 году:

Отчислено на покрытіе лажа, выплаченнаго банкомъ при покупкѣ золота и серебра, переданнаго въ размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ на 9.000,841 р.	1.464,710 „
Отчислено на возмѣщеніе затраченныхъ банкомъ своихъ торговыхъ средствъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій.	2.167, 191 „
Выдано въ награду служащимъ	191,152 „

Такимъ образомъ, въ оба эти года изъ прибылей банка не поступило ничего на погашеніе 5% банковыхъ билетовъ, за то болѣе 400 тыс. руб. выдано въ награду служащимъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на то, что въ числѣ прибылей по коммерческимъ операціямъ банка значится статья:

„Проценты на суммы, затраченныя государственнымъ банкомъ изъ своихъ коммерческихъ средствъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій (по разсчету 3% годовыхъ):

въ 1869 году	4.643,565 р.
„ 1870 „	4.655,682 „

Ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій есть операція правительственная; государственный банкъ, съ другой стороны, есть также учрежденіе правительственное, а потому, кажется, мы имѣемъ право сказать, что въ данномъ случаѣ казна показываетъ въ доходъ суммы, съ казны же получаемыя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не остановиться на томъ, что въ отчетѣ

за 1870 годъ показано расходовъ за счетъ государственнаго казначейства 73.087,756 руб., а въ возвратъ этихъ расходовъ банкомъ получено въ теченіе года 54.677,262 р.; такъ что къ 1871 году осталось за государственнымъ казначействомъ въ долгу 18.410.493 р. Тутъ невольно рождается сомнѣніе въ томъ: банкъ ли живетъ на счетъ государственнаго казначейства, или наоборотъ казначейство на счетъ банка?

Что касается нашихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, то до послѣдняго времени правительство, повидимому, еще не выяснило себѣ,—до какой степени должно простираться вмѣшательство его въ это дѣло частной предпріимчивости и спекуляціи. До сихъ поръ никакого контроля надъ частными банками со стороны финансоваго управленія не было, хотя всѣмъ извѣстно дѣятельное участіе нѣкоторыхъ финансовыхъ чиновниковъ и даже высшихъ правительственныхъ лицъ въ частныхъ банковыхъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ число кредитныхъ учрежденій всякаго рода возрастало, хотя такое возрастаніе едва ли еще показываетъ, чтобы оно вызывалось дѣйствительною необходимостью.

Пять лѣтъ тому назадъ у насъ было три коммерческіе банка, два общества взаимнаго кредита, и 11 обществъ, выдававшихъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, всего 16 частныхъ кредитныхъ учрежденій. Съ тѣхъ поръ вновь открыто такихъ учрежденій: въ 1867 году — 3, въ 1868 году — 10, въ 1869 году—9, въ 1870 году— 12, и въ 1871 году — 24.

Несомнѣнно, что если такое размноженіе кредитныхъ учрежденій, и въ особенности банковъ, принесло во многихъ мѣстностяхъ существенную пользу облегченіемъ доступа къ кредиту, огражденіемъ противъ ростовщиковъ и оживленіемъ оборотовъ, то съ другой стороны — главная цѣль банковъ: расширеніе и удешевленіе учета торговыхъ векселей и ссудъ подъ товары — далеко не достигнута, а напротивъ, средства къ биржевой игрѣ и вредныя ея послѣдствія значительно усилились.

Въ настоящее время у насъ главнымъ побужденіемъ къ образованію новыхъ банковъ служитъ значительный дивидендъ, приносимый ихъ операціями и желаніе выиграть на новыхъ акціяхъ премію, которая обезпечена имъ высокимъ курсомъ акцій существующихъ банковъ. Но, понятно, что для пріобрѣтенія большихъ дивидендовъ управленія банковъ должны увеличить размѣръ процента по ссудамъ, терять, вслѣдствіе этого, благонадежныхъ заемщиковъ и выдавать ссуды для предпріятій, обѣщающихъ большія выгоды, но соединенныхъ съ большимъ рискомъ [1]). Послѣдствія такого положенія всегда

---

[1]) Оставляя въ сторонѣ выдачу нашими частными банками ссудъ подъ неблаго-

и вездѣ одинаковы: несостоятельность банковъ и затѣмъ паденіе ихъ, которое можетъ не только разорить акціонеровъ и вкладчиковъ, но еще и повлечь за собою кризисъ, пагубный для торговли и промышленности цѣлаго края.

Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ нѣкоторое вмѣшательство правительственной власти въ дѣло открытія новыхъ кредитныхъ учрежденій, и въ особенности банковъ. Если у насъ не можетъ быть рѣчи о томъ контролѣ, который былъ установленъ съ этой цѣлью въ Пруссіи, то все же нельзя не признать полезными и тѣ временныя мѣры, которыя наше финансовое управленіе считаетъ нынѣ же необходимыми въ этомъ дѣлѣ. Мѣры эти, какъ мы слышали, должны касаться какъ открытія новыхъ кредитныхъ установленій и ихъ устройства, такъ и самаго порядка разсмотрѣнія и утвержденія уставовъ этихъ учрежденій. Предполагается между прочимъ пріостановить учрежденіе вновь акціонерныхъ коммерческихъ банковъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ которыхъ существуетъ хотя одинъ такой банкъ; не дозволять учрежденіе банковъ съ основнымъ капиталомъ свыше 5 милл. рублей; запретить банкамъ учетъ векселей съ одною подписью безъ обезпеченія или съ обезпеченіемъ недвижимымъ имѣніемъ, а также пріобрѣтеніе ими недвижимыхъ имѣній, кромѣ необходимыхъ для собственнаго помѣщенія, для конторъ и складовъ; не допускать отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей банковъ на учредительскіе паи и акціи; не дозволять членамъ одного общества взаимнаго кредита быть въ то же время членомъ другого такого же общества; не допускать, чтобы высшій размѣръ кредита, открываемаго членамъ такихъ обществъ, превышалъ въ 50 разъ низшій размѣръ кредита, которымъ могутъ пользоваться члены, сдѣлавшіе взносы; наконецъ, при учрежденіи вновь земельныхъ банковъ, акціонерныхъ или на круговомъ ручательствѣ заемщиковъ основываемыхъ, не допускать въ одной и той же губерніи совмѣстное дѣйствіе болѣе двухъ изъ такихъ банковъ, кромѣ общества взаимнаго поземельнаго кредита.

Такимъ образомъ, мѣры эти главнымъ образомъ коснутся коммерческихъ банковъ и относятся мало до кредитныхъ учрежденій, выдающихъ ссуды подъ недвижимыя имѣнія, кромѣ развѣ того, что со введеніемъ новыхъ правилъ предполагается установить обязательную

надежные залоги и пріемъ иногда къ учету векселей съ одною подписью, чему бывали примѣры, нельзя не указать на недавній случай, показывающій, — до какой неосмотрительности могутъ доходить банки въ своихъ операціяхъ. 8 іюня въ петербургскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло, изъ котораго обнаружилось, что Волжско-Камскій банкъ выдалъ довольно значительную ссуду подъ залогъ именныхъ процентныхъ бумагъ, представленныхъ лицомъ, вовсе на такое дѣйствіе собственникомъ бумагъ не уполномоченнымъ, вслѣдствіе чего судъ уничтожилъ эту сдѣлку банка и присудилъ процентныя бумаги ихъ владѣльцу.

форму для публикуемыхъ всѣми кредитными учрежденіями балансовъ, и предоставить министру финансовъ право требовать, когда онъ признаетъ нужнымъ, объясненій отъ правленій всѣхъ кредитныхъ учрежденій.

Но что касается пользы кредитныхъ установленій, выдающихъ ссуды подъ недвижимыя имущества, для нашихъ землевладѣльцевъ, которые теперь перенесли всѣ свои надежды на поземельные банки, ожидая отъ нихъ тѣхъ же благъ, какія прежде получали они отъ Опекунскаго совѣта, то въ этомъ отношеніи мы не можемъ не привести мнѣнія г. Энгеля, директора прусскаго статистическаго бюро.

Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ по отношенію къ Пруссіи, гдѣ и частное хозяйство, какъ извѣстно, содержится въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ у насъ, и гдѣ отсутствуетъ широкая русская натура нашихъ помѣщиковъ:

„Судя по многимъ указаніямъ, можно полагать, что возрастаніе долговъ проявляется не только въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя удалось представить въ залогъ банкамъ, но почти о всѣхъ имѣніяхъ можно сказать, что владѣльцы ихъ постепенно обращаются только въ номинальныхъ собственниковъ, въ простыхъ вассаловъ капиталистовъ; вмѣсто феодальной зависимости возникаетъ новая, которой еще не найдено имени; и несмотря на такое повальное задолжаніе, повсюду раздаются крики объ отсутствіи недвижимаго кредита. Чтобы придти на помощь землевладѣльцамъ, появляются не только новыя кредитныя учрежденія, но еще и проекты за проектами. Такое положеніе заслуживаетъ особаго вниманія; можно легко повѣрить тому, что землевладѣльцы во многихъ уже мѣстахъ живутъ на счетъ капитала; что они заключаютъ долги, чтобы имѣть возможность уплачивать проценты по ипотекамъ, высокую заработную плату, расходы на свое содержаніе и наконецъ подати, которыя налагаетъ на нихъ государство и община. Землевладѣлецъ стоитъ въ виду несомнѣннаго разоренія.

„Къ этому слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ болѣе въ государствѣ непроизводительныхъ расходовъ, чѣмъ болѣе отвлекается людей отъ производительнаго труда, тѣмъ болѣе государственныхъ долговъ, тѣмъ дороже кредитъ; чѣмъ дороже кредитъ, тѣмъ труднѣе положеніе землевладѣльцевъ. Никто не имѣетъ болѣе причинъ желать упроченія общаго мира, какъ угнетенные землевладѣльцы. Болѣе чѣмъ дюжина новыхъ поземельныхъ банковъ поможетъ землевладѣльцу, если трудъ, бережливость и честность, а не биржевыя спекуляціи, плутовство и грабежъ, въ крупныхъ и малыхъ размѣрахъ, будутъ считаться единственными средствами для достиженія богатства“.

Изъ остальныхъ экономическихъ доходовъ, *правительственныя регаліи*, именно монета и телеграфы даютъ у насъ, сравнительно съ Пруссіей, довольно значительный доходъ, потому что на эти предметы

наше правительство имѣетъ взглядъ иной, нежели правительство прусское.

Монетнаго дохода въ Россіи поступило:

Въ 1866	году	5,135,734 р.
„ 1867	„	11,781,564 „
„ 1868	„	7,617,847 „
„ 1869	„	4,800,613 „
„ 1870	„	4,788,079 „

Такія цифры монетнаго дохода въ Россіи объясняются тѣмъ, что въ него входитъ прибыль отъ возвышенія нарицательной цѣны серебряной размѣнной монеты и мѣдной. Серебряная размѣнная монета выдѣлывается съ 1868 года 48-й пробы,—отъ этого при предположенномъ въ 1872 году выпускѣ этой монеты на 6 м. руб. сер., получится прибыли 3,000,000 руб.; мѣдной монеты чеканится изъ пуда 50 р., тогда какъ пудъ мѣди въ продажѣ стóитъ всего 12 руб.; отъ этого при предположенной выдѣлкѣ мѣдной монеты въ 1872 году по нарицательной цѣнѣ на 1,750,000 руб., издержка взиманія (т.-е. цѣна потребной мѣди всего 35,000 пуд.) составитъ только 420,000 руб.

При такомъ положеніи монетнаго у насъ дохода нельзя разсчитывать не только на увеличеніе его, но даже и на сохраненіе въ нынѣшней цифрѣ, ибо при возстановленіи у насъ металлической валюты, значительное количество низкопробной монеты можетъ возвратиться въ казначейство и вмѣсто мнимаго дохода составить новый дѣйствительный долгъ.

Что же касается самой выдѣлки у насъ монеты, то она обходится весьма дорого. Это какъ нельзя болѣе подтвердилось въ 1861 году, когда серебряная размѣнная монета была заготовлена на парижскомъ и страсбургскомъ монетныхъ дворахъ и обошлась съ небольшимъ въ $1^1/_2\%$ съ рубля, тогда какъ работа эта на петербургскомъ монетномъ стоила бы $2^1/_2\%$ съ рубля [1]).

Почтовый доходъ простирается на 9,012,737, издержки же взиманія равняются 12,752,594 руб., такъ что въ результатѣ получается дефицитъ въ 3,739,797 руб.; а доходъ съ телеграфовъ получается валовой 4,300,174 руб. и чистый 1,058,162 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что на отсутствіе у насъ почтоваго дохода значительно вліяютъ неграмотность населенія, дальность разстояній и неудовлетворительность путей сообщеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не желать, чтобы и у насъ вполнѣ окрѣпло убѣжденіе въ томъ, что почты и телеграфы прежде всего должны служить не источникомъ обогащенія казны, но облегченіемъ всевозможныхъ сношеній между жителями. Для достиженія же этой послѣдней цѣли необходимы прежде всего условія, господ-

---

[1]) Отчетъ государственнаго банка за 1861 годъ, стр. 54.

ствующія въ этомъ отношеніи въ Германіи, а именно: дешевизна почтовой и телеграфной таксы, исправность почтъ и телеграфовъ и безусловное сохраненіе тайны письменной и телеграфной корреспонденціи.

IV.

Прямые налоги въ Пруссіи существуютъ слѣдующіе: поземельный, съ строеній, классифицированный подоходный, классный, промысловой и на желѣзныя дороги.

Всѣ эти налоги въ своемъ нынѣшнемъ видѣ введены недавно.

Хотя еще въ эдиктѣ 1810 года и сказано было, что основанія налоговъ для всѣхъ подданныхъ должны быть одинаковы и что всѣ изъятія отъ *поземельнй подати* должны быть уничтожены, при чемъ вовсе не обѣщалось никакихъ вознагражденій за отмѣну привилегій; но уже черезъ годъ, въ эдиктѣ 11 сентября 1811 года, говорилось, что равенство передъ закономъ всѣхъ плательщиковъ можетъ быть достигнуто не насильственно и не вдругъ, а постепенно и съ должными, въ извѣстныхъ случаяхъ, вознагражденіями. Десять лѣтъ спустя, 30 мая 1820 года, было уже объявлено, что вопросъ о пересмотрѣ поземельной подати, какъ близко касающійся интересовъ провинцій, слѣдуетъ обсудить по совѣщанію съ государственными чинами; но никакихъ государственныхъ чиновъ не созывалось, пока объ этомъ не напомнили событія 1848 года, и въ обнародованной 5 декабря этого года конституціи только повторено старое обѣщаніе объ уравненіи поземельнаго налога. Съ этого времени ландтагъ, несмотря на упорное сопротивленіе привилегированныхъ сословій, настаивалъ каждый годъ на необходимости урегулированія поземельной подати.

Наконецъ въ 1860 году правительство внесло три проекта законовъ: а) о регулированіи поземельной подати, б) о введеніи подати съ строеній и в) о вознагражденіи за отмѣну привилегій; проекты эти были приняты палатами съ незначительными измѣненіями, утверждены королемъ и опубликованы 25 мая 1861 года. Этими законами положено: 1) отмѣнить привилегіи, установить подать съ строеній и уравнительную поземельную подать, и обѣ ввести по всему государству съ 1 января 1865 года; 2) вмѣсто опредѣленія поземельной подати извѣстнымъ процентомъ съ дохода, опредѣлить для нея постоянную сумму, или контингентъ въ 10,000,000 талеровъ [1]) и заботиться только о справедливой ея раскладкѣ между плательщиками; 3) къ урегулированію поземельной подати приступить безъ помощи сплошной и подробной съемки, опредѣливъ пространство всѣхъ общинъ и самостоя-

[1]) Сумма эта соотвѣтствовала той, которая поступала въ казну по всѣмъ провинціямъ отъ прежней поземельной и подомовой подати.

тельныхъ вотчинныхъ округовъ и виды культуры на основаніи существующихъ плановъ; къ съемкѣ же приступить только тамъ, гдѣ плановъ вовсе не было; 4) въ каждомъ округѣ для каждаго вида культуры опредѣлить классы и соотвѣтствующій на одинъ моргенъ чистый доходъ по указанію экспертовъ; 5) на основаніи этого вывести чистый доходъ всѣхъ земель округа, а изъ доходовъ округа—доходъ провинцій и затѣмъ всего государства; и наконецъ 6) этимъ путемъ получить основаніе для распредѣленія общей суммы налога на всѣ провинціи, округи и общины.

Всѣ работы по приведенію въ исполненіе закона 1861 года объ урегулированіи поземельной подати, въ которыхъ участвовало всего до 7,200 человѣкъ, изъ коихъ около 3,500 человѣкъ по межеванію, окончены къ назначенному сроку, т.-е. менѣе, чѣмъ въ четыре года, при чемъ весь расходъ по введенію поземельной подати составилъ 9,610,323 талера. Ни въ одномъ государствѣ подобная работа не была произведена съ такою быстротою, дешевизною и единствомъ.

Работы эти производились въ трехъ инстанціяхъ, въ составъ которыхъ входили на половину лица выборныя и назначенныя отъ правительства; низшую инстанцію составляли окружныя оцѣночныя коммиссіи; затѣмъ вторую инстанцію, куда поступали жалобы на окружныя коммиссіи, составляли коммиссіи губернскія; наконецъ, высшую инстанцію, на которой лежало завѣдываніе всѣми кадастровыми работами по государству, составляла центральная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ.

Такъ какъ исчисленіе дохода имѣло цѣлью только раскладку опредѣленной суммы налога, то принято было за правило оцѣнку производить сколь возможно снисходительно, по умѣренному тарифу, ниже дѣйствительнаго размѣра чистаго дохода,—имѣя въ виду лишь то, чтобы установленный тарифъ былъ одинаково пропорціоналенъ дѣйствительному чистому доходу въ различныхъ округахъ.

Пространство всѣхъ оцѣненныхъ угодій оказалось 103,157,539 моргеновъ (или 24,107,917 десятинъ, считая 1 моргенъ равнымъ 0,2337 десятины), изъ которыхъ пашни составляли 55,146,079 моргеновъ, а неудобныя земли, неприносящія дохода—246,916 моргеновъ. Чистый доходъ отъ оцѣненныхъ земель исчисленъ въ 112,313,728 талеровъ. Изъ оцѣненныхъ земель не подлежали налогу: казенныя земли, домены прежнихъ владѣтельныхъ князей и графовъ и участки, принадлежащіе разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, всего 11,461,035 моргеновъ, а чистый отъ нихъ доходъ 7,866,734 талера. Затѣмъ чистый доходъ отъ земель, подлежавшихъ налогу, составилъ 104,466,993 талера; при распредѣленіи на эту сумму опредѣленнаго закономъ поземельнаго налога въ 10 мил. талеровъ, пришлось съ каждыхъ 100 талеровъ около $9\frac{4}{7}$% налога. Но въ дѣйствительности поземельный налогъ на поло-

вину меньше, если принять за норму дѣйствительную доходность земель. Такъ, директоръ прусскаго статистическаго бюро г. Энгель, говоря о томъ, насколько поземельный налогъ обременяетъ сельское хозяйство въ Пруссіи, доказываетъ, что въ Пруссіи, въ настоящее время, поземельный налогъ съ пашни составляетъ всего 4,21% чистаго дохода.

Опредѣленная закономъ сумма налога поступаетъ въ видѣ ежемѣсячныхъ взносовъ съ самымъ незначительнымъ недоборомъ, и увеличивалась по мѣрѣ присоединенія къ Пруссіи новыхъ провинцій. По бюджету на 1870 годъ предполагалось поземельнаго налога къ поступленію 13,093,400 талеровъ, на взиманіе котораго назначено около 6%.

Уплачивая ежемѣсячно и почти незамѣтно не обременительный для всѣхъ налогъ, прусскіе землевладѣльцы со времени кадастра пользуются безчисленными выгодами отъ существованія правильно веденныхъ поземельныхъ книгъ, въ которыхъ постоянно отмѣчаются всѣ измѣненія въ поземельномъ владѣніи, какъ-то: переходъ имущества отъ одного владѣльца къ другому, раздѣленіе, или соединеніе поземельныхъ участковъ и т. п.

„Несмотря на достигнутые въ Пруссіи въ короткій срокъ важные результаты урегулированія поземельной подати“, замѣчаетъ г. Заблоцкій (т. I стр. 544), „въ послѣднее время между нѣкоторыми экономистами явились противники не поземельной подати, а способа ея раскладки, или точнѣе, кадастра. Кадастръ, говорятъ они, съ его сложными пріемами классификаціи и оцѣнки угодій, имѣетъ цѣлью установленіе правильной раскладки налога; но правильность эта скоропреходяща, ибо доходность различныхъ участковъ измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйства. Правительство доселѣ не имѣетъ въ виду производить безпрестанную повѣрку кадастра, требующую множество рукъ и большихъ расходовъ и все-таки оставляющую уравнительность сомнительною. Вотъ почему они думаютъ, что современемъ поземельная подать должна войти въ составъ промысловаго налога, что оцѣнивать должно не землю отдѣльно, но каждое хозяйство сообразно его доходности, зависящей отъ взаимнаго дѣйствія многихъ элементовъ. Чиновники финансоваго управленія, не возражая противъ основанія этой мысли стоятъ за сохраненіе кадастра, такъ какъ онъ уже введенъ и такъ какъ они считаютъ его наилучшимъ изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ; но вводить кадастръ тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, они не совѣтуютъ“.

Одновременно съ общею поземельною податью съ 1-го января 1865 года введенъ отдѣльный *налогъ на строенія*, соразмѣрно ихъ годовому валовому доходу. Отъ этого налога освобождены: строенія владѣтельныхъ особъ и бывшихъ имперскихъ князей и графовъ, строенія, находящіяся въ государственныхъ имѣніяхъ, всякаго рода строенія для

общественнаго и административнаго употребленія, нежилыя сельско-хозяйственныя и промышленныя постройки, состоящія при учрежденіяхъ, служащихъ для орошенія земель, или отвода воды.

Обложеніе налогами по годовому доходу строеній производится на основаніи особаго податного тарифа, по которому собственно жилыя строенія, или только частью употребляемыя для промышленныхъ цѣлей платятъ 4% съ дохода, а строенія, служащія исключительно, или преимущественно для промышленныхъ цѣлей, платятъ 2% съ дохода. Minimum дохода, подлежащаго налогу, 4 талера, съ которыхъ взимается 4, или 2 зильбергроша, смотря по характеру строенія; затѣмъ со 100 талеровъ платится 4, или 2 талера, съ 1000 талеровъ 40, или 20 талеровъ; до 2000 талеровъ каждая степень повышается на 100 талеровъ, а послѣ 2000 талеровъ на 200 талеровъ.

Обложеніе податью производится по особымъ окладочнымъ округамъ особыми коммиссіями, члены которыхъ избираются окружнымъ ландтагомъ, или городскими депутатскими собраніями. Возраженія владѣльцевъ противъ оцѣнки представляются въ губернское правленіе, а на правленіе жалобы приносятся министру финансовъ. Самый сборъ налога производится по тѣмъ же правиламъ, какъ и сборъ налога поземельнаго, т.-е. помѣсячно.

Къ 1-му января 1865 года всего налога на строенія исчислено 3.365,823 тал. 18 зильбергр.; сумма эта разложена между 2.461,583 строеніями, годовой доходъ съ которыхъ исчисленъ въ 89.990,825 тал. Съ 1865 года количество поступившаго съ строеній налога постоянно увеличивалось; съ 1866 года ни разу дѣйствительное его поступленіе не было менѣе противъ оклада, расходы на взиманіе составляли всего около 3% съ поступавшей суммы и по бюджету на 1870 годъ было назначено къ поступленію этого налога 4.581,000 талеровъ.

Подоходный налогъ составляютъ такъ-называемыя *классныя и классифицированная подати*. Этотъ налогъ обязанъ своимъ происхожденіемъ въ Пруссіи французамъ во время занятія ими прусскихъ провинцій въ 1807—1812 годахъ, что не мѣшаетъ впрочемъ потомкамъ этихъ французовъ, засѣдающимъ въ версальскомъ національномъ собраніи, открещиваться обѣими руками отъ подоходной подати, пугающей богатую и сытую буржуазію.

За основаніе при распредѣленіи *классной* подати принято было первоначально не количество получаемаго каждымъ лицомъ дохода, а внѣшнее положеніе его въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи въ нѣмецкомъ обществѣ рѣзко отдѣлялись одна отъ другой четыре группы: патриціи, почетные граждане, мѣщане и простые работники. Къ первому отдѣлу могли быть отнесены: въ городахъ: высшіе чиновники, большіе капиталисты и банкиры, а въ селеніяхъ помѣщики; ко второму: въ городахъ ученые, художники, чиновники, купцы, фабриканты,

и въ селеніяхъ большіе арендаторы, священники, лѣсничіе и заводчики; къ третьему: въ городахъ ремесленники, низшіе чиновники, трактирщики, и въ селеніяхъ мелкіе хозяева и сельскіе ремесленники; наконецъ къ четвертому разряду: поденщики и слуги въ городахъ, и слуги и работники на фабрикахъ и заводахъ,—въ селеніяхъ.

Эти главные четыре класса были приняты въ Пруссіи за основаніе въ законѣ 30-го мая 1821 года, которымъ введена такъ-называемая классная подать въ размѣрѣ: въ высшемъ классѣ 48 талеровъ съ семейства, а въ низшемъ по 15-ти зильбергрошей съ лица въ годъ. Но при приведеніи въ исполненіе этого закона обнаружилась необходимость точнѣйшаго соразмѣренія подати съ количествомъ получаемаго плательщикомъ дохода. Слѣдствіемъ этого было спачала введеніе трехъ частныхъ подраздѣленій въ каждомъ изъ четырехъ главныхъ классовъ, а потомъ, когда и эта мѣра оказалась недостаточною, то закономъ 1851 года положено было взимать, во-1-хъ, новую классную подать съ тѣхъ, которые имѣютъ не болѣе 1000 талеровъ дохода и живутъ въ мѣстностяхъ, не обложенныхъ налогомъ на помолъ хлѣба и на убой скота; и во-2-хъ, классифицированную подоходную подать съ лицъ, доходъ коихъ превышаетъ 1000 талеровъ; причемъ ежели они живутъ въ городѣ, гдѣ платится налогъ на помолъ и на убой скота, то имъ зачисляется въ подать за участіе въ этомъ налогѣ по 20 тал. въ годъ.

Законъ 1851 года остается въ силѣ до сихъ поръ. На основаніи этого закона отъ классной подати освобождены бѣдные, получающіе постоянное общественное вспомоществованіе, лица моложе 16-ти лѣтъ, лица, состоящія въ дѣйствительной военной службѣ, если ни они сами, ни члены ихъ семействъ не имѣютъ доходовъ отъ земледѣлія или промысловъ, кавалеры желѣзнаго креста и ветераны, служившіе въ прусскомъ или союзномъ войскѣ въ походахъ съ 1806 по 1815 годъ, если они должны быть обложены по 1-й или 2-й степени, т.-е. если предполагаемый ежегодный доходъ ихъ не достигаетъ 200 талеровъ; иностранцы, по роду своего промысла переходящіе изъ мѣста въ мѣсто, консулы иностранныхъ державъ, прусскіе государственные чиновники, находящіеся за границею, чиновники таможеннаго союза, монахи, не имѣющіе ни казенныхъ земельныхъ участковъ, ни пенсіоновъ, діакониссы и сестры милосердія.

Классная подать взимается по тремъ главнымъ классамъ, съ ихъ подраздѣленіями на степени; отнесеніе каждаго лица къ тому или другому классу основывается какъ на общихъ признакахъ, установленныхъ для каждаго класса, такъ и на соображеніи имущественнаго положенія податного лица и на проистекающей оттуда способности платить налогъ. Распредѣленіе податныхъ лицъ по классамъ и степенямъ производится въ каждой общинѣ коммиссіею, состоящею изъ

начальника общины и членовъ, избранныхъ общиннымъ совѣтомъ, подъ наблюденіемъ ландрата. Этимъ оцѣночнымъ коммиссіямъ лица, подлежащія классной подати, обязаны доставлять всѣ нужныя свѣдѣнія, подъ опасеніемъ взысканія штрафа.

Къ первому, низшему, классу относятся вообще всѣ тѣ владѣльцы поземельной собственности или ремесленники, доходъ которыхъ, по объему, или качеству ихъ собственности, или ремесла, недостаточенъ для самостоятельнаго существованія, такъ что они принуждены прибѣгать къ посторонней вспомогательной работѣ, именно поденной или тому подобной; вообще принимается, что къ первому классу принадлежатъ лица съ ежегоднымъ доходомъ менѣе 200 талеровъ; при этомъ первый классъ имѣетъ три степени, изъ которыхъ въ низшей платится 1 згр. 3 пфениг., и въ высшей 7 гр. 6 пфен. подати въ мѣсяцъ.

Ко второму классу принадлежатъ владѣльцы недвижимой собственности или ремесленники, доходъ которыхъ, доставляемый имъ небольшою собственностью или ремесломъ достаточенъ для самостоятельнаго существованія, также находящіеся въ одинаковомъ съ ними имущественномъ положеніи арендаторы; тѣ изъ живущихъ по найму лицъ, которыя по роду услугъ и получаемаго за то вознагражденія не могутъ быть разсматриваемы, какъ поденьщики; наконецъ тѣ, находящіеся въ государственной или общественной службѣ чиновники, врачи, нотаріусы и т. п., о которыхъ можно заключить, что по своему имущественному положенію и способности платить они стоятъ приблизительно наравнѣ съ вышеупомянутыми лицами. Вообще же принимается, что ко второму классу относятся лица съ ежегоднымъ доходомъ отъ 200 до 500 талеровъ. Второй классъ имѣетъ пять степеней, изъ которыхъ въ низшей платится 10 гр., а въ высшей 25 грошей подати въ мѣсяцъ.

Къ третьему классу относятся всѣ тѣ лица, которыя хотя пользуются большею степенью благосостоянія сравнительно со вторымъ классомъ, но общій доходъ ихъ не превышаетъ 1000 талеровъ. Этотъ классъ имѣетъ четыре степени, изъ которыхъ въ низшей платится 1 талеръ, а въ высшей 2 талера въ мѣсяцъ.

По финансовымъ вѣдомостямъ за 1867 годъ изъ общаго населенія, подлежавшаго классной подати и составлявшаго 18.985,330 душъ приходилось плательщиковъ 7.577,805 человѣкъ, изъ которыхъ къ 1-му классу принадлежало 6.614,263 чел., ко 2-му 720,192 чел. и къ 3-му 243,350 чел. Поступленіе классной подати возрастало до сихъ поръ, и почти постоянно возрастало смѣтное исчисленіе. По бюджету на 1870 годъ исчислено было классной подати 13.070,000 талеровъ.

Классифицированной подати съ дохода подлежатъ всѣ жители государства, за исключеніемъ членовъ королевскаго дома и обоихъ Го-

гензоллернскихъ домовъ, равно какъ и находящіеся за границею подданные Пруссіи, которые получаютъ свыше 1000 талеровъ ежегоднаго дохода, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни происходилъ.

Обложеніе классифицированною податью производится по размѣру всего дохода, который получается подлежащимъ подати лицомъ отъ поземельной собственности, отъ капитала, отъ правъ на періодическія полученія денегъ или другихъ выгодъ, отъ ремесла, государственной или общественной службы и вообще отъ всякаго, приносящаго прибытокъ занятія. При обложеніи принимается въ разсчетъ только размѣръ дохода; никакія личныя уваженія не могутъ служить къ уменьшенію подати, такъ какъ это несовмѣстно съ равномѣрностью подати и государственнымъ интересомъ. При обложеніи имѣется въ виду тотъ доходъ, который принадлежитъ податному лицу по праву собственности, хотя бы по какимъ-либо обстоятельствамъ временно онъ и не находился въ его распоряженіи; впрочемъ, и при обложеніи классифицированною податью, также какъ при обложеніи податью классной, изъ общаго количества имущества исключаются долги, но только такіе, которые несомнѣнно доказаны и которые дѣйствительно имѣютъ неблагопріятное вліяніе на имущественныя отношенія.

Опредѣленіе дохода, подлежащаго налогу, производится оцѣночными коммиссіями, состоящими подъ предсѣдательствомъ ландрата или особаго правительственнаго коммиссара, изъ членовъ: на одну треть отъ окружнаго представительства и на двѣ трети отъ подлежащихъ классифицированной подати жителей округа. Каждая коммиссія, открывается ежегодно, въ концѣ года, въ каждомъ округѣ; собравъ различными, указанными въ инструкціяхъ путями свѣдѣнія о количествѣ дохода получаемаго каждымъ, подлежащимъ обложенію лицомъ, она причисляетъ его къ одной изъ тридцати опредѣленныхъ степеней обложенія по такому разсчету, чтобы платимая имъ подать не превышала трехъ процентовъ съ дохода.

Такимъ образомъ, къ первымъ десяти степенямъ причисляются лица, получающія ежегоднаго дохода отъ 1000 до 4000 талеровъ и платящія въ годъ отъ 30 до 120 тал. налога; къ слѣдующимъ десяти степенямъ относятся лица, получающія отъ 4,800 до 40,000 тал. дохода въ годъ и платящіе налогъ отъ 144 до 1,200 тал. въ годъ; къ послѣднимъ степенямъ отъ 21-й до 30-й принадлежатъ лица, получающія отъ 52 до 240 тысячъ ежегоднаго дохода и платящія отъ 1,560 до 7,200 тал. ежегоднаго налога.

Число плательщиковъ классифицированной подати не велико: изъ общей массы населенія, составлявшаго въ 1867 году 23.437,478 душъ, платило эту подать только 94,848 человѣкъ, причемъ лицъ, причисленныхъ по доходамъ къ высшимъ классамъ значилось весьма мало. Такъ къ первымъ десяти классамъ принадлежало 89,331 челов., къ

слѣдующимъ классамъ отъ 11-го до 20-го принадлежало 5,451 челов. и къ классамъ отъ 21-го до 30-го только 66 человѣкъ. Не велика также и общая сумма дохода отъ классифицированной подати, который къ тому же возрастаетъ весьма медленно; по бюджету на 1870 годъ подати этой было исчислено 5.180,000 талеровъ.

Очевидно, что по этимъ цифрамъ никакъ не слѣдуетъ дѣлать какихъ-либо выводовъ ни о числѣ лицъ, пользующихся извѣстнымъ доходомъ выше 1000 талеровъ, ни о какихъ-либо неудобствахъ или невыгодахъ классифицированной подати. Главное и, можетъ быть, единственное неудобство классифицированной подати заключается въ томъ, что эта подать, какъ и всякій иной видъ подоходнаго налога, имѣетъ на практикѣ самое дурное неравенство, тяжелѣе всего падая на людей наиболѣе честныхъ. При нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности, дѣйствительно трудно узнать вѣрный доходъ лицъ, съ которыхъ берется налогъ. Человѣкъ безъ совѣсти успѣваетъ избавиться отъ значительной части платежа, какой бы слѣдовало съ него; даже люди, въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ честные, подвергаются искушенію кривить душою, по крайней мѣрѣ въ томъ, что рѣшаютъ въ свою пользу всѣ тѣ вопросы, относительно которыхъ можетъ явиться хотя малѣйшее сомнѣніе.

Эту опасность, какую представляетъ подоходный налогъ въ томъ, что трудно придать ему на практикѣ ту справедливость, какую онъ имѣетъ въ своемъ принципѣ,—замѣтило скоро и прусское правительство относительно классифицированной подати. Но это нисколько не поколебало правительство въ желаніи сохранить подоходный налогъ, какъ одинъ изъ самыхъ справедливыхъ способовъ обложенія; оно увидѣло только необходимость сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшихъ законахъ о классифицированной подати и преимущественно въ составѣ оцѣночныхъ коммиссій. Еще въ 1869 году бывшій министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ, предлагая, для покрытія дефицита на 1870 годъ, увеличить оклады подоходной и классной податей, въ своемъ проектѣ объяснялъ, почему примѣненіе закона о классифицированной подати не достигло предполагавшагося равномѣрнаго обложенія всѣхъ подданныхъ государства. По мнѣнію фонъ-деръ-Гейдта, менѣе зажиточные классы населенія облагаются классною податью сравнительно гораздо выше, чѣмъ болѣе зажиточные и богатые подоходною, классифицированною податью. Причины подобной несообразности заключаются не столько въ несправедливости основаній существующихъ узаконеній, сколько въ неудовлетворительности состава органовъ обложенія. Самое обложеніе находится въ рукахъ коммиссіи, члены которой состоятъ преимущественно изъ лицъ, подлежащихъ обложенію. Такимъ образомъ, самимъ плательщикамъ предоставляется преобладающее вліяніе на ходъ обложенія податью и откры-

вается обширное поле посредственнымъ и непосредственнымъ вліяніямъ, тѣсной взаимной зависимости и личныхъ отношеній. Вліяніе же правительства ограничивается дѣятельностью предсѣдателя и при томъ крайне ограниченною. Недостаточность такого вліянія правительства въ оцѣночныхъ коммиссіяхъ вызываетъ, по мнѣнію бывшаго министра финансовъ, необходимость предоставить казнѣ такое же право протеста на постановленія оцѣночныхъ коммиссій относительно подоходнаго налога, какое предоставлено самимъ плательщикамъ. Наконецъ въ самомъ способѣ собиранія свѣдѣній о доходахъ фонъ-деръ-Гейдтъ предлагалъ сдѣлать весьма существенное измѣненіе въ томъ, чтобы каждый плательщикъ подавалъ объявленіе, въ которомъ самъ означалъ, по чистой совѣсти, получаемый имъ доходъ; тѣ же плательщики, которые уклонились бы отъ подачи такихъ объявленій, лишались бы права жалобы въ теченіи года.

Предложеніе фонъ-деръ-Гейдта объ измѣненіи закона о подоходной подати осталось однакоже безъ послѣдствій, по случаю выхода его изъ министерства. Но неудовлетворительность дѣйствующихъ въ Пруссіи правилъ о подоходномъ налогѣ сознается какъ правительствомъ, такъ и народными представителями, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что правила эти будутъ скоро измѣнены. Въ такомъ случаѣ вѣроятно будетъ заимствовано многое изъ того, что предлагалъ фонъ-деръ-Гейдтъ, изучившій вопросъ объ уравнительности подоходной подати и указавшій вѣрные способы къ практическому его разрѣшенію.

Налогъ на промыслы существовалъ въ Пруссіи давно, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, въ какомъ онъ взимается теперь, когда уже уничтожены стѣснительныя цеховыя учрежденія.

Въ настоящее время требуется во всемъ сѣверо-германскомъ союзѣ испытаніе для слѣдующихъ промысловъ: аптекарей, повивальныхъ бабокъ, шкиперовъ, штурмановъ, маркшейдеровъ, лоцмановъ, адвокатовъ, нотаріусовъ и учителей; врачи должны получать одобрительныя свидѣтельства отъ указанныхъ присутственныхъ мѣстъ. Цехи пока еще остаются, и признаніе мастеромъ отъ цеха сопряжено съ испытаніемъ, но никому не возбраняется заниматься промысломъ, не вступая въ цехъ.

Разрѣшеніе отъ полиціи требуется только для желающихъ содержать больницы, аптеки, гостинницы и питейные дома, устраивать театральныя представленія, производить мелочной торгъ виномъ и водкою, развозный и разносный торгъ (который разрѣшается лицамъ не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду и только въ рѣдкихъ случаяхъ моложе, неопороченнымъ судебнымъ приговоромъ и не имѣющимъ прилипчивыхъ болѣзней и другихъ подобныхъ недостатковъ), продавать произведенія печати въ публичныхъ мѣстахъ, на улицѣ и т. п. Занятія такими

промыслами, для открытія коихъ не требуется разрѣшенія, могутъ быть запрещены тѣмъ лицамъ, относительно которыхъ состоялись судебные приговоры за извѣстныя нарушенія закона; сюда принадлежать: промыслы ветошниковъ, закладчиковъ, учителей танцованія, плаванія и гимнастики, агентства по найму прислуги и промыслъ книгопечатанія.

Законъ о налогѣ на промыслы раздѣляетъ ихъ на два главныхъ рода: осѣдлые промыслы и разносные и развозные. Перваго рода промыслы раздѣляются въ отношеніи налога на 10 классовъ, изъ которыхъ къ первымъ тремъ относятся торговыя и фабричныя операціи, къ четвертому—содержатели гостинницъ, питейныхъ и съѣстныхъ заведеній, къ пятому — булочники и хлѣбники, къ шестому — мясники, къ седьмому—пивовары, къ восьмому — ремесленники, къ девятому—мельники, къ десятому — занимающіеся перевознымъ промысломъ. Промыслы втораго рода составляютъ изъ себя отдѣльный классъ, одиннадцатый—разносчики и развозчики.

Въ отношеніи налога по классамъ первому, второму, третьему, четвертому, пятому, шестому и восьмому принимается во вниманіе различіе мѣстностей, дѣлящихся также на 4 разряда, причемъ въ первые два разряда отнесены главнѣйшіе 119 городовъ, въ третій города, имѣющіе не менѣе 1500 жителей и не отнесенные къ 1-му и 2-му разрядамъ, наконецъ къ четвертому разряду относятся всѣ прочіе города и селенія.

Съ промысловъ первыхъ шести классовъ налогъ взимается по системѣ раскладочной, съ остальныхъ пяти по системѣ окладной; оклады вообще не высоки.

Доходъ отъ промысловой подати постоянно, въ теченіе минувшихъ десяти лѣтъ, возрасталъ и по смѣтѣ на 1870 годъ составлялъ 5.237,000 тал., изъ которыхъ на расходы взиманія идетъ всего 3,4% съ валового дохода.

Сдѣланный обзоръ прусскихъ прямыхъ налоговъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ быть поставленъ, какъ однородный, на ряду съ собираемыми у насъ прямыми налогами, такъ какъ даже налогъ за право торговли и промысловъ имѣетъ у насъ гораздо болѣе характеръ личной подати, чѣмъ сбора съ торговыхъ оборотовъ, — показываетъ насколько обезпечены плательщики въ правильномъ взиманіи съ нихъ установленныхъ сборовъ. Это обезпеченіе не ограничивается, впрочемъ, основнымъ закономъ, по которому всѣ постановленія о податяхъ получаютъ силу закона только съ утвержденія представителей плательщиковъ въ ландтагѣ и короля, ни тою долею участія, которое принимаютъ сами плательщики при обложеніи ихъ прямыми податями. Независимо того, прусскій законъ грозитъ строгимъ наказаніемъ за всякій произволъ финансовыхъ чиновниковъ при взи-

маніи податей и при неуплатѣ налога дозволяетъ обращать взысканіе исключительно на имущество неисправнаго плательщика. По прусскимъ законамъ, понудительныя взысканія податей не допускаютъ ни военнаго постоя, ни личнаго задержанія плательщика. Ограничивая притязаніе фиска только имуществомъ плательщика, законъ и здѣсь постановляетъ имъ предѣлы. Такъ аресту не подлежатъ: необходимыя должнику, его женѣ, живущимъ при немъ родителямъ и дѣтямъ, сообразно съ ихъ званіемъ, постели, платье и бѣлье, а также постели для прислуги и необходимая въ хозяйствѣ домашняя и кухонная посуда, одна молочная корова и нужный на ея продовольствіе въ теченіе мѣсяца кормъ и подстилка; сверхъ того, у художниковъ и ремесленниковъ необходимые для ихъ занятій книги и инструменты; у земледѣльцевъ — необходимыя имъ орудія, скотъ и хозяйственный инвентарь, а также необходимый до слѣдующей жатвы хлѣбъ, сѣмена и кормъ для скота; при этомъ третья часть жатвы ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ заарестованію.

Несмотря однако на такое широкое огражденіе правъ плательщиковъ, недоборы налоговъ въ Пруссіи весьма незначительны, благодаря тому, что налоги не тяжелы, плательщики пользуются достаткомъ, а распространеніе грамотности и образованія содѣйствовало къ укорененію въ народѣ понятія о податной честности.

V.

Мы не станемъ подробно останавливаться на каждомъ изъ *косвенныхъ налоговъ*, существующихъ въ Пруссіи и отсылаемъ читателей, желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, къ труду г. Заблоцкаго.

Въ общей сложности, всѣ косвенные налоги дали по бюджету 1870 года 75.501,477 тал., въ томъ числѣ:

таможенныя пошлины	19.454,580	тал.
акцизъ съ свекловичнаго сахара .	7.505,380	„
„ „ соли	5.758,600	„
„ „ табаку	123,928	„
„ „ винокуренія	11.922,400	„
„ „ пивоваренія	2.270,000	„
налогъ на помолъ хлѣба . . .	1.644,910	„
„ „ убой скота	2.265,240	„
гербовый сборъ, въ томъ числѣ и пошлины съ газетъ, календарей и игральныхъ картъ . .	6.777,720	„
пошлины съ векселей	855,000	„

горная подать . . . . 722,599 тал.
пошлины и сборы по судебной
части . . . . 13.226,200 „

Изъ этихъ налоговъ, нѣтъ сомнѣнія, что налоги на соль, на помолъ и на убой скота прекращаютъ свое существованіе точно также, какъ и пошлины съ газетъ и календарей, а равно и доходъ съ лотерей (по смѣтѣ на 1870-й годъ въ 1.339,500 т.), которую бывшій министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ самъ называлъ „безнравственнымъ учрежденіемъ".

Налогъ на соль, послѣ уничтоженія въ 1868-мъ году во всемъ таможенномъ союзѣ монополіи, былъ установленъ въ 2 талера съ центнера, причемъ отъ акциза вовсе освобождена соль, предназначаемая для сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ цѣлей; но прусское правительство и ландтагъ одинаково сознаютъ его неудобство и неравномѣрное распредѣленіе, при которомъ онъ падаетъ преимущественно на низшіе классы. Устранить эти неудобства совершенною отмѣною налога на соль не дозволялъ балансъ государственнаго бюджета. Эта же причина объясняла сохраненіе лотерей, а также налоговъ на газеты и календари, и на помолъ хлѣба и на убой скота, установленный въ 75-ти городахъ взамѣнъ классной подати.

Но теперь, послѣ французско-прусской войны, когда прусская казна значительно обогатится контрибуціей, а министерство Бисмарка не имѣетъ, повидимому, желанія поддерживать феодаловъ, возставшихъ въ 1870-мъ году въ палатѣ господъ противъ замѣны налога на помолъ и убой скота подоходною податью, нѣтъ сомнѣнія, что эти источники государственныхъ доходовъ Пруссіи, противъ которыхъ давно возстаютъ лучшіе экономисты и народные представители,—скоро исчезнутъ изъ прусскаго бюджета.

Для насъ гораздо болѣе интереса представляетъ косвенный налогъ, дающій Пруссіи самый большой доходъ изъ всѣхъ косвенныхъ сборовъ именно—таможенныя пошлины, взимаемыя во всемъ германскомъ таможенномъ союзѣ на основаніи тарифа, выработаннаго Пруссіей, тарифа, при которомъ развилась промышленная и фабричная дѣятельность Германіи. У насъ слишкомъ часто раздаются голоса, то въ пользу безусловно покровительственнаго тарифа, то въ пользу абсолютной свободы торговли. Посмотримъ же теперь, при какихъ условіяхъ и на какихъ данныхъ выработалась въ Пруссіи таможенная реформа, которая, по словамъ г. Заблоцкаго (т. II, стр. 1), „принадлежитъ къ числу тѣхъ преобразованій, которыя послѣ іенскаго пораженія и тильзитскаго мира подняли въ Пруссіи народный духъ и остаются до сего времени однимъ изъ главныхъ основаній политическаго, экономическаго и умственнаго развитія этого государства".

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Пруссіи господствовала

старая запретительная система: большая часть иностранныхъ товаровъ, какъ-то: шерстяныхъ, льняныхъ, шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ были вовсе запрещены къ привозу; другіе, необходимые для потребленія предметы были обложены ввозною пошлиною въ 50—100% для защиты туземныхъ мануфактуръ отъ иностраннаго соперничества. Два обстоятельства измѣнили этотъ порядокъ: занятіе французами Берлина и повелѣнія короля Фридриха-Вильгельма I.

Въ 1806-мъ году французскій директоръ финансовъ въ Берлинѣ, не имѣя, конечно, никакого желанія покровительствовать прусскимъ фабрикантамъ,—приказалъ разрѣшить ввозъ французскихъ товаровъ во всѣ провинціи Пруссіи, занятыя французскими войсками. Это распоряженіе вызвало протестъ со стороны прусскихъ властей, объяснявшихъ, что прусская промышленность не можетъ выдержать соперничества французскихъ товаровъ. Протестъ этотъ не подѣйствовалъ на французское управленіе,—и французскіе товары допущены къ привозу въ Пруссію съ пошлиною отъ 10 до 4%.

Въ то же время повелѣнія прусскаго короля сильно ослабили старую запретительную систему. Еще и ранѣе 1806-го года король Фридрихъ-Вильгельмъ высказывалъ, что запретительная система представляетъ гораздо болѣе стѣсненій для народа, нежели сколько того требуютъ интересы государства и при томъ безъ всякой пользы для казны, такъ какъ часто издержки взиманія превышаютъ получаемый казною доходъ. „Когда я думаю—говорилъ король,—что главныя суммы государственныхъ доходовъ взимаются съ предметовъ первой необходимости, и когда, съ другой стороны, я замѣчаю, какъ ограничено число этихъ предметовъ, то меня объемлетъ ужасъ при видѣ фоліантовъ нашихъ тарифовъ". Эти мысли еще болѣе укрѣпились въ королѣ, когда онъ во время войны въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу къ народной нуждѣ, и пребывая въ лагеряхъ, деревняхъ и мелкихъ городахъ, вошелъ въ непосредственное сношеніе съ крестьянами. Тутъ онъ собственными глазами увидалъ нищету рабочаго класса, поденьщиковъ и земледѣльцевъ, понялъ и то, сколькихъ усилій стоило имъ обезпечить пропитаніе своихъ семействъ и какъ дорого приходилось имъ платить за предметы первой необходимости для того только, чтобы поддержать нѣсколько фабрикъ, тогда какъ эти предметы, въ особенности одежду, и дешевле и лучшаго качества можно пріобрѣтать за границею.

При такихъ-то обстоятельствахъ послѣдовало распоряженіе короля, дозволившее ввозъ иностранныхъ произведеній во всѣ провинціи, незанятыя непріятелемъ, съ оплатою всего $^1/_{12}$ или $8^1/_3$% съ цѣны.

Это распоряженіе вызвало въ однихъ мѣстахъ громкое одобреніе, въ другихъ—протесты и возраженія. Нѣкоторые изъ высшихъ правительственныхъ чиновниковъ прямо писали, что мысль о томъ, будто пониженная пошлина достаточна для покровительства туземнымъ фабри-

намъ, справедлива въ теоріи, но ложна на практикѣ; въ Берлинѣ, гдѣ еще распоряженія о пониженіи тарифа не были даже опубликованы, уже говорили о томъ, что вслѣдствіе этой мѣры многіе фабриканты распускаютъ своихъ рабочихъ. При такихъ условіяхъ король не рѣшился распространить пониженіе тарифа на другія провинціи, кромѣ прусской, и въ Мархіяхъ, Силезіи и Помераніи оставлена была пока запретительная система. Но тѣмъ не менѣе законодательство въ слѣдующіе годы не только не отступило отъ разъ высказаннаго взгляда, но все болѣе и болѣе склонялось къ свободной торговлѣ.

„Администрація—писалъ Штейнъ въ своей инструкціи провинціальнымъ управленіямъ—должна сколь возможно благопріятствовать промышленности, и самый полезный, въ этомъ отношеніи, путь—оставить промышленность естественному ея развитію, не покровительствуя ей въ особенности, и не стѣсняя ее до тѣхъ поръ, пока она не вредитъ религіи, нравамъ и государственному устройству. Было бы несогласно съ законами здравой экономіи выводить промышленность изъ этихъ предѣловъ, и требовать, чтобы она была постояннымъ удѣломъ того или другого класса гражданъ. Независимо отъ свободы *производить*, свобода *торговли* внутренней и внѣшней столь же существенно необходима для общаго благосостоянія. Отрасли промышленности, которыя въ состояніи держаться собственными силами, возникнутъ тогда сами собою и будутъ именно тѣ, которыя наиболѣе полезны странѣ и наиболѣе соотвѣтствуютъ ея потребностямъ. Ошибочно думать, что для народа выгодно производить то, что онъ можетъ получить дешевле отъ другихъ народовъ; излишки прибыли могли бы быть въ этомъ случаѣ употреблены съ бо́льшею пользою на другіе предметы; ошибочно также думать, что лучше вовсе ничего не покупать у иностранцевъ, чтобы деньги оставались въ странѣ.“

Признавая всю пользу свободы торговли и вредъ запретительной системы, прусское правительство продолжало однако, до 1817-го года, издавать только отдѣльныя распоряженія, касавшіяся ввоза и вывоза иностранныхъ товаровъ въ различныя прусскія провинціи. Наконецъ, въ 1817-мъ году графъ Бюловъ представилъ королю новый планъ финансоваго законодательства. Предлагая уничтожить всѣ внутреннія между провинціями таможни и принять одинъ общій тарифъ для ввоза, вывоза и транзита товаровъ, министръ прямо доказывалъ, что въ законодательствѣ до торговли и таможенъ относящемся слѣдуетъ принять за основное начало *свободу торговли*. По мнѣнію Бюлова слѣдовало позволить ввозъ, вывозъ и транзитъ всѣхъ товаровъ, и принять въ то же время необходимыя мѣры для покровительства національной промышленности, чтобы обезпечить ей достаточныя выгоды, сохранивъ право возмездія въ отношеніи тѣхъ государствъ, которыя откажутся отъ взаимности. Доказывая затѣмъ, что тарифъ

даже и на предметы роскоши долженъ быть умѣренный, а предметы первой необходимости должны быть или освобождены вовсе отъ пошлины, или обложены ею въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, министръ писалъ: „Надо принять за несомнѣнное, что высокій тарифъ уменьшаетъ доходы государства и увеличиваетъ выгоды контрабанды. Высокій тарифъ, равняясь запрещенію, увеличиваетъ подлоги и обманы, пріучаетъ публику смотрѣть на контрабанду, какъ на необходимое условіе торговли, заставляетъ и честныхъ людей принимать участіе въ незаконной торговлѣ. Нельзя равнодушно смотрѣть на развращеніе народа, наводя его на ложный путь и подвергая искушеніямъ самихъ агентовъ правительства. Не надо забывать, что нравы сильнѣе законовъ. Здраво понимаемые интересы финансовой администраціи требуютъ прежде всего, чтобы они были примирены съ общественнымъ мнѣніемъ, а этого можно достигнуть только умѣренностью и справедливостью".

Этотъ докладъ министра финансовъ поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, гдѣ и образована была, для предварительныхъ соображеній, особая коммиссія изъ 24-хъ лицъ, по избранію самого короля, подъ предсѣдательствомъ В. Гумбольдта, человѣка, по своему образованію и общественному положенію, стоявшему выше всякихъ партій. Коммиссіи этой предстояло рѣшить существенный вопросъ о томъ: пригодна ли для Пруссіи свобода торговли и не будетъ ли вредно для національной промышленности дозволеніе ввоза всѣхъ товаровъ съ умѣренною пошлиною. Большинство членовъ этой коммиссіи высказалось за допущеніе ввоза иностранныхъ товаровъ съ пошлиною въ 10% съ цѣны.

Узнавъ объ этомъ, прусскіе фабриканты подняли сильную агитацію, требуя сохраненія запретительной системы. Чтобы успокоить ропотъ рѣшено было образовать особую спеціальную коммиссію, въ которой могли бы быть высказаны всѣ мнѣнія заинтересованныхъ сторонъ и въ которую приглашены были, въ качествѣ экспертовъ, негоціанты и фабриканты. Большинство этой спеціальной коммиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, высказалось за возстановленіе запретительной системы. Въ мнѣніи этомъ прямо выражалось, что „свободный ввозъ разрушитъ большую часть фабрикъ, лишитъ заработной платы множество работниковъ и, не говоря о бѣдности и страданіяхъ, къ которымъ они будутъ приведены, уменьшитъ поступленіе другихъ косвенныхъ податей, такъ какъ потребленіе вообще уменьшится". Съ этимъ мнѣніемъ коммиссіи не согласились только два изъ ея членовъ, и въ томъ числѣ бывшій наставникъ братьевъ Гумбольдтовъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ министровъ Струензе и Штейна, Кунтъ, человѣкъ обширнаго ума и глубокихъ познаній. Кунтъ блистательно опровергъ мнѣніе большинства коммиссіи. „Опасеніе, говорилъ онъ, что ввозъ ино-

странныхъ произведеній подорветъ національную промышленность, происходитъ отъ неполнаго знакомства съ разсматриваемымъ предметомъ; если же этотъ страхъ основателенъ, то онъ лучше всего доказываетъ тщету долговременныхъ усилій правительства, безполезность жертвъ, принесенныхъ народомъ и логическую необходимость отказаться отъ системы, которая взамѣнъ столькихъ трудовъ и издержекъ приносила лишь недозрѣлые плоды".

По мнѣнію Кунта, истинная промышленность не боится соперничества, а если есть отрасли промышленности, которыя страшатся быть уничтоженными, то это тѣ, которыя поддерживаются искусственно, лишенныя всякой жизненности, это паразиты, которые живутъ только общественнымъ подаяніемъ, милостынею. Для благосостоянія Пруссіи, утверждалъ Кунтъ, надо желать, чтобы въ ней была допущена полная свобода торговли; но какъ въ настоящее время и общественное мнѣніе, и отчасти интересы казны противъ такой неограниченной свободы, то надо избрать среднюю мѣру — допустить ввозъ иностранныхъ товаровъ, обложивъ ихъ умѣренною пошлиною.

Когда мнѣнія большинства и меньшинства спеціальной коммиссіи поступили въ коммиссію государственнаго совѣта, то туда посыпались новыя записки отъ фабрикантовъ противъ свободы торговли. Но эта агитація не остановила правительства: королевскимъ повелѣніемъ 1-го августа 1817-го года было объявлено: „что свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ съ умѣренною пошлиною будетъ служить впредь основаніемъ торговаго законодательства Пруссіи".

Вслѣдъ затѣмъ былъ составленъ, и 26-го мая 1818-го года утвержденъ королемъ, новый тарифъ, главныя основанія котораго были: начало умѣренной свободы торговли, позволяющее ввозить и продавать всякаго рода произведенія, сырыя или мануфактурныя; полная свобода вывоза товаровъ; обложеніе иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, среднимъ числомъ 10% пошлиною; взиманіе пошлины съ вѣса, мѣры и поштучно; отстраненіе всякихъ стѣсненій, или ограниченій торговли внутри государства; пересмотръ тарифа чрезъ каждые три года.

Уже черезъ годъ послѣ обнародованія новаго закона, Пруссія увидѣла совершенную необходимость привлечь въ свою таможенную систему лежавшія среди ея территоріи чужія земли. Съ этою цѣлью въ 1819-мъ году начались переговоры, и въ томъ же году заключенъ былъ первый таможенный договоръ съ Шварцбургъ-Зондергаузеномъ, и такимъ образомъ положено основаніе таможенному союзу, къ которому присоединились, начиная съ 1822-го по 1831-й годъ, еще 14 государствъ, принявшихъ съ тѣмъ вмѣстѣ прусскій таможенный тарифъ 1818-го года.

Вскорѣ затѣмъ возникъ вопросъ: не выгоднѣе ли было бы и всѣмъ

остальнымъ государствамъ Германіи присоединиться къ Пруссіи и составить съ нею одинъ таможенный союзъ. Разрѣшеніе этого вопроса встрѣтило главное затрудненіе въ томъ, что существовавшій въ южныхъ государствахъ тарифъ былъ гораздо либеральнѣе прусскаго тарифа. Въ виду однакожъ несомнѣнныхъ выгодъ объединенія торговаго законодательства, сдѣланы были обоюдныя уступки, и такимъ путемъ образовался „германскій таможенный союзъ", имѣвшій огромное вліяніе на экономическое и политическое развитіе какъ Пруссіи, такъ и Германіи вообще.

Основанія таможеннаго союза пересматривались нѣсколько разъ; нынѣшнее его устройство утверждено трактатомъ 1867-го года, имѣющимъ силу на 12 лѣтъ. Пространство союза составляетъ 9,047,44 квадр. миль съ населеніемъ въ 38,302,103 чел.

Условія, которымъ подчинились государства, вступившія въ таможенный союзъ, не ограничиваются одними торговыми отношеніями, опредѣляемыми обыкновенно торговыми международными трактатами; условія эти идутъ глубже: германскій таможенный союзъ представляетъ федерацію государствъ, съ особыми законодательными и административными учрежденіями — таможеннымъ парламентомъ и таможеннымъ совѣтомъ. Въ предѣлахъ таможеннаго союза установлены общіе таможенные законы, таможенное устройство, тарифъ и карательныя мѣры за нарушеніе таможенныхъ законовъ; сверхъ того, состоялось соглашеніе относительно предѣловъ налога на соль и свекловичный сахаръ и одинаковаго обложенія нѣкоторыхъ предметовъ производства и потребленія. Общіе доходы союза дѣлятся между союзными государствами пропорціонально ихъ населенію.

Въ послѣдніе годы таможенный союзъ вступилъ открыто на путь либеральной торговой системы. Доказательствомъ тому служитъ позднѣйшій, 17-го мая 1870-го года, таможенный законъ. „Нынѣшній тарифъ таможеннаго союза, замѣчаетъ г. Заблоцкій (Т. I стр. LXXIII), есть наиболѣе умѣренный изъ тарифовъ, которыхъ держатся прочія великія континентальныя державы; онъ принялъ характеръ преимущественно финансовый, и устраняя цѣли покровительственныя, по крайней мѣрѣ говоря вообще, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ развитіе экономическихъ интересовъ внутри страны чрезъ увеличеніе торговыхъ сношеній съ другими государствами".

Нечего и говорить, что нашъ тарифъ далеко отсталъ отъ германскаго. Какъ извѣстно, нашъ тарифъ подвергался довольно частымъ перемѣнамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія наши таможенныя постановленія носили на себѣ печать запретительной системы, и хотя въ 1820-мъ году введенъ былъ тарифъ на широко-свободныхъ началахъ, но этотъ тарифъ просуществовалъ всего три года и затѣмъ снова установлена старая система, дѣйствовавшая съ небольшими

перемѣнами до 1851-го года. Въ эти тридцать лѣтъ наши фабрики и мануфактуры, пользуясь отсутствіемъ соревнованія съ иностранными производителями, пріобрѣли большіе барыши, но впередъ подвинулись не много; за то въ значительной степени подвинулась впередъ контрабанда. Изданіемъ тарифовъ 1850-го и 1857-го годовъ предполагалось нѣсколько помочь этому злу и сдѣлать нѣкоторый переходъ отъ запретительной системы къ охранительной. При составленіи обоихъ тарифовъ были обложены пошлиною, сравнительно высшею, предметы первой необходимости, сбавлены пошлины на вспомогательные матеріалы для фабрикъ и ремеслъ и обложены умѣренными пошлинами такія иностранныя издѣлія, которыя не представляли для нашихъ фабрикъ опаснаго соперничества. Несмотря на такую заботливость объ интересахъ нашихъ фабрикантовъ, нельзя конечно сказать, чтобы они слишкомъ заботились объ улучшеніи своего производства, которое ни подъ запретительнымъ, ни подъ охранительнымъ тарифомъ далеко еще не достигло желаемаго развитія. Тѣмъ не менѣе, когда, спустя 10 лѣтъ послѣ изданія тарифа 1857-го года, сдѣлалась очевидна необходимость измѣненія тарифа, наши фабриканты снова завопили о поддержкѣ отечественнаго производства. Къ сожалѣнію и въ новомъ тарифѣ 1868-го года гораздо болѣе проглядываетъ охраненіе интересовъ фабрикантовъ, нежели стремленіе къ удовлетворенію нуждъ потребителей; хотя же въ этомъ послѣднемъ тарифѣ сдѣланы нѣкоторыя облегченія, но за то, съ другой стороны, установлены пошлины на такіе предметы, которые до тѣхъ поръ ввозились свободно; такъ установлены пошлины на машины исключительно въ видахъ покровительства отечественному производству машинъ.

Вмѣсто всякихъ дальнѣйшихъ общихъ разсужденій о германскомъ и нашемъ тарифѣ, мы приведемъ нѣкоторыя сравненія, которыя могутъ дать гораздо болѣе вѣрное понятіе о развитіи торговли въ Германіи и Россіи и о торговой политикѣ обоихъ государствъ.

Въ германскомъ таможенномъ союзѣ въ 1867 году весь оборотъ внѣшней торговли простирался до 1,032 мил. талеровъ (привозъ на 580 милл. тал., вывозъ 452 милл. тал.), что при народонаселеніи въ 38 мил. душъ обоего пола составляетъ около 28 тал. на 1 человѣка.

Въ Россіи, въ 1870 году, весь оборотъ внѣшней торговли по европейской и азіатской границѣ простирался до 696 милл. руб. (отпускъ 360 мил. руб., привозъ на 336 мил. руб.), что при народонаселеніи въ 80 милл. душъ обоего пола составляетъ 8,7 рубля на 1 человѣка.

Таможенный валовой доходъ составлялъ въ германскомъ союзѣ до 24.135,829 тал., или 0,63 тал. на 1 человѣка.

Въ Россіи таможенный доходъ простирался до 42.145,042 р. сер., или 0,52 р. на 1 человѣка.

И въ Германіи, и Россіи таможенный доходъ поступаетъ главнымъ

образомъ съ привозныхъ товаровъ. Въ Германіи валовой таможенный доходъ составляетъ 4,1% всей суммы привоза, а въ Россіи онъ достигаетъ до 13%. Это показываетъ, до какой степени нашъ тарифъ выше тарифа германскаго таможеннаго союза.

Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ наибольшій таможенный доходъ доставляютъ кофе, болѣе 30%, и табакъ 12% [1]), желѣзо, сырое и въ издѣліяхъ 6½%, вино 6%, сахаръ сырецъ 5½% [2]), южные фрукты 2%, рисъ [3]), шерстяные товары, бумажная пряжа и бумажные товары по 2½%; пряности, шелковые и полушелковые товары по 2%.

Въ Россіи, принимая въ основаніе „Виды внѣшней торговли" за 1870 годъ, оказывается, что наибольшій доходъ доставляетъ чай [4]), именно до 20% всего таможеннаго сбора, затѣмъ напитки и соль даютъ по 8%, шерстяныя издѣлія 6% [5]), масло деревянное 5% [6]), бумажныя издѣлія и металлы по 4%, шелковыя издѣлія 3%, фрукты и табакъ по 2½%, кофе 1½%.

VI.

Въ числѣ прусскихъ налоговъ и податей встрѣчаются нѣкоторые источники доходовъ, вовсе чуждые нашему бюджету, какъ-то классная и классифицированная подати, налогъ на помолъ хлѣба и убой скота, пошлины съ газетъ и календарей, лотереи, пошлины съ игральныхъ картъ и доходы отъ кредитныхъ учрежденій. Послѣдніе два рода государственныхъ доходовъ, хотя и не заносятся въ нашъ бюджетъ, но на самомъ дѣлѣ существуютъ; только пошлины съ картъ поступаютъ въ спеціальные доходы вѣдомства учрежденій императрицы Маріи (которое въ вознагражденіе за этотъ доходъ уплачиваетъ въ казну всего 18,386 р. въ годъ), а доходъ государственнаго банка имѣетъ, какъ мы уже говорили, по своему уставу,—спеціальное на-

---

[1]) Табакъ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германскомъ союзѣ по 1⅓ тал. въ листахъ, 3⅓ т. курительный приготовленный, и 6⅔ т.—сигары. Въ Россіи тѣ же сорта табаку оплачиваютъ 4 р. 40 к., 26 р. 40 к. и 88 рублей.

[2]) Сахаръ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германіи 1⅔ т. рафинадъ и 1⅓ сырецъ, въ Россіи 4 р. 50 к. и 3 р.

[3]) Рисъ обложенъ пошлиною съ пуда: въ Германіи 5 зильб., въ Россіи 50 коп.

[4]) Въ Германіи пошлина съ чая составляетъ 8 тал. съ центнера или 2⅓ тал. съ пуда, — у насъ по европейской торговлѣ чай обложенъ пошлиною въ 22 р. (цвѣточный) и 15 р. 40 к. торговый.

[5]) Шерстяныя издѣлія валеныя и тканыя въ Германіи подведены подъ 4 подраздѣленія съ пошлиною отъ 3⅓ до 10 тал. съ пуда; у насъ тѣ же предметы имѣютъ 12 подраздѣленій съ пошлиною отъ 10 до 1 р. 20 к. съ фунта.

[6]) Масло деревянное, столь необходимое для фабрикъ, съ примѣсью скипидара въ Германіи ввозится безпошлинно, у насъ оно обложено 1 р. 80 к. съ пуда.

значеніе; впрочемъ въ бюджетъ заносится доходъ отъ польскаго банка, гдѣ также есть доходъ съ лотереи[1]).

Но самое существенное различіе нашей всей податной системы отъ прусской состоитъ въ томъ, что у насъ не соблюдается основное финансовое начало—*всеобщность податей.*

У насъ съ одной стороны существуютъ отдѣльныя системы податей въ привислинскихъ губерніяхъ, закавказскомъ краѣ и туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, не сходныя съ системою податей, существующею въ прочихъ частяхъ имперіи, гдѣ въ свою очередь цѣлыя области, именно населенныя казаками, не несутъ прямыхъ податей, а взамѣнъ того отправляютъ военную службу[2]); съ другой стороны здѣсь же только низшія сословія несутъ прямые налоги и потому носятъ названіе податныхъ сословій[3]); личная, или подушная подать взимается съ лицъ, въ иныхъ мѣстахъ съ домовъ, въ другихъ съ семействъ. Въ число плательщиковъ входятъ и кочевые народы (свыше 2 милліоновъ душъ обоего пола), платящіе прямые налоги съ кибитокъ и со скота, и бродячіе инородцы, платящіе такъ-называемый ясакъ частію звѣриными шкурами, частію деньгами.

Податныя сословія въ Россіи выплачиваютъ не только прямые, лежащіе на нихъ налоги, но и большую часть налоговъ косвенныхъ; высочайше учрежденная коммиссія для пересмотра системы податей вычислила, что изъ общей суммы всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ крестьяне и мѣщане въ 1862-мъ году уплатили 76%.

Говоря о нашемъ бюджетѣ, эта коммиссія замѣчаетъ[4]), что всѣ существующіе въ имперіи прямые и косвенные налоги можно раздѣлить на три отдѣла: во-первыхъ, на подати, которыя уплачиваются исключительно низшимъ классомъ жителей; во-вторыхъ, на уплачиваемые исключительно высшими состоятельными классами налоги, и въ-третьихъ, на пошлины, которыя распредѣляются, хотя и въ различной пропорціи, на всѣ классы народа.

Къ первымъ коммиссія относитъ подушную и оброчную подати, всего въ 1872-мъ году около 80.000,000 р., питейный доходъ 162.428,422 р., соляной доходъ 12.523,070 р. и паспортный сборъ 2.416,000 руб.

Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ дохода, т.-е. въ соляномъ сборѣ и паспортномъ доходѣ участвуютъ, правда, и высшіе классы жителей,

---

[1]) Доходъ съ лотереи въ губерніяхъ царства польскаго исчисленъ на 1872 г. въ количествѣ 227.939 р., а отъ польскаго банка въ количествѣ 823,900 р.

[2]) Число казачьяго сословія простирается до 2.209,588 душъ обоего пола, занимающаго 53.556,322 десят. земли (Обозрѣніе госуд. доходовъ стр. 118).

[3]) Число лицъ, не платящихъ прямыхъ налоговъ, простирается свыше 3½ мил. душъ обоего пола (тамъ же стр. 121).

[4]) Труды коммиссіи высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ. Т. III. Прямые налоги.

но участіе это весьма незначительно въ сравненіи съ тою частію этихъ налоговъ, которая ложится на народъ.

Ко второй категоріи, т.-е. къ налогамъ, вносимымъ исключительно высшими состоятельными классами народа, слѣдуетъ отнести пошлину съ частныхъ горныхъ заводовъ и съ золотопромышленности—3.310,616 р., подорожный сборъ 346,000 р., крѣпостныя и канцелярскія пошлины 4.823,000 р., табачный акцизъ 9.121,035 р., свеклосахарный акцизъ 3.072,820.

Наконецъ къ третьей категоріи, т.-е. къ пошлинамъ, распредѣляющимся на всѣ классы народа относятся: почтовый сборъ 9.012,797 р., гербовый 7.356,000 р., сборъ за право торговли 12.390,000 р., шоссейный сборъ 335,953 р., и таможенный сборъ 43.815,500 р.; въ послѣднемъ участіе высшихъ классовъ имѣетъ преобладающее значеніе, однако значительная часть пошлинъ съ фабричныхъ матеріаловъ, сахара, чая и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ уплачивается низшими классами.

Такимъ образомъ, болѣе половины всѣхъ доходовъ имперіи лежатъ исключительно на низшихъ малоимущихъ классахъ народа. При этомъ главный доходъ (винный и соляной) лежитъ на народномъ потребленіи, затѣмъ подушный и паспортный сборъ сбирается съ личнаго труда, а подать оброчная съ земли и промысловъ. Капиталъ же, какъ движимый, такъ и недвижимый, совершенно изъятъ отъ всякаго прямого государственнаго налога. „Въ нашей податной системѣ, по замѣчанію коммиссіи, представляется, съ одной стороны, значительное обложеніе личнаго труда, а съ другой стороны—освобожденіе капитала, даже въ видѣ недвижимостей, т.-е. самаго раціональнаго предмета обложенія, отъ всякаго прямого государственнаго налога“.

Подобнаго распредѣленія податей не существуетъ ни въ одномъ изъ государствъ Европы. По вычисленію той же коммиссіи выходитъ, что, сравнивая нашъ бюджетъ съ бюджетами Великобританіи, Франціи и Бельгіи, оказывается, что путемъ налоговъ взимается съ высшихъ классовъ: въ Великобританіи 52%, во Франціи 49%, въ Бельгіи 45% и въ Россіи 17%, а съ низшихъ классовъ: въ Великобританіи 40%, во Франціи 30%, въ Бельгіи 29% и въ Россіи 76%, т.-е. низшій классъ платитъ въ Россіи, среднимъ числомъ, вдвое болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ; гдѣ земледѣльческіе продукты имѣютъ гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ у насъ, гдѣ несравненно сильнѣе развита промышленность и дороже цѣнится рабочій трудъ. Съ тѣхъ поръ, какъ податная коммиссія дѣлала свои вычисленія, положеніе не только не улучшилось, но еще ухудшилось, ибо дальнѣйшее возвышеніе государственныхъ доходовъ производилось главнѣйшимъ образомъ на счетъ низшихъ классовъ.

Кромѣ государственныхъ повинностей денежныхъ, изъ которыхъ го-

сударственный земскій сборъ и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ превышаютъ 25 мил. рублей, они отбываютъ нѣкоторыя государственныя повинности натурой [1]); въ числѣ послѣднихъ самую тяжелую составляетъ повинность рекрутская, которую князь А. Васильчиковъ [2]), переводя на денежный счетъ, по цѣнамъ рекрутскихъ квитанцій и числу ежегодно поставляемыхъ рекрутъ, опредѣляетъ стоимостью отъ 75 до 90 милліоновъ рублей въ годъ. Кромѣ того они отбываютъ губернскія повинности отчасти натурою, отчасти деньгами. Всѣ эти тягости и платежи, сложенные вмѣстѣ, составятъ въ годъ сумму, превышающую 150 мил. рублей.

Но и это еще не все. Наша податная система не только возложила на низшіе классы всю массу прямыхъ государственныхъ налоговъ и огромную часть налоговъ косвенныхъ, но еще связала плательщиковъ круговой порукой и паспортами по рукамъ и по ногамъ въ пріисканіи средствъ уплачивать налоги; она-то преимущественнно держитъ нашихъ крестьянъ на степени, близкой къ пролетаріату и не даетъ имъ подняться и стать на ноги. „Наше прославленное богатство, говоритъ г. Скалдинъ въ своей замѣчательной книгѣ [3]), выставляемое напоказъ небольшимъ числомъ счастливцевъ изъ привилегированныхъ классовъ, есть только бархатная заплатка на сермяжномъ рубищѣ; но стóитъ только проѣхаться внутрь Россіи, чтобы видѣть, что эта страна нищенствующихъ, голодныхъ и холодныхъ. Надобно не знать, или не желать знать дѣйствительнаго положенія крестьянъ, чтобы не видѣть, что и безпечность, и пьянство и нравственное отупѣніе происходятъ у нихъ главнымъ образомъ отъ безвыходности ихъ положенія, отъ того, что они принуждены ограничивать всѣ свои помыслы и надежды только двумя цѣлями: уплатить повинности и наполнить чѣмъ попало свои желудки. Тѣ же самые пороки и недостатки, съ роковымъ постоянствомъ, повторяются во всемъ мірѣ, среди тѣхъ рабочихъ классовъ, которые при всемъ своемъ трудѣ лишены надежды на улучшеніе своего быта. Положеніе 19 февраля 1861 года остановилось именно на той чертѣ, до которой никакіе

---

[1]) По позднѣйшему вычисленію податной коммиссіи оказывается, что во всей Россіи за исключеніемъ прибалтійскихъ губерній и земли войска донскаго, среднимъ числомъ, причитается подушной подати и государственнаго земскаго сбора (взимаемаго съ душъ) по $50^3/_4$ к. на крестьянскую десятину; выкупные платежи съ крестьянъ-собственниковъ составляютъ въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ отъ 6 до 7 р. 20 к. на душу и отъ 1 р. 15 к. до 2 р. 40 к. на десятину; подушныхъ земскихъ и выкупныхъ платежей крестьяне платятъ отъ 10 до 13 р. на душу или отъ 1 р. 0 и до 3 р. 50 к. на десятину и отъ 30 р. до 60 р. и болѣе со двора.

[2]) О самоуправленіи Т. I, стр. 174—175.

[3]) Въ захолустьи и въ столицѣ. С.-Петербургъ. 1870, стр. 110 и 96—97.

доводы справедливости, права и государственной выгоды не могли быть въ пользу помѣщиковъ, но всѣ были въ пользу крестьянъ. Положеніе дало крестьянамъ въ обрѣзъ то количество земли, которое, при установленномъ въ пользу помѣщиковъ оброкѣ, обезпечиваетъ крестьянамъ только уплату податей и насущный хлѣбъ, и притомъ обезпечиваетъ имъ то и другое лишь въ благопріятные годы".

Насколько вѣрно замѣчаніе г. Скалдина и какъ неосновательно господствовавшее у насъ недавно мнѣніе о неисчерпаемыхъ богатствахъ Россіи,—это какъ нельзя яснѣе подтверждается частными и оффиціальными изслѣдованіями положенія различныхъ мѣстностей Россіи.

Значительная часть сѣверныхъ губерній занята болотами и лѣсами, неспособными къ культурѣ по климатическимъ условіямъ.

„Смертность жителей Верхоленскаго округа Иркутской губерніи, говоритъ докторъ Шперкъ [1]), очень замѣчательна, а средняя продолжительность жизни мала, что должно обусловливать быстрое смѣненіе одного поколѣнія другимъ, причемъ, естественно, въ массѣ народонаселенія должны преобладать дѣти и юноши, недостигшіе 15-ти лѣтъ, а при болѣе значительной смертности мужчинъ — женщины; все это представляетъ невыгодныя условія для народонаселенія. Въ чемъ же заключаются причины этой неутѣшительной смертности и кратковременности жизни народонаселенія Верхоленскаго округа? Какъ извѣстно, вліяніе на здоровье какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всей массы населенія оказываютъ: почва и климатъ страны, достатокъ жизненныхъ припасовъ, богатство жителей и самый образъ жизни народа, т.-е. жилища, промышленность, народное образованіе, законы, религія и проч."

Описывая экономическій бытъ Вятской губерніи г. Заволжскій [2]) вычисляетъ, что расходы населенія губерніи на уплату податей всякаго рода и жизненныя потребности превосходятъ въ годъ его доходы болѣе, чѣмъ на 88 тыс. рублей. Вліяніе неудовлетворительнаго экономическаго быта населенія г. Заволжскій обрисовываетъ такъ: „Ѣда мякины и другихъ неудобоваримыхъ суррогатовъ повліяли на органическое развитіе населенія. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волосы рѣдкіе, мускулы слабы и дряблы, и такимъ образомъ оно физически совершенно вырождается. Средній процентъ увеличенія населенія не превышаетъ 1%, т.-е. нужно сто лѣтъ, чтобы населеніе удвоилось. Вѣчная безуспѣшная борьба съ го-

---

[1]) Верхоленскій округъ Иркутской губерніи, амурскаго областного врача Ф. Шперка. Медико-топографическій сборникъ, изд. медицинскаго департамента м. в. д. Т. I стр. 156.

[2]) Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи, составленное Я. А. Заволжскимъ. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. 1872.

лодомъ повліяла на характеръ населенія, развивъ апатію, неподвижность и неразсчетливость".

Если таково положеніе сѣверныхъ губерній, то немногимъ лучше положеніе на югѣ и въ средней полосѣ Россіи. Оставляя въ сторонѣ южныя безплодныя степи, какова, напримѣръ, калмыцкая степь въ Астраханской губерніи, занимающая пространство въ 8 мил. десятинъ, на которомъ едва можетъ существовать скудное и постепенно вырождающееся населеніе кочующихъ калмыковъ, недостигающее и 120,000 душъ обоего пола [1]), обратимся къ Харьковской губерніи, лежащей въ черноземной полосѣ и находящейся, повидимому, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. „Бытъ сельскаго населенія и въ особенности экономическая сторона его", говоритъ г. Леонтовичъ [2]), „идетъ такимъ путемъ, что оказываетъ значительное вліяніе на здоровье жителей. Такимъ образомъ, исключительное земледѣліе порождаетъ всѣ невыгоды, зависящія отъ степени и силы урожая хлѣба. Есть значительный урожай,—жители пользуются довольствомъ и даже остается большая часть запасовъ безъ сбыта, по отсутствію путей сообщенія; нѣтъ урожая—мѣстное населеніе терпитъ большую нужду въ продовольствіи, а слѣдовательно, подрывается и основа его благосостоянія и, равносильно этому, здоровье. Фабричная и заводская промышленность мало развита, да и та основана на довольно одностороннихъ началахъ—на эксплуатаціи рабочаго класса владѣльцами; вотъ почему она мало приноситъ истинной пользы. Эти довольно полновѣсныя причины бѣдности простого народа въ особенности поразительно вліяютъ въ концѣ зимы и весною. Плохой урожай мало обезпечиваетъ жителей исключительно земледѣльческой страны; запасовъ, за исключеніемъ предназначенныхъ для будущаго посѣва, иногда хватаетъ только до весны; вотъ почему это время года, вообще вредное, по своимъ климатическимъ условіямъ, оказывается еще болѣе вреднымъ въ силу истощенія питательнаго матеріала, поддерживающаго жизнь цѣлыхъ обществъ. Мѣстному населенію, конечно, если у него нѣтъ запасныхъ магазиновъ и суммъ, предоставляется голодать".

Что голодная смерть и сопровождающія ее эпидеміи могутъ находить себѣ обильную жатву въ Россіи, что въ ней господствуетъ, сравнительно съ другими государствами Европы, значительная смертность и весьма не велика средняя продолжительность жизни,—все это какъ нельзя болѣе объясняется невѣжественностью и крайней бѣдностью

---

[1]) Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи. Составилъ главный попечитель калмыцкаго народа К. Костенковъ. С.-Петербургъ 1870, стр. 161.

[2]) Медико-топографическое и медико-статистическое описаніе Харьковской губерніи. А. Леонтовича. Медико-топографическій сборникъ, изд. медицинскаго департамента м. в. д. Т. II, стр. 149—150.

простого народа. Доказывая цифрами, какое гибельное вліяніе имѣли неурожайные годы въ періодъ времени съ 1844 — 1863 гг. на браки, рождаемость и смертность въ европейской Россіи, г. Архангельскій указываетъ на необходимость развитія народныхъ массъ путемъ образованія и такъ оканчиваетъ свое поучительное изслѣдованіе [1]): „Въ исторіи нѣтъ и не было примѣровъ, чтобы невѣжественный народъ достигъ высокаго экономическаго благосостоянія; народное богатство, какъ доказываетъ политическая экономія, создается только черезъ знаніе окружающей природы и разумную эксплуатацію ея, всѣ же богатства, создаваемыя черезъ эксплуатацію невѣжественныхъ массъ, ничтожны и мало полезны по отношенію къ этимъ массамъ и въ бѣдственные годы оказываются безсильными. Нельзя не согласиться, что если въ прежнее время высшіе администраторы видѣли въ невѣжествѣ узду для народа, то единственно только потому, что не видѣли въ этомъ невѣжествѣ страшнаго бича для того же народа".

При такой крайней бѣдности погруженныхъ въ невѣжество низшихъ классовъ и преимущественно крестьянства, уплата ими податей и всякихъ сборовъ объясняется, конечно, въ значительной степени тѣми мѣрами, какія употребляются для взысканія недоимокъ. У насъ, какъ извѣстно, взысканіе недоимокъ производится не только съ имущества несостоятельнаго плательщика, но еще и онъ самъ подвергается тѣлесному наказанію. Отъ этого при сужденіи о какой-либо губерніи, въ которой нѣтъ недоимокъ на крестьянахъ, не рѣдко слѣдуетъ это объяснять не исправностью состоятельныхъ плательщиковъ, а тѣми „энергическими" мѣрами, которыя мѣстная администрація употребила для взысканія податей.

Понятно, однако, что такое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ. „Послѣдствія неравномѣрнаго обложенія, замѣчаетъ князь А. Васильчиковъ [2]), уже проникли глубоко и тѣ же самыя грозныя тучи, которыя накопились вѣками надъ прочими народами, висятъ и надъ нами, привлеченныя несправедливостями новѣйшихъ временъ. Еще у насъ не представляется такихъ рѣзкихъ предзнаменованій внутреннихъ междоусобій, какъ во Франціи, или Германіи; еще сословная рознь не превратилась въ сословную вражду. Добродушіе нашихъ народныхъ нравовъ смягчаетъ суровость нашихъ податныхъ законовъ. Но нельзя скрывать отъ себя, что сѣмена раздора посѣяны и у насъ на той же почвѣ, на которой они выросли въ феодальной Европѣ, на почвѣ неравномѣрной и несправедливой податной системы. Въ Россіи, какъ и во Франціи, государство сохранилось трудами, деньгами и личной

---

[1]) Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи и проч., издан. медицинскимъ департаментомъ. Т. I, 1872. стр. 288.

[2]) О самоуправленіи. Томъ I, стр. 167—169.

работой простого народа. Въ Россіи, какъ и во Франціи, натуральными повинностями крестьянъ рылись канавы, мостились дороги, перевозились войска, содержались почты и кормились воеводы. Въ Россіи, точно также, какъ и во Франціи, дворянство, первоначально уволенное отъ казенныхъ податей, взамѣнъ службы имъ исправляемой, впослѣдствіи избавилось отъ всѣхъ обязательствъ, но не приняло на себя соотвѣтствующей доли другихъ повинностей, и осталось, такимъ образомъ, сословіемъ привилегированнымъ, то-есть празднымъ, среди всѣхъ прочихъ сословій рабочихъ и податныхъ... Еще открыта дверь, черезъ которую образованныя сословія могутъ вступить въ связь съ простымъ народомъ — принимая на себя соразмѣрную ихъ имуществамъ часть народныхъ тягостей."

По счастію, скажемъ мы, наше земство нашло эту „дверь" прежде, нежели она захлопнулась. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ огромномъ значеніи, какое имѣетъ единогласное заявленіе *тридцати* губернскихъ земскихъ собраній, въ отвѣтъ на поступившій на нхъ обсужденіе проектъ податной коммиссіи о замѣнѣ подушныхъ сборовъ подворнымъ налогомъ и поземельною податью,—о необходимости призвать къ отбыванію государственныхъ повинностей всѣхъ лицъ, безъ всякаго исключенія. Ставя кореннымъ началомъ финансовой реформы принципъ всесословнаго налога, земскія собранія объясняли, что они приняли это начало не только по требованіямъ справедливости, но, главнымъ образомъ, по чисто экономическимъ соображеніямъ [1]). Признавая неудовлетворительнымъ положеніе податныхъ классовъ, обремененныхъ непомѣрными государственными и другими сборами, положеніе, которое грозитъ въ будущемъ не только повсемѣстными недоборами въ податяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ истощеніемъ производительныхъ силъ народа, — земскія собранія пришли къ заключенію, что прежде всего слѣдуетъ навсегда отрѣшиться отъ дѣленія гражданъ на податныя и неподатныя сословія, дабы тѣмъ самымъ открыть новые источники на покрытіе государственныхъ расходовъ.

При этомъ губернскія земскія собранія одни ограничились за-

---

[1]) Херсонская управа пришла къ тому выводу, что податное населеніе Россіи выплачиваетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ: мужчина 4 р. 89 к.; а женщина 2 р. 8 к., а за уплатою этихъ повинностей на долю каждаго работника остается въ годъ всего 27—29 рублей изъ его доходовъ. Новгородская управа вычислила, что на семью въ 6 человѣкъ остается въ годъ за расходами 19—21 р. на всѣ житейскія потребности. Самарская управа вычислила, что чистый доходъ крестьянъ этой губерніи съ земли и заработковъ не превышаетъ 10 р. 87 к. на душу въ годъ или 3 коп. въ день. По вычисленію Симбирской управы, бывшій помѣщичій крестьянинъ этой губерніи для уплаты лежащихъ на немъ повинностей долженъ отдать всѣ свои доходы отъ земли, промысловъ и заработковъ, и все-таки на немъ остается еще въ недоимкѣ 92 копѣйки въ годъ.

явленіемъ, что налоги должны быть взимаемы со всѣхъ сословій и платежныхъ силъ государства [1]), другія высказались, кромѣ того, въ пользу той или другой системы обложенія, но уклонились отъ выработки проектовъ [2]), и наконецъ, третьи представили болѣе или менѣе подробные проекты относительно самаго способа взиманія предлагаемыхъ налоговъ [3]). Большинство земскихъ собраній указываетъ въ видѣ предмета обложенія на доходъ и при этомъ держится системъ, которыя всѣ сводятся подъ четыре главные вида: 1) имущественно-подоходный налогъ; 2) подоходная подать, взимаемая по совокупности всѣхъ доходовъ, получаемыхъ облагаемыми лицами; 3) разрядная, падающая на доходы, опредѣляемые на основаніи внѣшнихъ признаковъ; и 4) подоходо-разрядная, распредѣляемая между плательщиками, соотвѣтственно получаемымъ доходамъ, подраздѣляемымъ на разряды, съ обозначеніемъ въ послѣднихъ minimum'а и maximum'а относящихся къ нимъ доходовъ, причемъ каждому разряду соотвѣтствуетъ опредѣленный размѣръ налога.

Нужно надѣяться, что такія заявленія и предположенія земскихъ собраній не останутся безъ послѣдствій и, составляя самый крупный и отрадный фактъ въ исторіи нашихъ земскихъ учрежденій,—послужатъ исходнымъ пунктомъ преобразованія нашей податной системы. Дальнѣйшее сохраненіе этой системы становится невозможнымъ послѣ того, что начало неравенства, уцѣлѣвшее у насъ отъ прежнихъ временъ, когда политическій и гражданскій бытъ народа еще мирился съ понятіемъ о тяглыхъ и нетяглыхъ людяхъ, о подлыхъ и благородныхъ, въ смыслѣ обязанныхъ государству данью и свободныхъ отъ нея,— очевидно отжило у насъ свое время и безусловно отвергается всѣми сословіями русскаго общества.

Указывая на недостатки нашей финансовой политики мы были, впрочемъ, далеки отъ мысли, что эти недостатки могутъ быть исправлены разомъ, однимъ почеркомъ пера. У насъ, какъ и въ Пруссіи, какъ и вездѣ, финансовая система есть продуктъ исторіи, а сложившееся исторически не всегда легко измѣнить вдругъ.

Наша податная система установилась въ теченіе XVIII-го вѣка и

---

[1]) Земскія собранія: Бессарабское, Воронежское, Костромское, Орловское, Симбирское, Таврическое, Харьковское и Черниговское.

[2]) Земскія собранія: Вологодское, Казанское, Калужское, Курское, Олонецкое, Петербургское, Полтавское, Рязанское, Саратовское, Смоленское, Тульское и Ярославское.

[3]) Земскія собранія: Владимірское, Московское, Нижегородское, Новгородское, Псковское, Самарское, Саратовское, Тверское и Херсонское.

до настоящаго царствованія не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Въ настоящее царствованіе, вслѣдъ за важною реформою 19-го февраля, произведено весьма важное, въ финансовой системѣ, преобразованіе—введеніе акцизной системы взиманія питейнаго дохода въ замѣнъ откуповъ[1]), развращавшихъ какъ населеніе, такъ и администрацію. Раціональныя начала, положенныя въ основаніе акцизной системы дали возможность устроить честную администрацію, при которой доходъ не только не уменьшился, какъ этого многіе опасались, но въ теченіе восьми или девяти лѣтъ увеличился въ полтора раза. Что потребленіе вина, на которомъ основано полученіе громадной суммы государственнаго дохода, заходитъ за тѣ предѣлы, за которыми оно приноситъ вредъ нравственный и экономическій, въ этомъ не виноваты ни акцизная система, ни финансовая администрація. Причины пьянства кроются глубже, и отстранить ихъ можетъ только улучшеніе экономическаго быта населенія и народное образованіе въ широкихъ размѣрахъ.

Вслѣдъ за акцизной системой сдѣланы были измѣненія и во взиманіи нѣкоторыхъ другихъ косвенныхъ сборовъ. Но теперь наступила очередь разрѣшить коренной вопросъ, касающійся системы прямыхъ налоговъ, именно вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, уничтоженія которой одинаково, повидимому, должны желать какъ правительство, такъ и земство.

За этимъ вопросомъ измѣнится, конечно, и господствовавшая у насъ доселѣ финансовая политика, а съ тѣмъ вмѣстѣ установится и болѣе правильное распредѣленіе какъ государственныхъ доходовъ, такъ и расходовъ.

Мы желаемъ только, чтобы въ этомъ случаѣ не оставленъ былъ въ сторонѣ примѣръ Пруссіи, и чтобы послѣднее сочиненіе А. П. Заблоцкаго „Финансовое управленіе и финансы Пруссіи“ принесло бы намъ ту пользу, какую оно несомнѣнно принести можетъ.

L.

---

[1]) Намъ пріятно вспомнить, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей по уничтоженію откуповъ былъ также А. Заблоцкій-Десятовскій, предсѣдательствовавшій въ особой коммиссіи и оставившій по этому вопросу обширный и замѣчательный трудъ: «Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи», въ 5 частяхъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1872.

Политехническая выставка, и новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи.—Наше свеклосахарное производство.—Новое положеніе о немъ.—Мѣры противъ пьянства, предлагаемыя харьковской думѣ. — Роль пьянства въ экономической жизни страны. — Вопросъ объ учительской школѣ въ петербургскомъ земствѣ.—Еще о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ.

Празднованіе юбилея Петра Великаго въ Петербургѣ имѣло преимущественно государственный характеръ, сообразно самому значенію столицы, основанной Петромъ. Но и Москва отпраздновала день 30-го мая достойнымъ памяти Петра образомъ — открытіемъ политехнической выставки. Москва, издавна представлявшая одинъ изъ центровъ нашей мануфактурной промышленности, въ настоящее время получила еще бóльшее промышленное значеніе, какъ центръ желѣзно-дорожной сѣти. Праздновать память насадителя русской мануфактурной дѣятельности выставкою, которая покажетъ состояніе русской промышленности чрезъ полтора вѣка послѣ Петра, Москвѣ особенно пристало, хотя Петръ Великій не разсчитывалъ особенно на Москву, — и былъ правъ, живя въ эпоху до желѣзныхъ дорогъ. Выставка, какъ извѣстно, будетъ продолжаться до сентября, и мы еще не можемъ говорить о ея послѣднихъ результатахъ. Занося въ хронику только самый фактъ открытія выставки,—а къ описанію важнѣйшихъ ея частей мы надѣемся еще возвратиться,—упомянемъ о прекрасной рѣчи, въ которой указалъ при этомъ случаѣ на заслуги Петра Великаго ректоръ московскаго университета, С. М. Соловьевъ; роль Петра въ исторіи Россіи и значеніе его предначертаній еще далеко не уяснились окончательно для всего русскаго общества, чему доказательствомъ были даже нѣкоторыя заявленія по поводу самого юбилея.

За нѣсколько дней до открытія политехнической выставки явился новый законъ о реальныхъ училищахъ въ Россіи, отъ которыхъ Россія должна ожидать прочныхъ *научныхъ* основъ для утвержденія у

насъ реальнаго образованія. Прежнія пренія о важности и значеніи вообще классическаго и реальнаго образованія вынуждены теперь уступить мѣсто спокойной критикѣ и оцѣнкѣ факта, какимъ является въ настоящемъ случаѣ вышеупомянутый законъ 15-го мая 1872 года. Пройдетъ первый годъ опыта, и мы не забудемъ своевременно довести до свѣдѣнія нашихъ читателей первые результаты дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія на основаніи новаго закона. Тогда мы увидимъ, насколько практика оправдаетъ высказанныя уже нами сомнѣнія относительно самыхъ основаній, на которыхъ былъ построенъ проектъ реальныхъ училищъ, вызвавшій противъ себя, какъ о томъ было заявлено весною, большинство членовъ государственнаго совѣта, обсуждавшаго этотъ проектъ. Въ ожиданіи же конца перваго опыта, когда можетъ быть услышанъ въ первый разъ голосъ неумолимой практики, мы ограничимся только небольшимъ замѣчаніемъ, которое сдѣлается современемъ у насъ исходнымъ пунктомъ для критическаго отношенія къ новому закону.

Имѣя предъ собою богатый опытъ прусскихъ реальныхъ училищъ, мы вовсе не думаемъ, что наше министерство народнаго просвѣщенія должно само обнаружить большую дѣятельность въ открытіи новыхъ реальныхъ училищъ: по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи вся министерская дѣятельность ограничивается самою пустою суммою 30,000 (sic!) талеровъ, издерживаемыхъ правительствомъ на реальныя училища, число которыхъ въ самое короткое время дошло почти до двухсотъ. Очевидно, въ Пруссіи вся забота министерства народнаго просвѣщенія направлена къ тому, чтобы вызвать въ обществѣ стремленіе и охоту затрачивать огромныя суммы на открытіе и содержаніе реальныхъ училищъ, и притомъ такія суммы, какихъ ни одна казна не въ состояніи принять на себя, имѣя уже на своемъ бюджетѣ высшія учебныя заведенія и классическія гимназіи. Отсюда вытекаетъ само собою основаніе для будущаго критическаго обсужденія новаго закона о реальныхъ училищахъ въ Россіи; вызоветъ ли этотъ новый законъ то соревнованіе и ту охоту къ пожертвованіямъ на среднее образованіе, какія вызваны и поддержаны прусскимъ закономъ о реальныхъ училищахъ, или нашъ законъ разсчитанъ только на однѣ силы казны и на огромныя пожертвованія со стороны государственнаго бюджета? Мы, вѣроятно, не ошибемся, если предположимъ, что наше министерство, какъ и прусское, желало бы имѣть также не менѣе 200 полныхъ реальныхъ училищъ и издерживать на нихъ не болѣе 30,000 талеровъ, а слѣдовательно, желало бы привлечь къ пожертвованіямъ не правительство, а общественныя силы. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ §§ устава сказано: „Реальныя училища содержатся: или вполнѣ на счетъ правительства, или на счетъ его съ производствомъ пособій отъ земства, обществъ, сословій или частныхъ лицъ,

или же, наконецъ, вполнѣ на счетъ земства, обществъ, сословій или частныхъ лицъ. Они открываются въ первыхъ двухъ случаяхъ по распоряженію, а въ послѣднемъ—съ *разрѣшенія* министерства народнаго просвѣщенія, и *состоять въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителей тѣхъ учебныхъ округовъ, гдѣ находятся.*" Реальныя училища, имѣющіяся открыться *по распоряженію* министра народнаго просвѣщенія, не могутъ быть многочисленны, если государство не рѣшится сдѣлать громадныя затраты на ихъ основаніе и поддержаніе; и потому для насъ болѣе интересны тѣ реальныя училища, которыя могутъ открыться съ *разрѣшенія* министра народнаго просвѣщенія. Въ Пруссіи, какъ вообще, такъ и въ частности для реальныхъ училищъ существуетъ большая Lernfreiheit, свобода обученія, о которой мы говорили уже не разъ и въ которой заключается весь секретъ успѣховъ реальныхъ училищъ. По нашему же уставу такая Lernfreiheit предоставлена въ сущности одному попечителю, такъ какъ педагогическіе совѣты хотя и предназначены уставомъ „для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части реальныхъ училищъ", но по смыслу того же устава не имѣютъ никакой иниціативы и изъ 12-ти пунктовъ, предоставленныхъ ихъ обсужденію, по 8 пунктамъ нуждаются въ утвержденіи со стороны попечителя. Кромѣ того члены совѣта, т.-е. преподаватели, поставлены въ полную зависимость отъ директора, который, между прочимъ, „представляетъ къ увольненію отъ должности за *неспособностью*"; кто не знаетъ, какъ часто можно злоупотреблять подобнымъ правомъ и уволить слишкомъ ревностнаго, по мнѣнію директора, члена за неспособностью—угождать начальству, хотя законъ, конечно, имѣетъ въ виду одну неспособность къ преподаванію. Наконецъ, почетный попечитель, выбираемый земствомъ или обществомъ, можетъ только „слѣдить" за реальнымъ училищемъ, содержимымъ на счетъ земства или общества, но и только! Въ случаѣ же замѣченныхъ безпорядковъ ему рекомендуется „сообщать только", да и такое сообщеніе онъ можетъ дѣлать не иначе, какъ „негласнымъ (?) образомъ". По нашему мнѣнію, такое распоряженіе можетъ навести общество на мысль, что его дѣло дать деньги на училище, и этимъ должна ограничиваться его роль; а при такой мысли трудно предположить, чтобы наше общество заинтересовалось въ судьбѣ реальныхъ училищъ такъ, какъ мы то видимъ въ Пруссіи; а именно въ этомъ-то привлеченіи общества и заключается вся сила. Но все же мы сохраняемъ убѣжденіе, что, несмотря на неблагопріятный характеръ устава реальныхъ училищъ, въ нашемъ обществѣ такъ распространено въ послѣднее время стремленіе къ образованію, что земства и городскія думы не останутся вполнѣ равнодушными къ устройству реальныхъ школъ, воспитанники которыхъ по новому уставу

имѣютъ право поступленія въ высшія спеціальныя заведенія, подвергаясь только повѣрочному испытанію, и могутъ вступать въ гражданскую службу на общемъ основаніи съ воспитанниками классическихъ гимназій, если только имѣютъ на то право по своему происхожденію. Конечно, послѣднее ограниченіе невыгодно прежде всего для правительства, такъ какъ оно тѣмъ самымъ также ограничивается въ выборѣ своихъ агентовъ, и именно можетъ пользоваться не лучшими воспитанниками, а только тѣми, которые родились въ извѣстномъ сословіи, хотя бы они были и слабѣйшіе; а потому надобно думать, что правительство современемъ постарается выйдти изъ такого невыгоднаго положенія и разрѣшитъ себѣ выборъ изъ всѣхъ лучшихъ, а не изъ одного какого-нибудь привилегированнаго сословія.

Что же касается до главной идеи, положенной въ основу новыхъ реальныхъ училищъ, то мы должны признаться въ прежнемъ нашемъ ея непониманіи: „Реальныя училища имѣютъ цѣлью,—по словамъ Устава, — доставить учащемуся въ нихъ юношеству *общее* образованіе, *приспособленное* къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ познаній“. Какимъ образомъ *общее* образованіе можетъ быть въ то же время и *приспособленнымъ*, — это понять трудно, такъ какъ одно исключаетъ другое. Конечно, и классическое образованіе, какъ общее, нельзя считать ни къ чему негоднымъ и ни къ чему не приготовляющимъ въ практической жизни; но въ томъ ли смыслѣ объявляется реальное образованіе приспособительнымъ,—это вопросъ, который, судя по программѣ нашихъ реальныхъ училищъ, можетъ разрѣшиться тѣмъ, что наши реальныя училища окажутся собственно не реальными, какъ это слово понимается въ Пруссіи, т.-е. строго научными, наравнѣ съ классическими гимназіями, а просто профессіональными. Мы ничего не имѣемъ противъ послѣднихъ; но мы вынуждены будемъ только сказать, что въ современной намъ Пруссіи существуютъ превосходныя классическія гимназіи и рядомъ съ ними такія же превосходныя и *равносильныя* имъ реальныя гимназіи; а у насъ — однѣ классическія гимназіи, и притомъ нельзя сказать, чтобы превосходныя; рядомъ же съ ними профессіональныя училища, ничего общаго не имѣющія съ гимназіями,—училища, требующія отъ учащагося шести лѣтъ, и все же не дающія ему за то строго-научнаго образованія. Кто же будетъ жертвовать на содержаніе этихъ заведеній? Достаточные люди ничего не дадутъ для заведенія, въ которомъ не захотятъ воспитывать своихъ дѣтей; недостаточные люди не могутъ ничего дать. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы приходимъ къ тому же результату, что казна должна взять на себя весь расходъ; а люди достаточные, не желая давать дѣтямъ классическаго образованія и въ то же время понимая всю важность образованія научнаго, будутъ осуждены или обучать дѣтей дома, или высылать ихъ за гра-

ницу, или наконецъ посылать ихъ въ остзейскія реальныя гимназіи, если онѣ не будутъ закрыты подобно русскимъ реальнымъ гимназіямъ, чего, конечно, мы имъ отнюдь не пожелаемъ. Всего же болѣе мы опасаемся, что отсутствіе у насъ строго-научнаго реальнаго образованія породитъ полу-классическое образованіе, т.-е. массу людей, которые будутъ выходить изъ классическихъ гимназій, не кончивъ въ нихъ курса; что это большое зло,—въ этомъ соглашаются и сами наши классики; что это зло могло бы быть предотвращено только основаніемъ у насъ настоящихъ реальныхъ школъ, безъ всякаго профессіонализма,—доказательствомъ тому служитъ Пруссія. Впрочемъ, мы объ этомъ говорили уже не разъ,—non bis in idem!

Говоря о мануфактурной выставкѣ, бывшей въ 1870-мъ году въ Петербургѣ, мы еще тогда обратили вниманіе на тотъ фактъ, что промышленная отрасль, сдѣлавшая наибольшіе успѣхи за самое послѣднее время, есть литейное и механическое производства, въ связи съ желѣзно-дорожнымъ строительствомъ. Теперь, по поводу технической выставки въ Москвѣ, мы займемся другою промышленной отраслью, которая за послѣдніе года сдѣлала у насъ наибольшіе успѣхи, а именно значительно улучшила свои техническія средства и въ теченіи всего 9-ти послѣднихъ лѣтъ удвоила свое производство.

Мы хотимъ говорить о свѣклосахарномъ производствѣ; предметъ этотъ тѣмъ болѣе современенъ, что передъ самымъ закрытіемъ сессіи государственнаго совѣта, въ этомъ высшемъ учрежденіи разсматривался вопросъ объ измѣненіи акциза съ туземнаго сахара и таможенной пошлины съ сахара привознаго. Этимъ собственно вопросомъ мы теперь и займемся.

Свеклосахарное производство, какъ извѣстно,—одна изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя возникли только въ нынѣшнемъ столѣтіи. У насъ она привилась скоро и къ половинѣ вѣка, а именно въ 1848-мъ году въ Россіи уже было 340 заводовъ; тогда впервые производство это и было обложено акцизомъ, по нормамъ дѣятельности каждаго завода, считая по 60-ти копѣекъ съ пуда добываемаго сахарнаго песка. Въ дѣйствительности же, нормы эти были до такой степени ниже производства, что на обыкновенныхъ заводахъ дѣйствительная работа была втрое болѣе нормальной, и стало быть песокъ, добываемый на самомъ дѣлѣ, платилъ акциза не 60 к., а только 20 копѣекъ съ пуда. Привозный же песокъ платилъ пошлины 3 р. 80 коп.! При большихъ естественныхъ удобствахъ для свеклосахарнаго дѣла, представляющихся на юго-западѣ Россіи, а отчасти и на востокѣ средней полосы, при огромной будущности, какая представлялась потребленію сахара у насъ, наконецъ, при быстротѣ техническихъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ и выгодности ихъ примѣненія, нѣтъ

сомнѣнія, что свеклосахарное производство въ Россіи продолжало бы сильно развиваться и при гораздо менѣе сильномъ покровительствѣ. Но такое покровительство вызвало въ этомъ дѣлѣ, какъ оно вызываетъ всегда, искусственное существованіе такихъ заводовъ, которые по несовершенству своего устройства не могли бы выдержать конкурренціи менѣе ограниченной. Короче: протекціонизмъ здѣсь, какъ всегда, задерживалъ усовершенствованіе самыхъ способовъ производства. Правда, покровительство ослаблялось тѣмъ, что и съ русскаго сахара взималась подать, то-есть акцизъ, но выше сказано какъ незначителенъ онъ былъ въ сравненіи съ пошлиною, наложенною на сахаръ привозный. Но все-таки акцизъ и самъ по себѣ способствовалъ улучшенію способовъ производства, хотя разумѣется не въ такой мѣрѣ, какъ то могла бы сдѣлать болѣе свободная конкурренція. Въ 1861-мъ году считалось уже 427 заводовъ, въ томъ числѣ 177 паровыхъ, которыхъ въ 1848 году было только 40, и производство сахара увеличилось въ 4 раза. Затѣмъ началось уменьшеніе числа заводовъ, которыхъ въ 1862—1863 году было уже только 299, въ 1865—1866 году 251, а въ 1869—1870 году 230 собственно въ имперіи и 41 въ царствѣ польскомъ. Но это уменьшеніе числа заводовъ не означало паденія свеклосахарнаго производства. Совсѣмъ наоборотъ: количество выработываемаго песка, по операціонному исчисленію, постоянно увеличивалось, за исключеніемъ одного только 1865 года. Съ 1862 года по 1870-й, оно увеличилось съ 746 т. пуд. до 3 м. 470 тыс. пудовъ, за исключеніемъ царства. Число же заводовъ уменьшалось отъ той самой причины, которая вызывала усиленіе производства: улучшалось устройство заводовъ, вводились болѣе совершенные способы, и вслѣдствіе того слабые заводы закрывались, а общее производство все-таки сильно возростало.

Этому содѣйствовало отчасти и постепенное возвышеніе акциза. До 1863 года акцизъ взимался по прежнему уставу, номинально по 60 к. съ пуда, что́, какъ уже сказано, въ дѣйствительности составляло въ среднемъ размѣрѣ только по 20 к. съ пуда, такъ какъ дѣйствительная работа заводовъ втрое превышала опредѣленную прежними нормами. Съ 1863 года введены были новыя нормы, точнѣе опредѣлившія дѣйствія заводовъ, а акцизъ былъ установленъ по 20 к. съ пуда по *этимъ*, новымъ нормамъ, то-есть оставленъ примѣрно безъ возвышенія. Затѣмъ, съ 1866 года, акцизъ уже былъ положенъ въ 30 коп. съ пуда по новымъ нормамъ, по 1 августа 1867 года, а съ того времени по 50 коп. Поступленіе акцизнаго дохода, при этихъ мѣрахъ, составлявшее въ 1862—63 году только 554 тыс. руб., возрасло уже въ 1864—65 году до 758 т. р., а съ 1866 года до 1 м. 568 т. р., вмѣстѣ съ царствомъ польскимъ. Въ 1867—68 году акцизный доходъ (съ имперіи и царства) составлялъ 2 м. 778 т. р. Повторимъ, что размѣръ

акциза по 1-е августа 1869 г. былъ 30 коп. Пошлина же на привозный песокъ составила 3 рубля, уже съ 1856 года. Возвышая акцизъ съ 1-го августа 1870 года до 50 коп. съ пуда, правительство предоставило себѣ возвысить ее до 70 коп., если общій доходъ съ сахара, туземнаго и привознаго, за слѣдующіе 1868 и 1869 года не достигнетъ по средней сложности $6^1/_2$ милл. руб. Въ 1868—69 г. акцизный доходъ съ туземнаго сахара былъ всего 1 м. 885 р. (т.-е. уменьшился противъ 1867 г.), и въ 1869—70 г. 2 м. 438 т. р. А такъ какъ привозъ иностраннаго сахара, все болѣе и болѣе падавшій подъ вліяніемъ высокой, запретительной пошлины, сохраняемой несмотря на удешевленіе цѣнъ на сахаръ туземнаго приготовленія, давалъ все меньшую и меньшую цифру таможеннаго дохода, то указанный размѣръ общаго дохода за года 1868 и 1869 г. и не могъ быть достигнутъ. Средній доходъ отъ туземнаго и привознаго сахара за эти годы (за исключеніемъ царства) не многимъ превзошелъ всего 2 милл. рублей. Поэтому, согласно закону 1867 года, размѣръ акциза съ 1 августа 1870 года и былъ возвышенъ до 70 коп. съ пуда песка, вычисленнаго по нормамъ дѣйствующаго устава 1863 года.

Но и этотъ размѣръ акциза въ настоящее время уже признается только номинальнымъ. Техника сдѣлала вновь такіе успѣхи, что дѣйствительное количество добываемаго нашими заводами песка далеко превосходитъ новыя нормы 1863 года. На выставкѣ 1870 года, въ Петербургѣ, сами эксперты выразили мнѣніе, что при нормахъ 1863 г., дѣйствительная добыча сахарнаго песка превышаетъ нормальное исчисленіе по крайней мѣрѣ вдвое. Выходъ сахара изъ свекловицы различенъ смотря по мѣстностямъ, то-есть по полосамъ имперіи, въ какихъ заводы находятся. Если раздѣлить эти мѣстности на три района, отнеся къ первому наиболѣе благопріятствующія условіямъ производства, то по оффиціальному разсчету оказывается, что заводы въ первомъ изъ этихъ районовъ получаютъ сахара въ $2^1/_2$ раза, во 2-мъ въ 2 раза и въ 3-мъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ сколько они оплачиваютъ сахара по нормальному исчисленію. Въ сложности принимается, что въ то время какъ по нормальному исчисленію вся совокупность производства (съ царствомъ) составляетъ 4 м. 695 [1]) т. пудъ, въ дѣйствительности она превосходитъ 10 милл. 822 тысячи пудъ, при 271 нынѣ существующихъ заводовъ.

Итакъ, можно принять, что нынѣ туземный песокъ обложенъ у насъ акцизомъ въ дѣйствительности, по среднему размѣру, только въ 35 коп. [2]) съ пуда, а между тѣмъ песокъ привозный продолжаетъ

---

[1]) Цифра выработки по опредѣленному исчисленію показывается еще и въ 4 м. 681 тыс.

[2]) Коммиссія спеціалистовъ приняла дѣйствительную цифру даже не болѣе $30^1/_2$ к.

платить 3 рубля съ пуда, при доставкѣ моремъ, и 2 р. 50 к. при доставкѣ сухопутно. Само собою разумѣется, что такое отношеніе должно было постепенно устранять привозъ, и низвести его наконецъ до цифры незначительной. И дѣйствительно, привозъ иностраннаго песку за 8 лѣтъ, т.-е. съ 1863 года упалъ неимовѣрно, такъ что, составляя въ 1863 году 2 милл. 150 т., уже въ 1866-мъ году составилъ всего 1 милл. 415 т. пуд., а въ 1868-мъ году упалъ такъ, что не дошелъ и до $^1/_{15}$ этого количества, именно составлялъ всего 89 тыс. пудовъ, въ 1869-мъ г. 76 т. и въ 1870-мъ году уже только 23 т. пудовъ. Иностраннаго же рафинада, котораго въ 1863 году привезено было 22 тыс. пуд., въ 1870-мъ году привезено всего 95 пудовъ на всю имперію.

Сообразно этому, разумѣется, падалъ и таможенный доходъ. Въ 1863-мъ году съ одного привознаго сахара казна получила 6 милл. 376 тыс. рублей, а въ 1870 году, уже немного болѣе $^1/_{10}$ этой цифры: 69 т. р. Такимъ образомъ, почти девять десятыхъ нашего таможеннаго дохода съ сахара исчезли. Вообще и въ снабженіи страны сахаромъ, и въ казенномъ доходѣ съ него за послѣднія 8 лѣтъ произошелъ полный переворотъ. Въ 1862—63-мъ году песку было выработано нашими заводами 746 т. пудовъ, а иностраннаго было привезено 2 милл. 150 т. пудовъ, то-есть страна снабжалась преимущественно сахаромъ иностраннымъ. Акцизъ доставилъ въ томъ же году только 554 т. рублей, а пошлина съ привознаго сахару 6 милл. 376 тыс. р., то-есть $^{11}/_{12}$ всего своего дохода съ сахара казна получила именно съ сахара иностраннаго, привознаго, посредствомъ пошлины, въ сравненіи съ которою акцизъ съ сахара туземнаго доставлялъ всего $^1/_{12}$ общаго дохода. Въ 1870-мъ же году страна уже снабжалась исключительно сахаромъ туземнымъ, потому что небольшое количество привознаго сахара, 23 т. пудовъ составляетъ $^1/_{204}$ всего сахара, поступающаго на рынокъ, такъ какъ русскіе заводы (включая царство) выработали въ 1870-мъ году 4 милл. 680 т. пуд. песку. Точно такъ и доходъ казны съ сахара представляется нынѣ уже почти исключительно акцизомъ съ туземнаго сахара, такъ какъ акцизъ за 1870 годъ далъ 2 милл. 438 т. р., а пошлина всего 69 т. р.

Явленіе это въ существенной чертѣ своей естественно и утѣшительно. Мѣстныя условія въ разныхъ частяхъ Россіи весьма благопріятны для свеклосахарнаго производства, а подъ вліяніемъ внутренней конкурренціи и постепеннаго возвышенія акциза, способы обработки достигли уже значительной степени совершенства, такъ что нашъ сахаръ сталъ вывозиться за границу, и вынося на себѣ иностранную пошлину въ 1 р. 50 коп. съ пуда, конкуррировать заграницею съ мѣстнымъ сахаромъ. Этому послѣднему факту особенно содѣйствовало допущеніе возврата части уплаченнаго внутри имперіи акциза на тотъ сахаръ, который вывозился заграницу. Огромное увеличеніе туземна-

у насъ производства сахара понизило продажныя цѣны на сахаръ, и все это имѣло бы послѣдствіемъ, что еслибы даже размѣръ пошлины на иностранный сахаръ и не превышалъ цифру дѣйствительно платимаго акциза почти въ 9 разъ, то и тогда конкурренція туземнаго сахара непремѣнно уменьшила бы привозъ сахара иностраннаго. При существующемъ же размѣрѣ пошлины—3 руб. съ песку, привозимаго моремъ, 2 р. 50 к. съ песку привозимаго сухимъ путемъ, 4 р. 50 к. съ рафинада, привозимаго моремъ и 4 р. съ того же рафинада доставленнаго сухопутно, — привозъ иностраннаго сахара разумѣется долженъ былъ почти прекратиться. И въ самомъ дѣлѣ, то небольшое количество его, какое привезено было, по свѣдѣніямъ за 1870-й годъ, и назначалось собственно для потребности специальной, а именно шло на приготовленіе леденцовъ и конфектъ.

Въ результатѣ всего этого хозяйства оказалось, что общій государственный доходъ съ сахара уменьшился болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, такъ какъ акцизъ съ туземнаго сахара далеко не вознаграждалъ за совершенное паденіе пошлины съ сахара привознаго, а между тѣмъ, какъ то всегда бываетъ при запретительной системѣ, усиленіе внутренняго производства, охраненнаго отъ иностранной конкурренціи, хотя и удешевляло цѣны на сахаръ, однако далеко не до такой степени, чтобы сдѣлать его доступнымъ всей массѣ народа. Такъ потребленіе сахара, которое въ предѣлахъ германскаго таможеннаго союза составляло 10,69 фунта въ годъ на человѣка, во Франціи 21,5 фунта, а въ Великобританіи даже 54 фунта, въ Россіи, со включеніемъ польскихъ губерній, принимая населеніе ея въ 75 милл., составляло всего $5^2/_5$ фунта на человѣка, то-есть почти въ десять разъ менѣе, чѣмъ въ Англіи. Съ недоступностью же для массы сахара дѣлаются недоступными ей и чай, и кофе, и водка остается безъ всякой конкурренціи со стороны этихъ безвредныхъ напитковъ.

Доходъ же казны съ сахара туземнаго и привознаго вмѣстѣ, подъ вліяніемъ изложеннаго переворота въ снабженіи страны этимъ продуктомъ, составлявшій въ 1863-мъ году 6 милл. 931 т. р., въ 1866-мъ году былъ уже 4 милл. 740 т. р., въ 1869-мъ году только 2 милл. 113 т. р., а въ 1870-мъ г. немногимъ болѣе этой цифры, именно 2 милл. 507 т. р. Въ виду паденія этой отрасли государственнаго дохода, правительство въ 1867-мъ году, какъ уже сказано выше, опредѣляя новый размѣръ акциза въ 50 к., постановило возвысить его съ 1-го августа 1870 года по 1-е августа 1872 до 70 к., если доходъ съ туземнаго и привознаго сахара вмѣстѣ, за года 1868 и 1869-й г. не достигнетъ 6 милл. 500 т. р. въ годъ. Такимъ образомъ, законъ 1867 года выражалъ стремленіе правительства возвратить общій доходъ съ сахара къ цифрѣ близкой той, какую далъ 1863-й годъ (6 милл. 931 т.). Этотъ законъ 1867 г. (высоч. утв. 16-го іюня 1867 г. мн. госуд. сов.) и оста-

вался до нынѣшняго времени послѣднимъ нашимъ постановленіемъ объ акцизѣ и пошлинѣ. Первый пунктъ этого закона мы только-что привели: онъ указывалъ нормою общаго дохода съ сахара цифру $6^1/_2$ милл. р. въ годъ, и опредѣлялъ нынѣшнюю цифру акциза съ туземнаго сахара въ 70 коп. съ пуда. Второй пунктъ того же закона оставлялъ, срокомъ тоже до 1-го августа 1872 года, прежнія нормы для исчисленія акциза по заводскому производству; а третій пунктъ закона удерживалъ безъ измѣненія, опять-таки до 1-го августа 1872 года, размѣръ таможенныхъ пошлинъ на привозные моремъ песокъ (3 р.) и рафинадъ (4 р. 50 коп.), и на привозные сухопутно песокъ (2 руб. 50 к.) и рафинадъ (4 р.).

Такимъ образомъ, 1-го августа текущаго года было назначено срокомъ для дѣйствія всей нашей системы обложенія сахара, какъ-то: размѣра акциза, нормъ его исчисленія, и таможенной пошлины съ привоза. Послѣдній же пунктъ того же закона предоставлялъ министру финансовъ внести въ половинѣ 1871 г. въ государственный совѣтъ свои соображенія о дальнѣйшихъ мѣрахъ по всѣмъ этимъ предметамъ. На этомъ основаніи въ министерствѣ финансовъ вопросъ о сахарѣ былъ разработанъ сперва въ коммиссіи изъ членовъ отъ правительства, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ, потомъ въ усиленномъ составѣ коммиссіи, то-есть съ присоединеніемъ къ ней экспертовъ изъ сахароваровъ и техниковъ, наконецъ въ самомъ управленіи министерства, и въ половинѣ декабря 1871 г. министръ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ свои предположенія, которыя были нѣсколько измѣнены департаментомъ экономіи государственнаго совѣта, и затѣмъ приняты, по слухамъ, въ этомъ измѣненномъ видѣ общимъ собраніемъ.

Первоначальная коммисія собрала тѣ свѣдѣнія, которыми мы воспользовались для изложенія дѣла. Собранныя коммиссіею свѣдѣнія о цѣнахъ на песокъ и рафинадъ туземные показываютъ слѣдующее удешевленіе туземнаго сахара: песокъ, стоившій на Кіевской крещенской ярмаркѣ въ 1850-мъ году 6—8 р., въ 1856-мъ г. 6 р. 65 к.—7 р. 75 к., въ 1860-мъ г. до 6 р. 60 к., продавался въ 1867-мъ г. по 4 р. 75 к., а въ 1868-мъ г. по 4 р. 10 коп. пудъ. Уменьшеніе—почти на треть прежней цѣны. Тотъ же свекловичный песокъ въ Петербургѣ, стоившій въ 1864—65-мъ году 7 р.—7 р. 50 к., понижается въ 1869—70-мъ г. до 6 р. 20 к. и 5 р. 25 к. пудъ.

Между тѣмъ средняя цѣна гаванскаго песка на петербургскомъ рынкѣ держится постоянно не ниже 4 р. пудъ, безъ пошлины. Съ пошлиною же цѣны колоніальнаго песка въ Петербургѣ были: гаванскаго въ 1864—66-мъ гг. 7 р. 25 к.—8 р. 10 к., въ годахъ 1867—70-мъ 7 руб. 55 к.—7 руб. 75 к.; явскаго — нѣсколько ниже, но не ниже 6 руб. 60 коп.

Изъ сравненія этихъ цѣнъ ясно, что привозъ иностраннаго песка долженъ былъ уменьшаться и наконецъ почти прекратиться, какъ то и показано нами выше на цифрахъ привоза. Прибавимъ, что въ 1871-мъ году, по 1-е августа, иностраннаго песка было привезено всего 742 пуда, давшихъ 2,376 рублей пошлины, и что хотя, вслѣдствіе неурожая свеклы, которой собрано въ половину меньше обыкновеннаго, цѣны на сахаръ у насъ съ прошлой осени крайне возвысились, а именно рафинадъ въ Москвѣ продавался, вмѣсто 6 р.—7 р. 60 к. (цѣна 1870 года), по 10 р., а въ отдаленныхъ губерніяхъ даже по 12 р. 50 к. за пудъ, но несмотря на то иностранный привозъ съ сентября прошлаго по 21-е апрѣля нынѣшняго года не составлялъ и 150 т. пудовъ, что при такомъ вздорожаніи свидѣтельствуетъ о полномъ упадкѣ привоза. Въ обыкновенное же время онъ ничтоженъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ колоніальный песокъ у насъ уже болѣе 40 лѣтъ облагается пошлиною въ 80% своей стоимости (на 4 рубля его цѣны нынѣ 3 р. пошлины). Между тѣмъ туземный сахаръ, несмотря и на возвышеніе его акциза до 70-ти коп., платитъ въ дѣйствительности менѣе 10% цѣнности продукта. Бездоходность таможенной пошлины при такихъ условіяхъ получаетъ значеніе явленія постояннаго и внутреннее потребленіе принадлежитъ исключительно сахару туземному. Въ связи съ этимъ и основа казеннаго дохода, которою до 1863 года и въ томъ году служила таможенная пошлина, теперь измѣнилась такъ, что единственнымъ ея источникомъ представляется акцизъ съ сахара туземнаго. Самое туземное производство и улучшилось и окрѣпло. Большая часть югозападныхъ и польскихъ заводовъ, а важнѣйшіе заводы и вездѣ уже ввели у себя всѣ наиболѣе совершенные пріемы и системы добыванія сока и его вывариванія. Число заводовъ сократилось, а производство удвоилось; многіе владѣльческіе заводы поступили въ собственность акціонерныхъ компаній, располагающихъ большими капиталами. Цѣна на туземный сахаръ, какъ выше показано, удешевилась даже и при одномъ внутреннемъ соперничествѣ и благодаря уменьшенію издержекъ производства, посредствомъ введенія усовершенствованныхъ снарядовъ, такъ что среднія цѣны песка и рафинада въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ стоятъ теперь на 20 и 30% ниже цѣнъ 1860—65 годовъ. Наши сахаровары уже въ 1868-мъ г. начали ходатайствовать о разрѣшеніи имъ вывозить песокъ за границу съ возвратомъ акциза; стало быть, нашъ песокъ можетъ состязаться съ германскимъ на собственныхъ рынкахъ послѣдняго, несмотря на то, что на границѣ долженъ самъ уплатить ввозную пошлину въ 1 р. 50 коп. металлическихъ. А между тѣмъ, наши сахаровары всѣми силами возстаютъ противъ допущенія къ намъ иностраннаго песка съ пошлиною ниже нынѣ существующей 3 р. и 2 р. 50 к. съ пуда, которая, составляя не менѣе 75% всей

стоимости продукта, есть пошлина совершенно запретительная. Наконецъ, и главнымъ образомъ, совокупность нашего сахарнаго производства, не по нормамъ, а въ дѣйствительности, съ 4 милл. пудовъ (1860—63 годовъ) поднялась до 8 милл. пуд., а съ польскими губерніями до 10 милл. пудовъ.

Выводы изъ всего этого истекаютъ сами собою: ясно, что доходъ казны можно увеличить возвышеніемъ нормъ, по которымъ исчисляется акцизъ, такъ чтобы онѣ ближе подходили къ дѣйствительности, и въ случаѣ нужды, и нѣкоторымъ возвышеніемъ акциза, если новыя нормы не будутъ вдвое выше прежнихъ, какъ то соотвѣтствовало бы дѣйствительности; и—уменьшить по меньшей мѣрѣ на половину пошлину съ привознаго моремъ сахара, установивъ одинакій размѣръ на сахаръ, привозимый моремъ и сухопутно. Тогда (при пошлинѣ въ 1 р. 50 к.) иностранный песокъ (цѣна 4 р. въ Петербургѣ) обходился бы въ Петербургѣ, съ пошлиною въ 5 р. 50 к., а кіевскій (цѣна 4 р. 50 к. на мѣстѣ) при издержкахъ доставки въ 1 р. съ пуда, могъ бы все-таки и при нынѣшней своей цѣнѣ конкуррировать на совершенно равномъ основаніи съ пескомъ привознымъ, даже въ Петербургѣ, во всякомъ случаѣ рѣшительно вытѣсняя его изъ внутреннихъ губерній, то-есть съ мѣстъ жительства $^5/_6$ всего населенія имперіи. Во внутреннихъ губерніяхъ привозный сахаръ и при пошлинѣ въ 1 р. 50 к. могъ бы являться, за провозомъ, только по цѣнѣ, превышающей цѣну туземнаго сахара на 1 р. или на 1 р. 50 коп. А между тѣмъ вся конкурренція иностраннаго сахара съ туземнымъ пошла бы на пользу народа весьма вѣроятнымъ удешевленіемъ цѣнъ.

Сущность положенія дѣла такъ очевидна, что она была признана единогласно во всѣхъ инстанціяхъ, разсматривавшихъ вопросъ. Но весьма неодинаковы были предположенія, составленныя ими на основаніи данныхъ, всѣми признанныхъ вѣрными. Вотъ это обстоятельство и заслуживаетъ нѣкотораго удивленія. Положеніе было такъ хорошо сознано всѣми, и совершенная несообразность нынѣшняго размѣра акциза, при нынѣшнихъ нормахъ и высокой цифрѣ пошлины, такъ убѣдительно доказывались самимъ министерствомъ финансовъ, что изъ всего этого уже по логикѣ должно было ожидать хоть сколько-нибудь дѣйствительнаго допущенія конкурренціи.

Когда предлагая уменьшеніе пошлины доказываютъ, что она теперь почти въ $4^1/_2$ раза превышаетъ размѣръ и самого номинальнаго акциза, то естественно ожидать, что предложатъ уменьшить ее по меньшей мѣрѣ вдвое, такъ чтобы конкурренція сколько нибудь стала возможна. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, министерство финансовъ, превосходно доказавъ несообразность пошлины въ 3 р., извлекло изъ этого предположеніе уменьшить ее—на *одну шестую* (2 р. 50 к. однообразно, вмѣсто 2 р. 50 к. сухопутно и 3 р. моремъ нынѣ

платимыхъ)! Вотъ гдѣ умѣстно было вспомнить поговорку: parturiunt montes.... Само министерство финансовъ высказывало такія основательныя мысли, что „послѣ сорокалѣтней значительной протекціи можно наконецъ признать нашу свеклосахарную промышленность достаточно созрѣвшею, чтобы, какъ и въ другихъ государствахъ, быть постепенно изъятою изъ того исключительнаго положенія, въ которое она поставлена; что нѣтъ повода долѣе удерживать ее внѣ общихъ условій другихъ, не менѣе важныхъ отраслей отечественной промышленности, каковы, напр., шерстяное и льняное дѣло, давно уже не пользующіяся охраною запретительныхъ пошлинъ, а также винокуреніе, которое, несмотря на акцизъ втрое превышающій стоимость продукта, изъ года въ годъ расширяется и улучшается въ своихъ способахъ производства....." Наконецъ, что „туземный сахаръ, пользуясь высокою охраною таможенною до 80% стоимости привознаго продукта, никогда еще не оплачивалъ даже сполна установленный на него акцизъ, хотя номинальный размѣръ послѣдняго былъ на 15, 10, 6, а теперь на $4^1/_2$ раза легче таможенной пошлины." Но какія же предположенія извлекало изъ этого слишкомъ яснаго положенія министерство финансовъ? — Оно предположило удержать нынѣшній размѣръ акциза на туземный сахаръ, поднявъ нормы его исчисленія все еще, по признанію самого министерства, ниже дѣйствительной выработки, а пошлину на сахаръ привозный уменьшить всего, какъ сказано выше, на $^1/_6$ нынѣшней цифры, по 1 января 1876 г., а съ того времени на нѣсколько болѣе $^1/_4$ (3 р. 20 к.).

Странное заключеніе, которое было бы совершенно непонятно, еслибы министерство финансовъ свободно и по собственному разумѣнію извлекло выводы изъ данныхъ, собранныхъ его коммиссіею. Но этого-то и не было. На полдорогѣ, отъ посылокъ къ заключенію, стали призванные министерствомъ для усиленія коммиссіи *эксперты*, то есть сами сахаровары, и потому заключеніе и вышло не совсѣмъ соотвѣтственное посылкамъ.

Вотъ болѣе точное изложеніе того процесса, чрезъ который прошла при этомъ случаѣ административная логика. Коммиссія изъ свѣдущихъ чиновниковъ, собравшая данныя, предложила мѣры, соотвѣтствовавшія ея даннымъ: оставить нынѣшній размѣръ акциза, но нормы исчисленія, а именно по выходу песка изъ свеклы (смотря по устройству завода) и по суточной выработкѣ снарядовъ, возвысить, а пошлину установить съ 1876 года въ 1 р. 50 к. съ песку привозимаго и моремъ и сухопутно, а съ привознаго рафинада пошлину высшую противъ послѣдней на 1 р. 50 к. Нормы же выработки, то-есть выхода туземнаго песку изъ свеклы, коммиссія полагала опредѣлить различно по тремъ районамъ свеклосахарнаго производства у насъ, и притомъ, какъ было и доселѣ, учитывать работу сообразно со-

вершенству дѣйствующихъ на заводахъ аппаратовъ и количеству рабочихъ дней въ году, причемъ признавала возможнымъ и справедливымъ надбавить вообще на нынѣшнія нормы около 100%; такъ напр., для паровыхъ прессовъ ускореннаго дѣйствія принять суточную обработку вмѣсто 60 берковцевъ — 125.

Предположенія эти имѣли въ виду практическій результатъ: доставить иностранному сахару, при пошлинѣ въ 1 р. 50 к., *возможность* конкуррировать съ туземнымъ, хотя бы только въ портовыхъ полосахъ Имперіи, имѣющихъ населеніе въ около 12 милл. душъ, съ тѣмъ что остальное пространство Россіи всеравно останется доступнымъ только сахару туземному. Въ коммиссіи же *усиленнаго состава*, то-есть при участіи сахароваровъ, предположенія эти были измѣнены такъ, что *возможность* конкурренціи иностраннаго сахара была устранена, а единственнымъ практическимъ результатомъ осталось возвышеніе казеннаго дохода усиленіемъ поступленія акциза, посредствомъ возвышенія нормъ. Но и это возвышеніе эксперты согласились допустить не въ такомъ размѣрѣ, какъ предполагала коммиссія первоначальнаго состава, но въ размѣрѣ значительно низшемъ. Такъ, maximum суточной обработки свеклы для самыхъ совершенныхъ снарядовъ коммиссія второго состава ограничила 105-ю берковцами, вмѣсто 125-ти, какъ предполагала первая, причемъ понизила и предположенныя нормы выхода песку изъ свеклы по тремъ мѣстнымъ районамъ. Что касается пошлины на привозный сахаръ, то усиленная коммиссія полагала установить пошлину однообразно, но не въ размѣрѣ 1 р. 50 к., а въ размѣрѣ 2 р. 50 к., съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она была понижена до 2 р. 20 к., но неранѣе какъ черезъ шесть лѣтъ, то-есть 1 января 1878 года, да еще съ тѣмъ, чтобы затѣмъ размѣръ 2 р. 20 к. не могъ подвергаться измѣненію въ теченіи еще 6-ти лѣтъ, т.-е. до 1 января 1884 г.

Надо замѣтить, что всякіе монополисты въ Россіи дѣйствуютъ чрезвычайно ловко. Сахаровары въ усиленной коммиссіи привели ее къ такимъ выводамъ, которые въ ихъ интересахъ составляли мастерской шагъ. На возвышеніе акциза они должны были рѣшиться; тутъ нѣчего было дѣлать, въ виду высочайшаго повелѣнія о принятіи мѣръ къ возвышенію дохода съ сахара до $6^1/_2$ милл. р. Но понизивъ нормы, предположенныя сперва, эксперты достигли того, что акцизъ, исчисляемый по новымъ нормамъ, все-таки падетъ въ дѣйствительности на пудъ выработываемаго песку не въ полномъ своемъ размѣрѣ 70 к., а среднимъ образомъ лишь копѣекъ 50 [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, они со-

---

[1]) По разсчету министерства финансовъ, при постепенности введенія новыхъ нормъ, дѣйствительный акцизъ составитъ сперва $43^3/_4$ к., потомъ $44^1/_2$ к., наконецъ $61^1/_4$ коп. съ пуда, вмѣсто номинальныхъ 70-ти коп.

гласились и на пониженіе пошлины, но на какое — на полтинникъ до 1878 и на 70 коп. (изъ 3 рублей) по 1884-й годъ, то-есть согласились сдѣлать такую уступку, которая все равно исключаетъ возможность привоза иностраннаго песку, какъ и нынѣшняя пошлина. Гаванскій песокъ, которому цѣна въ Петербургѣ 4 р., оплативъ 2 р. 50 к. или хотя бы 2 р. 20 коп. пошлины, будетъ здѣсь же, и безъ провоза во внутрь имперіи, стоить 6 р. 50 к. или 6 р. 20 к., то-есть не будетъ имѣть возможности конкуррировать съ кіевскимъ, который съ доставкою сюда стóитъ 5 р. 50 к., стало быть въ самомъ Петербургѣ и въ другихъ портахъ не допуститъ песку привознаго, не говоря уже о внутреннихъ мѣстностяхъ. За эту кажущуюся уступку, эксперты хотѣли выговорить себѣ неизмѣнность такой, все равно запретительной пошлины, на цѣлыхъ 12 лѣтъ! Притомъ же, согласившись сами на призрачную уступку въ $1/6$ изъ *своей* охранной пошлины, они за то нанесли чувствительный ударъ петербургскимъ рафинерамъ, предложивъ уменьшить ихъ охрану противъ привознаго рафинада болѣе, чѣмъ *вдвое*. Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ пошлина съ привознаго рафинада была на 1 р. 50 к. дороже, чѣмъ съ привознаго песку; теперь, по рѣшенію экспертовъ, положено уменьшить ее до 1 р. А такъ какъ издержки самаго производства рафинированія составляютъ около 70-ти к. на пудъ, то выходитъ, что прежде рафинеры были охранены противъ иностраннаго рафинада преміею въ 1 р. 50 *минусъ* 70 к., т.-е. въ 80 коп., а теперь премія ихъ составитъ всего 1 р. *минусъ* 70 к., то-есть 30 коп.

Итакъ, наши протекціонисты pro domo sua, соглашаясь увеличить акцизъ примѣрно въ $1\frac{1}{2}$ раза противъ нынѣшняго, хотѣли выговорить себѣ сохраненіе запретительной пошлины еще на 12 лѣтъ, да вдобавокъ еще не отказали себѣ въ удовольствіи поразить нелюбезныхъ имъ петербургскихъ рафинеровъ.

Министерство финансовъ, къ сожалѣнію, приняло всѣ главныя предположенія коммиссіи въ томъ видѣ, въ какомъ они были измѣнены при помощи экспертовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, долгихъ сроковъ. Главное же дополненіе, предположенное министерствомъ финансовъ, заключалось въ томъ, чтобы ему предоставлено было, въ случаѣ, если въ одномъ изъ періодовъ (1873—74, 1875—76, 1877—79) сахарный доходъ не достигнетъ особо опредѣленной для каждаго изъ нихъ цифры — возвысить акцизъ еще на 20 коп.; то-есть всего до 90 коп. съ пуда.

Такимъ образомъ министерство финансовъ, усвоивъ себѣ главныя предположенія, какъ они были выработаны въ коммиссіи усиленнаго состава, то-есть при *содѣйствіи* экспертовъ, и дополнивъ ихъ своимъ предположеніемъ о предоставленіи себѣ, въ случаѣ нужды, поднять акцизъ еще на 20 коп., внесло основаніе проекта закона въ государственный совѣтъ въ слѣдующемъ видѣ: 1) размѣръ акциза 70 коп.

остается; но если общій доходъ съ сахара не достигнетъ по средней сложности за годъ перваго періода 4 милл. 400 т., за годъ второго періода 5-ти милл. руб., и за годъ послѣдняго (т.-е. по 1879-й годъ) 6½ милл., то послѣ года, когда недоборъ оказался, акцизъ можетъ быть, по усмотрѣнію министерства, поднятъ еще на 20 коп. 2) Нормы для исчисленія акциза опредѣляются согласно съ предположеніями коммиссіи усиленнаго состава, то-есть ниже, чѣмъ ихъ предполагала коммиссія чисто правительственная. 3) Пошлина на привозные песокъ и рафинадъ, одинаковая для привоза моремъ и сухимъ путемъ, назначается съ 1 января 1873 по 31 декабря 1875 г. на песокъ 2 р. 50 к., на рафинадъ 3 р. 50 к., а съ 1 января 1876 по 31 декабря 1879 г.: по 2 р. 20 к. съ песка и по 3 р. 20 коп. съ рафинада.

Въ государственномъ совѣтѣ, какъ мы слышали, предположенія министерства финансовъ относительно размѣра акциза и нормъ его исчисленія прошли лишь съ несущественными измѣненіями. Что же касается пошлины на сахаръ привозный, то по иниціативѣ департамента экономіи, рѣшено: размѣръ ея въ 2 р. 50 коп. сохранить только для 1873 года, а съ 1874 года уменьшать ее на 10 коп. ежегодно, такъ чтобы въ 1878-мъ году она дошла до 2 рублей, вмѣсто 2 р. 20 к., предположенныхъ министерствомъ финансовъ, и вмѣсто 1 р. 50 к., предположенныхъ первоначально коммиссіею безпристрастныхъ спеціалистовъ. Новыя правила объ акцизѣ должны быть приведены въ дѣйствіе съ 1 августа 1872 года.

Какого же практическаго результата можно ожидать отъ предположенныхъ нынѣ мѣръ? Государственный доходъ въ акцизѣ съ туземнаго сахара безъ сомнѣнія возвысится. Но изъ-за границы сахарный песокъ и при новой пошлинѣ привозиться по всей вѣроятности не будетъ. Весь внутренній рынокъ, даже и при пошлинѣ въ 1 р. 50 к., былъ бы недоступенъ для иностраннаго сахара. Въ мѣстностяхъ же собственно портовыхъ, привозный песокъ даже и при пошлинѣ въ 2 р, (то-есть съ 1878 года) можетъ конкуррировать съ туземнымъ только въ такомъ случаѣ, если цѣна послѣдняго, вслѣдствіе возвышенія акциза, возвысится на 50 коп. съ пуда. Въ обыкновенное же время пошлина въ 2 р. 50 к.—2 р. все равно устранитъ привозъ, какъ и пошлина въ 3 р. Само министерство финансовъ въ соображеніяхъ своихъ прямо высказывало, что при пошлинѣ въ 2 р. 20 к. нельзя, конечно, ожидать значительнаго подвоза даже въ наши окраины иностраннаго сахара,—а между тѣмъ предлагало этотъ размѣръ пошлины, и то еще только съ 1876 года. Въ государственномъ же совѣтѣ, какъ мы слышали, обращено было вниманіе на то обстоятельство, что пошлина въ 2 р. 50 к. и теперь существуетъ для сухопутнаго привоза, а между тѣмъ его почти нѣтъ или онъ является, и то въ небольшомъ размѣрѣ, когда цѣна туземнаго песка возрастаетъ до 10 р. съ пуда,

то-есть удвоивается. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, не было признано возможнымъ принять пошлину въ 1 р. 50 к., а остановились на размѣрѣ 2 р., и то еще только съ 1878 года. Но гаванскій песокъ, платя 2 р. пошлины, въ Петербургѣ будетъ стоить 6 р., а кіевскій съ доставкою сюда 5 р. 50 к., стало быть даже въ портовыхъ мѣстностяхъ туземный песокъ не допуститъ привознаго, а во внутреннихъ—и подавно. При такомъ отсутствіи или незначительности иностранной конкурренціи, внутри имперіи, туземный сахаръ легко можетъ вздорожать на 50 коп. съ пуда, не подвергаясь при этомъ ни малѣйшему риску конкурренціи сахара привознаго. А вздорожать туземный сахаръ можетъ уже вслѣдствіе возвышенія на него акциза, въ среднемъ размѣрѣ именно на 50 коп. (въ дѣйствительности). Что, если результатомъ нынѣшнихъ мѣръ и будетъ именно вздорожаніе сахара?

А между тѣмъ, не говоря о вздорожаніи, и самое поддержаніе высокихъ цѣнъ на сахаръ отзывается вредно не только на благосостояніи, но и на самой нравственности народа, тѣмъ именно, что устраняетъ возможность конкурренціи чая и кофе—спиртнымъ напиткамъ. Вопросъ о мѣрахъ противъ распространенія пьянства, поднятый недавно во Франціи, показалъ намъ еще разъ, какъ безпристрастно относятся къ своимъ бытовымъ вопросамъ западныя общества. Во Франціи, многіе, при преніяхъ о законѣ по этому предмету, отрицали раціональность предложенныхъ мѣръ; иные отрицали и вообще возможность дѣйствовать противъ пьянства запретительными мѣрами. Но никому не пришло въ голову сдѣлать изъ вопроса о пьянствѣ вопросъ политическій или вопросъ національнаго самолюбія. Французскіе либералы вовсе не сочли долгомъ либерализма утверждать, что пьянство не развилось; французскихъ патріотовъ вовсе не утѣшилъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ Англіи пьютъ спиртныхъ напитковъ вдвое болѣе, чѣмъ во Франціи, а въ Россіи впятеро больше, чѣмъ въ Англіи. Мы уже не разъ говорили о необходимости ставить этотъ вопросъ и въ Россіи на полѣ экономическихъ, а не политическихъ разсужденій. Теперь мы имѣемъ случай возвратиться къ этому предмету, который долженъ наконецъ обратить на себя серьезное вниманіе общества, и возвращаемся къ вопросу о пьянствѣ по поводу того города, въ которомъ недавно, по случаю драки пьяныхъ, произошли безпорядки.

Харьковской думѣ представляется въ настоящее время интересный докладъ о питейныхъ домахъ въ Харьковѣ и о мѣрахъ для ограниченія пьянства. Возбужденіе этого вопроса въ Харьковѣ не имѣетъ собственно связи съ безпорядками, недавно бывшими въ этомъ городѣ. Хотя при самомъ началѣ этихъ безпорядковъ, пьянство, повидимому, и играло нѣкоторую роль съ обѣихъ сторонъ, но оно не составляло существеннаго ихъ элемента. Пьянство и тогда, когда уличныхъ безпорядковъ не происходитъ, есть все-таки народное бѣдствіе; а безпо-

рядки, подобные тѣмъ, какіе были въ Харьковѣ, могли произойти и безъ участія пьянства. Докладъ, о которомъ мы говорили, вызванъ просто тѣмъ явленіемъ, которое Харькову обще со всѣми прочими городами и селеніями, а именно, что старинный нашъ порокъ, пьянство, не только не уменьшается, но напротивъ растетъ. Между тѣмъ, чѣмъ серьезнѣе и искреннѣе мы относимся къ гражданской свободѣ, къ личной самостоятельности рабочаго, тѣмъ важнѣе долженъ намъ представляться вопросъ: нельзя ли пріискать какихъ-нибудь общихъ мѣръ, посредствомъ которыхъ можно было бы уменьшить развитіе пьянства. Но само собою разумѣется, эти мѣры должны быть общія для всего народа, для всѣхъ сословій, а не для одного сословія сельскихъ и городскихъ рабочихъ. Все, что похоже на какое-либо ограниченіе гражданскихъ правъ одного сословія должно быть при этомъ безусловно устранено, потому что сословная опека, какъ начало противонравственное, безсильно для исправленія нравовъ, чему примѣромъ въ эпоху крѣпостного права служили дворовые; подчиненные самой непосредственной и строгой опекѣ, они именно и были болѣе остальныхъ крестьянъ расположены къ пьянству. Да и нѣтъ никакого основанія утверждать, что пьянство у насъ есть преимущественное достояніе сословій крестьянскаго, фабричнаго и мелкихъ торговцевъ, и на этомъ основаніи возлагать всю надежду поправленія на одно распространеніе образованности въ массахъ. Статистика Петербурга показываетъ, что одинъ изъ классовъ, въ которыхъ пьянство наиболѣе развито, это—классъ отставныхъ чиновниковъ, то-есть людей съ такимъ образованіемъ, до котораго масса крестьянъ достигнетъ во всякомъ случаѣ весьма не скоро. Мало того; извѣстно, что и въ такой средѣ, гдѣ умственное развитіе стоитъ выше общаго уровня, въ средѣ аристократической и даже литературной, пьянство встрѣчается у насъ весьма часто. Итакъ, пріискиваемыя мѣры должны быть непремѣнно мѣры общія.

Обратимся къ цифровымъ даннымъ доклада. Въ Харьковѣ насчитывается заведеній съ распивочною продажею 675, не включая въ это число буфетовъ. На 7 дворовъ въ Харьковѣ приходится кабакъ. По числу населенія Харькова (62 т. душъ обоего пола), одно питейное заведеніе приходится на 92 души. Замѣтимъ, что въ статистическихъ выкладкахъ такого рода число женщинъ и несовершеннолѣтнихъ въ селеніи принимается обыкновенно въ $^2/_3$ его числа. Итакъ, окажется, что въ Харьковѣ каждыхъ три десятка мужчинъ содержатъ на свой счетъ питейное заведеніе, то-есть выпиваютъ его годовой оборотъ, и такимъ образомъ оплачиваютъ и его помѣщеніе, и содержаніе его сидѣльца, и всѣ его патенты и свидѣтельства. Докладъ сообщаетъ, что число чарочныхъ служителей въ Харьковѣ простирается до 1000 человѣкъ, а такъ какъ число взрослыхъ рабочихъ мужчинъ принимается

въ 16 тыс. человѣкъ, то и выходитъ, что изъ 16 человѣкъ рабочихъ одинъ не только ничего не производитъ, но кормится именно тѣмъ, что систематически спаиваетъ остальныхъ 15. Результатомъ этого спаиванія является не только то, что 30 человѣкъ, какъ бы обязавшіеся содержать на свой счетъ кабакъ, должны каждый снести ему въ годъ рублей 30—40, то-есть уплатить сверхъ податей еще такой налогъ кабаку, который вдвое превышаетъ сумму прочихъ налоговъ, взятыхъ вмѣстѣ,—но еще и разстройство силъ и всякихъ дѣлъ, огромная потеря времени и отсутствіе всякой предусмотрительности, такъ что всякое неожиданное затрудненіе приводитъ человѣка къ послѣдней крайности.

Число кабаковъ въ Харьковѣ съ каждымъ годомъ растетъ; въ 1869-мъ году—439, въ 1870-мъ—499, въ 1871-мъ—568! Намъ не разъ уже случалось упоминать о тѣхъ публицистахъ, которые утверждаютъ, что число кабаковъ само по себѣ не имѣетъ пагубнаго вліянія на нравственность, и въ противоположность такому мнѣнію мы приводили единогласные отзывы архіереевъ, и самого общества, какъ-то земствъ и крестьянскихъ обществъ, усматривавшихъ одну изъ главныхъ причинъ зла именно въ огромномъ числѣ распивочныхъ продажъ. Но, вотъ разсчетъ, который достаточно убѣждаетъ, что кабакъ *долженъ* прибѣгать ко всякимъ деморализирующимъ и разоряющимъ народъ средствамъ, потому что иначе онъ существовать *не можетъ*. По приведенному числу питейныхъ заведеній сравнительно съ населеніемъ Харькова, ясно, что кабакъ среднимъ числомъ не можетъ продать въ годъ болѣе 300 ведеръ; уже и это количество составляетъ на каждую *душу* $3^1/_2$ ведра въ годъ, а если разложить только на взрослыхъ мужчинъ, то по 10-ти ведеръ на каждаго (!) изъ нихъ въ годъ. Но покупая ведро водки по 3 р. 50 коп., и продавая его по 5 рублей, кабакъ выручаетъ въ годъ всего 450 р., а между тѣмъ вотъ его расходы: наемъ двухъ комнатъ (одна для жилья) 200 р., отопленіе и освѣщеніе 60 р., устройство и обзаведеніе 25 р., патентъ 70 р., раскурочное свидѣтельство 5 р., налогъ на патентъ въ пользу города (20%) и земства (25%) 31 р. 50 к., промышленное свидѣтельство 18 р., налогъ со свидѣтельства въ пользу города и земства 3 р. 60 коп. Итого 413 р. 10 коп. Итакъ, чистый доходъ кабака, если онъ не будетъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ и незаконнымъ промысламъ, составитъ 36 р. 90 коп. въ годъ. Но развѣ можетъ шинкарь существовать на 36 р. 90 коп. въ годъ? Да еслибы капиталъ 413 р. онъ положилъ еще въ цѣнныя бумаги, то онъ могъ бы имѣть до 29 рублей на него, и весь годъ свободный для иной работы.

Изъ этого разсчета истекаютъ два вывода: шинкарь непремѣнно *долженъ* прибѣгать къ искусственнымъ и незаконнымъ средствамъ (недомѣръ, разбавленіе водой, отпускъ подъ залоги вещей, сбытъ этихъ

вещей, а также сбытъ вещей краденыхъ, промыслъ развратомъ и т. д.) Теперь спрашиваемъ, все ли равно, будетъ ли въ городѣ или нѣтъ такихъ центровъ развращенія больше или меньше? Затѣмъ: изъ приведеннаго разсчета видно, что такъ какъ существенный доходъ шинкаря заключается не въ разницѣ цѣны купли и продажи доброкачественнаго товара, а именно въ обманѣ и другихъ назаконныхъ промыслахъ, то стало быть однимъ повышеніемъ цѣны патента и нельзя повліять существенно на уменьшеніе числа этихъ центровъ и источниковъ деморализаціи.

Описывая экономическія послѣдствія развитія пьянства, докладъ замѣчаетъ, что въ Харьковѣ можно насчитать нѣсколько фабричныхъ заведеній, закрытыхъ по невозможности содержать рабочихъ въ порядкѣ, и что особенно терпятъ тѣ заведенія, въ которыхъ требуется точная и своевременная работа, какъ, напр., кожевенные заводы; при всей выгодности ихъ, они „сдѣлались у насъ невозможными", потому именно, что „пьяная рука портитъ товаръ". Докладъ разсчитываетъ, что въ Харьковѣ, если считать семейство въ 5 душъ, на каждое семейство продается въ годъ $16^1/_4$ ведра, а по 5-ти р. это составляетъ 81 р. 25 к., которые семья должна издержать въ годъ на водку; если же считать, что въ семьѣ только 2 лица пьютъ водку, то каждое изъ нихъ пьетъ въ годъ $8^1/_3$ ведра, или $1^1/_2$ штофа въ недѣлю. Заработокъ же рабочаго семейства въ Харьковѣ составляетъ въ среднемъ размѣрѣ не болѣе 150 р. въ годъ, и такимъ образомъ во многихъ семьяхъ на водку уходитъ половина, а въ иныхъ и бо́льшая часть заработка. Многіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что если эти цифры и не представляютъ картины общаго положенія дѣлъ въ Россіи, такъ какъ въ деревняхъ все-таки пьютъ меньше, чѣмъ въ городахъ, но если принять въ разсчетъ всю потерю времени, какая соединена съ пьянствомъ, всегда продолжающимся по меньшей мѣрѣ два дня, по праздникамъ, и всѣ происходящія отсюда неустройства и упущенія, то и общая картина будетъ весьма похожа на харьковскія черты, въ томъ именно смыслѣ, что заработокъ и благосостояніе народа были бы значительно, а можетъ быть и *вдвое больше*, еслибы прогулъ и пьянство не существовали. Тѣ публицисты, которые боятся сондировать раны, опасаясь, чтобы не было какъ-нибудь прописано вреднаго лекарства въ родѣ ограниченія гражданскихъ правъ рабочихъ, настойчиво утверждаютъ, именно съ этой, политической точки зрѣнія, что благосостояніе массы народа зависитъ только отъ пониженія податей, а вовсе не отъ уменьшенія пьянства. Но изъ одного все-таки не слѣдуетъ другое; совершенно вѣрно, что бремя податей, вмѣстѣ съ выкупными платежами, дѣлаетъ земледѣльческій промыселъ невыгоднымъ въ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ. Но все-таки совершенно несомнѣнно, что народъ пропиваетъ гораздо болѣе, чѣмъ платитъ податей.

Достаточно вспомнить, что винный акцизъ есть нашъ главный государственный доходъ; а вѣдь для того, чтобы доставить государству два рубля на ведрѣ вина, рабочій долженъ издержать пять рублей; какую же громадную массу денегъ издерживаетъ масса на вино, чтобы доставить государству 150 милліоновъ въ годъ?

Зачѣмъ противополагать одно другому? Подати и выкупные платежи, нѣтъ спору, тяжки, и вопросъ о томъ, не представляется ли необходимымъ, чтобы государство облегчило крестьянамъ именно выкупные платежи, какъ наиболѣе тяжкіе, и привлекло къ платежу подушныхъ податей всѣ сословія, долженъ быть разрѣшаемъ отдѣльно. Но все-таки слѣдуетъ признать, что уменьшеніе пьянства могло бы поднять благосостояніе массы народа никакъ не менѣе, чѣмъ его подняло бы съ другой стороны и уменьшеніе податного бремени. Скажемъ болѣе: самая необходимость облегчить налоги является быть можетъ отчасти и вслѣдствіе пьянства. Было бы съ чего брать, тогда и высокіе налоги уплатить можно; но когда само хозяйство въ упадкѣ, тогда и низкія подати заплатить трудно. Въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ центровъ сбыта и съ бѣдной землей, быть можетъ, податные платежи и составляютъ главную тягость, то-есть бо́льшую, чѣмъ расходъ на вино и происходящая отъ него потеря времени; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ трудъ дешевъ, а стало быть и потеря времени не такъ дорога́, какъ наличныя деньги, нужныя для уплаты податей. Но въ мѣстностяхъ, близкихъ къ промышленнымъ центрамъ, и въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, пьянство безъ всякаго сомнѣнія составляетъ тягость бо́льшую, чѣмъ самыя подати. Напр. въ ближайшей къ Петербургу мѣстности заработки таковы, что податные платежи были бы легки по цѣнѣ заработковъ. Но если крестьянинъ или работникъ хоть сто дней въ году не работаетъ, то это одно уже составитъ для него убытокъ по меньшей мѣрѣ въ 50 рублей, кромѣ цѣны вина, какое онъ выпьетъ въ эти дни. Въ дѣйствительности же вся потеря должна простираться рублей до 150 на взрослаго рабочаго, потому что работаетъ онъ менѣе 265 дней въ году, и заработокъ здѣсь доходитъ до 1 рубля въ день. Спрашивается, что же значитъ въ сравненіи съ этою потерею хотя бы 45 рублей податей, какія такому работнику приходится платить за себя и своихъ? Облегчите ему подати на цѣлую треть, на 15 рублей—уменьшеніе весьма значительное, окажется, что онъ выиграетъ всего 10% того, что́ теряетъ отъ прогула. Заработки фабричныхъ меньше, чѣмъ заработки крестьянъ; но за то на фабрику ходятъ не одни взрослые мужчины, но и женщины, и дѣти. Въ Одессѣ, въ извѣстное время въ году, чернорабочій получаетъ 3 рубля въ день. Что же, развѣ онъ отложитъ 70 рублей въ мѣсяцъ работы, проживъ хоть двадцать? Вовсе нѣтъ, онъ третью часть времени не будетъ работать, да проживетъ и пропьетъ

рублей 30. Посмотрите на жилища, на бытъ крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заработки высоки, но пьянство процвѣтаетъ; правда, они носятъ сапоги, въ праздникъ синіе кафтаны, а жены и дочери ихъ рядятся въ шелковые платки и вовсе не работаютъ въ полѣ. Но избёнки ихъ такъ же кривы и тщедушны, какъ и въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ; ворота также едва держатся, а въ крышахъ недостаетъ досокъ. На достаточнаго хозяина придется по двѣ лошади, несмотря даже на обиліе луговъ (какъ здѣсь) и выгодность работы съ лошадью. А случись неурожай, или болѣзнь — вотъ и разореніе, потому что на черный день не отложено рѣшительно ничего.

Вотъ картина изъ нѣсколькихъ чертъ, которыя мы беремъ изъ харьковскаго доклада: „сельскій судъ дѣлаетъ свои приговоры или приводитъ ихъ въ исполненіе — въ кабакѣ; мировой судъ разсматриваетъ дѣла, совершившіяся тамъ-же—въ кабакахъ, или по поводу пьянства. Уже не говоря о земледѣльческомъ промыслѣ, когда у насъ въ истекшемъ году сотни и тысячи десятинъ пшеницы и травъ остались къ зимѣ *неубранными*, но мы обратимся къ городскому общественному хозяйству, болѣе намъ знакомому, и вотъ наши жалобы. Мы не имѣемъ возможности разводить деревья въ городѣ: ихъ ломаютъ и пьяные, и трезвые, безъ всякой надобности, по одному инстинкту разрушенія; цѣлые бульвары уничтожаются; городской садъ рубится по ночамъ для топлива, его деревянный заборъ разнесенъ; съ тротуаровъ, лѣстницъ, уносятся каменныя плиты, съ мостовъ вырываются желѣзныя связи, уносятся доски слабо прикрѣпленныя, колодцы портятся, насосовъ невозможно удержать, городскіе фонари снимаются со столбовъ — все это сбывается въ кабакахъ или продается на рынкѣ, въ такъ-называемомъ воровскомъ ряду, и вырученныя деньги относятся въ тѣ же кабаки... Могилы умершихъ не оставляются въ покоѣ; тамъ разоряютъ памятники, уносятъ желѣзныя рѣшетки, кресты; въ дни поминальные кладбище покрыто пирующимъ народомъ: на могилахъ разливается обильно вино, и еслибы воскресли поминаемые покойники, то навѣрно и они были бы пьяны“. Это картина — родная не одному Харькову. Въ дополненіе къ ней легко указать на безпрестанные скандалы, подъ вліяніемъ излишне выпитаго вина, происходящіе въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ, клубахъ, прибавивъ притомъ, что подъ тѣмъ же вліяніемъ нерѣдки случаи, что люди съ высшимъ образованіемъ предаются кулачной расправѣ или площадной брани. Но важнѣе, конечно, тѣ черты, которыя относятся къ быту громаднаго большинства народа.

Напрасно закрывать глаза предъ очевидностью; ясно, что необходимо обратить серьезное вниманіе на гибельное развитіе пьянства, и если собственныя соображенія и чужой опытъ могутъ указать намъ мѣры сколько-нибудь пригодныя для достиженія этой цѣли, то необ-

ходимо принять ихъ. Прежде всего отсюда надо совершенно устранить и тотъ фальшивый либерализмъ, который состоитъ въ отрицаніи факта, и всякое государственное соображеніе о невозможности уменьшить главный доходъ казны. Узко-камеральный взглядъ въ такомъ вопросѣ, который касается всего хозяйственнаго и домашняго быта народа не можетъ быть вѣренъ. „Если общее благосостояніе народа увеличится" говорили мы въ 1869-мъ году въ спеціальной замѣткѣ по этому предмету [1]), „то не трудно недоборъ въ одномъ доходѣ вознаградить новымъ налогомъ, потому что будетъ съ чего взимать. Но плохо то хозяйство, которое настаивало бы на охраненіи сегодняшняго рубля дохода, если этотъ рубль изсушаетъ самый источникъ дохода, т.-е. благосостояніе страны. Это — старая басня о курицѣ и золотыхъ яйцахъ". Хотя и несомнѣнно, что въ Россіи труднѣе чѣмъ гдѣ-либо отказаться отъ части виннаго дохода, такъ какъ онъ составляетъ почти треть всего бюджета; но вѣрно и то, что въ Россіи, гдѣ производительный трудъ всякаго рода производится не машиною, всегда трезвою, а руками человѣка, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь необходимо, для охраненія самой производительной силы, принять мѣры къ огражденію народа отъ развитія пьянства, если только такія мѣры возможны.

Докладъ, о которомъ мы говоримъ, указываетъ на три такія мѣры: 1) ограниченіе числа питейныхъ заведеній; 2) запрещеніе распивочной продажи вина въ этихъ заведеніяхъ, и 3) запрещеніе продавать водку въ дни праздничные и воскресные. Всѣ три мѣры запретительнаго характера, что̀ объясняется самымъ назначеніемъ доклада, такъ какъ дума въ этомъ дѣлѣ едва ли и можетъ принять иныя мѣры или ходатайствовать объ иныхъ мѣрахъ. Само собою разумѣется, что мѣры эти не исключаютъ и усилій иного рода, а именно усилій общественныхъ, усилій дѣйствовать на убѣжденіе народа: духовной проповѣдью, популярными чтеніями о вредѣ пьянства, и составленіемъ обществъ трезвости. Примѣръ Ирландіи доказываетъ, какъ сильно можетъ быть въ этомъ дѣлѣ дѣйствіе проповѣди: проповѣди знаменитаго патера Мэтью въ началѣ сороковыхъ годовъ уменьшили потребленіе спиртныхъ напитковъ въ этой странѣ на половину, а число преступленій за 5 лѣтъ до проповѣдничества Мэтью, бывшее 64½ тысячи съ 59 казнями по нимъ, за пять лѣтъ послѣ начала проповѣдничества Мэтью составляло только 47 т. съ 21 казнью. Какъ только проповѣдническая дѣятельность патера Мэтью прекратилась, потребленіе спиртныхъ напитковъ тотчасъ возрасло на ⅙, но все-таки уже и впослѣдствіи никогда не достигло прежней цифры. Но для того, чтобы слово духовенства имѣло живительную силу и въ самомъ дѣлѣ могло увлечь

---

[1]) «Эпидемія пьянства», «Вѣстн. Евр.» мартъ, 1869 года, стр. 302.

народъ, необходимо разумѣется, чтобы оно не подвергалось предварительной цензурѣ благочинныхъ.

Въ Европѣ существуетъ цѣлая литература изъ книгъ и брошюръ, разъясняющихъ вредъ пьянства для здоровья. Въ Америкѣ и Германіи, десятки тысячъ врачей подписывали медицинское удостовѣреніе факта, что постоянное потребленіе водки, въ какомъ бы маломъ количествѣ оно ни употреблялось, не можетъ ни при какихъ климатическихъ условіяхъ, и ни при какихъ бы то ни было условіяхъ самой работы быть полезно. У насъ ничего подобнаго этой литературѣ не существуетъ; между тѣмъ наши ученыя учрежденія могли бы легко вызвать ее назначеніемъ премій за дѣльныя брошюры въ этомъ родѣ, которыя могли бы быть подтверждаемы авторитетомъ нашихъ медицинскихъ знаменитостей, печатаемы въ большомъ числѣ экземпляровъ на казенный счетъ, и распространяемы въ народѣ даромъ. На одну ту сумму 25 тысячъ рублей, которая издерживается казною и учебными заведеніями на „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", можно бы ежегодно выпускать въ народъ 250 тысячъ экземпляровъ такихъ полезнѣйшихъ произведеній. Публичныя чтенія по этому предмету должны бы быть доступны для священниковъ и врачей безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія. Наконецъ, общества трезвости и приговоры крестьянъ о воздержаніи отъ водки должны быть всячески поощряемы, а не стѣсняемы изъ неразсчетливаго опасенія, что уменьшится разорительный для государства винный доходъ.

Совокупность подобныхъ усилій, скажемъ прямо, представляется намъ обѣщающею даже болѣе пользы, чѣмъ запретительныя и карательныя мѣры, потому именно, что опытъ Америки и другихъ странъ Европы показываетъ, что запретительныя мѣры противъ пьянства приводились въ исполненіе съ успѣхомъ только тамъ именно, гдѣ онѣ опирались на распространившееся въ значительной части народа убѣжденіе, и только до тѣхъ поръ, пока въ самомъ народѣ продолжалось движеніе противъ пьянства. Такова именно была судьба знаменитаго Мэнскаго закона въ Сѣверной Америкѣ, закона, который впродолженіи нѣкотораго времени произвелъ громадные результаты (онъ вовсе воспрещалъ самое винокуреніе и продажу водокъ, за исключеніемъ спирта, приготовляемаго подъ особымъ надзоромъ для цѣлей промышленныхъ и врачебныхъ). Но выразивъ такое мнѣніе, оговоримся и въ пользу участія мѣръ запретительныхъ. У насъ, въ Россіи, онѣ обѣщаютъ болѣе успѣха чѣмъ въ иныхъ странахъ уже потому, что характеръ пьянства въ рабочихъ массахъ у насъ совершенно своеобразный. У насъ несравненно рѣже, чѣмъ въ иныхъ странахъ пьянство ежедневное, постоянное полухмѣльное состояніе человѣка, позволяющее ему однако работать, хотя и дурно. Но у насъ пьютъ запоемъ, нѣсколько дней къ ряду, до самозабвенія и вре-

меннаго прекращенія всякой мысли о работѣ и о хозяйствѣ; этотъ характеръ нашего пьянства и указываетъ, что въ немъ главный, существеннѣйшій моментъ составляетъ *искушеніе*. Искушеніе это—частые праздники, справляемые иногда по нѣскольку дней къ ряду, и веселая компанія въ многочисленныхъ кабакахъ. Приступая къ празднику, съ чаркою въ рукѣ, рабочій имѣетъ въ дѣйствительности только намѣреніе отвести на часъ душу отъ тяжкаго труда,—погулять. Но начавъ гулять онъ тотчасъ *загуляетъ*, и броситъ все, хотя онъ вовсе не пьяница, окончательно предавшійся злому духу алькоголя. Онъ не будетъ пить цѣлый годъ, очень охотно, если не будетъ искушенія, и самъ будетъ радъ. Но пусть на 366-й день онъ разрѣшитъ себѣ чарку, и въ $^9/_{10}$ случаевъ онъ „загуляетъ". Въ кабакъ онъ приходитъ обыкновенно съ цѣлью подкрѣпиться „маленькою"; но въ кабакѣ онъ находитъ „клубъ", единственную компанію, гдѣ происходитъ оживленная бесѣда. Эта обстановка искушаетъ его, и онъ выходитъ изъ кабака пьяный, потомъ опохмѣляется и такъ далѣе, однимъ словомъ „загулялъ".

Вотъ, на основаніи такого-то особеннаго характера нашего пьянства, мы и не можемъ не признать весьма практичными двѣ изъ мѣръ, предлагаемыхъ харьковскимъ докладомъ: ограниченіе числа питейныхъ заведеній, и запрещеніе продавать въ нихъ водку не только распивочно, но и на выносъ въ дни праздничные и воскресные, устранило бы до нѣкоторой степени два непосредственныхъ искушенія; не будь кабака на каждые три дома въ городѣ, и на каждую деревушку—и общество въ кабакѣ утратитъ характеръ дружескаго клуба, вѣчно засѣдающаго; кабакъ не будетъ постоянно на глазахъ, и центровъ, промышляющихъ обманомъ и развратомъ будетъ меньше. Мы можемъ указать на примѣръ Швеціи, откуда заимствована наша акцизная система; вслѣдствіе уменьшенія числа кабаковъ по деревнямъ, въ Швеціи, за послѣднее десятилѣтіе, значительно уменьшилось пьянство.

Другая мѣра, предлагаемая докладомъ: закрытіе кабаковъ въ дни праздничные и воскресные также представляется намъ практичною: праздники порождаютъ у насъ настоящую эпидемію пьянства, а противъ эпидеміи слѣдуетъ дѣйствовать радикальнымъ устраненіемъ ближайшаго ея источника. Возраженіе, что кто хочетъ пьянствовать все равно приметъ свои мѣры: купитъ вина въ субботу и будетъ пить въ воскресенье и въ понедѣльникъ,—не идетъ къ дѣлу. Само собой разумѣется, что кто твердо хочетъ напиться, тотъ можетъ принять къ этому мѣры заблаговременно. Но не таковъ у насъ характеръ пьянства въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потому что пьютъ не изъ потребности, а именно сверхъ потребности, по искушенію, а никакъ не преднамѣренно. Вотъ почему мы, съ другой стороны, не можемъ убѣдиться въ пользѣ третьей изъ предлагаемыхъ докладомъ мѣръ: совер-

шеннымъ запрещеніемъ распивочной продажи. Докладъ разсуждаетъ такъ: пусть водку пьютъ неиначе какъ дóма, а собираться для бесѣды можно будетъ въ портерныхъ, но не въ кабакахъ. Но первое условіе не годится для великорусскихъ губерній. У исправныхъ крестьянъ, которые хотя иногда и „загуливаютъ", но сознаютъ вредъ пьянства, —принципъ не держать водки дóма, потому именно, что противъ штофа не устоишь. Водку въ посудѣ они покупаютъ только для свадебъ, крестинъ, имянинъ, вообще для домашняго праздника, иначе пить стаканъ идутъ въ кабакъ. Запрещеніе распивочной продажи въ заведеніяхъ и по будничнымъ днямъ шло бы прямо противъ этого обычая, и пріучая народъ держать постоянно водку дóма, дѣлало бы излишнимъ закрытіе кабаковъ по праздникамъ. Сверхъ того, держаніе водки на дому, также какъ и домашнее куреніе водки, пріучаетъ къ пьянству женщинъ и мальчиковъ. Что касается двухъ остальныхъ запретительныхъ мѣръ, предлагаемыхъ докладомъ, то онѣ, какъ показываетъ опытъ другихъ странъ, и какъ можно предполагать по самому свойству нашего пьянства, имѣющему характеръ искушенія, должны бы принесть пользу. Онѣ гораздо практичнѣе иныхъ мѣръ, испробованныхъ въ разныхъ странахъ относительно пьянства, а именно: наказанія пьяницъ штрафомъ и поощренія пивной продажи въ ущербъ винной. Пьяница наказуется самой природою сильнѣе, чѣмъ всякимъ штрафомъ; но тамъ, гдѣ самое чувство самосохраненія безсильно передъ привычкой и соблазномъ, много ли подѣйствуетъ опасеніе штрафа? Что касается покровительства пиву, то это средство уже было испытано въ Англіи безъ успѣха: опытъ доказалъ, что съ возрастаніемъ потребленія пива и потребленіе водки возрастаетъ, а не уменьшается. Другое дѣло — удешевленіе чая и сахара; обычай требуетъ, чтобы предлогомъ къ бесѣдѣ была ѣда, а чаще—питье. Чтó-нибудь, кромѣ воды, все-таки пить будутъ, пусть же пили бы чай, который въ русскомъ народѣ пользуется почетомъ. Но какъ же пить чай, когда устраненіе привознаго сахара съ рынка высокой пошлиною поддерживаетъ на сахаръ цѣны, недоступныя для массы сельскихъ рабочихъ? Вообще же слѣдовало бы пересмотрѣть нашъ уставъ о питейномъ сборѣ съ цѣлью уменьшенія числа и улучшенія характера распивочныхъ продажъ. Въ Англіи въ 1869-мъ году надзоръ за ними фактически переданъ былъ изъ рукъ акцизнаго управленія въ руки мирового суда, тѣмъ, что мировымъ судьямъ было предоставлено право отбирать отъ виновныхъ въ злоупотребленіяхъ шинкарей — ихъ licence, то-есть дозволеніе торговли. Послѣдствіями этого было, что въ два года было закрыто до 9,000 кабаковъ, и злоупотребленія въ нихъ уменьшились. Но требуя ограниченія числа распивочныхъ продажъ, мы не видимъ никакого повода дѣлать между ними различіе: всѣ распивочныя продажи, начиная отъ сельскаго кабака, и кончая буфетомъ итальянской оперы, ресто-

раномъ самой фешенебльной гостинницы, и буфетомъ англійскаго клуба должны быть подчинены однимъ и тѣмъ же условіямъ. Иначе, кабакъ всегда укроется отъ нихъ, преобразуясь въ трактиръ, кухмистерскую, закусочную, постоялый дворъ, ресторанъ, а пожалуй и гостинницу, и клубъ. Нѣтъ, напримѣръ, никакого основанія разрѣшать ночную продажу питей въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ трактирахъ, пользующихся съ разрѣшенія полиціи (и почему полиціи, а не думы?) правомъ производить торговлю по ночамъ. Если признается необходимымъ, чтобы нѣкоторое число ресторановъ было открыто ночью, потому что иначе людямъ, не имѣющимъ своего хозяйства, пришлось бы иногда голодать (хотя большинство такихъ заведеній назначено очевидно не для голодныхъ), то все-таки нѣтъ причины разрѣшать имъ торговлю спиртными напитками и виномъ ночью. Какая нужда можетъ припасть ночью пить шампанское или хотя бы водку? Согрѣться можно и чаемъ. Ясно, что ночная продажа питей служитъ единственно для кутежа. А если кабакамъ, служащимъ для простолюдина, запрещается торговать послѣ 11-ти часовъ вечера, именно для отвращенія разгула, то почему же дозволяется привилегированнымъ трактирамъ послѣ 12-ти часовъ продавать вино для кутежа, когда всѣ прочіе трактиры послѣ этого часа не смѣютъ продать и порціи съѣстного?

Само собою разумѣется, повторяемъ, что однѣми запретительными мѣрами не слѣдуетъ ограничиваться въ борьбѣ съ этой народной язвою. Умственная развитость, конечно, лучшій защитникъ народнаго здоровья противъ этой язвы. Очевидно, что на успѣхи народнаго образованія надо разсчитывать и въ этомъ дѣлѣ. Мы несогласны только съ такимъ мнѣніемъ, которое отрицаетъ пользу всякихъ непосредственныхъ мѣръ, возлагая надежду всякаго исправленія единственно на успѣхи образованности. Въ этомъ смыслѣ народное образованіе иногда представляютъ какъ бы для отвода всякихъ практическихъ дѣйствій въ настоящемъ. А между тѣмъ, если даже въ образованныхъ средахъ у насъ пьянство не рѣдкость, можно ли полагаться въ борьбѣ съ пьянствомъ на одно развитіе образованности въ массахъ, когда у насъ пока еще рѣчь идетъ только о грамотности? Все это слишкомъ очевидно, какъ очевидна все-таки и необходимость грамотности хотя бы для того, чтобы листки и книжки, направленные противъ пьянства, могли оказать сколько-нибудь значительное дѣйствіе.

Вопросъ о народномъ образованіи былъ однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія въ недавно происходившей сессіи петербургскаго губернскаго земства. Въ 1868-мъ году здѣсь былъ возбужденъ вопросъ, какъ должна быть раздѣлена дѣятельность по народному образованію между земствомъ губернскимъ и уѣзднымъ, и избранная для обсужденія этого вопроса коммиссія пришла къ заключенію, что уѣздныя зем-

ства должны устроивать народныя школы, а губернское земство озаботиться приготовленіемъ для этихъ школъ учителей. При утвержденіи этого заключенія въ 1869-мъ году, губернское собраніе положило воспользоваться для приготовленія учителей педагогическими курсами, при андреевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ.

Стипендіатовъ отъ земства на эти курсы поступило 10. Педагогическіе курсы, устроенные министерствомъ народнаго просвѣщенія, были закрыты и взамѣнъ ихъ приступлено къ учрежденію учительскихъ семинарій, изъ которыхъ одна открыта въ Гатчинѣ. Земскіе стипендіаты туда и поступили для окончанія своего педагогическаго курса. Но это было особо разрѣшено по ходатайству управы, и пріемъ новыхъ стипендіатовъ отъ земства въ гатчинскую семинарію оказывается невозможнымъ. Поэтому земству предстояло теперь обсудить вновь вопросъ о приготовленіи учителей? Собраніе, согласно мнѣнію своего комитета, рѣшило нынѣ учредить особую земскую учительскую школу, на земскія средства, но не приняло мысли комитета объ учрежденіи ея въ Петербургѣ, предоставивъ управѣ пріискать для нея мѣсто не далѣе 2-хъ-часовой ѣзды отсюда. Сообразно съ этимъ пришлось измѣнить нѣсколько и учебную программу. Положено было исключить изъ нея музыку, физику и математическую географію, замѣнивъ двѣ послѣднія отрасли знанія—„естествовѣдѣніемъ съ приложеніемъ къ практикѣ". Въ этомъ случаѣ собраніе едва ли не увлеклось на фальшивый путь. По совершенно справедливому замѣчанію барона П. Л. Корфа, школа должна быть чѣмъ-нибудь однимъ: или учительской, или хозяйственной, или технической, а совмѣстить все это въ одной школѣ невозможно. Сверхъ того, спрашивается, что же это за „естествовѣдѣніе", которое исключаетъ и физику и даже общія космографическія понятія? Разумѣется, если „естествовѣдѣніе" разумѣть собственно какъ искусство ухода за скотомъ, и какъ понятіе „о птицахъ полезныхъ или вредныхъ человѣку", въ такомъ случаѣ оно, пожалуй, можетъ обойтись и безъ физики и космографіи. Можно умѣть отлично ухаживать за животными и не зная, что солнце не ухаживаетъ за землею. Но въ такомъ случаѣ естествовѣдѣніе сводится уже къ понятіямъ о скотоводствѣ и земледѣліи, и школа, учительская по назначенію, принимаетъ характеръ практическо-сельско-хозяйственный.

Во время преній объ устройствѣ учительской школы зашла рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли допускать въ нея ученицъ, а въ связи съ этимъ дѣлалось сравненіе и между успѣхомъ учительницъ и учителей въ дѣлѣ народнаго образованія. Оказалось, что учительницы, вообще говоря, лучше учителей, такъ что даже однимъ изъ гласныхъ было предложено учительскую семинарію назначить для дѣвушекъ, а не для молодыхъ людей. Но собраніе высказалось за устройство смѣшанной

школы, предоставивъ управѣ устроить ее сперва отдѣльно для мальчиковъ, а вопросъ о допущеніи въ учительскую школу дѣвочекъ разработать къ слѣдующему очередному собранію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ первые дни засѣданій собранія оказалось въ самомъ Петербургѣ то явленіе, на которое такъ часто нарекаютъ въ провинціи—число присутствовавшихъ едва было достаточно для законности собранія. Не повторяя разсужденій о нашей „апатіи къ общественнымъ дѣламъ"—разсужденій по поводу земства, которыя переходятъ уже и въ иностранную печать (надняхъ мы прочли ихъ въ корреспонденціи аугсбургской (Allgemeine Zeitung), замѣтимъ, что расширеніе правъ земства было бы несомнѣнно вѣрнѣйшимъ средствомъ къ живому привлеченію къ земской работѣ умственныхъ силъ страны. Такое расширеніе желательно и по многимъ инымъ соображеніямъ. Оно необходимо для успѣха въ дѣлѣ образованія, и въ дѣлѣ борьбы противъ пьянства, и вообще для болѣе успѣшной дѣятельности земства даже и по тѣмъ отраслямъ, которыми она ограничена.

Два мѣсяца тому назадъ, обсуждая основанія предположенныя для введенія судебной реформы въ царствѣ польскомъ, мы отозвались съ нѣкоторымъ удивленіемъ о слухѣ, что изъ этихъ началъ то, которое вызвало въ различныхъ инстанціяхъ наиболѣе сомнѣній и недоумѣній, было именно то начало всесословнаго выборнаго гминнаго суда, которое представлялось наиболѣе несомнѣнно-раціональнымъ изъ всѣхъ предположенныхъ для царства отступленій отъ нашихъ судебныхъ уставовъ. Къ сожалѣнію, какъ мы слышали, въ самомъ общемъ собраніи государственнаго совѣта повторилось то же самое: наиболѣе сомнѣній вызвали не мѣры, лишающія наши судебные уставы существенныхъ ихъ свойствъ: несмѣняемости судей, установленія суда присяжныхъ, выборнаго характера судей мировыхъ,—а именно начало всесословнаго, выборнаго гминнаго суда, которое общему характеру судебныхъ уставовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ.

Послѣдствіемъ такихъ сомнѣній была, по дошедшему до насъ слуху, совершенно неожиданная отсрочка всего дѣла о введеніи судебной реформы въ царствѣ, быть можетъ не на короткое время, такъ какъ рѣшено составить по нѣкоторымъ частямъ проекта новыя соображенія по сношенію съ намѣстникомъ, со внесеніемъ ихъ затѣмъ установленнымъ порядкомъ снова въ государственный совѣтъ. При этомъ для устройства собственно гминныхъ судовъ, какъ мы слышали, положены слѣдующія начала, до нѣкоторой степени уже отступающія отъ мысли покойнаго Н. А. Милютина: уменьшить общее число гминныхъ судовъ, для облегченія правительственнаго надзора за ними, такъ чтобы учреждать по одному суду не въ каждой гминѣ, а на

нѣсколько гминъ, но съ тѣмъ довольно затруднительнымъ однако на практикѣ условіемъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не лишать жителей удобства пользоваться судомъ не слишкомъ отдаленнымъ отъ мѣста ихъ жительства. Коллегіальный составъ этихъ судовъ предполагается сохранить, но рѣчь идетъ уже только о призывѣ въ члены ихъ выборныхъ отъ гминъ. Устраняется общее правило, что предсѣдатель гминнаго суда избирается самимъ судомъ; примѣненіе его ограничено условіями. Сверхъ того, по слуху, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ снестись съ намѣстникомъ о степени необходимости сохранить въ царствѣ, и по введеніи судебнаго преобразованія—принадлежащаго нынѣ тамъ губернаторамъ и другимъ чинамъ мѣстной администраціи (стало быть и полиціи?), карательную власть. Послѣ всего уже сказаннаго нами объ отступленіяхъ отъ духа судебныхъ уставовъ, предполагаемыхъ для царства, считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, въ какой степени эти новѣйшія отступленія представляются соотвѣтствующими, какъ юридическимъ интересамъ дѣла, такъ и политической цѣли, которой представителемъ былъ покойный Милютинъ.

ОПЫТЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ.

Письмо въ редакцію *).

Въ ожиданіи появленія общей земской статистики, которая обняла бы все наше народное хозяйство на всемъ пространствѣ Россіи, попытаемся изобразить въ цифрахъ экономическое положеніе крестьянскаго хозяйства и быта въ одномъ небольшомъ уголкѣ нашей обширной земли, и для этого изберемъ пока Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи. Для достиженія такой цѣли мы исчислили въ немъ по матеріаламъ, собраннымъ мѣстною земскою управою, валовую доходность крестьянскихъ земель и вывели итоги всѣмъ податямъ, оброкамъ и сборамъ. Вотъ результаты добытыхъ нами числовыхъ данныхъ, которыя помѣщаемъ ниже въ формѣ таблицы.

Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи представляется намъ обществомъ, состоящимъ изъ 47,000 человѣкъ, изъ которыхъ около

*) См. «В. Е.» ноябрь 1871 и январь 1872 г.

30,000 ч. обоего пола занимаются земледѣліемъ: пашутъ, сѣютъ, жнутъ и получаютъ вслѣдствіе своихъ трудовъ около 24,000 четвертей ржи и 49,000 четв. яровыхъ хлѣбовъ; если мы переведемъ эти продукты на цѣны, существующія у насъ и положимъ рожь по 7 рубл., а яровой, заключающійся преимущественно въ овсѣ, по 3 рубля за четверть, то получимъ валовую доходность съ земель на сумму около 317,000 р. Сравнимъ эту доходность съ итогомъ всѣхъ податей и сборовъ, составляющихъ 190,000 р.—и мы получимъ результатъ такой: налоги и сборы уносятъ изъ валовой доходности крестьянъ болѣе, чѣмъ 59%, а имъ, крестьянамъ, которые работаютъ, содержатъ хозяйство и сѣютъ свои сѣмена—остается 41%.—Но эта общая цифра можетъ показаться невѣроятной, ошибочной, поэтому мы ее повѣримъ съ частными цифрами.

Крестьянскія общества подраздѣляются на: временно-обязанныхъ, вышедшихъ на выкупъ, государственныхъ, удѣльныхъ и владѣющихъ собственною землей. Мы беремъ первый разрядъ, т.-е. временно-обязанныхъ, они составляютъ болѣе одной четвертой части всего населенія уѣзда; оброки, которые они платятъ за землю, простираются до 46,000 рубл.; всѣ другіе сборы до 18½ т. рублей, слѣдовательно общій итогъ податей доходитъ до 64,500 руб.; валовая же доходность отъ земель, высчитанная, какъ мы указывали выше, составляетъ 89,260 руб.; такъ что оброки и сборы временно-обязанныхъ крестьянъ въ сравненіи съ цѣлымъ уѣздомъ представляютъ еще большій процентъ, а именно — 72% съ валовой доходности земель; крестьяне вышедшіе на выкупъ платятъ на 10% менѣе сравнительно съ первыми; бывшіе удѣльные платятъ 55%; государственные крестьяне — 50%, а крестьяне, имѣющіе собственную землю — 16%. Послѣдняя цифра довольно утѣшительна, но къ сожалѣнію собственниковъ весьма немного въ уѣздѣ: изъ 20,400 надѣловъ имъ принадлежитъ всего 443 надѣла.

Такимъ образомъ, уже въ общихъ итогахъ является большая несоразмѣрность въ распредѣленіи налоговъ — одни платятъ болѣе, другіе менѣе, а основаній для этого нѣтъ никакихъ; но если взять въ сравненіе отдѣльныя волости и общества, то несоразмѣрность дойдетъ до ужасающихъ размѣровъ; такъ Волоко-Хилецкая волость получаетъ со своей земли продуктовъ maximum на 4½ т. рублей, потому что вся состоитъ изъ сыпучихъ песковъ, и урожай на ней только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ самъ-третей, а чаще самъ-1, самъ-1½ и 2;—волость же эта однихъ оброковъ за землю платитъ 4,700 руб., т.-е. болѣе ста процентовъ съ ея валовой доходности, и кромѣ того другихъ сборовъ до 2,000 рублей, слѣдовательно еще 50%. Такимъ образомъ, Хилецкая волость не только не получаетъ какой-либо при-

были отъ земли, но еще доплачиваетъ около 2,200 рублей за право обработывать пески!

Это явленіе повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ, которыя платятъ свыше 100% доходности земли. Да наконецъ и средніе платежи въ 50, 60 и 70% едва ли представляютъ явленіе нормальной жизни [1]).

Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторые отдѣльные налоги и сборы. Главный изъ нихъ есть оброкъ за землю, рента или выкупной платежъ. Представьте себѣ, что вы продаете землю или сдаете ее въ аренду; вѣроятно, вашъ покупатель или арендаторъ расцѣнитъ ея доходность и сообразно тому назначитъ вамъ цѣну или аренду; такъ всегда дѣлалось и дѣлается въ общежитіи: меня не могутъ принудить — землю, приносящую 100 р., арендовать за 150 р.; или вещь, стоющую 500 р., купить за 1000 рублей. Это важное и необходимое право оцѣнки было совершенно опущено при надѣлѣ крестьянъ согласно Положенія 19-го февраля. Если у однихъ крестьянъ былъ помѣщикъ добрый и бралъ съ нихъ оброку 4 р., или гонялъ на барщину 2 дня въ недѣлю — то законъ утвердилъ за нимъ 4-хъ-рублевый оброкъ; если же у другихъ крестьянъ помѣщикъ былъ не очень добрый и бралъ съ нихъ оброку 9 рублей, или гонялъ на барщину 4 дня въ недѣлю, то законъ утвердилъ 9-ти-рублевый оброкъ. Законъ не вошелъ въ расцѣнку надѣловъ, для него было безразлично качество земли, лишь бы было ея количество; тогда какъ на дѣлѣ извѣстно, что одна хорошая десятина земли стóитъ сотни плохихъ десятинъ.

Наибольшая часть помѣщичьихъ земель перешла крестьянамъ по 9-ти-рублевому оброку, а въ числѣ этихъ земель находятся такія, что крестьянамъ было бы въ десять разъ выгоднѣе бросить ихъ и переселиться на болѣе удобныя мѣста. По этой же причинѣ уставныя грамоты и выкупныя сдѣлки въ большинствѣ случаевъ вводились противъ воли и желанія крестьянъ; послѣдніе болѣе или менѣе сознавали, что оброки слишкомъ велики и что платежи имъ не по силамъ, но такъ какъ законъ не допустилъ адвокатуры въ крестьянскихъ дѣлахъ, не допустилъ болѣе широкаго гражданскаго судопроизводства по спорнымъ дѣламъ между крестьянами и помѣщиками, то всякое нежеланіе крестьянъ уплачивать оброкъ, назначенный за данную имъ землю — относили къ ихъ упорству и принуждали къ

---

[1]) Волоко-Хилецкая волость, платящая за землю въ $1\frac{1}{2}$ раза больше получаемаго съ нея, давно уже представлена на выкупъ, и со стороны владѣльцевъ употреблялись всѣ средства, чтобы заставить крестьянъ подписать выкупную сдѣлку; но это не удалось, и потому они подводятъ волость подъ обязательный выкупъ. Хорошо будутъ поступать выкупные платежи за такія имѣнія!

уплатѣ силой; за подобныя опущенія въ основномъ законѣ крестьянскія общества платятся слишкомъ горько; — ихъ хозяйство остановилось на томъ положеніи, въ какомъ его засталъ манифестъ 19-го февраля 1861-го года, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно пошло даже назадъ. Недоимки, о которыхъ впослѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе, выросли до громадныхъ цифръ; такъ, напр., Волоко-Хилецкая волость на каждомъ надѣлѣ имѣетъ недоимки около 55-ти рублей, а на всей волости 30,000 рублей, при 4,500 р. валового дохода съ земли.

Внутреннее земское и общественное хозяйство при такомъ положеніи никакъ не можетъ развиться, потому что всѣ наличныя средства поглощаются оброкомъ и подушными податями, да и этого мало хватаетъ; такъ что немногія волости жертвуютъ на школы, а если и жертвуютъ, то такую незначительную каплю, что она совершенно незамѣтна въ морѣ другихъ обязательныхъ податей и сборовъ: сумма всѣхъ сборовъ, какъ мы видѣли, составляетъ на уѣздъ 190,000 руб., на школы же изъ нея поступаетъ отъ общества всего 780 рублей, т.-е. $^4/_{10}\%$. Подушныя подати и государственный земскій сборъ составляютъ на весь уѣздъ довольно большую цифру, именно—38,000 рублей; они раскладываются на всѣ ревизскія души, не входя въ разсмотрѣніе—могутъ ли послѣднія по своей состоятельности и по доходности своихъ промысловъ ихъ выплачивать; вслѣдствіе этого подушныя подати и государственный земскій сборъ, въ совокупности съ другими податями, являются налогомъ чрезвычайно тяжелымъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ волостяхъ послѣ послѣдней ревизіи явилась значительная убыль въ мужскомъ населеніи — гдѣ въ обществѣ было 25 работниковъ, осталось 18, и на этихъ 18 работниковъ ложится вся тяжесть по платежу за 25 ревизскихъ душъ не только оброковъ за землю, но и подушныхъ податей; отъ этого въ той же, напр., Волоко-Хилецкой волости нѣкоторыя общества платятъ всѣхъ сборовъ не менѣе 15-ти рублей съ наличной души, что́ съ хозяйства составитъ—45 рублей.

Земскій сборъ и страховые платежи въ общей суммѣ налоговъ составляютъ 21,500 рублей, т.-е. около 11% изъ числа всѣхъ сборовъ. Распредѣленіе этихъ налоговъ между плательщиками также не всегда равномѣрно — государственные крестьяне оплачиваютъ не только тѣ земли, которыми они въ дѣйствительности владѣютъ, но и часть земель, находящихся въ пользованіи казны; отъ этого земскій налогъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ отъ 50 до 80-ти копѣекъ на надѣлъ, а у государственныхъ—отъ 1 р. до 2 рублей, между тѣмъ угодья, подлежащія обложенію, одни и тѣ же. Кромѣ того земство до сихъ поръ не дѣлало никакой классификаціи земель — Волоко-Хилецкая волость, бѣднѣйшая по уѣзду, платитъ земскаго налога больше, нежели другія, болѣе богатыя волости, такъ, напримѣръ, въ нѣкото-

рыхъ обществахъ земскіе платежи доходятъ до 1 р. съ надѣла. Страховой сборъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что преміи страхового рубля чрезвычайно высоки—отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ коп. Между тѣмъ Бѣлозерскій уѣздъ принадлежитъ къ такимъ, въ которыхъ пожары очень рѣдки: изъ 5,000 руб. ежегодныхъ премій страхового вознагражденія очень рѣдко выдается болѣе 1,500 рублей, такъ что средства болѣе бѣднаго уѣзда идутъ на болѣе богатые, гдѣ пожары случаются чаще и гдѣ села обширнѣе. Въ рукахъ губернскаго земства страхованіе получило весьма рутинный образъ: вмѣсто того, чтобы стремиться къ пониженію премій, оберегать интересы каждаго уѣзда, губернская управа старается какъ можно болѣе собирать премій и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно безобразно повышаетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, есть селенія въ Кіинской волости, страховые платежи которыхъ доходятъ до 1 рубля съ души! потому что премія назначена по $2\frac{1}{2}$ коп. съ рубля. Самыя формы страховыхъ описей въ высшей степени неудобны и стѣснительны для старшинъ.

Если мы подвергнемъ разбору общее вліяніе земства у насъ на крестьянскій бытъ, то придемъ къ выводамъ большею частью отрицательнымъ. Въ свое восьмилѣтнее существованіе земство не получило никакой устойчивости, не нашло никакой твердой точки опоры и не избрало себѣ никакой опредѣленной цѣли; его дѣятельность—если можно такъ выразиться—скользитъ по поверхности. Оно слегка захватываетъ народное образованіе и устройство путей, касается сельскихъ запасныхъ магазиновъ, а затѣмъ его отношенія къ крестьянству, т.-е. собственно къ земству рѣзко пресѣкаются. Волости и общества живутъ совершенно отдѣльно и ни въ чемъ другомъ не соприкасаются съ земствомъ; вліянія на дѣятельность волостныхъ и сельскихъ управленій земство не имѣетъ никакого; защищать права и интересы тѣхъ самыхъ обществъ, представителемъ которыхъ оно должно бы служить—земство не можетъ. Такимъ образомъ, если на *земскихъ собраніяхъ* заходитъ рѣчь о положеніи мѣстнаго крестьянства и вообще о состояніи уѣзда—оно въ самомъ началѣ прерывается замѣчаніемъ, что „обсужденіе этихъ предметовъ не входитъ въ кругъ обязанностей земства"! Такое положеніе земства не можетъ, разумѣется, принести хорошихъ результатовъ; безъ гласнаго обсужденія нуждъ и потребностей народнаго благосостоянія, отношенія между налогами и доходами приводятъ къ неправильностямъ, на которыя мы указывали выше.

Для того, чтобы хорошо управлять мѣстнымъ хозяйствомъ, заводить школы, чинить дороги, требуются деньги, а чтобъ ихъ получить, необходимы налоги, и вотъ—зажмуря глаза, мы накладываемъ эти налоги, и на кого же? на тѣ самыя общества, которыя и безъ того несутъ безчисленное множество налоговъ!—Назначивши налоги, земство

должно или сквозь пальцы смотрѣть на то, что они остаются въ недоимкахъ, или же, по примѣру помѣщичьихъ оброковъ, выбивать ихъ чрезъ полицейскія власти продажею скота и хлѣбныхъ запасовъ. Въ первомъ случаѣ является финансовая несостоятельность и банкротство земства; во второмъ — земство окажется такимъ же явленіемъ, какъ и крѣпостное право.

Очевидно—налоги на крестьянъ достигли того размѣра, дальше котораго идти невозможно, а между тѣмъ земскія потребности растутъ съ каждымъ днемъ; требуется развитіе народнаго образованія: намъ нужно не 30 довольно плохихъ школъ на уѣздъ, а въ три или въ пять разъ болѣе; устройство дорогъ также необходимо, какъ и образованіе, онѣ до того плохи, что въ нѣкоторыя волости во время лѣта можно попадать только пѣшкомъ, и на все это въ распоряженіи уѣзднаго земства имѣется не болѣе 5,000 руб.! Что̀ можно сдѣлать на такую сумму, заводить ли школы или чинить цѣлую тысячу верстъ дорогъ? Очевидно — нельзя сдѣлать ни того, ни другого; заведете нѣсколько школъ съ мизернымъ содержаніемъ для учителей, съ плохой избой и плохимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ; вашъ учитель, получая 6 рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи, будетъ ходить въ лаптяхъ, а дороги будутъ съ каждымъ годомъ хуже и непроходимѣе. Во многихъ случаяхъ и теперь люди, незнакомые съ экономическимъ положеніемъ земства, дѣлаютъ на него нападки за дурныя дороги; они не могутъ понять, что хорошія дороги требуютъ большихъ средствъ, а земство такъ бѣдно и средства его такъ ограничены, что упадокъ дорогъ есть печальное, но необходимое слѣдствіе его стѣсненнаго положенія. Кромѣ мѣстныхъ обязательныхъ потребностей на уѣздахъ лежатъ также и губернскія потребности. Онѣ составляютъ сумму гораздо бо̀льшую нежели та, которая идетъ на всѣ дороги и на все народное образованіе; это еще болѣе ослабляетъ мѣстные финансы. Губернское земство очень мало обращаетъ вниманія на стѣсненное положеніе уѣзда и развиваетъ свои потребности гораздо быстрѣе, чѣмъ уѣздное земство; оно бросается на разныя предпріятія, которыя при настоящемъ положеніи дѣлъ могутъ быть названы затѣями; такъ, напр., оно учреждаетъ коммиссію по изслѣдованію предметовъ обложенія, ничего не сдѣлавшую, но поглотившую до 15,000 руб.; дѣлаетъ теперь опыты надъ осушеніемъ болотъ, что̀ также не приведетъ ни къ какимъ хорошимъ результатамъ; печатаетъ огромными томами безъ исключенія всѣ доклады своихъ членовъ, которыхъ никто не читаетъ. За все это должны платить уѣзды.

Такъ какъ губернскія потребности совершенно отдѣлены отъ уѣздныхъ, то и покрытіе ихъ должно бы ложиться на тѣ предметы, которые не подлежатъ окладу уѣздныхъ земствъ; къ такимъ предметамъ от-

носятся на первомъ планѣ желѣзныя дороги. Мы поддерживаемъ вполнѣ идею кн. Васильчикова объ обложенiи желѣзныхъ дорогъ, она совершенно цѣлесообразна; самый бѣдный крестьянинъ, имѣющiй одну овцу въ своемъ хозяйствѣ и добывающiй потомъ средства для своего существованiя, несетъ налоги въ пользу земства, тогда какъ КК° желѣзныхъ дорогъ, получая прибыли и пользуясь многими услугами земства, не несутъ за это никакого налога. Изъ извѣстной книги кн. Васильчикова видно, что желѣзныя дороги, какъ въ Англiи, такъ и въ Германiи обложены земскимъ сборомъ, а тамъ мѣстныя средства въ десять разъ богаче, чѣмъ у насъ. Можетъ быть, намъ отвѣтятъ, что желѣзныя дороги пользуются гарантiей государства и въ нѣкоторомъ смыслѣ есть его собственность, но такое возраженiе не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть принято во вниманiе: прямая собственность государства—земли, лѣса и зданiя облагаются земскимъ сборомъ, тѣмъ паче должны быть обложены желѣзныя дороги. Пусть этотъ сборъ идетъ исключительно на покрытiе расходовъ губернскаго земства, тогда оно получитъ полную самостоятельность и не будетъ лишнимъ бременемъ тяготѣть надъ уѣздомъ. Осуществленiе этой мысли почтеннаго автора „Самоуправленiя" лежитъ на обязанности губернскаго земства.

Губернскому земству нужно свести итоги доходности крестьянскихъ земель по всей губернiи и сравнить эту доходность съ налогами, тогда оно увидитъ само, какъ настоятельно требуется изысканiе новыхъ предметовъ для земскаго обложенiя.

Обратимся опять къ Бѣлозерскому уѣзду.

Уѣздъ, въ 47,000 населенiя, долженъ имѣть для своего продовольствiя по крайней мѣрѣ 47,000 четверт. ржи; между тѣмъ урожай ржи на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, за исключенiемъ посѣва сѣмянъ, равняется 24,000 четв.—такимъ образомъ, въ продовольствiи является дефицитъ въ 23,000 четв. ржи; переведя это на деньги, выйдетъ, что крестьянамъ приходится покупать ежегодно для своего продовольствiя хлѣба на 161,000 рублей; если выключимъ изъ этого количества одну третью часть, которую крестьяне добываютъ съ арендованныхъ земель, то все-таки остается необходимость въ покупкѣ ржи на сумму около 108 тыс. р.; эту сумму приложимъ къ налогамъ, составляющимъ 190,000 р. и получимъ — что крестьянамъ необходимо заработать не отъ земли, которая не даетъ никакого остатка, но отъ сторонних промысловъ до 300,000 руб. т.-е. по 15 руб. на надѣлъ или отъ 45 до 60 р. на крестьянское хозяйство; эта цифра—общая на весь уѣздъ, но въ дѣйствительности многiя волости превысятъ ее, а двѣ-три изъ нихъ обойдутся безъ покупки хлѣба. Чтобы хозяйство шло хорошо, чтобъ урожай былъ не самъ-2 или 3, для здѣшнихъ земель нужно удобренiе; а такъ какъ въ уѣздѣ высѣвается около

10,000 четв. ржи, то для сноснаго произрастанія ея требуется по крайней мѣрѣ 40,000 головъ крупнаго скота, содержимаго постоянно на наземѣ; по итогамъ же, которые мы вывели въ особыхъ таблицахъ, общее число коровъ и лошадей въ уѣздѣ равняется 23,700 головъ, изъ которыхъ minimum 3,700 лошадей находятся всю зиму въ работахъ по вывозкѣ лѣсовъ и не могутъ служить къ удобренію полей. Такимъ образомъ, скота въ уѣздѣ можно считать на половину менѣе противъ того, что̀ требуетъ необходимость. Есть нѣкоторыя волости, какъ напр. Георгіевская, въ которыхъ за послѣдніе 4 года скота убыло безъ малаго на половину.

Причина упадка скотоводства, а вмѣстѣ съ нимъ и земледѣлія— троякая: во-1-хъ, скотъ продается на пополненіе недоимокъ; онъ продается теперь не полиціей, но самими крестьянами, которые стараются не допускать описи и продажи скота съ аукціона за безцѣнокъ; во-2-хъ круговая порука, заставляющая даже состоятельныхъ крестьянъ держаться общаго уровня—убожества въ хозяйствѣ, потому что если онъ заведетъ лишнюю голову скота—ее сейчасъ же потянутъ за недоимки общества; въ-3-хъ, недостатокъ луговъ и сѣнокосовъ. Во владѣніи лугами крестьянскія общества поступаютъ крайне неразумно: они ежегодно дѣлятъ покосы на участки; и такъ какъ каждый владѣетъ своимъ участкомъ только годъ, то никто не старается ихъ расчищать и улучшать, отъ этого сѣнокосы съ каждымъ годомъ болѣе заростаютъ и становятся хуже. Арендовать же сѣнокосы могутъ только немногія общества, имѣющія хотя незначительныя средства.

Но главная и безусловная причина всѣхъ недостатковъ, низкаго уровня хозяйства и умственнаго развитія, это — величина оброковъ. Не имѣя возможности пополнять эти оброки и платежи посредствомъ земледѣлія, крестьяне смотрятъ на него, какъ на вещь второстепенную. Они больше занимаются сторонними заработками—батрачествомъ. Просматривая подворныя описи сельскаго хозяйства, мы найдемъ много крестьянъ, имѣющихъ или одну лошадь, или одну корову, или одну овцу, на 4 или 5 душъ семейства; и такіе крестьяне, вслѣдствіе закона о круговой порукѣ, тяготѣютъ надъ обществомъ,—за ними есть по 100 рублей и болѣе недоимки; и общество должно отвѣчать за нихъ.

Въ заключеніе, представляемъ статистическую таблицу, на основаніи которой мы пришли къ вышеизложеннымъ результатамъ:

Если мы сложимъ у всего крестьянскаго населенія Бѣлозерскаго уѣзда цифры ихъ валовой доходности съ земли, то получимъ въ итогѣ: 317,000 рублей; а сумма цифръ лежащихъ на нихъ оброковъ и налоговъ, дастъ намъ въ итогѣ: 190,000 рублей. Такимъ образомъ, оброки и налоги составляютъ 59% съ валовой доходности, а въ такомъ случаѣ насъ не можетъ удивить и цифра недоимокъ на этомъ уѣздѣ, равняющаяся 15-ти рублямъ на каждый надѣлъ, что̀ составитъ 311 тысячъ на весь уѣздъ; сверхъ того долги губернскому земству за ссуду хлѣбомъ — около 40,000 р., итого — 350,407 руб., т.-е. около 17 руб. на надѣлъ. Такимъ образомъ, законъ, предоставляющій крестьянамъ право отказываться отъ поземельнаго надѣла, является мертвой буквой. Какъ можетъ отказаться отъ надѣла Волоко-Хилецкая волость, когда она должна прежде всего заплатить болѣе 30,000 руб. недоимокъ; на эти недоимки насчитываются еще проценты! Всѣ общества и волости, для которыхъ надѣлъ сыпучимъ пескомъ и болотомъ — только одна безусловная тяжесть, — кругомъ опутаны недоимками, нѣтъ никакой возможности ихъ покрыть и онѣ тянутся, возрастая изъ года въ годъ. Крестьяне ходятъ за 30—40 вер. обработывать какой-нибудь клочекъ удобной земли, взятой въ аренду; они во время жнива и сѣнокосовъ ходятъ батраками по другимъ волостямъ.

Сосѣдніе землевладѣльцы продаютъ имъ свои хлѣба безъ малаго по полуторной цѣнѣ; на нихъ, какъ на бѣдныхъ Макаровъ, всѣ шишки валятся—и отдаленность отъ города, и худая земля, и большой оброкъ и черезъ-чуръ корыстолюбивые владѣльцы, которые безпрерывно пилятъ посредниковъ о взысканіи недоимокъ, называютъ коммунистами своихъ крестьянъ, которыхъ обдѣлили землей и обобрали оброками за то, что тѣ не могутъ платить этихъ оброковъ; они сыплютъ жалобы министрамъ, губернаторамъ и крестьянскимъ присутствіямъ на бездѣятельность мировыхъ посредниковъ по взысканію, какъ они выражаются, ихъ кровныхъ денегъ.

Такимъ образомъ, во всей жизни уѣзда производится какое-то броженіе и борьба старыхъ отжившихъ интересовъ, и старыхъ правъ съ новыми требованіями новой жизни. Съ одной стороны, хотятъ брать по прежнему, а съ другой — пассивная инерція выработала пагубное для общества правило—„*неси лишній рубль въ кабакъ, не то его оберутъ за недоимки*“.

М. Прокофьевъ.

Бѣлозерскъ.
6 мая 1872 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля, 1872.

Свиданіе членовъ большинства съ Тьеромъ. —Новый трактатъ съ Германіею.— Новые налоги и бюджетъ. — Военный законъ. — Закрытіе германскаго сейма. — Законъ объ іезуитахъ. — Отношеніе къ нему партій.—Епископы Кременцъ и Намчановскій. — Новыя заявленія папы. — Министерство Сорильи въ Испаніи. — Австрійскія дѣла. —Элебемскій вопросъ.—Ballot.—Новая программа тори.

Французская печать вообще имѣетъ обыкновеніе придавать большое значеніе такъ-называемымъ incidents, то-есть, отдѣльнымъ случаямъ, а всего чаще личнымъ заявленіямъ, которыя сами по себѣ не измѣняютъ дѣла, а только усиливаютъ или уменьшаютъ рѣзкость нѣкоторыхъ отношеній. Такъ въ прошломъ мѣсяцѣ, едва ли не главнымъ „событіемъ дня“ французская печать выставляла свиданіе между президентомъ республики и представителями правой стороны собранія, которые приходили къ нему объясняться вообще относительно всего политическаго положенія. „Разрывъ между большинствомъ и президентомъ состоялся, война наконецъ объявлена“, такъ характеризовали исходъ этого свиданія. Но такъ какъ объясненіе это не было вызвано никакимъ крупнымъ фактомъ, который измѣнялъ бы самое положеніе дѣлъ, то положеніе дѣлъ и послѣ объясненія осталось точно такое же, какимъ оно было до свиданія. Правда, правая сторона, неудовлетворенная результатами свиданія, быть можетъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде, желала бы устранить Тьера и посадить на его мѣсто герцога Омальскаго или кого-нибудь другого. Но желаніе, какъ бы сильно оно ни было, все-таки безсильно измѣнить положеніе дѣлъ, а положеніе дѣлъ таково, что большинство не въ состояніи устранить Тьера, потому что дѣла Франціи разстроены, значительная часть территоріи ея еще занята иноземными войсками, надъ нею тяготѣетъ еще уплата 3-хъ мильярдовъ франковъ контрибуціи, и различныя партіи рѣшительно не имѣютъ предложить странѣ ничего такого, что могло бы увлечь ее къ измѣненію statu quo. Вдоба-

вокъ партіи не только враждуютъ между собою, но ни одна изъ нихъ даже еще и не рѣшила въ себѣ самой, когда ей слѣдуетъ открыто выступить передъ страною и требованіемъ перемѣны. При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, что запросы большинства, несмотря на „импонирующую обстановку“, какая была имъ придана, вовсе не затрудняли Тьера и не вынудили у него рѣшительно никакой уступки, хотя бы только на словахъ.

Свиданіе состоялось 20-го іюня (н. с.). Къ Тьеру явились предстатели правой стороны: герцогъ Ларошфуко́ и гг. Кердрель, Депейръ, Кюмонъ, и представители праваго центра: герцогъ Брольи, генералъ Шангарнье, гг. Сен-Марк-Жирарденъ и Батби. Свиданіе продолжалось около двухъ часовъ. Депутаты не могли формулировать Тьеру никакой практической программы, а только сказали ему „нѣчто обо всемъ“. Они говорили о послѣднихъ трехъ выборахъ, въ которыхъ восторжествовали радикалы, указывали на опасность радикализма и требовали болѣе энергической политики въ консервативномъ духѣ; указывали Тьеру, что въ составѣ его администраціи, въ особенности въ числѣ префектовъ находятся люди ненадежные съ консервативной точки зрѣнія; говорили, что если Тьеръ намѣренъ опираться на лѣвую сторону, то консерваторамъ не останется иного исхода, какъ соединяться на выборахъ съ бонапартистами, лишь бы не допускать избранія радикаловъ, и что примѣръ такого союза консерваторовъ съ бонапартистами Тьеръ скоро увидитъ на выборахъ въ Бордо́. Депутаты увѣряли, что они не желаютъ устраненія нынѣшняго правительства, желаютъ не борьбы съ нимъ, а соединенія, и что вообще ихъ цѣль не разжигать раздоры, а напротивъ примирять; что страна прежде всего желаетъ спокойствія и что они готовы помогать правительству въ охраненіи порядка, но хотѣли бы, чтобы правительство рѣшительнѣе дѣйствовало въ этомъ духѣ. Однимъ словомъ, весьма трудно формулировать, чего именно добивались представители большинства; если не держаться точно ихъ заявленій, то быть можетъ ихъ слѣдуетъ опредѣлить такъ: правая сторона требовала отъ Тьера такой политики, которая имѣла бы цѣлью возстановленіе монархіи, устраняя все, что могло бы служить къ упроченію республиканскихъ учрежденій, или выражать убѣжденіе правительства, что эти учрежденія должны быть окончательными учрежденіями для Франціи. Но такъ какъ правая сторона и правый центръ сами несогласны между собою на счетъ того, въ чью пользу монархія должна быть возстановлена, а также несогласны и относительно того, когда же слѣдовало бы приступить къ возстановленію монархіи и положить конецъ нынѣшнему „временному“ порядку вещей,—то они не могли требовать отъ Тьера ничего опредѣленнаго.

Тьеръ съ разу далъ имъ почувствовать это коренное ихъ безсиліе,

замѣтивъ, что консерваторы сами не всѣ согласны между собой и что онъ даже и въ числѣ пришедшихъ къ нему депутатовъ не видитъ представителей всѣхъ подраздѣленій правой стороны. Хотя на это одинъ изъ депутатовъ и возразилъ, что, напротивъ, всѣ эти фракціи согласны относительно вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, но замѣчательно, что это было сказано однимъ изъ представителей крайней правой стороны, то-есть именно той фракціи, которая со своимъ бѣлымъ знаменемъ менѣе всѣхъ можетъ представлять общее соглашеніе. Тьеръ высказалъ далѣе убѣжденіе, что нынѣшняя политика его достаточно консервативна, а что касается опасности отъ радикализма, то оно едва ли не преувеличено. При этомъ Тьеръ, не безъ умысла конечно, сослался на примѣръ другой страны, *тоже республики*, а именно Швейцаріи, въ которой радикаламъ иногда удавалось стать даже во главѣ правленія, а между тѣмъ республика не подверглась отъ этого никакимъ бѣдствіямъ и пережила такія эпохи благополучно. На это собесѣдники Тьера, разумѣется, возразили, что это — другое дѣло, что это такъ въ Швейцаріи, но не во Франціи. Относительно усиленія консервативнаго элемента, Тьеръ высказалъ мысль, хотя и не новую — такъ какъ она не разъ проявлялась еще со времени знаменитаго аббата Сіеэса, — но тѣмъ не менѣе неожиданную въ настоящее время, а именно мысль объ учрежденіи верхней палаты, которая была бы представительницей преимущественно консервативнаго элемента. Членовъ этой палаты, по мнѣнію Тьера, могли бы избирать частью генеральные совѣты департаментовъ, а частью палата депутатовъ; консервативный же характеръ верхней палаты, по мнѣнію Тьера, былъ бы обезпеченъ тѣмъ, что члены ея не получали бы денежнаго вознагражденія.

Такъ какъ это пока еще не болѣе какъ мысль, высказанная президентомъ вскользь, то излишне было бы разбирать ее; но можно замѣтить, что въ такой странѣ, гдѣ единственнымъ обезпеченіемъ консервативнаго характера верхней палаты представляется одна безденежность должностей ея членовъ, едва ли такая палата можетъ имѣть значеніе. Тьеръ полагаетъ, что верхней палатѣ могло бы быть предоставлено право распускать палату депутатовъ, съ согласія президента, если выборы имѣли слишкомъ демагогическій характеръ. Но вѣдь въ окончательной конституціи и самому президенту вѣроятно будетъ присвоено право распускать народное собраніе; для чего же тутъ еще посредствующій органъ? Распущеніе палаты, избранной народомъ, тотчасъ послѣ выборовъ не имѣетъ никакого смысла; это значитъ аппеллировать на народъ къ народу же. Другое дѣло, распускать собраніе по измѣнившимся обстоятельствамъ, когда можно думать, что составъ представительства уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся мнѣніямъ страны. Говорятъ, впослѣдствіи, въ частныхъ разговорахъ

съ тѣми же депутатами, Тьеръ еще „наградилъ" ихъ мнѣніемъ, что все-таки надо возвратиться въ Парижъ.

Какъ бы то ни было, депутаты большинства вынесли изъ свиданія съ президентомъ республики впечатлѣніе неблагопріятное, убѣдясь, что онъ вовсе не расположенъ къ уступкамъ. Полагаютъ, что за симъ правая сторона уже не будетъ поддерживать Тьера въ крайнихъ случаяхъ и не будетъ больше пугаться его угрозъ выдти въ отставку, а припасетъ себѣ заранѣе такого кандидата, которымъ можно будетъ замѣнить его, то-есть, конечно, герцога Омальскаго. Но тутъ-то сейчасъ и проявляется безсиліе большинства; пока оно будетъ придираться къ Тьеру—оно можетъ оставаться большинствомъ. Полагаютъ, что такое придирчивое большинство будетъ представляться теперь числомъ около 350-ти членовъ правой стороны. Но вѣдь это въ сущности и до сихъ поръ такъ было: большинство еще съ прошлаго года относилось къ Тьеру, какъ majorité taquine. Но какъ только зайдетъ рѣчь о приготовленіи Тьеру преемника, такъ большинства и не будетъ въ пользу ни одного изъ кандидатовъ, потому что легитимисты предпочтутъ самого Тьера герцогу Омальскому. А пока некѣмъ будетъ замѣнить Тьера, нельзя будетъ смѣстить его, и самая угроза его подать въ отставку всегда возымѣетъ свое дѣйствіе, чему новый примѣръ былъ представленъ и прошлымъ мѣсяцемъ, когда Тьеръ, при обсужденіи военнаго закона, настаивая на пятилѣтнемъ срокѣ дѣйствительной службы, объявилъ, въ виду предложенія о сохраненіи этого срока на годъ, что если это предложеніе пройдетъ, онъ подастъ въ отставку.

Да уже однихъ переговоровъ съ Германіею объ очищеніи части территоріи до уплаты полной суммы контрибуціи, происходящихъ въ настоящее время, достаточно, чтобы обезпечить положеніе Тьера противъ всякихъ парламентскихъ колебаній еще года на два. Поэтому можно полагать, что единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ свиданія и—если угодно—между правой стороной и Тьеромъ, такъ и останется выходъ въ отставку принадлежащаго къ правой сторонѣ министра публичныхъ работъ Ларси. Правая сторона, говорятъ, склоняла еще двухъ министровъ, именно—Гуляра (финансовъ) и Тессеренъ-де-Бора (торговли), тоже выйти изъ кабинета. Но извѣстно, что они остались на своихъ мѣстахъ.

Въ ожиданіи результата переговоровъ съ Германіею, Тьеръ дѣлаетъ уже приготовленія къ дальнѣйшимъ взносамъ контрибуціи. Требуется новый заемъ, и фирма Ротшильдъ уже предложила французскому правительству слѣдующую комбинацію; правительство выдастъ Германіи своихъ процентныхъ бумагъ на 3 мильярда франковъ; европейскій синдикатъ банкировъ гарантируетъ эти бумаги, а Германія обяжется продавать ихъ ежегодно не болѣе, чѣмъ на 300 милл. франковъ, для

того, чтобы курсъ ихъ не слишкомъ упалъ. Но должно думать, что эта комбинація совершенно устранена послѣ того, какъ князь Бисмаркъ въ нотѣ къ французскому правительству объявилъ, что Германія не требуетъ гарантіи банкировъ, пока г. Тьеръ остается президентомъ и что имѣя въ виду его примирительную политику, она согласна на постепенное очищеніе частей французской территоріи и до окончательной уплаты всей суммы контрибуціи. На бывшемъ, затѣмъ, совѣщаніи парижскихъ банкировъ у Тьера, вопросъ о томъ, раздѣлять ли заемъ на два выпуска или выпустить всѣ облигаціи одновременно, рѣшенъ былъ въ смыслѣ одновременнаго выпуска, а вопросъ о томъ, какимъ способомъ реализовать заемъ, то-есть посредствомъ ли синдиката банкировъ или просто открытіемъ публичной подписки, въ этомъ совѣщаніи разрѣшенъ не былъ, но по послѣднимъ извѣстіямъ, Тьеръ признаетъ за лучшее второй способъ; полумильярдъ франковъ для первой уплаты по контрибуціи уже и теперь находится въ рукахъ правительства. По смыслу франкфуртскаго трактата 10 мая 1871 г., остальные, три мильярда должны быть уплачены ко 2-му мая 1874 г., и только затѣмъ французская территорія очищается нѣмецкими войсками. Теперь французское правительство сдѣлало предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы департаменты Марны и Верхней-Марны были очищены тотчасъ по уплатѣ полумильярда, то-есть чрезъ два или три мѣсяца, департаменты арденскій и вогезскій по уплатѣ полнаго мильярда въ мартѣ или апрѣлѣ 1873 года, и затѣмъ, чтобы остальные два департамента были очищены нѣмецкими войсками и раньше срока 2 мая 1874 года, если вся сумма контрибуціи будетъ уплачена ранѣе этого срока, немедленно по окончаніи уплаты. Переговоры съ Германіею на этомъ основаніи окончились успѣшно, и въ засѣданіи 1 іюля, министръ иностранныхъ дѣлъ представилъ собранію заключенный съ Германіею трактатъ. Главныя постановленія трактата слѣдующія: 500 милл. уплачиваются Германіи вскорѣ по ратификаціи трактата, другіе 500 милл. 1 февраля 1873 года; слѣдующій (четвертый) мильярдъ — 1 марта 1874 года, и послѣдній мильярдъ 1 марта 1875 года, съ тѣмъ, что Франція имѣетъ право производить эти уплаты и раньше сроковъ. Чрезъ двѣ недѣли по уплатѣ первыхъ 500 милл. нѣмецкія войска очищаютъ департаменты Марны и Верхней Марны; чрезъ двѣ недѣли по уплатѣ слѣдующихъ 500 милл. очищается еще два департамента, окончательное же очищеніе территоріи послѣдуетъ послѣ уплаты всей контрибуціи; но Франція, уплативъ третій мильярдъ, имѣетъ право представить финансовыя гарантіи взамѣнъ территоріальныхъ. Департаменты, очищенные нѣмецкими войсками, будутъ считаться нейтральной территоріею, до окончательнаго выступленія нѣмецкихъ войскъ изъ Франціи.

Положеніе Тьера, во всѣхъ отношеніяхъ, достаточно прочно для

совершенія того, во всякомъ случаѣ великаго дѣла, которое выпало ему на долю, то-есть для освобожденія страны отъ непріятельскаго занятія, для уплаты контрибуціи, приведенія въ равновѣсіе бюджета, несмотря на страшныя пожертвованія, возстановленія арміи и всѣхъ военныхъ средствъ, то-есть складовъ и укрѣпленій. И всѣмъ этимъ президентъ, какъ мы видимъ, занимается съ необыкновенной энергіей и практичностью, такъ что уваженіе къ нему въ странѣ сильно возрастаетъ. Пока Тьеръ живъ, государственный переворотъ невозможенъ, такъ какъ нѣтъ человѣка въ странѣ, который имѣлъ бы болѣе авторитета, чѣмъ онъ, а шансы бонапартистовъ, несмотря на ловкость ихъ вождя въ палатѣ, г. Руэ, значительно уменьшаются тѣмъ обстоятельствомъ, что умственныя силы самого числьгорстскаго изгнанника, какъ сообщаютъ за достовѣрное, рѣшительно клонятся къ упадку.

Но сверхъ той роли, которая принадлежитъ Тьеру, какъ возстановителю государственнаго хозяйства, онъ, къ сожалѣнію, принимается нерѣдко и за такія дѣла, которыя предрѣшаютъ будущее устройство страны, и въ такихъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы предоставить полную волю спеціалистамъ, онъ стѣсняетъ ихъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, навязываетъ свои личныя мнѣнія даже собранію, и вообще ведетъ себя не какъ скромный временный правитель, а какъ какой-то основатель династіи, желающій, чтобы и по смерти его страна управлялась тѣми принципами, которые установитъ онъ. Такъ было въ вопросѣ о торговыхъ трактатахъ и въ налогѣ на сырые продукты, такъ недавно было и въ вопросѣ о преобразованіи арміи. Первая рѣчь, произнесенная Тьеромъ во время преній объ этомъ законѣ, была въ высшей степени вредная, не только по цѣли своей, которой было установленіе долговременнаго срока службы, но и по тѣмъ соображеніямъ, какими онъ отстаивалъ эту цѣль. При этомъ случаѣ онъ изложилъ свой взглядъ на причины претерпѣннаго Франціею пораженія. Изъ этого взгляда оказывается, что все было прекрасно, кромѣ людей, стоявшихъ во главѣ всего; что не прусская военная система одержала верхъ надъ французской, не прусская артиллерія, не высшее образованіе въ народной массѣ, а просто сообразительность германскихъ вождей. Военный законъ 1832-го года превосходенъ и совершенно достаточенъ; образованіе, вооруженіе и духъ арміи не оставляли желать ничего лучшаго, но армію погубили рядомъ ошибокъ. Однимъ словомъ, не Германія одолѣла Францію, а только „прусское правительство побѣдило французское правительство.“ Въ Пруссіи былъ твердый и мудрый государь, окруженный такими людьми какъ Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ, а во Франціи— „вы знаете что́ было у насъ?“ Отсюда, хотя Тьеръ *этого* и не договорилъ, но само собою истекаетъ, что Франціи не отчего исправляться, и нечего въ сущности исправлять; стоило только перемѣнить правительство, и въ настоящее время, когда глава правительства такой

благоразумный и равно свѣдущій въ дѣлахъ финансовыхъ и военныхъ, какъ Тьеръ, Франціи не нужны никакія коренныя преобразованія, а развѣ такъ только, нѣкоторыя починки ея внутренняго устройства. Подобнаго рода внушенія тѣмъ опаснѣе, что они приходятся по вкусу національному самолюбію и исходя отъ человѣка, который теперь сдѣлалъ многое, чтобы ему довѣряли, подрываютъ въ странѣ самую мысль о необходимости перестроить на широкихъ основахъ и образованіе, и податную систему, и устройство администраціи. Сообразно съ этимъ взглядомъ, Тьеръ, не взирая на примѣръ Пруссіи, не хочетъ допустить ни обязательнаго обученія, ни трехлѣтняго срока дѣйствительной службы, ни налога на доходы, однимъ словомъ, ничего такого, что извлекло бы Францію изъ положенія націи въ послѣднее время отставшей отъ Германіи. „Мы такъ хорошо думали о самихъ себѣ", говоритъ Temps, „что сочли возможнымъ ограничиться познаніемъ самихъ себя и затѣмъ предписывать своимъ примѣромъ ходъ цивилизаціи для всѣхъ другихъ народовъ; такимъ образомъ, мы и пришли къ тому, что вовсе перестали усвоивать себѣ дальнѣйшіе факты всемірнаго прогресса и остались позади его; Франція обратилась въ Китай, она все еще мнитъ себя „срединнымъ государствомъ", „небесной имперіею", между тѣмъ на самомъ дѣлѣ остается внѣ дальнѣйшаго теченія европейской цивилизаціи."

Вотъ въ этомъ смыслѣ Тьеръ положительно вреденъ Франціи, потому именно, что онъ дѣлаетъ все для поддержанія такихъ понятій, и на основаніи ихъ рѣшаетъ такіе вопросы, отъ которыхъ будетъ зависѣть будущность страны. Что онъ считаетъ свои, устарѣвшіе, взгляды вѣчною для всѣхъ временъ пригодной истиною—это еще ничего, пока слѣдствіемъ такихъ взглядовъ является постройка новыхъ шести фортовъ вокругъ Парижа, на сѣверной сторонѣ, въ 16-ти верстахъ разстоянія отъ церкви Notre-Dame, принимаемой за центръ Парижа. Но когда, на основаніи этихъ устарѣвшихъ взглядовъ, онъ просто насильно навязываетъ странѣ 5-лѣтній срокъ службы, при которомъ число готовыхъ солдатъ, какимъ будетъ располагать страна, будетъ въ полтора раза меньше, чѣмъ при трехлѣтнемъ срокѣ, то это уже, очевидно, плохо. Необходимость 5-тилѣтняго срока Тьеръ поддерживалъ мнѣніями такихъ генераловъ, которымъ нынѣшнія войны были неизвѣстны и особенно мнѣніемъ маршаловъ Бюжó и Сульта. Одинъ изъ нихъ сказалъ: въ три года солдатъ формируется, но дайте же по меньшей мѣрѣ два года, чтобы насладиться имъ. Другой сказалъ: три года нужны, чтобы солдатъ забылъ свою родину, а раньше того онъ не настоящій солдатъ! Все это отлично сказано, но вѣдь Бюжó и Сультъ теперь бы можетъ быть сказали иное. Впрочемъ, нынѣшняя ссылка Тьера на Сульта напоминаетъ анекдотъ о томъ, какъ еще во время орлеанской монархіи онъ спорилъ въ палатѣ съ самимъ Сультомъ о ходѣ одного сраженія,

которое было извѣстно Тьеру изъ исторіи, а маршалу Сульту потому, что онъ въ немъ былъ раненъ.

Однимъ словомъ, Тьеръ настоялъ на 5-ти лѣтнемъ срокѣ. Несмотря на рѣчь генерала Трошю въ пользу трехлѣтняго срока, принятую собраніемъ съ большимъ одобреніемъ, срокъ этотъ былъ отвергнутъ, и въ засѣданіяхъ 6—11 іюня этотъ основной вопросъ новаго устройства арміи окончательно рѣшенъ былъ установленіемъ 5-ти лѣтняго срока. Одну минуту казалось весьма вѣроятнымъ, что собраніе остановится на четырехлѣтнемъ срокѣ. Именно когда трехлѣтній срокъ уже былъ отвергнутъ, то генералъ Шартонъ указалъ, что проектъ закона, опредѣляя срокъ пребыванія подъ знаменами въ 5 лѣтъ и вмѣстѣ допуская сокращеніе его для извѣстныхъ категорій до 6-ти мѣсяцевъ всего, представляетъ, во-первыхъ, несообразность, а во-вторыхъ, открываетъ доступъ вредному началу замѣстительства, и потому предложилъ сблизить maximum и minimum срока такъ, чтобы они представлялись періодами въ 4 года и въ 12 мѣсяцевъ,—то собраніе едва не приняло этого измѣненія. Въ самой коммиссіи военнаго преобразованія, предложеніе Шартона привлекло на свою сторону почти половину членовъ, а именно 16, противъ 17. Но тутъ-то Тьеръ, увидя опасность, и сыгралъ послѣднюю свою карту—предъявивъ угрозу выйти въ отставку. Безъ этой угрозы, можно сказать почти навѣрное, собраніе приняло бы предложеніе Шартона, такъ сильно подѣйствовали на него рѣчи сперва самого автора предложенія, который опровергнулъ рѣчь Тьера, доказавъ, что въ дѣйствительности именно прусская *система* побѣдила французскую, потомъ рѣчи генерала Гилльмо́ и депутата Келлера. Но передъ угрозою Тьера собраніе отступило и отвергло предложеніе Шартона всѣми наличными голосами противъ 59. Такимъ образомъ, введеніе 5-тилѣтняго срока во французскую армію ложится прямо на отвѣтственность Тьера. Противъ него, несмотря на угрозу, подали голоса только крайняя правая сторона и бонапартисты. Лѣвая же сторона отказалась отъ подачи голосовъ, какъ объяснилъ Гамбетта, потому что, не желая вотировать противъ своего убѣжденія, она, въ виду постановки вопроса о самомъ существованіи правительства, не имѣла иного выхода, какъ воздержаться отъ подачи голоса при такомъ внезапномъ появленіи вопроса политическаго, взамѣнъ вопроса военнаго. Къ основаніямъ закона о воинской повинности мы сейчасъ еще вернемся.

Но всѣ фракціи собранія были сильно раздражены такимъ насиліемъ со стороны Тьера, и оно вѣроятно послужило одною изъ причинъ къ тому свиданію членовъ правой стороны съ Тьеромъ, о которомъ говорено выше. Вся печать, за исключеніемъ органовъ Тьера, осуждала его за этотъ шагъ. Только оптимисты утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что Тьеръ, бросивъ своего „козыря“ въ дебатѣ по военному вопросу, уже не будетъ имѣть возможности сдѣлать то же самое при обсуж-

деніи бюджета, то-есть уже не будетъ въ состояніи настаивать на принятіи налога на сырые продукты и на безусловномъ устраненіи налога на доходы подъ тою же угрозою выдти въ отставку, какъ онъ то уже однажды сдѣлалъ въ январѣ нынѣшняго года. И въ самомъ дѣлѣ, это предвидѣніе оптимистовъ начинаетъ сбываться. Тьеръ не настаивалъ нынѣ противъ предложенія о налогѣ, между тѣмъ, какъ въ концѣ прошлаго года онъ провозглашалъ, что никогда не согласится на этотъ налогъ безпорядка. Впрочемъ, надо замѣтить, что предполагаемый нынѣ налогъ есть, собственно говоря, не на доходъ, который вновь временно предлагался депутатомъ Бюффе, но не былъ принятъ, — а на капиталъ, что̀ представляетъ нѣкоторое различіе. Налогъ на доходъ можетъ быть прямой, то-есть исчисляемый по таксаціи личнаго дохода, или же косвенный, въ видѣ штемпельной пошлины съ бумажныхъ цѣнностей и закладныхъ листовъ (ипотечныхъ ссудъ). Въ послѣднемъ случаѣ налогъ на доходъ есть собственно только налогъ на капиталъ, такъ какъ доходы въ видѣ личныхъ заработковъ, пенсій, жалованья ему не подвергаются. Въ этомъ именно смыслѣ онъ и принимается теперь во Франціи и, судя по извѣстіямъ, какія мы имѣемъ въ настоящую минуту, будетъ введенъ во Франціи, такъ какъ президентъ республики отказался говорить противъ него и собраніе уже утвердило главныя статьи его.

Необходимо хоть въ нѣсколькихъ словахъ упомянуть о цифрахъ бюджета Франціи 1873-го года. Бюджетъ представленъ собранію уже шесть недѣль ранѣе нынѣшняго обсужденія его. Но пока онъ разсматривался бюджетною коммиссіею, правительство существенно измѣнило его. Первоначально дефицитъ опредѣлялся въ 102 милл. фр., теперь же онъ вдругъ и для всѣхъ неожиданно опредѣлился въ 200 милл. фр. Произошло это главнымъ образомъ отъ занесенія суммы примѣрно въ 45 милл. франковъ на предполагаемый заемъ 3-хъ мильярдовъ. По этимъ 3-мъ мильярдамъ Франція, конечно, и теперь платила Германіи 5%. Но заемъ можетъ быть совершенъ (со всѣми расходами) не иначе какъ по $6^1/_2$%; вотъ это и объясняетъ необходимость лишнихъ 45-ти милл. по государственному долгу въ бюджетѣ 1873-го года. И при этомъ условіи все-таки выгодно уплатить 3 мильярда скорѣе, такъ какъ съ ускореніемъ ихъ уплаты уменьшается число нѣмецкихъ войскъ и расходъ по ихъ содержанію.

Кромѣ этихъ лишнихъ 45-ти милл. по государственному долгу, потребовалось въ бюджетѣ еще увеличеніе для военнаго министерства въ 12 милл. Дефицитъ въ 200 милл. предположено покрыть новыми налогами. Тьеръ все еще не отказался отъ налога на сырые продукты и для осуществленія его придумалъ нынѣ хитрую уловку: онъ предложилъ собранію налоги весьма непопулярные, а именно: установленіе 15-ти дополнительныхъ сантимовъ на прямыя подати, и 10 сантимовъ на

соляную подать, съ тѣмъ, что если не захотятъ утвердить этихъ налоговъ, которые въ общей сложности дадутъ примѣрно 80 милл. фр., то предлагается налогъ на сырые продукты, могущій дать современемъ 93 милл. фр., но изъ этой суммы, въ настоящее время, поступаетъ только 40 милл.

Вдаваться въ болѣе подробные разсчеты относительно способа покрытія дефицита тѣмъ или другимъ налогомъ было бы излишне, такъ какъ къ выходу этой статьи въ печати положеніе будетъ измѣнено выборомъ между тѣмъ или другимъ видомъ налога. Въ числѣ предложенныхъ нынѣ налоговъ заключается штрафъ за утайку выдѣлки алкоголя. Этотъ штрафъ, какъ полагаетъ „Journal des Débats“, можетъ дать до 40 милл. фр. Любопытенъ еще налогъ на фортепіано — предложенный членомъ лѣваго центра, г. Дессейлиньи, съ предположеніемъ выручки отъ него въ 11 милл. фр. Общая цифра расхода и предположеннаго дохода 1873-го года, составляетъ теперь почти $2\frac{1}{2}$ мильярда франковъ (2.468 милл.). Заемъ же 3-хъ мильярдовъ, разумѣется, будетъ самъ по себѣ; въ бюджетъ входитъ только сумма на уплату по нему годовыхъ процентовъ и погашенія.

Главныя основанія новаго закона о воинской повинности во Франціи заключаются въ слѣдующемъ: всякъ служитъ отъ 20 до 40-калѣтняго возраста. Нѣтъ никакихъ премій за вступленіе въ службу, порядокъ призыва опредѣляется посредствомъ жребія, служба продолжается пять лѣтъ въ дѣйствующихъ войскахъ, четыре года въ резервѣ дѣйствующихъ войскъ и шесть лѣтъ въ резервѣ мѣстныхъ войскъ. Исключеній допущено довольно много, и изъ нихъ всѣ—кромѣ охраненія единственнаго работника въ семьѣ—сдѣланы въ пользу образованія, то-есть такъ, что исключаются ученики политехническаго и лѣсного училищъ, преподаватели вообще школъ государственныхъ и частныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ съ условіемъ прослужить въ этомъ званіи 10 лѣтъ, воспитанники парижской нормальной школы, училища восточныхъ языковъ и школы хартій, съ тѣмъ же условіемъ прослужить въ избранныхъ ими карьерахъ 10 лѣтъ; неисполнившіе же послѣдняго условія призываются къ вынутію жребія тотчасъ послѣ оставленія ими избранной карьеры. Исключеніе предоставляется и артистамъ, получившимъ высшія преміи, съ условіемъ окончанія курса въ римской школѣ. Волонтеры принимаются въ армію на пятилѣтній срокъ, а уже выслужившіе свой срокъ принимаются вновь на службу и просто на время войны. Прусское учрежденіе одногодичныхъ волонтеровъ, содержащихся на свой счетъ, существующее въ пользу молодыхъ людей, окончившихъ курсы высшихъ или среднихъ училищъ, также усвоено новымъ французскимъ закономъ. Поступленіе въ армію на этомъ правѣ называется въ этомъ законѣ, engagement volontaire conditionnel d'un an. Оно допускается для всѣхъ имѣющихъ аттестаты окончанія средняго курса, то-есть сюда подхо-

дять и bacheliers ès lettres и bacheliers ès sciences. Необходимо, чтобы и у насъ военная реформа не уклонилась въ этомъ отношеніи отъ примѣровъ поданныхъ Германіею и Франціею, то-есть, чтобы для воспитанниковъ реальныхъ училищъ было допущено это право наравнѣ съ воспитанниками классическихъ гимназій. Французскій законъ даруетъ это право не только bacheliers ès sciences, но и воспитанникамъ центральной технической школы (école centrale des arts et manufactures) и прочихъ техническихъ школъ (écoles nationales des arts et métièrs), школъ изящныхъ искусствъ и музыкальной консерваторіи, и притомъ не только лицамъ окончившимъ курсы всѣхъ этихъ школъ, но хотя бы только выдержавшимъ вступительный въ нихъ экзаменъ (déclarés admissibles); затѣмъ то же право предоставляется и воспитанникамъ ветеринарныхъ, земледѣльческихъ школъ и приходящимъ ученикамъ (т.-е. не державшимъ вступительнаго экзамена): горнаго училища, училища гражданскихъ инженеровъ, морскихъ инженеровъ, представившимъ свидѣтельство объ окончаніи средняго курса. Допускаемое ежегодно число однолѣтнихъ волонтеровъ опредѣляется военнымъ министромъ. Всѣ ученики, имѣющіе такое право, должны, если желаютъ имъ воспользоваться, принять на себя такое обязательство до вынутія жребія, но если при этомъ желаютъ продолжать курсъ, то получаютъ отсрочку до полнаго 24-лѣтняго возраста, и въ такомъ случаѣ обязательство свое исполняютъ по достиженіи этого возраста. Поставка вмѣсто себя охотника не допускается и обмѣнъ нумерами, вынутыми при жребіи, разрѣшается только между родными братьями.

Таковы новыя основанія воинской повинности во Франціи. Въ общности все устройство арміи во Франціи будетъ очевидно слабѣе прусскаго. Во-первыхъ, французская армія при новомъ устройствѣ распадается на войска полевыя, въ которыхъ люди распредѣляются однообразно по всей территоріи страны, и на войска мѣстныя, въ которыя призываются люди, прослужившіе свой срокъ, уже по провинціямъ. Во-вторыхъ, общій срокъ службы въ полевыхъ войскахъ (то-есть въ дѣйствующихъ и въ ихъ резервѣ) во Франціи составитъ 9 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи онъ составляетъ 12 лѣтъ; иными словами, Пруссія мобилизируетъ въ случаѣ войны 12 возрастовъ (Altersclassen, classes), а Франція будетъ мобилизировать только 9. Тьеръ утѣшалъ собраніе тѣмъ, что Франція впредь и не должна начинать войны безъ союзниковъ.

Военный законъ прошелъ въ собраніи въ томъ видѣ, какъ мы его изложили, и составитъ вообще большую тягость, которую страна сильно почувствуетъ. Замѣчательно, что во Франціи эти, заимствованныя изъ прусскаго устройства условія встрѣчаютъ нерасположеніе не только въ достаточныхъ классахъ, которымъ, разумѣется, тяжело подчиниться личной службѣ, отъ которой они до сихъ поръ откупались, но

и въ массѣ народа, доселѣ отбывавшаго рекрутство. Мнѣніе, что война популярнѣе во Франціи, чѣмъ гдѣ-либо, быть можетъ и справедливо, но только въ томъ смыслѣ, что французскіе солдаты уже служащіе желаютъ войны, да пожалуй еще городскіе рабочіе во время войны легко идутъ волонтерами. Но сама солдатская служба, какъ и вообще дисциплина и стѣсненіе, кажется французамъ тяжеле, чѣмъ инымъ народамъ. Доселѣ французскій крестьянинъ и рабочій, вынувъ „негодный жребій“ (mauvais numero) утѣшалъ себя тѣмъ, что отслуживъ 7 лѣтъ онъ навсегда будетъ изъятъ отъ службы, а теперь окажется, что службѣ онъ можетъ подлежать 20 лѣтъ, а 9 лѣтъ будетъ числиться въ полевыхъ войскахъ, то-есть при всякой мобилизаціи долженъ будетъ бросать свой домъ и занятія. Пребываніе подъ знаменами сокращено на 2 года (5 вмѣсто 7), но за то 2-мя же годами продолженъ срокъ службы въ полевыхъ войскахъ (9 вмѣсто 7), а это покажется массѣ населенія весьма тяжкимъ.

Сессія германскаго сейма была закрыта 19 іюня тронной рѣчью, которую прочелъ президентъ имперской канцеляріи Дельбрюкъ; въ самой тронной рѣчи не было ничего примѣчательнаго. Въ эту, вторую свою сессію имперскій сеймъ обсудилъ и принялъ бюджетъ и нѣсколько важныхъ проектовъ законовъ, между которыми особенно выдаются: новое общее военно-уголовное положеніе, законъ о распредѣленіи и употребленіи суммъ контрибуціи съ Франціи, резолюція объ установленіи обязательности гражданскаго брака, независимо отъ духовнаго, и передачѣ въ гражданское вѣдомство веденіе метрическихъ книгъ, и законъ противъ іезуитовъ. Князь Бисмаркъ еще до окончанія сессіи уѣхалъ въ свое имѣніе Варцинъ, какъ говорятъ, на полгода, а императоръ Вильгельмъ 24 іюля уѣхалъ на воды въ Эмсъ. Къ осени въ Берлинѣ ожидаютъ пріѣзда на маневры императора австрійскаго. Пребываніе въ Берлинѣ наслѣдника итальянскаго престола, хотя оно и было вызвано только крестинами, послужило свидѣтельствомъ дружественныхъ отношеній между дворами германскимъ и итальянскимъ и вмѣстѣ подало поводъ къ догадкамъ, что оба правительства условились между собою насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ на случай смерти папы, съ цѣлью предотвратить подчиненіе конклава исключительному вліянію іезуитовъ.

Такъ какъ главный политическій фактъ въ Германіи въ настоящее время есть борьба съ католическимъ клерикализмомъ, то мы должны разсмотрѣть ближе законъ противъ іезуитовъ.

Проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ союзнымъ совѣтомъ, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, но мы напомнимъ о немъ для сравненія съ послѣдовавшимъ измѣненіемъ его на сеймѣ. По проекту союзнаго совѣта предоставлялось полиціи въ государствахъ

союза воспрещать іезуитамъ и членамъ другихъ духовныхъ корпорацій, имѣющихъ сходство съ этимъ орденомъ (здѣсь разумѣются такъ-называемые редемптористы и братья христіанской доктрины) пребываніе въ какой-либо мѣстности, входящей въ территорію союза, даже и въ такомъ случаѣ, если эти лица имѣютъ германское гражданство. При обсужденіи этого проекта еще въ союзномъ совѣтѣ, противъ него подалъ голосъ только Ольденбургъ, но Баденъ объявилъ, что ожидаетъ мало практической пользы отъ такого неполнаго, неокончательнаго разрѣшенія вопроса объ іезуитахъ. Неполнымъ проектъ показался и большинству имперскаго сейма, которое сочувствовало ему въ принципѣ. Членами разныхъ партій большинства, такъ-называемой „германской имперской (deutsche Reichspartei), „національно-либеральной“, „либерально - имперской“ и консервативной, а именно, гг. Кардорфомъ, княземъ Гогенлоэ - Шиллингсфюрстомъ и Гелльдоромъ предложена была иная редакція закона объ іезуитахъ, значительно измѣнившая не смыслъ его, но его примѣненіе. Законъ и былъ принятъ сеймомъ въ этомъ измѣненномъ видѣ, и потому мы выпишемъ новый текстъ его: „1) Орденъ общества Іисуса и сродные ему (verwandten) ордена и конгрегаціи, имѣющія видъ орденовъ, *исключаются* изъ территоріи германской имперіи. Учрежденіе его обителей (Niederlassungen) воспрещается. Существующія обители должны быть распущены къ сроку, какой будетъ опредѣленъ союзнымъ совѣтомъ, но не позже шести мѣсяцевъ (со времени изданія закона). 2) Лица, принадлежащія къ ордену общества Іисуса и сроднымъ ему орденамъ и конгрегаціямъ, могутъ быть, если они иностранцы, высылаемы изъ предѣловъ имперіи, а если они туземцы (Inländer), имъ можетъ быть воспрещаемо или предписываемо пребываніе въ опредѣленныхъ округахъ или мѣстахъ. 3) Распоряженія по исполненію и примѣненію этого закона предоставляются союзному совѣту“.

Ясно, что законъ, въ новомъ его видѣ, представляетъ мѣру гораздо сильнѣйшую, чѣмъ была предположенная союзнымъ совѣтомъ. Онъ установляетъ въ принципѣ окончательное уничтоженіе іезуитскихъ заведеній и предоставляетъ распоряженія относительно изгнанія іезуитовъ непосредственно союзному совѣту. Въ этомъ видѣ законъ былъ принятъ на сеймѣ большинствомъ 183 голосовъ противъ 101, и союзный совѣтъ 25-го іюня одобрилъ его въ этомъ видѣ.

Если признать, что іезуиты и въ наше время способны, въ странѣ, гдѣ высшая власть находится внѣ католическихъ вліяній, быть такъ опасны государству, что стóитъ въ отношеніи къ нимъ отступать отъ общаго принципа неприкосновенности личности гражданъ, ограниченной однимъ только судомъ, то нельзя не найти, что нынѣшняя редакція закона противъ іезуитовъ лучше прежней. Хотя и въ этомъ видѣ законъ не разрѣшаетъ общаго вопроса о духовныхъ католи-

ческихъ конгрегаціяхъ и потому считается провизорнымъ (ein Nothgesetz), но онъ все-таки, по крайней мѣрѣ относительно іезуитовъ, рѣшаетъ вопросъ окончательно. Сверхъ того, предоставляя распоряженія объ изгнаніи іезуитовъ усмотрѣнію союзнаго совѣта, а не полиціи (хотя это на практикѣ и не представляетъ большого различія, такъ какъ и прежній проектъ предполагалъ, что полиціи будутъ даны инструкціи, опредѣленныя союзнымъ совѣтомъ), онъ имѣетъ видъ болѣе приличный.

Пренія по закону объ іезуитахъ на сеймѣ были очень интересны, по временамъ даже блестящи, чтó въ германскомъ сеймѣ встрѣчается не часто, такъ какъ политическое краснорѣчіе еще не выработалось въ Германіи окончательно, какъ въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, и парламентскія рѣчи очень часто имѣютъ слогъ и характеръ административныхъ бумагъ, уже и потому, что дѣловитость требуется прежде всего, такъ какъ германскіе депутаты слушаютъ ораторовъ внимательнѣе, чѣмъ депутаты французскіе, и потому нѣтъ необходимости прибѣгать къ прикрасамъ или особой рельефности выраженій для привлеченія вниманія. Но за то большинство въ германскомъ сеймѣ имѣетъ дурную привычку безпрерывно смѣяться. Когда говоритъ ораторъ ему пріятный, въ особенности князь Бисмаркъ, то малѣйшія интенціи его въ юмористическомъ смыслѣ вызываютъ неумолкающіе взрывы одобрительнаго смѣха. Когда же говоритъ ораторъ оппозиціи, то большинство старается опровергнуть его безпрестаннымъ смѣхомъ, отвѣчая хохотомъ иногда на самые дѣльные его аргументы. Читая въ отчетѣ о преніяхъ имперскаго сейма почти за каждыми десятью строками: Heiterkeit, grosse Heiterkeit, anhaltende Heiterkeit, Gelächter, stürmische Heiterkeit—можно забыть, что нѣмцы такой серьезный народъ. Правда, въ нѣкоторыхъ рѣчахъ католическихъ депутатовъ были дѣйствительно смѣшныя мѣста, именно тѣ, которыя были посвящены защитѣ такихъ вещей, какъ безошибочность папы и силлабуса. Католическіе депутаты говорили иногда глупости. Положимъ, нельзя было не смѣяться, когда депутатъ Кесселеръ въ защиту іезуитовъ сослался на мнѣніе о нихъ—своего портного (sic), или когда депутатъ Рейхеншпергеръ, защищая силлабусъ, сказалъ, что протестанты его не понимаютъ потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ написанъ довольно-непонятнымъ слогомъ. Но протестантское большинство иногда, къ сожалѣнію, забывало, что именно по вопросу, касавшемуся иного исповѣданія ему, въ интересахъ умственнаго единенія Германіи, слѣдовало относиться съ особенной сдержанностью. Такъ берлинскій депутатъ Виндгорстъ, однофамилецъ одного изъ вождей католической партіи, прямо назвалъ догматъ о папской непогрѣшимости „съумасшедшимъ“ (tolles); такъ, когда Кесселеръ ссылался на евангеліе, ему отвѣчало Heiterkeit большинства. Такъ Гнейстъ ста-

вилъ вопросъ прямо въ смыслѣ борьбы протестантизма съ католичествомъ, когда ссылался на Лютера, и говорилъ, что „виттенбергскій монахъ еще живетъ въ духѣ германскаго народа". Такимъ образомъ дѣло принимало такой смыслъ, какъ будто имперскій сеймъ имѣетъ цѣлью осудить католицизмъ и утвердить протестантизмъ, какъ будто берлинскій сеймъ есть нѣчто въ родѣ знаменитаго сейма въ Вормсѣ, который осудилъ Лютера, и теперь имѣетъ намѣреніе исправить дѣло своего предшественника.

Само собою разумѣется, что католическіе клерикалы воспользовались и самымъ проектомъ закона и нѣкоторой необузданностью протестантскихъ ораторовъ, для утвержденія, что дѣло идетъ именно о борьбѣ, объявленной протестантскимъ императоромъ и протестантскимъ большинствомъ сейма католицизму. Клерикалъ Виндгорстъ (изъ Меппена) сказалъ: „Вы объявляете войну католикамъ; вы будете имѣть ее". Рейхеншпергеръ повторилъ эту фразу. Виндгорстъ сказалъ, что протестанты хотятъ сдѣлать изъ германскаго единства „протестантскую имперію, съ протестантскимъ императоромъ, и съ цѣлью доставить протестантству торжество надъ католичествомъ"; что, стало быть, протестанты дѣйствуютъ противъ своихъ противниковъ сами именно смѣшеніемъ политики съ вѣрою, въ чемъ обвиняютъ католиковъ. Другой клерикальный депутатъ Маллинкродтъ напоминалъ національнымъ либераламъ, безусловно поддерживающимъ нынѣ канцлера, что „союзы съ княземъ Бисмаркомъ непрочны". Когда-то онъ отзывался о самихъ іезуитахъ не неблагопріятно. Когда-то онъ вступилъ въ Голштинію рука объ руку съ Австріею, и кто знаетъ до какой степени были интимны его отношенія въ Біаррицѣ къ Наполеону III. „Онъ искалъ согласія даже съ кардиналомъ Антонелли... Можете ли вы быть увѣрены, что его нынѣшняя дружба съ лѣвою стороной представляетъ неразрывный бракъ?" (Heiterkeit). Приведемъ еще два рельефныхъ выраженія Рейхеншпергера: „Этотъ законъ есть нравственное банкротство либерализма"... „Я всегда былъ почитатель германскаго зодчества, но если вы примете этотъ законъ и еще нѣсколько подобныхъ, то я предложу вамъ для зданія сейма уже не готическій, а лучше византійскій или наполеоновскій стиль".

Положеніе ораторовъ большинства въ этомъ дебатѣ вообще было менѣе выгодно, чѣмъ ораторовъ католической оппозиціи, которые въ настоящемъ случаѣ все-таки защищали принципъ свободы, хотя и въ пользу такихъ заклятыхъ враговъ свободы, какъ іезуиты. Большая часть ораторовъ становилась на ту точку зрѣнія, что борьба съ католическимъ клерикализмомъ и съ самыми дѣятельными агентами его — іезуитами, есть борьба международная, и что такъ какъ вести эту войну выпало на долю германской имперіи, то и должно вести ее со всевозможной энергіей и кончить ее такъ же успѣшно, какъ

она кончила войну съ Франціею. Одинъ изъ ораторовъ большинства привелъ еще вѣскій фактъ свойства гражданскаго. Это былъ именно депутатъ Дове, изъ Гёттингена. Оно сообщилъ, что всего годъ тому назадъ одинъ монахъ въ Падерборнѣ былъ осужденъ своимъ духовнымъ начальствомъ къ заключенію въ указанный монастырь, срокомъ не менѣе чѣмъ на годъ, причемъ ему вмѣнено было въ обязанность поститься не менѣе 180-ти дней въ теченіе этого года. Этимъ фактомъ Дове коснулся такой стороны вопроса, какой не касался еще никто изъ представителей большинства, а именно указалъ на несомнѣнную истину, что въ средѣ католическихъ духовныхъ корпорацій личность ничѣмъ уже не ограждена отъ произвола начальства. Такимъ образомъ, принципъ неприкосновенности личности, которымъ клерикалы громили законъ, Дове весьма ловко обратилъ противъ нихъ самихъ. Но все-таки польза и нравственный авторитетъ нынѣшняго закона значительно опровергаются тѣмъ фактомъ, что за него стоялъ безусловно такой человѣкъ какъ Вагенеръ, отъявленный реакціонеръ и бывшій, весьма извѣстный въ свое время публицистъ „Крестовой Газеты", а противъ этого закона сошлись такіе разномыслящіе во всемъ остальномъ политики, какъ Виндгорстъ, Рейхеншпергеръ, Ласкеръ и Бебель. Пусть Виндгорста и Рейхеншпергера въ этомъ дѣлѣ соединяло то, что оба они—католики, хотя между ихъ политическими воззрѣніями существуетъ большая разница. Но какъ съ ними сошлись такіе люди какъ Ласкеръ, вождь столь преданной князю Бисмарку національно-либеральной партіи, и Бебель—соціалистъ? Какъ эти два человѣка, одинъ представитель программы практической политики для созданія полнаго единства и возможно-бóльшаго могущества Германіи, другой — защитникъ теоретическихъ воззрѣній крайняго свойства, только что присужденный однимъ изъ судовъ имперіи къ тюрьмѣ—какъ могли такіе два человѣка сойтись въ этомъ вопросѣ?

Бебель при этомъ исходилъ изъ того мнѣнія, что всѣ догматы имѣютъ одинаковое достоинство, и что догматъ папской непогрѣшимости не хуже другихъ догматовъ, мнѣніе, которое одинъ изъ католическихъ ораторовъ опредѣлилъ такъ: что всѣ догматы равно ненужны (sind alle Wurst). Но Ласкеръ осуждалъ законъ по соображеніямъ практическимъ высшаго свойства. Онъ говорилъ между прочимъ: „среди всякой борьбы, какую бы намъ ни пришлось вести, мы никогда не должны упускать изъ виду нашей главной, нашей окончательной цѣли. Цѣль эта — примиреніе умовъ. Не должно допускать намѣренія устранить церковные споры въ германской имперіи посредствомъ насильственнаго подавленія (Unterdrückung) противоположныхъ мнѣній... Мы, которые гордимся тѣмъ, что въ недавнемъ преобразованіи прусскаго окружнаго управленія, посредствомъ своей соединенной нравственной силы осуществили принципъ, что всякая полицейская мѣра

должна быть подчинена контролю судебнаго закона (Rechtscontrole), мы не должны теперь ослаблять свою нравственную силу такъ, чтобы противники наши подумали: когда либералы преслѣдуютъ цѣли своей партіи, то они забываютъ свои собственные принципы.... Пусть никто не будетъ имѣть права сказать намъ: когда они совѣщались о преслѣдованіи германскихъ гражданъ, то забыли тѣ самыя ученія, за торжество которыхъ они боролись въ теченіе всей своей жизни".

Рѣчь Ласкера вызвала одобреніе—какъ говоритъ отчетъ—„съ разныхъ сторонъ" палаты. Тѣмъ не менѣе, законъ, какъ мы видѣли, прошелъ. Бебеля—соціалиста и Ласкера, по происхожденію—еврея, и горячаго защитника политики князя Бисмарка въ національныхъ вопросахъ, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ іезуитамъ, и вотъ то обстоятельство, что оба они отрицали пользу закона, приводитъ въ самомъ дѣлѣ къ сомнѣнію: благоразумно ли и политично ли въ настоящемъ случаѣ поступило большинство сейма, прибѣгнувъ къ такой именно мѣрѣ въ борьбѣ съ католическимъ клерикализмомъ.

Частныя проявленія той же борьбы представлялись въ послѣднее время дѣйствіями прусскаго правительства противъ епископа Эрмландскаго Кременца и противъ главнаго (католическаго) священника арміи монсиньора Намчановскаго. Переписка министерства съ епископомъ эрмландскимъ продолжается уже нѣкоторое время, и недавній отвѣтъ этого прелата былъ уже не первый. По отношенію къ нему, рѣчь идетъ о томъ, въ какой мѣрѣ церковному начальству можно подвергать своихъ подчиненныхъ духовно-нравственнымъ карамъ, ненарушая гражданскихъ законовъ. Министерство утверждаетъ, что произнесеніе отлученія отъ церкви несообразно съ законами страны, потому что оно представляетъ посягательство на личность, ограниченіе ея правъ и оскорбленіе ея. Въ этомъ дѣлѣ позиція, занятая правительствомъ, очевидно не сильна; какъ не дѣйствительно католическое отлученіе надъ свѣтскими лицами — это мы лучше всего видимъ изъ примѣра Италіи, гдѣ всѣ новѣйшія событія совершались несмотря на отлученіе отъ церкви, произнесенное противъ „всѣхъ зачинщиковъ разграбленія имуществъ св. престола и всѣхъ ихъ пособниковъ, и всѣхъ одобрявшихъ ихъ". Но на духовныхъ не только отлученіе, но даже и запрещеніе священнодѣйствія дѣйствуетъ всесильно, потому что уничтожаетъ самое ихъ званіе. Тутъ государство самыми строгими мѣрами ничего не сдѣлаетъ, и едва ли прусское правительство не напрасно подняло этотъ вопросъ, въ которомъ оно навѣрно потерпитъ пораженіе, какъ то уже и случилось, такъ какъ епископъ Кременцъ наотрѣзъ отказался взять назадъ свою мѣру, и продолжаетъ безусловно отрицать право свѣтской власти вмѣшиваться въ духовную юрисдикцію. Что касается другого прелата, то-есть Намчановскаго, который запретилъ военному священнику служить обѣдню въ той цер-

кви, гдѣ правительство допустило служеніе старо-католиковъ, то здѣсь правительство было совершенно право, отставивъ Намчановскаго отъ должности, такъ какъ званіе главнаго священника арміи есть званіе административное, и прусскій законъ прямо подчиняетъ главныхъ священниковъ арміи не только министру духовныхъ дѣлъ, но и военному министру. Намчановскій отвѣчалъ иронически, что ему доселѣ не было извѣстно, что онъ — чиновникъ военнаго вѣдомства. Но таковъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Вообще же надо пожелать, чтобы германская имперія слѣдовала въ этомъ вопросѣ примѣру итальянскаго королевства. Для Италіи опасность со стороны католическаго католицизма безъ всякаго сомнѣнія больше, чѣмъ для Германіи, на двѣ трети протестантской, имѣющей центральную власть, недоступную католическимъ вліяніямъ.

А между тѣмъ, въ Италіи ни одной партіи и въ мысль не приходило предлагать такую странную мѣру, какъ вмѣшательство въ вопросъ, правильно или неправильно произносится епископами отлученіе отъ церкви. Италія строго держится девиза Кавура „свободная церковь въ свободномъ государствѣ". Только посредствомъ строгаго отдѣленія церкви отъ государства, свѣтская власть можетъ лишить значенія притязанія церкви на вмѣшательство въ свѣтскія дѣла. Такъ, государству слѣдуетъ *не признавать* отлученій, не признавать никакихъ послѣдствій отлученія въ гражданскихъ правахъ. Это совершенно ясно и вполнѣ возможно. Утверждать же, что отлученіе во всякомъ случаѣ влечетъ за собою ограниченіе гражданскихъ правъ личности, есть очевидная натяжка. Если подвергшійся духовной карѣ самъ не захочетъ признать ее и покориться ей, то она для него и не будетъ имѣть послѣдствій, такъ какъ онъ можетъ всегда выйти изъ духовнаго званія. Но если онъ въ этомъ званіи остается, то онъ не можетъ не признать кары и не подчиниться ей, а если онъ ей подчиняется, то возможно ли государству требовать силою, подъ угрозою своихъ свѣтскихъ каръ, чтобы отлученіе было съ него снято? Вѣдь отсюда только одинъ шагъ, чтобы требовать насильно благословенія или отпущенія грѣховъ какимъ-нибудь католикамъ, въ награду за услуги оказанныя единству германской имперіи. Имперское правительство, возбуждая этотъ странный вопросъ, вступило на путь столь очевидно безвыходный, что оно тѣмъ самымъ едва ли не опровергаетъ своихъ заявленій объ опасности, могущей еще и въ наше время угрожать германской имперіи со стороны римскаго клерикализма. Еслибы Бисмаркъ самъ искренно вѣрилъ въ существованіе такой опасности, то едва ли въ борьбѣ съ нею онъ рѣшился бы занять вдругъ такую аванпостную, но очевидно слабую позицію. Поэтому, у постороннихъ наблюдателей невольно должно изъ всей этой борьбы остаться въ памяти мнѣніе Бебеля, что князь Бисмаркъ въ сущности затѣялъ это

дѣло для того, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ другихъ, болѣе серьезныхъ дѣлъ.

Папа между тѣмъ поднимаетъ перчатки, брошенныя ему изъ римскаго квиринала и изъ берлинскаго Schloss. На проектъ закона о непризнаніи государствомъ духовныхъ конгрегацій въ Римѣ и о конфисковаціи ихъ имуществъ, папа отвѣтилъ письмомъ къ кардиналу Антонелли, въ которомъ настаиваетъ безусловно на необходимости для католичества какъ полной независимости папъ, то-есть ихъ свѣтской власти, такъ и религіозныхъ орденовъ въ Римѣ, при которыхъ сосредоточены новиціаты всего католическаго миссіонерства. На законъ противъ іезуитовъ въ Германіи, онъ отвѣтилъ депутаціи, явившейся изъ Германіи поздравлять его съ днемъ 26-лѣтняго воцаренія его; въ этомъ отвѣтѣ онъ совѣтовалъ имъ покоряться „законамъ свѣтскимъ, но не тѣмъ, которые противны законамъ божескимъ", т.-е. какъ бы нарочно усвоилъ себѣ фразу, употребленную эрмландскимъ епископомъ въ его отвѣтѣ прусскому министру Фальку. Сверхъ того, папа еще сказалъ, что предпринимать борьбу съ церковью есть „глупость" (sottise, читаемъ мы во французскомъ переводѣ, не имѣя итальянскаго текста), и что „съ горы спадетъ камень, который сокрушитъ глиняный колоссъ". Любезности довольно ясныя.

Король испанскій сдѣлалъ нѣчто совершенно-неожиданное: въ ту минуту, когда глава уніонистовъ (консерваторовъ), маршалъ Серрано, значительно ослабивъ возстаніе карлистовъ и ставъ во главѣ кабинета, и опираясь въ тоже время на армію, уже мнилъ себя всесильнымъ и предложилъ королю первый шагъ къ реакціонерной политикѣ— пріостановленіе, съ согласія кортесовъ, дѣйствія конституціи относительно личной неприкосновенности гражданъ — король наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, Серрано подалъ въ отставку, думая устрашить короля, а король призвалъ въ управленіе прямую противоположность уніонистамъ—радикаловъ, и во главѣ ихъ Руиса Сорилью. Сорилья образовалъ новый кабинетъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя составляли его министерство прошлымъ лѣтомъ. Командованіе же арміею король поручилъ генералу Моріанесу, которому былъ обязанъ главнымъ успѣхомъ, одержаннымъ доселѣ въ этой бѣдственной войнѣ.

Положеніе относительно карлистовъ ухудшилось; въ виду внутренней перемѣны, то-есть новаго правительственнаго колебанія, карлисты возстали снова и тамъ, гдѣ уже было-присмирѣли, въ особенности въ Каталоніи. Но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, положеніе прояснилось. Буржуазное министерство Сорилья-Мартосъ-Риверо, el ministerio de las economias, держащееся программы бережливости, полной свободы совѣсти и свободы выборовъ, есть, очевидно, то именно, кото-

рое нужно Испаніи. Сорилльа уже объявилъ, что онъ будетъ энергически защищать единство испанской территоріи (то-есть Кубу) и подавлять всякіе мятежи (т.-е. не будетъ заключать съ карлистами конвенцій, какъ Серрано). Кортесы, избранные подъ вліяніемъ всевозможнаго административнаго давленія кабинета Сагасты, распущены королевскимъ декретомъ 29-го іюня и новые выборы назначены на 24-е августа, а самое открытіе сессіи на 15-е сентября. Въ газетахъ между тѣмъ явилось любопытное письмо, посланное Сорилльею не такъ давно, когда онъ рѣшился-было совсѣмъ оставить политическую карьеру — къ отцу дон-Амедея, то-есть къ королю Италіи, Виктору-Эммануилу. Въ этомъ письмѣ Сорилльа, вѣроятно, отвѣчаетъ на упреки итальянскаго монарха за то, что онъ оставилъ его сына, и объясняетъ, что „его не хотятъ слушать", и что „идутъ" по пути явно ведущему къ гибели, такъ какъ реакція болѣе всего враждебна именно самому престолу, созданному революціей 1868 года. Если послѣдствіемъ этой переписки была твердость, выказанная Амедеемъ въ весьма опасную минуту переговоровъ его съ Серрано, то это былъ бы уже второй случай личнаго вмѣшательства въ важнѣйшія дѣла Испаніи короля Виктора-Эммануила, котораго можно въ такомъ случаѣ почти признать королемъ и Италіи и Испаніи.

Австрійскій рейхсратъ окончилъ свою сессію 23 іюня; засѣданія его отсрочены. Главнымъ дѣломъ его было обсужденіе закона о ландверѣ. Проектъ соглашенія съ Галиціею хотя и подвинулся впередъ въ томъ смыслѣ, что онъ уже окончательно выработанъ конституціоннымъ комитетомъ рейхсрата, но состоится ли соглашеніе на основаніи этого проекта,—еще неизвѣстно. Министерство графа Ауэрсперга, проведя законъ о прямыхъ выборахъ и безъ содѣйствія польскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ, не расположено удовлетворить всѣхъ ихъ требованій относительно автономіи Галиціи. Остается узнать, удовлетворится ли проектомъ сеймъ галиційскій.

Важнѣйшимъ событіемъ въ австро-венгерской монархіи за послѣднее время былъ результатъ новыхъ выборовъ въ сеймъ венгерскій. Въ послѣднюю сессію этого сейма, оппозиція противъ умѣренной партіи, партіи Деака, держащейся безусловно соглашенія 1867 г. съ Австріею, на которомъ утвердилась система дуализма, приняла своей тактикою произносить безчисленныя и безконечныя рѣчи, такъ чтобы сдѣлать невозможнымъ проведеніе проектовъ законовъ, представленныхъ министерствомъ Лоньяя. Нынѣшніе выборы показали, что населеніе Венгріи не одобрило такого злоупотребленія парламентскихъ правъ и не сочувствуетъ крайней національной партіи: изъ числа 292 выборовъ, извѣстныхъ по 28-е іюня, избрано приверженцовъ Деака 192.

76 членовъ лѣваго центра и только 26 крайнихъ. Оппозиція доселѣ лишилась 32-хъ голосовъ.

Вопросъ о вознагражденіи за непрямые убытки по элебемскому дѣлу, столь долго приводившій въ волненіе англичанъ и американцевъ и такъ сильно надоѣвшій читателямъ газетъ въ другихъ странахъ, какъ будто разрѣшился внезапно самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Англія хлопотала объ отсрочкѣ женевскаго суда, пока требованіе о прямыхъ убыткахъ не будетъ взято Америкою назадъ; Америка не хотѣла взять его назадъ и не поддерживала отсрочки, однимъ словомъ, положеніе казалось почти безвыходнымъ. Вдругъ, женевскій третейскій судъ самъ разрѣшилъ его: онъ положилъ прямо отказать Америкѣ въ вознагражденіи по непрямымъ убыткамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказать и въ требованіи объ отсрочкѣ, которое Англія поддерживала совершенно непонятно для чего, такъ какъ препятствіе было уже устранено. Постановивъ такое рѣшеніе 28 іюня, третейскій судъ назначилъ слѣдующее свое засѣданіе на 15-е іюля (н. с.). Оба заинтересованныя правительства признали это рѣшеніе, и англійская печать, разумѣется, ликуетъ по этому случаю. Но спрашивается еще, будетъ ли она ликовать, когда судъ опредѣлитъ сумму вознагражденія по убыткамъ прямымъ.

Изъ внутреннихъ дѣлъ въ Англіи слѣдуетъ упомянуть о дальнѣйшей судьбѣ билля о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ (ballot). Палата лордовъ видя, что билль этотъ и нынѣ прошелъ въ палатѣ общинъ большинствомъ голосовъ не особенно внушительнымъ, но желая въ тоже время прямо отвергнуть его, посредствомъ новой отсрочки на 6 мѣсяцовъ, употребила въ отношеніи его иную тактику, чѣмъ прошлымъ лѣтомъ: она нетолько приступила къ разсмотрѣнію его, но и провела его чрезъ всѣ три чтенія, искажая его на пути, посредствомъ разныхъ дополненій, до такой степени, что онъ просто перессталъ быть закономъ о тайной подачѣ голосовъ, а сдѣлался чѣмъ то неопредѣленнымъ и неузнаваемымъ. Самое сильное поврежденіе ему нанесъ номинальный глава партіи тори въ палатѣ лордовъ — герцогъ Ричмондъ (дѣйствительный же вождь ея въ палатѣ—маркизъ Сельсбэри). По предложенію Ричмонда, лорды рѣшили, что примѣненіе этого билля вообще не обязательно, а что онъ можетъ примѣняться только по желанію каждаго избирательнаго округа. Такимъ образомъ, билль перестаетъ быть закономъ, и обращается въ какой-то избирательный „рецептъ для желающихъ“. Само собою разумѣется, что общины не замедлятъ отвергнуть какъ это, такъ и всѣ существенныя искаженія внесенныя въ билль лордами. Тогда вопросъ снова перейдетъ въ верхнюю палату.

Консерваторы или тори въ Англіи выступили теперь, въ лицѣ своего талантливаго главы Дизраэли, съ совершенно новымъ „девизомъ" или „крикомъ" (cry): „консерватизмъ въ силу принципа національности". Какъ ни странно и, можно даже сказать, нелѣпо такое смѣшеніе понятій, но Дизраэли человѣкъ столь изворотливаго и обильнаго воображеніемъ ума, что читая рѣчь его, въ этомъ смыслѣ, произнесенную въ кристальномъ дворцѣ на праздникѣ консервативнаго союза, сперва представляешь себѣ, какъ будто въ ней въ самомъ дѣлѣ есть мысль. Въ дѣйствительности же въ ней нѣтъ ничего, кромѣ смѣшенія понятій. Дизраэли разсматривалъ всю политику либераловъ и доказывалъ, что либерализмъ есть не что иное, какъ просто передѣлка англійскихъ учрежденій на иностранный ладъ. Такимъ образомъ, и преобразованіе арміи, и тайная баллотировка, и освобожденіе школы — все это искаженіе англійскаго національнаго духа вовсе не пригодными ему примѣрами континента. Консервативную партію Дизраэли нынѣ называетъ „конститупіонною", такъ какъ вся цѣль ея есть охраненіе англійской конституціи, то-есть монархіи и парламентскихъ учрежденій. Никакихъ политическихъ реформъ, по его словамъ, Англіи не надо, и консервативная партія признаетъ потребность только соціальныхъ реформъ. Однимъ словомъ, по программѣ Дизраэли выходитъ, что заниматься улучшеніемъ судьбы крестьянъ фабричныхъ и женщинъ вообще должно, но обезпечивать ихъ судьбу должны помѣщики, фабриканты и мужья, — а никакъ не сами заинтересованные.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренція, 15 іюня 1872.

Флоренція послѣ перенесенія столицы.

Въ послѣдніе два мѣсяца Флоренція приняла свою обычную физіономію, которая отличала ее до 1865-го г., до перенесенія столицы на берега Арно. Въ ней остались лишь немногіе отсталые изъ чиновниковъ, которые не замедлятъ перебраться вслѣдъ за центральной администраціей, какъ только въ Римѣ будутъ готовы квартиры для помѣщенія ихъ. Все, что составляло принадлежность столицы, переселилось изъ Флоренціи, и послѣдняя опять превратилась въ провинціальный городъ. Но такъ какъ существованіе столицы не можетъ пройти безслѣдно ни для какого города, а города наши вообще не

похожи на города другихъ государствъ, то я полагаю, что читателямъ быть можетъ будетъ не безъ интересно познакомиться съ судьбой Флоренціи послѣ того, какъ она снова предоставлена своимъ собственнымъ рессурсамъ.

Должно замѣтить, что въ теченіи прошлой зимы и нынѣшней весны наплывъ иностранцевъ во Флоренцію былъ чрезвычайный. Русскіе, нѣмцы, англичане и американцы составляли главное ядро иностранной колоніи во Флоренціи; французовъ было мало, еще меньше грековъ и испанцевъ. Вообще замѣчено, что южные жители мало путешествуютъ, и сами итальянцы, которые встрѣчаются въ большемъ числѣ въ приморскихъ городахъ востока и южной Америки, еслибы ихъ не привлекала надежда на быструю наживу, никогда не тронулись бы съ мѣста ради того только, чтобы видѣть новыя страны. Наши великіе путешественники, за исключеніемъ Колумба и немногихъ другихъ, были или миссіонеры изъ Рима, или купцы. Итальянскій туристъ составляетъ рѣдкое явленіе. И если въ настоящее время находятся предпріимчивые негоціанты, которые покидаютъ Италію, чтобы отправиться въ Японію за хорошими шелковичными червями, то весьма рѣдко встрѣтить человѣка, который бы перебрался черезъ Альпы, ради любопытства узнать другой народъ, другіе нравы, другую природу. Въ этомъ отношеніи позитивизмъ итальянцевъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Года два тому назадъ еще можно было встрѣтить итальянцевъ, которые рисковали совершить путешествіе въ Парижъ, но не столько изъ личной потребности познакомиться съ *la cervelle du monde* Виктора Гюго, сколько затѣмъ, чтобы имѣть возможность сказать: *и я также былъ тамъ!* Это производило хорошее впечатлѣніе въ тѣ времена, и въ особенности негоціантъ пріобрѣталъ извѣстный тонъ и кредитъ, если могъ, послѣ трехъ-четырехъ словъ упомянуть въ разговорѣ про какой-нибудь парижскій магазинъ и про улицы, въ которыхъ онъ лично побывалъ. Но въ настоящее время и эта мода прошла. Парижъ утратилъ свое обаяніе, и негоціантъ не даетъ себѣ труда посѣщать его. Путешествіе на берега Сены смѣнилось путешествіемъ на берега Рейна; но одинъ изъ посѣтившихъ эти берега отвѣчалъ мнѣ на разспросы о томъ, какъ они ему понравились, что тамъ очень много прекрасныхъ фабрикъ, на которыхъ работаетъ много народу и которыя получаютъ большіе заказы. Я боюсь, что въ этомъ отношеніи итальянецъ неисправимъ и что, довольный своей прекрасной страной, онъ долго еще будетъ интересоваться посѣщеніемъ другихъ странъ съ единственной цѣлью разсѣяться и полюбоваться ими. Онъ находитъ гораздо болѣе удобнымъ принимать иностранцевъ у себя дома и осыпать ихъ комплиментами въ ожиданіи великой прибыли, которую онъ надѣется изъ нихъ извлечь. Въ Италіи существуетъ четыре города, которые спеціально занимаются такого рода промышленностью, а именно: Венеція,

Флоренція, Римъ и Неаполь. Всякій иностранецъ, посѣщающій Италію, заноситъ ихъ въ свой маршрутъ, какъ обязательныя станціи. Венеціанецъ, флорентинецъ, римлянинъ и неаполитанецъ вполнѣ освоились съ иностранцами и отлично съумѣютъ отличить русскаго генерала отъ польскаго эмигранта, американца, который спрашиваетъ прежде всего, сколько долларовъ стоитъ всякая вещь, отъ разорившейся баронессы изъ остзейскихъ провинцій, которая научилась отъ флорентинцевъ считать на *centesimi*, англійскаго дипломата отъ греческаго *chargé d'affaires*, шотландскаго баронета отъ нѣмецкаго учителя или французскаго журналиста.

Въ особенности наши *maîtres d'hôtel* могутъ похвалиться чутьемъ, который сдѣлалъ бы честь любой охотничьей собакѣ нашего короля-охотника. Они отлично знаютъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ для путешественника поставить вверхъ дномъ всю гостинницу, когда выпроводить его за дверь, увѣряя, что все занято или же отправить его на чердакъ гостинницы. При видѣ тѣхъ процессій иностранцевъ, которые ежедневно посѣщали въ прошлые мѣсяцы наши галлереи, сердца флорентинцевъ ликовали въ надеждѣ, что вернулось доброе старое время; что Провидѣніе снова станетъ посылать имъ ежегодно цѣлыя колоніи англійскихъ лордовъ и русскихъ князей, которые станутъ обогащать мѣстныхъ жителей. Добрый синдикъ, заботящійся о нуждахъ города, станетъ давать блистательныя празднества для вящшаго привлеченія иностранцевъ, и мѣстные жители заживутъ на славу. Но добрые флорентинцы упускаютъ изъ виду, что въ доброе старое время жизнь вообще стоила гораздо дешевле. Что вино, за которое они платили въ тѣ времена всего двадцать *centesimi* за литръ, теперь стóитъ въ пять разъ больше; хлѣбъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоилъ 7 *centesimi* фунтъ, теперь стóитъ слишкомъ вдвое; квартиру, за которую бывало платили сто франковъ, теперь едва ли наймешь за триста. Къ довершенію всего этого имъ не приходилось платить столько налоговъ. Въ настоящее же время, за исключеніемъ воздуха, которымъ мы дышемъ, мы платимъ налоги со всего, что только находитъ обращеніе и обмѣнъ. Во-первыхъ, мы платимъ за домъ, которымъ владѣемъ или въ которомъ живемъ 33% на 100. Затѣмъ съ почвы, которую мы обработываемъ, худо ли хорошо ли, приходится платить 43% съ предполагаемаго дохода. Затѣмъ, чтобы смолоть мѣшокъ зерна, мы должны заплатить 8%, затѣмъ за право ввоза его въ городъ взимается 33% пошлины. Мы платимъ большой налогъ съ соли и съ табаку. Таможенныя пошлины значительно увеличиваютъ цѣну привозныхъ продуктовъ, такъ что итальянскій гражданинъ, за счастіе быть управляемымъ настоящимъ правительствомъ, платитъ около 80% съ того, что заработываетъ. Это просто чудовищное явленіе, и нужно итальянское терпѣніе, чтобы переносить спокойно такое положеніе вещей.

Правда, что Италія сплотилась воедино, правда, что у ней есть войско и флотъ, все значеніе которыхъ однако ей до сихъ поръ неизвѣстно. У ней есть школы, которыя однако не мѣшаютъ числу безграмотныхъ въ Италіи превосходить десять милліоновъ. У ней есть желѣзныя дороги (которыя впрочемъ управляются очень дурно, такъ что по собраннымъ надняхъ справкамъ касательно римскихъ желѣзныхъ дорогъ, получилось утѣшительное извѣстіе, что если не найдутъ способа ссудить ихъ пятьюдесятью милліонами, до истеченія восьми мѣсяцевъ, то онѣ не въ состояніи будутъ продолжать своего дѣла). Но всѣ эти блага не могутъ долѣе вознаграждать за такой ненормальный и критическій экономическій порядокъ. Необходимо, чтобы итальянцы устроились на новый ладъ и чтобы они примирились съ идеей ограничить расходы правительства и перейти къ его простѣйшей формѣ. Но прежде, чѣмъ совершится подобная реформа, не только насъ, но и дѣтей нашихъ не будетъ въ живыхъ, потому что предразсудки легко прививаются, но туго искореняются. А пока дѣла идутъ такимъ образомъ, слѣдуетъ учиться жить какъ можно лучше и конечно для того, чтобы жить лучше, намъ мало выгодъ, доставляемыхъ посѣщеніями иностранцевъ. Поэтому для тѣхъ изъ нашихъ городовъ, которые, благодаря своимъ сокровищамъ искусствъ, сдѣлались какъ бы гостинницей для пріѣзжающихъ, я считаю пребываніе иностранцевъ особенно пагубнымъ. Иностранцы пріѣзжаютъ сюда съ простой цѣлью тратить деньги, какъ имъ заблагоразсудится, и веселиться; но флорентинецъ, которому нравится добывать съ малымъ трудомъ иностранное золото, легко утрачиваетъ любовь и привычку къ серьезному труду и ему кажется совсѣмъ нестерпимымъ, когда разъѣдутся иностранцы, работать по цѣлымъ днямъ для того, чтобы содержать себя и свое семейство. Иностранецъ развлекаетъ флорентинца, но не занимаетъ его. Послѣдній уже по природѣ своей неусидчивъ и не можетъ устоять передъ искушеніемъ бросить свою работу и бѣжать на улицу, а при случаѣ и протягивать руку, заслышавъ стукъ проѣзжающаго экипажа или же услыхавъ про празднество, которое затѣвается, по случаю пріѣзда графини А. или княгиии Б.

Синдикъ же Флоренціи, вмѣсто того, чтобы пріучать населеніе къ труду, радуется суетнымъ похваламъ, которыя расточаютъ ему ежедневно пережившія существованіе двора во Флоренціи газеты (*La Nazione*, *La Gazetta d'Italia*, *la Gazetta Toscana* и *la Gazetta del popolo di Firenze*) за тѣ китайскія церемоніи, съ какими онъ встрѣчаетъ пріѣзжихъ именитыхъ и могущественныхъ иностранцевъ, и довольствуется тѣмъ, что всѣ толкуютъ на разные лады: Флоренція веселится! Но спрашивается: способствуетъ ли процвѣтанію Флоренціи то обстоятельство, что иностранцы въ ней веселятся и можетъ ли населеніе, не питающееся мясомъ, потому что оно слишкомъ дорого, а

довольствующееся желудями и треской, проявить энергію, не говорю уже на великія дѣла, но просто на упорный трудъ. Новые правители Флоренціи заслуживаютъ, безъ всякаго сомнѣнія, похвалы за тѣ заботы, съ которыми они въ послѣднія десять лѣтъ старались украсить, расширить городъ и сдѣлать пребываніе въ немъ болѣе комфортабельнымъ. Иностранецъ едва ли найдетъ другой, болѣе красивый городъ, чѣмъ этотъ. Древніе и новые элементы сочетаются въ немъ самымъ удачнымъ образомъ, и если древняя флорентинская энергія исчезла безслѣдно, то того же нельзя сказать про флорентинскій вкусъ. Новое мѣсто для гулянья не имѣетъ себѣ подобнаго въ Европѣ, и устроено новымъ флорентинскимъ муниципалитетомъ. Воздухъ свободнѣе гуляетъ по расчищеннымъ улицамъ города и свѣтъ обильнѣе проникаетъ въ нихъ. Но всего этого еще недостаточно для благосостоянія флорентинца, а вотъ это послѣднее и должно бы составлять главную заботу здѣшняго муниципалитета. Слѣдовало бы разбудить сонную промышленность и расширить торговлю этого города. Богатство сдѣлало древнюю Флоренцію великой; но милостыни иностранцевъ не обогатятъ Флоренціи; только попы и монахи умѣютъ обогащаться на счетъ легкаго ремесла сбиранія милостыни. Во Флоренціи необходимо увеличить способы труда, открыть новыя отрасли промышленности, умножить школы и сдѣлать ихъ болѣе практичными, болѣе плодотворными. Въ настоящее время въ Италіи школа потребляетъ больше, чѣмъ производитъ; необходимо изучить способы приспособленія обученія къ потребностямъ жизни.

Во Флоренціи существуютъ школы дѣтскія, элементарныя, техническія, гимназіи, лицеи, университетъ. Курсъ ученія можетъ считаться полнымъ. Но я, рискуя прослыть за софиста, держусь того мнѣнія, что для культуры и благоденствія тосканцевъ было бы лучше, еслибы во Флоренціи вовсе не существовало техническихъ и высшихъ заведеній, гимназій и лицеевъ, но чтобы элементарныя школы за то были посѣщаемы всѣми и чтобы преподаваніе въ нихъ было настолько раціональнымъ, чтобы каждый ребенокъ, выходя изъ школы, выносилъ изъ нея любовь къ знанію и потребность примѣненія на практикѣ того, чему онъ научился. Элементарная школа обнимаетъ весь курсъ ученія и могла бы вполнѣ удовлетворить потребностямъ массы. Но вмѣсто этого мы видимъ, что школы, стоящія выше элементарныхъ, по большей части плохо повторяютъ то, что плохо преподавалось въ элементарной школѣ, такъ что обученіе, вмѣсто того, чтобы идти прогрессивно, топчется на одномъ мѣстѣ. Ученикъ тратитъ много времени, но пріобрѣтаетъ мало знаній: 15-лѣтній юноша, по выходѣ изъ гимназіи, столько же знаетъ изъ географіи, сколько шестилѣтній ребенокъ, покидающій дѣтскій пріютъ. Система образованія ошибочная; образованіе дается меньшинству, а не большинству,

да и самое меньшинство теряетъ драгоцѣнное время на то, чтобы научиться въ теченіи многихъ лѣтъ тому, что́, при хорошемъ преподаваніи, оно могло бы усвоить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Было бы полезнѣе, еслибы въ Италіи, гдѣ провинціи и города имѣютъ свою собственную и весьма разнообразную физіономію, введено было также и мѣстное обученіе, приспособленное къ спеціальнымъ способностямъ, къ различнымъ свойствамъ и къ мѣстнымъ потребностямъ населенія. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Туринѣ слѣдуетъ устремить особенное вниманіе на механику, въ Венеціи на морское дѣло, во Флоренціи на искусства. Желаніе же уравнять преподаваніе и вездѣ ввести одинаковый порядокъ, такъ чтобы во Флоренціи, напримѣръ, дѣлалось тоже самое, что и въ Туринѣ или въ Римѣ, неосторожно и можетъ повести къ пагубнымъ результатамъ. Это можно было видѣть недавно на неудачной попыткѣ основать во Флоренціи *Circolo filologico (Филологическое общество)* въ подражаніе тому, какое существуетъ въ Туринѣ.

Подъ этимъ, довольно претенціознымъ названіемъ, *Circolo filologico*, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была основана въ Туринѣ школа новѣйшихъ языковъ. Въ Туринѣ ежегодно болѣе тысячи студентовъ посѣщаетъ университетъ и затѣмъ существуетъ множество негоціантовъ, которые ведутъ постоянныя и значительныя торговыя дѣла съ Франціей, Германіей и Англіей. Отсюда является потребность изучать языки этихъ трехъ странъ, съ которыми торговыя сношенія особенно оживлены; отсюда возникла надежда въ основателяхъ *Circolo filologico*, что школа ихъ можетъ разсчитывать на успѣхъ. И дѣйствительно, слушателей оказалось такъ много, что въ скоромъ времени школѣ пришлось расширить свою программу и къ вышеупомянутымъ тремъ языкамъ присоединить еще языки русскій, испанскій, румынскій и новѣйшій греческій. Въ нынѣшнемъ году введенъ еще курсъ сравнительной филологіи, который читается молодымъ пьемонтскимъ филологомъ докторомъ Доменико Пецци, который извѣстенъ многими лингвистическими трудами. Онъ намѣренъ съ будущаго мѣсяца издавать въ Туринѣ, вмѣстѣ съ докторомъ Джузеппе Мюллеромъ, профессоромъ языкознанія и литературы въ туринскомъ университетѣ, *Филологическое обозрѣніе.* Въ Туринѣ *Circolo filologico* имѣло свою *raison d'être*, потому что могло разсчитывать, что разъ школа будетъ открыта, явятся и ученики. Но во Флоренціи дѣло обстоитъ иначе; здѣшніе негоціанты столь же непредпріимчивы, сколь предки ихъ были смѣлы. Эти послѣдніе отправлялись на край свѣта въ погоню за богатствомъ: современные же флорентинскіе купцы неохотно переносятъ свою торговлю за предѣлы Тосканы. По этой причинѣ тосканскія желѣзныя дороги бездѣйствуютъ. По этой же причинѣ Ливорнскій портъ совсѣмъ почти не оживленъ. Слѣдовательно

основаніе во Флоренціи *Circolo filologico*, въ подражаніе туринскому, было чистѣйшей ошибкой: негоціантамъ незачѣмъ учиться языкамъ, вполнѣ для нихъ безполезнымъ, да и самихъ студентовъ очень мало во Флоренціи. Въ то время, какъ туринскій университетъ посѣщается ежегодно слишкомъ 1000 студентами, институтъ высшихъ наукъ во Флоренціи насчитываетъ всего 50, изъ которыхъ быть можетъ шестая часть тосканцы. Въ саду Италіи, какъ называютъ Флоренцію, учатся мало; быть можетъ потому, что флорентинцы воображаютъ, что подобно Минервѣ, которая вышла во всеоружіи изъ головы Юпитера, они родятся образованными. Благодаря этой иллюзіи, немногіе даютъ себѣ трудъ учиться чему-нибудь. У флорентинскаго *Circolo filologico* не будетъ недостатка въ профессорахъ и школахъ, но что касается учениковъ, то они будутъ весьма рѣдки *in gurgite vasto*. У общества будетъ много залъ для чтенія, снабженныхъ иностранными журналами, но читателей будетъ приходиться по одному на каждую залу, и такимъ образомъ сдѣланныя затраты принесутъ мало барыша. Флорентинскій синдикъ—основатель этого новаго общества, и предсѣдательствуетъ въ немъ, такъ какъ имѣетъ обыкновеніе становиться во главѣ каждой новинки, какая только затѣвается во Флоренціи, въ надеждѣ получить значительное муниципальное пособіе. Но такъ какъ главная его забота состоитъ въ томъ, чтобы иностранцы, проѣзжающіе черезъ Флоренцію, могли засвидѣтельствовать, что Флоренція оживлена, славна и процвѣтаетъ, то первымъ дѣломъ синдика-предсѣдателя было распорядиться, чтобы въ залахъ *Circolo filologico* читались лекціи, на которыя приглашались бы знатнѣйшіе иностранцы, находящіеся проѣздомъ во Флоренціи. Такимъ образомъ, прочитаны были пять или шесть лекцій нѣсколькими замѣчательными личностями, стяжавшія громкія рукоплесканія. Одинъ русскій совѣтникъ, много путешествовавшій по Малой-Азіи, прочиталъ описаніе своихъ путешествій. Одинъ франко-нѣмецкій писатель (Карлъ Гильдебрандъ) говорилъ о сравнительномъ языковѣдѣніи и сравнительной литературѣ. Одинъ веронецъ (профессоръ Гаетано Трецца) разсуждалъ о сравнительной миѳологіи. Профессоръ Ансельмо Северини говорилъ о нѣкоторыхъ филологическихъ феноменахъ. Сициліецъ профессоръ Микеле Амари—о мусульманахъ въ Сициліи и о вліяніи, какое оказали на Италію ихъ языкъ и ихъ литература. Всѣ лекціи были интересны, и всѣ лекторы оказались весьма талантливыми людьми, но нельзя сказать, чтобы эти лекціи дѣлали честь самимъ флорентинцамъ, такъ какъ всѣ лекторы уроженцы другихъ частей Италіи, а двое изъ нихъ даже иностранцы. Кромѣ того подобныя лекціи, прочитанныя передъ многочисленной публикой, хотя и отличаются двумя качествами: популярностью и изяществомъ, но приносятъ мало пользы.

Такія лекціи развлекаютъ слушателя, но не даютъ ему никакихъ солидныхъ знаній. Это не болѣе какъ уступка дилеттантизму.

Гораздо полезнѣе было бы основать во Флоренціи такое общество, которое, имѣя въ виду артистическій вкусъ, которымъ всѣ флорентинцы отличаются по природѣ, изучало бы всѣ возможные способы утилизировать его и старалось примѣнять артистичность флорентинцевъ на улучшеніе всѣхъ отраслей промышленности, которыя процвѣтаютъ въ другихъ провинціяхъ Италіи. Этимъ путемъ возможно было бы подготовить великую будущность для Флоренціи. Тоскана—колыбель искусствъ: она могла бы выручать большіе барыши, переработывая грубыя произведенія и сырые продукты другихъ итальянскихъ провинцій, усовершенствуя ихъ и придавая имъ артистическую форму. Поэтому Флоренція нуждается не въ филологическомъ обществѣ, а въ артистическомъ, которое бы съумѣло извлечь всю пользу изъ артистическаго генія флорентинцевъ. Такое учрежденіе принесло бы дѣйствительную честь и пользу Флоренціи, которой мало проку въ болѣе или менѣе ученыхъ диссертаціяхъ, происходящихъ въ залахъ филологическаго общества.

Нельзя не похвалить заботливости, съ какой флорентинскій муниципалитетъ старается улучшить экономическія условія, а слѣдовательно также и нравственныя, здѣшняго института высшихъ наукъ. Благодаря иниціативѣ синдика, ежегодный бюджетъ флорентинскаго университета повышенъ съ 360,000 фр. на 500,000. Увеличивая средства университета, имѣлось въ виду увеличить число каѳедръ, обогатить физическій кабинетъ и естественно-историческій музей и улучшить весь порядокъ преподаванія. Но съ какой цѣлью основано заведеніе, которое теперь хотятъ преобразовать? Когда тосканское временное правительство, изгнавъ великаго герцога, задумало основать во Флоренціи высшее учебное заведеніе, его первой мыслью было создать усовершенствованную университетскую школу. Съ этой цѣлью основаны были нѣкоторыя каѳедры, несуществующія въ другихъ университетахъ и приглашены были профессора, пользовавшіеся большой извѣстностью, какъ, напр., Амари на каѳедру арабскаго языка, Парлаторе на каѳедру ботаники, Буфалини и Пучинотти на каѳедру медицины, и Магрини на каѳедру физики. Но на практикѣ оказалось, что для привлеченія студентовъ необходимо приспособить программу преподаванія къ общимъ университетскимъ программамъ. Убѣдившись затѣмъ, что студенты все-таки охотнѣе посѣщаютъ древній, историческій университетъ Пизы, чѣмъ новѣйшій во Флоренціи, рѣшили не читать лекцій для студентовъ, но читать публичныя лекціи для массы народа. Такъ длилось съ 1862 г. по 1867 г. Профессора старались наперерывъ другъ передъ другомъ залучить побольше публики и отличиться своимъ краснорѣчіемъ, но зачастую это краснорѣчіе шло въ ущербъ на-

укѣ. Благородные посѣтители были благодарны профессорамъ за то, что тѣ съ любезностью приспособляли науку къ ихъ уму и пониманію и порою довольствовались тѣмъ, что спали во время лекціи и просыпались лишь къ ея концу, когда лекторъ считалъ своей обязанностью произнести какую-нибудь жаркую тираду, причемъ публика оказывала особое предпочтеніе къ тѣмъ тирадамъ, которыя оканчивались неизбѣжнымъ предсказаніемъ о появленіи короля Виктора Эммануила на *Campidoglio*. Въ 1867 г. министръ народнаго просвѣщенія Микеле Коппино нашелъ, что государство слишкомъ дорого платитъ за удовольствіе содержать ораторовъ для благородныхъ посѣтителей института высшихъ наукъ, и предпочелъ превратить послѣдній въ простой университетъ. Преобразованіе благодѣтельно сказалось на преподаваніи и въ послѣднія пять лѣтъ въ институтѣ больше учатъ, чѣмъ занимаются декламаціей. Увидимъ теперь, къ какимъ результатамъ приведутъ новыя, задуманныя реформы. Въ тотъ моментъ, какъ я пишу, въ городскомъ лагерѣ царствуетъ раздоръ: флорентинскій синдикъ желаетъ, чтобы институтъ служилъ высшей наукѣ, независимо отъ всякой заботы о профессіональной карьерѣ. Профессоръ Виллари, одинъ изъ главныхъ виновниковъ новаго проекта и деканъ филологическаго и философскаго факультета института, напротивъ того, желаетъ, чтобы институтъ превратился въ высшую нормальную школу, наилучшую, наибогатѣйшую и наипривилегированнѣйшую, изъ которой бы выходили историки, филологи, философы, медики, физики и математики.

Проектъ Виллари практичнѣе, а проектъ Перуцци идеальнѣе. Увидимъ, который возьметъ верхъ; но я боюсь, чтобы они не слились воедино къ великому ущербу для народнаго просвѣщенія. Но здѣсь опять всѣ усилія властей къ распространенію образованія не поведутъ къ особенно блистательнымъ результатамъ, если со стороны самихъ флорентинцевъ не окажется поддержки этимъ усиліямъ. Въ настоящее время любовь къ наукѣ выказывается во Флоренціи весьма слабо. На словесномъ и философскомъ факультетѣ, напримѣръ, изъ десяти профессоровъ, только трое тосканцы; остальные уроженцы другихъ частей Италіи, Пьемонта, Ломбардіи, Сициліи, Неаполя и проч. Институтъ насчитываетъ не болѣе трехъ-четырехъ ученыхъ изъ флорентинскихъ уроженцевъ. Флорентинскія библіотеки посѣщаются гораздо болѣе пріѣзжими изъ другихъ итальянскихъ провинцій, чѣмъ мѣстными уроженцами. Что же это доказываетъ? Конечно не то, чтобы флорентинцы были неспособны ни къ какой культурѣ, но то, что они не получаютъ культуры, соотвѣтствующей ихъ способностямъ, ихъ стремленіямъ и ихъ потребностямъ, и что на этомъ пунктѣ университетское образованіе нуждается въ реформѣ, для того, чтобы стать производительнѣе.

Нѣтъ другого города въ Италіи, который былъ бы богаче Флоренціи артистическими и литературными сокровищами, но печально, что при такомъ богатствѣ городъ остается нищенскимъ. Онъ не умѣетъ воспользоваться своими богатствами и воображаетъ, что всѣ его рессурсы заключаются въ иностранцахъ, которые нанимаютъ чичероне для осмотра галлерей, библіотекъ и музеевъ и которые заказываютъ копіи съ какихъ-нибудь античныхъ портретовъ праздношатающимся артистамъ. По большей части даже флорентинскія сокровища остаются неизвѣстными мѣстнымъ жителямъ. Необходимо, чтобы пришли нѣмцы и, порывшись въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, указали на тотъ или другой драгоцѣнный документъ, или посѣтивъ наши церкви и наши дворцы указали, что та или другая картина, позабытая въ какомъ-нибудь углу, принадлежитъ кисти стариннаго и знаменитаго мастера.

Другимъ великимъ рессурсомъ обладаютъ флорентинцы въ сокровищахъ итальянскаго языка, которымъ они одни владѣютъ во всей его чистотѣ. Еслибы они принялись писать такъ, какъ они говорятъ, то могли бы легко занять мѣсто первѣйшихъ писателей въ Италіи и могли бы обогатиться на своихъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ. Между тѣмъ, въ настоящее время ихъ повременныя изданія являются самыми ничтожными въ цѣломъ полуостровѣ, а книгъ они почти вовсе не издаютъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ вышло всего только двѣ книги, которыя нашли много читателей: одинъ томъ очерковъ синьора Діего Мартелли и одинъ томъ сонетовъ на пизанскомъ нарѣчіи соч. Ренато Фучини. Въ то время какъ въ Италіи каждая новая книга едва ли расходится болѣе, чѣмъ въ 500 экземплярахъ, первая изъ вышеупомянутыхъ книгъ разошлась до сихъ поръ въ количествѣ 1500 экземпляровъ, а вторая въ 4,000 экземплярахъ. Оба автора были совсѣмъ неизвѣстны, но достаточно было того, что они оба тосканцы и что книги ихъ написаны хорошо, чтобы обезпечить за ними успѣхъ. Такимъ образомъ, издавая хорошія книги, флорентинцы могли бы дѣлать выгодныя дѣла. Уроженцы другихъ мѣстностей, вмѣсто того, чтобы изучать флорентинское нарѣчіе по старымъ флорентинскимъ классикамъ, изучали бы его по новѣйшимъ флорентинскимъ хорошимъ книгамъ, еслибы таковыя издавались. Ремесло писателя, благодаря этому обстоятельству, могло бы быть выгоднѣе въ этой провинціи, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ.

Кромѣ того флорентинцы могли бы извлекать большія выгоды изъ своего народнаго комическаго театра, если бы приложили къ нему нѣкоторое стараніе. Если существуютъ драматическія труппы пьемонтскія, ломбардскія, венеціанскія, неаполитанскія, которыя играютъ комедіи, написанныя на пьемонтскомъ, ломбардскомъ, венеціанскомъ, неаполитанскомъ нарѣчіяхъ, то несомнѣнно могли бы имѣть успѣхъ

и тѣ антрепренеры и драматическіе писатели, которые предлагали бы публикѣ различныхъ итальянскихъ городовъ комедіи, написанныя на народномъ, флорентинскомъ нарѣчіи.

D. G.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Тьеръ и фракціи національнаго собранія.

20-го іюня, 1872 г.

Предназначенъ ли Тьеръ судьбою спасти насъ или же окончательно погубить? Вотъ вопросъ, который невольно задаешь себѣ порою, когда размышляешь о политикѣ нашего президента или же поражаешься выходками, отъ которыхъ преклонныя лѣта не всегда спасаютъ его. Конечно,—и я неоднократно настаивалъ на этомъ пунктѣ,—онъ оказалъ отечеству неоцѣненныя услуги, и какія бы упреки ни навлекъ онъ на себя съ теченіемъ времени, а не одинъ французъ не долженъ забывать, что Тьеръ извлекъ Францію изъ той бездны, куда повергла ее война, что одинъ онъ способенъ былъ это совершить, что одинъ онъ могъ принять отвѣтственность за невыгодный, но необходимый миръ; одинъ онъ могъ привлечь, установить довѣріе внутри страны и извнѣ; наконецъ, по всей вѣроятности, одинъ онъ сможетъ довести до вожделѣннаго конца новые переговоры съ Германіей. Но порою невольно кажется, что онъ намѣренъ заставить страну дорого заплатить за эти великія услуги, а не то, пожалуй, привести ихъ къ нулю ошибками, по истинѣ, необъяснимыми. Я меньше, чѣмъ другіе, возмущаюсь его деспотическими пріемами и злоупотребленіемъ личной силой. Въ сущности мы конечно живемъ подъ управленіемъ гораздо болѣе абсолютнымъ, чѣмъ управленіе имперіи. Но вѣдь и обстоятельства сложились совсѣмъ исключительныя; Франція далеко не пришла въ нормальное состояніе, и диктатура была бы, пожалуй, до нѣкоторой степени вещь не лишняя, будь это разумѣется диктатура, направленная къ общему благу. Но въ томъ-то и бѣда, что диктатура Тьера слишкомъ смахиваетъ на личный произволъ. Президентъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, чтобы навязывать странѣ свои идеи и даже свои предразсудки, не терпя ни малѣйшаго противорѣчія, не допуская даже предположенія, что идеи другихъ людей достойны выдержать параллель съ его идеями. По его мнѣнію, есть нѣчто недоступное критикѣ и обсужденію,—это его собственная мысль, и нѣчто

другое, ихъ недостойное, — это мысль тѣхъ, кто ему возражаетъ. Во Франціи нѣтъ ни одного депутата, ни одного политическаго писателя, за которымъ бы Тьеръ признавалъ какое-нибудь значеніе, и нѣтъ такихъ, которыхъ бы онъ не считалъ пошлыми или даже опасными безумцами, какъ скоро они расходятся съ нимъ во мнѣніи. То, что я теперь говорю, слѣдуетъ принимать буквально, слѣдуетъ вполнѣ усвоить себѣ и никогда не упускать изъ вида, если желаешь найти ключъ къ поступкамъ Тьера. Этимъ, а не чѣмъ инымъ, объясняется странный характеръ нѣкоторыхъ назначеній въ административномъ мірѣ и даже въ дипломатическомъ корпусѣ. Разъ принято, что всѣ люди одинаково глупы,—становится понятнымъ и то, что выборъ не можетъ имѣть никакого значенія. Точно такъ и послѣдняя выходка Тьера въ собраніи и его новая угроза, что онъ подастъ въ отставку, объясняются только его крайней самонадѣянностью. Ему вовсе не было надобности особенно налегать на депутатовъ, чтобы навязать имъ свою военную систему. Дѣло его было выиграно заранѣе; собраніе вполнѣ подчинилось ему. Но пренія длились слишкомъ долго; они раздражили его до такой степени, что заставили выдти изъ себя. Ему казалось противнымъ, возмутительнымъ, что онъ, историкъ Наполеона I, статскій Жомини, болѣе компетентный въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ послѣдній; онъ, высшій и непогрѣшимый авторитетъ въ дѣлѣ военной организаціи и даже командованія, онъ вынужденъ выслушивать длинныя рѣчи, исполненныя, по его мнѣнію, непроходимыхъ пошлостей. Онъ вознегодовалъ, онъ вышелъ изъ себя и произвелъ извѣстный вамъ скандалъ, рискуя поколебать общественное довѣріе, рискуя повергнуть Францію въ смертельную тревогу и еще сильнѣе уронить въ общественномъ мнѣніи злополучное національное собраніе, которое и безъ того не пользуется никакимъ авторитетомъ, но безъ котораго между тѣмъ невозможно обойтись, пока мы не раздѣлаемся съ нѣмцами окончательно. Въ самомъ дѣлѣ можно опасаться, что новое собраніе свергнетъ власть Тьера и разстроитъ соглашеніе, къ какому могутъ придти оба правительства и даже поколебать самый Франкфуртскій договоръ. Итакъ, необходимо, чтобы настоящій порядокъ дѣлъ продлился до тѣхъ поръ, пока договоръ не будетъ исполненъ во всей точности. Такъ думаютъ и сами нѣмцы, если свѣдѣнія, которыя я имѣю, основательны. Они намѣрены, говорили мнѣ, внести въ условія договора по освобожденію территоріи, что сила этого договора тѣсно связана съ существованіемъ правительства Тьера, то-есть, другими словами, если бы Тьеръ удалился отъ дѣлъ раньше, чѣмъ освобожденіе совершилось окончательно, то оно было бы немедленно пріостановлено до тѣхъ поръ, пока нѣмцы не согласились бы съ новымъ правительствомъ на счетъ выполненія Франціей послѣднихъ обязательствъ. Между тѣмъ продленіе власти Тьера тѣсно связано съ

существованіемъ собранія. Президентъ, конечно, могъ бы быть избранъ вторично, но на это отнюдь нельзя разсчитывать. Напротивъ того весьма вѣроятно, что его смѣнилъ бы Гамбетта, въ случаѣ чисто республиканскихъ выборовъ. Слѣдовательно необходимо, чтобы собраніе оставалось на своемъ постѣ; по возможно ли это? Вотъ вопросъ, который невольно задаешь себѣ, когда видишь, до какой степени насилія Тьера и его собственныя ошибки уронили его въ общественномъ мнѣніи. Не думайте, чтобы, порицая Тьера, я желалъ снять отвѣтственность съ собранія. Это послѣднее, хотя несомнѣнно воодушевленное такимъ же патріотическимъ духомъ, какъ и Тьеръ, еще виновнѣе чѣмъ этотъ послѣдній. Въ числѣ ошибокъ, которыя оно безпрестанно повторяетъ, самая грубая и самая пагубная заключается въ томъ, что оно не умѣетъ отдать себѣ яснаго отчета въ положеніи, какое оно занимаетъ относительно Тьера и постоянно выказываетъ стремленіе низвергнуть его, когда это внѣ его власти; да къ тому же ему не слѣдовало бы этого дѣлать даже и въ такомъ случаѣ, еслибы оно могло, потому что всякая перемѣна въ настоящую минуту повлекла бы за собой величайшія опасности. Конечно, собраніе считаетъ себя вправѣ негодовать на Тьера; оно можетъ упрекнуть президента въ деспотическихъ замашкахъ и въ другихъ винахъ, которыя хотя и не такъ основательны, но тѣмъ не менѣе близко задѣваютъ его. Оно (то-есть большинство собранія) полагало, что дастъ Тьеру двойное полномочіе, во-первыхъ заключить миръ, а во-вторыхъ, возстановить монархію. Никакого условія относительно этого послѣдняго пункта не было формулировано; но собраніе, — и въ этомъ заключается его ошибка, — видѣло въ Тьерѣ естественнаго главу всѣхъ монархическихъ партій. Тьеръ же отнюдь не годился для этой роли и тѣмъ, кто его хорошо зналъ, давно было извѣстно, что онъ будетъ напротивъ того весьма опаснымъ соперникомъ для всѣхъ монархическихъ партій, въ особенности же орлеанистской.

Причина этому весьма проста; она лежитъ въ характерѣ Тьера, который не можетъ выносить первенства надъ собой. По этой самой причинѣ онъ не могъ оставаться долго главою кабинета при Луи-Филиппѣ. Въ 1848-мъ году онъ также бы искренно отдался республикѣ, если-бы она догадалась избрать его президентомъ, до чего, къ сожалѣнію, тогдашніе республиканцы не додумались. Вслѣдствіе того именно, что они устранили его въ эту эпоху, онъ сталъ во главѣ монархической партіи. Такъ и въ настоящее время, если большинство собранія желало удержать его своимъ вождемъ, ему не слѣдовало ставить Тьера во главѣ управленія, а между тѣмъ это было-бы противорѣчіемъ и полнѣйшей невозможностью, потому что кромѣ него не существовало другого кандидата. Впрочемъ, повторяю, онъ никого не обманывалъ и не только не бралъ на себя никакого обязательства, но

и всѣ его рѣчи, всѣ разговоры, въ которыхъ онъ высказывался съ такой полной откровенностью, давно должны были бы просвѣтить на его счетъ коноводовъ монархическихъ партій. Тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе считаютъ себя обманутыми: они кричатъ про измѣну и считаютъ Тьера перебѣжчикомъ. Убѣжденные, что въ республикѣ заключается погибель Франціи, они съ нетерпѣніемъ переносятъ и даже, лучше сказать, вовсе не выносятъ, что республику поддерживаетъ тотъ самый человѣкъ, котораго они избрали съ цѣлью покончить съ ней. Отсюда происходитъ постоянная вражда, которая выражается время отъ времени въ безплодныхъ и глупыхъ попыткахъ. Въ самомъ дѣлѣ, само большинство не въ состояніи совершить того, чего не дѣлаетъ Тьеръ къ неудовольствію большинства: оно не можетъ возстановить монархіи. Между тѣмъ какъ, большинство, къ нашему несчастью, высказываетъ замѣчательное единодушіе въ вопросахъ религіозныхъ, относительно которыхъ оно проявляетъ себя ультра-католическимъ, такъ что, напримѣръ, готово каждую минуту вотировать возстановленіе свѣтской власти папы, если бы только правительство допустило это,—оно вполнѣ неспособно придти къ взаимному соглашенію по вопросамъ внутренней политики, и установить не только окончательную форму правленія, но даже назначить временное правительство. И надо сказать, что наиболѣе близкія партіи всего сильнѣе ненавидятъ другъ друга. Каждая предпочитаетъ общее крушеніе торжеству соперника, къ которому она стоитъ ближе всего по своимъ политическимъ мнѣніямъ. Это особенно справедливо относительно легитимистовъ, которые ненавидятъ орлеанистовъ гораздо сильнѣе, чѣмъ радикаловъ и бонапартистовъ. Въ послѣднее время изъ ненависти къ орлеанистамъ они заигрывали съ бонапартистской партіей.

Но разъ обстоятельства сложились такимъ образомъ—а это положеніе дѣлъ совершенно неустранимо, по крайней мѣрѣ въ настоящее время,—большинству слѣдовало бы быть благоразумнымъ и вести себя смирно. Но оно неблагоразумно, и послѣдняя угроза Тьера подать въ отставку послужила для него новымъ поводомъ заняться безплоднымъ дѣломъ сліянія, которое не удалось по прежнему. За невозможностью добиться сліянія, большинство пыталось придумать какую-нибудь временную комбинацію, но и тутъ, къ счастью, ничего не придумало, потому что въ то время, какъ правая ломала надъ этимъ голову, радикалы собранія стакнулись съ радикалами парижскаго муниципальнаго совѣта, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы правой удалось свергнуть Тьера и замѣнить его другимъ лицомъ, оно бы встрѣтилось лицомъ къ лицу съ революціоннымъ правительствомъ. Между Парижемъ и Версалемъ завязалась бы междоусобная война. Объ этой опасности, которая постоянно грозитъ намъ, я уже неоднократно упоминалъ въ своихъ письмахъ.

Убѣдившись вновь въ своей неспособности создать правительство и спасти Францію на свой собственный ладъ, правая затѣяла удивительную штуку. Она придумала отправить депутацію къ президенту и попросить его управлять заодно съ ней, а не помимо ея. Въ числѣ поводовъ къ неудовольствію, которые депутація должна была выставить на видъ Тьеру, важную роль играли выборы, недавно происходившіе въ трехъ департаментахъ и давшіе вновь значительное большинство республиканской партіи. Правая предполагаетъ, что выборы склоняются все болѣе и болѣе въ пользу республиканцевъ, потому что правительство назначаетъ плохихъ префектовъ.

Само собою разумѣется, что плохими префектами правая считаетъ тѣхъ, которые не стоятъ за монархію. Правая заблуждается; правительство мало вмѣшивается въ выборы и не пускаетъ въ ходъ средства, употреблявшіяся при имперіи. Да если бы префекты и захотѣли дѣйствовать наперекоръ общественному мнѣнію, то потерпѣли бы пораженіе. Дѣло въ томъ, что Франція, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, настроена въ республиканскомъ духѣ, хотя разумѣется изъ этого нельзя еще заключить, что у насъ возможно основать прочную республику. Что касается меня, то я продолжаю сильно сомнѣваться въ этомъ, хотя и желаю отъ всей души, чтобы сомнѣнія мои оказались неосновательными. Я не вижу во Франціи республиканскихъ добродѣтелей, но долженъ засвидѣтельствовать, что общественное мнѣніе склоняется въ пользу республики, и именно благодаря ошибкамъ собранія, благодаря замашкамъ реакціонныхъ заговорщиковъ, которые отличаютъ его, и намѣреніямъ, которыя ему приписываетъ злоба враговъ. Низшіе классы и крестьянство, то-есть главная масса избирателей убѣждена, что собраніе стремится возстановить не только монархію, но также и десятины, да пожалуй и самую инквизицію. Отсюда вытекаетъ ихъ республиканскій жаръ, который будетъ все рости въ силу той оппозиціи, которую большинство оказываетъ Тьеру. Но этотъ самый жаръ способенъ обратиться,—конечно, не на монархію,—но на имперію. Монархія считается старымъ порядкомъ, котораго Франція больше не желаетъ; имперія же, напротивъ того, слыветъ за демократическую диктатуру.

Слѣдуетъ прибавить, что этотъ республиканскій жаръ сопровождается по временамъ такими симптомами, какіе могутъ тревожить не только реакціонеровъ собранія, но и либеральныхъ и умѣренныхъ людей. Трое республиканцевъ, избранныхъ въ послѣднее время—люди вполнѣ честные и заслуживающіе уваженія, и еслибы всеобщая подача голосовъ всегда приводила къ такимъ выборамъ, то можно было бы успокоиться на счетъ будущности нашего отечества. Одинъ изъ нихъ богатый промышленникъ сѣвернаго департамента, и выборъ его характеризуетъ, по моему мнѣнію, республиканское настроеніе значительной части

буржуазіи. Къ несчастію, слѣдуетъ различать избирателей отъ избираемыхъ, и несомнѣнно, что на послѣднихъ выборахъ со стороны одной части избирательнаго корпуса дѣлались такія манифестаціи, которыя гораздо ближе подходили къ коммунѣ прошлаго года, чѣмъ къ правительству Тьера. Съ этой точки зрѣнія большинство собранія тревожится основательно, а благоразумные республиканцы быть можетъ неумѣренно радуются и недостаточно остерегаются войны, которую они влекутъ за собою. Правительство съ своей стороны, и Тьеръ въ особенности относится ко всему этому слишкомъ поверхностно и испытываетъ какую-то мальчишескую радость отъ всего, что̀ можетъ ослабить и раздражить большинство. Какъ бы то ни было, но заранѣе предвидѣлось, что торжественное воззваніе большинства къ Тьеру не приведетъ ровно ни къ чему, и даже еще усилитъ распрю, существующую между исполнительною властью и собраніемъ. Большинству никакъ не подобало льстить себя надеждой навязать свои условія Тьеру, какъ разъ послѣ того, какъ оно только-что доказало, что безсильно въ борьбѣ противъ него и желаніи замѣстить его. Трудно понять, какимъ образомъ умные люди, какъ, напримѣръ, де-Брольи, Витѐ, Сен-Маркъ-Жирарденъ не поняли всей нелѣпости такого посольства при подобныхъ условіяхъ. Положеніе Тьера относительно делегатовъ правой было такъ сильно, что онъ могъ бы удовольствоваться легкой насмѣшкой надъ ними, но его природная раздражительность взяла повидимому верхъ и разговоръ вышелъ довольно горячій. Делегаты публиковали родъ небольшого протокола, въ которомъ засвидѣтельствовали съ трескомъ „о разладѣ, существующемъ между большинствомъ и Тьеромъ, касательно принциповъ и дѣйствій консервативной политики“, и объявили, что правая оставляетъ за собой полную свободу дѣйствія, то-есть ту свободу, которой она пользовалась до сихъ поръ неумѣренно во вредъ общественному благу и своему собственному авторитету,—свободу мечтать о сліяніи и придумывать химерическія комбинаціи для замѣщенія Тьера. Президентъ, говорятъ, съ своей стороны очень разсердился и пригрозилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ снова поднять министерскій вопросъ. Будемъ надѣяться, что онъ пощадитъ насъ отъ этой новой тревоги; но толкуютъ объ отставкѣ де-Ларси, нашего министра общественныхъ работъ и единственнаго легитимистскаго члена кабинета. Такимъ образомъ, единственнымъ результатомъ усилій правой будетъ устраненіе единственнаго представителя, насчитываемаго ею въ правительствѣ. Впрочемъ де-Ларси, превосходный человѣкъ, былъ очень плохимъ министромъ.

Если слухъ объ его отставкѣ подтвердится, то любопытно будетъ видѣть, на какой сторонѣ палаты Тьеръ станетъ искать ему преемника.

Вы спросите, быть можетъ: возможно ли среди всѣхъ этихъ дрязгъ вести переговоры съ нѣмцами? А между тѣмъ переговоры эти ведутся,

и какъ слышно довольно удачно. Конечно заемъ, страшный заемъ въ три мильярда, который предстоитъ намъ сдѣлать, будетъ стоить нѣсколько лишнихъ сотенъ милліоновъ. Банкиры не преминутъ сослаться на тревожное положеніе нашихъ дѣлъ, для того, чтобы заставить подороже заплатить за свое содѣйствіе. Но нѣмцы, въ самомъ дѣлѣ, выказываютъ добрыя намѣренія, то-есть я хочу сказать, что намѣренія ихъ настолько прекрасны, насколько этого можно ожидать отъ людей, крайне положительныхъ и ненадѣленныхъ рыцарскими чувствами. Это можно объяснить двумя причинами: желаніемъ поскорѣе окончить ликвидацію всей своей операціи въ силу именно непрочности положенія дѣлъ во Франціи, и во-вторыхъ, какъ я думаю, довольно сильнымъ расположеніемъ Бисмарка къ Тьеру и желаніемъ перваго помочь послѣднему и поддержать его. Совсѣмъ тѣмъ Германія не показываетъ чрезмѣрнаго усердія; она готова сдѣлать уступки, но въ границахъ строгой осторожности, и кажется, что нельзя разсчитывать, чтобы въ 1872-мъ г. нѣмцы очистили больше двухъ департаментовъ изъ тѣхъ шести, которые еще заняты пруссаками. Уступка заключается въ томъ, что потребуется только уплата пяти сотъ милліоновъ, то-есть *шестой* части нашего долга, чтобы добиться очищенія *трети* занятой въ настоящее время территоріи. Но очищеніе не будетъ окончательнымъ: нѣмцы уйдутъ, но французамъ нельзя будетъ замѣнить ихъ, и очищенные департаменты останутся нейтральными до окончательнаго выполненія всѣхъ условій мирнаго договора. Очищеніе другихъ четырехъ департаментовъ произойдетъ, если не ошибаюсь, въ теченіи 1873-го г. при такихъ же условіяхъ и за уплатой двухъ мильярдовъ, такъ что нѣмцы готовы принять гарантіи,—оцѣнка которыхъ впрочемъ присвоивается ими самимъ себѣ—лишь касательно уплаты послѣднихъ пятисотъ милліоновъ. Все это, какъ я уже выше говорилъ, тѣсно связано съ существованіемъ правительства Тьера, такъ что еслибы оно рушилось, то трактатъ немедленно утратилъ бы свою силу по всѣмъ статьямъ, которыя бы оставались еще невыполненными.

Вотъ кажется основанія, на которыхъ ведутся переговоры въ настоящую минуту, и какъ кажется съ надеждой на успѣхъ. Это не то рѣшеніе, о которомъ мечтали нетерпѣливые люди. Но Тьеръ повидимому доволенъ, да я и не знаю, не предпочитаетъ ли онъ въ душѣ постепенное и не особенно поспѣшное очищеніе территоріи немедленному и окончательному удаленію нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкая оккупація является для него весьма выгоднымъ аргументомъ противъ всѣхъ партій; она удерживаетъ ихъ въ приличныхъ границахъ и учитъ терпѣнію. Когда монархисты съ одной стороны, а республиканцы съ другой заявляютъ о своемъ неудовольствіи, Тьеръ говоритъ имъ: „потерпите! у насъ руки связаны, пока Франція несвободна отъ чужеземцевъ! Надо, чтобы Франція была вполнѣ свободна, чтобы располагать

собой". Аргументъ хорошъ и я считаю его неопровержимымъ, но онъ имѣетъ свои худыя стороны, въ томъ отношеніи, что назначаетъ извѣстный срокъ для проявленія всѣхъ политическихъ страстей. Если въ настоящее время онѣ сдерживаются съ такимъ трудомъ, то по удаленіи нѣмцевъ окончательно разнуздаются. То будетъ моментъ великаго внутренняго кризиса, если только предположить, что удастся предотвратить его до того времени. Всего труднѣе продлить существованіе собранія еще на полтора года. Всего проще было бы примѣнить систему частныхъ выборовъ, по третямъ или меньше, благодаря которымъ собраніе обновлялось бы, не переставая существовать. Но объ этомъ никто не думаетъ. Такая умѣренность не въ духѣ французскаго народа. Все, или ничего—вотъ плохой политическій девизъ всѣхъ партій. По уходѣ нѣмцевъ, всѣ партіи потребуютъ всего. Еслибы мнѣ пришлось держать пари за кого-нибудь въ настоящій моментъ, то,—устраняя конечно гипотезу о бонапартистскомъ переворотѣ, — я подержалъ бы пари за Гамбетту, который является настоящимъ бенефиціантомъ послѣднихъ выборовъ и который съ нѣкоторыхъ поръ разыгрываетъ передъ собраніемъ роль предполагаемаго наслѣдника Тьера. У него много итальянской ловкости и хитрости, но это еще не даетъ ему качествъ, необходимыхъ для главы правительства. Онъ съумѣетъ добраться до власти, но не съумѣетъ удержать ее въ своихъ рукахъ.

Ловкость и хитрость—вотъ также главныя качества Тьера, не взирая на его самообольщеніе и всякія рѣзкія выходки. Онъ отлично воспользовался ими при обсужденіи военнаго закона, не на трибунѣ, гдѣ онъ велъ себя просто неловко, потому что разсердился, но въ бесѣдахъ съ отдѣльными группами депутатовъ. Дѣло шло для него о томъ, чтобы дать перевѣсъ своему личному чувству надъ чувствомъ, почти единодушнымъ, одушевлявшемъ всю палату и всю страну. Онъ почти успѣлъ въ этомъ, хотя конечно не настолько, насколько желалъ, потому что долженъ былъ пожертвовать общественному мнѣнію принципомъ замѣщенія (remplacement); однако ему удалось эскамотировать принципъ всеобщей и обязательной воинской повинности. Благодаря Тьеру, у Франціи будетъ войско не на нѣмецкій образецъ, какъ этого всѣ желали, но въ старомъ стилѣ. Всѣ будутъ нести воинскую повинность, но „хорошіе" и „дурные" нумера останутся, какъ и въ прежнее время. Дурные нумера будутъ служить пять лѣтъ, не считая годовъ, проведенныхъ въ резервѣ, а хорошіе —годъ и даже шесть мѣсяцевъ, то-есть почти нисколько. Съ одной стороны это подастъ поводъ къ безчисленнымъ жалобамъ, съ другой стороны—такая система никакъ не дастъ больше 800,000 наличнаго состава. Но Тьеръ не обладаетъ способностью обновлять свои идеи и взгляды. Въ стратегіи, какъ и въ политической экономіи, онъ держится тѣхъ понятій, какія усвоилъ себѣ въ молодости и до сихъ поръ считаетъ армію Наполеона I об-

разцовой. Онъ такъ упрямъ, такъ тупъ, можно сказать, что пренебрегаетъ самыми положительными, самыми очевидными фактами. Такъ, напримѣръ, изъ оффиціальныхъ прусскихъ отчетовъ явствуетъ, что одно время, въ декабрѣ 1870 г., если не ошибаюсь, Германія выставила въ поле 1,100,000 войска. Тьеръ не признаетъ этого. Онъ игнорируетъ эту оффиціальную цифру и утверждаетъ, съ точки зрѣнія своей непогрѣшимой науки, что у Германіи никогда не было больше 900,000. Точно также онъ никакъ не хочетъ признавать ландвера за настоящее войско, хотя опытъ доказалъ противное въ послѣднюю войну. Но какимъ же путемъ съумѣлъ онъ привлечь къ своимъ идеямъ правую, лѣвую и всѣ центры (потому что, не будь его неловкихъ выходокъ съ трибуны, то всѣ безъ исключенія оказались бы на его сторонѣ)? Долженъ сознаться, что уловки, къ какимъ онъ прибѣгалъ, достойнѣе, по моему мнѣнію, ловкаго Фигаро, чѣмъ настоящаго государственнаго человѣка. Онъ бѣгалъ отъ одного къ другому, измѣняя свои доводы, смотря по вкусу каждаго; но вотъ его два главныхъ аргумента: лѣвой онъ говорилъ, что нужно думать о возмездіи, что новая война съ Германіей неизбѣжна въ данномъ и довольно краткомъ промежуткѣ времени, самое позднее, напримѣръ, черезъ пять-шесть лѣтъ. Что необходимо, значитъ, приготовиться къ ней возможно скорѣе; а между тѣмъ такое полное преобразованіе, какъ введеніе всеобщей обязательной повинности, примѣняемой во всей строгости, далеко не дастъ необходимыхъ результатовъ въ ту минуту, когда они потребуются. Что, слѣдовательно, у Франціи явится армія, въ которой будутъ происходить коренныя реформы, то-есть полнѣйшая дезорганизація. Что, слѣдовательно, будетъ гораздо цѣлесообразнѣе призвать одну половину контингента и продержать его пять лѣтъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ получится армія, достаточно подготовленная и внушительная. Правой, которая не столько желаетъ возмездія, сколько опасается красной республики, Тьеръ толковалъ про соціальную борьбу и междоусобицу. Никогда, говорилъ онъ, солдаты, служащіе всего какихъ-нибудь два или три года, не будутъ настолько изолированы, настолько разъединены съ населеніемъ, чтобы рѣшиться стрѣлять по немъ, въ случаѣ нужды. Для такого страшнаго дѣла потребны старые солдаты, солдаты, усвоившіе воинскіе нравы и традиціи, и въ которыхъ заглохли воспоминанія гражданской жизни; потребны *ветераны*, а не *новобранцы*. Вотъ аргументъ, который восторжествовалъ надъ правой, между тѣмъ какъ аргументъ о возмездіи побѣдилъ лѣвую. Я не знаю, которому изъ двухъ Тьеръ придаетъ наибольшее значеніе и мнѣ сдается, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ зло подшутилъ надъ своими слушателями. Конечно, если бы желать во что бы то ни стало возобновить войну въ возможно краткій промежутокъ времени, то система Тьера превосходнѣе, потому что скорѣе и вѣрнѣе дастъ

опредѣленное число хорошо обученныхъ солдатъ. Но неужели Тьеръ дѣйствительно жаждетъ возмездія? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ нѣмцы, повидимому, нисколько не тревожатся на этотъ счетъ. Въ противномъ случаѣ, они не оказывали бы столько довѣрія и, можно даже сказать, предупредительности по отношенію къ Тьеру. Я не хочу этимъ сказать, что Тьеръ неспособенъ хитрить съ нѣмцами, но мнѣ кажется, что князя Бисмарка не такъ-то легко провести и что если онъ вѣритъ въ мирное настроеніе французскаго правительства, то потому, что имѣетъ хорошія на то основанія.

Что касается довода, которымъ Тьеръ привлекъ на свою сторону правую, то онъ не выдерживаетъ критики. Великое іюльское возстаніе 1848 г. было подавлено главнымъ образомъ гардъ-мобилями, которые всего за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ вышли изъ среды населенія, съ которымъ имъ пришлось бороться. Года службы тутъ вовсе ни при чемъ. У насъ поведеніе солдатъ въ подобныхъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ настроено общественное мнѣніе, и съ теченіемъ времени это обстоятельство будетъ все вліятельнѣе.

Теперь, когда военный законъ вотированъ, собранію, полагаю, не придется больше совершить чего-нибудь важнаго до каникулъ. Мнѣ кажется, что собраніе вовсе неспособно теперь приступить къ обсужденію закона объ обязательномъ первоначальномъ обученіи, который впрочемъ не имѣетъ ровно никакихъ шансовъ на успѣхъ, если отношенія между правой и правительствомъ снова не улучшатся. Правая ненавидитъ принципъ обязательности обученія, и если она вотируетъ что-либо въ этомъ смыслѣ, то это будетъ невольной уступкой правительству. Слѣдовательно несомнѣнно, что разъ она не захочетъ дѣлать уступокъ, то не станетъ вотировать законъ. Я полагаю, впрочемъ, что самъ Тьеръ довольно равнодушно къ нему относится. Развитіе просвѣщенія принадлежитъ къ числу тѣхъ новѣйшихъ потребностей, которыя ему мало понятны. Законопроектъ объ обязательномъ обученіи, равно какъ и о воинской повинности, былъ уступкой общественному мнѣнію, высказавшемуся въ этомъ смыслѣ послѣ нашихъ пораженій. Но въ палатѣ быть можетъ только лѣвая, и лѣвый центръ дѣйствительно имъ интересуются.

Самымъ важнымъ дѣломъ настоящаго сезона будетъ заемъ, нѣсколько затрудняемый, какъ я уже говорилъ, злополучными раздорами между собраніемъ и правительствомъ. Тѣмъ не менѣе законъ этотъ состоится на довольно благопріятныхъ условіяхъ, — такъ еще великъ кредитъ Франціи. Никто въ этомъ не сомнѣвается, хотя дѣло идетъ о трехъ мильярдахъ и даже, пожалуй, больше. Если не удовольствоваться цифрой долга нѣмцамъ, то придется потребовать отъ европейскаго кредита новаго займа въ восемьсотъ милліоновъ и даже въ мильярдъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ *счетъ лик-*

видаціи войны, который постоянно увеличивается и долженъ достигать въ настоящее время 700 или 800 милліоновъ. Кромѣ того, по всей вѣроятности окажется довольно значительный дефицитъ по бюджету 1872-го года, да пожалуй бюджетъ 1873-го года, который еще не вотированъ, приведетъ къ такому же результату. Разъ не рѣшились сдѣлать значительныхъ сокращеній по военному бюджету, — необходимо будетъ примириться съ существованіемъ дефицитовъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Между тѣмъ съ Тьеромъ во главѣ правленію нечего было и думать о сокращеніи военнаго бюджета. Онъ считаетъ, что большая армія необходима во всякомъ случаѣ для великой націи. Да, говоря по справедливости, трудно было бы Франціи сократить военныя издержки, когда вся Европа ихъ увеличиваетъ. Такая политика смахивала бы на окончательное отреченіе. Франція, конечно, не должна стремиться къ возмездію во что бы то ни стало, не должна желать новой войны и не можетъ затѣять ее иначе какъ навѣрняка, то-есть заручившись рѣшительными союзниками; но она не должна упускать изъ виду возможность непредвидѣнныхъ событій и должна быть готова воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ. Нѣмцы вѣроятно въ этомъ смыслѣ и понимаютъ миролюбивое настроеніе Тьера, да, въ сущности, если они желаютъ мира, то это уже ихъ дѣло вести свою политику такимъ образомъ, чтобы не создавать себѣ въ Европѣ враговъ, которые были бы естественными союзниками Франціи. Франція сама по себѣ, безъ союзниковъ, безсильна, но тѣмъ не менѣе обязана имѣть внушительную армію. Конечно, такой порядокъ дѣлъ не можетъ продолжаться вѣчно. Если наши бюджеты станутъ постоянно отягощаться, а дефициты рости, между тѣмъ, какъ случая для употребленія въ дѣло арміи не представится, то придется наконецъ прибѣгнуть къ экономіи въ той области, гдѣ она возможна. Но въ этомъ отношеніи всѣ европейскія державы находятся въ равныхъ съ нами условіяхъ; всѣ тратятся на содержаніе арміи не соразмѣрно съ своими нормальными доходами, и если имъ не придется въ извѣстный промежутокъ времени пустить армію въ дѣло, то онѣ должны будутъ ее сократить.

Изложивъ отношенія, существующія между правительствомъ и различными политическими фракціями, обращаюсь теперь къ бонапартистамъ, о которыхъ я такъ часто говорилъ въ моихъ письмахъ. Бонапартисты все еще здравствуютъ, но хотя газеты ихъ отличаются прежней наглостью, члены этой партіи нѣсколько притихли въ данную минуту. Съ одной стороны, какъ я уже кажется упоминалъ раньше, нельзя опасаться какой-нибудь насильственной попытки съ ихъ стороны, пока вопросъ объ очищеніи территоріи не будетъ рѣшенъ окончательно, равно какъ и всѣ счеты съ нѣмцами. Никакая партія, ни даже бонапартисты, не осмѣлятся стать поперегъ этому вопросу. Къ тому же имъ это вовсе невыгодно и гораздо пріятнѣе предоставить другимъ окончательную

ликвидацію войны. Съ другой стороны, ихъ государственный человѣкъ, Руэръ, не выказалъ до сихъ поръ особенной ловкости въ палатѣ. Апологія имперіи, предпринятая имъ по поводу военныхъ поставокъ, не могла увѣнчаться успѣхомъ въ собраніи, гдѣ преобладаетъ анти-бонапартистскій духъ, хотя многіе изъ его членовъ въ послѣднее время, начинаютъ выказывать весьма пагубную снисходительность къ бонапартизму. Я жду, что въ случаѣ дальнѣйшаго раздора между Тьеромъ и правой Руэръ станетъ искать поддержки у этой послѣдней, въ качествѣ представителя „великой партіи порядка". Но сознаюсь, я ожидалъ, что онъ изберетъ совсѣмъ иную роль; я ожидалъ, что онъ при всякомъ удобномъ случаѣ станетъ разыгрывать варіаціи на тему о воззваніи къ народу, такъ какъ въ этомъ заключается самый сильный аргументъ бонапартистовъ. Всѣ отступаютъ передъ плебисцитомъ, потому что опасаются, какъ бы онъ роковымъ образомъ не привелъ къ торжеству бонапартизма. Еслибы пустить на голоса выборъ между республикой, легитимной монархіей, конституціонной монархіей и имперіей, то пожалуй за имперію оказалось бы наибольшее число голосовъ. Но конечно такого случая никогда не представится, потому что ни одно правительство не будетъ настолько просто, чтобы примѣнить общую подачу голосовъ противъ себя. Еслибы Тьеръ захотѣлъ сдѣлать воззваніе къ народу, то онъ поступилъ бы такъ же точно, какъ и Наполеонъ III. Онъ пустилъ бы на голоса только самого себя, то-есть, иными словами сказалъ бы избирателямъ: „изберите меня, или устраивайтесь какъ знаете". При такихъ условіяхъ плебисцитъ былъ бы не менѣе благопріятенъ для него, чѣмъ для Наполеона III. Иные изъ его друзей убѣждаютъ его поступить такимъ образомъ, но, если не ошибаюсь, онъ никогда не прибѣгнетъ къ этому средству, да и хорошо сдѣлаетъ. Такая уловка слишкомъ глупа и безчестна, да къ тому же по отношенію къ бонапартистамъ осталась бы безъ всякаго результата: милліоны голосовъ, высказавшихся за существующее правительство, нисколько не помѣшали бы имъ стремиться низвергнуть это правительство насильственнымъ переворотомъ, предоставляя себѣ, въ случаѣ успѣха, освятить свои дѣйствія новымъ плебисцитомъ. Опасность, заключающаяся въ бонапартизмѣ, вытекаетъ изъ его безсовѣстности и изъ того, что общая подача голосовъ всегда освятитъ совершившійся фактъ. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, мы долго еще не освободимся отъ этого кошмара; и еслибы даже съ лица земли исчезли всѣ Бонапарты до единаго, то опасность постоянно возобновлялась бы подъ инымъ названіемъ, въ лицѣ какого-нибудь смѣлаго и безсовѣстнаго генерала. Потребуется по меньшей мѣрѣ лѣтъ двадцать непрерывнаго существованія республики, чтобы поставить насъ внѣ этой опасности. Суждено ли намъ пережить ихъ? Вотъ вопросъ.

Кстати о безсовѣстныхъ генералахъ: недавно вышелъ новый томъ *документовъ императорской фамиліи,* то-есть документовъ, найденныхъ въ Тюльери послѣ 4-го сентября. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ жестоко компрометтируютъ маршала Базена, процессъ котораго ведется въ настоящее время. Я не знаю, кому принадлежитъ инипіатива этой книги, появленіе которой, говорятъ, очень оскорбило правительство, задумывавшее было даже конфискацію книги, именно вслѣдствіе того положенія, въ какомъ находится маршалъ и необходимости щадить честь всякаго подсудимаго. Правительство 4-го сентября учредило коммиссію для обнародованія всѣхъ этихъ документовъ, нѣкоторое число которыхъ и появилось во время осады Парижа со всей обстановкой оффиціальнаго изданія. Но коммиссія, составленная безъ всякаго разбора изъ мелкихъ литераторовъ и редакторовъ мелкихъ газетъ, очень плохо выполнила возложенное на нее дѣло: она преимущественно хваталась за все пикантное и скандалёзное, пренебрегая тѣмъ, что имѣло дѣйствительный историческій интересъ и не соблюдая никакихъ приличій, на которыя имѣла даже право императорская фамилія, находясь въ несчастіи и ссылкѣ. Въ то же самое время извѣстное число документовъ было присвоено нѣкоторыми членами коммиссіи безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и продано ими различнымъ лицамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ цѣлый чемоданъ, наполненный подобными документами, принадлежавшими или ихъ владѣльцу, или же государству, былъ данъ въ уплату за денежный долгъ. Благодаря недобросовѣстности коммиссіи 4-го сентября, изданія документовъ вскорѣ потеряли всякое значеніе, и когда Тьеръ сталъ во главѣ управленія, то прекратилъ всю операцію. Но время отъ времени у различныхъ издателей появляются сборники этихъ документовъ, заключающіе разныя разоблаченія. Тотъ, который у меня передъ глазами, касается главнымъ образомъ Мексики и содержитъ цѣлую серію писемъ офицеровъ и генераловъ, между прочимъ письмо генерала Феликса Дуэ, которыя сильно компрометтируютъ маршала Базена и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ объ экспедиціи въ Мексику еще худшее понятіе, чѣмъ то, какое составили себѣ о ней враги имперіи. Подлинность этихъ документовъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ генералъ Дуэ не отказался отъ нихъ. Изъ нихъ почти ясно вытекаетъ, что маршалъ Базенъ задавался мыслью сдѣлаться императоромъ или президентомъ Мексики. Общественное мнѣніе давно подозрѣвало его въ этомъ, но никогда еще обвиненіе не было высказано съ такой опредѣленностью и такимъ авторитетнымъ свидѣтелемъ.... Генералъ Дуэ выказывается въ своихъ письмахъ честнымъ человѣкомъ. Онъ, повидимому, съ искреннимъ и вполнѣ основательнымъ негодованіемъ утверждаетъ, что маршалъ поступалъ наперекоръ приказаніямъ императора и удерживалъ войско въ Мексикѣ, изъ личныхъ соображеній, тогда, когда уже рѣшено было ихъ отту-

да вывести. Какъ видите, это составляетъ пагубный антецедентъ для человѣка, призваннаго оправдаться въ обвиненіи, тяготѣющемъ на немъ, что онъ въ Метцѣ эксплуатировалъ общественныя бѣдствія въ интересахъ личнаго честолюбія. Въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно, что если маршалъ дозволилъ себѣ вступать въ переговоры съ пруссаками и посылать эмиссаровъ въ императрицѣ, то именно потому, что надѣялся играть первую роль послѣ заключенія мира, въ качествѣ ли опекуна Наполеона IV, или же совсѣмъ на другихъ условіяхъ. Но между его поведеніемъ въ Мексикѣ и поведеніемъ въ Метцѣ существуетъ та разница, что въ Мексикѣ онъ былъ неоспоримо подданнымъ Наполеона III и что его интриги являлись просто измѣной, не только съ точки зрѣнія фактической и нравственной, но также и съ точки зрѣнія точнаго и положительнаго права. Въ Метцѣ же положеніе его было иное. Маршалъ можетъ приводить въ свое оправданіе, что присяга, данная имъ императору, возлагала на него извѣстнаго рода обязательства, и утверждать, что ничто не обязывало его признавать правительства, явившагося въ Парижѣ вслѣдствіе возмущенія. Вотъ главный аргументъ, на который по всей вѣроятности будетъ напирать его адвокатъ, и нельзя отрицать, что съ точки зрѣнія законности этотъ аргументъ не лишенъ нѣкотораго вѣса. Дѣятели 4-го сентября конечно оказали великія услуги, такъ какъ учредили хоть какое-нибудь правительство вслѣдъ за катастрофой, постигшей имперію. Но мало-мальски ловкій адвокатъ не преминетъ настаивать на томъ, что они точно также эксплуатировали бѣдствія Франціи въ пользу своей партіи и даже въ пользу своихъ личностей, причемъ ихъ вмѣшательство въ дѣла отечества принесло послѣднему также мало пользы, какъ и дѣйствія маршала Базена, потому что въ концѣ концовъ они вынуждены были капитулировать почти на тѣхъ же основаніяхъ. Процессъ маршала во всякомъ случаѣ отразится невыгодно на правительствѣ 4-го сентября и нѣкоторыхъ генералахъ, командовавшихъ въ Метцѣ дивизіями, подъ начальствомъ Базена. Маршалъ Базенъ конечно виноватъ, но положеніе наше такъ щекотливо, а идеи нравственности и общественнаго права такъ извращены, вслѣдствіе слишкомъ частыхъ революцій, что лучше было бы не поднимать этого дѣла. Такъ думало и правительство, но общественное мнѣніе вынудило его къ тому, хотя многіе изъ тѣхъ, которые побуждали его отдать подъ судъ маршала Базена, теперь сожалѣютъ объ этомъ, потому что предвидятъ всѣ послѣдствія.

Возвращаясь къ изданію, которое навело меня на эти разсужденія, не могу не замѣтить, что оно даетъ ясное понятіе объ организаціи императорской полиціи и о томъ, насколько она уважала почтовую тайну. Ни единое изъ писемъ, содержащихся въ сборникѣ, не было адрессовано прямо къ императору. Письма генерала Феликса

Дуэ, отличающіяся конфиденціальнымъ и семейнымъ характеромъ, были адрессованы имъ къ брату, генералу Абелю Дуэ, убитому въ сраженіи при Вейсенбургѣ. Тѣмъ не менѣе они были найдены въ Тюльери. Полиція распечатывала всѣ письма изъ Мексики, какъ она вѣроятно это дѣлала со многими другими, и снимала съ нихъ копіи, которыя посылала императору. Эти-то копіи и были найдены въ ящикахъ Тюльери. Въ то же самое время видишь, къ какимъ уступкамъ былъ вынуждаемъ порою такой абсолютный, повидимому, государь, какъ Наполеонъ III, по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ. Обвиненія, возникавшія противъ маршала Базена, были настолько серьезны, что могли бы по меньшей мѣрѣ вызвать слѣдствіе, если не прямую отдачу подъ военный судъ. Этого слѣдствія не было назначено, потому что мексиканская экспедиція имѣла много грязныхъ и постыдныхъ сторонъ, которыхъ нельзя было даже слегка освѣщать передъ публикой. Поэтому-то маршала Базена не только не тронули, но продолжали осыпать наградами и почестями. Императоръ, основательно считая его человѣкомъ опаснымъ и не будучи въ силахъ въ конецъ погубить его, побоялся его раздражать.

Незадолго до того, какъ маршалъ Базенъ отдался въ руки правосудія, онъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ *Рейнская армія*, въ дополненіе къ безчисленнымъ изданіямъ, вызваннымъ войною. Эта книга, принимая во вниманіе положеніе, въ какое поставленъ теперь маршалъ, имѣетъ ту оригинальную черту, что въ ней не замѣтно намѣренія оправдаться. Авторъ повѣствуетъ о своей кампаніи съ такимъ же спокойствіемъ духа, съ какимъ Цезарь могъ писать свои *Комментаріи*, и сообщаетъ, какъ о простѣйшей вещи въ мірѣ, о своихъ переговорахъ съ пруссаками, по поводу той роли, какая могла выпасть на долю его арміи и его самого при заключеніи мира и реорганизаціи Франціи. Со стороны такого пройдохи, такое кажущееся простодушіе можетъ быть только ловкимъ разсчетомъ. Маршалъ хочетъ сдѣлать видъ, что считаетъ свое поведеніе вполнѣ простымъ и законнымъ. Но разсчетъ его не удался относительно публики, которая поняла, что поведеніе маршала совсѣмъ не соотвѣтствовало его положенію. Я замѣчаю однако, что съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ находится въ заключеніи и процессъ его есть дѣло рѣшеное, общественное мнѣніе нѣсколько смягчилось относительно его. О немъ перестали говорить. Впрочемъ это дѣло можетъ очень затянуться. Слѣдствіе еще не начиналось, и я не думаю, чтобы уже былъ назначенъ регулярно составленный военный судъ. Всѣ стараются устраниться отъ участія въ немъ, да оно и понятно, потому что отвѣтственность предстоитъ большая и, по моему, равно затруднительно какъ оправдать, такъ и осудить. Понадобился спеціальный законъ для учрежденія этого суда, такъ какъ всѣ другіе маршалы, которымъ всего естественнѣе было

быть судьями Базена, не могли быть ими по разнымъ причинамъ, главное потому, что служили подъ его начальствомъ во время кампаніи, за которую онъ теперь привлеченъ къ отвѣтственности. Къ тому же было бы нѣсколько удивительно, еслибы, напримѣръ, маршалъ Лебёфъ, бывшій военный министръ Наполеона III, который самъ такъ много виноватъ, явился бы судьей въ настоящемъ процессѣ.

Итакъ, бывшій главнокомандующій метцской арміей будетъ судимъ адмираломъ и дивизіонными генералами. Герцогъ Омальскій, которому возвращенъ его генеральскій чинъ и который—одинъ изъ первыхъ генераловъ, по старшинству, могъ одну минуту опасаться, что войдетъ въ составъ суда надъ Базеномъ. По этому случаю даже, онъ впервые говорилъ въ собраніи, и объявилъ себя готовымъ исполнить всѣ свои обязанности, какъ, военнаго такъ и гражданина, какъ бы онѣ ни были тяжелы. Но кажется нашли основаніе устранить его въ качествѣ родственника императрицы Шарлотты, вдовы императора Максимиліана. Какъ видите, допускается, что мексиканскія воспоминанія могутъ оказать нѣкоторое вліяніе на процессъ, и правительство не прочь отъ мысли, что Максимиліана можно считать до нѣкоторой степени жертвой Базена.

Внѣ отдѣла военной литературы, я не могу указать чего-нибудь особенно замѣчательнаго въ числѣ новыхъ изданій. Не помню хорошенько, говорилъ ли я вамъ объ *Исторіи девятнадцатаго вѣка*, которую началъ печатать Мишле и которая, повидимому, отличается тѣмъ же характеромъ импровизаціи, который присущъ его послѣднимъ сочиненіямъ. Эта исторія носитъ отпечатокъ нѣкотораго бѣснованія и крайней поверхности. Первый томъ, озаглавенный *Директорія*, посвященъ главнымъ образомъ прославленію Бабёфа и развѣнчиванію генерала Бонапарта. Мишле заходитъ слишкомъ далеко. Онъ не достигаетъ своей цѣли, и его сочиненіе напоминаетъ мнѣ неистовство живописца Курбе, рекомендовавшаго разрушить Вандомскую колонну. По мнѣнію автора, Бонапартъ выказывалъ себя, во время своей знаменитой итальянской кампаніи, поочередно то слишкомъ предпріимчивымъ, то черезъ-чуръ робкимъ генераломъ, которому необыкновенно благопріятствовало счастіе и отлично помогали сподвижники, болѣе талантливые, чѣмъ онъ самъ. Эта безумная тема падаетъ сама собой, и я не стану вдаваться въ ея критику.

Искусство, живопись и скульптура сохранили больше жизненности, чѣмъ литература. Выставка нынѣшняго года, первая со времени войны, гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ этого можно было ожидать. Конечно, на ней не видно было такихъ произведеній, которыя составляютъ эпоху. Большинства великихъ мастеровъ, которые прославили французскую школу, уже нѣтъ болѣе въ живыхъ и они не оставили преемниковъ. Но выставка показала, что школа безъ особыхъ

усилій держится на среднемъ уровнѣ. Геніевъ нѣтъ, но замѣтно много таланта и вкуса, въ особенности по части пейзажа и жанра. Съ этой стороны по крайней мѣрѣ нѣмцы еще не скоро превзойдутъ насъ. Одной изъ лучшихъ вещей былъ, несомнѣнно, портретъ президента республики, нарисованный М. Жакемаръ, молодой артисткой, изобличающей зрѣлое дарованіе. Вы понимаете, что въ сюжетахъ, заимствованныхъ изъ послѣдней войны, не было недостатка.

Нѣкоторыя изъ картинъ этого рода были убраны ихъ творцами съ выставки, по просьбѣ правительства, чтобы не оскорблять нѣмцевъ и не помѣшать переговорамъ объ освобожденіи территоріи. Говорятъ, что одна изъ этихъ картинъ, самая рельефная и наилучше выполненная (перевозка пруссаками французской мебели), была куплена за очень дорогую цѣну въ Россію.

Въ заключеніе скажу вамъ нѣсколько словъ по поводу небольшой религіозной агитаціи, сигналъ къ которой подалъ Гизо и которая произвела въ Парижѣ больше шума, чѣмъ я ожидалъ. Реформатская церковь во Франціи, представляющаяся небольшимъ островкомъ среди католическаго океана, съ давнихъ поръ уже раздѣлилась на двѣ фракціи: одна изъ нихъ держится догматовъ XVI-го столѣтія и ученія реформаторовъ; другая, прогрессивная и либеральная, считаетъ, что она вѣрна не столько буквѣ, сколько духу реформатскаго ученія. Обѣ школы по всей вѣроятности долго бы еще прожили рядомъ одна съ другой, еслибы Гизо, устраненный съ политическаго поприща революціей 1848 г., не вздумалъ для собственнаго утѣшенія и времяпрепровожденія внести въ эту маленькую сферу свой властолюбивый и нетерпимый духъ. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ ему удалось своимъ вліяніемъ изгнать либеральныхъ пасторовъ почти изъ всѣхъ парижскихъ церквей, но ему показалось этого недостаточно. Благодаря дружбѣ, соединяющей его съ президентомъ республики, онъ добился разрѣшенія созвать общій синодъ протестантской церкви во Франціи. Этотъ синодъ засѣдаетъ въ настоящее время: это вселенскій соборъ въ миніатюрѣ, крошечное подражаніе ватиканскому собору, на которомъ Гизо имѣетъ удовольствіе засѣдать и разыгрывать роль папы. Такъ какъ онъ располагаетъ большинствомъ съ десятокъ голосовъ, то заставилъ это большинство вотировать, что мнѣнія его и его друзей составляютъ общія и обязательныя вѣрованія реформатской церкви и что тѣ, которые иначе вѣрятъ, чѣмъ онъ, не будутъ составлять часть этой церкви. Признаюсь, что такая метода рѣшать вопросы вѣры большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ, представляется мнѣ еще нелѣпѣе, чѣмъ католическій способъ объяснять все внушеніями Св. Духа. Первымъ догматомъ ученія папы является вѣрованіе, что онъ вдохновляемъ свыше, между тѣмъ какъ Гизо не можетъ претендовать на то, что онъ отличается отъ обыкновенныхъ людей, и говоря уже о томъ,

что другое большинство можетъ разрушить черезъ нѣсколько лѣтъ, то, что теперешнее большинство постановило. До сихъ поръ во всемъ этомъ дѣлѣ видна большая непослѣдовательность и нелѣпость, но можно опасаться, какъ бы Гизо не вытребовалъ отъ государства въ той или другой формѣ признанія догмата, сфабрикованнаго имъ, то-есть другими словами, чтобы его не навязали пасторамъ, что̀ повлечетъ за собой глубокое волненіе и вызоветъ много отпаденій. Но, пожалуй, впрочемъ это окажется полезнымъ. Пасторы, отвергающіе сверхъестественное, но подчинявшіеся до сихъ поръ извѣстнымъ формамъ, освободясь отъ всякаго ига, найдутъ быть можетъ въ себѣ и въ обстоятельствахъ силы, необходимыя для основанія новой церкви, въ самомъ дѣлѣ новой, при томъ конечно условіи, если государство не станетъ мѣшать имъ, на что̀ оно всегда падко у насъ, какъ скоро дѣло коснется религіознаго движенія.

Что касается дѣла аббата Мишо, о немъ совсѣмъ не слыхать въ послѣднее время, хотя я полагаю, что ему удалось основать гдѣ-нибудь въ Парижѣ, хотя въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, церковную общину на собственный ладъ.

P. S. 24 іюня.—Разладъ между Тьеромъ и легитимистами и приверженцами сліянія на этотъ разъ кажется окончательный. Де-Ларси, министръ общественныхъ работъ, настаиваетъ, какъ слышно, на своей отставкѣ. Это доказываетъ, что его партія отказывается отъ участія, весьма впрочемъ слабаго, какое отведено было ей въ управленіи. Увѣряютъ, что Тьеръ не намѣренъ хлопотать объ его преемникѣ, а просто-на-просто присоединитъ его портфель къ портфелю министра торговли.

Но всѣ гаданія, вызываемыя этимъ кризисомъ, забыты въ настоящую минуту, потому что получено извѣстіе, занявшее всѣ умы, а именно, что въ непродолжительномъ времени переговоры съ нѣмцами будутъ окончены. Событіе совершилось повидимому еще быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Заключеніе займа считается, вслѣдствіе этого, неизбѣжнымъ.

Н.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ.

Литературная Замѣтка.

По поводу «Новыхъ отрывковъ и варіантовъ ко 2-му тому Мертвыхъ Душъ», въ «Русской Старинѣ». 1872 г. Январь.

Несмотря на уваженіе, которымъ пользовался Гоголь, какъ художникъ въ средѣ русскаго общества, и на обиліе мемуаровъ, оставленныхъ людьми, къ нему близкими, послѣдній періодъ его дѣятельности, нѣкогда возбуждавшій столько противорѣчивыхъ толковъ, продолжаетъ оставаться загадочнымъ и мало разъясненнымъ. Но чѣмъ болѣе протекаетъ времени со дня его кончины, тѣмъ болѣе прежняя сдержанность и осторожность въ сужденіяхъ и приговорахъ уступаетъ мѣсто рѣшительному огульному осужденію. Напряженныя ожиданія современниковъ начинаютъ казаться иллюзіями. Преждевременная дряхлость нѣкогда великаго таланта дѣлается аксіомою. Ранняя художническая несостоятельность признается стоящею внѣ всякаго сомнѣнія. Наконецъ, высказывается недоумѣніе, какъ могла эта повидимому столь очевидная несостоятельность ускользать отъ проницательности людей, окружавшихъ поэта, и продолжавшихъ въ непонятномъ самообольщеніи возлагать на него несбыточныя надежды.

Тѣмъ отраднѣе для насъ всякое нежданное открытіе, бросающее хотя какой-нибудь свѣтъ на внутреннюю жизнь и творчество Гоголя въ этотъ періодъ его существованія. Такимъ открытіемъ являются неизвѣстные отрывки и варіанты ко 2-му тому „Мертвыхъ Душъ“, обнародованные въ первой книжкѣ „Русской Старины“ за нынѣшній годъ. Они ярко обнаруживаютъ передъ нами своеобразную силу таланта Гоголя въ тѣ годы, когда онъ былъ занятъ окончательною отдѣлкою своего любимаго произведенія; они проливаютъ ясный свѣтъ на самыя важныя стороны его авторской дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ они раскрываютъ передъ нами его отношенія къ современникамъ, въ особенности къ Бѣлинскому; даютъ твердую точку опоры для опредѣленія относительной давности и различительныхъ особенностей дошедшихъ до насъ отрывковъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“; наконецъ, они разъясняютъ намъ продолжительную работу Гоголя надъ этимъ томомъ, и даютъ возможность судить о томъ, какимъ долженъ онъ былъ выйти въ его окончательной обработкѣ. Всѣ эти предметы заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Рукопись, нынѣ изданная, принадлежала другу и товарищу Го-

голя, Н. Я. Прокоповичу, и безъ сомнѣнія досталась ему изъ первыхъ рукъ. Изъ сравненія ея съ печатными текстами, помѣщенными въ изданіи г. Кулиша, оказывается, что это есть дальнѣйшая выработка послѣдняго (второго) списка, какъ это всего яснѣе видно изъ отрывка 3-ей главы, гдѣ въ извѣстное описаніе пріѣзда Чичикова къ помѣщику Пѣтуху введены новые эпизоды о закускѣ Пѣтуха и снѣ Чичикова, превосходно дорисовывающіе этотъ мастерской этюдъ.

Мы имѣемъ слѣдовательно три разновременные списка первыхъ главъ 2-го тома Мертвыхъ Душъ, и внимательное сопоставленіе этихъ списковъ приводитъ насъ къ очень любопытнымъ выводамъ.

„Переписка съ друзьями", изданная въ 1846-мъ г., оповѣстила о сожженіи первой редакціи этого тома. Подъ вліяніемъ охватившаго его тогда настроенія, Гоголь принялся съизнова за свой неизмѣнный трудъ; и оба первоначальные, помѣщенные въ изданіи г. Кулиша, списки свидѣтельствуютъ, что новый трудъ созидался въ духѣ тѣхъ понятій, совокупность которыхъ намѣчена авторомъ въ его „Перепискѣ". Очень рельефно выступаетъ это уже въ 1-ой главѣ, изображающей воспитаніе Андрея Ивановича Тентетникова, его пріѣздъ и занятія въ деревнѣ.

Беремъ первый списокъ, наиболѣе ранній.

Авторъ, изображая воспитаніе Тентетникова, первоначально вводитъ его въ небывалую школу, руководимую необыкновеннымъ наставникомъ Александромъ Петровичемъ, т.-е. въ такую школу, которая, по тогдашнимъ понятіямъ Гоголя, представляетъ еще недостигнутый идеалъ школы. Названный воспитатель не терпѣлъ „огромныхъ воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора", и „утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку *наука жизни*, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ долженъ заняться преимущественно".

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, продолжаетъ Гоголь. Здѣсь внушалось выносить всякое оскорбленіе, сохранять высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ. Чтобы закалить душу воспитанниковъ въ горнилѣ житейской суеты, Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Проходившіе этотъ курсъ люди умѣли удержаться на самыхъ шаткихъ мѣстахъ и обнаруживали высокое нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ.

Эта наука жизни — очевидно, та самая наука, которая преподана Гоголемъ въ его перепискѣ, и учила сочетать искусство практической наживы съ бездѣятельностію мысли, подчиняющейся внѣшнему авторитету.

Но такъ какъ Тентетниковъ предназначался не для подвиговъ выносливаго промышленнаго борца, а для роли богатаго и лѣниваго помѣщика одной изъ степныхъ губерній Россіи, то естественно слѣдовало, что „этого ученія не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу". Необыкновенный наставникъ скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Вздохнувшій о жалкой судьбѣ своего героя, миновавшаго подобную школу, Гоголь ведетъ его въ дѣйствительную школу, такую, какія имѣлись тогда въ Россіи. Въ этой школѣ были заведены какіе-то внѣшніе порядки; требовалось, чтобы молодой народъ пребывалъ въ безмолвной тишинѣ, чтобы всѣ ходили попарно, даже аршиномъ размѣрялось разстояніе отъ пары до пары. Преподавались и химія, и философія, и политическія науки, и всеобщая исторія въ такомъ объемѣ, что профессоръ въ три года успѣвалъ проходить одно только введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ, и все это оставалось въ головѣ какими-то безобразными клочками. Такимъ образомъ, Гоголь указывалъ на два недостатка современной школы: педантическій формализмъ и разносторонность преподаванія, сосредоточивающагося по преимуществу на предметахъ, по его понятію, мало примѣнимыхъ къ обыденной жизни, и притомъ изобилующихъ „новыми взглядами и новыми точками воззрѣній", въ чемъ нельзя не видѣть въ частности враждебнаго намека на гремѣвшую славой профессорскую дѣятельность Грановскаго.

Когда Тентетникову не повезло на службѣ, онъ вспомнилъ, что у него есть имѣніе, находящееся въ разстройствѣ, и онъ рѣшается позаботиться о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ ему людей, чтобы представить государству трезвыхъ и работящихъ подданныхъ. Пріѣздъ его въ деревню знаменуется сценами, обнаруживающими прочность патріархальнаго союза и неизмѣнность взаимнаго благорасположенія между помѣщикомъ и его крестьянами. Послѣдніе восторженно привѣтствуютъ своего барина, Тентетниковъ, умиленный избыткомъ обнаруженной ими любви, упрекаетъ себя въ небреженіи ими, и рѣшается быть для нихъ тѣмъ, „чѣмъ онъ долженъ быть".

Сдѣлавъ кое какія облегченія для крестьянъ, онъ тотчасъ же принимается за хозяйство въ духѣ Костанжогло: „показывается на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ". Онъ безъ сомнѣнія хочетъ быть для крестьянъ живымъ примѣромъ неусыпнаго труда. Но это ему не удается.

Не взирая на данныя льготы, или можетъ быть именно благодаря имъ, бабы не употребляютъ своего досуга на обшиванье и одѣванье мужей; между ними заводятся праздность, сплетни, драки и всякія ссоры.

„Разбираемыя судейскія дѣла и всякія расправы" ведутся не-

успѣшно и никого не удовлетворяютъ: явственно даетъ себя чувствовать недостатокъ науки жизни, ибо—какъ поясняется позднѣе—ни къ чему не ведутъ тутъ юридическія тонкости и философскія книги.

Заведена и школа: „но изъ этого вышла такая чепуха, что лучше было бы и не задумывать“.

Господскія работы исполняются дурно, очевидно потому, что нѣтъ охоты трудиться на человѣка, недостаточно проникнутаго народными началами, и напротивъ того уже вкусившаго отъ иноземныхъ „огромныхъ воззрѣній и взглядовъ“.

Баринъ отворачивается отъ крестьянскаго и собственнаго хозяйства, сначала засматривается на красоты природы, а наконецъ запирается въ своей комнатѣ и впадаетъ въ равнодушіе и апатію.

Такимъ образомъ, въ кругъ обязанностей идеальнаго помѣщика, возлагаемыхъ на него самымъ его положеніемъ, входили по тогдашнимъ понятіямъ Гоголя: исправное веденіе своего хозяйства, пріученіе собственнымъ примѣромъ крестьянъ къ неослабному труду въ полѣ и дома, удовлетворительный вотчинный судъ, руководимый безсознательнымъ инстинктомъ правды, блюстительство порядка, и черезъ это самое—улучшеніе цѣлой области,—словомъ, все такъ, какъ подробно излагается въ перепискѣ съ друзьями. Бѣда только въ томъ, что Тентетниковъ, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, оказывается неспособнымъ сладить съ своими обязанностями и стать въ уровень съ своимъ призваніемъ.

Уже въ этомъ первомъ наброскѣ совмѣщаются тѣ противорѣчивыя черты, которыя съ одной стороны придавали новому произведенію несомнѣнное общественное значеніе, а съ другой подрывали его въ самомъ его основаніи. Гоголь вѣрно угадывалъ недугъ русскаго общества, но ошибался въ средствахъ, способныхъ помочь этому недугу. Онъ видѣлъ апатію, овладѣвшую лучшими людьми, видѣлъ неохоту идти по открытымъ дорогамъ, которыя однѣ предлагались имъ на выборъ. Общество тяготилось узкостію предоставленной ему сферы дѣятельности, оно предпочитало вовсе отказываться отъ всякой дѣятельности, чѣмъ идти по избитымъ колеямъ. Эту неудовлетворенную жажду дѣятельности, не предвидя для нея другого легальнаго исхода, Гоголь желалъ бы направить на практическія занятія пріобрѣтателя, озабоченнаго умноженіемъ средствъ къ возможно сносному существованію, не возмущаемому никакими порывами въ иныя сферы однажды навсегда признанныя закрытыми и заповѣдными. Это былъ своего рода утилитаризмъ, но утилитаризмъ, очерченный заколдованнымъ кругомъ матеріальнаго довольства, не обнаруживавшій въ перспективѣ ничего, кромѣ безысходной пошлости и пустоты духовныхъ интересовъ.

Съ этою цѣлію Гоголь училъ помѣщика наполнять свой день физическимъ трудомъ, подавая въ этомъ примѣръ окружавшему его на-

селенію. Какъ бы ни было, подъ часъ трудно ихъ положеніе, но послѣ трудоваго дня, и помѣщикъ и крестьяне разойдутся успокоенные и умиротворенные, заглушивъ въ себѣ безплодную тревогу ума. Воскресный день смѣнитъ эту трудовую жизнь необходимымъ освѣжительнымъ отдыхомъ. Школа, разсуждалъ Гоголь, уже даетъ досугъ, уже вноситъ зерно сомнѣнія, ведетъ къ начатку размышленія и слѣдственно недовольства. Долой школу! Обиходный умъ призывался занять мѣсто всякаго ученія и образованія. Благонамѣренное управленіе, разбирательныя судейскія дѣла и всякія расправы вмѣнялись въ обязанность для пресѣченія порочныхъ наклонностей и блюстительства порядка. Извѣстная степень загрубѣлости, зачерствѣлости сердца требовалась для поддержанія въ ходу всей машины. Ревнивое обереганіе себя отъ соблазновъ, способныхъ размягчить и изнѣжить душу, дѣлалось условіемъ прочности всей системы. Отреченіе отъ собственной мысли и воли и подчиненіе ихъ внѣшнему авторитету возводилось въ принципъ. Пускай всѣ добровольно несутъ на себѣ свое ярмо, не помышляя объ его тяжести,—и будетъ на землѣ тишь, да гладь, да Божья благодать. Люди будутъ плодиться, множиться и населять землю.

Вотъ въ какомъ духѣ писался и дописывался 2-ой томъ Мертвыхъ Душъ какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшіе отрывки последующихъ и даже послѣдней, заключительной главы.

Тотъ же идеалъ, который оттѣняетъ собою отрицательный образъ Тентетникова, воплощается въ положительномъ типѣ Костанжогло. Главнымъ достоинствомъ Костанжогло выставляется то, что онъ „ учился на мѣдныя деньги", и слѣдственно далекъ отъ всякихъ высшихъ возрѣній и взглядовъ. Школъ онъ заводить не будетъ. По его понятію, онѣ портятъ характеръ и дѣлаютъ человѣка ни на что неспособнымъ. За то онъ мастеръ извлекать изъ всякой дряни существенные доходы, и знатокъ практической науки управленія. Онъ ставитъ себѣ правиломъ покровительствовать крестьянамъ въ ихъ простомъ быту, устраняя отъ нихъ всѣ соблазны и предметы роскоши. „Благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди"! говоритъ онъ, и этимъ способомъ охраняетъ первобытную чистоту нравовъ. Трудись, потому что трудъ развиваетъ умъ лучше всякой школы, трудись, но не соблазняйся роскошью,—таковъ его лозунгъ. За то и крестьяне дорожатъ его наукой: онъ, и никто другой, всякому уму научитъ.

Такъ, не только руководящія начала переписки съ друзьями переносились въ повѣствованіе, но оттуда же заимствовались самыя выраженія, въ родѣ приведеннаго: „стали тряпки, а не люди!"

Тоже вліяніе сказывается и въ образѣ Хлобцева, снаряжающагося въ путь съ цѣлію: „истолковать мужичкамъ, что Богъ велитъ переносить безропотно и молиться въ то время, когда несчастливы, а не-

буйствовать и расправляться самимъ, словомъ, говорить имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя".

Оно же отражается и въ лицѣ откупщика Муразова, къ которому обанкрутившійся милліонеръ Иванъ Потапычъ обращается съ слѣдующимъ монологомъ: „по своей волѣ не хочу ничего дѣлать; слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей; вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы".

И наконецъ имъ же проникнута даже личность благодѣтельнаго генералъ-губернатора, который взываетъ къ чиновникамъ: „все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствуетъ изъ насъ *всякъ*, что долженъ возстать противу неправды," и самъ начинаетъ тѣмъ, что сулитъ Чичикову „кнутъ и Сибирь" за его продѣлки, а кончаетъ тѣмъ, что по заступничеству Муразова, отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, по своему истолковывая заповѣдь: не судите, да не судимы будете. Онъ, какъ попечительный начальникъ, избавилъ ввѣренный ему край отъ злого человѣка. Пусть же въ иномъ мѣстѣ бдительное начальство снова изловитъ его, въ случаѣ новыхъ проказъ,—и снова выгонитъ его за предѣлы своего благоденствующаго округа. Не одинъ-молъ правый судъ обезпечиваетъ личность и благоденствіе гражданъ: ихъ также обезпечиваетъ зоркій и благонамѣренный административный произволъ.

Такъ, художественное воспроизведеніе дѣйствительности, нерѣдко поражающее мѣткостію и правдивостію изображенія, повсюду заслоняется и извращается морализующими тенденціями автора, въ угоду которымъ самые живые и реальные образы внезапно превращаются въ холодныя аллегоріи и ходячіе символы мнѣній и убѣжденій писателя-моралиста.

Общій смыслъ поэмы можетъ быть выраженъ въ немногихъ словахъ. Всѣ сословія, званія и должности въ государствѣ должны оставаться тѣмъ, чѣмъ они были; но всѣ, отъ мала до велика, должны быть перевоспитаны въ духѣ довольства своимъ относительнымъ положеніемъ и своими относительными средствами, чтобы строгимъ исполненіемъ возложенныхъ на себя обязанностей поднять уровень общаго благосостоянія. Призваніе автора заключается въ томъ, чтобы возвысить это благосостояніе, побудивъ всѣхъ и каждаго къ исполненію этихъ обязанностей.

Не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ первый очеркъ поэмы доведенъ до конца уже одновременно съ изданіемъ въ свѣтъ „Переписки съ друзьями", т.-е. что онъ былъ уже законченъ къ наступленію 1847 года. За это говоритъ какъ свидѣтельство Л. Арнольди, видѣвшаго на рабочемъ столѣ Гоголя послѣднюю главу 2-го тома Мертвыхъ Душъ, въ скорости по возвращеніи Гоголя изъ-за границы въ Россію (см. его статью „Мое знакомство съ Гоголемъ", въ „Русск. Вѣстн." 1862 года. Т. 37);

такъ и еще болѣе тѣ заимствованія изъ „Переписки съ друзьями“, на которыя мы уже обратили вниманіе, и которыя частію устранены при послѣдующихъ поправкахъ, предпринятыхъ, какъ тотчасъ увидимъ, вѣроятно вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этой переписки.

Итакъ, хотя 2-й томъ Мертвыхъ Душъ и былъ уже готовъ въ черпѣ, Гоголь отложилъ на время его печатаніе, чтобы исподоволь заняться обработкою его въ художественномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе онъ сгаралъ нетерпѣніемъ повѣдать міру новооткрытый талисманъ всеобщаго благоденствія и дать каждому въ руки кодексъ самонужнѣйшихъ правилъ вседневнаго обихода, въ ожиданіи того времени, когда новое твореніе раскроетъ ихъ во всей полнотѣ, въ живыхъ образахъ, служащихъ ихъ носителями и истолкователями.

Онъ издалъ „Переписку съ друзьями“. Вопреки ожиданіямъ автора, эта книга встрѣтила не хоръ восторговъ и одобренія, а бурю негодованія и осужденія.

Гоголь остановился въ недоумѣніи передъ этимъ неожиданнымъ результатомъ, и вотъ что писалъ онъ къ Бѣлинскому, по поводу рецензіи послѣдняго на переписку съ друзьями:

„Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ № 2 „Современника“, не потому, чтобы мнѣ было прискорбно униженіе, въ которое вы меня хотѣли поставить въ виду всѣхъ, но потому что въ ней слышенъ голосъ человѣка на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка не любившаго даже меня, тѣмъ болѣе васъ, объ которомъ я думаю, какъ о человѣкѣ меня любящемъ. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги; какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до одного въ Россіи — этого покуда я еще не могу понять; восточные, западные и нейтральные — всѣ огорчились. Это правда: я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, не испытавши надобности его на собственной кожѣ (всѣмъ намъ нужно побольше смиренія). Но я не думалъ, чтобы щелчокъ мой вышелъ такъ грубъ, неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ, и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора“.

Послѣдняя фраза, какъ мы видѣли, почти буквально повторяется въ заключительной главѣ перваго списка Мертвыхъ Душъ, и конечно могла быть внесена въ нее только еще тогда, когда Гоголь вѣровалъ въ примирительную силу своего ученія, т.-е. до изданія переписки съ друзьями. Въ послѣдующихъ поправкахъ эта фраза, подобно многимъ подобнымъ, уже исчезаетъ, вмѣстѣ съ пошатнувшеюся вѣрою въ свою непогрѣшимость.

Всю силу своего увлекательнаго краснорѣчія собралъ Бѣлинскій въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, пытаясь раскрыть Гоголю глаза на сущ-

ность и значеніе проповѣдуемой имъ доктрины. Мы не будемъ безъ нужды сокращать этого замѣчательнаго памятника, оставшагося намъ отъ эпохи сороковыхъ годовъ. Объ немъ нерѣдко упоминается въ русской литературѣ; а между тѣмъ его вліяніе на Гоголя еще никѣмъ не было указано. Если не ошибаемся, намъ удалось открыть несомнѣнные слѣды этого вліянія въ самыхъ твореніяхъ Гоголя, и этого достаточно, чтобы привести его здѣсь in-extenso, насколько оно относится къ нашей задачѣ.

„Вы только отчасти правы,— писалъ Бѣлинскій — увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса. И вы имѣли основательную причину хотя на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому что въ этомъ отношеніи представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я, не видѣли самаго большаго числа, и которыя въ свою очередь тоже никогда не видѣли васъ! Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ“.

„Я думаю,—продолжаетъ Бѣлинскій—что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ; но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далёка. А вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ изъ далёка видѣть предметы такими, какъ намъ хочется ихъ видѣть, потому что въ томъ прекрасномъ далёкѣ вы живете совершенно чужды духомъ въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго, и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства

человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности выполненіе ихъ. А вмѣсто того она представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками, Ваньками, Степками, Палашками; страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка; а есть только огромная корпорація различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами". Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ его крестьяне — его братья по Христу, и какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу, или по крайней мѣрѣ пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи. А выраженіе: „Ахъ ты, неумытое рыло!"... да у какого Ноздрева, или у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру какъ великое открытіе въ пользу назиданія русскихъ мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣрили своимъ барамъ, сами себя не считая за людей. А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ, расправѣ, идеалъ котораго вы нашли въ словахъ глупой бабы, въ повѣсти Пушкина, и по разуму котораго должно пороть и праваго и виноватаго! Да это и такъ у насъ дѣлается, даже въ частую, хотя чаще всего порятъ праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія быть безъ вины виноватымъ. И такая-то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высокаго духовнаго просвѣщенія? — Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравъ, что вы дѣлаете? Взгля-

ните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!... Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человѣку грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ Богъ за эту мысль, если только, передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, чтó творили... Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ человѣка. Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, и, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ есть жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ вѣрный успѣхъ, даже при маленькомъ талантѣ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ мнѣніемъ такъ-называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, что вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“ вы менѣе рѣзки, съ меньшей истиной и талантомъ и менѣе горькой правды высказали? И она дѣйствительно разсердилась на васъ въ бѣшенствѣ, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ не пали отъ этого, тогда какъ ваша послѣдняя книга провалилась сквозь землю. И публика тутъ права; это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и въ зародышѣ, свѣжаго, здраваго чувства, и это же показываетъ, что у нея есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги.

„Ваше обращеніе, пожалуй, можетъ быть искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики — самая печальная.... Смиреніе, проповѣдываемое вами, во-первыхъ, не ново, во-вторыхъ, отзывается съ одной стороны страшною гордостью, а съ другой самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ, можетъ быть плодомъ только или гордости, или слабоумія, и ведетъ въ обоихъ случаяхъ къ лицемѣрію, ханжеству, атеизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически горячо выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжество), но и о самомъ себѣ (это уже гадко), потому что человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, но человѣкъ, бьющій по щекамъ самого себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы омрачены, а не просвѣтлены. И что за языкъ, что за фразы? „Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ

человѣкъ". Неужели вы думаете, что сказать „всякъ" вмѣсто всякій— значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о самомъ себѣ, какъ о писателѣ, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ — произведеніе автора „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ"? Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошибаетесь, сочтя статью мою выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ отозвался бы съ досадою, а объ остальномъ отозвался бы спокойно и безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своими восторгами ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ; но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то не человѣчески за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же и не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали можетъ быть гораздо болѣе восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла, но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго, благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою — ихъ и вашимъ врагамъ, да еще въ добавокъ обвинять ихъ въ намѣреніи дать какой-то предосудительный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы конечно сдѣлали это по увлеченію главною мыслью вашей книги и по неосмотрительности. Все это не хорошо. А что вы ожидали времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ) — этого я не зналъ, не могъ, да признаться, не хотѣлъ бы знать. Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть; а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило душу.

„Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро превратилось бы въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя я и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоніи, имѣя въ виду одну только правду. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противу васъ, по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить — это не въ моей натурѣ. Пусть вы, или само время докажетъ мнѣ, что я ошибался въ моихъ о васъ понятіяхъ, я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что высказалъ о васъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей

личности, а о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее, заключительное слово: если вы имѣли несчастіе съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжелый грѣхъ ея изданія искупить новыми твореніями, которыя напомнили бы ваши прежнія.— Зальцбургъ, 15-го іюня 1847-го года".

Недавно было гдѣ-то замѣчено, что нельзя вообразить себѣ ничего болѣе комическаго, какъ Гоголя (тогдашняго Гоголя!) — за чтеніемъ письма Бѣлинскаго. Признаемся, мы мало видимъ здѣсь элементовъ для комизма. Здѣсь сталкивались два разнородныя воззрѣнія, двѣ противоположныя системы убѣжденій,—и кто не скажетъ, что, оставляя въ сторонѣ все, что въ письмѣ Бѣлинскаго легко объясняется временнымъ раздраженіемъ и духомъ противорѣчія, приведенныя мысли его письма не признаны истинными въ ихъ сущности и не легли въ основу обновляющейся Россіи? Слѣдя за дальнѣйшими судьбами „Мертвыхъ Душъ", мы убѣждаемся, что вліяніе высказанныхъ Бѣлинскимъ мнѣній на Гоголя далеко не имѣло комическаго характера, и напротивъ было въ высшей степени благотворнымъ для его художественной дѣятельности.

Письмо Бѣлинскаго писано по поводу „Переписки съ друзьями". Но оно вполнѣ примѣняется и къ сохранившимся спискамъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ". Если бы Бѣлинскій читалъ послѣднія въ подлинникѣ, онъ не могъ бы сказать ничего болѣе идущаго къ дѣлу. Однородность направленія обоихъ произведеній слишкомъ очевидна. Даже выраженія, подчеркнутыя Бѣлинскимъ въ перепискѣ, повторяются, какъ мы видѣли, въ „Мертвыхъ Душахъ". Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Гоголь писалъ „Мертвыя Души" по прочтеніи письма Бѣлинскаго, то онъ по крайней мѣрѣ остерегся бы вносить въ свою поэму неудачныя, порицаемыя критикомъ, поговорки. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что печатные списки „Мертвыхъ Душъ" не могли быть написаны позднѣе половины 1847-го года. При томъ Гоголь былъ такъ пораженъ неуспѣхомъ своей переписки, что онъ никакъ не могъ бы спокойно проводить тѣ же идеи черезъ все свое новое произведеніе, будучи увѣренъ, что его ждетъ такой же пріемъ, какой встрѣтила его переписка. Даже большинство поправокъ, вошедшихъ въ составъ второго списка, и усиливавшихъ моралистическій оттѣнокъ поэмы, должно было предшествовать изданію переписки. Не рѣдко эти поправки поражаютъ своею безцѣльностью и безплодностью; это была не работа художника, а упорный трудъ человѣка, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, взявшагося за несвойственное ему дѣло. Вся она вертѣлась около отвлеченной канвы сочиненія,

и, по самой своей задачѣ, не приводила ни къ какому результату. Слово отказывалось уловить неуясненную, недодуманную мысль. Но рядомъ съ этими поправками встрѣчаются уже другія, очевидно принадлежащія позднѣйшему времени. Подобно тому какъ прежде, по собственнымъ словамъ Гоголя, при всякой работѣ чудился ему свѣтлый образъ Пушкина, съ его звонкимъ смѣхомъ и одобрительнымъ отзывомъ, такъ теперь, при новомъ просмотрѣ написанныхъ главъ, возставала передъ нимъ грозная тѣнь неподкупнаго критика, съ его безпощадными филиппиками и рѣзкою рѣчью. И Гоголь, въ порывѣ неостывшей досады, не могъ воздержаться, чтобы не кольнуть ненавистнаго критика, или, въ лучшемъ смыслѣ, чтобы не внесть въ свою поэму намека на образъ, долженствовавшій запечатлѣть собою характеръ господствовавшаго и, по мнѣнію автора, уклонившагося съ должнаго пути, духа времени.

Такъ въ первоначальномъ очеркѣ, ближайшіе сосѣди Тентетникова описывались совершенно въ духѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ": „Временами, разсказываетъ авторъ, изъ сосѣдей завернетъ къ нему бывало отставной гусаръ поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращеніе, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться ужъ черезъ-чуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться".

Въ послѣдующей редакціи, мѣсто брандера-полковника заступаетъ другое лицо: „рѣзкаго направленія недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ", и типическимъ признакомъ его выставляется уже не „живое и ловкое", а „европейски открытое" обращеніе. Такъ самая жизненная правда приносилась въ жертву полемическому задору. Но этого мало. „Начитавшійся всякихъ брошюръ, недокончившій учебнаго курса эстетикъ" поименовывается ниже въ числѣ членовъ противузаконнаго общества...

Уязвленное самолюбіе писателя тѣшилось подобными нелѣпыми выходками, — и все-таки издавать написанное, въ томъ видѣ, какъ оно было набросано, оставалось немыслимымъ.

Но годы текли. Бѣлинскій сошелъ въ могилу. Личное раздраженіе противъ него улегалось. Горизонтъ понемногу прояснялся. Возвратившись въ Россію, Гоголь нашелъ въ ней молодую литературу, признававшую его своимъ родоначальникомъ и занятую, подъ именемъ натуральной школы, разработкою современной русской жизни и дѣйствительности. Знакомство съ ея произведеніями и направленіемъ, столкновеніе съ ея представителями, путешествія, предпринимаемыя внутрь Россіи, должны были охладить его морализующее рвеніе и протрезвить его взглядъ на истинныя задачи и средства поэзіи. Ясно

должно было стать, что для успѣха его поэмы необходимо было выбросить изъ нея тенденціозную подкладку, и, хотя можетъ быть не безъ сожалѣнія, остаться при одномъ художественномъ воспроизведеніи русскаго быта. Другого исхода не было. Волею или неволею приходилось слѣдовать совѣту и указаніямъ Бѣлинскаго.

Вновь найденные отрывки первыхъ главъ 2-го тома замѣчательны тѣмъ, что обнаруживаютъ передъ нами работу Гоголя надъ своимъ произведеніемъ именно въ этомъ направленіи. Въ этой работѣ, обнимающей собою только три первыя главы, моралистъ очевидно стушевывается передъ художникомъ. Безукоризненные, твердою рукою нанесенные очерки первоначальной картины остались неприкосновенными; всѣ наростія, современемъ, безобразныя пятна, пестрившія картину и спутывавшія ея опредѣленные контуры, тщательно устранены. Мы снова любуемся знаменитымъ „земнымъ раемъ" въ помѣстьи Тентетникова, снова знакомимся съ его добродушнымъ хозяиномъ, и снова повѣствуется намъ его прошлая жизнь. Но нѣтъ уже и помину о прежней фантастической школѣ съ ея фантастическимъ наставникомъ. Кратко, какъ бы мимоходомъ, упоминается объ учебномъ заведеніи, съ многообразіемъ предметовъ преподаванія; и если сохранился профессоръ всеобщей исторіи, съ трехгодичнымъ введеніемъ и подробнымъ изложеніемъ развитія нѣмецкихъ городовъ, то даже эта черта остается вѣрною характеру времени, искавшаго себѣ поученія и утѣшенія въ изученіи давнихъ вѣковъ и далекихъ народовъ, и гораздо болѣе знакомаго съ событіями всего остального человѣчества, чѣмъ съ преданіями собственной родины. Взамѣнъ того дано бóльшее развитіе разсказу о службѣ Тентетникова подъ эгидою его дяди, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Онуфрія Ивановича, и весь этотъ разсказъ дышетъ правдою и свѣтлымъ юморомъ, особенно въ обрисовкѣ подначальническихъ отношеній этого послѣдняго къ его патрону, графу Сидору Андреевичу. Эти страницы напоминаютъ лучшія вдохновенія нашего неподражаемаго комика. Разставшись съ Петербургомъ, Тентетниковъ ѣдетъ въ деревню, и здѣсь-то, въ описаніи его пріѣзда, встрѣчи и жизни въ деревнѣ видна полная рѣшимость Гоголя разорвать съ прошедшимъ. Въѣздъ въ деревню возбуждаетъ въ Тентетниковѣ уже не мысли о важности обязанностей, возложенныхъ на него званіемъ помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, т.-е. членомъ административной машины, — нѣтъ, онъ просто вызываетъ въ немъ дорогія сердцу воспоминанія дѣтства. Тентетниковъ, этотъ очевидно симпатичный автору герой, предназначаемый имъ для „дивнаго, прелестнаго" созданія, Уленьки, проникнутъ уже не началами гоголевской морали, не сентенціями „Переписки съ друзьями", а воззрѣніями и убѣжденіями Бѣлинскаго. Онъ по истинѣ является сыномъ своего времени, носите-

лемъ его думъ и говоритъ его языкомъ. Письмо Бѣлинскаго пошло въ дѣло!

Еще г. Т—въ (въ статьѣ: „Послѣдніе дни Гоголя", „Отеч. Запис." 1857. T. CXI) разсказываетъ, что Гоголь любилъ узнавать неизвѣстныя ему слова, нерѣдко очень обыденныя, и даже записывалъ ихъ въ особыя тетрадки, для того приготовленныя. Услыхавъ напримѣръ отъ автора воспоминаній слово *научный*, онъ нѣсколько разъ повторилъ сказанное слово и прибавилъ: „а мы все говорили „наукообразный", это неловко, тó гораздо лучше". Такъ и въ письмѣ Бѣлинскаго очевидно поразила его мысль о необходимости пробужденія въ народѣ „чувства человѣческаго достоинства". Послѣднее выраженіе трижды повторяется Бѣлинскимъ. Его-то вкладываетъ Гоголь въ уста Тентетникова.

Съ неподдѣльнымъ комизмомъ рисуетъ Гоголь встрѣчу Тентетникова съ крестьянами. Узнавъ о пріѣздѣ барина, мужики покрыли весь дворъ, собрались къ крыльцу, подходили къ барину и кланялись въ ноги. „Тентетникову, продолжаетъ авторъ, не понравилось это униженіе человѣческаго достоинства; онъ остановилъ низкіе поклоны и сталъ говорить мужикамъ рѣчь о томъ, что человѣкъ долженъ уважать себя и не унижаться передъ равнымъ себѣ существомъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и они, что онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы ихъ просвѣтить и осчастливить; и многое говорилъ имъ Тентетниковъ въ духѣ равенства и свободы, о которомъ начитался къ книгахъ. Мужики слушали и ничего не понимали". А когда началась попойка, и крестьяне силились разъяснить себѣ, чтó говорилъ баринъ, они махнули рукой и рѣшили: „Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аѳанасій въ церкви баетъ. Вѣстимо книжки; это не по намъ". Какъ видно, мужики смекнули, что соловья баснями не кормятъ.

Водворившись въ деревнѣ, Тентетниковъ уже не возлагаетъ на себя обязательнаго шатанья по хозяйственнымъ работамъ, въ смыслѣ воспитательнаго примѣра, не занимается судейскими разбирательствами, какъ никто ими не занимался, не заводитъ школъ, какъ никто не заводилъ ихъ. Просто упоминается, что баринъ ничего не смыслилъ по хозяйству и не имѣлъ энергіи, что мужики тотчасъ поняли это, и стали надувать его. Мелочи деревенскаго хозяйства тяготили его, и онъ пересталъ заниматься ими.

Въ числѣ посѣтителей, наѣзжавшихъ чтобы разгонять скуку добровольнаго затворника, мы не находимъ уже ни рутиннаго отставного полковника-брандера, ни свалившагося съ небесъ, недоучившагося студента, набравшагося мудрости изъ современныхъ брошюръ и газетъ. Въ двухъ словахъ передается, что баринъ вздумалъ-было искать развлеченья въ знакомствѣ съ сосѣдями, — и это надоѣло. Онъ

облекся въ халатъ, не велѣлъ никого пускать къ себѣ на глаза и захандрилъ.

Въ этомъ состояніи и находитъ его пріѣзжающій Чичиковъ.

Не даромъ радовался Гоголь своей работѣ, и говорилъ своимъ друзьямъ, что съ первой главы туманъ сошелъ. На мѣсто однообразныхъ варіацій на ту же тему, какими являлись прежнія лица поэмы, болѣе или менѣе вѣрно выхваченныя изъ дѣйствительности, но всѣ окрашенныя въ цвѣтъ воззрѣній и убѣжденій автора, получались живыя лица, съ типическими различительными признаками. Авторъ замѣчательно спокойно относился къ этимъ признакамъ, хотя бы они были ему мало симпатичны, и не торопился наложить на нихъ клеймо отверженія, какъ бы сознавши ту истину, что разногласіе голосовъ необходимо для гармоніи хора, и что разнообразіе убѣжденій совмѣстимо съ единодушіемъ стремленій на пути мирнаго преуспѣянія. Исчезала вся накопившаяся фальша, и художникъ снова возвращался на стезю художнической правды. Его поэма освобождалась отъ противорѣчиваго смѣшенія несовмѣстимыхъ признаковъ въ очертаніи лицъ и характеровъ, и, подобно его прежнимъ произведеніямъ, становилась вѣрнымъ зеркаломъ дѣйствительности, не кривившимъ отражаемыя черты своими прихотливыми изгибами, а воспроизводившимъ ихъ въ ихъ жизненной цѣлостности.

Всюду обнаруживается стремленіе къ простотѣ и естественности, даже въ обрисовкѣ характера Уленьки устранены лишнія восклицанія и напускные восторги, и если что удивляетъ насъ, такъ это то, что еще по прежнему выраженія: „подловатъ, гадковатъ, пустоватъ“, первыя срываются съ ея губъ при знакомствѣ съ читателемъ, и съ прежнею невзыскательностью дослушиваетъ она анекдотъ о бѣленькихъ и черненькихъ.

Мы уже упоминали, что разсказъ о Пѣтухѣ дополненъ двумя новыми мастерскими штрихами, и хотя эта фигура безъ сомнѣнія не предназначалась играть никакой роли въ дальнѣйшей интригѣ „Мертвыхъ Душъ“, тѣмъ не менѣе она остается эскизомъ, достойнымъ кисти великаго художника, которымъ по неволѣ залюбуется всякій любитель.

Если та же кисть прошла и по остальнымъ лицамъ поэмы, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ своей окончательной отдѣлкѣ они удовлетворяли самымъ взыскательнымъ требованіямъ. А что она должна была пройти по нимъ съ тѣми же цѣлями и намѣреніями, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Послѣ введеннаго въ первую главу эпизода о служебныхъ отношеніяхъ сановниковъ, безъ внутренняго противорѣчія не могла сохраниться прежняя поза идеальнаго генералъ-губернатора, развязывающаго запутавшіяся нити поэмы. Таковъ, какъ онъ есть, онъ по всей справедливости могъ заслужить отъ каждаго

изъ своихъ подчиненныхъ отзывъ Онуфрія Ивановича о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ: „знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ графъ Сидоръ Андреевичъ. Вотъ ужъ можно сказать собака, а добрѣйшая, благороднѣйшая душа“.

Теперь становится понятною упорная работа Гоголя надъ 2-мъ томомъ Мертвыхъ Душъ. Просматривая печатныя изданія этого тома, съ множествомъ разновременныхъ поправокъ, дѣйствительно можно подумать, что творческія силы автора истощились, и что онъ писалъ этотъ томъ, „вытягивая изъ себя клещами фразу за фразой“, какъ выразился г. Бергъ въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ рядомъ съ вновь изданными отрывками Мертвыхъ Душъ. Но такоевпечатлѣніе очевидно ошибочно. Не недостаткомъ фантазіи страдалъ Гоголь въ этомъ періодѣ своей дѣятельности, а плодовитостію резоперства, увлекавшаго его за предѣлы художественнаго труда. Рукописи Пушкина и Лермонтова показываютъ намъ, что эти художники точно также отсѣкали въ своихъ произведеніяхъ все, чтó, помимо ихъ воли, растягивалось и расплывалось въ неопредѣленность. Но ни одинъ изъ нихъ не переживалъ того тяжелаго внутренняго кризиса, какой испыталъ Гоголь. Метаясь изъ стороны въ сторону, онъ дѣлалъ свои урѣзы, добавленія и очищенія подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ мотивовъ. Труденъ былъ для него процессъ внутренняго развитія, но онъ вышелъ торжествующимъ изъ этой борьбы, и снова является передъ нами въ полномъ цвѣтѣ таланта, художникомъ, вполнѣ владѣющимъ своими средствами и носящимъ въ душѣ твердо намѣченный идеалъ своего созданія. По собственнымъ словамъ его, передаваемымъ въ воспоминаніяхъ г. Берга, при каждымъ новомъ просмотрѣ поэмы, вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой и очисткой фразъ, какъ бы крѣпчала и самая рука, даже буквы становились тверже и рѣшительнѣе. И точно, въ концѣ концовъ получался памятникъ, рѣзанный на мѣди и предназначенный переходить, въ своей законченной красотѣ, изъ вѣка въ вѣкъ, на удивленіе и поученіе будущихъ художниковъ. По свидѣтельству людей, близко знавшихъ Гоголя, имъ былъ уже вполнѣ оконченъ весь 2-й томъ, состоявшій изъ одиннадцати главъ, т.-е. изъ того же числа, какое входило въ составъ перваго тома, и онъ рѣшался приступить къ изданію его, когда внезапная болѣзнь измѣнила его намѣренія и побудила къ сожженію съ такою любовью взлелѣяннаго произведенія.

Если мы спросимъ себя, была ли минута сожженія минутою *просвѣтленія* художника, сознавшаго неизмѣримую пропасть между своею истинною задачею и призваніемъ и между ея посильнымъ исполненіемъ, или же то была минута возврата къ давно забытымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ совѣсти, почуявшей разладъ между грѣховностію земныхъ интересовъ и житейскихъ тревогъ и между безмятежностію

души, ищущей вѣчнаго успокоенія, то выборъ между этими отвѣтами едва-ли можетъ показаться сомнительнымъ.

Счастливый случай не ранѣе, какъ черезъ двадцать лѣтъ по смерти великаго писателя, далъ намъ возможность заглянуть въ его душу и прозрѣть лучъ свѣта среди окутавшихъ ее сумерекъ. Будемъ надѣяться, что другая подобная случайность, раньше или позже, еще свѣтлѣе озаритъ мглу, окружающую его могилу, и еще выше подниметъ его звѣзду на небосклонѣ отечественной поэзіи.

В. Чижовъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новѣйшій цезаризмъ во Франціи.

Le Dernier des Napoléon. Paris, 1872. Librairie internationale; A. Lacroix, Verboeckhoven & C-ie. (Послѣдній изъ Наполеоновъ.)

„Послѣдній изъ Наполеоновъ" посвящается авторомъ „его величеству Максимиліану I, императору Мексики". Это посвященіе и нѣкоторыя мѣста книги, гдѣ говорится объ отношеніяхъ автора къ покойному мексиканскому императору, обнаруживаютъ самого автора, какъ приближенное лицо Максимиліана I, бывшее при немъ и въ Мирамарѣ и въ Кверетаро; нѣкоторые рецензенты догадываются, что авторъ былъ духовникомъ императора, и эта догадка пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности въ легитимистскихъ и папистскихъ убѣжденіяхъ этого талантливаго писателя. Современная исторія знакома нашему автору не по книгамъ только, но и по разнымъ закулиснымъ свѣдѣніямъ, которыми столь изобильны европейскіе дворы. Множество анекдотовъ, собранныхъ авторомъ путемъ своихъ придворныхъ знакомствъ, придаютъ особенный букетъ его книгѣ, которая и безъ того читается съ большимъ интересомъ. Масса любопытныхъ фактовъ, ловко скученныхъ вмѣстѣ для проведенія главной мысли писателя, заставляетъ васъ забывать, что передъ вами открыта книга убѣжденнаго легитимиста, и вы охотно прощаете ему его партіозныя выходки, такъ какъ въ концѣ концовъ вы выносите изъ чтенія этой книги общее впечатлѣніе, едва ли не прямо противоположное легитимистскому настроенію автора.

Авторъ съ особеннымъ азартомъ нападаетъ на великую революцію, на нарушеніе династическаго принципа въ 1792-мъ и 1830-мъ годахъ, приписывая нарушенію этого принципа всѣ послѣдующія бѣдствія

Франціи, но между тѣмъ описываетъ династическихъ королей: Вильгельма прусскаго и Виктора-Эммануэля италъянскаго въ такомъ отвратительномъ видѣ, что самъ Наполеонъ III — чистая голубка въ сравненіи съ ними; семейная жизнь и личный характеръ нынѣшняго нѣмецкаго императора очерчены столь непріятными красками, что прусское правительство даже запретило распространеніе „Послѣдняго изъ Наполеоновъ" на всемъ пространствѣ своей территоріи. Обращаясь затѣмъ къ самой Франціи, и припоминая дворы Лудовиковъ XIV и XV, и сравнивая ихъ, хотя бы опять съ тѣмъ же Наполеономъ III, вы рѣшительно не замѣчаете никакой разницы въ честности режима: если у Наполеона были Кайенна и Ламбесса, то вѣдь и Лудовики утѣшались Бастильею; хотя Наполеонъ хотѣлъ все дѣлать самъ, и все давать изъ собственныхъ рукъ, однако не онъ выдумалъ фразу: „l'état c'est moi"; Наполеонъ велъ войны и разорилъ ими Францію, но то же самое дѣлали и Лудовики; Наполеонъ создалъ биржевую игру въ громадныхъ размѣрахъ, но спекуляціи его были во времена Бурбоновъ; въ одномъ можно упрекнуть Наполеона: онъ не отдавался такъ безотчетно въ руки духовенства, какъ оба упомянутые Лудовика и реставрація при Карлѣ X, но въ этомъ отношеніи только клерикальная партія можетъ отдавать преимущество Лудовикамъ и Карлу.

Мы понимаемъ нелюбовь автора къ революціи и революціоннымъ проискамъ вообще, но кто же виноватъ въ томъ, что революція не только произошла, но и восторжествовала, какъ не развращенность и политическое неразуміе самихъ Бурбоновъ: революціи имѣютъ свои причины и свои слѣдствія, и авторъ очень хорошо понимаетъ эти причины, когда уличаетъ Наполеона III въ потворствѣ и даже поощреніи революціоннаго начала въ Европѣ. Игра въ „*spectre rouge*" и въ „*spectre blanc*" была именно этимъ потворствомъ и поощреніемъ, ибо этими обоими „призраками" возбуждались нелѣпые предразсудки однихъ слоевъ общества противъ другихъ, а изъ этихъ предразсудковъ росли сословная и партіозная ненависть и зависть, которыя достигли наконецъ столь высокой степени развитія, что каждая партія стала считать лишь самое себя всею Франціей, и стремилась всякими путями наложить на всѣхъ французовъ собственную власть. Въ этомъ стремленіи къ власти *всякими* путями, и преимущественно путемъ насилія, и заключается, какъ извѣстно, революціонное начало. Цезаризмъ—это революція у кормила государственной власти. Но и западный легитимизмъ, желающій создавать все своими руками и недопускающій гражданъ къ участію въ управленіи, существуетъ нерѣдко тѣми же средствами, какъ и цезаризмъ, особенно когда народъ пріобрѣлъ уже привычки осѣдлой жизни и начинаетъ ощущать потребность въ свободѣ личной и совокупной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ общественнаго быта. Послѣдніе

Лудовики старой монархіи дѣйствовали уже такъ, какъ дѣйствуютъ истые революціонеры: они возлагали всѣ свои надежды на дворянство и духовенство, и пренебрегали другими слоями народа, уже пріобрѣвшаго всѣ задатки будущихъ свободныхъ людей. Такъ точно реставрація при Карлѣ X рѣшилась свой легитимистскій принципъ обратить въ революціонный, ставя свою легитимистскую волю выше всякаго закона, который служилъ уже отчасти волею болѣе или менѣе свободнаго народа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ легитимная монархія дѣйствовала чисто революціонными средствами, и сама стала жертвою народнаго отпора, который, въ свою очередь, становился орудіемъ другихъ революціонныхъ дѣятелей. Приписывать, поэтому, одному цезаризму способность возбуждать революціонныя страсти и освобождать легитимизмъ изъ-подъ этого самаго обвиненія—дѣло по меньшей мѣрѣ скользкое и неблагодарное, ибо революціонные факты, создававшіеся легитимизмомъ въ западныхъ государствахъ, всегда у всѣхъ въ памяти. Цезаризмъ отличается отъ легитимизма въ этомъ отношеніи лишь тѣмъ, что онъ въ своихъ революціонныхъ стремленіяхъ взываетъ обыкновенно къ народнымъ массамъ во имя общественныхъ или народныхъ интересовъ, между тѣмъ, какъ легитимизмъ опирается на свое божественное право. Но такъ какъ въ западныхъ европейскихъ обществахъ, вездѣ признано право гражданъ принимать участіе въ государственномъ управленіи, вездѣ возлѣ божественнаго права играетъ первостепенную роль народная воля, то опредѣлить существенную разницу между легитимизмомъ и цезаризмомъ становится рѣшительно невозможнымъ: и легитимные монархи, подобно цезарямъ, взываютъ постоянно къ интересамъ и желаніямъ своего народа.

Но что же составляетъ отличительную особенность современнаго цезаризма? какъ онъ создается и чѣмъ держится?... Разбираемая нами книга фактически отвѣчаетъ на эти вопросы, такъ какъ въ ней изложены личный характеръ и политика самаго главнаго и умнѣйшаго представителя этого принципа въ нынѣшней Европѣ, человѣка, державшаго въ своей рукѣ, подобно символическому глобусу Карла Великаго, власть надъ міромъ, государя, котораго народы и цари привыкли считать рѣшителемъ судебъ Европы (l'arbitre de l'Europe), побѣдителя, котораго мнили стоящимъ во главѣ непобѣдимой арміи, тріумфатора, котораго исторія должна была вѣнчать лаврами, коими онъ уже окружилъ свой обликъ на золотѣ и бронзѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію личнаго характера и политики Наполеона III, намъ необходимо разрушить общій выводъ автора о личности экс-императора, которому онъ хочетъ дать амнистію, какъ лицу, заслуживающему лишь такого приговора: „ce fut un pauvre homme"—это жалкій человѣкъ! Какъ почти всѣ французы небонапартисты, авторъ видитъ въ окончательной неудачѣ наполеонов-

Нашъ легитимистскій авторъ сильно злобствуетъ противъ такого „революціоннаго начала", какъ принципъ національностей, но вѣрный своему стремленію умалить умственныя способности экс-императора, онъ приписываетъ факты объединенія Италіи и Германіи исключительно генію Кавура и хитрости Бисмарка, и увѣряетъ, что такъ какъ эти оба объединенія ослабили военное преобладаніе Франціи въ Европѣ, то въ нихъ заключается самая крупная ошибка и политическая близорукость Наполеона III; этому почтенному легитимисту и въ голову не приходитъ, что существуютъ въ наше время еще высшіе политическіе интересы, чѣмъ военное преобладаніе, и что къ числу именно этихъ интересовъ принадлежитъ принципъ національной независимости народовъ. И во внутренней политикѣ нашъ легитимистскій авторъ не замѣчаетъ превосходства политическихъ стремленій экс-императора надъ режимами Бурбоновъ и Луи-Филиппа: въ демократическихъ постановленіяхъ Наполеона III онъ видитъ только „братаніе съ революціею"; онъ крайне недоволенъ дарованіемъ рабочему классу права стачекъ, онъ обвиняетъ вторую имперію даже въ созданіи международнаго общества, такъ какъ именно отправленіе представителей французскихъ рабочихъ на всемірную выставку въ Лондонъ послужило первымъ дѣятельнымъ поводомъ къ сближенію англійскихъ рабочихъ съ французскими. Съ демократической точки зрѣнія, эти обвиненія представляются совершенно въ иномъ видѣ, и ими только доказывается вѣрность Наполеона III его цезарскому призванію. Нашъ авторъ смѣется надъ демократизмомъ второй имперіи и находитъ его несостоятельность въ томъ, что лучшіе и серьезные представители „Интернаціонала" относились къ императору съ глубокимъ презрѣніемъ [1]) Но эти отзывы имѣютъ весьма ничтожное значеніе въ дѣйствительной жизни Франціи, такъ какъ и теперь еще, послѣ стольких страшныхъ пораженій, жестокихъ обличеній и неудачъ всякаго рода, бонапартизмъ все еще продолжаетъ пугать республику Тьера гораздо сильнѣе, чѣмъ Орлеаны и Бурбоны; — самъ авторъ, хотя называетъ его „послѣднимъ изъ Наполеоновъ", считаетъ себя вправѣ увѣрять императора, что онъ еще можетъ возвратиться во Францію, гдѣ его примутъ *съ торжествомъ*" (стр. 397). Наполеонъ палъ, но его паденіе доказываетъ не умственную или политическую несостоятельность экс-императора, а безсиліе цезаризма вообще въ его стремленіи овладѣть демократическимъ движеніемъ въ свою пользу, построить для себя прочныя госу-

---

[1]) Такъ напримѣръ, переплетчикъ Варлэнъ, занимавшій весьма видное мѣсто въ коммунѣ и работавшій на автора, человѣкъ съ характеромъ задумчивымъ, нѣсколько угрюмымъ, но очень умный (fort intelligent), говаривалъ про Наполеона и его правительство: «Это Манлрэнъ съ шайкою, которымъ удалось овладѣть Тюильери и полицейскою префектурою» (стр. 213).

дарственныя опоры изъ людской пошлости и всякой человѣческой распущенности.

Пользуясь богатымъ матеріаломъ нашего автора, опишемъ сперва цезаря-человѣка, — характеръ, наиболѣе способный для цезарской дѣятельности, и затѣмъ способы и средства его дѣятельности, и общественные и государственные результаты этой дѣятельности.

Наполеонъ III родился въ Сен-Совёрѣ, что̀ въ Пиренеяхъ, въ 1807 году. Его мать, голландская королева Гортензія, прибыла туда въ то время на отдыхъ, въ сопровожденіи адмирала Верюеля, который поселился въ Котре, по другую сторону горнаго хребта, но часто посѣщалъ Совёръ. Однажды императоръ прибылъ въ Сен-Соверъ и пошелъ осматривать съ докторомъ Фаба комнату своей матери, сохраненную до сихъ поръ въ прежнемъ видѣ.

— Государь, вотъ то мѣсто, гдѣ ваше величество впервые появились на свѣтъ, сказалъ докторъ, указывая на постель королевы.

— А гдѣ жилъ въ то время король? спросилъ императоръ.

— Въ Котре, государь, но онъ провелъ двадцать четыре часа въ Сен-Соверѣ.

Наполеонъ улыбнулся весело, какъ подобаетъ истому философу. — Онъ зналъ, конечно, что его оффиціальный отецъ, ограниченный король Лудовикъ, прямо отказывался отъ него въ письмѣ къ римскому папѣ, въ которомъ королева Гортензія именуется своимъ мужемъ: „une Messaline qui accouche“. Кардиналъ Фешъ говорилъ о томъ же предметѣ въ болѣе приличныхъ выраженіяхъ: „Когда поднимается вопросъ объ отцахъ ея дѣтей, Гортензія всегда сбивается въ своихъ воспоминаніяхъ“. По клерикальному описанію нашего автора, „королева Гортензія была само обольщеніе. Она была произведеніемъ той ужасной эпохи, когда блудная философія уже привила Франціи всѣ софизмы и всѣ формы распущенности, когда общество скользнуло по волнамъ крови Террора въ тину директоріи, когда г. де-Робеспьеръ скандализовалъ республику своимъ желаніемъ очистить мѣстечко Верховному Существу, и когда Барра (Barras) разыгрывалъ полубога, присутствуя на *„балъ жертвъ“*. Королева Гортензія (продолжаетъ авторъ) нашла способъ скандализовать людей даже этой эпохи своимъ черезчуръ откровеннымъ „пренебреженіемъ къ предразсудкамъ“. Но предаваясь всевозможнымъ матеріальнымъ наслажденіямъ, королева Гортензія не забывала главнаго источника ихъ: денегъ и государственной власти, и потому пускалась во всевозможныя интриги политическаго характера. Воспитываясь подъ вліяніемъ Наполеона I, котораго одно четверостишіе того далекаго времени заставляетъ говорить, между прочимъ, о супругѣ его брата Лудовика:

„Son épouse, d'ailleurs, qui fut d'abord la mienne“!

мать будущаго основателя второй имперіи сжилась съ бонапартист-

свою идеею и стала, съ 1815 года, душою бонапартистскаго заговора, и она дѣйствительно обладала и достаточно крѣпкою головою для подобнаго дѣла, и достаточно твердою волею. Такъ какъ изъ двухъ сыновей, признанныхъ Бонапартами, старшій, какъ натура робкая и человѣкъ съ нѣжною душою, не обѣщалъ въ будущемъ воодушевиться ея честолюбивыми внушеніями и планами, то она сосредоточила все свое вниманіе на младшемъ, Луи-Наполеонѣ, и ея заботы и усилія не пропали даромъ, какъ потому, что она сама, какъ женщина умная и опытная въ житейскихъ дѣлахъ, умѣла найти въ своемъ сынѣ то, чего искала, и возбудить въ немъ излюбленныя ею стремленія, такъ и потому, что самъ сынъ, молчаливый и сосредоточенный въ себѣ еще въ дѣтствѣ, съ задаткомъ честолюбія своей матери, отлично воспользовался уроками своего домашняго воспитанія и материнскихъ наставленій.

Получивши основное образованіе въ аугсбургской гимназіи, нѣмецкое вліяніе которой отпечатлѣлось отчасти на его внѣшности—въ манерахъ, осанкѣ и даже произношеніи, младшій сынъ Гортензіи почерпнулъ все свое нравственное содержаніе изъ сферы, окружавшей его мать, и изъ поученій своего наставника-воспитателя Леба (Lebas), сына члена конвента и друга Робеспьера [1]). Само собою разумѣется, что разсказы этого Леба о великой революціи клонились къ оправданію террора и демократической диктатуры вообще, и они-то, конечно, внѣдрили въ душу честолюбиваго воспитанника мысль объ его великомъ призваніи для распространенія и утвержденія демократическихъ началъ въ мірѣ. Разсказы матери о великомъ дядѣ, котораго представляли не ему одному истиннымъ послѣдователемъ и продолжателемъ дѣлъ революціи, должны были возбуждать въ ребенкѣ дѣятельную охоту идти по стопамъ Наполеона I и докончить его дѣло, осуществить всѣ „*idées napoléoniennes*", о которыхъ новый принцъ написалъ потомъ цѣлую книгу. Мальчику говорили, что самъ Наполеонъ I предвидѣлъ въ немъ своего достойнаго послѣдователя и предвѣщалъ ему великую будущность. Громкое, сдѣлавшееся вскорѣ легендарнымъ, имя предвѣщателя не могло не производить суевѣрнаго, фаталистиче-

---

[1]) Робеспьеръ, арестованный въ городской ратушѣ, съ разбитою челюстью, умолялъ своего друга и сообщника Леба покончить съ нимъ. Но послѣдній, вооруженный пистолетомъ, воскликнувъ: «Здѣсь всякій за себя!» пустилъ себѣ зарядъ въ голову. Мать Леба была одна изъ дочерей столяра Дюплэ, у котораго нанималъ квартиру Робеспьеръ. Племянникъ ея, Ренье, былъ воспитателемъ нынѣшняго графа Парижскаго. Мадамъ Леба была столь строгая республиканка, что когда желала видѣться съ Ренье, то вызывала его въ тюильерійскій садъ, опасаясь осквернить подошвы своихъ башмаковъ пылью «дворца тиранніи». Разсказываютъ, что Луи-Филиппъ любилъ наблюдать изъ-за занавѣсъ дворца эти свиданія старой республиканки съ своимъ племянникомъ.

скаго впечатлѣнія на мечтательнаго ребенка, въ которомъ вся окружавшая обстановка возбуждала честолюбіе и которому проповѣдывали революціонную теологію Верховнаго Существа. Такимъ образомъ, уже съ-дѣтства будущій цезарь убѣждался въ томъ, что съ именемъ, которое онъ носитъ, ему нуженъ или „мракъ темницы, или блескъ трона", какъ онъ писалъ потомъ въ одномъ письмѣ, сидя заключеннымъ въ гамскомъ казематѣ.

Между тѣмъ, королева Гортензія старалась при всякомъ случаѣ выхлопотать своему любимцу какой-нибудь европейскій тронъ. Сперва она надѣялась доставить ему португальскій тронъ; но потерпѣла неудачу, и вотъ она спѣшитъ перенесть свою дѣятельность въ Италію, бросая сыновей въ ряды римскихъ карбонаріевъ. Они принимаютъ участіе въ возстаніи; старшій братъ погибаетъ въ стычкѣ, младшій бѣжитъ въ Анкону, откуда успѣваетъ пробраться, вмѣстѣ съ матерью, во Францію, въ Парижъ. Замѣчательно, что въ этой карбонарской экспедиціи, кромѣ брата, Луи-Наполеонъ имѣлъ еще двухъ сотоварищей, изъ которыхъ одинъ былъ отецъ того самаго Орсини, который сдѣлалъ покушеніе на жизнь императора 14-го января 1858-го года и былъ за то гильотированъ. Въ Парижѣ королева Гортензія тотчасъ же начала интриговать противъ гостепріимнаго правительства Луи-Филиппа, но министръ Казиміръ Перье во-время раскрылъ ея происки, и королевѣ предложили покинуть французскую землю. Возвратившись въ свой замокъ въ Арененбергѣ, что въ Швейцаріи, она начала-было хлопотать о доставленіи своему сыну королевскаго трона въ взбунтовавшейся въ то время Польшѣ и вела объ этомъ переговоры съ графомъ Платеромъ, но вскорѣ пала Варшава и вмѣстѣ съ нею новая мечта Гортензіи. Но вотъ, 22-го іюля 1832-го года умираетъ въ Шенбруннѣ герцогъ Рейхштадтскій, сынъ Наполеона I-го отъ Маріи-Луизы, и Луи-Наполеонъ начинаетъ уже заниматься исключительно одними дѣлами Франціи. Въ 1836-мъ году онъ производитъ свое нападеніе на Страсбургъ, но его берутъ въ плѣнъ и по личному желанію Луи-Филиппа отправляютъ въ Соединенные Штаты подъ честнымъ словомъ поселиться тамъ навсегда и не предпринимать ничего новаго противъ Франціи; но едва его высадили въ Нью-Йоркѣ, какъ онъ уже переѣзжаетъ въ Англію, и затѣмъ въ Швейцарію, гдѣ умираетъ его мать 3-го октября 1837-го года. Въ 1840-мъ году новая экспедиція противъ іюльской монархіи: высадка въ Булонь; и опять плѣнъ, судъ передъ палатою перовъ, при защитѣ знаменитаго легитимиста Беррье, и отправленіе въ Гамскую цитадель на пожизненное заключеніе. Когда Беррье, опечаленный такимъ исходомъ процесса, принесъ этотъ приговоръ Луи-Наполеону, послѣдній только спросилъ адвоката: „А долго-ли продолжается во Франціи это *пожизненное* заключеніе?" — и въ этомъ вопросѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ опредѣленъ меньшій срокъ пожизненности,

чѣмъ полагалъ самъ осужденный: правительство Луи-Филиппа было свергнуто въ 1848-мъ году, а Луи-Наполеонъ бѣжалъ изъ Гама уже въ 1846-мъ. Свой тюремный досугъ онъ употребилъ на изученіе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, при чемъ важнѣйшимъ руководствомъ по этимъ вопросамъ служили ему сочиненія разныхъ революціонеровъ и коммунистовъ; вліяніе сен-симонизма особенно сильно сказывается въ его брошюрѣ „Extinction du paupérisme" (*„Истребленіе нищеты"*), гдѣ проповѣдуется цѣлый планъ соціальнаго переворота, подъ которымъ, по мнѣнію Таксиля Делора[1]), могъ бы подписаться и Луи-Бланъ. Конечно, Наполеонъ вездѣ разумѣлъ возможность переворота лишь посредствомъ цезарской диктатуры.

Вся эта жизнь, проводимая въ постоянныхъ интригахъ и заговорахъ съ самаго дѣтства — всѣ эти упражненія въ хитростяхъ и обманахъ, заразительный примѣръ нравственнаго распутства матери, интриганство лицъ ея кружка, ловкіе маневры самой матери, вліяніе денегъ, измѣна лицъ, облагодѣтельствованныхъ первою имперіей—всѣ эти вліянія, при идеальномъ увлеченіи самого Луи-Наполеона столь опасною для личной нравственности мечтою, какъ благодѣтельствованіе народнымъ массамъ посредствомъ цезарской диктатуры, должны были въ концѣ концовъ произвести въ честолюбивой натурѣ нашего героя крайне преувеличенный взглядъ на свои личныя достоинства и глубокое презрѣніе къ людямъ. Отсюда недалеко было дойти до рѣшительной самонадѣянности, до оправданія всѣхъ своихъ поступковъ величіемъ идеи, во имя которой они совершались, до полнаго отрицанія безкорыстія, честности, добродѣтели вообще. И Луи-Наполеонъ дѣйствительно былъ такъ сильно убѣжденъ, что честность и безкорыстіе невозможны въ наше время, что высказывалъ это убѣжденіе открыто, въ средѣ своихъ приближенныхъ, ни отъ кого не встрѣчая ни малѣйшаго возраженія. Однажды, въ Тюйльери, императоръ призываетъ къ себѣ одного придворнаго, который, путешествуя по Германіи, посѣтилъ графа Шамбора. „Ну, что говоритъ принцъ?" спросилъ Наполеонъ.

— Государь, графъ Шамборъ говоритъ, что если Провидѣніе возстановитъ его на престолъ отцовъ, то онъ окружитъ себя всѣми способными людьми, безъ различія мнѣнія, были бы они только честны!

— „Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ императоръ,—я посовѣтовалъ бы ему привезти ихъ съ собою!"

При такомъ скептицизмѣ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, „не пріобрѣтаютъ людей съ достоинствомъ, но удаляютъ отъ себя и деморализуютъ всѣхъ, кто сохраняетъ еще какое-либо чувство личнаго достоинства и стыда... Вотъ почему исторія и хроника видятъ Наполеона окруженнымъ столь многими темными,

---

[1]) Histoire du Second Empire, par Taxile Delord, T. I, стр. 44.

двоедушными людьми, нарушавшими предписанія кодекса и нравственности. Самъ императоръ не любитъ видѣть вокругъ себя новыхъ лицъ. Старые его приближенные уже вошли въ его привычки, знаютъ его слабости, ему нечего опасаться ихъ, передъ ними не нужно носить маску; съ новыми же — простою прислугою ли, или министрами, приходится безпрестанно мѣнять выраженіе лица. Этимъ фактомъ объясняется съ одной стороны огромное вліяніе, которое имѣли на Луи-Наполеона такія ничтожности, какъ Персиньи, Баччіокки, Моккаръ, сама императрица Евгенія, и съ другой стороны тайныя интриги императора противъ талантливѣйшихъ и умнѣйшихъ изъ своихъ приверженцевъ — Руэра и Билльо: ничтожные люди нуждались въ немъ, императрица—своя женщина, а талантливые могли измѣнить и выдать его тайны. Этимъ же недовѣріемъ къ человѣческой добродѣтели вообще объясняется и то обстоятельство, что экс-императоръ не разъ ковалъ заговоры противъ собственныхъ министровъ и дипломатовъ, за которыми слѣдилъ при помощи разныхъ шпіоновъ. Заговорщичій элементъ былъ въ немъ, вообще говоря, до того силенъ, что, казалось, не было въ мірѣ такого одушевленнаго предмета, противъ котораго экс-императоръ не велъ бы какихъ-нибудь происковъ. Эту черту Луи-Наполеона отлично понималъ Кавуръ. „Вашъ императоръ,“ сказалъ онъ одному французскому дипломату, „не измѣнится никогда; онъ не хорошъ тѣмъ, что желаетъ ковать заговоры всегда... Къ чему постоянно скрывать свою мысль, идти направо, когда хочешь идти налѣво, и *vice versa*. Ахъ, какой онъ чудесный заговорщикъ!... Я знаю его уже давно. Вотъ, кажется, онъ идетъ прямо, открыто, преслѣдуетъ свою цѣль. Но нѣтъ! онъ предпочитаетъ обойти людей, проложить другой слѣдъ, создать заговоръ, — заговоръ всегда!! Да, такова натура его генія; ремесло заговорщика предпочитаетъ онъ всѣмъ другимъ, и онъ занимается имъ какъ артистъ, какъ дилеттантъ“.

Въ скептическомъ относительно человѣческихъ добродѣтелей настроеніи императора, и въ его излишней самонадѣянности, и въ крайнемъ честолюбіи слѣдуетъ искать главныя пружины, создавшія ту стройную систему деспотизма въ управленіи Франціей, которая процвѣтала и развивалась изъ заложенныхъ уже прежде деспотическихъ началъ и привычекъ. Самый фактъ основанія второй имперіи посредствомъ удачнаго революціоннаго удара съ послѣдовавшими за нимъ гнусными и жестокими преслѣдованіями людей, честно поддерживавшихъ законный порядокъ, защищать и охранять который клялся самъ Наполеонъ, ставитъ уже будущаго императора въ положеніе, крайне неловкое въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ ни одинъ честный человѣкъ не могъ сочувствовать ему. Такимъ образомъ, окруженный лишь людьми, столь же безнравственными какъ онъ самъ, купленными или собственно надеждою на славное удовлетвореніе своихъ често-

Всѣ эти страшныя средства: и всемогущая, безконтрольная полиція, и раболѣпный судъ, и вездѣсущая, повсюду и во все вмѣшивающаяся администрація, и развращеніе общества и общественнаго мнѣнія,—всѣ они нужны были для политики императора, которая имѣла въ виду удержать династію бонапартовъ на престолѣ и создать, по выраженію принца Наполеона, „демократію, направляемую могущественною рукою цезарей". Нужно было не только поддерживать, но и укрѣплять рознь, которая существовала между буржуазіей и рабочими классами, и потомъ производить разладъ въ средѣ каждаго изъ этихъ сословій.

Для раздраженія буржуазіи противъ рабочихъ употреблялся въ дѣло такъ-называемый *„красный призракъ"* то-есть все, что есть дикаго и безумнаго въ различныхъ соціалистическихъ и коммунистическихъ системахъ, и составленіе разныхъ заговоровъ съ революціонными цѣлями. „Краснымъ призракомъ—говоритъ нашъ авторъ—Наполеонъ III-й игралъ мастерски. Онъ извлекалъ изъ него чудесные эффекты и трогательныя сцены. Каждый разъ, когда три заговорщика соберутся гдѣ-нибудь въ погребѣ, одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ, а иногда и два, оказывались агентами полиціи самого императора. Во всѣхъ революціонныхъ обществахъ: международномъ и другихъ, важные руководители принадлежали къ полиціи его величества или состояли на ея жалованьи.... Полицейскій префектъ располагалъ значительнымъ секретнымъ фондомъ, предназначеннымъ исключительно для подкупа демократическихъ агитаторовъ и на содержаніе членовъ во всѣхъ тайныхъ обществахъ. Покойный Конти, секретарь императора, былъ самымъ дѣятельнымъ спеціалистомъ и теоретикомъ по этой части". Несомнѣнно, конечно, что карбонарская опытность самого Наполеона III-го тоже играла въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. Всѣ эти революціонерныя игрушки были отлично приспособлены къ запугиванію всѣхъ собственниковъ и людей порядка вообще. Чуть только зашевелятся они, требуя какихъ-нибудь отчетовъ по финансовому управленію страною или расширенія общественной инціативы въ той или другой отрасли политической дѣятельности — и „красный призракъ" тутъ какъ тутъ! То открывается заговоръ съ цѣлью ниспровергнуть существующій порядокъ, то вдругъ являются ораторы, проповѣдующіе уничтоженіе собственности, семьи, религіи и т. д., то покушеніе на жизнь императора, то буйная стачка рабочихъ, заявляющихъ невозможныя требованія. Нерѣдко эти заговоры устраивались съ цѣлью скомпрометтировать какую-нибудь крупную и извѣстную личность, въ родѣ Маццини или Гарибальди, или представить обыкновенное общественное дѣло, напримѣръ: народную читальню или производительную артель, въ превратномъ видѣ. Что дѣятельность тайной полиціи была приспособлена главнымъ образомъ для этихъ цѣлей, а не для серьезнаго охраненія особы императора — это доказывается безсиліемъ полиціи предупредить дѣйстви-

тельные заговоры, въ родѣ Орсини на жизнь Наполеона III, или Березовскаго на жизнь нашего Государя.

Кромѣ краснаго призрака, экс-императоръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще „*бѣлый*," которымъ онъ натравливалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и духовенства. Бѣлое знамя легитимизма отождествляется въ умахъ невѣжественнаго сельскаго населенія со всѣми ужасами крѣпостного состоянія, и стоило только внушить крестьянамъ, что крупные землевладѣльцы и духовенство стремятся будто низвергнуть императора съ цѣлью возстановить такъ - называемый „старый режимъ," какъ уже подымался крестьянскій походъ противъ враговъ имперіи. Всякій разъ, когда гдѣ - нибудь въ деревнѣ подвергались оскорбленіямъ или угрозамъ то *буржуа*, подозрѣваемый въ республиканской пропагандѣ, то помѣщикъ-легитимистъ, то священникъ, всегда нападенія подобнаго рода происходили вслѣдствіе оффиціальной агитаціи и сопровождались криками: „да здравствуетъ императоръ!" „Два-три года тому назадъ — разсказываетъ нашъ авторъ — во многихъ западныхъ департаментахъ начиналась-было новая война противъ за́мковъ и церквей. Манифестъ префекта противъ легитимистскаго кандидата (въ члены законодательнаго корпуса) послужилъ поводомъ къ распространенію нелѣпаго слуха объ обширномъ заговорѣ для возстановленія десятиннаго сбора и феодальныхъ привилегій".

Среди самой буржуазіи Наполеонъ удачно сѣялъ политическій раздоръ, ловко пользуясь несогласіемъ буржуазныхъ партій между собою касательно основнаго образа правленія: монархіи или республики; наконецъ, даже въ средѣ республиканцевъ, которые во времена іюльской монархіи составляли плотную партію, экс-императору удалось возжечь непримиримую вражду изъ-за такъ называемаго „соціяльнаго вопроса", — вражду, которая распространилась въ низшіе слои общества и породила такое страшное явленіе, какъ борьбу Версаля съ Парижемъ: диктатуры французскихъ собственниковъ съ диктатурою парижскаго пролетаріата.

Вообще говоря, императоръ старался занять и деморализовать всю французскую интеллигенцію всевозможными политическими и соціальными раздорами и, дискредитируя ихъ такимъ образомъ въ глазахъ народной массы, привлечь послѣднюю къ охраненію его цезарскаго величія. Съ цѣлью этого привлеченія, императоръ постоянно заботился о нуждахъ рабочаго класса и крестьянствѣ, преслѣдуя въ тоже время всѣхъ, кто безкорыстно служилъ интересамъ трудящихся классовъ. Помощь себѣ въ этомъ дѣлѣ онъ допускалъ лишь со стороны духовенства, которому для этой цѣли онъ ввѣрилъ главный надзоръ надъ народнымъ образованіемъ вообще и надъ женскимъ въ особенности. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что духовенство много способствовало къ упроченію въ умахъ крестьянъ преданности второй имперіи. Самое

духовенство Наполеонъ держалъ въ своихъ рукахъ посредствомъ римскаго вопроса. Что касается до городскихъ рабочихъ, ихъ привлекали на сторону имперіи разными льготами, искуственною поддержкою высокаго уровня заработной платы (посредствомъ разныхъ общественныхъ работъ), и нѣкоторыми дѣйствительно демократическими законами, которые однако *всѣ* носятъ на себѣ печать не политическаго права рабочихъ, какъ равноправныхъ гражданъ, но политической привилегіи, дарованной благодѣтелемъ-императоромъ своему трудящемуся населенію [1]). Наполеонъ не опасался „Интернаціонала", — онъ требовалъ только отъ него, чтобы въ своихъ отчетахъ это общество отдавало должную дань уваженія трудамъ второй имперіи на улучшеніе матеріальнаго состоянія городскихъ рабочихъ.

Послѣднимъ, не менѣе важнымъ рычагомъ наполеоновскаго режима были войны, которыя онъ велъ для поощренія тщеславныхъ стремленій французовъ къ воинской славѣ, въ которой они видятъ одинъ изъ элементовъ своего первенства въ Европѣ. Это нелѣпое заблужденіе раздѣляетъ и нашъ легитимистскій писатель; ему не нравится „малодушная политика мира во что бы то ни стало," которой слѣдовалъ Луи-Филиппъ; „эта политика—увѣряетъ нашъ авторъ—хотя пріумножила богатство и населеніе Франціи, тѣмъ не менѣе совершенно разрушила вліяніе и престижъ Франціи на внѣшнія дѣла"; этого мало,—въ этомъ фактѣ онъ видитъ даже одну изъ двухъ причинъ всѣхъ войнъ второй имперіи, и самъ какъ бы сочувствуетъ этимъ войнамъ. Другая причина была чисто цезарская: война налагаетъ молчаніе на всѣ партіи и сосредоточиваетъ всѣ средства и силы націи въ рукахъ власти; крещеніе славою и рядъ завоеваній одни могли побудить націю простить прошлое и обезпечить будущее".

Но въ послѣдней войнѣ съ Германіей французскіе цезаристы видѣли, что война, даже съ „Марсельезою" въ устахъ императора, не налагаетъ молчанія на партіи, и ихъ такъ испугало это обстоятельство, что не только парижанамъ, но даже жителямъ Эльзаса, желавшимъ защищать свою родину, они не давали оружія, котораго они настоятельно требовали. Здѣсь они поняли наконецъ, что съ своею деморализующею политикою вторая имперія зашла слишкомъ далеко. Цезаризмъ убилъ патріотическое чувство во Франціи; преслѣдуя самъ лишь личныя цѣли и мечтанія и придавая этимъ мечтаніямъ и цѣ-

---

[1]) Такъ, право стачекъ (1864-го года) дано было безъ права сходокъ, и стачки, поэтому, были бы немыслимы, еслибъ императоръ не приказывалъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы; до 1864-го года стачки были запрещены, но всѣ виновные въ составленіи ихъ постоянно пользовались императорскою амнистіей. Еще примѣръ: для основанія обществъ взаимнаго вспомоществованія императорскій законъ выдалъ 10 милліоновъ денегъ, но всѣ общества, получившія эту субсидію, должны были находиться подъ надзоромъ администраціи.

лямъ всю силу государственнаго авторитета, цезарь училъ своимъ примѣромъ и своими успѣхами каждую партію ставить свои партіозныя цѣли и мечтанія выше общаго благосостоянія и общей безопасности страны, и проводить эти партіозныя мечтанія и цѣли всякаго рода средствами. Конечно, эта общая деморализація французовъ была создана не Наполеономъ III исключительно, но всѣми правительствами Франціи, начиная съ Робеспьера; однако несомнѣнно, что „послѣдній изъ Наполеоновъ" виноватъ въ ней всего больше, и тѣмъ эта вина падаетъ на него тяжеле, что передъ нимъ стоялъ цѣлый рядъ неудачныхъ опытовъ съ цезарскою диктатурою всякаго рода: въ эти шестьдесятъ лѣтъ до воцаренія Наполеона III кто только не цезарствовалъ во Франціи: и демократія разныхъ оттѣнковъ, и аристократія съ духовенствомъ, и буржуазія; была и королевская диктатура и республиканская, и военная и бюрократическая,—и ни одна изъ нихъ не доставила Франціи ни спокойствія, ни безопасности, столь необходимыхъ для того правильнаго развитія общественныхъ и природныхъ силъ страны, которое исходитъ изъ общаго стремленія гражданъ къ общему преуспѣянію. Въ прошломъ году мы видѣли появленіе на политической аренѣ Франціи еще одной диктатуры—диктатуры всяческаго пролетаріата, и она потерпѣла такое же полное фіаско, какъ всѣ другія, и только еще глубже внѣдрила рознь между имущими классами и неимущими. Нашъ авторъ справедливо приписываетъ всѣ ужасы прошлогодней коммуны деморализующимъ вліяніямъ наполеоновскаго цезаризма: въ маломъ видѣ коммуна представляетъ всѣ дурныя и хорошія стороны наполеоновщины—тутъ есть съ одной стороны и *coup d'etat*, и преслѣдованіе печатнаго слова, и конфискація собственности, и война, и аресты, и разстрѣливанія *en masse* ни въ чемъ неповинныхъ людей, а съ другой—разные декреты въ пользу рабочаго сословія. Когда же несчастная Франція избавится отъ всѣхъ этихъ диктатуръ?... Когда же удастся ей, наконецъ, твердо убѣдиться въ томъ, что диктатуры ни къ чему привести не могутъ и что посредствомъ насилія нельзя установить въ странѣ свободу, а безъ свободы невозможенъ ни правильный ходъ труда, ни правильное распредѣленіе результатовъ его?...

Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par *M. Emile De Lavelaye*. Paris, Germer Baillière. 1872. (Опытъ объ образахъ правленія въ новѣйшихъ обществахъ. *Соч. Эмиля Де Лавелэ*).

Лавелэ написалъ свою книжку съ цѣлью предупредить во Франціи новое повтореніе старой исторіи: возвращеніе прежняго цезаря или утвержденіе новаго. Вооруженный опытомъ новѣйшей государственной науки, онъ весьма дѣльно доказываетъ тщетность споровъ изъ-за

перваго мѣста въ странѣ. Главное вниманіе слѣдуетъ обратить на упроченіе и обезпеченіе свободы въ странѣ, а не той или другой государственной фирмы. Лавелэ не церемонится съ республиканскими рутинерами и прямо порицаетъ всю ихъ политику, которая состоитъ въ слѣдующемъ: „Овладѣть властью посредствомъ *coup de main* (внезапнаго захвата), провозгласить республику божественнаго права, организовать правительственныя силы такимъ образомъ, чтобы воля правителей республики не встрѣчала ни откуда сопротивленія, провести посредствомъ декрета все, что они считаютъ полезнымъ, уничтожить или довесть до безсилія всѣ мѣстныя власти, которыя могутъ оказать неповиновеніе, истребить, если понадобится, всѣхъ, кто сопротивляется учрежденію того, что они называютъ правосудіемъ, запретить враждебныя газеты, разогнать неблагонамѣренныя сходки, зажать ротъ отщепенцамъ, запереть въ тюрьму измѣнниковъ и приверженцевъ стараго порядка". (Стр. 96, 97). Благодаря столь диктаторской программѣ, республиканцы-рутинеры относились всегда съ презрѣніемъ къ крестьянамъ и ожидали всего исключительно отъ городскихъ рабочихъ. Но между тѣмъ, примѣръ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что крестьянинъ способенъ охранять свободныя учрежденія съ гораздо большимъ рвеніемъ, чѣмъ городской рабочій. Наиболѣе опасными для этихъ республикъ пунктами считаются Женева и Нью-Йоркъ. „Городское населеніе — говоритъ Лавелэ — только революціонно, а революціонерный темпераментъ несовмѣстенъ съ свободными учрежденіями; онъ превосходенъ для низверженія монархіи, но негоденъ для основанія республики. Крестьяне, напротивъ, консерваторы по инстинкту, но республиканцы въ своихъ нравахъ. Съумѣйте привлечь ихъ къ республикѣ, и она упрочится окончательно". (Стр. 104).

Для нынѣшней Франціи Лавелэ желалъ бы упроченія республики какъ въ интересахъ самой Франціи, такъ и въ интересахъ всего цивилизованнаго міра. Онъ понимаетъ, что обстоятельства весьма благопріятствуютъ республикѣ, и опасается только, что ее погубятъ вышеупомянутые рутинеры, къ которымъ охотно пристанутъ приверженцы коммуны 1871-го года; нѣкоторые главные дѣятели послѣдней, какъ секретарь Бакунина, Ришаръ, и членъ „Интернаціонала" Бастелика, уже признаны агентами новой бонапартистской интриги. Погубить республику Тьера, впрочемъ, не трудно, такъ какъ всѣ обстоятельства благопріятныя ей отрицательнаго свойства, а всѣ положительныя силы ея прочности, то-есть — гарантіи свободы и равноправности остаются пока организованными на старый, цезарскій ладъ: вмѣсто бонапартовскаго цезаризма господствуетъ цезаризмъ Національнаго Собранія, ничѣмъ не ограниченный. Только въ новомъ законѣ о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ нѣсколько ограничена административная опека надъ главною школою свободы: мѣстнымъ самоуправленіемъ. Но кромѣ

централизаціи, этого страшнѣйшаго врага свободныхъ учрежденій — во Франціи есть еще нѣсколько крупныхъ препятствій для упроченія республики, какъ свободной системы правленія: постоянная армія, зависимость суда отъ администраціи и вражда партій. Отрицательныя достоинства республики заключаются, по мнѣнію Лавелэ, въ томъ, что она является образомъ правленія, который могли бы принять всѣ, такъ какъ въ немъ всего менѣе элементовъ возбуждающихъ взаимную вражду. „Всякая монархія во Франціи—говоритъ нашъ авторъ—имѣетъ противъ себя всѣхъ республиканцевъ и никогда неудастся достигнуть того, чтобы эта партія перестала быть могущественною и грозною, агитирующею передъ лицомъ дремлющихъ консерваторовъ и замѣщающею свою слабость въ численности смѣлостью ея предпріятій и постоянствомъ своей пропаганды". Причинъ республиканскаго обаянія во Франціи много. Во-первыхъ,классическое воспитаніе юношества въ поклоненіи передъ республиками Греціи и Италіи и великою французскою революціей. Во-вторыхъ, королевская власть, какъ напоминающая феодальные порядки, ненавистна крестьянамъ, а императорскій цезаризмъ возмущаетъ всѣ образованные классы. Далѣе, существуетъ во Франціи ходячее мнѣніе, поддерживаемое блестящимъ примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, что и въ Европѣ прогрессъ демократіи необходимо долженъ придти къ возстановленію повсюду республики. Всѣ эти вліянія, вмѣстѣ взятыя, и безпрестанные династическіе споры между самими монархистами приводятъ французовъ къ ослабленію вѣры въ прочность монархической реставраціи,—къ чему же создавать непрочное, не лучше ли бы консерваторамъ — совѣтуетъ Лавелэ—самимъ присоединиться къ республикѣ и затѣмъ уже дружно создать и упрочить во Франціи свободу". (Стр. 87). Но французскіе монархисты всѣхъ оттѣнковъ думаютъ, кажется, иначе, и именно потому, что они хлопочутъ о возстановленіи не конституціонной монархіи, которую имѣетъ въ виду Лавелэ всякій разъ, когда пускается въ сравненіе монархіи съ республикою, а монархіи quasi-конституціонной, то-есть, диктатуры одного слоя общества надъ другимъ.

Въ интересахъ обще-европейскаго мира упроченіе республики во Франціи имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ только она одна можетъ сдерживать желаніе „реванша", которымъ одушевлены пока всѣ французы. Въ монархіи, оппозиція республиканская и династическая, подымая постоянно крикъ объ „отмщеніи" въ видахъ низверженія царствующей династіи, побудитъ послѣднюю организовать всю страну для цѣлей новой войны съ Германіей, и такимъ образомъ необходимо приведеніе Франціи къ повторенію опасной политики 1870-го года. Понятно, въ какомъ невыгодномъ положеніи будутъ находиться всѣ государства въ Европѣ, въ продолженіи всего этого періода подготовленія Франціи къ новой войнѣ: имъ придется опасаться, съ одной стороны—

новаго взрыва революціонныхъ страстей во Франціи, а съ другой — страшной войны, которая можетъ увлечь въ себя всю Европу.

Во внутреннихъ дѣлахъ, для развитія и упроченія свободныхъ учрежденій, Лавелэ отдаетъ предпочтеніе республикѣ передъ конституціонной монархіей въ дѣлѣ подавленія возстаній (подавленіе рабовладѣльческихъ штатовъ въ сѣверной Америкѣ, іюньскіе дни 1848-го года, побѣда надъ коммуною 1871), въ упроченіи равенства гражданъ и простоты нравовъ. Но конституціонная монархія сильнѣе ограничиваетъ исполнительную власть (т.-е. перваго министра или президента), и сама исполнительная власть находится тамъ въ наиболѣе способныхъ рукахъ; въ конституціонной монархіи возможна послѣдовательность въ государственной политикѣ, а въ республикѣ невозможна.

Всѣ преимущества республики и монархіи другъ передъ другомъ выведены Лавелэ изъ исторіи и нынѣшняго состоянія государственнаго правленія Соединенныхъ Штатовъ и Англіи, этихъ реальныхъ представителей обоихъ началъ. Само собою разумѣется, что на основаніи опыта этихъ двухъ странъ можно опредѣлять преимущества и недостатки республики и конституціонной монархіи въ примѣненіи къ нынѣшней Франціи, но изъ этихъ преимуществъ и недостатковъ нельзя еще составлять общей теоріи республиканскаго и монархическаго начала не только потому, что опытъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ не исчерпываетъ всего, что даетъ вообще историческій опытъ въ этомъ отношеніи, но также потому, что какъ въ Англіи конституціонная монархія, такъ въ Соединенныхъ Штатахъ республика еще далеко не сказали своего послѣдняго слова. Уже въ настоящее время мы имѣемъ въ Англіи агитацію противъ палаты лордовъ, одной изъ основы британской конституціи, а въ Америкѣ поднята агитація въ пользу уничтоженія президентской должности, въ которой многіе видятъ „остатки монархическаго начала“. Съ этою оговоркою относительно теоретической стороны проводимаго у Лавелэ сравненія республиканскаго начала съ монархическимъ, мы указываемъ на сочиненіе Лавелэ всѣмъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ практическими выводами политическаго свойства изъ государственной жизни странъ, въ которыхъ прочно установилась политическая свобода.

НЕКРОЛОГЪ.

Борисъ Исаковичъ Утинъ.

Есть люди, которые въ своей жизни такъ постоянно и неуклонно воплощали идею добраго, справедливаго, честнаго, что, кажется, съ ихъ смертью, не только стало около насъ однимъ человѣкомъ меньше, но какъ будто вмѣстѣ съ ними уменьшилось, въ кругу знавшихъ и почитавшихъ ихъ, доля добраго, справедливаго на землѣ,—и невольно возмущаешься такою смертью! Но особенно тягостно, когда жертва поражается смертью въ расплохъ и преждевременно, въ такую пору, когда человѣкъ только-что достигъ самой вершины жизни, оставивъ за собою длинный рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ испытаній, мучительной борьбы, и вступилъ какъ бы въ новый періодъ существованія, съ огромнымъ запасомъ отвоеванныхъ имъ силъ нравственныхъ и умственныхъ; и въ такую пору намъ приходится, и притомъ внезапно, замѣнить живую вѣру въ человѣка, живую любовь къ нему — однимъ подавляющимъ, горькимъ воспоминаніемъ о невозвратимой утратѣ. Мы говоримъ такъ по поводу кончины Бориса Исаковича, и говоримъ вовсе не по внушенію нашей продолжительной личной дружбы, которая доставила намъ выгоду ближе другихъ познакомиться съ его нравственными качествами и чаще другихъ пользоваться результатами этихъ качествъ. Покойный былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной дѣятельности; его знали и въ наукѣ, и въ профессурѣ, и по его непосредственному участію въ судебной реформѣ, и въ судѣ, наконецъ, въ литературныхъ кружкахъ, и вездѣ его искренне любили многіе, а за его солидныя, обширныя познанія, за прямоту характера и честность убѣжденій, соединенную съ постоянствомъ, его уважали и почитали всѣ;— о немъ въ этомъ отношеніи было только одно мнѣніе, и у друзей покойнаго, и у людей противнаго съ нимъ образа мыслей.

Жизнь такого человѣка, рѣдкаго вообще, и особенно рѣдкаго у насъ, гдѣ отъ бездѣлья и отъ полуобразованности накопилось такъ много взаимной ненависти и злобы, что трудно соединить на одномъ доброе мнѣніе всѣхъ,—весьма назидательна и любопытна, такъ какъ въ подробностяхъ этой жизни высказывается ясно и оборотная сторона медали нашей общественной исторіи. Наше недавнее прошедшее вовсе было не таково, чтобы содѣйствовать развитію нравственной личности человѣка; напротивъ, такое развитіе встрѣчало на своемъ пути тяжелыя препятствія, которыя преодолѣвались, при слабости воли, съ боль-

шимъ ущербомъ въ другихъ отношеніяхъ и часто не безъ катастрофы. И въ этомъ отношеніи жизнь покойнаго обращаетъ на себя вниманіе каждаго мыслящаго человѣка: Б. И., въ своей самой ранней юности потерпѣлъ много, и только личная сила его воли и страстная любовь къ наукѣ не допустили его до того озлобленія, за которымъ слѣдуетъ обыкновенно рядъ уже настоящихъ и непоправимыхъ ошибокъ.

Покойный родился въ 1832-мъ году и получилъ свое общее образованіе въ одномъ изъ лучшихъ тогда среднеучебныхъ заведеній, въ Петропавловской школѣ. Оттуда онъ вынесъ то солидное нѣмецко-классическое образованіе, которое къ сожалѣнію имѣетъ такъ мало общаго съ русско-классическимъ образованіемъ, и которому онъ былъ обязанъ впослѣдствіи своею подготовленностью къ научнымъ занятіямъ вообще и къ изученію юриспруденціи въ частности. Тамъ же онъ основательно изучилъ новѣйшіе языки—этотъ главный путь къ ознакомленію съ идеями новаго міра; нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и впослѣдствіи писалъ на немъ свои первые научные труды (въ дерптскомъ университетѣ). Въ 1848-мъ году, онъ долженъ былъ поступить въ С.-Петербургскій университетъ; ему тогда едва исполнилось шестнадцать лѣтъ. Но вмѣсто того онъ попалъ къ Петропавловскую крѣпость! Все это „дѣла давно минувшихъ дней", и теперь, въ наше время, умолчаніе о чемъ-нибудь подобномъ могло бы быть только оскорбительнымъ для нашего времени. Вина юнаго quasi-преступника, стоявшаго тогда почти на границѣ дѣтства съ юностью, состояла въ томъ, что приготовлявшій его къ пріемному экзамену въ университетъ студентъ Т. былъ замѣшанъ въ такъ-называемую исторію Петрашевскаго [1]). Юноша, почти ребенокъ, просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ крѣпости, когда наконецъ совершенно убѣдились въ его невинности и выпустили на свободу, дозволивъ даже поступить въ университетъ, но не столичный, что, впрочемъ, случайно послужило въ пользу покойному. Серьезный характеръ и любовь къ наукѣ спасли Б. И. отъ напраснаго раздраженія, губящаго столь многихъ; вліяніе же заключенія на него ограничилось одною сосредоточенностью, задумчивостью и внѣшнимъ угрюмымъ видомъ, который плохо гармонировалъ съ прирожденнымъ ему добродушіемъ и душев-

[1]) Ближайшимъ же поводомъ къ аресту В. И. Утина, какъ мы слышали, было слѣдующее обстоятельство. Т. ни въ чемъ не сознавался и ни на кого не указывалъ, и потому была употреблена извѣстная стратагема, а именно, ему объявили, что онъ оправданъ и можетъ идти домой, а между тѣмъ, за нимъ слѣдили, къ кому онъ пойдетъ. Не имѣя пристанища въ первую минуту, онъ вспомнилъ случайно о своемъ ученикѣ и зашелъ къ нему, къ первому. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, Б. И. былъ немедленно взятъ; но прошло слишкомъ много времени, прежде нежели разувѣрились въ его виновности.

ною теплотою; все это было, очевидно, привитое и съ каждымъ годомъ ослабѣвало въ немъ.

Годы студентства Б. И. прошли въ Дерптѣ весьма замѣченными: онъ былъ два раза удостоенъ золотой медали; извѣстный проф. Жиряевъ поощрялъ и поддерживалъ въ немъ любовь къ наукѣ, цѣня его, какъ солидную силу, и покойный, ища всегда опоры въ одномъ себѣ и въ своемъ трудѣ, рѣшился посвятить себя ученой карьерѣ, которая давала хотя скромное, но независимое существованіе, и вмѣстѣ соотвѣтствовала вполнѣ его личнымъ наклонностямъ. Окончивъ курсъ въ 1854 г., Б. И. рѣшился держать экзаменъ на дальнѣйшія ученыя степени, и въ 1857 г. получилъ степень магистра правъ; его магистерская диссертація, подъ заглавіемъ: „Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Rechte, seit dem XVII Jahrhundert“. Dorpat, 1857 (Объ оскорбленіи чести по русскому праву, начиная съ XVII вѣка), обратила на себя вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, и на нее ссылались иностранные юристы.

Для законченности своего образованія знакомствомъ съ западными университетами и съ западною жизнью, Б. И. предпринялъ заграничное путешествіе, съ 1857 до половины 1859 года. Съ этихъ поръ начинается наше личное знакомство съ покойнымъ; въ зимній семестръ 1857—58 г. мы вмѣстѣ слушали лекціи въ берлинскомъ университетѣ, и потомъ ѣздили вмѣстѣ по Германіи, встрѣчались въ Парижѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Англію, которая особенно интересовала его, такъ какъ у него еще тогда составился планъ обширной работы, мысль о которой преслѣдовала его всю жизнь, а именно, изслѣдовать источники англійской конституціи. Его библіотека до послѣдняго времени не пропускала ничего новаго, что сколько-нибудь относилось къ той темѣ, и онъ какъ будто ждалъ освобожденія отъ труда необходимаго, чтобы имѣть право предаться излюбленному труду. Видно было, что онъ находился уже недалеко отъ пристани: когда докторъ ему совѣтовалъ теперь поѣхать за границу на болѣе продолжительное время и не возвращаться на зиму, онъ ему отвѣчалъ: „Нѣтъ! я вернусь непремѣнно въ сентябрѣ, устрою свои дѣла (подъ этимъ онъ разумѣлъ: выйду въ отставку), и тогда, быть можетъ, поѣду на зиму за-границу“. Итакъ, этотъ сентябрь, очевидно, рисовался ему берегомъ его новой жизни, что́ при его нетребовательности и крайне умѣренной жизни, въ самомъ дѣлѣ было возможно.

По окончаніи путешествія, Б. И. получилъ предложеніе занять новую каѳедру сравнительной исторіи законодательства въ петербургскомъ университетѣ, и въ самомъ началѣ 1860 года началъ свои лекціи. Здѣсь мы встрѣтились съ нимъ вторично, какъ старые пріятели, вмѣстѣ трудились два года, и вмѣстѣ съ другими вышли въ от-

ставку, въ концѣ 1861 года. Чтó тутъ не было никакой систематической оппозиціи, какъ говорили тогда, это видно всего лучше на Б. И.: оставивъ университетъ потому, что тамъ тогда нельзя было служить, онъ тотчасъ же принялъ каѳедру государственнаго права въ училищѣ Правовѣдѣнія, и именно потому, что тамъ можно было служить, а главное, онъ никакъ не хотѣлъ совсѣмъ разстаться съ своей любимой профессіей. Остававшееся затѣмъ свободное время онъ отдалъ практикѣ, поступивъ на службу въ государственную канцелярію. Его влекла туда, впрочемъ, не чиновническая служба и не исканіе карьеры, а возможность примѣнить свои обширныя юридическія свѣдѣнія къ возникавшему тогда дѣлу судебной реформы. Статьи, помѣщенныя имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и потомъ въ „Современникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, рекомендовали его весьма выгодно, и онъ былъ назначенъ въ декабрѣ 1862 г. членомъ-редакторомъ въ коммиссіи для участія въ составленіи проектовъ судебныхъ уставовъ. По введеніи реформы, Б. И. вскорѣ оставилъ государственную канцелярію съ тѣмъ, чтобы вступить въ новое судейское сословіе, которое, послѣ профессорскаго, представляло болѣе сродный ему идеалъ дѣятельности: онъ былъ послѣдовательно членомъ петербургскаго окружнаго суда и въ послѣднее время—судебной палаты.

Какъ ни незамѣтна обыкновенно личная роль члена вообще коллегіальнаго, и въ особенности судебнаго учрежденія, но, по свидѣтельству ближайшихъ сослуживцевъ, Б. И. очень скоро пріобрѣлъ себѣ въ окружномъ судѣ ту прочную репутацію, которую онъ вполнѣ заслужилъ. Пробывъ болѣе года въ гражданскомъ отдѣленіи суда, онъ затѣмъ перешелъ въ уголовное отдѣленіе, гдѣ нерѣдко предсѣдательствовалъ, одинаково обнаруживая вѣрное пониманіе дѣла, близкое знакомство съ дѣйствующимъ законодательствомъ и безусловное беспристрастіе и справедливость. Мнѣніе, которое составили о Б. И. въ окружномъ судѣ его товарищи, всего лучше обнаруживаетъ тотъ фактъ, что когда въ ноябрѣ 1869 г. былъ полученъ указъ сената о производствѣ дознанія по безпорядкамъ, обнаружившимся въ мировомъ судѣ царскосельскаго округа, — то общее собраніе отдѣленій окружнаго суда единогласно просило Б. И. принять на себя производство дознанія по этому дѣлу, требовавшему человѣка одинаково строгаго и къ другимъ, и къ самому себѣ, а именно этимъ качествомъ покойный отличался въ высшей степени. Тутъ нужно было не щадить другихъ, но не щадить и себя, чтобы распутать дѣло и добиться истины. Мы увидимъ, что именно это дознаніе въ Царскомъ-Селѣ и положило начало той болѣзни, которая теперь свела Б. И. въ могилу.

Во все время своей профессуры, своего участія въ законодательныхъ работахъ, и во время судебной дѣятельности, Борисъ Исаковичъ не оставлялъ пера и посвящалъ свой досугъ литературному служенію, чтó мы такъ часто видимъ за-границей, даже на высотѣ

министерскихъ кресселъ, и что́, къ сожалѣнію, встрѣчается у насъ рѣдко. Печатая въ журналахъ свои этюды изъ исторіи англійской конституціи, онъ, вмѣстѣ съ К. К. Кавелинымъ, перевелъ съ нѣмецкаго сборникъ барона Гакстгаузена: „Конституціонное начало, его историческое развитіе и его взаимодѣйствіе съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ“ (Спб. 1866). Съ 1866 года Б. И. помѣщалъ свои критическія работы исключительно въ нашемъ журналѣ; такъ, у насъ были помѣщены его разборы книгъ: „Русское государственное право“, г. Андреевскаго (декабрь, 1866); „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и ген.-прокуроры“, г. Градовскаго (іюнь, 1867); „Царство закона“, герц. Аргайля (апр. 1868); кромѣ того, по поводу вновь выходившихъ книгъ, онъ давалъ намъ статьи, какъ-то: „Свѣтское законодательство и церковь съ XVII вѣка“ (іюль, 1868); „Спеціальное образованіе въ Россіи“ (май, 1869); „Источники крестьянской реформы“ (нояб., 1870); „Исправительныя колоніи“ (май, 1871). Его же перу принадлежитъ пространный анализъ извѣстной книги Лабулэ, котораго онъ лично зналъ и слушалъ его лекціи въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Политическая сатира во Франціи“ (фев. и апр. 1868). Послѣдняя его статья: „Изъ судебнаго міра“, въ нашемъ журналѣ была напечатана въ февралѣ текущаго года съ цѣлью защитить отъ нареканій нашу судебную реформу и доказать всю нелѣпость усилій нѣкоторыхъ органовъ поколебать основы судебной реформы на основаніи единичныхъ, искусственно подобранныхъ фактовъ. Но мы должны измѣрять участіе Б. И. въ нашемъ журналѣ не числомъ помѣщенныхъ статей и даже не однимъ ихъ качествомъ; намъ особенно дорого было его личное участіе вообще къ судьбѣ нашего журнала, его дружескіе совѣты и указанія, которыми мы такъ часто пользовались къ нравственной выгодѣ журнала, и въ этомъ отношеніи настоящая наша потеря весьма велика и весьма чувствительна.

И не мы одни такого мнѣнія о Б. И. Онъ посвящалъ не мало времени также на публицистику; результатомъ его публицистической дѣятельности было большое число руководящихъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Редакція этой газеты, указывая на такое участіе Б. И., выражаетъ одинаково сожалѣніе о своей настоящей потерѣ. Его статьи въ „Спб. Вѣд.“, хотя и не подписанныя, всегда было легко узнать, такъ рѣзко онѣ выдавались по вѣскости аргументаціи, большому аппарату свѣдѣній и научному характеру изложенія.

Послѣднимъ трудомъ покойнаго была брошюра, подъ заглавіемъ: „Объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ предъ частными лицами“ (Спб. 1872), оттиснутая изъ „Журнала гражданскаго и торговаго права“. Она вызвала на сцену пренебреженный, но весьма важный въ наше время общественный вопросъ, и подготовила путь къ его разрѣшенію. Въ настоящую минуту назначена, какъ мы слышали, коммиссія для рѣ-

шенія этого вопроса и введенія его въ практику. Безъ сомнѣнія, эта коммиссія не разъ вспомнитъ работу покойнаго и воспользуется ею.

Здоровье Б. И. поколебалось значительно впервые два года тому назадъ, когда, какъ мы уже говорили, окружный судъ назначилъ его зимою съ 1869 на 1870 годъ для производства дознанія въ Царскомъ-Селѣ. Его ежедневныя поѣздки въ холодныхъ вагонахъ во всякое время заключились сильною простудою и тифомъ, съ незначительнымъ, впрочемъ, оплотнѣніемъ легкаго. Больной отправился, весною 1870 года, въ Ниццу, и возвратился въ іюлѣ повидимому совершенно здоровымъ. Въ нынѣшнемъ году, не дальше какъ въ половинѣ апрѣля у него открылся кашель, не предвѣщавшій ничего опаснаго; но вскорѣ затѣмъ появились явные зловѣщіе признаки страданія легкихъ; заграничная поѣздка сдѣлалась необходимостью; положеніе больного ухудшалось по днямъ, и въ концѣ мая онъ отправился въ Берлинъ для совѣщанія съ извѣстнымъ д-ромъ Траубе. Кромѣ брата, который долженъ былъ выѣхать вслѣдъ за больнымъ, больного взялъ на свое попеченіе его старинный университетскій другъ, докторъ А. И. Скребицкій, который и не оставлялъ его до послѣдней минуты съ рѣдкимъ самоотверженіемъ.

Траубе не нашелъ, къ общей радости родныхъ и друзей больного, смѣшанной впрочемъ съ невольнымъ изумленіемъ, никакого повреждѣнія легкихъ, и отправилъ потому паціента для пользованія однимъ климатомъ въ Швейцарію, въ Штахельбергеръ на возвышенности кантона Гларуса. Совѣтъ былъ исполненъ, но положеніе больного начало ухудшаться съ такою чудовищною быстротою, что А. И. Скребицкій едва имѣлъ возможность перевезти его обратно въ Цюрихъ, гдѣ можно было найти и хорошихъ врачей для консультаціи, между тѣмъ какъ въ Штахельбергерѣ не оказалось даже и аптеки. Всего 8 дней спустя послѣ одобрительнаго отзыва Траубе, въ Цюрихѣ одинъ изъ лучшихъ медиковъ г. Бирмеръ нашелъ уже состояніе легкихъ у Б. И. безнадежнымъ! 13 (25) іюня, въ шесть часовъ вечера, Б. И. скончался, на сороковомъ году своей вѣчно труженической жизни; его останки, перевезенные изъ Цюриха въ Петербургъ, преданы землѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилою нѣжно любимой имъ матери, которой онъ лишился два года тому назадъ, едва оправившись самъ отъ тифа...

Мы кончаемъ, съ увѣренностью, что многіе и весьма многіе, знавшіе лично покойнаго, скажутъ вмѣстѣ съ нами: со смертью Бориса Исаковича наше общество лишилось еще одного честнаго, благороднаго и безкорыстнаго дѣятеля, нравственный образъ котораго никогда не изгладится въ памяти его друзей.

М. С.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Шестое засѣданіе комитета 10-го апрѣля 1872-го г.

1) Выдано 30 руб. въ пособіе писателю, неимѣющему никакихъ средствъ къ существованію.

2) Выдано 25 р. въ пособіе вдовѣ писателя, находящейся въ крайности.

3) Выдано 50 р. въ пособіе вдовѣ писателя. Она крайне болѣзненна и воспитываетъ сына 8-ми лѣтъ, кромѣ 300 р. пенсіи за службу мужа средствъ къ жизни не имѣетъ.

4) Выдано 100 р. больному и обремененному семействомъ писателю.

5) Выдано 50 руб. писательницѣ, неимѣющей кромѣ незначительнаго гонорара за ея статьи, никакихъ средствъ къ жизни.

6) Выдано 40 р. въ пособіе писателю, разбитому параличемъ, для переѣзда на родину.

7) Принято къ свѣдѣнію заявленіе предсѣдателя, что, по его ходатайству, одному писателю предоставлено мѣсто въ общественномъ установленіи.

8) Отклонено ходатайство двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ общество выдаетъ пособія.

9) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя на леченіе больныхъ дѣтей ея.

10) Объявлена благодарность общества: а) М. С. Каханову за содѣйствіе комитету; б) Е. А. Лавровской, М. И. Раабъ, А. Н. Эсиповой, Л. Ауеру и Ѳ. О. Лешетицкому за безвозмездное участіе въ устроенномъ въ пользу Общества концертѣ; и в) магазинамъ Базунова, Бютнера, Іогансена и Черкесова, за продажу билетовъ на тотъ же концертъ.

Отчетъ казначея В. И. Утина за мартъ 1872-го года.

Къ 1-му марта состояло на лицо 54,778 р. 86 к.—Въ теченіе марта поступило 1,740 р. 79 к., въ томъ числѣ: отъ 51 члена Общества 970 руб., отъ П. П. Демидова 5000 р., по купонамъ 199 р. 32 коп., процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ 58 р. 47 к. и единовременно пожертвованные В. П. 13 руб.—Израсходовано 1,817 руб., въ томъ числѣ: пенсіи 5 лицамъ 292 р., единовременныя пособія 10 лицамъ 990 р., въ пособіе студентамъ харьковскаго университета 120 р., на воспитаніе одного лица 90 руб., ссуда одному лицу 300 р. и на похороны одного лица 25 р.—Къ 1-му апрѣля въ кассѣ 54,702 р. 65 к., въ томъ числѣ процентными бумагами 53,140 руб., на текущемъ счему 1,417 р. наличными 145 р. 65 к.

II. Отъ Комитета по учрежденію стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.

14 апрѣля сего года послѣдовало, по докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшее соизволеніе на открытіе во всей имперіи подписки на учрежденіе стипендій для приготовленія сельскихъ учителей въ память покойнаго статсъ-секретаря Милютина.

Вслѣдствіе сего, комитетъ долгомъ считаетъ объявить, что для сбора пожертвованій съ означенною цѣлью сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Открыта подписка въ редакціи „Вѣстника Европы" (Галерная улица, д. № 20) и въ конторѣ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости" (Невскій просп. книжный магазинъ Черкесова).

2) Открытъ пріемъ пожертвованій въ государственномъ банкѣ и всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ. Желающіе дѣлать взносы этимъ путемъ, вмѣстѣ съ представленіемъ денегъ въ Банкъ, его контору или отдѣленіе, заявляютъ, что они должны быть записаны на *текущій счетъ капитала стипендій въ память статсъ-секретаря Милютина.*

3) Независимо отъ того, нѣкоторымъ лицамъ выданы для сбора пожертвованій особыя книжки *съ означеніемъ лица, кому она выдана и за подписью одного изъ членовъ Комитета.*

О всѣхъ пожертвованіяхъ, а также и объ употребленіи собранныхъ денегъ, комитетъ будетъ доводить, посредствомъ газетъ, до всеобщаго свѣдѣнія.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Севастопольскій Сборникъ. — Рукописи о Севастопольской оборонѣ, собранныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. о Севастопольской оборонѣ Севастопольцами. Т. I. Спб. 1872. Стр. 474. Ц. 2 р. 50 к. Всѣ три тома—4 руб.

Изъ памятниковъ нашимъ севастопольцамъ, настоящій сборникъ, какъ памятникъ литературный,—самый прочный, и, по словамъ поэта, aere perennius. Мы воспользуемся имъ, по окончаніи его, а теперь ограничимся указаніемъ, что августѣйшій Издатель положилъ въ основаніе изданія вполнѣ справедливую мысль, а именно, избрать «къ печати всѣ тѣ рукописи, которыя, кромѣ цѣнности матеріала, имѣютъ живой интересъ разсказа, освѣщающаго колоритомъ отдѣльные эпизоды или эпохи Севастопольской обороны». Въ настоящемъ изданіи мы встрѣчаемъ пока описанія дѣйствительныхъ доблестей нашего флота и арміи, при которыхъ не слѣдовало бы ожидать паденія Севастополя; въ послѣдующихъ томахъ мы, вѣроятно, встрѣтимъ рукописи и другого содержанія, которое объяснитъ намъ, почему Севастополь долженъ былъ пасть, несмотря на тѣ личныя доблести, и почему «для героевъ есть невозможное», хотя и было убѣжденіе у одного изъ знаменитыхъ защитниковъ, что «для черноморцевъ нѣтъ ничего невозможнаго»? Другое замѣчаніе сдѣлаемъ относительно ближайшей редакціи изданія, опытность и вниманіе которой не стояли на высотѣ своего призванія. Не говоримъ о томъ, что одному и тому же изданію дано три различныхъ названія, и кто переплететъ книгу, тотъ потеряетъ первыя два заглавія и останется при одномъ третьемъ; много опечатокъ, и онѣ не указаны; но хуже всего такія явленія, какъ наприм., имя майора 5-го калужскаго полка, автора одного изъ помѣщенныхъ «Воспоминаній», является на колонцъ-титулѣ то въ формѣ *Лагушинскаго*, то *Латинскаго*, и такая перемѣна повторяется раза три, четыре. Какое-же было его настоящее имя? Это непростительно, тѣмъ болѣе, что редакторъ, избавленный августѣйшимъ Издателемъ вовсе отъ труда выборки матеріаловъ, могъ бы внимательнѣе отнестись къ техникѣ такого дѣла, которое должно быть «вѣковѣчнѣе мѣди».

Предшественники Шекспира.—Эпизодъ изъ исторіи англійской драмы въ эпоху Елисаветы. Соч. *Н. Стороженка*. Т. I. Лилли и Марло. Спб. 1872. Стр. 293 и 72. Ц. 2 р.

Нѣтъ сомнѣнія, настоящій трудъ г. Стороженка займетъ весьма почетное мѣсто въ нашей современной литературѣ, какъ образцовое критическое изслѣдованіе, помимо интереса, представляемаго самимъ предметомъ изслѣдованія. Наши читатели, вѣроятно, замѣтили одинъ изъ предварительныхъ этюдовъ, который авторъ предпослалъ нынѣ явившемуся труду въ нашемъ журналѣ, года два тому назадъ, подъ заглавіемъ: «Шекспировская критика въ Германіи». Тамъ уже было видно, съ какимъ аппаратомъ свѣдѣній и подготовкою приближался молодой ученый къ задуманному имъ обширному изслѣдованію важнѣйшаго момента англійской драмы, наканунѣ Шекспира, для исторіи которой Колльеръ ограничился однимъ собраніемъ въ одно цѣлое, правда, громадныхъ матеріаловъ, а Ульрици и Гервинусъ хотя и проложили первую дорогу къ критической разработкѣ тѣхъ матеріаловъ, но еще оставили много мѣста для новыхъ изслѣдованій. Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ авторъ слѣдитъ за развитіемъ англійской драмы, какъ оно совершалось, такъ сказать, подъ спудомъ исторіи, въ средніе вѣка, до того момента, когда въ XVI-мъ вѣкѣ она вышла наружу въ художественной формѣ изъ-подъ руки Марло, ближайшаго предшественника Шекспира. Во второмъ томѣ онъ обѣщаетъ разработать второстепенныхъ драматурговъ, ставшихъ между Марло и Шекспиромъ. Обращаемъ особенное вниманіе на третью главу перваго тома, гдѣ авторъ мастерски очерчиваетъ состояніе театра при Елисаветѣ въ связи съ исторіею тогдашнихъ нравовъ и общимъ развитіемъ наукъ и литературы, и подъ гнетомъ ханжества и зародившейся тогда театральной цензуры, не щадившей впослѣдствіи и самого Шекспира. Приведя свой трудъ къ окончанію, авторъ окажетъ большую услугу нашей эпохѣ, давно уклонившейся съ пути трезвой, научной критики и пробавляющейся одними великими тенденціями при крошечныхъ наличныхъ средствахъ.

Статистическія изслѣдованія санитарнаго состоянія С.-Петербурга. 1870-й годъ. Съ санитарной картой С.-Петербурга. Доктора *Ю. Гюбнера*. Спб. 1872. Стр. 175 съ таблицами.

Новое изданіе, открывающее собою рядъ ежегодныхъ подобныхъ изслѣдованій, заслуживаетъ полнаго вниманія публики, распространяя въ ней истинныя понятія о городскихъ нуждахъ не путемъ реторики, а короткими данными, выраженными въ цифрахъ, и располагая каждаго къ содѣйствію въ борьбѣ съ причинами искусственной смертности города. Особенно любопытна и наглядна санитарная карта, изъ которой мы узнаемъ, въ противность общему убѣжденію, что центръ города представляетъ наименьшую смертность (изъ 1000 около 20), которая увеличивается къ окраинамъ (изъ 1000 до 45). Итакъ, на окраинахъ хотя воздуха больше, но условія жизни обитателей и городское хозяйство—несравненно хуже, что совершенно понятно, если сравнить наши заботы о чистотѣ Невскаго проспекта съ заботами о чистотѣ, напр., многовоздушной Коломны. Начало этого труда было напечатано въ «Арх. суд. мед. и общ. гиг.». 1871, № 4, а окончаніе явилось въ первомъ томѣ Сборника Медицинскаго Департамента, 1872.

Сборники литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому. Состав. *И. Тихоміровъ*. Спб. 1872. Стр. 352. Ц 1 р.

Подобнаго рода сборники къ юбилеямъ имѣютъ по большей части и значеніе и судьбу пасхальныхъ лицъ. Не многіе изъ нихъ переживаютъ день своего появленія въ печати и очевидно разсчитываютъ на временное настроеніе покупателей, и немногіе возвышаются надъ значеніемъ литературнаго винегрета, гдѣ, какъ въ настоящемъ, вы найдете рядомъ съ вдохновеніями Пушкина, въ обрывкахъ, и стихотворенія г-на Погодина, соединенныя вмѣстѣ въ одномъ особомъ отдѣлѣ «Искусственной (?) поэзіи о Петрѣ Великомъ». Польза подобныхъ сборниковъ развѣ та, что видишь наглядно, какъ литература наша о Петрѣ Великомъ—еще мала. Болѣе услуги оказалъ бы тотъ, кто составилъ бы толковый сборникъ указовъ и постановленій. Петра В.: такая работа имѣла бы интересъ и безъ юбилея.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДПИСКА НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

НА **1872**-ОЙ ГОДЪ

ЗА РАСХОДОМЪ ВСѢХЪ ПОЛНЫХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

ПРЕКРАЩЕНА.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. — «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для иногородныхъ подписчиковъ, книги сдаются въ Газетную Экспедицію въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно спосится съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, ред кція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.